

**Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»**

Е.Б. СТАРОВОЙТЕНКО

**ЛИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ, ЖИЗНИ, РЕФЛЕКСИИ:
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ
СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ**

2017

СОДЕРЖАНИЕ

1. ИДЕЯ «ЛИЧНОСТИ» В ЕВРОПЕЙСКОМ КУЛЬТУРОГЕНЕЗЕ

Статья Старовойтенко Е. Б. Культурно – психологические модели личности // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2007. № 1. С. 86-100.

Статья Старовойтенко Е. Б. Рефлексия личности в культуре // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2007. Т. 52. № 4. С. 209-219.

Глава книги Старовойтенко Е. Б. Самопознание и творчество индивидуальности в культуре // В кн.: Психология индивидуальности: новые модели и концепции / Науч. ред.: Е. Б. Старовойтенко, В.Д. Шадриков. М. : НОУ ВПО МПСИ, 2009. С. 147-196.

Статья Старовойтенко Е. Б. Культурное время личности // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2011. № 3. С. 62-75.

2. НОВАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ КАК «НАУКА ЛИЧНОСТИ»

Статья Петровский В. А., Старовойтенко Е. Б. Наука личности: четыре проекта общей персонологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 21-39.

Статья Старовойтенко Е. Б. Новая персонология – интегральная наука о личности // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2012. Т. 71. № 3. С. 59-71.

Статья Старовойтенко Е. Б. Парадигма жизни в персонологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 1. С. 3-18.

Статья Старовойтенко Е. Б. Герменевтика личности как метод современной персонологии // Психология личности. 2015. № 1. С. 32-42.

Статья Старовойтенко Е. Б. Герменевтика гендерных свойств личности // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2014. Т. 80. № 4. С. 68-83.

Статья Исаева А. Н., Старовойтенко Е. Б. Метод кино-кейсов в преподавании современной персонологии // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2016. № 4. С. 177-189.

3. ПОТЕНЦИАЛЫ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ С ПОЗИЦИЙ ПЕРСОНОЛОГИИ ЖИЗНИ И КУЛЬТУРЫ

Статья Старовойтенко Е. Б. Сознательно-бессознательные представления личности в измерении "возможностей" // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2016. Т. 86. № 2. С. 123-137.

Статья Старовойтенко Е. Б. Впечатление: память и воссоздание жизни // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2015. Т. 82. № 2. С. 130-145.

Статья Старовойтенко Е. Б. Развитие мысли как проблема культурной психологии личности // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2012. № 2. С. 91-105.

Статья Старовойтенко Е. Б. Мыслительные установки творческой личности в культурной динамике // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2009. Т. 57. № 1. С. 260-271.

Статья Старовойтенко Е. Б. Потенциал слова в индивидуальной жизни // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2008. № 2. С. 80-93.

Статья Осипова А. О., Старовойтенко Е. Б. Символ-слово в поиске решения жизненных проблем // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2014. Т. 78. № 2. С. 173-186.

4. ПСИХОЛОГИЯ ЖИЗНЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ

Глава книги Старовойтенко Е. Б. Модели жизненных отношений личности в контексте онто-психологии С.Л. Рубинштейна // В кн.: Сергей Леонидович Рубинштейн / Отв. ред.: К. А. Абульханова; науч. ред.: К. А. Абульханова. М. : РОССПЭН, 2010. С. 349-3

Статья Старовойтенко Е. Б. Культурные предпосылки типизации отношений личности // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2011. Т. 68. № 4. С. 119-133.

Статья Старовойтенко Е. Б., Исаева А. Н. Роль противоречий в жизни личности // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2010. № 2. С. 230-241.

Статья Старовойтенко Е. Б., Исаева А. Н. Модель анализа отношений личности на основе "принципа оппозиций" // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 741-762.

5. ОТНОШЕНИЕ ЛИЧНОСТИ К СЕБЕ

Статья Старовойтенко Е. Б. Персонология отношения к себе: культурная трансспектива // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2010. № 4. С. 13-25.

Статья Старовойтенко Е. Б. Модели развития индивидуального отношения к себе // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2011. № 1. С. 55-69.

6. ОТНОШЕНИЕ Я – ДРУГОЙ

Статья Старовойтенко Е. Б. Достижение себя в отношении к Другому // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2013. Т. 74. № 2. С. 71-85.

Статья Старовойтенко Е. Б. Возможности Я в диалоге с Другим // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2013. Т. 76. № 4. С. 189-203.

Статья Старовойтенко Е. Б. Возможности Я в отношении к Другому: герменевтика и рефлексия // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 4. С. 121-142.

От автора

В данном сборнике представлена серия статей, объединенных идеей о возможностях развития личности, заключенных в культуре и культурном творчестве, в активном проживании жизни и искусной рефлексии. В контексте психологии личности обосновываются возможности, открывшиеся современному человеку, благодаря европейскому культурогенезу. Моделируется генез знания о личности, приобретенного в опытах гуманитарного познания и самопознания творцов культуры со времен античности до наших дней. Подчеркивается актуальность познания личности на основе синтеза представлений, сложившихся в художественной культуре, в фундаментальном философском и психологическом поиске, в практике рефлексии и индивидуальной консультативно-психотерапевтической работе психолога. Такой синтез определяется как основной методологический принцип ведения психологических исследований личности в формате «новой персонологии». В общем культурогенезе «личности» акцентируется становление психологии жизни или, в авторском понимании, «персонологии жизни». Предлагается система моделей персонологии жизни, раскрывающих возможности различных пространств и способов жизни личности, возможности времени жизни и возможности ее психофункциональной организации, возможности жизненных отношений личности и возможности жизненных ситуаций, проживаемых как «события причастности». В развитие «персонологии Я» строятся модели возможностей Я в отношении к себе и в отношении к Другому. Сквозными методами исследований, отраженных в статьях, являются методы герменевтики, моделирования и рефлексии. Демонстрируется, как та или иная модель личности «работает» в различных исследованиях, при

решении конкретных исследовательских задач. Автор, а также его соавторы, надеются на внимание и интерес читателей к новым психологическим подходам, ориентированным на «личность» в качестве предмета и адресата, субъекта познания и самопознания. Автор благодарит Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» за гранты, выделенные для поддержки ее исследований, а также коллективы журналов «Психология. Журнал Высшей школы экономики» и «Мир психологии» за предоставленную возможность в течение ряда лет освещать результаты ее работы.

Старовойтенко Елена Борисовна,
доктор психологических наук,
профессор, заведующая кафедрой
психологии личности НИУ ВШЭ

1. ИДЕЯ «ЛИЧНОСТИ» В ЕВРОПЕЙСКОМ КУЛЬТУРОГЕНЕЗЕ

КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ЛИЧНОСТИ

Старовойтенко Е. Б. Культурно – психологические модели личности // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2007. № 1. С. 86-100.

В духе многообразия современного мира, человеческого сознания и культуры, психология личности приобрела множество направлений, концептуальных форм и методов. При их обобщении можно выделить ряд ведущих парадигм, в которых развивается современное психологическое знание о личности: природная, социальная, феноменологическая, глубинная, субъектная, «жизненная». Полагаем, что этот великолепный ряд должен быть дополнен **культурной парадигмой**, указывающей на область явлений, которые в исследованиях личности часто остаются вторичными или имплицитными. Ее разработка должна осуществляться с акцентом на мало изученные связи личность - культура, а также основываться на единстве с другими парадигмами, в частности, **субъектной**. Проблема «личность-субъект и культура», оказываясь на волне научного поиска неизвестных творческих потенциалов человека, намечает перспективу множества психологических инноваций.

На наш взгляд, для выделения культурного среза психологии личности сложились благоприятные эпистемологические **предпосылки**, состоящие в распространенном понимании культуры как сферы порождения ценностей и смыслов, в том числе, личностных, в самоопределении психологии как гуманитарной науки, в обновлении способов психологического мышления за счет помещения индивида в фокус онто-психологического, психосоциального и психокультурного изучения, во взаимном проникновении разных типов знания о личности и в расширении информационного обмена исследователей, принадлежащих к различным культурам.

Современная психология личности постепенно становится важнейшей частью единого пространства, включающего философию, историю, социологию, культурологию, искусство. На проблеме личности концентрируется многоплановый поисковый опыт, сопоставляющий индивидуальные реалии с Бытием, Духом, обществом, Я и «другими». В контексте многих психологических исследований проводятся радиусы от реальной личности к универсальным величинам, придающим ей активность, подлинность и мощь. Психология личности все больше выступает местом притяжения и синтеза неизмеримого богатства культурных смыслов, призванных подчеркнуть значительность положения индивида в мире.

Издавна определение человека в качестве личности указывало на его соотношение с конкретной общностью. При растущем сближении наук о личности, социуме и культуре, бинарная оппозиция «личность – общность» позволит гибко решить ряд междисциплинарных задач: установить исторически определенные меры и уровни самостоятельности индивида в данном обществе; выявить способы личностного освоения и преобразования культурных форм социальной жизни; обнаружить различия, трансформации и взаимодействие типов культур, которые характеризуются или выраженным поглощением личного социальным, или самоотчуждением личности в общество, или экспансией личного в коллективное, или свободным принятием и соединением личности с другими людьми; исследовать личность в ее одновременной принадлежности многим культурам и многим культурным эпохам, как «атом культурной жизни», в котором, по мысли М. М. Бахтина, отражаются неисчислимы пересечения культур.

Из истории и культурологии в психологию проникает проблема развития «идеи личности» в эволюции разных культур, прежде всего тех, которые основаны на гуманитарных ценностях. Преломление и конкретизация в психологии теории культурогенеза «личности»

означает, с одной стороны, введение в историю и культурологию индивидуально-психологических содержаний, с другой стороны, перспективу создания культурно-психологических моделей личности, релевантных становлению определенных культурных общностей.

Интеграция психологии и наук о социокультурных процессах ведет к установлению новых концептуальных соотношений «индивидуальности», «личности» и «субъекта». Например, несомненный психологический интерес представляет следующая формулировка Л.М. Баткина: «Индивидуальность» утверждается через свободу самоформирования человека в обществе.... Взятая со стороны культурной, она состоит в смысловом общении человека с другими и с самим собой. То есть предстает в качестве «личности». (2; с. 47) Продолжая эту мысль, можно сказать, что «субъект» выступает ценностно-смысловой иницирующей основой деятельности, взаимоотношений с другими, самоотношения и самоформирования человека в культурном социуме, жизненно интегрирует его «личность» и «индивидуальность». При таком сведении базовых свойств человека, в любом психологическом исследовании личности можно гибко сочетать три момента. Во-первых, погружение в уникальный мир и жизнь индивида; во-вторых, раскрытие его внешних и внутренних, пространственных и временных соотношений с личными мирами других людей, в-третьих, ответственное определение масштаба жизненного самовыражения и продуктивности индивида в социокультурной сфере. «Субъектный» интеграл, выстроенный в координатах социума, культуры и «я», хорошо проясняет значение термина «**индивидуальная личность**», пришедший в психологию из философии и культурологии.

Традиционно применяемые в психологии глубинные, поведенческие, когнитивные, социальные критерии анализа, оценки и сравнительного изучения личности все чаще дополняются **культурными критериями**. Они позволяют раскрыть

универсальные, уникальные и специфические для определенного этноса или социума отношения личности к ценностям культуры, охватывающие разнообразные направления ее индивидуальной жизни и представленные в ее внутреннем мире. Это приобретение знаний и эстетическое развитие, этическая сопричастность и религиозный поиск, профессиональная деятельность и самопознание.. В число культурных критериев входят реализация личностью бессознательных культурных «первоначал» - архетипов, активное освоение ею традиций и новаций культуры, многомерные культурные идентификации, осознание себя уникальным субъектом культуры и культуротворчества, развитие качеств и способов жизни, имеющих культурное происхождение. «Культура – по выражению Э. Мунье – это не какая-то часть жизни личности, а ее глобальная функция... Для человека, который сам себя создает и развивает, все есть культура». (10; с. 535)

В системе психологических наук связь личности и культуры специально исследуется кросс-культурной психологией, культурной психологией, психологической антропологией. Как правило, «личность» выступает в них моделью усредненного носителя культуры, у которого изучаются общие культурно детерминированные особенности мотивации, когнитивных стилей, смысловых образований, Я-конструктов, установок и т. д., сопоставимые с аналогичными особенностями индивидов из других культур. При соотнесении личностного и культурного **доминирует феномен культуры**. Основное внимание уделяется объективной детерминации культурного становления сознания, проективных систем и поведения человека в ущерб субъектной, ценностно-смысловой самодетерминации.

В числе наук, развивающих культурно-психологическую тему, наиболее персоналистичными являются **культурная психология** и **психологическая антропология**, становление которых произошло, благодаря трудам Вундта, Джеймса, Юнга, Нойманна, Деверо, Спиро, Триандиса, Хофстеде и др (6; 12). Ряд выдвинутых ими

общих идей о связях культуры и личности можно представить следующим образом.

- В зависимости от типов носителей культуры (индивид, группа, социум и т. д.) существуют различные уровни культурного функционирования, культурной динамики и продуктивности. К одному из них относится личностный уровень функционирования культуры.
- Культуры существенно различаются своим отношением к личности: сравнительная ценность коллективного или индивидуального выступает в их определении на первый план.
- Культуре принадлежит ведущая роль в развитии «внешней» и «внутренней» личности индивидов. В мире и жизни культура и личность взаимозависимы, составляют друг друга.
- Понять ту или иную культуру можно, лишь изучая ее личностную форму, то есть, индивидов, находящихся в процессах культурного научения, активного освоения культуры и культурной деятельности. Исследование личности позволяет сделать выводы о том, какими психологическими средствами воссоздается и субъектно преобразуется определенная культура.
- Важнейшей характеристикой культуры является специфика ее персонализации в формах значений, смыслов, переживаний, мотивов, деятельностей и поступков. Обобщенные способы персонализации порождают культурные типы, модели и идеалы личности, то есть, культурно специфическую или «модальную» личность.
- В соотношении с модальной личностью, относящейся к определенной эпохе культурного процесса, культура является источником развития – детерминантой – внутренней образующей, то есть, выступает системой культурных переменных личности.
- Взаимопроникновение культуры и личности изучается в основном качественными методами, включая идеографический, биографический, феноменологический, метод анализа

уникальных случаев, метод изучения продуктов деятельности, метод глубинного интервью, метод психоанализа и т. д., хотя распространено применение и стандартизованных личностных методик.

Если же в контекстах культурной психологии и психологической антропологии ракурс рассмотрения сместить с «культуры» на «личность», получит развитие взгляд, удерживающий тему культуры в границах **психологии личности**.

Рассмотренные предпосылки говорят о своевременности применения культурного подхода к личности как единичному субъекту культуры и как индивидуальности. Речь идет об акцентах на культурные условия индивидуальной жизни, на индивидуальное преломление культуры в свойствах и активности личности, на субъективные вклады и влияния личности в мире культурных ценностей, а также на авторское развитие психологического знания о личности в конкретной культуре. Открывается путь к согласованному решению проблем «личность-в-культуре», «культура-в-личности», «личность-субъект культуры», «культура-о-личности», «культурное самопознание личности», то есть, путь к новому научному направлению – **культурной психологии личности**.

Культурное измерение в познании личностных реалий предполагает тонкое применение и синтез открытий, сделанных в психологии личности, философской антропологии, литературе, культурологии, социологии, филологии. Исследования в русле нового направления могут носить культурогенетический, онтогенетический, акмеологический характер, подчеркивать тип или индивидуальность личности в культуре, моделировать психические функции и способности как культурные производные, раскрывать условия духовной культурации и культурной активности личности, относиться к разряду методологических, теоретических или эмпирических. Высокий концептуальный уровень и прагматика культурной психологии личности зависят от присутствия в ее

моделях эвристических установок всех известных психологических наук о культуре.

Какие **исследовательские стратегии** могут составить компетенцию культурной психологии личности?

1. Моделирование поликультурного контекста индивидуальной жизни личности в определенном социуме.
2. Выделение в системе детерминации личности ведущих культурных факторов и изучение ее культурогенных психических свойств, качеств и отношений, определяющих индивидуальность.
3. Изучение внутренней и внешней деятельности личности в ее культурном происхождении, формах и направленности на производство ценностей.
4. Раскрытие «Я» личности в аспекте его культурной обусловленности и приобретения способности быть субъектом культурного творчества, диалога и рефлексии своей жизни-в-культуре.
5. Исследование индивидуального субъекта в интересующих культурных отношениях и в идентификациях с конкретными субъектами культуры.
6. Изучение индивидуальных культурных вкладов и влияний личности.
7. Исследование личности выдающихся субъектов культурного творчества, моделирование «творческой личности», релевантной определенной культуре.
8. Изучение опытов рефлексии (жизнеописаний, исповедей, текстов самопознания, автобиографий) выдающихся личностей, психологично раскрывающих их субъектную сущность и индивидуальность.
9. Изучение исторической динамики знания об индивидуальной личности в конкретной культуре. Определение роли авторских моделей в этой динамике. Выделение исторически «сквозных» идей и методов изучения личности.

10. Синтез в новых психологических моделях знаний об индивидуальной личности, поэтапно развивавшихся в определенной культуре.

11. Оценка и рассмотрение исторически становящейся психологии личности в качестве культурной ценности.

В своих исследованиях мы в основном придерживаемся четырех последних стратегий, делая акцент на воссоздание исторической динамики знания об индивидуальной личности-субъекте.

Если говорить о ценности психологии личности в том или ином обществе, то она возрастает в зависимости от общей личностной ориентации его культуры. В научной ретроспективе длительного исторического времени к личностно ориентированным в первую очередь относят **европейскую культуру**. С давних времен она признает большое общественное значение личного начала человека, является внутренним качеством, смыслом и формой организации самостоятельной жизни индивидов, проявляет свою личностную сущность, становясь европейской мерой отношения человека к самому себе.

Родившиеся в этой культуре психологические учения о личности способствовали формированию «гуманитарного европеизма», поддерживают общественный интерес к личности единичной и «соборной», к личности ординарной и личности выдающейся, к личности регрессивной и личности развивающейся, к личности как объекту научного познания и субъекту самопознания. Благодаря этим учениям, существует широкий круг мыслителей и профессионалов, компетентных в проблемах мотивации – черт – отношений – деятельности – творчества – поступков – сознания – бессознательного личности, характерных для европейской жизни. Утверждаются европейские каноны изучения и понимания телесной организации, пола, сексуальности, здоровья и болезни личности.

Перспективным конструктом культурной психологии личности может стать «**европейская личность**». Его смысл выходит далеко за пределы топологии и хронологии рождения, жизни и воспитания

индивида. В нем доминируют духовно-историческое наследие, ценности, типы интеллекта, способы жизнедеятельности и модели самопонимания человека, которые сформировались и интегрировались в культуре Европы, и которые индивид, независимо от национальности и страны проживания, использует как гибкие матрицы собственного бытия. Содержание конструкта создавалось в европейском сознании мыслью творцов, исключительно тонко и остро ощущавших свою индивидуальность и субъектность в мире. В умелом познании себя и талантливом самовыражении в текстах они находили и открывали людям их жизненные потенциалы, напряженные точки существования, внутренние и внешние условия свободы Я. Благодаря сформированной ими идее «личности», были широко отрефлексированы приемы «заботы о себе» и «культы личного в себе». В европейских обществах среди индивидов распространилось персональное сознание собственной уникальности и самооценности. Архетипически закрепились всеобщие стремления к самоуважению, самостоятельности и самореализации. Жизнь многих обогатилась интуицией временной и смысловой перспективы. Для большинства стало допустимым влияние философов, психологов, психотерапевтов и т. д. на внутренние аспекты частной жизни. Понятие «европейская личность» вбирает все существенные моменты персонализации культуры и может применяться и в качестве абстрактного построения, и в качестве характеристики реального индивида, и в качестве модели психологической поддержки человека в 21 веке, уже названном «веком личности».

Культурная психология личности уходит от статичного суммирования относительно завершенных исследований и теорий. Она мыслится подвижной системой исторически сложившихся и постоянно возобновляющихся на новых основах **сквозных идей** о личности, согласованных с содержаниями и ритмами общего историко-культурного процесса. Их эксплицированное и имплицитное целое интегрирует знание европейского человека о

самом себе, в том числе, как о носителе и субъекте культуры. Каждая из сквозных идей обладает потенциалом развертки в масштабную концепцию личности.

Отечественная психология личности равно открыта влияниям и традиций, и инноваций, укорененных в гуманитарном духе Европы. В русле ее культурного направления можно осуществить **культурно-психологическое моделирование** личности, по-новому раскрывающее традиции персонализма. Это моделирование может состоять в реконструкции и систематизации представлений о личности, принадлежащих мыслителям, критически полно выражающим дух определенной культурной эпохи. Модели могут выстраиваться в континуум, репрезентирующий историческую динамику «личностного знания». Моделирование должно осуществляться с позиций восстановления оригинальной архитектуры конкретно-исторических взглядов на личность и с позиций современной персонологии.

Для сведения «исторического» и «актуального» подходов необходимо наметить **методологические координаты**, которые на основе сравнения различных моделей, позволят восстановить целостный транспективный образ психологии личности в культурном контексте.

Для разработки методологических координат воспользуемся результатами философских и культурологических исследований (2; 5; 6; 10; 14; 18; 19; 20), наметивших итоговое понимание того, что значит для европейцев **«быть и сознавать себя индивидуальной личностью»**. В нем отразилась известная тенденция социокультурной динамики, обозначенная терминами «индивидуализм», «индивидуализация», которая противоречиво соотносится с другими историческими тенденциями – «коллективистской» и «традиционалистской».

Напомним, что издавна существующие коллективистские цивилизации главными мерами человеческого существования определяют родовые, групповые, общественные установления,

освященные религией. Общность обладает превосходством над своими членами, объединенными скорее бессознательно-чувственными, чем сознательными и рациональными связями. Каждый воспринимается не сам по себе, а в силу своей причастности к общему. Власть общности обеспечивается инициацией, общей легендарной историей, захватывающими сакральными обрядами и строгими социальными регламентами и санкциями поведения. Отдельный человек принимается и ценится всеми как проекция коллективного или «соборного». Он внутренне и внешне проникнут общим и не мыслит для себя иного, «внеобщественного», состояния. Телесные и душевные отличия индивидов друг от друга выглядят для общества и каждого его члена чем-то второстепенным. Коллективно воссоздается наиболее приемлемый для всех обобщенный образ человека, который присваивается индивидами в качестве «образца для подражания». Если индивид проявляет непохожесть и обособленность от других, это отбрасывает его на самый край общественной жизни. Самыми достойными и авторитетными членами социума выступают те, кто наиболее полно концентрирует в себе «образцового человека», общий интерес, коллективные представления, общественную волю и содержание группового бессознательного. Вожди, жрецы, монархи, философы, ученые и т. д. выделяются и возвышаются не в силу своей личной исключительности, которой безусловно обладают, а в силу предельного сродства с общностью, самоотрешения и способности к выражению глубинного духа коллектива. Высшей общественной ценностью выступает «Традиция» как единое знание внечеловеческого происхождения, имеющее эзотерические и конкретно-духовные (религия, философия, наука, искусство) формы, поддерживающие связь людей с Абсолютом. Традиция включает скрытую от человека тайну вхождения в «земной рай» и «золотой век».

Исторически поздние коллективистские общества допускают индивидуализацию духа и веры, инициативу, активность, личные

дарования и достижения рядовых членов, но оценивает их в зависимости от групповых, клановых и т. д. целей. Индивиды, предающие себя социуму, даже при полном «обобществлении» совершенного и созданного ими, не переживают самоотчуждения.

Длительное преобладание европейской коллективности к 18 веку приобрело сильную оппозицию в «индивидуализации», направившей желаний, чувства и мысль индивидов на себя, а общности – на «личное» ее конкретных членов. Она прошла сложное становление в качестве идеала, идейного настроения, способа поведения и рефлексивной способности личностей, став откликом на стремление множества людей к самоопределению и самоутверждению в мире. Личность постепенно открывала возможность и потенциал собственных внутренне обоснованных отношений к Абсолюту, к обществу, к другим, к себе. «Чем дальше мы в истории оглядываемся назад, тем более мы видим, как личность мало-помалу исчезает под покровом коллективности... То, что мы разумеем под «индивидуальностью», является сравнительно недавним завоеванием истории духа и культуры» (23; с.37).

Индивидуализация, в культурологических работах называемая «индивидуализмом», является объективным переходом конкретной личности с периферии общественной жизни в ее сердцевину, а также изменением субъективных жизненных позиций индивида в направлении осознанного повышения роли своего «я» и значимости внутренней свободы. По заключениям М. Фуко, под «индивидуализмом» в основном понимается три феномена: во-первых, позиция, наделяющая индивида в его неповторимости высокой ценностью и приписывающая ему относительную независимость от группы, во-вторых, повышенная оценка частной жизни, в-третьих, интенсивное отношение индивида к себе, внутренние связи с самим собой, восприятие себя как объекта своего познания, деятельности и улучшающих трансформаций (20; с. 50). Там, где индивидуализация не сводилась только к поиску личной независимости и превосходства, к жесткой конкурентной борьбе и

эгоизму, а основывалась на самосознании, самостоятельности и самоэффективности личности, индивидуализм приобретал **субъектную** основу, становился «высоким индивидуализмом» (2).

В целом, европейскую индивидуализацию, взятую со стороны личности-субъекта и ее самопознания, определили следующие моменты.

1. Мысленное выделение человеком своего телесно-психического «я» из общности, универсального или трансцендентного единства в качестве автономного существа.
2. Осознание человеком себя суверенной, неповторимой и незаменимой частью целого или «единственным» во множественном «тотальном».
3. Ценность состояния «быть наедине с собой», принятие одиночества, создание личного мира, осознание возможности собственного выбора и внутреннее принятие ответственности за него и его последствия.
4. Личное самопознание и рефлексивное несовпадение человека с самим собой, понимание неуловимости жизненного самопредстояния.
5. Отношение индивида к себе как главному основанию своих поступков и действий, субъективная локализация деятельного начала в себе самом.
6. Развитие способности индивида «быть субъектом» на основе жизненного потенциала активности, силы и целостности я-инстанции, деятельностного самовыражения, овладения своей жизнью, жизненной продуктивности и расширяющейся в мир внутренней интенции к творчеству.
7. Ментальное и действенное соотнесение себя с другими людьми, с отдельным «другим»; разделенное с ними существование («Я» – «другое Я», «Я» – «мы», «Я – другие во мне») индивид осознает восполнением себя.
8. При недостатке субъектной реализации во внешней деятельности, общественного признания и удовлетворенности

собой, индивида поддерживает глубинная связь с надличным, открывающая новые источники самостояния в мире.

Приведенные моменты, являясь одновременно содержаниями категории «индивидуальная личность», параметрами рефлексии и самооценки конкретных личностей, психологическими критериями уровня личностно достигнутой индивидуализации, конституировали долгую и далеко еще не завершенную **европейскую антропологическую эпоху.**

Динамику данной эпохи, кроме других возможных способов репрезентации, можно представить в виде **событий создания текстов**, авторами которых являются люди с ярко выраженным персональным началом. Это тексты рассказов о себе – исповедей, жизнеописаний и автобиографий (рефлексивные тексты), тексты философской антропологии, произведений литературной классики, лучших трудов по психологии и психопатологии. Просторную область культурных событий образуют произведения Марка Аврелия, Августина, Абеяра, Петрарки, Макиавелли, Шекспира, Руссо, Ницше, Кьеркегора, Хайдеггера, Шелера, Бубера, Бердяева, Достоевского, Пруста, Ясперса, Фрейда, К. Юнга, Сартра и других.

Европейская психология личности оформлялась внутри общего культурно-исторического процесса с присущей ему периодичностью, приобретая в каждом периоде определенные **концептуальные акценты.** Современная идея личности прошла становление в русле античной антропологии – раннехристианского персонализма – персонализма зрелого средневековья – индивидуализма Возрождения – гуманитарных и естественных наук Нового времени. Основные источники европейского персонализма заключены в учениях о творении, спасении, умственном прогрессе, нравственном восхождении, в феноменологии, в учениях о сознании и бессознательном, в диалектике отношений индивида и общества.

В глубине этих учений и их множественных интерпретаций имплицитно сформировались **культурно-исторические модели индивидуальной личности**, которые являются психологичными по

самой сущности своего объекта. Реконструкция указанных моделей как задача культурной психологии личности может осуществляться в соответствии с методологическими координатами, проступающими в приведенной выше обобщенной концепции индивидуализации европейского человека. Например, могут быть использованы методологические системы **«кодов»**, объединяющих, разделяющих и тонко дифференцирующих «личность» в культурогенезе.

В качестве такой системы можно предложить **код отношений** «личного» с **надличным** (абсолютным, божественным, трансцендентным), **внеличным** (коллективным, общественным), с собственным «я», с конкретным «другим», с **безличным** (стихийно-природным, массовым, бессознательным). Эти отношения отражены в исторически сквозных идеях о личности, обеспечивая преемственность ее культурно-психологических моделей. Одновременно они задают различия моделей как имеющих специфические отношения-доминанты и особенные содержательно-смысловые наполнения выраженных у личности отношений. В «личном» дифференцируются его разные **формы**, также характеризующие культурогенез идеи личности и приобретающие смысл «кодов». Это индивидуальные **сущность – существование (жизнь) – Я – бессознательное**.

Возможной системой кодов может выступить также связь конструкторов, определяющих сформировавшиеся к настоящему времени **бытийные установки** индивидов в европейских обществах, по критерию развития которых можно исследовать отдельную личность, личностные типы и общий личностный срез конкретного социума, взятого в конкретном времени, например, исследовать современную российскую личность (или категории личностей). К этим установкам относятся: **коллективизм** (тенденция к принадлежности и взаимозависимости в среде других); **индивидуализм** (тенденция к максимальной личной независимости); **персонализм** (тенденция к самоопределению и

личной автономии в отношениях с другими); **субъектность** (тенденция к высокой индивидуальной активности во взаимодействии с другими); **интерсубъектность** (ориентация на взаимную активность, диалог в отношениях с другими); **универсализм** (поиск и реализация всеобщих, сверхчеловеческих оснований индивидуального существования). Можно проследить, как различные композиции установок «прорастают» в культурно-психологические модели личности; можно заложить их континуум в ткань стратегии культурного подхода к реальной личности и в динамику психологической работы с ней.

Еще одним способом «кодового» моделирования личности в европейском культурогенезе может стать обнаружение в истории познания человека акцентов на **всеобщие – типологические – индивидуальные свойства**. Соответственно в качестве ведущего предмета моделирования могут быть избраны либо личностные универсалии (например, всечеловеческие психические функции, сознание и бессознательное, мотивационные константы и т. д.), либо личностные типы, либо уникальные индивидуальности.

При согласованном применении предлагаемых систем кодов можно достаточно полно реконструировать примерно следующий континуум культурно - психологических моделей личности: человек античного мифа и искусства; человек древних герметичных учений; античный философ; герои античной биографики; личность – автор исповеди; средневековые личностные типы; личность позднего средневековья – автор рассказа о себе; совершенный человек Ренессанса; «разнообразный человек» Ренессанса; ренессансный человек-Деятель; Гамлетовская личность; Фаустовская личность; личность в философии и психологии жизни; Выдающаяся личность; человек, теряющий «личное»; модели культурных потенциалов личности.

В данной работе приведен ряд реконструкций «личности», имеющих следующие характеристики. Во-первых, они осуществлены по материалам рефлексивных текстов и текстов о

ярких феноменах индивидуальности. Во-вторых, они относятся к определенному этапу развития европейской идеи «личности»: от исповеди мыслителя раннего средневековья к ренессансной диалектике личности, к литературному образу личности эпохи Просвещения, к современной теории выдающейся личности. В-третьих, они демонстрируют связи–доминанты личности с «абсолютным», своим «я», «общественным» и своей бессознательно-интуитивной жизнью. В-четвертых, это модели личности с сильным субъектным началом, то есть личности, обладающей хорошо развитым осознаваемым внутренним миром, утонченным самосознанием, а также способностями создать историю и общезначимый рассказ о себе и своей жизни, вскрывать и разрешать длительные жизненные противоречия, трансформировать самоотношение на основе свободного инициирования и осмысления поступков, наполнять жизнь «взрывающими реальность» и внутренне преобразующими действиями, изменять каноны, регулирующие отношения общества и личности в направлении приоритета «личностного», а в культурной сфере – «авторского».

Подчеркивая ценность авторского начала, мы придерживались содержания и стилистики самоисследований и персонологических открытий, принадлежащих Аврелию Августину, мыслителям и поэтам Возрождения, И.-В. Гете, К. Г. Юнгу и его школе. Избраны персоналии, в том или ином плане **критически** репрезентирующие субъектность личности: предпринявшие масштабный рефлексивный синтез жизненных коллизий и их одномоментное разрешение в выдающемся поступке (Августин); стремившиеся к воплощению и жизненному выражению множественности человеческих качеств, к безграничности личного в мире (Ренессансная личность); осуществлявшие самоформирование в непрерывном раскрытии своего неисчерпаемого потенциала или внутреннего «гения» (Фаустовская личность); творчески овладевавшие реальностью, реализовавшие себя в эксклюзивных продуктах, расширенных

влияниях и реформирующих общественных действиях (Выдающаяся личность).

Личность – автор исповеди

«Исповедь» Аврелия Августина (1) обнаружила напряженное противоречие персонализма раннего средневековья. С одной стороны, автором найдена непревзойденная практика работы с собственным «я». Показан зачаровывающий процесс погружения в свою душевную глубину, самораскрытия и самоизменения. «Я – есть» кажется исходной точкой размышлений Августина о человеке и мире. С другой стороны – каноничность исповедального текста, его соответствие общей религиозной тематике «жизни, отданной Богу», видение «я» в качестве «малой искры» всеобъемлющего света Божества, трансперсональная цель исповеди, состоящая в самоочищении от личного во имя того, чтобы «стать домом Бытия», стремление к соединению с «коллективным телом» верующих. Но при этой двойственности Исповедью намечается гибкое **соотношение личного, внеличного и надличного**, когда человек внутри общности, во взаимодействии с конкретными другими (матерью, другом, авторитетами и учителями) укрупняет себя в восхождении к Абсолюту. Отношение Я к Богу как ведущее отношение создается авторским уникальным текстом – **местом и средством самодетерминации**.

Текст «Исповеди» отражает уникальную динамику самопрояснения жизненных конфликтов, скрытая сила которых долгие годы вела Августина к зрелому осознанию смысла собственного существования. Выстроенная автором биографическая последовательность возникновения и усиления личных коллизий представляет собой великое персонологическое откровение. Личность здесь представлена в основном **внутренним Я** и тождественна ему в его жизненном поиске Встречи и Соединения.

Применяя прием сгущения личностных коллизий в «**паттерны оппозиций**», выраженных языком оригинального текста, представляем «Я», движущееся к событию разрешения кризиса,

собравшего к определенному моменту жизни множество индивидуальных противоречий, проживаемых в покаянии, трудно дающемся смирении и в воле к спасению.

Я предпочитал игры и зрелища, которые взрослые устраивают, соблазняя детей. ⇐⇒ Взрослые наказывали меня за это. ⇐⇒ Мне мучительны и непонятны были эти наказания.

Я был ленив в учении. ⇐⇒ Меня били учителя в школе. ⇐⇒ Родители одобряли этот обычай. ⇐⇒ А я, фактически, занимался тем же, чем наставник бивший меня. ⇐⇒ Меня мучили и наказания и несправедливость.

Я обманывал в игре и обманом добивался превосходства над другими людьми. ⇐⇒ Меня уличали и наказывали. ⇐⇒ Я свирепел и не уступал. ⇐⇒ Я стыдился, что делал то, за что часто бранил других.

Я совершил поступок, который был мне приятен своей запретностью. ⇐⇒ Я хотел быть свободным, занимаясь тем, что запрещено. ⇐⇒ Меня смущали «запутанные» извивы души, эта тяга к проступку.

Я любил и был любимым. ⇐⇒ Страсти увлекали меня. ⇐⇒ Я падал, и был горд этим. ⇐⇒ Родители не удерживали меня. ⇐⇒ Туман желаний помрачал мое сердце.

Я хотел стать выдающимся оратором и мечтал о форуме. ⇐⇒ Мое тщеславие тешилось тем, что я был лучшим в риторской школе. ⇐⇒ Я начинал понимать, что ораторский блеск – искусство лжи.

Я решил заняться Священным Писанием. ⇐⇒ Но я не мог мириться с его простотой. ⇐⇒ Мое остроумие не проникало в его сердцевину. ⇐⇒ Но я и тогда искал Тебя, Боже мой, не зная, где Ты.

Я продавал «победоносную болтливость», преподавая риторику. ⇐⇒ Хотел иметь хороших учеников. ⇐⇒ Они обманывали мои ожидания.

Умер мой друг. ⇐⇒ Я был в отчаянии, «всюду была смерть», у меня родилось жестокое отвращение к жизни. ⇐⇒ Одновременно возник страх перед смертью. ⇐⇒ Я начал понимать, что нельзя

никого любить так, словно он не может умереть. ⇐⇒ Я страдал еще больше.

Я узнал без больших затруднений науку красноречия, диалектику, геометрию, музыку, арифметику. ⇐⇒ Я пытался их разъяснить своим ученикам. ⇐⇒ Самого прилежного из моих учеников хватало лишь на то, чтобы не слишком медленно усваивать мои объяснения. ⇐⇒ Я начал сомневаться в пользе моего ума.

Я всегда знал, когда совершаю худое. ⇐⇒ Я часто считал, что грешу не я, а что-то другое, что мною не было. ⇐⇒ Я не считал себя виновным.

Я во всем сомневался и ни к чему не мог пристать. ⇐⇒ И все же я ждал, когда засветится передо мною что-то определенное, к чему направлю я свой путь. ⇐⇒ Ожидая, я стал катехуменом в Православной церкви.

Я искал известности, славы императора. ⇐⇒ «Изнуряющие размышления о моей лжи донимали меня».

Мне улыбалось счастье. ⇐⇒ Мне было скучно ловить его. ⇐⇒ Я знал, что оно угаснет прежде, чем удастся схватить его.

Я искал мудрости и истины. ⇐⇒ Я хотел оставить пустые, тщетные желания, лживые увлечения. ⇐⇒ Я наслаждался ими, наслаждался настоящим, которое рассеивало меня.

Я хотел использовать влиятельных друзей, хотел получить хорошее место правителя провинции. ⇐⇒ Хотел жениться и, вместе с женой, как многие достойные мужи, предаться мудрости. ⇐⇒ Я понимал, что тем самым предпочитаю женские объятия и известность истине.

Я искал, откуда мое зло. ⇐⇒ Меня тяготил и грыз страх смерти. ⇐⇒ Истина не давалась мне. ⇐⇒ Я начинал понимать, что сам Страх есть Зло.

Я искал истину, спрашивал себя, откуда зло. ⇐⇒ Искал я в молчании, обращаясь к Тебе, Милосердному. ⇐⇒ Люди не знали о тревоге моей. ⇐⇒ Благодаря Тебе, я вошел в свое сердце и увидел, что ты сотворил все добрым, что зло - ухудшающееся добро. ⇐⇒ Но

я не мог найти пути, на котором можно насладиться Тобой, я не находил Пути Христа..

Одна моя воля была плотская – привязанность к женщине. ⇐⇒ Другая моя воля стремилась освободиться от всего для Тебя.

Закон в теле моем делал меня своим пленником. ⇐⇒ Я не спешил освободиться, лишь вяло говорил себе: «сейчас», «вот сейчас», «подожди немного». ⇐⇒ Так я, знающий Истину, уходил от закона Твоего. ⇐⇒ Тревога моя росла.

Ты, Господи, повернул меня лицом ко мне самому. ⇐⇒ Я увидел неправду свою и ужаснулся. ⇐⇒ Я стал ненавидеть себя. ⇐⇒ Но моя душа боялась, что ее вытянут из русла привычной жизни. ⇐⇒ Шел великий спор, поднятый во внутреннем доме моем.

Я «безумствовал, чтобы войти в разум». ⇐⇒ Я умирал, чтобы жить. ⇐⇒ Я разделился в самом себе. ⇐⇒ Я хотел пожелать союза с Тобой и не мог. ⇐⇒ Я боролся с собой и мучительно ждал, когда исчезнет мрак моих сомнений.

Наконец наступает решающее событие в жизни Августина, когда к нему, призывающему в саду избавление от мучительной мирской зависимости, приходит долгожданный «знак»: Он слышит голос из соседнего дома, как будто мальчик или девочки, часто повторяет нараспев: «Возьми читай! Возьми читай!» Следуя этому знаку, он открывает апостольские Послания и читает: «Облекитесь в Иисуса Христа и попечение о плоти не превращайте в похоти...». Наступает момент просветления: «После этого текста сердце мое залили свет и покой; исчез мрак моих сомнений». Следует «разрешающий поступок» – принятие Августином крещения и вступление в жизнь-во-Христе.

Ренессансная личность

Хотя Возрождение не оперировало строгим по современным критериям понятием «личность», оно привело к нему вплотную, благодаря произведениям Лоренцо Великолепного, Петрарки, Эразма Роттердамского, Шекспира, Макиавелли (2; с. 816). Ренессансный взгляд на индивида, скорее интуитивный, чем

концептуально-логический, диалектично улавливал в нем стремление к всеобщему идеалу человека и отказ от него; универсальность, типичность и неповторимое своеобразие; придание высокой ценности «Я» и обесценивание «внутреннего» ради внешнего действия – деяния – достижения; обладание устойчивой качественной сущностью и существование во множестве «акциденций» как откликов на текущие события в мире. Личность этого периода конституируется доминирующим **отношением к внеличному**, опосредованным либо осознанным поиском человеческого совершенства, либо неосознанными желаниями, либо напряженной рефлексией.

Образ исторически становящейся ренессансной личности может быть промоделирован в следующих положениях.

1. В человеческом мире существуют разнообразные категории людей, которые в совокупности репрезентируют богатство Идеала или лучших душевных свойств «человека вообще», распределенных в человечестве, согласно скрытому и недоступному осмыслению порядку. Мир населен Мудрецами, Учеными, Художниками, Правителями, Поэтами и т. д. – индивидуальными носителями того или иного душевного дара и высокого умения.
2. Идеальные свойства выступают ориентирами самопознания индивидов, стремящихся жизненно испытать и «измерить» себя по параметрам многих высших свойств, узнать «я» не одномерным, а насыщенным разными качественными оттенками. В самых масштабных опытах разнонаправленного саморазвития, деятельного обретения многих достоинств, индивидуального восхождения на уровень Универсума возникает феномен «богочеловеческой» личности или личности-Титана.
3. «Внутреннее разнообразие» из ранга ценности творческой и правящей элит постепенно переходит в ценность индивидов из других общественных слоев. Причастность к Универсуму перестает быть единственным путем к душевной и жизненной

разносторонности. Вариативность и множественность «личного», пусть далекого от совершенства, начинает казаться человечнее статике немногих идеальных свойств. Основной сферой приобретения и проявления личностных оттенков становится общность и ситуативные, поглощающие личность взаимоотношения с другими людьми.

4. Активное погружение и растворение индивида в непрерывно меняющихся ситуациях общественно-практической жизни могут превратить его «разнообразие» в чересчур подвижное, изменчивое. В познании и самопознании такой релятивный индивид закономерно ускользает от строгих определений, утрачивает рациональные меры оценки и самооценки. Душевная сущность рассеивается по отдельным моментам жизни, претерпевает разделение, разлом. Во внутренний мир человека проникают и укрепляются следы не только достойных, но и дурных деяний; с благими чертами сосуществуют темные черты; личность представляется таинственно двойственной, неуловимой.
5. Дифференциация, полярность качеств людей предстают в массе настолько значительными, что рождается мысль о полной непохожести индивидов, их единственности и несравнимости. Взгляд на личность перестает искать абсолютные меры и сущностные качества души, смещаясь на поверхность поведения и фокусируясь на особо ярких, выдающихся действиях и поступках. Интерес к человеку постепенно покидает людскую множественность, обращаясь к неординарным личностям.
6. Среди последних доминируют не авторы философских, художественных и научных творений, а умелые прагматики, Деятели, создающие полезные вещи, капитал, манипулирующие и управляющие людьми. Уникальные, причудливые соотношения Времени – судьбы – фортуны – обстоятельств – ситуации – деяния – поступка обуславливают их положение «великих» или «доблестных». Отношение к ним общества не зависит от

качественных характеристик поведения, которое может быть добродетельным, милосердным, великодушным или, напротив, вредным, жестоким, вероломным и т. д. Главное – успех, общественный эффект, власть. Деятель может быть и выглядеть всяким, быть активным в огромном диапазоне, беспредельно расширять свою «внешнюю личность».

7. В противовес превознесению достижений деятелей, в самоотношении человека Ренессанса появляются экзистенциальные темы внутренней цены и последствий «овнешнения» индивида. Шекспировский Гамлет (21), призванный своей королевской кровью масштабно действовать и поступать, ищет рефлексивные и ценностные основания деятельности, размышляя о свободе и долге Я. Он решает, что в мире его жизни для обретения себя нужно демонстративно вывернуть изнаночную сторону свершений «деятелей» – преступления, убийства, извращенные желания, скрываемые мысли, то есть казаться безумным, но не быть им. («То, что во мне, правдивей, чем игра...» «Никому не исторгнуть сердце моей тайны...» «Мне надо быть безумным...»). Тайное самообоснование кажется важнее внешних оценок, репутации, трона, и он готов быть отвергнутым людьми, отторгнуть традицию и общность, испытать мучительное одиночество, но довести до абсурда бесчеловечность действия, не укорененного в нравственном Я. («Я бы мог замкнуться в ореховой скорлупе и считать себя царем бесконечного пространства...»). Однако роль безумного постепенно растворяет Гамлета в себе, в сознание прорываются свидетельства пробужденного им зла, следы одержимости призыванием Деятеля, последствия «бесчеловечных и кровавых дел, случайных кар, негаданных убийств, смертей, коварных козней». Я не находит блага для себя, оказывается недостаточно сильным для нравственных исканий, появляются чувства вины и стыда, всплески отчаяния в ироническом отрицании Человека. («Что за мастерское создание – человек!

Как благороден разумом! Как беспределен в своих способностях, обличьях и движениях! Как точен и чудесен в действии! Как он похож на некоего бога! Краса вселенной! Венец всего живущего! А что для меня эта квинтэссенция праха?»). Мужественно задуманный путь к себе не завершен, волею остановлен «поступком самоотрицания». В европейской жизни «Гамлетовская личность» на столетия стала архетипом и реальностью сильной трагической индивидуальности.

Фаустовская личность

В 18 веке героем бытия, субъектом познания и самопознания стал человек, преодолевающий свои внешние и внутренние противоречия в пользу Жизни, обратившийся от Абсолюта и коллективной традиции к тайнам **бессознательного**, к **Я** и скрытому в нем Гению, выявляющемуся в деятельности по канонам христианина, гражданина, творца. «Личное» приобрело ценность в качестве интенсивного, созидательного индивидуального существования.

Мотивы романтического персонализма, намеченного Ренессансом, нашли непрезойденное усиление, приобрели интимно-чувственные и общепонятные логические формы в произведениях и рефлексиях Иоганна Вольфганга Гете. Ученику Лессинга, Винкельмана, Гердера, Лафатера, Спинозы удалось превратить многовековые гипотезы о самоценности личности в рационально обоснованный культурный смысл, покори́вший европейцев. Фауст, имевший множество прототипов, символизирующий Эго самого Гете, воссозданный автором не только в поэтическом произведении, но и в художественной автобиографии-жизнеописании (4), получивший развитие в «типе Гения» у Дидро и Руссо, многократно научно проинтерпретированный, остается живой культурно-психологической моделью личности в большинстве европейских стран.

Одной из известнейших интерпретаций личности Фауста является «фаустовский человек» (ФЧ) Освальда Шпенглера (22).

Обобщим характеристики ФЧ с дополнениями из гетевского жизнеописания.

- ФЧ мог появиться в обществе, обладающим коперниковским самосознанием, в обществе индивидуальной культуры, утверждающей существование индивида в безграничном мире, бесконечном пространстве, потоке вечного бытия, в движении к бессмертию души.
- ФЧ характеризуется «комплексом действий», «внутренним сосредоточением сил», «интенсивными деяниями», «активным жизненным чувством», «душевым пространством». Доминируют не статические элементы, а процессы. Строй души ФЧ назвали бы сейчас «динамической структурой».
- Идеалом ФЧ является «жизнь с совершенной динамикой», направляемая рациональными устремлениями, индивидуальной волей, проистекающей из «уверенного в себе разума», развивающимся мышлением. Наилучшей формой такой жизни выступает деятельность, отвечающая дарованиям индивида, духу времени и общественным ожиданиям.
- Стиль фаустовской жизни – порождение новых понятий, смыслов, образов, символов, панорамных картин бытия и построение «личных миров». Творящий талант является достоянием всякого человека. Каждый с помощью других должен дать своему таланту пробудиться и развернуться.
- Бытийные векторы ФЧ составляют: «восхождение к себе», «жизненная перспектива» и «внутреннее прошлое» или биография. Восхождение к себе означает индивидуальное самопознание, нравственную работу над собой, самооправдание верой и достойными деяниями, признание равенства всех человеческих состояний у «Ты» и «Я». Жизненная перспектива – страстное предвосхищение будущей реализации личных возможностей, прорыв здесь-и-сейчас в отдаленное завтра, вечное предстояние себе. Внутреннее прошлое – непрерывная

память и синтез событий, ситуаций, состояний и отношений истекшей жизни.

- Устойчивое фаустовское впечатление о себе и других людях обобщено в понятии «характер». Оно обозначает внутренний итог индивидуальной биографии и самопознания, душевную определенность и цельность индивида, «характерность» исполнения деятельности. Характер, или «личность», отличают и отделяют индивида от других, но сила этой автономии проявляется не когда человек «занят исключительно собой», а в его жизненных отношениях с людьми.
- Многообразные, индивидуализированные отношения к другим составляют историческую привилегию ФЧ. Согласно Гете, их сутью является защита перед другими права быть личностью, стремление внутренне пополнить себя при общении, в терпимости и принятии всех людей без исключения, в поиске одиночества для успешного созидания, в самовосстановлении при разрушительных воздействиях других, в самоотречении ради ближних.
- Внутри жизненного процесса, отношений и деятельности возникают сложные коллизии ФЧ. Так, избыточные «вожделения» личного превосходства, сверхэнергичное бытие превращают его жизнь в преодоление, неуклонное движение к цели, прогрессирование. Неизбежное внешнее сопротивление этому вовлекает личность в непрерывную борьбу с миром, с другими, с собой. Победы заставляют снова и снова искать переживаний опасности, напряжения, насилия и удовлетворения властью.
- Невозможность ценой насилия длительно поддерживать личное достоинство придает жизни ФЧ трагизм. Фаустовская душа вообще трагична с ее переживанием «Я», затерянного в бесконечности, с ощущением воли, бессильной в столкновении с более великими силами, с влечением к свободе и страхом перед ней, с самоутверждением, которое ввиду неизбежной смерти

оборачивается чувством вины при мысли о Высшем. Исход коллизий намечается собственными выборами личности. Если коллизия неразрешима, ФЧ допускает возможность отрицательного отношения к жизни. В фаустовском сообществе страдают самоубийцам.

- Кроме рациональных аспектов индивидуальной жизни, ФЧ улавливает ее бессознательные или «демонические» аспекты. Присутствие «демонизма» проявляется в стремлении к сверхчувственному, в возвращающихся мыслях о необъятном и непостижимом, в неясных жизненных противоречиях, в том, что кажется неразумным и в чем заключено некое «злорадство», что походит на случайность и вместе с тем на промысел, что сжимает время и раздвигает пространство, что влечет к невозможному и что действует в существовании как «судьба».
- Главными фигурами фаустовского сообщества считаются мыслители, вожди, философы, поэты. В этом ряду появляются и психологи – «созидательные знатоки духовных эпох личности».

Выдающаяся личность

Литературная юность Персонализма сменилась длительным периодом зрелого философского и научного осмысления «индивидуальной личности». Особенность познаваемого предмета способствовала интеграции философской антропологии и гуманитарно-психологических исследований. Значительные идеи о личности принадлежат Шопенгауэру, Ницше, Кьеркегору, Хайдеггеру, Шелеру, Буберу, Бердяеву, а из школ – глубинной, экзистенциальной и гуманистической психологии. Одновременно в европейской культуре 19-20 веков периодически усиливаются тенденции антиперсонализма и антисубъектности (мистические учения, идеализм, теософия, постмодернистские теории).

Осознавая возможную перспективу «исчезновения личности», поддерживая линию индивидуализации, психологи разрабатывают концепции современной Выдающейся личности (К.Г. Юнг, Э. Нойманн, А. Маслоу, А. Менегетти и др).

Выдающаяся личность выступает наиболее полным воплощением внешне направленной силы **индивидуального субъекта**, действующего в масштабах всего общества, подчиняющего объективность субъективным интеллектуальным моделям, рассматривающего мир как контекст собственной деятельности, притягивающего к себе многих людей, готовых самобытно развиваться во взаимодействии с обретенным в его лице образцом персонализации. Самосознание, рефлексия, самопереживание и интуиция личных потенциалов, достигая уровня зрелого самоотношения, становятся у него тонкими инструментами множественных инновационных «выходов» в мир и социум, влекущих своими возможностями больше, чем внутренняя работа с собой. Личное в отношении к **внеличному**, становится им и превращает его в себя, выходя на новый уровень отношения к своему **Я**.

Предлагаем модель выдающейся или «творческой» личности, основываясь на положениях глубинной психологии, в первую очередь К. Г. Юнга и Э. Нойманна (11).

- Выдающаяся личность (ВЛ) способна интуитивно уловить в своем бессознательном прообраз индивидуального творческого развития, ведущего «я» к зрелости и интеграции. Этим прообразом является архетип Героя, который, благодаря сознательным усилиям личности, становится адекватным современному духу и направляет личность к преобразованиям ценностного содержания культуры.
- ВЛ осуществляет свою деятельность в области религии или искусства, философии или науки, политики или бизнеса, организуя их с помощью новых идей, символов и практик, понятных, пленительных и убедительных для множества людей. «Героическое» начало индивидуально оформляется, порождая знаменитых и масштабно влияющих художников, проповедников, философов, писателей, ученых, общественных деятелей и предпринимателей.

- Если бессознательное ВЛ заключает ожившие архетипы с потенциалом мощных влияний на современность, а сознание представляет собой совершенный интеллектуальный инструмент и способ индивидуального творчества, то ее сверх-сознание образовано традиционными культурными нормами, которых она строго придерживается. В психике и жизни выдающейся личности достигаются исключительно плодотворные связи архетипа – сознания – культурной традиции – индивидуальной культурной деятельности.
- Творческий процесс ВЛ охватывает не только множество объектов и субъектов человеческого мира, но и максимум аспектов ее собственного бытия, везде устанавливая отношения центроверсии, когда зрелая индивидуальность гармонизирует взаимодействие противоположностей, избавляя свою внешнюю и внутреннюю жизнь от разрушительной двойственности. Личностная центроверсия исключает острые конфликты органического и психического, бессознательного и сознательного, рационального и иррационального, индивидуального и коллективного, зрелого Эго и архаичной самости.
- Иррациональное и трансцендентное играет в жизни ВЛ не менее важную роль, чем сознание и сознательное творчество. Открытие новых символов и идей осуществляется в ответ на «повеления внутреннего голоса души». Образы, тексты, произведения личности относятся к высшей культуре, сообщающейся с областью трансцендентного. В «продуктах» и «влияниях» ВЛ всегда есть некоторая избыточность, не постигаемая большинством людей и относящаяся к уже исчезнувшему или еще не появившемуся в человеческом мире. Тайна ее дарования, неотразимо действующая на других и овладевающая всеми, часто определяется как «харизма».
- Создавая новые ценности, ВЛ сама представляет собой культурную ценность. В отношении к этому достоянию общность

занимает неоднозначную позицию, то наделяя ВЛ огромной духовной властью, то отвергая ее как «несвоевременную», то растворяя ее уникальные вклады в «коллективных представлениях», то нарушая естественные для нее процессы гармонизации себя, заставляя бороться с привносимыми в ее жизнь деструктивными моментами. Сохраняя авторское достоинство, ВЛ бывает вынуждена пойти на изоляцию, в одиночестве продолжая путь творения.

- В своей интенсивной продуктивной деятельности ВЛ может казаться другим чрезмерно эксцентричной, определяемой не то необычной активностью внесознательного содержания психики, не то неординарной работой сознания, не то некоей неправильностью ее психической системы. «Любой талант неизъясним». Однако, ни одна из этих гипотетических причин не устраняет и не ослабляет общего восхищения, производимого свершениями личности, тем большего, что она приобретает власть, не стремясь к ней и не придавая ей особого значения.
- Это человек, постоянно растущий, совершенствующийся. В любом возрасте в нем обнаруживается гениальность жизненных выборов, принимаемых решений, переходов с одного этапа становления на другой, выявляющая его бытийное предназначение. Он умеет постоянно рождаться на основе «вложений в себя», образуемых внутренне отраженными социокультурными результатами своих продуктивных действий, влияниями своих произведений, эффектами любви к себе других людей и своей любви к ним. Даже при недостатке таких «вложений» личность умножает себя, работая на будущее, следуя великой «метафизической задаче».
- В процессах роста ВЛ формируется соответствие и единство ее мощного первичного порыва к творческому бытию, ее хорошо логически и семантически структурированного «я» и относящихся к ней «других». На психологической территории ее деятельности возникает социальность нового типа, главной

особенностью которой являются духовные циркуляции от личности к личности. Духовно генерирующая социальность необходима ВЛ и для творчества, и для цельной, позитивной самоидентификации.

- Свойственное европейской индивидуальности самополагание или свобода быть собой неординарно выражены у ВЛ в непрерывном Я-усилении через внутреннее преломление и подчинение себе великого множества жизненных событий, воздействий и ситуаций, а также через возведение их в значительный социокультурный масштаб.
- ВЛ несет в себе внутренние диспозиции, направляющие в развитии любого индивидуального субъекта культуры, но в ней они даны в гармоничной форме, хорошо высвеченной и поддержанной жизнью. К ним относятся суверенное «я», реалистичное проблемное мышление, установка на новации, рефлексия, способность к диалогу. Хотя именно вследствие исключительной активности этих диспозиций, сталкивающихся с неподатливостью внешнего мира, личность может переживать ни с чем не сравнимые внутренние трудности и жизненные катастрофы, преодолеваемые волей, выбором и оригинальными решениями самой личности.

Притяжение выдающихся личностей традиционно велико среди европейцев. Влекут их имена, тексты, поступки, необычность жизни, заманчивые повороты судьбы. Но у ныне живущего человека, вобравшего основные европейские каноны персонализации, перед лицом Фигур и Авторитетов становятся по-новому притягательными собственное «я» и собственное бессознательное с их субъектными потенциалами, раскрывающимися на путях культурных и духовных влияний.

Литература

1. Агустин Аврелий. Исповедь. М.: Ренессанс. 1991.
2. Баткин Л. М. Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного

- самосознания. М.: Российский государственный гуманитарный университет. 2000.
3. Бахтин М. М. Роман воспитания и его значение в истории реализма. / В кн. «Эстетика словесного творчества». М.: Искусство. 1986. С. 199 – 249.
 4. Гете И.В. Из моей жизни. Поэзия и правда. – Собр. Соч в 10 томах. Т. 3. М.: Художественная литература. 1976.
 5. Культурология. 20 век. Антология. М.: Юрист. 1995.
 6. Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология. / Под. ред. А. А. Белика. М.: Смысл. 2001.
 7. Малиновский Б. Магия, наука и религия. М.: Рефл.-бук. 1998.
 8. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия. 1999.
 9. Менегетти А. Проект «Человек». М.: ННБФ «Онтопсихология». 2001.
 10. Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Республика. 1999.
 11. Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания. М.: Рефл.-бук. 1998.
 12. Психология и культура. / Под ред. Д. Мацумото. СПб.: Питер. 2003.
 13. Рабинович В. Л. Исповедь книгочехя, который учил букве, а укреплял дух. М.: Книга. 1991.
 14. Рено А. Эра индивида. К истории субъективности. СПб.: «Владимир Даль». 2002.
 15. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. СПб.: РХГИ. 2001.
 16. Старовойтенко Е.Б. Современная психология. Формы интеллектуальной жизни. М.: Академический проект. 2001.
 17. Старовойтенко Е. Б. Психология личности в парадигме жизненных отношений. М.: Академический проект. 2004.
 18. Тарнас Р. История западного мышления. М.: КРОН-ПРЕСС. 1995.
 19. Уайт Л. Избранное: Науки о культуре. М.: Российская политическая энциклопедия. 2001.

- 20.Фуко М. Забота о себе. Киев: Дух и литера. М.: Рефл.-бук. 1998.
21. Шекспир У. Полн. собр. соч. в 8 томах. Т. 6. М.: Искусство. 1960.
- 22.Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. М.: Мысль. 1993.
23. Юнг К. Г. Психологические типы. СПб.: Ювента, М.: Прогресс. 1005.
- 24.Юнг К. Г. Синхронистичность. М.: Рефл.-бук. 1997.

РЕФЛЕКСИЯ ЛИЧНОСТИ В КУЛЬТУРЕ*

Старовойтенко Е. Б. Рефлексия личности в культуре // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2007. Т. 52. № 4. С. 209-219

Перспективной стратегией развития отечественной персонологии выступает разработка культурно-психологического подхода к личности. Одной из его версий является научное направление, названное нами «**культурная психология личности**» (7).

В контексте данного направления подчеркивается значение тех культур, где идеи «личности» и «индивидуальности» исторически приобрели высочайшую ценность, воплощаясь в способах жизни людей, в философии, искусстве, литературе, гуманитарных науках и психологических теориях личности. Такой культурой общепризнанно является европейская культура с ее неотъемлемой русской составляющей.

Важнейшие особенности культурной динамики и становления персонализма в Европе были обобщены Э. Гуссерлем (3). Это непрерывное обращение к проблемам духа, интеллекта, общества, человека, творчества, а также попытки связать их в целостные мировоззренческие системы, центрированные на «индивиде» и «индивидуальной личности». В поступательном движении к разрешению данных проблем, культура породила «бесконечные идеи», направляющие практическую жизнь и волю европейцев.

- В Европе есть нечто уникальное, что ощущается как некое начало, заставляющее людей разных групп человечества европеизироваться, при всем их устойчивом стремлении сохранить свою духовную автономию.

* Работа выполнена при поддержке индивидуального научного гранта 2007 г. Научного фонда ГУ – ВШЭ. Номер гранта 07 – 01 – 92

- Европейцам присуща определенная энтелехия, которая пронизывает любые изменения духовного облика Европы, сообщая ему единонаправленность в стремлении к идеальному образу жизни как вечному полюсу.

- Европейское развитие имеет смысл поступательного изменения всего человечества, начиная с появления и действия идей в малых и даже мельчайших группах. Зарождаясь в отдельных личностях, идеи представляют собой смысловые структуры с удивительной, небывалой способностью скрывать в себе интенциональные бесконечности.

- Научившись порождать идеи, человек становится новым человеком. Этот процесс с самого начала включает в себя самопознание и коммуникацию, вызывая к жизни новый стиль личностного существования внутри своего жизненного круга.

- Распространяется тип личности, живущей в изменчивом мире, но ориентированной на полюса бесконечности. Благодаря этому, появляется новый тип социальности и новая форма устойчивого общества, чья духовная жизнь, сплоченная любовью индивидов к идеям, порождением идей, самопознанием, идеальным нормированием жизни, несет в себе горизонт бесконечной смены поколений, обновляющихся в идеальной духовности.

С давних времен культура Европы признает большое значение духовного и деятельного начал человека, является внутренним качеством, смыслом и формой организации самостоятельной жизни индивидов, проявляет свою личностную сущность, выступая европейской мерой отношения человека к другим и к самому себе. Развившиеся в этой культуре **учения о личности** способствовали формированию «гуманитарного европеизма» и непрерывно поддерживают общественный интерес к личности единичной и

«соборной», выдающейся и ординарной, развивающейся и регрессивной, к личности как объекту научного познания и субъекту рефлексии. Существуют и преобразуются специфически европейские каноны понимания телесной организации, пола, сексуальности, здоровья, болезни личности. Культура располагает множеством детально разработанных и стихийно сформировавшихся средств жизненной поддержки индивидов.

В длительном познавательном отношении к человеку европейская культура породила, сохраняла и совершенствовала идеи о свойствах, сущности и бытии личности, которые можно обозначить как исторически «сквозные идеи». Укоренившись в культурном наследии, превратившись в архетипы бессознательного и устойчивые матрицы сознания, они активно регулируют индивидуальную жизнь.

На основе исследования культурогенеза «личности» и «индивидуальности», следуя стилистике авторитетных текстовых источников, мы осуществили реконструкцию этих «сквозных идей», объединив их в **модель культурного потенциала индивидуальной личности**. Иначе ее можно обозначить как «модель европейской личности» (7).

1. Личность в своем взаимодействии с миром исходит из **абсолютных** мер жизни, имеющих осознанные образы и символы Бога, Универсума, Космоса, Разума, Идеального, Бытия, Слова. Присутствие Абсолюта в бытии личности составляет для нее высшее благо и предлежащий смысл, достигаемые в опытах веры, деятельного служения и трансцендирования.
2. Жизнь личности протекает в общностях и группах, выступающих для нее живыми множествами людей, подобных

ей самой, с которыми она находится в разнообразном взаимодействии. **Коллективное** ощущается и понимается ею не в качестве довлеющей тотальности, а в качестве плодотворной среды совместного с «другими» проявления архетипов, творения ментальности, выработки стилей поведения и деятельности, создания ценностей и самопознания. Целью и сутью соединения личности с общностью является ее внутреннее превращение в «часть, индивидуально вмещающую целое».

3. Абсолютное и коллективное представлены в личности способом **культурного** опосредования, а именно, в формах религиозности, этики, науки, философии, искусства, канонов обыденной жизни. Активное культурное априори придает всем жизненным отношениям индивида направленность на освоение, оценку и преобразование культуры. Трансцендентное, общественное и культурное слиты в едином, сложном ритме детерминации личности.
4. Определение мер сакрального, общественного и культурного бытия личности происходит в соответствии с ее **природным** априори или витальностью, телом, полом, чувственностью. Оно задает ее влечения, активность в поиске удовольствия, конституцию, психодинамику, сексуальность, возможности психических функций, соотношение мужественности и женственности, сенсорно-интуитивный опыт познания, действия и потребление. Психические компоненты природной организации сосредоточены в **бессознательном** личности. Они конституируют самость личности, ее «естественную» внутреннюю жизнь, ее врожденный душевный потенциал. В процессах жизни бессознательное обогащается психическими содержаниями, оказавшимися за порогом сознания, что расширяет глубинную сферу личности.

5. Сильным противовесом бессознательному аспекту личности является **рациональность** или способность к мышлению, логическим построениям, идеализации мира. Мышление, направленное одновременно на внешние объекты и самого индивида, развивается в качестве сознания, формирующего символическую границу внутренней автономии личности, препятствующую ее слиянию с природной или предметной средой, или общностью. Центром «внутренней личности» сознается «Я», которое, благодаря рефлексии, полагает себя свободным в выборе абсолютных, социальных, культурных норм собственной жизни. «Норма – это, прежде всего, свободное отношение сознания к норме». (2; с. 902)
6. «Я» позволяет личности субъективно отделить свою психологическую сущность как устойчивую определенность потребностей, притязаний, способностей и характера от своего существования как мимолетности и сиюминутности жизни, протекающей в желаниях, эмоциях, воображении и осмыслении. Направленно и спонтанно, в каждый момент проживания Я решает проблемы наполнения внутренней личности новым жизненным содержанием, отождествления и разотождествления личности с другими людьми, собирания себя – множественного и многоликого – в единство, а также уникального самовыражения и самоутверждения личности в социуме и культуре.
7. Благодаря «Я», личность становится основанием себя-живущей, причиной собственных активных выходов в мир, которые состоят в индивидуальном развитии или творческом изменении коллективных форм и способов веры, познания, морали, социального поведения и самопознания. В связи с этим, личность может полагать себя единичностью, к которой сходятся и в которой объединяются многие тотальные процессы

в мире и социуме, подтверждая безмерность ее **индивидуальности**.

8. Личностное Я самодостаточно в плане сознательной направленности на выявление собственных возможностей через самого себя. Однако, цели и смыслы отношения к себе, чтобы расширяться, углубляться и варьировать, должны быть укоренены в иных **жизненных отношениях** личности, требующих активного культурного диалога с другими людьми. К ним принадлежат отношения к природе, отношение ко времени, религиозное и этическое, интеллектуальное и профессиональное, эстетическое и творческое, социальное и политическое отношения.
9. Полноценное осуществление отношений в системе «мир – другие – личность – Я» предполагает равновесие или вскрытие и разрешение **противоречий** их сознательной и бессознательной динамики, их объективности и субъективности, рационального и эмоционально-чувственного аспектов, психического и практического способов реализации, коллективных и индивидуальных условий развития. Задача уравнивания и преодоления коллизий в отношениях остается за их внутренним Я-субъектом с его способностью инициировать интроспекцию, рефлексию, самоисследование.
10. Посредством отношений личность удерживает живые внутренние связи с конкретными «другими», будь то реальные люди из повседневного окружения, или выдающиеся авторитеты, или символические личности. «Другой» сохраняет свое присутствие в Я в форме «значимого для меня», «моего другого», «другого как я», «я как другого», «моего другого я», «недоступного для меня другого», «другого, для кого я недоступен». Соединение или слияние личности с другим человеком имеет многие разновидности, включая подражание,

имитацию, присвоение, обладание, принятие влияний, обратные влияния, признание взаимной свободы. В нормальном жизненном процессе происходит непрерывное интуитивное и рефлексивное дистанцирование «Я» от любой «другости». Я проникает в другое Я, когда личности доводится нравиться, быть образцом, авторитетом или учителем, вызывать сопереживание, быть любимым и составляющим тайну.

11. Суверенность, самостоятельность личности в культуре и обществе обеспечиваются **деятельной** стороной индивидуальной жизни: профессиональными практиками, социальными действиями, поступками, творческой деятельностью и приемами самовыражения. Закрепляясь за разнообразными качествами внутренней личности, укореняясь в ее жизненных установках и в Я, конкретные действия, поступки и творческие акты начинают определяться «деятельной индивидуальностью», что привносит в них момент свободы и избыточности. Личность, погруженная в жизнедеятельность, находится в непрерывном генерировании мотивов, намерений, целей, процессов, продуктов, социальных результатов и личных последствий активности. Личность, деятельная в качестве «Я» и «индивидуальности», обладает привилегией особо тесного сращения с миром, приобретения искусности, мастерства, высокого общественного статуса, постоянного возврата к себе, диалога с собой, развития своих сущностных качеств и самовозрастания в существовании, то есть является **субъектом жизненного восхождения**.

12. Все, что происходит в личности и с нею, включено в индивидуальную **историю жизни**. Она соединяет освоенные личностью места жизни, неповторимые превращения объективного и субъективного времени, принятые и персонально преобразованные формы культуры, личный контур

социальных связей, динамику жизненных отношений, трансформации сознания и бессознательного, изменения качеств и свойств личности, смену индивидуальных деятельностей и жизненных ролей. История индивидуального бытия становится автобиографией при участии «Я», осмысливающим и творящим отношения прошлого, настоящего и будущего своей жизни. «Моя жизнь» или «мой жизненный путь» создается общим потоком Бытия, вобравшим личность, силой ее исходного порыва «быть», ее экзистенцией, ее сознательной активностью и рефлексией.

13. Личность может активно самоопределяться по отношению ко всему, что составляет ее личный, жизненный мир. Она охватывает **самоопределением** формы своей веры, значимые для себя общности, жизненные ценности, отношения интимности, способы сотрудничества, оказываемые на нее воздействия, отношение к здоровью, доступные сферы деятельности, индивидуальные достижения, жизненный путь и этапы становления Я. Меры и качества индивидуального самоопределения могут меняться в пределах активности – реактивности, инициативы – ухода, принятия – отрицания, конструктивности – деструктивности, оригинальности – нормативности, реалистичности – идеализации, цельности – противоречивости, вариативности – однообразия, агрессивности – доверия, власти – любви и т. д. Самоопределение в модусах активности, инициативы, принятия, конструктивности, оригинальности, вариативности, цельности, доверия и любви присуще **творческой** личности и образует творческий способ жизни.

Культурный потенциал личности, взятый в аспектах ценностей персонализма и свойств реальных индивидов, всегда будет нуждаться в кропотливом изучении, в анализе каждой из своих

образующих, в историческом синтезе, отвечающем реалиям современного мира и жизни. Это становится особенно актуальным в периоды, когда перед индивидами и обществом встают задачи, требующие неординарного подъема в развитии и выражении определенных свойств личности. Речь может идти, например, о подъеме личного религиозного духа, или активизации позитивных общественных установок личности, или усилении инициативы в индивидуальной деятельности, или повышении ответственности личности в этическом поведении и т. д.

В условиях высоких ожиданий современного мира к инновационным прорывам в науке, технологиях, гуманитарной сфере и деловых отношениях, закономерно растет запрос на **индивидуальное творчество**, субъектом которого является личность, вобравшая и реализующая основные ценности европейской индивидуализации: развитие Я, самодостаточность, самоопределение, самодеятельность, самопознание, созидание, единственность и уникальность. Как никогда раньше, необходимы «всплески индивидуальности», порождающие новации в культуре, социальном взаимодействии и саморазвитии человека. Интеллектуальные образы такой индивидуальности, веками формируясь в культурогенезе, приобрели и приобретают неисчезающие черты, моделирующие **культурно-психологический потенциал творца**, нуждающийся в сохранении и развитии. Идея «творца» или «субъекта культуры» должна разрабатываться в контексте целостной модели европейской личности, приобретающей методологический смысл.

Контуры и содержание потенциала творца можно восстанавливать разными путями. Они зависят от поисковой установки исследователя, предпринимающего реконструкцию: философской, культурологической, литературной, психологической и т. д. Материалом реконструкции могут служить, например,

разнообразные тексты, включая произведения и труды авторов-творцов, художественные и биографические тексты, посвященные творцам, рефлексивные тексты творческих личностей (исповеди, автобиографические описания, жизнеописания), научную литературу о творчестве. На наш взгляд, особый интерес представляет реконструкция, точнее, **моделирование**, потенциала творца с позиций психологии личности, взятой в ведущих европейских координатах: сознания – Я – субъекта – других – жизненного самоопределения. В этой связи, можно обратиться к **рефлексивным текстам**, определившим историческую динамику литературы «Автор об Авторе» и представляющим особую ценность для феноменологической и экзистенциальной психологии личности. Они заключают формы самопознания, самоотношения и самовыражения творца, которые являются реальностью его внутреннего мира и жизни, остающейся в длительном времени культуры.

Считаем актуальным исследование **культуроге́неза «Я»** личностей, известных как своими уникальными вкладами в европейское искусство и науку, так и великолепными рефлексивными текстами. Речь идет, в частности, о Марке Аврелии, Августине, Петре Абеляре, Бенвенуто Челлини, Иоганна-Вольфганге Гете, Льве Толстом, Карле Густаве Юнге, Сальвадоре Дали и т. д. Полагаем, что синтез моделей самопознания выдающихся **субъектов культуры** будет служить целостному пониманию культурно-психологических предпосылок развития современных талантов и созданию технологий индивидуальной реализации этих предпосылок в целях масштабных социокультурных прорывов.

Моделирование личности на основе рефлексивных текстов (**Я-текстов**) является формой психологической герменевтики, предполагающей, кроме интуитивного понимания, применение той

или иной теоретической концепции личности. В качестве такой концепции мы привлекаем систему положений о самосознании, жизненных отношениях, субъекте жизни и жизненном пути личности, развиваемую школой С. Л. Рубинштейна (5; 6).

Разрабатывая модели, важно учитывать богатый спектр **возможностей Я-текстов** для культурно-психологического изучения личности.

Первое. Рефлексивный текст является отражением и субъективной репрезентацией жизненного пути Автора. Жизненный путь представлен, как правило, в тех или иных мыслеобразных феноменологических «измерениях»: ситуативном, событийном, смысловом, поступковом, измерении встреч и взаимодействий с другими, измерениях умений – мастерства – произведений, измерениях желаний, чувств и направляющих идей, измерениях коллизий, успехов и поражений, измерениях отношений и свойств Я-живущего. Иными словами, рефлексия жизни Автора формируется переплетающимися актами «это было в моей жизни», «это произошло со мной», «это имело смысл для меня», «я так делал и поступал», «я встретил Другого», «я испытывал отношения и действия других», «я работал, создавал, добивался успеха», «я желал, чувствовал, руководствовался идеями», «мне помогали и противодействовали», «я ошибался и преодолевал», «я обладал свойствами», «я относился к себе».

Второе. Рефлексивный текст, кроме образов и идей, характеризующих жизненный путь Я, выражает операциональный план рефлексии, то есть, «как я познаю себя». Текст можно психологически оценить по критерию преобладающих форм самопознания личности, к которым мы относим: рефлексивно-самоисследование, ведущееся в научных, философских, литературных понятиях; осознание переживаний и сознательную самооценку; активное самоосмысление; создание стратегий и

сценариев самовыражения; проблемную рефлекссию как вопрошание о себе; самопонимание (8).

Третье. Рефлексия и написание Я-текста становится не только возможностью сказать о своей жизни, но также утонченным способом протекания душевной жизни и самой внутренне-внешней жизнью Автора. «Саморефлексивный образ индивида сцеплен с его эмпирическим существованием и входит в органический состав последнего» (2; с. 894). Жизнь, возведенная тестом в степени феноменологического усиления и интенсивного проживания, приобретает качество подлинности.

Четвертое. Рефлексивный текст, выступая дифференцированной и целостной картиной сознания Автора, делает множественные отметки его тайной жизни, умалчиваемого, бессознательного. То есть, выражая субъективное понимание и интерпретацию своей жизни и личности, Автор транслирует другим не только знание о себе, но и свои загадки.

Пятое. Рефлексивный текст включает обобщенные «матрицы» или «формулы» самопознания, которые развивают культурные каноны поиска индивидами знаний о себе в данном обществе. Пределы, границы, содержания и операции самопознания индивидов в социуме во многом конституируются критическими опытами рефлексии, принадлежащими персоналиям, творческая жизнь которых опосредована их сильной, продуманной, осмысленной Я-позицией.

Шестое. Рефлексивный текст формирует культурное осознание взаимодействия творческой личности с другими людьми. Он строится, как правило, в режиме диалогов «Я – другие» и «другие – Я», освещая отношения Автора к конкретным личностям, социальной среде, обществу и их субъективно отраженные

отношения к нему. Опыты взаимодействия Автора с другими людьми опосредуют его творческую деятельность и входят в ее ткань, независимо от своего позитивного или негативного качества. Не является редкостью то, что индивидуальное созидание сопровождается и оплачивается сложными конфликтами творца с окружением. Рефлексивные тексты содержат психологические модели поддерживающих и ограничивающих отношений других к Автору и его самоотдаче, сопротивления и противодействия другим. Модели индивидуальных отношений Автора с другими могут обладать большой формирующей силой в системе социальных взаимодействий.

Седьмое. Рефлексивный текст позволяет выявить значимые научные данные о процессах и продуктах творчества, о путях индивидуализации и усиления активности творческой личности, о субъектных свойствах и способностях творца. Они используются исследователями при разработке моделей «творческой индивидуальности», «индивидуального субъекта», «индивидуальной личности», релевантные европейской культуре.

Некоторые из отмеченных возможностей рефлексивных текстов хорошо реализованы в культурно-философских и культурологических исследованиях. В качестве примеров можно привести модели «Я», предложенные М. Фуко и Л. М. Баткиным.

Обратившись к анализу рефлексии античных мыслителей, Мишель Фуко реконструирует идейные установки и практику отношения человека к себе, называемую «**заботой о себе**» или «культурой себя» (10). По его заключению, жизнь личности, протекающую под знаком заботы о себе, наполняют следующие моменты.

Установка на работу с собой: внимание к своей душе, способностям своего тела, своему разуму, своему познанию, способам усовершенствования себя, достижению свободы и мудрости. Готовность учиться жить всю жизнь, видеть в себе главный предмет всей своей деятельности, размышлять о добродетелях и пороках, о счастье и жизненных невзгодах, принимать наставления о достойных поступках, не чуждаться «взрослого воспитания».

Реальный труд над собой: вечерние и утренние погружения в себя, самоотчеты, обдумывание будущих дел, воспоминания о прошедшем дне, восстановление картин прошлой жизни, подведение итогов пройденного жизненного пути, выбор или общественной карьеры, или философствования и покоя самосозерцания. Практика «уединения в себе», философское руководство сознанием, кропотливая работа по выработке своих отношений к людям, миру, жизни. Беседы с учителем, другом, конфидендом о состояниях своей души и о состояниях его души – душевный обмен. Участие в деятельности общин, практикующих заботу личности о себе с помощью других людей. Деятельность в качестве учителя, наставника, проникшегося трудностями «работы над собой» другого человека. Приглашение философов-консультантов в качестве советников по делам экономическим, политическим и житейским, по вопросам преодоления страстей, исправления недостатков, исполнения долга.

Культе телесного и душевного здоровья: медицинские познания; представления о душевном здоровье как следствии хорошего образования, удачной карьеры, удовлетворения жизнью; вера в исцеление недугов путем «приведения в покой мыслей». Использование философских и медицинских практик при излечении

прорывов необузданной энергии, умственных заблуждений, страхов и чрезмерных волнений. Исцеление в «школе философа» душевных недугов через интенсивное, болезненное осознание своих отклонений. Сочетание гимнастики, воинских упражнений с «уходом за душой». Знание, что тело и душа могут обмениваться недугами: дурные качества души влекут за собой телесную немочь, а эксцессы плоти питают душевные изъяны. Особое внимание к телу взрослого, которое является непрочным, бранным, подточенным множеством невзгод и потому нуждающимся в пристальном наблюдении за расстройствами, защите от излишеств и режиме. Рассмотрение нарушений морали как «болезней души», тем более тяжелых, чем менее они осознаются человеком.

Познание себя: процедуры осознанного самоиспытания, выражающиеся в воздержании от тех благ, которые ценятся выше всего, в умеренности при получении удовольствий, в подготовке к жизненным невздам, в приобретении опыта самоограничений, в лишении себя самого необходимого, в уходе от соблазнов, в скромности, позволяющей не выделяться среди других. Практика самоанализа: рассуждение о делах прошедшего дня и составление планов на следующий день; оценка своих поступков, совершенных за день; разборка происшедших событий; припоминание сказанного; постановка цели впредь избегать допущенных ошибок в поведении и действии; трезвое изучение себя не ради установления собственной вины и испытания стыда, а ради самосовершенствования. Работа мысли над собой: непрерывное самоисследование, ведущееся с целью проверить правильность своих представлений, выявить их источник и скрытый смысл, собрать все их содержания, выбрать в них главное для себя.

Поиск себя: без пренебрежения общественными делами и обязанностями – сдвиг внимания на отношение к себе; исследование тайны своей души с помощью философского уловления «знаков» этой тайны. Путь к овладению собой, к единоличной власти над собой, к уединению в самом себе; обращение к прошлому как единственной части жизни, неподвластной ничему, кроме памяти самого человека; приобретение опыта «наслаждения собой», радость от открытия себя-внутреннего, переживание того, что «ты сам – твоя лучшая часть».

Л. М. Баткин, основываясь на идеях М. М. Бахтина о специфике литературных Я-текстов, воссоздает открытия индивидуальности, сделанные европейским человеком «наедине с собой», в трудном, трагичном и вдохновенном пути самопознания (2).

Согласно Баткину, изучение рефлексивных текстов выдающихся творцов средневековья и Ренессанса (Августина, Абеяра, Петрарки и других) позволяет выделить ряд **Я-позиций** личности, сформировавшихся в европейском культурогенезе. Обобщим их в следующей модели:

- жизнь Я в горизонте идеи «индивидуальной личности»;
- суверенность и самоценность Я;
- нравственная ответственность перед самим собой за себя и других людей;
- создание собственного мировоззрения;
- достижение несовпадения с собой на путях самоформирования;
- уникальность, независимая от яркости индивидуальности;
- единичность, доведенная до единственности и особость, доведенная до общезначимой индивидуальности;

- оригинальность как самобытное сочетание традиционного, образцового и общепринятого;
- соединение в самосознании общего и уникального;
- приведение обстоятельств, обычаев, вкусов, методов мышления в соответствие с собою;
- поиск свободы и принятие трагичности обладания этой свободой;
- активная рефлексия, формирующая личность;
- установка на подлинность Я в самоописаниях;
- проживание жизни в неизбежных противоречиях;
- принятие своего одиночества и риска самовыражения;
- активная диалогичность Я, его стремление навстречу всему и вопрошание всех.

Проводя линию индивидуализации и рефлексивности личности до реалий современной жизни, Л. М. Баткин отмечает, что, как и люди средневековья или Возрождения, мы стремимся сознавать и описывать себя в соответствии с нормативной моделью человека, которой дорожим. В качестве такой модели к концу 18 века утвердилась идея «Я» как собственной бесконечной причины и основания.

В продолжение традиции изучения текстов самопознания, мы разработали **модель культурогенеза творческого Я** в его доминирующих отношениях с жизнью. В результате интерпретации «Размышлений» Марка Аврелия, «Истории моих бедствий» Петра Абеляра, «Жизни Бенвенуто Челлини, рассказанной им самим» и «Исповеди» Льва Толстого была намечена культурно-историческая динамика самопознания творческой личности, направленного на различные условия жизненного становления Я.

Действие тех или иных условий в становлении творцов европейского типа, несомненно, нашло отражение в философии, истории, культурологии, психологии. Однако, сложный культурогенетический контур их субъективного осознания, преобладающей индивидуальной значимости, личного овладения ими и синтеза в масштабном образе «Я» нуждается в тщательном изучении и последующем преломлении в современных моделях творческой личности.

Наш выбор персоналий и рефлексивных источников был обусловлен принадлежностью Авторов к различным эпохам становления европейской культуры, их участием в развитии разных этнических форм единого культурного процесса (греко-римской, французской, итальянской, русской), мировым признанием творческих вкладов и влияний Авторов в области философии, искусства, литературы, высоким уровнем психологизма созданных ими текстов самопознания и большой частотой обращений и упоминаний этих текстов в различных науках о культуре.

Согласно нашему исследованию, Я выдающихся субъектов культуры охватывают активным осознанием, отношениями значимости и преобразованием относительно **константную структуру** жизненных условий собственного становления. К ним относятся:

творчество в его жизненном пробуждении, иррациональном и осознанном протекании, обусловленности даром, талантом или гением личности, продуктивном выражении в созданных образцах, идеалах, трудах, произведениях, изображениях, текстах;

взаимодействие с другими как внутренние и внешние отношения с творцами-авторитетами, родителями, помощниками в творчестве,

вдохновителями, врагами, учениками, референтным окружением, социумом, государством, носителями власти;

собрание ценных знаний как опытная, рациональная основа творчества, относящаяся к традиции, познанию, обучению, технологиям, концептуальным установкам и информационному обмену в творческой деятельности личности;

организация и динамика жизненных смыслов, обосновывающие для личности мотивы, цели, способы, стратегии, перспективы, этапы, рефлексия существования, включая творческую деятельность и самореализацию в качестве творца;

противоречия жизни, возникающие в динамике творчества, взаимодействии с другими, познании, самопознании, поисках смысла и разрешаемые личностью с жертвами или приобретениями, путем активности или отступления, способом капитуляции или нового жизненного прорыва;

самоутверждение, состоящее в непрерывном творчестве, уникальных авторских результатах, отстаивании авторского достоинства, сопротивлении внешнему давлению на творческое Я, преодолении враждебности со стороны других, принятии одиночества для сохранения суверенности, превращении индивидуального в общепринятое, усилении Я средствами рефлексии, построении жизни в соответствии с идеалом человека или собственной моделью Я-индивидуальности.

При этом исследованные опыты индивидуального самопознания, относящиеся к культуре античности, позднего средневековья, Ренессанса и культуре 19-20 вв., указывают на **критически высокую** рефлексивную выраженность определенных условий жизни и самостановления творца в зависимости от его принадлежности к конкретному периоду культурной динамики.

Полагаем, что яркие рефлексивные акценты отражают не только индивидуальные установки автора Я-текста, но также и действующие в то или иное историческое время каноны понимания человеком себя по избранным, доминирующим критериям. Творческая личность в контексте своего культурного времени, во-первых, эксплицирует и полно воссоздает существующие каноны самопознания и самоотношения человека, во-вторых, выходит за их пределы, в-третьих, инициирует появление новых моделей «Я». Продемонстрируем обнаруженные рефлексивные акценты субъектов культуры.

«Размышления» **Марка Аврелия** (4) намечают и позволяют реконструировать образец человека как цели индивидуального самоформирования. Выражает себя **Я, творящее и воплощающее идеал человека**. Определяются бытийные условия, пути и меры реализации идеала в собственной жизни и жизни других людей. Идеальное человеческое бытие диалектично объединяет богов – природу – тайну человека – его разум – разумную душу – умную жизнь – гения в человеке – общественность человека – других людей – Я – правила самопознания и самосовершенствования.

- **Боги** устроили все разумно, прекрасно, человеколюбиво. Силой божественного Разума творится **Природа** – первооснова всего сущего и существующего, истина и причина всего, что истинно. Природа является совершенным целым, все воссоединяет в целое, все дает и все отбирает у сущего. В ней сосредоточено единство таинственных сил, составляющих «природу» вещей. Это тайны возникновения вещей, их строения из отдельных частей, их становления и превращений, преодоления ими зла, то есть распада и отпадения от целого. Будучи сотворенной, Природа сама выступает творцом. Одним из ее творений является человек и его жизнь в мире.

Тайна человека – соединение в нем тела, души и ума. Этому соединению способствует разумное отношение к божественной причине всего, к телу, к другим людям, к миру. Кто не знает, что такое мир, не знает, где он сам. Кто не знает, для чего он рожден, не знает, ни кто он, ни что такое мир

2. **Разум** дан человеку от божественной Природы. Это «главенствующее внутри человека»; пронизывающее все сущее; не создающее зла; уловитель связи всего и всех отношений одного к другому; управитель человеческой жизни; начало, придающее человеку цель и назначение; созерцающее бытие и время как целое; познающее порядок, складывающееся из противоположностей; общее с другими людьми. Разум является гением человека, направляющим его к умной жизни в мире и к добродетельной жизни души. Задачей разума-ума является формирование правильных представлений о предметах, а именно, нахождение пределов и очертаний предметов, рассмотрение каждого предмета в его «естественной наготе», познание его в полноте и отдельности, называние его собственным именем, знание всех элементов, его составляющих и всех частей, на которые он распадается, познание ценности предмета для целого. В единении с душой, разум превращает ее в разумную душу, способную себя видеть, себя расчленять, делать себя такой, какой хочет, пожинать свой плод, приходить к своему назначению, все в себе делать полным и самодостаточным, обходить весь мир, распространяться на бесконечность времен, любить ближнего, встретиться со своим гением. Разумная душа – «сфера, светящаяся светом». Разум – в целостной, не рассеянной, собранной жизни.

3. **Гения** в человеке открывает и сберегает философия, которая придает жизни благой характер, отличающий ее от обычной

человеческой жизни. В обыкновенной жизни мы живем в мимолетном настоящем, наша душа пребывает во сне и слепоте, жизнь состоит только из первостихий, существование кажется войной и чужбиной, воспоминание не отличается от забвения, смерть настигает любого, даже тех, кто чрезмерно заботится о жизни. В разумной жизни, осененной гением, мы живем в созерцательном и деятельном настоящем, видим его «точкой вечности», помним не только о жизни, но и о смерти, прилаживаемся к судьбе, преодолеваем стихийность бытия, действуем с рвением, силой и благожелательностью, сохраняем своего гения в чистоте, ничего не ожидаем и ничего не избегаем, храним покой, не доверяя какой-то одной из противоположностей, действуем по традиции наилучших времен, делаем свою жизнь завершённой, так, чтобы нас нельзя было сравнить с «лицедеем, который ушел со сцены, не доиграв».

4. Разумные существа рождены **один для другого**. Человек по природе общественное существо, действует общественно. Радость в том, чтобы от одного общественного деяния переходить к другому. «Что улью не полезно, то и пчеле не на пользу». Все разумные существа устроены для единого сотрудничества. Человек, отщепленный от одного хотя бы существа, отпал от всей общности. «Не одинаковы ветка единорастущая и ветка, заново принятая, как была отрублена». Мы рождены для общества. «Много комочков ладана на одном алтаре. Один раньше упал, другой позже». Нужно помышлять о самых разных людях самых разных занятий и разных народов, желать другим только добра, не порицать других, так как каждый может совершить погрешность.

5. Присущие мне свойства и **образцы** человеческих свойств достались мне от других людей: прадеда, деда, отца, матери,

воспитателя, учителя, философов, поэтов. Это изящество нрава, негневливость, благочестие, щедрость, воздержанность, неприхотливость, выносливость, несуетность, пристрастие к философии, ловкость умозрительных положений, бесстрастность, благожелательность, неосуждение, обучение у друзей, восхваление учителей, долг перед ближними, владение собой, бодрость духа, скромность, мужество, надежность, последовательность, спокойствие, невысокомерие, нестроптивость, нетщеславие, трудолюбие, справедливость, самодостаточность, приветливость, независтливость, приверженность старому, невозмутимость, стойкость, зрелость, поддержка богов, божественные подсказки и знамения, хорошее здоровье, помощь другим.

6. Я могу **узнать себя**, оставаясь наедине с собой, обращаясь к себе, спрашивая себя, испытывая себя, ставя перед собой задачи, устанавливая себе правила, примеряясь к образцам. То же можешь сделать и ты.

- Когда тебя спросят, о чем помышляешь, отвечай быстро, откровенно, просто, доброжелательно.
- Принимай как благо то, что с тобой сейчас происходит, тех, кто сейчас с тобой, свои представления о происходящем и то, что не вкрадывается в настоящее неизвестное.
- Спрашивай себя сразу по пробуждении ото сна той своей драгоценной частью, где живут правда, верность, стыд, закон, добрый гений.
- Соблюдай себя при именах: добротный, достойный, подлинный, осмысленный, единомысленный, свободомысленный.
- Смотри внутрь – там источник блага.
- Делай то, что от тебя сейчас требует природа.
- Само себя лишает сияния то, что не желает пересылать его.

- Благом является для тебя: общественное, неподатливость для переживаний, первенство духовных движений, неопрометчивость и пронизательность.
- Шествуй прямо, следуя собственной и общей природе.
- Из людей никого не ставь ни господином себе, ни рабом.
- Говори себе: это идет от бога, это по жребию и вплетено в общую ткань, это – от случая, это – от других, это – от меня самого.
- Поспешай к своему назначению, помогай себе, давай себе уединение, обновляй себя.

Рефлексия **Петра Абеляра** (1) раскрывает творческую личность, вовлеченную во множество жизненных противоречий, связанных с враждебностью других людей и ее стремлением к сопротивлению и самоутверждению. Конституируется модель **Я, отстаивающего себя в противоречиях с другими**. Абеляр вскрывает коллизии, проступающие через конкретные жизненные события и относящиеся к его талантам – выбору занятий – обучению у знаменитых учителей – успехам – страстям – вражде учителей – неприятию соучеников – преподаванию и написанию авторских трудов – борьбе с выпадами против него – победам врагов – его отступлениям и малодушным поступкам – новым прорывам в познании – его славе – умножению врагов – готовности к противодействию – вере в личное искание истины. Содержательный контур этих **Я-оппозиций** может быть представлен следующим образом.

- Я отличался восприимчивостью и способностями к научным познаниям, отказался ради них от воинских подвигов, которых хотел от меня отец, «отрекся от участия в совете Марса ради того, чтобы быть воспитанным в лоне Минервы».

- Я был одержим любовью к наукам. Среди них избрал философию, а из всех ее положений и методов – оружие диалектических доводов и победы в философских диспутах.

- Я изучал диалектику у Гильома из Шампо, выдающегося магистра, который принял меня благосклонно и благоволил мне до тех пор, пока я не попытался опровергнуть некоторые из его положений. Я стал ему неприятен, так как побеждал его в спорах и постепенно приобретал славу.

- Я видел, как он воспламенялся завистью ко мне по мере того, как распространялся слух о моем искусстве в диалектике и по мере того, как меркла его известность.

- Я возымел о себе такое высокое мнение, что, несмотря на юный возраст, стремился открыть собственную школу. Мой бывший учитель и его сторонники противились моему влиянию на учеников, и я открыл школу в отдалении от Парижа, где мог более свободно нападать на противников в диспутах.

- Я возвратился в Париж и силой диалектических доводов опроверг учение Гильома об универсалиях. Он коварно лишил меня моих покровителей, и моя школа была отдана другому. Я сопротивлялся и вскоре вернул школу, выиграв битву.

- Я начал изучать богословие у Ансельма Ланского, обязанного своей большой известностью долголетнему преподаванию и красноречию, а не уму и памяти. «Зажигая огонь, он наполнял свой дом дымом, а не озарял его светом».

- Я ходил на его занятия все реже и реже, что тяжко обидело лучших учеников Ансельма. Они коварными наговорами вызвали у него ненависть ко мне.

- Я стал отрицать необходимость в чужом руководстве при толковании священных текстов и приступил к их собственному

толкованию и чтению лекций по богословию. После первой лекции Ансельм стал мучиться завистью ко мне. Гильом преследовал меня в философии, Ансельм – в богословии.

- Моя школа принесла мне славу и благополучие. Беззаботное житье ослабляло силу духа и направило его к плотским удовольствиям. Я считал себя единственным в мире философом, был всецело охвачен гордостью, надменностью, сластолюбием и все больше отдалялся от философии и богословия.

- Я полюбил Элоизу, известную своими научными познаниями. Она ответила мне страстной любовью, но считала, что истинный философ отличается от других строгостью жизни и свободой от мирских забот, следовательно, не должен жениться.

- Я был жестоко наказан родственниками Элоизы за нашу тайную любовь. Особое горе причиняло мне то, что оскопленные люди считались нечистыми и по общему убеждению не могли заниматься философией и богословием

- Я постригся в монахи, и вскоре монастырские предложили мне преподавать философию для бедных. Но в аббатстве царили дурные нравы, и я стал обличать братию за их мерзости. Они возненавидели меня.

- Ко мне съехалось множество школяров, другие школы стремительно теряли учеников, и магистры других школ стали возводить на меня разные обвинения.

- Я написал богословский трактат «О божественном единстве и троичности». Наитруднейшие вопросы получили в нем разрешение, нравившееся многим.

- Мои раздосадованные соперники собрали против меня Собор для обсуждения моего трактата. Мне не дали слова для защиты под

предлогом, что «весь божий свет не мог бы опровергнуть его доказательств и софизмов».

- Меня осудили за высокомерие, с которым я написал и распространил эту книгу. Книгу присудили к сожжению и меня заставили самого бросить ее в огонь. «И враги наши – судьи».

- Я удалился в пустынь, но вскоре ко мне съехались многие ученики и почитатели, отказавшись от городских благ. Обо мне говорили: «Вот за ним пошел целый свет». Я основал там храм и назвал его Параклетом (Утешителем).

- Слава моя росла, но враги стали распускать обо мне дурные слухи, и я должен был оставить Параклет на попечение Элоизы, также принявшей постриг. «Мне казалось, что язычники отнеслись бы ко мне более благосклонно, чем собратья по вере.

- Меня назначили настоятелем монастыря в Бретани, где я принял в управление неукротимую, непослушную братию. И там меня мучили «извне нападения, а изнутри – страхи». Вследствие непрерывных бедствий я считал себя наследником блаженного Иеронима.

- Я решил оказывать покровительство, помощь и преподавать науки в монастыре, основанном Элоизой. Свои несчастья я стал считать полезными, как некие искушения, и потому обращался к богу со словами: «Да будет воля твоя!»

Рефлексия художника **Бенвенуто Челлини** (11), чарующая стройностью ренессансного текста, акцентирует произведения разностороннего гения Автора, его гордость творца, его самоотождествление с предками-отменными мастерами и с великими художниками, его подвиги и испытания в творчестве. С критически выраженной силой заявляет о себе **Я, изобильно создающее шедевры**. Автор погружен в череду великого множества

событий и ситуаций своей жизни, основная часть которых связана с дворцовыми запросами на его уникальную способность творить красоту вещей. Выстраивается модель непрерывного, жизненного движения Я от одного образного замысла к другому, от состоявшегося творческого процесса к новому, от завершенного изделия к вновь задуманному. Эта продуктивная динамика, с ее сопутствующими условиями, может быть воссоздана следующей рефлексивной моделью.

- Я описываю только вот эту мою жизнь и то, что к ней относится.
- В детстве мне явилась в огне Саламандра как знак будущего величия.
- Мой путь составляют благие отрады, доблестные дела, превратности судьбы.
- Я родился свободным и таким же свободным хочу жить.
- Родясь простым, я положил своему дому почтенное начало.
- Мой дед занимался зодческим искусством; отец был отменным рисовальщиком и музыкантом, обладал поэтической жилкой и пророческим даром.
- У такого отца я должен был стать мастером.
- Отец желал, чтобы я стал искусным в игре на флейте, но я с большим трудом убедил его учить меня рисованию. Вначале я попал в обучение к золотых дел мастеру.
- Я учился у многих мастеров (ювелиров, художников, ваятелей), и многие из них, видя мое дарование и старание, любили меня, как родного сына.
- Я учился на прекрасном пошибе Микеланьоло Буонаротти и Леонардо да Винчи, Рафаэлло да Урбино и Донателло, Юлио Романо и Тициана.

- Мои великие Учителя – люди с божественным талантом, искуснейшие, добродетельные, доблестные.
- Когда меня сравнивали с великими мастерами, это было мне наилучшим вознаграждением.
- Я был живописцем и ваятелем, владел золотым, серебряным, финифтяным делом, имел многих учеников.
- У меня был особый дар, ниспосланный мне богом: усердие и преодоление трудностей, благодаря чудесному телесному сложению.
- Многие люди, обладающие властью, стремились заполучить мой талант. Папа Климент говорил: «Бенвенуто может гордиться тем, что служит государю, подобному мне, который его знает».
- Мне покровительствовали, благоволили, помещали для работы в свои дворцы, соперничали из-за меня между собой герцог Лессандро, король Франции, герцог Пьер Луиджи, герцог Козимо, герцог Лоренцо Медичи, кардиналы наваррский, лотарингский, феррарский. Французский король сказал обо мне: «Я достал из Италии величайшего человека, который когда-либо рождался, полного стольких художеств».
- Для этих моих высоких заказчиков я сделал множество вещей, соперничающих с изделиями самых больших искусников: оправленные в золото бриллианты, вазы, медали, монеты, пряжки для шляп, застежку для папской ризы, драгоценные оклады для книг, серебряную посуду, модели 12 серебряных статуй богов, женские скульптуры, изваяние Персея для центральной площади Флоренции, мраморное распятие для флорентийской церкви, статую Нептуна для фонтана.
- Я делал работу такой тяжести, которая иногда убивала моих работников.

- Я подвигал одновременно множество работ.
- Мои враги говорили: «Бенвенуто – великий дьявол, сделавший то, что искусство не может сделать, и столько великих дел, каковых слишком много даже для дьявола».
- Я сознаю, что обладаю свободной волей.
- Я верю в бога, судьбу и могущество звезд.
- Я достиг возраста пятидесяти восьми лет, с каковым столь счастливо, благодаря милости божьей, иду вперед.

Значительным моментом в развитии рефлексии субъектов культуры стало обращение творцов 19-20 веков к **смысловому аспекту жизни** как тайне, загадке, проблеме индивидуальности. Это означало принципиальное изменение направления творчества и самопознания, сместившегося из «внешнего» пространства общественных идеалов, межчеловеческих взаимодействий, произведений и способов самовыражения во внутренний мир ценностей и значимостей личности. Предметом творчества становится ускользающий феномен смысла, поиск которого принимает форму углубленного исследования «Я». Общие экзистенциальные установки, порожденные новоевропейской гуманитарной культурой, приобретают образ «творческого самообоснования личностью своей жизни».

Критическим случаем рефлексии смысла можно считать «Исповедь» Льва Толстого (9). Текст открывает **Я, исследующее смысловое движение жизни**. «Смысл» для Толстого – это осознанная вера в то, ради чего стоит жить. Главной проблемой, направляющей его самопознание, выступает динамика смысла, состоящая из следующих циклов: нахождения смысла – возникновения смыслового конфликта – критики смысла – состояния опустошения – переосмысления – рождения нового

смысла. Жизненный контур смысловых изменений представлен следующей моделью авторского Я.

- Моя жизнь является историей искания **веры** как смысла жизни.
- Во все времена моего детства меня учили православной вере, но то, что я испытывал, было скорее не вера, а **доверие** к тем, кто меня учил.
- Вероучение постепенно оттеснялось из сознания, как не участвующее в жизни людей, окружавших меня, людей нашего круга и склада.
- В юности моей верой стало **совершенствование**. Я совершенствовал свой ум, волю, нравственность, но делал это не ради того, чтобы быть лучше перед Богом или перед собой. Я желал быть лучше, то есть, сильнее, славнее, богаче перед другими людьми.
- В молодости меня хвалили за то, что я не могу вспоминать без ужаса: я убивал людей на войне, вызывал их на дуэль, проигрывался в карты, проедал труды мужиков, обманывал. Но смысл моей жизни, который я скрывал, составляло стремление к **добру**. Я был совершенно одинок, когда искал хорошее в себе...
- Я начал писать и считался чудесным художником. Мои товарищи по искусству верили, что жизнь идет, развиваясь, и главная роль в этом развитии принадлежит писателям, поэтам. Я тоже верил, что должен **писать** и печататься как можно больше, учить и просвещать людей, служить благу человечества. Но мы не знали, при этом, что хорошо, а что дурно, не слышали друг друга и на самом деле хотели получать больше денег и похвал.
- Жизнь в Европе и сближение с европейскими учеными людьми укрепили мою веру в **прогресс** как естественный процесс совершенствования жизни.

- Счастливая **семейная жизнь** отвлекла меня от искания общего смысла жизни. Вся жизнь сосредоточилась на жене, детях, добывании средств к существованию. Я считал писательство пустяшным делом, но писал и получал за это огромное вознаграждение. Смыслом стала благополучная жизнь семьи.

- Некоторое время назад у меня появилось ощущение «**остановки жизни**», как будто я не знал, как мне жить, что мне делать, что будет потом. Например, думая о славе своих сочинений, я говорил себе: «Ты будешь славнее Пушкина, Гоголя, Шекспира, Мольера – ну и что?». Многие вопросы к себе, падая в одно и то же место, «сплотились без ответов в одно черное пятно».

- В пятьдесят лет жизнь моя остановилась, потому что не было у меня таких желаний, удовлетворение которых я находил бы разумным. Истиной стало казаться то, что жизнь – **бессмыслица**.

- Я не мог жить, не думая о смысле жизни, и не мог не видеть смену дней и ночей, ведущих к **смерти**. Ужас приближения и ожидания смерти был слишком велик, и это чувство сильнее всего влекло меня к самоубийству.

- Я думал, что состояние отчаяния не должно быть свойственно человеку, а значит, я чего-то не понял о своей жизни. Я стал искать **разумного знания** о жизни в естественных и умозрительных науках, в философии и учениях мудрецов, но нигде я не нашел ответа на вопрос: «Зачем Я живу?».

- Я изучал людей своего круга и увидел 4 основных способа избежать отчаяния и переживания бессмыслицы жизни: неведение и непонимание; эпикурейство; сила и энергия – выбор самоубийства; слабость – знание зла жизни, но продолжение ее в ожидании чего-то. Я выбрал путь **слабости**.

- Я должен был оправдать свою жизнь. Мой настоящий вопрос о жизни был такой: «Что выйдет настоящего, неуничтожающегося из моей призрачной, уходящей жизни?»

- Я обратился к религии и верующим, простым людям. Я увидел, что они признают смысл жизни в неразумном знании, то есть, в вере. Выходило **противоречие**: разум отрицал жизнь, породившую его, а вера требовала отречься от разума, чтобы оправдать жизнь.

- Я говорил себе, что сущность веры в том, что она придает жизни смысл, который не исчезает со смертью человека. Я искал веры, силы жизни. Я искал **бога** как истины, которая не проясняется разумом, но помогает человеку жить. «Живи, отыскивая бога, и тогда не будет жизни без бога».

- Я бросился к изучению богословия, пытаюсь объяснить необъяснимое. Не разум, а сон помог мне. Я увидел, что вишу на невообразимой высоте: бездна внизу и бездна вверху. У моего тела нет опоры. Бесконечность внизу пугает и отталкивает меня. Бесконечность вверху притягивает меня. Я смотрю только вверх, и страх покидает меня. Я всем телом чувствую опору, вижу столб у своего изголовья, на котором держится эта опора. Голос сна сказал мне» «Заметь, **это оно**».

Таким образом, культурную динамику рефлексии творцов можно рассматривать как движение самопознания личности от одних Я-акцентов к другим: от общественного к индивидуальному, от внешнего к внутреннему, от идеального к противоречивому и трагическому, от творческой деятельности и авторских произведений к смыслообразованию. Вехами культурогенеза рефлексии творцов выступают «Я», создающее идеал человека, «Я», отстаивающее свое творчество в противоречиях с другими людьми,

«Я», изобильно творящее шедевры, «Я», исследующее смысл своей жизни.

Изучение культурной динамики «Я» творцов, основанное на модели европейской личности, ведет к созданию новых методов психологического развития современных субъектов культуры.

Литература

1. Абеляр П. История моих бедствий. М.: Республика. 1992.
2. Баткин Л. М. Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. М.: Российский государственный гуманитарный университет . 2000.
3. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия. // Культурология. XX век. Антология. М.: Юрист. 1995 С. 297 – 330.
4. Марк Аврелий. Наедине с собой. Размышления. // Римские стоики. М.: Республика. 1995. С. 271 – 363.
5. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер. 2004.
6. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Просвещение. 1973.
7. Старовойтенко Е. Б. Культурная психология личности. М.: Академический проект. 2007.
8. Старовойтенко Е. Б. Психология личности в парадигме жизненных отношений. М.: Академический проект. 2004.
9. Толстой Л. Н. Исповедь. Собр. соч. в 22-х томах. Т.16. М.: Художественная литература.1989.
- 10.. Фуко М. Забота о себе. Киев: Дух и литера. М.: Рефл.-бук. 1998.
11. Челлини Б. Жизнь Бенвенуто Челлини, рассказанная им самим. М.: Художественная литература. 1987.

САМОПОЗНАНИЕ И ТВОРЧЕСТВО ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В КУЛЬТУРЕ*

Глава книги Старовойтенко Е. Б. Самопознание и творчество индивидуальности в культуре // В кн.: Психология индивидуальности: новые модели и концепции / Науч. ред.: Е. Б. Старовойтенко, В.Д, Шадриков. М. : НОУ ВПО МПСИ, 2009. С. 147-196.

Индивидуальность – это Имя

1. Культурно – психологическая модель индивидуальности

Современная психология индивидуальности как самостоятельная и перспективная наука развивается на пересечении идей философской антропологии, культурологии, литературы, искусства, персонологии (психологии личности), дифференциальной психологии, психологии развития. В плане активного порождения и развития идей об индивидуальности, следует выделить **персонологию**, где категория «индивидуальность» означает предельное, высшее, наиболее тонкое и глубокое понимание личности. В первую очередь, это касается тех теорий и концепций, в которых акцентируется единственность личности, ее самопричинность, самодостаточность, способность к самопознанию, недоступность и неприкосновенность ее душевной тайны, создание индивидуального мира значимостей, принятие в себя миров других людей, уникальность самовыражения во всем инициированном и произведенном. Эти акценты свойственны экзистенциально-гуманистическому, глубинному, субъектному, жизненно-ориентированному и рефлексивному направлениям в психологии личности.

* Работа выполнена при поддержке индивидуальных научно-исследовательских грантов Научного фонда ГУ – ВШЭ. Номера грантов 07 – 01 – 92 и 08 – 01 – 001.

Мы видим перспективу раскрытия индивидуальности в русле движения к **разнообразию и синтезу идей о личности**. Именно в персонологии возможны определения личности, касающиеся ее множественных свойств, выражающихся у индивидов в неисчислимых вариантах и бесконечном количестве композиций. Именно персонологический ракурс познания позволяет осветить полидетерминацию индивида, обращенную к его конкретной жизни в форме неповторимого соединения. Только персонология погружает взгляд исследователя в потаенную бессознательную самость индивида, где заданы многие линии его спонтанного жизненного самоосуществления, а также в феноменальную ткань «Я», придающего жизни характер «собственной» и подлинной по «моей мере». Наконец, лишь в персонологическом измерении возможно познание многопланового самовыражения индивида, воплощенного в **культуре**, которая продлевает конечную жизнь человека в неопределенное и неопределимое будущее, где «индивидуальное» обогащается нескончаемыми идентификациями и импликациями референтов его влияний. В пространстве культуры индивидуальность личности раскрывается той гранью, которая оказывается затененной при других фокусах ее рассмотрения: гранью искусного, проникающего самопознания, собственно и порождающего индивидуальность в продуктивном творческом диалоге и Я-отраженных отношениях с множеством других людей. Можно сказать, что изучение индивидуальности в персонологии – это, прежде всего, помещение личности в центр координат, где соединяются единичное – общее, уникальное – универсальное и единственное – множественное. Сложный личностный синтез **единственности и множественности** образует, на наш взгляд,

важнейший момент становления индивидуальности в мире вообще и мире культуры, в частности.

Подход к личности в аспекте культуры хорошо отвечает поискам «индивидуальности», в силу того, что культурная деятельность и творчество способны обнаруживать и усиливать, как в волшебной линзе, то, что в динамике иных сфер жизни индивида часто оказывается скрываемым, растворенным или распределенным во взаимодействии с другими, непринятым и неоцененным. Это талантливость тела, гениальность души, божественность индивидуального духа, дар созидания, исключительность творческого Я. Личность в культуре – это, прежде всего, **«индивидуальная личность»**, которая доказывает реальность индивидуальности и ее высокий статус в бытии, демонстрируя имманентные потенциалы человека, предельные возможности индивидуальной рефлексии, отвечающие времени формы авторских достижений, паттерны взаимоотношений индивида с другими людьми, способствующие или разрушающие культурный «слой» человечества.

Рассмотрим проблему индивидуальности в контексте персонологического направления, названного нами **«культурная психология личности»**. Логику рассмотрения определяет приводимая ниже **исследовательская модель**, охватывающая концептуальные положения и методологические позиции, ранее намеченные в наших исследованиях (17; 18; 19).

- Среди культур, получивших развитие в человеческом мире, можно выделить те, в которых идея «личности» и реальная личность издавна обладают высокой ценностью, задающей свободу и простор индивидуализации. К таким культурам

общепризнанно относится европейская культура с ее неотъемлемой русской составляющей.

- В истории этой культуры человек приобрел особые свойства, определившие его бытие и самопознание в качестве индивидуальной личности – индивидуальности – творца как «высокой индивидуальности».
- Европейская культура стала «местом» рождения и самовыражения великого числа индивидуальных личностей, обусловивших ее «авторскую» динамику, в контексте которой культурные содержания, смыслы, произведения приобретали разнообразный, заверченный, непреходящий и ценностный характер.
- Исконным достоянием этой индивидуализированной культуры являются человеческий разум и мысль, идеи и тексты. Именно в области создания идей и текстов личность могла объять стремящееся к бесконечности множество объектов, их связей и отношений, расширяя свой мир и себя далеко за пределы непосредственно данного, становясь «единичностью», вмещающей «все».
- Тексты как события культуры образуют самостоятельную сферу творчества, имеющую тройственное отношение к индивидуальности автора и референтов: текст по-новому структурирует и эксплицирует процессы, состояния, содержания, образы и идеи внутреннего мира автора, каждый раз выступает новой формой его прямого или опосредованного самовыражения, трансцендирует «личное» автора в душевный мир референта, обновляя его.

- Важнейшим моментом европейского культурогенеза является формирование «рефлексивной культуры», представленной текстами авторских жизнеописаний, исповедей, дневников, писем, мемуаров, литературных «самоисследований». Текст «Я» в психологическом плане многосторонне связан с личностью автора: он выражает «внутреннее», не выразимое другими, но уловленное в себе автором; является вербально-смысловой тканью его «Я»; выступает как форма «тела», «плоти» автора, воплощая его самость; продлевает и «собирает» Я-состояния, Я-образы. Я-идеи, по этим следам возвращая автора к единому «центру Я»; является способом изменения и развития Я; распространяет, расширяет авторское Я в пространство внешней и внутренней жизни других, порождая Я-в-Другом; становится средством прямого Я-обращения автора к каждой другой индивидуальной личности с призывом прочувствовать, понять и досоздать общий мир жизни.
- Если в отношении культуры можно говорить об архетипе Сокровища, то им является «творческая индивидуальность» как иницирующее начало культурных процессов. В европейском культурогенезе осуществлены блестящие опыты осмысления и моделирования «творца» как единства свойств и интенций, индивидуализирующих его, а также придающих ему типический либо вневременной, универсальный характер. Акценты на индивидуальность творцов заключаются в поиске глубинных и феноменологических истоков творчества, конкретных жизненных причин и сопутствующих условий творчеств; в определении экзистенциальных линий творческой жизни; в обращении к внутренней траектории творческого процесса, к феноменам

участия творца в многовекторном поиске Бога, Образа, Идеи, Смысла, Слова, Символа, Себя, Другого; в изучении форм «самозавершения», исполненности творческой личности, выражающих высокий уровень ее индивидуализации.

- Идеи, тексты, способы жизни творческих индивидуальностей в их исторической динамике конституируют разнообразие и полноту культурно-психологических потенциалов, которые могут быть жизненно реализованы конкретным человеком в пространстве европейской культуры. Эти потенциалы, поскольку они во многом определены актами сознания, самосознания и самодеятельности творцов, имеют форму «жизненных отношений». Отношения-потенциалы задают такой контур самоосуществления личности, в котором одновременно присутствуют: «многое», «различное», «единое», «центральное», «расходящееся», «сбранное», «множественное», «расширенное», «единственное». Сочетание этих мер осуществления жизни свидетельствует о личности как индивидуальности.
- Имманентное творческим индивидуальностям самопознание, находя выражение в разновременных рефлексивных текстах, может быть представлено как исторический процесс культурной экспликации значимых аспектов «Я», осуществляющего «проникающие» влияния на самоотношение и рефлекссию множества личностей, включенных в культуру. Творцами порождаются общие гибкие каноны понимания человеком себя во внутренней и внешней жизни, действующие в конкретную культурную эпоху и в снятом виде продолжающие действовать в последующие эпохи. Содержательно-смысловые «матрицы» индивидуального самопознания, передаваясь по путям

межличностных влияний, могут становиться коллективными представлениями, на века конституирующими жизнь социума.

- Придерживаясь европейского взгляда на индивидуальное самопознание как стремящееся к целостному пониманию «Я» во многих его ипостасях, качествах и отношениях, можно, тем не менее, обнаружить отчетливые доминанты в разновременных опытах самопознания творцов. Полагаем, что реконструкции исторической динамики Я-акцентов творческих индивидуальностей, выполненные многими исследователями, приведут к построению интегральной модели культурно-психологического потенциала «Я» современной личности.

Таким образом, понятие «индивидуальность» в контексте культурной психологии личности может указывать на то, что **быть индивидуальностью**, это значит:

1. принадлежать к индивидуализированной культуре (*быть во множестве единственных*);
2. состояться индивидуальной личностью (*быть единственным во множестве*);
3. быть причастным к созданию идей и текстов (*множественно осуществить свою единственность*);
4. стать творцом и творчески жить (*быть единственным средоточием множественного*);
5. формировать и сполна осуществлять культурно-психологический потенциал индивидуализации личностей в обществе (*своей единственностью породить множество*);

6. осуществлять самопознание, освещая значимые для себя и для многих других аспекты «Я» (*в своей единственности открыть множественность*);
7. обогащать культурный потенциал развития «Я» и самоидентичности других индивидуальностей (*стать множеством, будучи единственным*).

Далее перейдем к обоснованию исследовательских позиций и перспектив, представленных в культурно-психологической модели индивидуальности.

2. Быть во множестве единственных и быть единственным во множестве

Известно, что в глобальном социокультурном процессе выделились и развиваются культуры, ставящие «личное» и «индивидуальное» на высокие уровни ценностной иерархии. К ним относят европейскую культуру в целом, а также множество конкретных культур европейского типа. Специфика зрелой индивидуализированной культуры, прежде всего, в плане общепринятого значения индивидуальной личности, отчетливо проступает в сравнении с культурами и обществами, где доминируют традиционализм и коллективизм.

Напомним, что издавна существующие коллективистские цивилизации главными мерами человеческого существования определяют родовые, групповые, общественные установления, освященные религией. Общность обладает превосходством над своими членами, объединенными скорее бессознательно-чувственными, чем сознательными и рациональными связями. Каждый воспринимается не сам по себе, а в силу своей причастности к общему. Власть общности обеспечивается

инициацией, общей легендарной историей, захватывающими сакральными обрядами и строгими социальными регламентами и санкциями поведения. Отдельный человек принимается и ценится всеми как проекция коллективного или «соборного». Он внутренне и внешне проникнут общим и не мыслит для себя иного, «внеобщественного», состояния. Телесные и душевные отличия индивидов друг от друга выглядят для общества и каждого его члена чем-то второстепенным. Коллективно воссоздается обобщенный образ человека, наиболее приемлемого для всех, и присваивается индивидами в качестве «образца для подражания». Если индивид проявляет непохожесть и обособленность от других, это отбрасывает его на самый край общественной жизни. Самыми достойными и авторитетными членами социума выступают те, кто наиболее полно концентрирует в себе «образцового человека», общий интерес, коллективные представления, общественную волю и содержание группового бессознательного. Вожди, жрецы, монархи, философы, ученые, поэты выделяются и возвышаются не в силу личной исключительности, которой, безусловно, обладают, а в силу предельного сродства с общностью, способности к самоотрешению и выражению глубинного духа коллектива. Высшей общественной ценностью выступает «Традиция» как единое знание внечеловеческого происхождения, имеющее эзотерические и конкретно-духовные формы (религия, философия, наука, искусство), поддерживающие связь людей с Абсолютом. Традиция заключает скрытую от человека тайну вхождения в «земной рай» и «золотой век».

Исторически поздние коллективистские общества допускают индивидуализацию духа и веры, инициативу, активность, личные

дарования и достижения рядовых членов, но оценивают их в зависимости от общественных, групповых, клановых и т. д. целей. Индивиды, предающие себя социуму, даже при полном «обобществлении» совершенного и созданного ими, не переживают самоотчуждения.

В Европе длительное преобладание коллективности примерно к XVII веку приобрело сильную оппозицию в «индивидуализации», направившей желания, чувства и мысль индивидов на себя, а общности – на «личное» ее конкретных членов. Тенденция индивидуализации прошла сложное становление в качестве идейного настроения, идеала, понимания сущности человека, способа жизни и рефлексивной способности личностей, став откликом на стремление множества людей к самоопределению и самоутверждению в мире. По заключениям М. Фуко (23), под «индивидуализмом» в основном понимается три феномена. Во-первых, это общественная позиция, наделяющая индивида в его неповторимости высокой ценностью и приписывающая ему относительную независимость от группы. Во-вторых, повышенная общественная оценка частной жизни. В-третьих, поддерживаемые обществом интенсивные отношения индивида к себе, внутренние связи с собой и восприятие себя как объекта собственного познания, действия, развития. Личность в социокультурной динамике постепенно открывала потенциал собственных внутренне обоснованных отношений к Абсолюту, к обществу, к другим, к себе. «Чем дальше мы в истории оглядываемся назад, тем более мы видим, как личность мало-помалу исчезает под покровом коллективности... То, что мы разумеем под «индивидуальностью», является сравнительно недавним завоеванием истории духа и культуры» (28; с.37).

Индивидуализация, во многих культуроведческих работах называемая «индивидуализмом», является объективным переходом конкретной личности с периферии общественной жизни в ее сердцевину, а также изменением субъективных жизненных позиций индивида в направлении осознанного повышения роли своего «Я» и значимости внутренней свободы. Признаками индивидуализации европейской личности являются: жизнь человека в горизонте «идеала индивидуальности»; признание им суверенности Я; нравственная ответственность перед самим собой за себя и других людей; создание собственного мировоззрения; несовпадение с собой в процессах самоформирования; чувство своей уникальности; желание свободы и переживание ее трагизма; единичность, доведенная до единственности и особость, доведенная до индивидуальности; установка на подлинность индивидуального «Я» в рефлексии и самоописании; стремление Я ко всему, вопрошание всех, единство со всем (4). В европейском культурно-историческом процессе индивидуализм, основывающийся на общезначимом самораскрытии и самополагании личности, становился «персонализмом» или «высоким индивидуализмом».

Европейскую индивидуализацию в аспекте повышения социокультурной роли индивидуальной личности и значения ее реальной жизни в «мире личностей» определили следующие моменты:

- Внутреннее (чувственное, эмоциональное, мысленное) выделение человеком своего телесно-психического «Я» из родственного круга, общности, универсального или трансцендентного единства в качестве автономного существа.
- Умственное, интеллектуальное, ментальное развитие человека, позволяющее ему индивидуально включиться в производство

символов, идей, идеалов, текстов, приводя их в соответствие с собой.

- Осознание человеком себя самостоятельной неповторимой и незаменимой частью целого или «единичностью в тотальном».
- Поиск индивидом состояния «быть наедине с собой», принятие своего одиночества, создание личного мира, осознание возможности собственного выбора и готовность отвечать за него и его последствия.
- Личное самопознание и рефлексивное несовпадение человека с самим собой, понимание неуловимости жизненного самопредстояния.
- Отношение индивида к себе как главному основанию своих поступков и действий, субъективная локализация деятельного начала в себе самом: открытие самопричинности.
- Возрастание силы и достижение целостности Я-инстанции, деятельное самовыражение, овладение своей жизнью, жизненная продуктивность и расширяющаяся в мир интенция к творчеству.
- Внешнее и внутреннее соотнесение себя с другими людьми, с отдельным «Другим», разделенное с ними существование (Я – другое Я; Я – Мы; Я – другие-во-мне; Я – Я-в-других), которое индивид осознает восполнением себя.
- Личное преодоление индивидом отчуждения результатов своей деятельности и творчества в коллективное производство и общественный продукт, авторское самоутверждение в обществе.

Эти и многие другие моменты, которые можно рассматривать одновременно как содержание категорий «личность» и «индивидуальность», как параметры рефлексии и самооценки, как реальные ориентиры жизни индивидов и как объективные критерии достигнутой человеком индивидуализации, конституировали долгую

и далеко еще не завершенную **европейскую антропологическую эпоху**. «Если бы автономность индивида не была бы желанием многих людей, то она вряд ли смогла бы пережить подавление коллективностью» (28; с. 82). Общество и культура данной эпохи формировались во взаимодействии множества индивидуальностей, где признается ценность любой из них.

3. Множественно осуществить свою единственность

Проблема «индивидуальность и культура», взятая в европейском измерении, закономерно предполагает выделение в культурном процессе того, что связано с **авторской активностью**, устремленной к пониманию мира, выдвижению идей, созданию идеалов, овладению тайнами Духа и самопознанию. С точки зрения Э Гуссерля, Г. Шпета, К.Г. Юнга и других мыслителей, именно рациональный, идейный, идеальный, герменевтический, и феноменологический опыт индивида составляет ядро и суть личностно-центрированного европейского культурогенеза (7; 16; 28).

- В Европе есть нечто уникальное, что ощущается как некое начало, заставляющее людей разных групп человечества европеизироваться, при всем их устойчивом стремлении сохранить свою духовную автономию.

- Европейцам присуща определенная энтелехия, которая пронизывает любые изменения духовного облика Европы, сообщая ему единую направленность в стремлении к идеальному образу жизни индивида как вечному полюсу.

- Европейское развитие имеет смысл поступательного изменения всего человечества, начиная с появления и действия Идей в малых и даже мельчайших группах. Зарождаясь в отдельных личностях, они представляют собой смысловые структуры с удивительной,

небывалой способностью скрывать в себе интенциональные бесконечности.

- Научившись порождать идеи, человек становится новым человеком. Этот процесс с самого начала включает в себя самопознание и коммуникацию, вызывая к жизни новый стиль «личностного» существования внутри своего жизненного круга.

- Распространяется тип личности, живущей в изменчивом мире, но ориентированной на полюса бесконечности. Благодаря этому, появляется новый тип социальности и новая форма устойчивого общества, чья духовная жизнь, сплоченная любовью индивидов к идеям, порождением идей, самопознанием, идеальным нормированием жизни, несет в себе горизонт бесконечной смены поколений, обновляющихся в идеальной духовности.

- Значение личности в европейской индивидуализированной культуре определяется ее отношением к идеям.

- Европа – это умственное напряжение. Самым дорогим для нее является творчество мысли. Основное ее создание – рефлексия в форме строгого искусства и строгого чистого знания.

Личностно инициированные идеи, идеалы, ценности, их философская, гуманитарная и художественная рефлексия и выражение в текстах явились одним из порождающих начал европейского **персонализма**. Культура персонализма существенно формируется авторскими текстами, погруженными в тайну человеческой личности. Автор, выдвигающий и оперирующий разнообразными идеями о личности, которые получают текстовое воплощение и распространение в мире людей, приобретает свойство «расширяющейся индивидуальности».

Динамика европейской культуры на одном из ведущих направлений является многовековым процессом создания

гуманитарных текстов, авторами которых выступают люди с ярко выраженной индивидуальностью. Это тексты рассказов о себе (исповедей, жизнеописаний, автобиографий), тексты философской антропологии, произведений литературной классики, лучших трудов по психологии и психопатологии. Просторную область культурных событий образуют произведения М. Аврелия, Августина, Абеяра, Петрарки, Макиавелли, Шекспира, Гете, Руссо, Пушкина, Достоевского, Ницше, Кьеркегора, Хайдеггера, Гуссерля, Бергсона, Шелера, Бубера, Пруста, Бунина, Набокова, Бердяева, В. Соловьева, Ясперса, Фрейда, К. Юнга, Сартра, М. Бахтина, М. Мамардашвили и других.

В европейском понимании, гуманитарный текст является деятельностью и самовыражением автора как индивидуального субъекта культуры, авторским культурным продуктом, индивидуальным феноменом культуры, средством культурного общения индивидов, «местом» интенсивного проживания и самопознания творцов культуры. Он создает, излучает и транслирует культуру. Это происходит не столько на уровне его открытых значений и смыслов, сколько на уровне контекста, состоящего из сложно переплетающихся семантических эквивалентов эпох античности, средневековья, ренессанса, современности. Скрытая семантика гуманитарного текста отмечена следами мифа, богословия, философских учений, литературы, науки, разновременных разговорных жанров. Его культурные смыслы сгущаются, центрируются в «ключевых фигурах эпохи», продолжающих жить в других временах. Вечные архетипы и странники европейских текстов – Прометей, Эдип, Августин, Абеяра, Гамлет, Дон-Кихот, Фауст, Мастер. Авторы текстов о человеке являются соавторами общего текста, уходящего в

бесконечность; каждый автор прочитывается посредством других, и все их творения кажутся взаимно обратимыми. К. Г. Юнг становится понятен, когда в его работах читатель видит присутствие Гете – Шопенгауэра – Ницше – Достоевского – Фрейда. Сам Фрейд является «досоздателем» мифов об Эдипе, Электре, Нарциссе, Оресте, возможно, в чем-то превосходящим древних мифотворцев. Культура контекста часто впитывается текстом бессознательно для автора, обнаруживаясь в реминисценциях, невольных заимствованиях, неузнанных прототипах, скрытом цитировании, «забытых» источниках и т. д.

В проблемном поле психологии индивидуальности текст как культурный феномен представляет большой интерес в аспектах личности героев и персонажей, личности автора, личности адресата и культуротворческого диалога личностей. Стоит задача раскрытия целостного потенциала гуманитарного текста как источника знания об индивидуальной личности, как формы построения образа «Я» и самоосуществления автора, как способа ценностно-психологического влияния личности автора на личность адресата. Особенно это касается текстов, созданных в философском, рефлексивном и художественно-психологическом жанрах.

Именно в последнем жанре индивидуальность издавна нашла наилучшую возможность обосновать свою творческую силу и автономию, осуществить естественное стремление сказать собственное слово в вечном мире языковой культуры. И если классическая литература показала способность Героя «быть» и Автора самоосуществиться, сохраняя, как правило, большую дистанцию между ними и теми, для кого она предназначена, то современный литературный процесс сближает и охватывает индивидуализацией автора, героя, всех персонажей, «Я» автора и

«Я» читателя, не возвышая их до исторических, выдающихся фигур. В первую очередь текст моделирует их взаимные влияния и вложения, которые образуют личностные грани общекультурных отношений между теми, кто создает, создается, живет по образу созданного и создает самого себя. Автор текста как индивидуальность выступает началом уникальной траектории множественных и во многом не эксплицируемых «проникновений» в других людей.

В своих исследованиях (20) мы выделили **типы и функции** авторского текста в зависимости от его роли в персонализации, индивидуализации культуры.

1. Текст разворачивается как процесс нового, оригинального осмысления и запечатления индивидуальной жизни человека, составляет утонченную культурную форму творческой деятельности и уникальной самореализации автора. Здесь текст означает **творение и творчество личности** в культуре

2. Текст выступает практикой индивидуальной рефлексии автора, процессом его самоанализа и самообобщения. Текст охватывает «Я» автора, позволяет ему осознать свое единство, разнообразие и противоречивость, преломить все высказываемое сквозь свой внутренний мир, ретроспективно воссоздать целостность прожитого и раскрыть свою жизненную перспективу. Здесь текст - это многоплановое **«Я» личности**.

3. Текст создает личность и форму жизни героя, которые «предсуществуют» по отношению к жизни и индивидуальности адресата в качестве потенциала. Текст берется адресатами за основание внутренней и практической идентификации с действующими в нем персоналиями и происходящими событиями. В процессах активного отождествления, литературная жизнь героя

продлевается в судьбы реальных людей, а его характер и психические состояния переходят в психологический контур их личностей. Действительный мир проявляет себя по образу литературы. Принимая эту импликацию, мы сознаем, что «герои живут вечно» и что «перспектива жить текст» – не просто художественный оборот Ж.-П. Сартра. «То, что мы называем миром Гамлета, то, что мы понимаем через типизацию, данную в Гамлете, родилось **после того**, как этот образ был написан. Мир Гамлета есть продукт написания «Гамлета»... Пока нет самого Гамлета, мы ниоткуда не могли бы получить его «возможность» (9; с. 324). Текст появляется в обществе и культуре как **возможная личность и ее возможная жизнь**.

4. Текст может составлять действительное бытие автора. То существование, которое для других людей представляется «действительным» в силу укорененности в предметном мире и практической деятельности, для автора является отчужденным. Только мысля, воображая, чувствуя, высказываясь, автор проживает свою подлинную жизнь. Течение жизни в «текстовом измерении» доказывается тем, что процесс порождения текста растягивается на долгие годы, в его динамике возникают захватывающие события воспоминаний и самоактуализации, изменяется личность автора, происходит слияние «Я» автора с героем, текст остается незавершенным, так как автору не дано знать и высказаться о финале своей жизни. Так, жизни Пруста, Джойса, Бунина, Набокова приобретали свой реальный хронотоп в рассказываемых ими историях. В этом случае текст выступает **способом личностного проживания жизни**.

5. Открывая понимающему читателю свои содержания, текст по-новому структурирует его ментальный опыт, стимулирует его

активность в качестве критика, интерпретатора, импровизатора, толкователя, пародиста, подражателя, самостоятельного писателя или ученого. Текст наполняет разнообразное речевое творчество адресата, вплетается в его интеллектуальную жизнь. Чем содержательнее и разнообразнее текст, тем свободнее чувствует себя человек, извлекающий, развивающий или отвергающий идеи автора, строящий на их основе новые модели понимания человека, мира и самого себя, использующий текст как оригинальный материал для научных исследований в области филологии, лингвистики, психологии. Текст, таким образом, становится **источником творчества личности.**

Текст можно рассматривать как модус и обширный мир индивидуальности автора в том смысле, что он потенциально способен вмещать все отмеченные типы и функции и реализовать максимум возможностей гуманитарной культуры для развития индивидуальности референтов.

4. Быть единственным средоточием множественного

Индивидуальность создает текстовую культуру и конституируется ею. Это положение, в первую очередь, относится к явлению, идее и образу «**творческой индивидуальности**». Текстовые приближения к пониманию сущности творца стали возможны, благодаря личностной рефлексии и герменевтическому искусству самих творцов, создавших тексты о себе и других субъектах творчества. Индивидуальность в освещении индивидуальностей приобретает завораживающее богатство свойств, связанных отношениями взаимного порождения, дополнения, притяжения и синтеза. Потенциалом, обладателем и центром реализации этих **множественных свойств** определяется «Я» личности, заряженное энергией действий по различным направлениям творчества.

Подразумевая под творческой индивидуальностью личность, ставшую «единством многого», способную к авторским преобразованиям в сфере духа, культуры, самопознания, саморазвития, человеческой жизни, мы наметили ее **модель** (17), основываясь на текстах Гете, К. Юнга, О. Шпенглера, Э. Нойманна.

- Творческая индивидуальность могла появиться в обществе, обладающем коперниковским сознанием, в обществе **индивидуальной культуры**, которое утверждает существование личности в безграничном мире, бесконечном пространстве, потоке вечного бытия и в движении к бессмертию души.

- Ее идеалом является «жизнь с совершенной динамикой», то есть направляемая рациональными устремлениями, индивидуальной волей, проистекающей из «уверенного в себе разума», развивающимся интеллектом, творческой фантазией. Наилучшей формой такой жизни выступает **деятельность**, осваивающая мир, пространство и время, отвечающая дарованиям личности, духу современности и общественным ожиданиям. Творческая деятельность разворачивается как самодеятельность, не уловимая творцом в ее внутренних побудителях, многих моментах динамики, в свободном течении, обусловленном целостным состоянием личности, в неповторимой форме конечного результата.

- Стиль жизни творческой индивидуальности – это деятельное **порождение нового**: понятий, смыслов, образов, символов, панорамных картин бытия и самобытия. Ее имманентным достоянием является творящий талант или Гений, который пробуждается и выражается в отношениях с другими людьми, в обращении личности к себе, в самоотношении и рефлексии.

- **Бытийные векторы** творческой индивидуальности охватывают все времена жизни и составляют: «восхождение к себе»,

«жизненную перспективу» и «внутреннее прошлое» или биографию. Восхождение к себе означает индивидуальное самопознание, раскрытие своего потенциала, нравственную работу над собой, самооправдание верой и достойными деяниями, признание равенства всех человеческих состояний у «Ты» и «Я». Жизненная перспектива – страстное предвосхищение будущей реализации личных возможностей, прорыв в отдаленное завтра, вечное предвосхищение себя. Внутреннее прошлое – непрерывная память о событиях, ситуациях, состояниях и отношениях протекшей жизни.

- Восхождение, биография, перспектива соединяются в творчестве, выступают тремя мерами **уникального самовыражения** творца. Например, литературные произведения посредством образов героев связаны с актуальным «Я» автора, воссоздают контуры его прошлого, включают ресурс авторских духовных влияний на других. У Гете это звучит так: «Все мною опубликованное – отрывки единой, большой исповеди» (6; с. 232).

- Жизненным приоритетом творческой индивидуальности являются разнообразные **отношения со многими другими**. Они состоят в защите перед другими права быть личностью, в стремлении пополнить при общении свою сущность, в терпимости и принятии всех людей без исключения, в поиске уединения для успешного творчества, в самовосстановлении при разрушительных воздействиях других, в самоотречении во имя ближних.

- Внутри биографии, деятельности и отношений возникают сложные личностные **коллизии** творческой индивидуальности. Так, избыточные «вожделения» личного превосходства, сверхэнергичное творческое бытие превращают ее жизнь в преодоление, неуклонное движение к цели, прогрессирование. Неизбежное внешнее и внутреннее сопротивление этому вовлекает личность в

непрерывную борьбу с миром, с другими, с собой. Победы заставляют снова и снова искать переживаний опасности, риска, напряжения и удовлетворения своей властью.

- Невозможность ценой борьбы длительно поддерживать достоинство определяет **трагизм жизни** творца. Он обусловлен острым переживанием «Я», затерянным в бесконечном мире, ощущением силы, отступающей в столкновении с высшими силами, напряжением воли к свободе и страхом перед ней, самоутверждением, которое, ввиду неизбежной смерти, оборачивается чувством вины перед лицом Абсолюта. Исход коллизий и страданий личности не имеет фатальной предопределенности и намечается ее собственными выборами. Если коллизии лично неразрешимы, творец допускает для себя отрицание жизни.

- Кроме рациональных планов индивидуального бытия, у творческой индивидуальности ярко выражены его **бессознательные** аспекты. Их присутствие проявляется в стремлении к сверхчувственному опыту, в возвращающихся мыслях о необъятном и непостижимом, в спонтанности творческого процесса, в предвидении, в жизненных противоречиях, в том, что походит и на случайность, и на промысел, что сжимает время и раздвигает пространство, что влечет к невозможному и что действует как судьба.

- Творческая индивидуальность способна интуитивно уловить в бессознательной жизни прообраз собственного сознательного развития, превращающего его «Я» в зрелое и интегрированное. Этим прообразом является **архетип Героя**, который, благодаря сознательным усилиям личности, становится особо адекватным современному духу и ведет ее путем направленных авторских

преобразований ценностного содержания культуры. Творчество, творческие влияния, качества творца способны длительно жить в культурном каноне, сохраняясь в разные времена, несмотря на натиски коллективных сил.

- Творец направляет свою деятельность в **области духа**: религию, искусство, философию, науку; преобразует их с помощью новых идей и символов, понятных, пленительных и убедительных для множества людей. Бессознательное «Героическое начало», реализуясь и творчески оформляясь личностью, порождает знаменитых и масштабно влияющих художников, проповедников, философов, писателей, ученых и общественных деятелей.

- Бессознательное творческой индивидуальности заключает ожившие архетипы с потенциалом мощных **воздействий на современность**; ее сознание представляет собой совершенный интеллектуальный инструмент и способ индивидуального творчества; ее духовность образована устойчивыми культурными нормами, которых она строго придерживается. В психике и жизни творца достигаются исключительно плодотворные связи архетипа – сознания – культурной традиции – индивидуальной культурной деятельности. Направляющей силой в установлении этих связей является стремление творца выразить свою внутреннюю причастность к Красоте, Истине, Добру, Слову, Идеальной Вещи, Совершенному Действию и т. д.

- Творческий процесс, осуществляемый индивидуальностью, охватывает не только множество объектов и субъектов мира, но и максимум аспектов ее собственного бытия. Его «Я» становится производной творчества и творческих достижений в мире, а также результатом «самотворчества», превращаясь в **творческое Я**. При этом устанавливаются отношения центроверсии, когда личность

гармонизирует взаимодействие дихотомий, избавляя свою внешнюю и внутреннюю жизнь от разрушительной двойственности. Центроверсия исключает острые конфликты органического и психического, бессознательного и сознательного, рационального и иррационального, индивидуального и коллективного, «Я» и глубинной самости.

- Иррациональное и трансперсональное играет в жизни творца не менее важную роль, чем сознание и сознательное творчество. Открытие новых символов и идей осуществляется в ответ на «вызов высшего Духа». Образы, тексты, произведения личности относятся к культуре, сообщающейся с областью **трансцендентного**. В «продуктах» и «влияниях» творческой личности всегда есть некоторая избыточность, не постигаемая большинством людей и относящаяся либо к исчезающему, либо еще не появившемуся в человеческом мире. Тайна ее дарования неотразимо действует на других: «любой талант неизъясним».

- Создавая новые ценности, творческая индивидуальность сама более 200 лет представляет собой **культурное достояние**. В отношении к этому достоянию общество занимает неоднозначную позицию то, наделяя творца огромной духовной властью, то, отвергая его как «несвоевременного», то, растворяя его уникальные вклады в «коллективных представлениях», то, заставляя бороться с враждебностью, приносимой в его жизнь, то вознося его на вершины социальной иерархии.

- Своими идеями, образами, текстами, публичными выступлениями творец может нести предвестье кардинальных смен культурных форм и стилей. В них часто угадывается желание выразить уже пережитую в собственной душе возможность гибели традиционных ценностей, интуитивное знание о надвигающейся интеллектуальной

опасности, предчувствие расширения границ познания и самопознания. Иногда, оберегая свои уникальные авторские установки, личность бывает вынуждена пойти на **удинение**, в одиночестве продолжая творческий путь.

- В своем погружении в созидательную деятельность, творческая индивидуальность иногда кажется эксцентричной, отличающейся не то необычной активностью бессознательного, не то неординарной работой сознания, не то какой-то «неправильностью» всей ее психической системы. Однако ни одна из этих гипотетических причин не устраняет и не ослабляет впечатления **величия**, производимого свершениями личности, тем большего, что она приобретает известность и власть, не стремясь к ним и не придавая им особого значения. Скорее она чувствует себя проводником власти Высшего, позволяющего ей создавать нечто значительное.

- Творческой индивидуальности свойственен непрерывный **рост и самосовершенствование**. Во всем выявляется ее особое бытийное предназначение. В любом возрасте ей присущи мудрость и неординарность жизненных выборов, принимаемых решений, способов перехода с одного этапа жизни на другой. Она умеет постоянно рождаться на основе «вложений в себя», субъективно отражая результаты своих продуктивных действий, отклики на свои произведения, эффекты любви к себе других людей и своей любви к ним. И даже при недостатке таких «вложений» личность усиливает себя, внутренне работая на будущее, интуитивно следуя великой «метафизической задаче».

- В процессах роста творческой индивидуальности формируется единство ее мощного порыва к творческому бытию, ее хорошо структурированного «Я» и множества жизненных обращений и ответов «Других». На психологической территории активности

личности возникает **социальность нового типа**, где происходят душевные и духовные циркуляции от ее внутреннего мира к внутренним мирам других людей. Последние также приобретают способность оказывать личные влияния в расширяющихся горизонтах совместной творческой жизни. Генерирующая среда отношений, диалогов и полилогов с другими людьми необходима творцу для свободного самоопределения и самовыражения.

- Свойственная европейской личности **свобода быть собой**, неординарно выражена у творца во внутреннем преломлении и подчинении себе великого множества жизненных событий, воздействий и ситуаций, а также в возведении их в значительный социокультурный масштаб. Она непрерывно расширяет и концентрирует себя, приводя обстоятельства, культурные формы, стили жизни, способы деятельности и общения в соответствие с творческим «Я».

- Творец несет в себе, реализует и порождает общие **личностные потенциалы** и способности, направляющие его в развитии как субъекта культуры. В нем эти потенциалы приобретают великолепную форму, наиболее ярко высвеченную жизнью. Речь, прежде всего, идет о сознании, проблематизирующем мир, деятельности, дающей миру смыслы будущего, рефлексии, формирующей суверенное «Я» в соответствии с социальными и культурными перспективами, диалогизме бытия, состоящем в расширенной передаче открытий, касающихся жизни, взаимодействия, познания и самопознания людей.

5. Своей единственностью порождать множество

Когда творец, обладающий указанными ценными свойствами, направляет свою деятельность на познание человека или самопознание, он закономерно приходит к выдвиганию **идей** и

созданию **идеалов** «индивидуальной личности», закрепляющихся в философии, гуманитарном знании, психологии, литературе, искусстве. По материалам изучения ряда авторских текстов, относящихся к различным этапам европейского культурогенеза: античности, раннего и позднего средневековья, ренессанса, просвещения и романтизма, современности – мы разработали версию **интегральной модели личности**, обобщающей такие идеи и идеалы (17). Модель объединяет **отношения к миру и жизни**, которые, в освещении творцов, означают многовековую поступательную индивидуализацию и персонализацию человека. Акцент на «отношения» позволяет подчеркнуть психологически главное в культурном становлении индивидуальности – свободно иницируемую «Я» внутреннюю и внешнюю активность личности. Полагаем, что единство отношений как выражение полноты жизни и жизненной состоятельности личности образует **«культурно-психологический потенциал индивидуальности»**. Осуществляясь по его критериям, множество людей приобретали и приобретают сродство с творцами, открывшими и воплотившими многообразные грани этого потенциала.

Отношение к высшему началу бытия. Личность в своих связях с миром исходит из абсолютных мер жизни, имеющих осознанные образы и символы Бога, Универсума, Космоса, Разума, Идеала, Бытия, Духа, Слова, «трансцендентного Я». Присутствие Абсолюта в бытии индивидуальной личности составляет для нее высшее благо и предлежащий смысл, достигаемые в опытах веры, духовного поиска, деятельного служения.

Отношение к обществу. Жизнь личности протекает в общностях и группах, выступающих для нее живыми объединениями людей, подобных ей самой, с которыми она

находится в разнообразном взаимодействии. Коллективное ощущается и осознается личностью не как довлеющая тотальность, а как плодотворная среда совместного осуществления архетипов, творения общей ментальности, выработки стилей общезначимой деятельности, создания общих ценностей, самопознания. Целью и сутью соединения личности с другими является ее внутреннее признание и деятельно-поступковое формирование себя «частью, индивидуально вмещающей и принадлежащей к целому».

Отношение к культуре. Абсолютное и коллективное представлены в личности способом культурного опосредования, а именно, в формах религиозности, морали, науки, философии, искусства, канонов повседневности. Культура выступает в отношении личности бессознательным и осознанным контекстом, содержательно-ценностным наполнением и «орудием» ее жизненного самоопределения. Внешнее и внутреннее культурное априори входит в ткань индивидуальной жизни и придает ей уникальную направленность на духовно-практическое освоение, оценку, рефлексию и преобразование культуры.

Отношение к своей природе. Формирование мер сакрального, общественного и культурного бытия и отношений личности происходит в соответствии с ее природным априори: витальностью, телом, полом, чувственностью. В отношении личности к нему раскрывается его влияние на влечения, активность в поиске удовольствия, конституцию, силу действия, психодинамику, сексуальность, психофункциональные возможности, индивидуальное соотношение мужественности и женственности, врожденное чувство красоты и гармонии, сенсорно-интуитивный опыт познания, деятельности и потребления и т. д. Многие психические компоненты природной организации сосредоточены в

глубинном мире личности. Они образуют «самость» личности, «естественную» внутреннюю жизнь, исходный душевный потенциал, спонтанно реализующийся в ее отношении к своей природе. Природное осознается личностью как ценность, сущность и условие жизни, как объект активного развития, как цель самосовершенствования.

Рациональное отношение. Сильным началом бытия личности является рациональность или способность к мышлению, логическим построениям, идеализации, пониманию и интерпретации мира. Мышление, двойственно направленное на внешние объекты и самого индивида, формирующее, совместно с чувством, интуицией и представлением, отношение к ним, развивается в качестве сознания. Сознательное отношение создает символическую границу внутренней автономии личности, препятствующую ее слиянию с предметной и социальной средой. Центром сознания, источником интенциональности личности осознается «Я», которое, благодаря рефлексии, полагает и познает себя свободным в выборе абсолютных, социальных, культурных, природных мер и форм собственной жизни.

Отношение к себе. Сознание позволяет личности субъективно отделить устойчивую определенность своих потребностей, притязаний, способностей, характера и целостного образа «Я» от собственного существования, мимолетности и сиюминутности жизни, протекающей в желаниях, эмоциях, воображении и мысли. Направленно и спонтанно, в каждый момент проживания личность, развиваясь в качестве «Я», решает проблемы наполнения внутренней жизни новым содержанием, отождествления и разотождествления себя с другими людьми, собирания себя в единство, а также уникального самовыражения и самоутверждения в

мире. «Я» выступает для личности объектом самоотношения, основанием и причиной активных выходов в мир, возможностью индивидуального изменения коллективных форм веры, познания, нравственности, творчества, социального поведения и самопознания. Благодаря развивающей рефлексии и самодеятельности, «Я» в отношении к себе утверждает свою единичность, к которой сходятся и в которой объединяются многие тотальные процессы в мире.

Отношение к противоречиям жизни. Индивидуальное «Я» является самодостаточным в плане сознательной направленности на выявление собственных возможностей через самого себя. Однако, цели и смыслы отношения к себе, чтобы расширяться, углубляться и варьировать, должны быть укоренены во всех других отношениях личности. «Я» встает в собственные отношения к природе и обществу, другим и другому, жизни и смерти, времени и пространству, религии и этике, свободе и долженствованию, знанию и искусству, традиции и новациям. Полноценное осуществление отношений в системе «Я – мир – другие» предполагает осознание их равновесия или вскрытие и разрешение их противоречий. Задача уравнивания и преодоления коллизий в отношениях решается Я-субъектом на основе жизненных способностей к самосознанию, активному действию, творчеству и поступку.

Отношение к Другому. Посредством различных отношений личность устанавливает, выстраивает и проживает взаимодействие с «другими», будь то реальные люди из близкого окружения, или авторитетные «дальние», или выдающиеся персоналии, или символические личности. Другой человек субъективно присутствует в личности и ее жизни как «значимый Другой», «Другой как Я», «Я как Другой», «мое другое Я», «Другой, недоступный Я», «Другой,

для кого Я недоступно». Соединение или слияние личности с другим человеком имеет многие формы, включая подражание, присвоение, обладание, привязанность, любовь, принятие влияний, обратные влияния, признание и умножение взаимной свободы. В процессе жизни непрерывно происходит чувственное, рефлексивное, практическое отстояние и сближение «Я» с Другим, то есть, развертывается многоплановый жизненный диалог личности. «Я» личности особенно глубоко проникает в другое «Я», когда личность нравится, является образцом, учителем, любимым, вызывает сопереживание, становится волнующим идеалом и тайной.

Деятельное отношение. Суверенность, самостоятельность личности в мире утверждается деятельной стороной индивидуальной жизни: движениями тела, поведенческими актами, профессиональными практиками, социальными действиями, поступками, творческой деятельностью и приемами самовыражения. Закрепляясь за разнообразными качествами личности, укореняясь в ее жизненных установках и «Я», текущие действия и поступки начинают определяться «деятельной индивидуальностью», что привносит в них момент свободы, избыточности, «надситуативности». Личность, погруженная в жизнедеятельность, находится в непрерывном осознанном и внесознательном генерировании мотивов, намерений, смыслов, целей, процессов и результатов активности. Деятельная личность обладает привилегией особо тесного сращения с миром, приобретения искусности, мастерства, высокого общественного статуса, постоянного Я-возврата к себе и диалога с собой, развития своих сущностных качеств и самовозрастания в существовании, то есть является субъектом жизни.

Отношение личности к жизненному пути. Все, что происходит в личности и с нею, включено в общую историю индивидуальной жизни или жизненный путь. Он включает и соединяет: возрастные фазы телесного и психического развития личности; освоенные личностью места жизни; неповторимые превращения объективного и субъективного времени жизни; принятые и персонально преобразованные формы культуры; личный контур социальных связей и значимых встреч; динамику жизнеотношений; трансформации сознания и бессознательного; изменения качеств и свойств личности; смену индивидуальных деятельностей и жизненных ролей; последовательность, длительность и смыслы ведущих жизненных событий и жизненных ситуаций. История индивидуального бытия становится объектом отношения и рефлексии личности, автобиографией, рассказом о себе, жизнеописанием при участии «Я», творящего текст о соотношении прошлого, настоящего и будущего, о содержательном наполнении жизни и ее итоговом переживании. В своей сложности и уникальности жизненный путь личности создается потоком всеобщего Бытия, силой индивидуального порыва «быть», непостижимой «судьбой», бессознательной экзистенцией личности, ее сознательным отношением, следующей за жизнью рефлексией и житнетворчеством.

Творческое отношение. При осознании свобод своего внутреннего и внешнего существования, личность может самоопределяться по отношению ко всему, что составляет ее собственный жизненный мир. Самоопределением, или привнесением нового в мир, охватываются производство идеальных и прагматических ценностей, отношения значимости и интимности, способы сотрудничества, оказываемые личностью социальные

воздействия, ее отношение к телу и здоровью, различные сферы деятельности, индивидуальные достижения и жизненный путь личности. Самоопределение, саморазвитие, разрешение жизненных коллизий в пользу сохранения или обновления человеческих идеалов и индивидуальных смыслов являются «созданием своей индивидуальности» или творческим отношением к себе

Заметно, что в структуре культурно-психологических потенциалов индивидуальности центральная роль принадлежит ее сложному и многомерному «Я» как важнейшему источнику процессов индивидуализации. Культурная история развития «Я» и самопознания личности может быть выделена в самостоятельную линию культурогенеза индивидуальности и может изучаться посредством реконструкции и интерпретации **рефлексивных текстов**, принадлежащих творцам, известным уникальными вкладами в философию, теологию, литературу, психологию и т. д.

6. В своей единственности открыть множественность

Выдающиеся рефлексивные тексты (Я-тексты) определяют развитие литературы «Автор об Авторе», общепризнанно являются одним из **творческих** способов самопознания, самопонимания и самовыражения индивидуальности. Как правило, «Я» осознается в них как начало различных направлений жизни, центр разнообразных отношений к миру, инстанция внутреннего воссоединения многих внешних влияний и выступает богатейшей **феноменологической реальностью** автора, остающейся в длительном времени культуры.

В контексте культурной психологии личности актуальны исследования выдающихся рефлексивных текстов М. Аврелия, А. Августина, П. Абеляра, Б. Челлини, И-В. Гете, Л. Толстого, В. Набокова, И. Бунина, Н Бердяева, К. Юнга, С. Дали и многих других, посвященные моделированию основных содержаний

самопознания и аспектов «Я» творческой индивидуальности. Полагаем, что синтез построенных моделей будет служить психологической систематизации Я-предпосылок развития современных талантов, а также разработке технологий личностной реализации этих предпосылок для достижения масштабных социокультурных прорывов.

Моделирование индивидуальности на основе рефлексивных текстов является методом психологической герменевтики, предполагающей, кроме интуитивного понимания, применение релевантных **теоретических концепций личности**. В частности, в своих исследованиях мы применили систему положений о самосознании, жизненных отношениях, субъекте жизни и жизненном пути личности, развиваемую школой С. Л. Рубинштейна. (2; 13; 14; 15; 18).

Кроме того, при моделировании мы учитывали богатый спектр **возможностей Я-текстов** для психологического изучения индивидуальной личности. Эти возможности были выявлены нами в результате обращения к исследованиям «феномена текста» в русле феноменологической, экзистенциальной, гуманистической психологии личности (19; 20).

Первое. Я-текст является отражением и субъективной репрезентацией жизненного пути Автора. Жизненный путь рефлексивно представлен в тех или иных «измерениях»: ситуативном, событийном, смысловом, поступковом, измерении встреч и взаимодействий с другими людьми, измерениях умений – мастерства – произведений, измерениях желаний, чувств и направляющих идей, измерениях коллизий, успехов и поражений, измерениях отношений и свойств «Я». Рефлексия жизни автора формируется переплетающимися актами «это было в моей жизни»,

«это произошло со мной», «это имело смысл для меня», «я так делал и поступал», «я встретил Другого», «я испытывал отношения и действия других», «я работал, создавал, добивался успеха», «я желал, чувствовал, руководствовался идеями», «мне помогали и противодействовали», «я ошибался, я преодолевал», «я обладал такими-то свойствами», «я так-то относился к себе».

Второе. Рефлексивный текст, кроме образов, идей и смыслов, характеризующих содержание жизненного пути «Я», выражает операциональный план рефлексии, то есть, способы того, как «я познаю себя». Текст можно психологически оценить по критерию преобладающих форм самопознания личности, к которым относим: самоисследование, ведущееся в научных, философских, литературных понятиях; аффективно-мыслительную самооценку; активное самоосмысление; создание стратегий и сценариев самовыражения; проблемную рефлексия как вопрошание о себе; интуитивно-логическое самопостижение (18).

Третье. Рефлексия и написание Я-текста становится не только возможностью сказать о своей жизни, но также утонченным способом протекания и проживания душевной жизни, самой внутренне-внешней жизнью Автора. «Саморефлексивный образ индивида сцеплен с его эмпирическим существованием и входит в органический состав последнего» (4; с. 894). Жизнь, возведенная текстом в степени феноменологического усиления и интенсивного проживания, субъективно приобретает качество подлинности. Создание Я-текста непосредственно становится житнетворчеством.

Четвертое. Рефлексивный текст, выступая дифференцированной и целостной картиной сознания автора, делает множественные отметки его тайной жизни, умалчиваемого и бессознательного. То есть, выражая субъективное понимание и интерпретации своей

жизни и личности, автор транслирует другим не только знание о себе, но и свои загадки.

Пятое. Рефлексивный текст включает обобщенные «матрицы» или «формулы» самопознания, которые развивают культурные каноны поиска индивидами знаний о себе в данном типе общества. Границы, содержания и операции самопознания индивидов в социуме во многом конституируются критическими опытами рефлексии, принадлежащими персоналиям, творческая жизнь которых по определению опосредована их сильной, продуманной, осмысленной Я-позицией.

Шестое. Рефлексивный текст формирует культурное осознание взаимодействий творческой личности с другими людьми. Он строится, как правило, в режиме диалогов «Я – другие» и «другие – Я», освещая отношения автора к конкретным личностям, социальной среде, обществу и их субъективно отраженные отношения к нему. Опыты взаимодействия автора с другими людьми опосредуют его творческую деятельность и входят в ее ткань, независимо от своего позитивного или негативного качества. Не является редкостью то, что индивидуальное созидание сопровождается и оплачивается сложными конфликтами творца с окружением. Рефлексивные тексты содержат психологические модели поддерживающих и ограничивающих отношений других к автору, а также его отдачи, сопротивления и противодействия другим. Литературно-рефлексивные модели индивидуальных отношений Автора с другими могут обладать большой формирующей силой в системе социальных взаимодействий.

Седьмое. Рефлексивный текст позволяет получить научные данные о процессах и продуктах творчества, о путях индивидуализации и усиления активности творческой личности, о

качествах и способностях творца, о преодолеваемых им коллизиях жизни. Они могут использоваться исследователями при разработке моделей «индивидуальной личности» и «творческой индивидуальности», релевантных европейскому культурному процессу, и являются, таким образом, источником поисков в психологии и других науках о человеке.

Основываясь на представлениях о возможностях Я-текстов и осмысливая их в категориях «жизни», «отношений», «субъекта жизни», мы провели феноменологическую реконструкцию пяти текстов: «Размышлений» Марка Аврелия, «Исповеди» Аврелия Августина, «Истории моих бедствий», Петра Абеляра, «Жизни Бенвенуто Челлини, рассказанной им самим» и «Исповеди» Льва Толстого. В итоге был намечен континуум **моделей самопознания творцов**, акцентирующих те или иные объективные и субъективные жизненные условия их самоформирования в культурогенезе (19).

Действие и роль определенных условий в жизни и культурном становлении творческой индивидуальности, несомненно, нашло многогранное научное отражение. Однако, сложный контур их осознания, личной значимости, внутреннего овладения ими и синтеза в активном образе «Я», недостаточно изучен, требует фундаментальных исследований и преломления в современных моделях развития субъектов творчества.

Наш выбор авторов рефлексии был обусловлен их принадлежностью к различным эпохам становления европейской культуры и участием в развитии ее разнообразных этнических форм (греко-римской, французской, итальянской, русской), мировым признанием их творческих вкладов, высоким уровнем психологизма созданных ими текстов самопознания и большой частотой упоминаний этих текстов в мировой культуре.

Согласно результатам проведенных исследований, «Я» творцов охватывает активным осмыслением, отношениями значимости и преобразованиями относительно **константную структуру** их субъективных жизненных условий. К ним относятся:

поиск Идеала среди богов, людей, в мире Абсолюта, в своем глубинном мире или своем сознании;

творчество в его жизненном пробуждении, иррациональном и осознанном протекании, обусловленности даром, талантом или гением личности, продуктивном выражении в созданных образцах, идеалах, трудах, произведениях, изображениях, текстах;

взаимодействие с другими в формах внутренних и внешних отношений с творцами-авторитетами, с родителями, с помощниками в творчестве, с вдохновителями, с врагами, с учениками, с референтным окружением, социумом, государством, конкретными носителями власти;

собрание ценных знаний как опытная, рациональная основа творчества, соединяющая традицию, обучение, освоение мастерства других, творческие практики, концептуальные авторские установки, мировоззрение личности;

жизненные смыслы, обосновывающие для личности мотивы, цели, способы, стратегии, перспективы, этапы, рефлексию существования, включая творчество и самореализацию в качестве творца;

противоречия жизни, возникающие в процессах творчества, во взаимодействии с другими, в познании и самопознании, в поисках смысла, и разрешаемые личностью с жертвами или приобретениями, путем активности или отступления, способом капитуляции или нового жизненного прорыва;

самоутверждение, состоящее в непрерывном творчестве, уникальных авторских результатах, отстаивании авторского достоинства, сопротивлении внешнему давлению, преодолении враждебности со стороны других, принятии одиночества для сохранения автономии, превращении индивидуального в общепринятое, усилении «Я» средствами рефлексии, построении жизни в соответствии с идеалом человека или собственной моделью «индивидуальности».

Кроме тонко дифференцированной тематической общности, в рефлексии творцов была обнаружена критически высокая представленность **определенных** субъективных условий жизни, в зависимости от принадлежности субъекта к культуре античности, или средневековья, или Ренессанса или Нового времени. Можно предположить, что яркие рефлексивные акценты отражают не только наиболее осознанные жизненные значимости конкретного автора Я-текста, но и действующие, либо нарождающиеся в то или иное историческое время каноны **избирательного самопознания** индивидов. Творческая личность в контексте своего культурного времени, во-первых, эксплицирует и полно воссоздает существующие каноны самопознания и самоотношения человека, во-вторых, выходит за их пределы, в-третьих, инициирует появление новых моделей творческого «Я».

Продемонстрируем обнаруженные рефлексивные акценты творцов на примерах пяти выбранных текстов. Убедимся, насколько многоплановы эти акценты.

1. «Размышления» Марка Аврелия (10) намечают образец человека как цели индивидуального самоформирования. В самопознании выражает себя **«Я», творящее идеал Человека**. Определяются бытийные условия, пути и меры реализации идеала в

собственной жизни и жизни других людей. Во всеобъемлющем самосознании Аврелия идеальное человеческое бытие диалектично объединяет богов – природу – тайну человека – его разум – разумную душу – умную жизнь – гения в человеке – общественность человека – значимых других – правила самопознания и самосовершенствования.

- **Боги** устроили все разумно, прекрасно, человеколюбиво. Силой божественного Разума творится **Природа** – первооснова всего сущего и существующего, истина и причина всего, что истинно. Природа является совершенным целым, все воссоединяет в целое, все дает и все отбирает у сущего. В ней сосредоточено единство таинственных сил, составляющих «природу» вещей. Это тайны возникновения вещей, их строения из отдельных частей, их становления и превращений, преодоления ими зла, то есть распада и отпадения от целого. Будучи сотворенной, Природа сама выступает творцом. Одним из ее творений является человек и его жизнь в мире. **Тайна человека** - соединение в нем тела, души и ума. Этому соединению способствует разумное отношение к божественной причине всего, к телу, к другим людям, к миру. Кто не знает, что такое мир, не знает, где он сам. Кто не знает, для чего он рожден, не знает, ни кто он, ни что такое мир

- **Разум** дан человеку от божественной Природы. Это «главенствующее внутри человека»; пронизывающее все сущее; не создающее зла; улавливающее связи всего и всех отношений одного к другому; управляющее человеческой жизнью; придающее человеку цель и назначение; созерцающее бытие и время как целое; познающее порядок, складывающееся из противоположностей; общее с другими людьми. Разум является гением человека, направляющим его к **умной жизни** в мире и к добродетельной

жизни души. Задачей разума-ума является формирование правильных представлений о предметах, а именно, нахождение пределов и очертаний предметов, рассмотрение каждого предмета в его «естественной наготе», познание его в полноте и раздельности, называние его собственным именем, знание всех элементов, его составляющих и всех частей, на которые он распадается, познание ценности предмета для целого. В единении с душой, разум превращает ее в **разумную душу**, способную себя видеть, себя познавать, себя расчленять, делать себя такой, какой хочет, пожинать свой плод, приходить к своему назначению, все в себе делать полным и самодостаточным, обходить весь мир, распространяться на бесконечность времен, любить ближнего, встретиться со своим гением. Разумная душа – «сфера, светящаяся светом». Разум – в целостной, не рассеянной, собранной жизни.

- **Гения** в человеке открывает и сберегает философия, которая придает жизни благой характер, отличающий ее от обычной человеческой жизни. В обыкновенной жизни мы живем в мимолетном настоящем, наша душа пребывает во сне и слепоте, жизнь состоит только из первостихий, существование кажется войной и чужбиной, воспоминание не отличается от забвения, смерть настигает любого, даже тех, кто чрезмерно заботится о жизни. В разумной жизни, осененной гением, мы живем в созерцательном и деятельном настоящем, видим его «точкой вечности», помним не только о жизни, но и о смерти, прилаживаемся к судьбе, преодолеваем стихийность бытия, действуем с рвением, силой и благожелательностью, сохраняем своего гения в чистоте, ничего не ожидаем и ничего не избегаем, храним покой, не доверяя какой-то одной из противоположностей, действуем по традиции наилучших времен, делаем свою жизнь

завершенной, так, чтобы нас нельзя было сравнить с «лицедеем, который ушел со сцены, не доиграв».

- Разумные существа рождены один для другого. Человек по природе **общественное существо**, действует общественно. Радость в том, чтобы от одного общественного деяния переходить к другому. «Что улью не полезно, то и пчеле не на пользу». Все разумные существа устроены для единого сотрудничества. Человек, отщепленный от хотя бы одного существа, отпал от всей общности. «Не одинаковы ветка единорастущая и ветка, заново принятая, как была отрублена». Мы рождены для общества. «Много комочков ладана на одном алтаре. Один раньше упал, другой позже». Нужно помышлять о самых разных людях самых разных занятий и разных народов, желать другим только добра; не порицать других, так как каждый может совершить погрешность.

- Присущие мне лучшие свойства достались мне, как и любому человеку, от **других людей**: прадеда, деда, отца, матери, воспитателя, учителя, философов, поэтов. Это изящество нрава, негневливость, благочестие, щедрость, воздержание от плохого, неприхотливость, выносливость, несуетность, пристрастие к философии, ловкость умозрений, благожелательность, бесстрастность, неосуждение, обучение у друзей, восхваление учителей, долг перед ближними, владение собой, бодрость духа, скромность, мужество, надежность, последовательность, спокойствие, невысокомерие, нестроптивость, нетщеславие, трудолюбие, справедливость, самодостаточность, приветливость, независтливость, приверженность старому, невозмутимость, стойкость, поддержка богов, божественные подсказки и знамения, хорошее здоровье, помощь другим.

- Я могу **узнать себя**, оставаясь наедине с собой, обращаясь к себе, спрашивая себя, испытывая себя, ставя перед собой задачи, устанавливая себе правила, примеряясь к образцам, слушая других. То же можешь сделать и ты.

Когда тебя спросят, о чем помышляешь, отвечай быстро, откровенно, просто, доброжелательно.

Принимай как благо то, что с тобой сейчас происходит, тех, кто сейчас с тобой, свои представления о происходящем и то, что неизвестно в настоящем.

Спрашивай себя о себе при пробуждении ото сна той своей драгоценной частью, где живут верность, правда, стыд, закон, добрый гений.

Соблюдай себя при именах: добротный, достойный, подлинный, осмысленный, единомыслящий, свободомыслящий.

Смотри внутрь – там источник блага.

Делай то, что от тебя сейчас требует природа.

Помни, что само себя лишает сияния то, что не желает пересылать его.

Благом является для тебя: общественное, неподатливость для переживаний, первенство духовных движений, неопрометчивость и пронизательность.

Шествуй прямо, следуя собственной и общей природе.

Из людей никого не ставь ни господином себе, ни рабом.

Говори себе: это идет от бога, это по жребию и вплетено в общую ткань, это – от случая, это – от других, это – от меня самого.

Поспешай к своему назначению, помогай себе, давай себе уединение, обновляй себя.

2.. Пути создания и индивидуальной реализации Идеала, намеченные Марком Аврелием и другими философами античности,

были продолжены христианскими мыслителями средневековья. Однако, в противовес идеализации человека, они стремились обосновать его несовершенство перед лицом Всемогушего. Идеалом человеческой жизни стало обретение и самоотдача вере. Текст «Исповеди» **Аврелия Августина** (3) открыл и канонизировал способ индивидуального отношения к себе, при котором все пережитое и достигнутое, составляющее многообразие жизни талантливого человека, осмысливается как несоответствующее «бытию в Боге» и связанное, поэтому, с неразрешимыми внутренними коллизиями. В поиске подлинного бытия Августин творит образ **«Я», живущего в противоречиях с собой**, и показывает освобождение от этих противоречий в свете истины.

Коллизии «Я», проступающие в тексте «Исповеди», могут быть выстроены в порядке, отражающем различные периоды жизненного пути Августина и образующем рефлексивную картину покаяния и движения личности к моменту смирения и спасения – отказу от себя во имя Бога.

Я предпочитал игры и зрелища, которые взрослые устраивают, соблазняя детей. ⇐⇒ Взрослые наказывали меня за это. ⇐⇒ Мне мучительны и непонятны были эти наказания.

Я был ленив в учении. ⇐⇒ Меня били учителя в школе. ⇐⇒ Родители одобряли этот обычай. ⇐⇒ А я, фактически, занимался тем же, чем наставник, бивший меня. ⇐⇒ Меня мучили и наказания и несправедливость.

Я обманывал в игре и обманом добивался превосходства над другими детьми. ⇐⇒ Меня уличали и наказывали. ⇐⇒ Я свирепел и не уступал. ⇐⇒ Я стыдился, что делал то, за что часто бранил других.

Я совершил поступок, который был мне приятен своей запретностью. ⇐⇒ Я хотел быть свободным, занимаясь тем, что запрещено. ⇐⇒ Меня смущали «запутанные» извивы души, эта тяга к проступку.

Я любил и был любимым. ⇐⇒ Страсти увлекали меня. ⇐⇒ Я падал и был горд этим. ⇐⇒ Родители не удерживали меня. ⇐⇒ Туман желаний помрачал мое сердце.

Я хотел стать выдающимся оратором и мечтал о форуме. ⇐⇒ Мое тщеславие тешилось тем, что я был лучшим в риторской школе. ⇐⇒ Я начинал понимать, что ораторский блеск – искусство лжи.

Я решил заняться Священным Писанием. ⇐⇒ Но я не мог мириться с его простотой. ⇐⇒ Мое остроумие не проникало в его сердцевину. ⇐⇒ Но я и тогда искал Тебя, Боже мой, не зная, где Ты.

Я продавал победоносную болтливость, преподавая риторику. ⇐⇒ Хотел иметь хороших учеников. ⇐⇒ Они обманывали мои ожидания.

Умер мой друг. ⇐⇒ Я был в отчаянии, всюду была смерть. ⇐⇒ У меня родилось жестокое отвращение к жизни. ⇐⇒ Одновременно возник страх перед смертью. ⇐⇒ Я начал понимать, что нельзя никого любить так, словно он не может умереть. ⇐⇒ Я страдал еще больше.

Я узнал без больших затруднений науку красноречия, диалектику, геометрию, музыку, арифметику. ⇐⇒ Я пытался их разъяснить своим ученикам. ⇐⇒ Самого прилежного из моих учеников хватало лишь на то, чтобы не слишком медленно усваивать мои объяснения. ⇐⇒ Я начал сомневаться в пользе моего ума.

Я всегда знал, когда совершаю худое. ⇐⇒ Я часто считал, что грешу не я, а что-то другое, что мною не было. ⇐⇒ Я не считал себя виновным.

Я во всем сомневался и ни к чему не мог пристать. ⇐⇒ И все же я ждал, когда засветится передо мною что-то определенное, к чему направлю я свой путь. ⇐⇒ Ожидая, я стал катехуменом в Православной церкви.

Я искал известности, слава императора. ⇐⇒ Изнуряющие размышления о моей лжи донимали меня».

Мне улыбалось счастье. ⇐⇒ Мне было скучно ловить его. ⇐⇒ Я знал, что оно угаснет прежде, чем удастся схватить его.

Я искал мудрости и истины. ⇐⇒ Я хотел оставить пустые, тщетные желания, лживые увлечения. ⇐⇒ Я наслаждался ими, наслаждался настоящим, которое рассеивало меня.

Я хотел использовать влиятельных друзей, хотел получить хорошее место правителя провинции. ⇐⇒ Хотел жениться и вместе с женой, как многие достойные мужи, предаться мудрости. ⇐⇒ Я понимал, что тем самым лукаво предпочитаю женские объятия и известность истине.

Я искал, откуда мое зло. ⇐⇒ Меня тяготил и грыз страх смерти. ⇐⇒ Истина не давалась мне. ⇐⇒ Я начинал понимать, что сам страх есть Зло.

Я искал истину, спрашивал себя, откуда зло. ⇐⇒ Искал я в молчании, обращаясь к Тебе, Милосердному. ⇐⇒ Люди не знали о тревоге моей. ⇐⇒ Благодаря Тебе, я вошел в свое сердце и увидел, что Ты сотворил все добрым, что зло – ухудшающееся добро. ⇐⇒ Я не мог найти пути, на котором можно насладиться Тобой, не находил Пути Христа..

Одна моя воля была плотская – привязанность к женщине. ⇐⇒ Другая моя воля стремилась освободиться от всего для Тебя.

Закон в теле моем делал меня своим пленником. ⇐⇒ Я не спешил освободиться, лишь вяло говорил себе: «сейчас», «вот сейчас»,

«подожди немного». ⇐⇒ Так я, знающий истину, уходил от закона Твоего. ⇐⇒ Тревога моя росла.

Ты, Господи, повернул меня лицом ко мне самому. ⇐⇒ Я увидел неправду свою и ужаснулся. ⇐⇒ Я стал ненавидеть себя. ⇐⇒ Но моя душа боялась, что ее вытянут из русла привычной жизни. ⇐⇒ Шел великий спор, поднятый во внутреннем доме моем.

Я безумствовал, чтобы войти в разум. ⇐⇒ Я умирал, чтобы жить. ⇐⇒ Я разделился в самом себе. ⇐⇒ Я хотел пожелать союза с Тобой и не мог. ⇐⇒ Я боролся с собой и мучительно ждал, когда исчезнет мрак моих сомнений.

Наконец наступает решающее событие в жизни Августина, когда к нему, призывающему в саду избавление от мучительной мирской зависимости, приходит долгожданный «знак»: Он слышит голос из соседнего дома, как будто мальчик или девочки, часто повторяет нараспев: «Возьми, читай! Возьми, читай!» Следуя этому знаку, он открывает апостольские Послания и читает: «Облекитесь в Иисуса Христа и попечение о плоти не превращайте в похоти...». Наступает момент просветления: «После этого текста сердце мое залили свет и покой; исчез мрак моих сомнений». Следует **«разрешающий поступок»** – принятие Августином крещения и вступление в жизнь во Христе.

3. Позднее средневековье отчетливо меняет акценты Я-текста. «История моих бедствий» **Петра Абеляра (1)** представляет собой захватывающую рефлексию богослова, философа, вовлеченного во множество жизненных конфликтов, связанных с враждебностью людей и его ответным сопротивлением, преодолением и самоутверждением. Воссоздается неповторимое **«Я», отстаивающее себя в противоречиях с другими**. Раскрываются моменты интенсивной жизни, сплетающиеся в коллизиях и позволяющие

побеждать в жизненной борьбе. Это таланты Абеяра – выборы занятий – обучение у знаменитых учителей – успехи – приобретение уверенности в своей исключительности – страсти – вражда учителей – неприятие соучеников – преподавание и написание трудов – борьба с выпадами против него – победы врагов – его отступления и малодушные поступки – самоосуждение – новые прорывы в познании – создание авторской школы – распространение его славы – умножение врагов – готовность к противодействию – вера в личное искание истины.

Психологическая реконструкция результатов самопознания Абеяра выглядит следующим образом.

- Я отличался восприимчивостью и способностями к научным познаниям, отказался ради них от воинских подвигов, которых хотел от меня отец, «отрекся от участия в совете Марса ради того, чтобы быть воспитанным в лоне Минервы».

- Я был одержим любовью к наукам. Среди них избрал философию, а из всех ее положений и методов – оружие диалектических доводов и победы в философских диспутах

- Я изучал диалектику у Гильома из Шампо, выдающегося магистра, который принял меня благосклонно и благоволил мне до тех пор, пока я не попытался опровергнуть некоторые из его положений. Я стал ему неприятен, так как побеждал его в спорах и постепенно приобретал славу.

- Я видел, как он воспламенялся завистью ко мне по мере того, как распространялся слух о моем искусстве в диалектике и по мере того, как меркла его известность.

- Я возымел о себе такое высокое мнение, что, несмотря на юный возраст, стремился открыть собственную школу. Мой бывший учитель и его сторонники противились моему влиянию на учеников,

и я открыл школу в отдалении от Парижа, где мог более свободно нападать на противников в диспутах.

- Я возвратился в Париж и силой диалектических доводов опроверг учение Гильома об универсалиях. Он коварно лишил меня моих покровителей, и моя школа была отдана другому. Я сопротивлялся и вскоре вернул школу, выиграв битву.

- Я начал изучать богословие у Ансельма Ланского, обязанного своей большой известностью долголетним преподаванием и красноречием, а не умом и памятью. «Зажигая огонь, он наполнял свой дом дымом, а не озарял его светом».

- Я ходил на его занятия все реже и реже, что тяжко обидело лучших учеников Ансельма. Они коварными наговорами вызвали у него ненависть ко мне.

- Я стал отрицать необходимость в чужом руководстве при толковании священных текстов и приступил к их собственному толкованию и чтению лекций по богословию. После первой лекции Ансельм стал мучиться завистью ко мне. Гильом преследовал меня в философии, Ансельм – в богословии.

- Моя школа принесла мне славу и благополучие. Беззаботное житье ослабляло силу духа и направило его к плотским удовольствиям. Я считал себя единственным в мире философом, был всецело охвачен гордостью, надменностью, сластолюбием и все больше отдалялся от философии и богословия.

- Я полюбил Элоизу, известную многим своими научными познаниями. Она ответила мне страстной любовью, но считала, что истинный философ отличается от других строгостью жизни и свободой от мирских забот, следовательно, не должен жениться.

- Я был жестоко наказан родственниками Элоизы за нашу тайную любовь. Особое горе причиняло мне то, что оскопленные люди

считались нечистыми и по общему убеждению не могли заниматься философией и богословием.

- Я постригся в монахи, и вскоре монастырские предложили мне преподавать философию для бедных. Но в аббатстве царили дурные нравы, и я стал обличать братию за их мерзости. Они возненавидели меня.

- Ко мне съехалось множество школяров, другие школы стремительно теряли учеников, и магистры других школ стали возводить на меня разные обвинения.

- Я написал богословский трактат «О божественном единстве и троичности». Наитруднейшие вопросы получили в нем разрешение, нравившееся многим.

- Мои раздосадованные соперники собрали против меня Собор для обсуждения моего трактата. Мне не дали слова для защиты под предлогом, что «весь божий свет не мог бы опровергнуть его доказательств и софизмов».

- Меня осудили за высокомерие, с которым я написал и распространил эту книгу. Книгу присудили к сожжению и меня заставили самого бросить ее в огонь. «И враги наши – судьи».

- Я удалился в пустынь, но вскоре ко мне съехались многие ученики и почитатели, отказавшись от городских благ. Обо мне говорили: «Вот за ним пошел целый свет». Я основал там храм и назвал его Параклетом (Утешителем).

- Слава моя росла, но враги стали распускать обо мне дурные слухи, и я должен был оставить Параклет на попечение Элоизы, также принявшей постриг. «Мне казалось, что язычники отнеслись бы ко мне более благосклонно, чем собратья по вере.

- Меня назначили настоятелем монастыря в Бретани, где я принял в управление неукротимую, непослушную братию. И там меня

мучили «извне нападения, а изнутри – страхи». Вследствие непрерывных бедствий я считал себя наследником блаженного Иеронима.

- Я решил оказывать покровительство, помощь и преподавать науки в монастыре, основанном при Параклете Элоизой. Свои несчастья я стал считать полезными, как некие искушения, и потому обращался к Богу со словами: «**Да будет воля твоя!**».

4. Рефлексия художника Бенвенуто Челлини (24), чарующая стройностью ренессансного текста, акцентирует произведения разностороннего гения автора, его гордость творца, его самоотождествление с предками-отменными мастерами и с великими художниками, его подвиги и испытания в творчестве. С критически выраженной силой заявляет о себе «**Я**», **изобильно создающее шедевры**. Автор погружен в череду великого множества событий и ситуаций своей жизни, основная часть которых была связана с дворцовыми запросами (со стороны королей, пап, кардиналов, герцогов, другой знати) на его уникальную способность творить красоту вещей. Выстраивается образ непрерывного, жизненного движения индивидуальности от одного образного замысла к другому, от состоявшегося творческого процесса к новому процессу, от завершенного изделия к вновь задуманному. Эта продуктивная динамика с ее сопутствующими условиями может быть воссоздана следующей моделью самопознания.

- Я описываю только вот эту мою жизнь и то, что к ней относится.
- Мой путь составляют благие отрады, доблестные дела, превратности судьбы.
- Я родился свободным и таким же свободным хочу жить.
- Родясь простым, я положил своему дому почтенное начало.

- В детстве мне явилась в огне Саламандра как знак будущего величия.
- Мой дед занимался зодческим искусством; отец был отменным рисовальщиком и музыкантом, обладал поэтической жилкой и пророческим даром.
- У такого отца я должен был стать мастером.
- Отец желал, чтобы я стал искусным в игре на флейте, но я с большим трудом убедил его учить меня рисованию. Вначале я попал в обучение к золотых дел мастеру.
- Я учился у многих мастеров (ювелиров, рисовальщиков, ваятелей), и многие из них, видя мое дарование и старание, любили меня, как родного сына.
- Я учился на прекрасном пошибе Микеланджело Буонарроти, и Леонардо да Винчи, Рафаэлло да Урбино и Донателло, Юлио Романо и Тициана.
- Мои великие Учителя – люди с божественным талантом, искуснейшие, добродетельные, доблестные.
- Когда меня сравнивали с великими мастерами, это было мне наилучшим вознаграждением.
- Я был живописцем и ваятелем, владел золотым, серебряным, финифтяным делом, имел многих учеников.
- У меня был особый дар, ниспосланный мне богом: усердие и легкость преодоления трудностей, благодаря чудесному телесному сложению.
- Многие люди, обладающие властью, стремились заполучить мой талант. Папа Климент говорил: «Бенвенуто может гордиться тем, что служит государю, подобному мне, который его знает».
- Мне покровительствовали, благоволили, помещали для работы в свои дворцы, соперничали из-за меня между собой герцог

Лессандро, король Франции, герцог Пьер Луиджи, герцог Козимо, герцог Лоренцо Медичи, кардиналы наваррский, лотарингский, феррарский. Французский король сказал обо мне: «Я достал из Италии величайшего человека, который когда-либо рождался, полного стольких художеств».

- Для этих моих высоких заказчиков я сделал множество вещей, соперничающих с изделиями самых больших искусников: оправленные в золото бриллианты, вазы, медали, монеты, пряжки для шляп, застежку для папской ризы, драгоценные оклады для книг, серебряную посуду, модели 12 серебряных статуй богов, женские скульптуры, изваяние Персея для центральной площади Флоренции, мраморное распятие для флорентийской церкви, статую Нептуна.

- Я делал работу такой тяжести, которая иногда убивала моих работников.

- Я подвигал одновременно множество работ.

- Мои враги говорили: «Бенвенуто – великий дьявол, сделавший то, что искусство не может сделать, и столько великих дел, каковых слишком много даже для дьявола».

- Я сознаю, что обладаю свободной волей.

- Я верю в бога, судьбу и могущество звезд.

- Я достиг возраста пятидесяти восьми лет, с каковым **столь** счастливо, благодаря милости божьей, **иду вперед**.

5. Значительным моментом в развитии рефлексии творцов стало их обращение в 19-20 веках к смысловому аспекту жизни как тайне, загадке, проблеме индивидуальности. Это означало принципиальное изменение направления творчества и самопознания, сместившегося от «внешнего» пространства общественных идеалов, мира Абсолюта, межчеловеческих взаимодействий, произведений и

способов самовыражения в мир внутренних ценностей личности. Предметом творчества становится ускользающий феномен смысла, поиск которого принимает форму углубленного исследования «Я». Экзистенциальные установки, порожденные новоевропейской гуманитарной культурой, приобретают образ «творческого самообоснования личностью своей жизни».

Критическим случаем смысловой рефлексии можно считать «Исповедь» **Льва Толстого** (21), где воссоздается **«Я», исследующее смысл своей жизни.** «Смысл» для Толстого – это осознанная вера в то, ради чего стоит жить. Главной проблемой, направляющей его самоисследование, выступает раскрытие личной динамики смысла, включающей ряд циклов: нахождение смысла – возникновение смыслового конфликта – критика смысла – состояние опустошения – переосмысление – рождение нового смысла. Множественность обретенных, разоблаченных и принятых Толстым личных значимостей поднимает его поиск на уровень «всечеловеческого искания Смысла».

В целом, жизненный контур внутренних смысловых изменений автора «Исповеди» может быть представлен следующей моделью самопознания.

- Моя жизнь является историей искания **веры** как смысла жизни.
- Во все времена моего детства меня учили православной вере, но то, что я испытывал, было скорее не вера, а **доверие** к тем, кто меня учил.
- Верочение постепенно отеснялось из сознания, как не участвующее в жизни людей, окружавших меня, людей нашего круга и склада.
- В юности моей верой стало **совершенствование.** Я совершенствовал свой ум, волю, нравственность, но делал это не

ради того, чтобы быть лучше перед Богом или перед собой. Я желал быть лучше, то есть, сильнее, славнее, богаче перед другими людьми.

- В молодости меня хвалили за то, что я не могу вспоминать без ужаса: я убивал людей на войне, вызывал их на дуэль, проигрывался в карты, проедал труды мужиков, обманывал. Но смысл моей жизни, который я скрывал, составляло стремление к **добру**. Я был совершенно одинок, когда искал хорошее в себе...

- Я начал писать и считался чудесным художником. Мои товарищи по искусству верили, что жизнь идет, развиваясь, и главная роль в этом развитии принадлежит писателям, поэтам. Я тоже верил, что должен писать и печататься как можно больше, **учить** и **просвещать** людей, служить благу человечества. Но мы не знали, при этом, что хорошо, а что дурно, не слышали друг друга и на самом деле хотели получать больше денег и похвал.

- Жизнь в Европе и сближение с европейскими учеными людьми укрепили мою веру в **прогресс** как естественный процесс совершенствования жизни.

- Счастливая семейная жизнь отвлекла меня от искания общего смысла жизни. Вся жизнь сосредоточилась на жене, детях, добывании средств к существованию. Я считал писательство пустяшным делом, но писал и получал за это огромное вознаграждение. Смыслом стало **благополучие семьи**.

- Некоторое время назад у меня появилось ощущение «остановки жизни», как будто я не знал, как мне жить, что мне делать, что будет потом. Например, думая о славе своих сочинений, я говорил себе: «Ты будешь славнее Пушкина, Гоголя, Шекспира, Мольера – ну и что?» Многие вопросы к себе, падая в одно и то же место, «сплотились без ответов в одно черное пятно».

- В пятьдесят лет жизнь моя остановилась, потому что не было у меня таких желаний, удовлетворение которых я находил бы разумным. Истиной стало казаться то, что жизнь – **бессмыслица**.

- Я не мог жить, не думая о смысле жизни, и не мог не видеть смену дней и ночей, ведущих к смерти. Ужас приближения и ожидания смерти был слишком велик, и это чувство сильнее всего влекло меня к **самоубийству**.

- Я думал, что состояние отчаяние не должно быть свойственно человеку, а значит, я чего-то не понял о своей жизни. Я стал искать **разумного знания** о жизни в естественных и умозрительных науках, в философии и учениях мудрецов, но нигде я не нашел ответа на вопрос: «Зачем *Я* живу?».

- Я изучал людей своего круга и увидел 4 основных способа избежать отчаяния и переживания бессмыслицы жизни: неведение и непонимание; эпикурейство; сила и энергия – выбор самоубийства; слабость – знание зла жизни, но продолжение ее в ожидании чего – то. Я выбрал путь **слабости**.

- Я должен был **оправдать** свою жизнь. Мой настоящий вопрос о жизни был такой: «Что выйдет настоящего, неуничтожающегося из моей призрачной, уходящей жизни?»

- Я обратился к религии и верующим, простым людям. Я увидел, что они признают смысл жизни в неразумном знании, то есть, в **вере**. Выходило противоречие: разум отрицал жизнь, породившую его, а вера требовала отречься от разума, чтобы оправдать жизнь.

- Я говорил себе, что сущность веры в том, что она придает жизни смысл, который не исчезает со смертью человека. Я искал веры, силы жизни. Я искал **Бога** как истины, которая не проясняется разумом, но помогает человеку жить. «Живи, отыскивая бога, и тогда не будет жизни без бога».

- Я бросился к изучению богословия, пытаюсь объяснить необъяснимое. Не разум, а сон помог мне. Я увидел, что вишу на невообразимой высоте: бездна внизу и бездна вверху. У моего тела нет опоры. Бесконечность внизу пугает и отталкивает меня. Бесконечность вверху притягивает меня. Я смотрю только **вверх**, и страх покидает меня. Я всем телом чувствую опору, вижу столб у своего изголовья, на котором держится эта опора. Голос сна сказал мне: **«Заметь, это оно»**.

Таким образом, культурную динамику самопознания творцов можно рассматривать как движение **рефлексивного творчества** от одних доминирующих аспектов «Я» к другим, в частности, от Абсолютного и общественного к индивидуальному, от внешнего к внутреннему, от идеального к противоречивому и трагическому, от продуктивной деятельности к смыслообразованию. Вехами культуругенеза или культурно-психологическими «матрицами» самопознания творческой индивидуальности выступают: «Я», создающее идеал человека, «Я», живущее в противоречиях с собой, «Я», отстаивающее себя в противоречиях с другими, «Я», изобильно создающее шедевры, «Я», исследующее смысл своей жизни.

Творческая и познающая себя индивидуальность, умножая силу «Я» в освоении великого числа жизненных потенциалов и умений, в преодолении многих жизненных коллизий, создании масштабных произведений, наполнении жизни смыслом, может приобрести новую ипостась: стать **множеством в своей единственности**. «Множество» олицетворяется теми людьми, которые свободно принимают найденные индивидуальностью формы творчества и самопознания, воплощают их в собственной жизни и проникают во внутренний мир творца своими откликами и ответными вкладами.

Литература

1. Абеляр П. История моих бедствий. М. 1992.
2. Абульханова – Славская К. А. Стратегия жизни. М. 1991.
3. Августин А. Исповедь. М. 1990.
4. Баткин Л. М. Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. М. 2000.
5. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. 1986.
6. Гете И-В. Из моей жизни. Поэзия и правда. С.С. в 10 т. Т. 3. М. 1976.
7. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия. // Культурология. XX век. Антология. М. 1995. С. 297 – 330.
8. Мамардашвили М. К. Необходимость себя. М. 1996.
9. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. СПб. 1997.
10. Марк Аврелий. Наедине с собой. Размышления. – Римские стоики. М. 1995. С. 271 – 363.
11. Мунье Э. Манифест персонализма. М. 1999.
12. Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания. М. 1998.
13. Рубинштейн С. Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики, психологии. М. 1997.
14. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб. 2004.
15. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М. 1973.
16. Самосознание европейской культуры. Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М. 1991.
17. Старовойтенко Е. Б. Культурная психология личности. М. 2007.
18. Старовойтенко Е. Б. Психология личности в парадигме жизненных отношений. М. 2004.

19. Старовойтенко Е. Б. Рефлексия личности в культуре. – Мир психологии. №4. .2007. С.209 – 220.
20. Старовойтенко Е.Б. Современная психология. Формы интеллектуальной жизни. М. 2001.
21. Толстой Л. Н. Исповедь. Собр. соч. в 22-х томах. Т.16. М. 1989.
22. Фромм Э. Человек для самого себя. // Психоанализ и этика. М. 1993.
23. Фуко М. Забота о себе. Киев - М. 1998.
24. Челлини Б. Жизнь Бенвенуто Челлини, рассказанная им самим. М. 1987.
25. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М. 1993.
26. Шпет Г.Г. Философские этюды. М. 1994.
27. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М. 1993.
28. Юнг К.Г. Психологические типы. СПб. - М. 1995.
29. Bromley D. B. The case-study method in psychology and related disciplines. Chichester: John Wiley & Sons. 1986.
30. McAdams P. Biography, Narratives, and Lives: An Introduction, Psychobiography and Lives Narratives // Journal of Personality. 1988. Vol. 56 (1)
31. Spiro M. Culture and human nature // The Making of Psychological anthropology. Berkeley: University of California Press. 1978.

КУЛЬТУРНОЕ ВРЕМЯ ЛИЧНОСТИ

Статья Старовойтенко Е. Б. Культурное время личности // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2011. № 3. С. 62-75

Самым ценным для воссоздания и развития сознательной жизни, плодотворной коллективности и культуры является способность человека быть **личностью**. Личное начало в измерениях «только я», «только со мной», «только я могу» выступает реальностью и возможностью, тайной и предметом открытий, обретенным смыслом и бесконечной перспективой человеческого существования. К нему извечно направлены чаяния, познание и практика множества индивидов. С ним связаны поиски себя, самопознание и самоиспытания бесчисленного числа живущих и ушедших людей. Живая «материя» личностного бытия наполняет собой мир, превращая его в переживающий, мыслящий и творящий. В этом мире каждому человеку в его жизненных отношениях с другими оставлено уникальное место для встречи с собой.

Личность является фокусом понимания, интерпретаций и творчества во многих областях науки, искусства и обыденных представлений. В индивидуализированной **европейской культуре** она разнообразно открывается в ипостасях выдающегося человека, захватывающей фигуры мифа, влияющего героя, гения, выразителя человеческого типа, индивидуальности, центра значимости для многих, обладателя самоценной сущности. В познании личности, во внутренних и эксплицитных текстах о ней воплощены усилия бесчисленных авторов, улавливающих «телескопом» своего пронизательного взгляда необъятное пространство и время, глубину и высоту, даль и близость личного космоса человека. Личность, обращенная к другим личностям, пробуждающая в них и в себе новые силы жизни или «держания огня бытия», является, по

выражению М. Мамардашвили, «замковым камнем» европейской культуры (4).

На наш взгляд, тончайшую психологическую работу осмысления «личности» в длительном времени и расширенном мире **культуры** с целью обоснования и построения диалога психолога с другим человеком в совместном исследовании, самопознании и «практике себя» призвана осуществить **новая персонология** как интегральная наука о личности (5; 6; 9; 10; 11).

В понимании термина «персонология» реализуется принцип **синтеза**, являющийся ведущим в данной области изучения человека. В широком плане данный термин может означать «логос, услышанный и передаваемый от личности к личности». Согласно конкретным значениям, это «познание личности», «истина личности», «знание о личности», «собрание знаний о личности», «наука о личности», «слово о личности», «текст личности», «смысловое целое личности». В единых формах знания-смысла-текста, адресованных человеку, персонология должна стать важнейшей частью гуманитарной культуры. Она использует культурные инструменты теоретического и эмпирического поиска, изучает личность в парадигме культуры, вносит вклады в культуру осознания, самоопределения и самовыражения личности, может обогатить консультативными и психотерапевтическими практиками культуру индивидуальной жизни в обществе и способствовать превращению личности в важнейшую цель культуры.

Удержание многозначности в толковании «персонологии» позволит исследователям, консультантам, психотерапевтам не ограничиваться сравнительно молодым научным знанием о личности. Появляется возможность выйти в длительное **время** порождения идей «личности-о-личности-для-личности», оказаться в

континууме многовековой европейской истории развития **«лично-ценного знания»**. К основным моментам данной истории можно отнести появление «мифов личности», «личностной литературы», «личностной рефлексии», «философского персонализма», «психологии личности», «персонального консультирования» и т.д.

Персонология как наука, решающая задачу интеграции разнообразного опыта изучения личности, отводит этому опыту объемное **культурное время**, исходя из представления, что отдаленное прошлое, настоящее и будущее таинственного концепта «личность» связаны отношениями непрерывности, преемственности, взаимных вложений, обратимости и неповторимости. Так «в гиперболическом зеркале мифа читаем через увеличенную форму нечто, что свойственно нашим формам, структурам нашей жизненной истории... Здесь нам дается возможность читать то, что реально, в виде каких-то свойств и структур присуще нам и нашим жизням» (4; с. 292).

Свойство «быть в культурном времени» персонология придает не только «личности» как идее, символу или идеалу, но и личности как индивидуальной реальности, интерпретируемой в разнообразных познавательных контекстах. В первом случае изучается культурогенез, культурная транспектива, современная культурная специфика понятий, образов, моделей, концепций и методов познания личности. Во втором исследуется обращение, познание и отношение индивидуальной личности к разновременной жизни в культуре, культуре себя, культуре взаимодействий, а также ее собственная культурная деятельность, ее авторство и культурные влияния на других, взятые во временных мерах, характеристиках, формах. Присутствие, изменение, создание, трансляция культуры

при исследовании личности и в непосредственном процессе ее внутренней и внешней жизни составляют для персонологии комплексную, мало изученную **проблему «культурного времени личности»**. Наметим некоторые способы ее решения.

При исследовании культурогенеза идей о личности, ее свойствах и жизненных отношениях могут быть использованы методы персонологической герменевтики и реконструкции образных, символических и вербальных **произведений**. К ним относятся великие мифологические, литературные, философские и психологические тексты, художественные изображения, сценарии театра и кино. «Произведение есть какая-то модель вещей, случающихся в человеческом общении, в передаче знаний, в передаче состояний, в коммуникации жизни и в распространении потока жизни, который длением остается молодым и живым. ... Оно есть некоторая сознательная бесконечность, которая внутри себя, в качестве своих частей содержит и нас самих, интерпретирующих это произведение» (4; с. 331).

Целью герменевтики и реконструкции произведений может выступать создание моделей, релевантных представлениям о «личном» в определенные моменты культурной истории и выстраивающихся в относительно непрерывную динамику европейского персонализма.

Поясним, что в персонологии может подразумеваться под **«моделью»** (13). По форме модели представляют собой концептуальные системы, схемы, логики, техники добывания знаний, практики, структуры, типологии, многомерные классификации, континуумы понятий и определений, а также символические, образные или визуальные репрезентации. По содержанию каждая из них выступает сгущением устоявшихся и

новых идей, представлений, прозрений, относящихся к личности. Модель создается как гипотетическая, обеспечивающая результативные пробы изучения, интерпретации и прогнозирования личностных явлений. Модели как эффекты теоретико-практического анализа, синтеза, обобщения и проблематизации содержат альтернативные ходы мысли, которые легко улавливаются и реализуются при встрече с индивидуальным случаем. В модели соотносятся строгость, логичность, завершенность рационального подхода и глубина, творческая открытость, свойственные интуитивному подходу. Это сочетание коренится в давнем стремлении психологов добиться при изучении личности единства научности и спонтанного творчества, методов объяснения, истолкования и описания.

Персонологические модели в своем содержании выходят за пределы психологической науки, на уровни философского, естественнонаучного и художественно-символического познания. **Идея поуровневого моделирования** личности подготовлена прагматическими установками гуманитарных наук на операциональность и инструментальность знания, его жизненную достоверность и проблемность, на гибкость и высокую пригодность к работе с фактами. Модели лишены императивности и не стремятся целиком осуществиться даже в искусно «поставленном» эмпирическом событии. Открывая пути изучения и обращения с личностью, они ничего не утверждают в эмпирическом смысле, но помогают отыскать и корректно повлиять на наиболее вероятный порядок ее жизни и развития. Они стремятся к реальной или «возможной» личности, воплощают опыт разработчика и могут стать собственным опытом адресатов. Феномен, факт,

индивидуальность выступают исходными референтами и конечными ориентирами персонологического моделирования.

Модели могут служить пониманию личности, стать инструментом нахождения ее новых свойств и отношений, выступать «матрицей» самопознания, быть развивающими и формирующими. Но как бы сложна и изысканна ни была модель, она не может быть богаче индивидуальной личности-референта и не может считаться орудием ее исчерпывающего раскрытия. Хорошие модели, обладая качествами теоретичности, рефлексивности, феноменологичности, экзистенциальности и практичности, лишь приближают к пониманию личности в полноте временной траектории ее жизни. В красивой модели личности заключено ожидание, что референт моделирования превзойдет свою репрезентацию, развивая, таким образом, культуру персонологического моделирования.

Для моделирования личности на основе произведений важно не только то, что осуществляется абстрактная реконструкция ее структуры, жизни, элементов архитектоники бытия, но и то, что в одной из своих разновидностей модели репрезентируют явления, выступающие, по выражению В.А. Петровского, «нетривиальными фактами личности». Кроме того, особая роль принадлежит моделям рефлексивно-феноменологических практик, строящимся на основе текстов самопознания творцов культуры.

Моделирование может рассматриваться как способ обретения персонологией времени культуры, утраченного или еще не уловленного психологией личности. Единицей этого времени можно считать **события открытий личности**, случившиеся в жизни и творчестве выдающихся мыслителей и художников. При персонологической работе с их произведениями эти события выстраиваются во временной континуум, локализуются в нем,

фрагментируют его, выявляют поэтапность познания личности, указывают на одновременность порождения различных знаний о ней, отмечают завершенность определенных форм понимания личности и фиксируют законченность определенных циклов ее изучения. Они намечают длинную «горизонтальную» траекторию становления «личностного знания», соединяющую европейскую античность, современность и отдаленную культурную перспективу. В особом измерении «вертикального времени» некоторые из событий говорят о своей синхронии, пребывании в вечном настоящем, сокрытости в глубинных слоях бытия, непостижимой своевременности появления. В целом, в области персонологии можем говорить о сохранении, продлении и наполнении культурного времени, принадлежащего идее «личности».

Принцип удержания обширной транспективы знания о личности предполагает, во-первых, построение обобщенных моделей, охватывающих культуругенез «личности» в целом или ее существенных свойств и отношений. Во-вторых, разработку моделей, отражающих моменты кардинальных исторических сдвигов в понимании и оценке личностных реалий. В-третьих, обращение к «фактам личности», гениально извлеченных мастерами (философами, поэтами, писателями и художниками) в опыте видения личностного начала других людей. В-четвертых, моделирование запечатленных в культурной динамике стилей осмысления личностных феноменов, включая символический, мистический, религиозный, онтологический, экзистенциальный и т.д. (По этому поводу К.Г. Юнг (17) говорил, что большая часть символических данностей, архетипических структур сказки при их включении в психологический ход мысли требует применения техник усиления, генерализации, разъяснения и приближения к

всеобщему понятию, которое объясняет какую-то тайную сущность человека). В-пятых, создание критически полных моделей личностных явлений, имеющих аналоги и эквиваленты во все времена осознания человеком своего существования. В-шестых, сгущение в моделях самопознания современной личности эффектов культурогенеза индивидуальной рефлексии и феноменологической практики.

Приведем несколько примеров **моделирования «личности»**, погружающего персонологический взгляд в разные времена европейской культуры.

1. В частности, по материалам произведения М. Фуко (9), посвященного «истории субъективности» в эпоху европейской античности, нами была разработана **обобщенная модель отношения к себе**, включающая те его аспекты, которые постепенно, в контексте двухтысячелетнего культурного, в первую очередь философского и литературного, процесса конституировали потенциал и реальность современного самоотношения личности. В число этих аспектов вошли:

- основные формы самоотношения (обращение к себе, самопознание, практика себя);
- элементы его психологической архитектоники;
- ретроспективная, актуальная, перспективная ориентация;
- возрастные этапы и доминанты развития;
- целевые и смысловые приоритеты;
- назначения и роли Других в становлении и осуществлении;
- меры распространенности в обществе;
- духовно-ценностное наполнение;
- Я-объекты самоотношения;
- функции его речевого плана;

- разновидности продуктивных выражений;
- характеристики субъекта самоотношения;
- рефлексивное развитие отношения к себе;
- его феноменологическое развитие;
- его творческие возможности.

Самоотношение в различных композициях и качественной специфике выделенных аспектов характеризует движение личности к себе на эллинистическом, христианском, ренессансном, «фаустовском», рационалистическом, экзистенциальном, модернистском и постмодернистском этапах развертки культурного времени. Основное назначение подобных **культурогенетических** моделей мы видим в возможно более полном определении координат социальной поддержки и критериев самоформирования современной личности как причастной к давно начавшейся персонализации человека-в-культуре.

2. Для решения задач помощи человеку в достижении идентичности и аутентичности, в развитии способностей и искусства репрезентации в «других», а также в поиске доступа к своему творческому началу, персонология может обращаться к конкретным **«вспышкам личности»** в культуре, которые на определенных этапах ее становления положили начало мощным сдвигам в познании индивидуальной души, жизни и деятельности. Например, ярчайшими фактами утверждения ценности «личного» стали произведения литературы рубежа 18-19 веков., проникающие в тайну творческого дара, авторства, индивидуальности.

Моцарт и Сальери в дивном произведении Пушкина (7) выступают не только известными персоналиями, но и символами противоположных способов бытия и двойственной сущности **Творца**. В мелодии пушкинских строк таинственно звучат и с силой

прорываются две ведущие темы произведения: динамичный, неуловимый склад творца-гения и трудно становящийся склад творца-мастера. В культуре они известны как «моцартовское» и «сальерианское» начала творчества и соответствующие им типы личности творцов.

В опыте персонологического моделирования (10) «Моцарт» и «Сальери» предстают выражением **двух ипостасей** единой творческой индивидуальности, способной осознать их коренную коллизию. Возможно, именно интуиция присутствия и конфликта собственного «внутреннего Моцарта» и «внутреннего Сальери» привела Пушкина к бесценному поэтическому прозрению.

Пушкинский текст говорит нам, что в личности творца могут быть одновременно активны интенции «к Моцарту» и «к Сальери».

Первая предполагает:

- ощущение творцом своего появления из «иного мира»,
- уловление в себе «божественного дара»,
- осознание себя «послом» великих сил,
- таинство встреч со своим гением в спонтанном творчестве,
- уникальные создания, отданные людям как «голос бога на земле»,
- переживание бессмертия своего дарования,
- глубина и стройность творений,
- непостижимость для себя собственного творящего таланта,
- всплески гениальности, разрушающие «всеобщий порядок вещей»,
- беспечная доброта, веселье, щедрость, легкомыслие, праздность,
- притяжение зла со стороны других,
- предчувствие своей трагической судьбы,
- создание прекрасного и пугающего посмертного шедевра.

Вторая интенция полно выражена в исповеди Сальери:

- раннее влечение к определенному искусству («отверг я рано праздные забавы..., предался одной музыке»);
- овладение ремеслом как «подножием» творчества («музыку я разъял как труп...; поверял я алгеброй гармонию...; в науке искушенный, дерзнул предаться творческой мечте);
- упорный многодневный труд («без сна и пищи», с проблесками вдохновения и восторга, полный «любви горячей», самоотвержения, усердия, молений);
- отказ от своих созданий, уничтожение плодов тяжелого труда («я жег мой труд и холодно смотрел, как мысль моя и звуки, мной рожденны, пылая, с легким дымом исчезали»);
- любовь к великим творцам, открывающим новое в искусстве («быть может, новый Гайдн сотворит великое – я наслажусь им...»);
- приращение своего мастерства в кропотливом труде и авторских достижениях («усильным, напряженным постоянством я, наконец, в искусстве безграничном достигнул степени высокой»);
- приобретение славы, успеха, известности и удовлетворение своими произведениями («слава мне улыбнулась»; «я в сердцах людей нашел созвучия своим созданиям и счастлив был»);
- дружба с товарищами по искусству («я наслаждался мирно трудами и успехами друзей, товарищей в искусстве дивном»);
- гордость за свою принадлежность к избранным, надменное презрение к тем, кто лишен таланта («мне не смешно, когда фигляр презренный пародией бесчестит Алитъери»);
- ревность к моцартовскому дару, имеющему неведомый, высший источник («я ныне Завистник..., я завидую глубоко, мучительно...»);

- поклонение творческому Гению и отрицание его как нарушителя «законов» разумного, направленного творчества («что пользы, если Моцарт будет жить и новой высоты еще достигнет? поднимет ли он тем искусство? нет, оно падет, как только он исчезнет»);
- обесценивание своего труда и таланта перед сиянием «священного дара», тайное желание своей смертью преодолеть боль зависти («я мало жизнь люблю...; жажда смерти мучила меня...»);
- соблазн уничтожить Гения, насладившись его предсмертной песней («он несколько занес нам песен райских, чтоб, возмутив бескрылое желанье в нас, чадах праха, после улететь...; так улетай же, чем скорей, тем лучше»).

Моцартовская и сальерианская интенции могут действовать неуловимо для творческой личности, пересекаясь и разрушительно взрываясь в бессознательной глубине души. Или они могут быть осознаны и равно приняты личностью, понявшей, как гармонизировать и согласованно осуществлять их лучший потенциал. Или, осознав их оппозиционность, личность может удерживать свое противоречие, не делая выбор и не разрешая его. Или, дав одной из интенций овладеть собой, творец становится беззащитен перед скрытой, непредсказуемой работой другой. Или, реализуя потенциал одной из интенций, личность вовлекает в этот процесс возможности другой, усиливая свою индивидуальность.

В приведенной модели явно и имплицитно переплетается множество моментов культурного времени личности. Это время индивидуальной жизни и существования музыкальных творений Моцарта и Сальери. Это ретроспективный литературный контекст рождения пушкинского произведения и длящийся след поэта в

культуре. Это события культурных идентификаций множества личностей с типами творцов, означенных в истории знаменитых музыкантов и воплощенных Пушкиным. Это также перспектива персонологии, ставящей задачу сопровождения современной личности на пути создания персонального творческого мира во всеобъемлющем пространстве культуры.

3. Далее остановимся на примере реконструкции одного из **«фактов личности»**, ценность и нетривиальность которых подтверждается их описанием в выдающихся литературных и философских произведениях и их оценкой как «психологических открытий» со стороны компетентных исследователей данных произведений.

Обратимся к факту, открытому М. Прустом у его эго-героя и поднятому на онтологическую высоту М. Мамардашвили (4). Обозначим его как **«проблему Марселя»**. Она относится к «определенному типу проблем, которые отличаются тем, что они вечно решаются... Они одни и те же по отношению к нашим скромным жизням, а значит, имеют смысл и для больших событий. Такие проблемы содержат в себе и знак моего «призвания» - что слышу я и что я своим усилием могу раскрутить, размотать, развернуть» (4; с. 485).

Сутью проблемы личности является здесь «невозможность реализовать свое ценное качество и пережить соответствующие состояния в отсутствие конкретного другого человека». Неразрешенность проблемы создает условия для внутреннего присвоения Другого, для недоступности, непонимания его реального бытия, для нашей ригидности и отделения от миров множества людей.

Модель развертки и разрешения проблемных отношений в индивидуальной ситуации эго-героя Пруста может выглядеть следующим образом.

- Марсель, как и каждый из нас, хочет сохранить образ Я, позволяющий ему уважать себя.
- Этот образ Я должен воспроизводиться в его сознании, чтобы он мог жить в мире с самим собой.
- Таким путем поддерживается чувство самотождественности Марселя.
- В его оберегаемом самообразе присутствует качество **нежности**.
- Нежность воспитана, сформирована, скультивирована в нем как утонченность переживаний, включая любовные.
- Он полюбил Альбертину, и открыл, что только в отношении к ней и через нее может реализовать свою нежность.
- Его нежность как качество Я оказалось невозможным именно без этой женщины.
- «Ее отношение к нему, любовь к нему, верность ему становится для него условием того, чтобы это чувство было в нем – он нежен, когда есть Альбертина» (4; с. 487).
- Альбертина становится частью того, как Марсель себя понимает, превращается в него самого, существует в нем как личное качество «Я нежен».
- Вне самообраза Марселя Альбертина ускользает во тьму, где он себя не находит, не видит.
- Любимая женщина приобретает для него смысл тайны.
- Происходит расщепление самообраза Марселя «Я нежен», где есть Альбертина, и образа Альбертины реальной, живущей в ее собственном таинственном мире.

- «Часть истинного положения дела, истинного содержания отношений с Альбертиной, то есть с другим человеком, – на экране самотождественности, а другая часть – где-то в глубинах и в темноте» (4; с. 487).
- Для освещения темноты Марселю нужно следовать за реальной Альбертиной, соединиться с состояниями любимой женщины, открыть пространство для ее нежности, совершить усилие ее понимания, обрести себя в ее мире.
- Нужно отказаться от «обладания качествами», пойти на обновление себя, разрушить застывший образ самотождественности, войти в мир людей с преодоленным эгоизмом, в потоке жизни стать «лавой возможностей, которая может принять любую форму» (4; с.495).

«Проблема Марселя» в своей индивидуальности и всеобщности, посредством персонологической интерпретации, по мосту культурного времени переходит в современность, находя свои эквиваленты в коллизиях личностей, обращающихся к консультантам и психотерапевтам. Кроме того, в качестве «критического случая» она может быть осмыслена в контексте теоретических исследований внутренней данности личностей друг другу или «взаимного вмещения миров личностей», или «импликации друг другом множества Я», или «отраженной субъектности» (2; 5; 8).

4. Тонко ставя и отвечая на вопрос об эмпирическом соотношении необходимости себя, необходимости Другого и необходимости изменчивой жизни «вместе», произведение Пруста стало событием во времени становления культуры отношения к себе, и прежде всего, **рефлексивной и феноменологической практики**. Для персонологии изучение исторической динамики опытов

индивидуального самопознания имеет особое значение в связи с установками на теоретическое «конструирование» содержаний и техник, стимулирующих и раскрывающих накопленные культурой возможности самостоятельного поиска личностью знаний о себе. Теоретическое конструирование, в частности, в форме моделей, адресованное явлениям сознания и самосознания, является в современной психологии признанным способом обращения к культурно-временному контексту. Богатый опыт конструирования психологической реальности сложился, отмечает В.П. Зинченко, в культурно-исторической теории развития психики и сознания, в генетической эпистемологии, в психологической теории деятельности и т. д. «Результатом теоретической работы является конструирование «интеллектуальной материи», «понимательных вещей», концептуальных схем и структур, облегчающих не только наблюдение, представление, но также оперирование и управление объектом исследования» (3; с. 261).

Основываясь на персонологической герменевтике текстов самопознания, мы разработали континуальную модель привилегированных **рефлексивных объектов**, или содержаний рефлексии, попадавших в фокус личностного взгляда на себя в разные периоды культурогенеза, включая античность, средневековье, ренессанс, новое время и современность (10). Было важно услышать сменяющие друг друга и единые во времени голоса исповедей, жизненных историй и жизненных «самопроектов», принадлежащие М. Аврелию, А. Августину, П. Абеляру, Б. Челлини, В. Гете, Л. Толстому, Н. Бердяеву, К. Юнгу, С. Дали.

Обобщение исторической динамики фокусов рефлексии позволило очертить «объектное поле», в котором возможен экзистенциальный, рискованный путь самопознания личности, находящейся в

актуальной культурной ситуации. Это «поле» в тесных взаимосвязях друг с другом образуют:

- **идеалы Я**, воплощаемые богами, разумом, истиной и выдающимися людьми, заботой о себе, спасением и сознанием, глубинным миром души, творчеством и общественным служением, своим Я и собственными произведениями;
- **противоречия Я**, возникающие на путях обретения истины и веры, в испытаниях себя, во взаимодействии с другими людьми, в творческой жизни, в самопознании, в жизнеотношениях, в развитии качеств и способностей, в поисках смысла, в самовыражении, бытии-в-других и самоутверждении;
- **разрешения противоречий Я**, осуществляемые с жертвами или приобретениями, путем активности или недеяния, в одиночестве или в общении, осознанно или неосознанно, с отказом от себя или самообновлением, способом капитуляции или нового жизненного прорыва;
- **самоутверждение**, состоящее в творении и достижении уникальных результатов, отстаивании достоинства, сопротивлении противодействию, преодолении враждебности других, принятии одиночества, сохранении автономии, превращении личного в общепринятое, усилении «Я» в самопознании, приобретении известности, построении жизни в соответствии со своим идеалом;
- **взаимодействие Я с другими** в формах внутренних и внешних отношений и взаимного присутствия с учителями и авторитетами, с родителями и любимыми, помощниками в творчестве, вдохновителями и учениками, с друзьями и врагами, с ближним окружением, государством и носителями власти;

- **творчество Я** с его жизненным пробуждением, иррациональным и осознанным протеканием, обусловленностью даром, совместностью осуществления, продуктивным выражением в образцах, трудах, свершениях и произведениях, влиянием на множество других людей;
- **ценные знания Я** как опытная, рациональная основа творчества, соединяющая традицию, обучение, освоение мастерства других, творческие практики, концептуальные авторские установки и личное мировоззрение;
- **жизненные отношения Я**, включая отношения к миру, к другим, ко времени и местам своей жизни, к своим талантам и деятельности, к своему творчеству и его влияниям, к своему познанию и мистическим переживаниям, к знаниям и тайнам, памяти и воображению, к своим коллизиям, к течению и завершению жизни, к самоопределению и судьбе;
- **жизненные смыслы Я** в их происхождении, содержании, личном принятии, действенности, жизненной смене, связи с ценностями и духовным поиском, исчерпывании, возрождении, дефиците и полноте реализации;
- **Я сам** как обладающий телом, обликом и душевным миром, сознанием и потаенной личностью, знанием и незнанием себя, качествами и способностями, возможностью действовать и достигать, идентичностью и переживанием тождества себе, собственной жизнью и ее историей.

Давая культурно-историческому опыту самопознания прорасти в настоящее, личность, при поддержке персонолога, может выстроить собственные практики рефлексии, превращая названные Я-объекты в значимости, вовлеченные в процессы вспоминания себя,

самоанализа, самообобщения, Я-синтеза, Я-проблематизации, самоосмысления и т.д.

Моменты порождения и интерпретации произведений, рассмотренные в связи с психологическим моделированием «личности», конституируют **культурное время персонологии**, которая в своем становлении пытается раскрыть силы и достоинства индивидуальной жизни, протекающей в единстве с культурой и во времени культуры. **Культурное время жизни** личности является предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

Культура, выступающая контекстом, условием и продолжением жизни личности, персонологически понимается как область «трансцендентальных объектов», «культурных феноменов», объединяющая духовные ценности, черты одухотворенного облика человека, совершенные вещи, произведения, искусные практики, великих мастеров и учителей, а также множество личностей, идущих по пути самоформирования и творчества. Это место воссоединения людей, больших чувств, умов, поступков, где жизнь личности протекает в длительном времени, имеющем различные формы: астрономическую и историческую, объективную и субъективную, рефлексивную и глубинную. Процесс такой жизни образуется **персональными событиями**, связанными с культурой. К ним следует отнести: встречи личности с культурными феноменами; их узнавание; воспоминания о них; переживания их значимости; желания, направленные на них; их понимание, придание им смысла и их интерпретацию; производство новых феноменов и их трансляцию другим людям. Культурные впечатления и умения наполняют индивидуальную жизнь, приходя к личности из мифологии, поэзии, драматургии, литературной прозы, живописи,

философии, науки, опыта наблюдения за вовлеченностью и самовыражением в культуре конкретных «других».

Личностные события-в-культуре во временном срезе жизни, в модусах прошлого, настоящего и будущего могут совершаться последовательно и одновременно, непрерывно и фрагментарно, длительно и кратковременно, с определенным ритмом и аритмично, с интенциями к завершенности и к продолжению. В своих содержаниях, динамических конфигурациях и осознанности субъектом они составляют **личную культурную историю**.

Протекание культурного времени личности в «культурных событиях» имеет следующие **закономерности**, уподобляющие и отличающие его от других временных форм человеческой жизни (2; 4; 18).

- В актуальную культурную деятельность, посредством «кликнувшего символа», вплетается бесконечное прошлое архетипа.
- Все, что происходит с нами в культурном плане здесь-и-сейчас, имеет длинный «шлейф» в сознательной истории культуры.
- Посредством индивидуальных культурных актов могут воссоздаваться и поддерживаться некоторые «вечные человеческие состояния».
- В текущем личном творчестве могут быть раскрыты тайные содержания прошлого культуры, то есть, «возвращено утраченное время».
- В наличном проживании индивидуального культурного события может быть достигнута полнота, потенцирующая длительную активность личности в культуре.

- Культурное событие личности, происходящее в настоящем, может не иметь известных аналогов, предпосылок в прошлом, но может иметь бесконечную перспективу в будущем.
- К совершающемуся культурному событию личность может относиться с установкой «длитель», «временить», «не завершать», растянуть в длинное настоящее.
- Индивидуальным культурным актом личность может уловить и обусловить перспективу событий в определенной области культуры.
- В фактичности личного культурного события могут быть созданы условия для того, чтобы «возможное прошлое», завязавшееся когда-то, но не замеченное или непонятое, когда «мы могли бы жить, но не жили», случилось.
- В культурном творчестве, продвигающем жизнь в будущее, личность идет по следам «призванного» ею прошлого.
- Присутствуя внутри культурного события, личность может пережить неделимость времени, открыть, что «все происходит непрерывно, ничто не начинается в абсолютном смысле, потому что все уже давно началось, причем началось неизвестно кем, когда и для чего...» (4; 534).
- Выступая автором культурного события, ценного для многих других, становящегося предметом их понимания, интерпретации и индивидуального продолжения, личность «дарит» им время жизни для активности в творческом соединении с культурой.
- В инициированном культурном событии личность может собрать множество «точек времени», по которым рассеяны важные для нее авторы и содержания, формируя общий временной объем события.

- У культурного события личности есть своя «временная архитектура», включающая его различные отношения к прошлому, настоящему, будущему, а также временные характеристики объективного, рефлексивного и внесознательного участия в событии.
- В момент причастности к культуре личность может открыть парадоксальность соотношений основных временных модусов жизни, например, взаимное «вложение» и «обращение» будущего и прошлого: «тона реквиема звучат в колыбельной песне».
- При порождении и трансляции культурного события личность оказывается в расширенном временном горизонте жизни, постигая, что индивидуальное существование лишь относительно конечно, что «не все, что есть наша жизнь, происходит во время нашей жизни» (4; с. 44), что надежда на бессмертие онтологична, экзистенциальна, имманентна человеку.
- В акте культурного творчества может достигаться открытие того, для чего, по ощущениям, нет ни предпосылок, ни причин, ни продолжений, что является независимым от последовательности моментов жизни и что относится к «стоящему мигу», в котором все совершается одновременно.
- Внутри культурного события для личности становятся доступны «надбытийственные акты», которые выводят ее за границы наличного времени и пространства жизни, в мир непреходящих человеческих ценностей.

К важнейшим культурным событиям личности, реализующим перечисленные закономерности, относятся ее принятие, понимание, истолкование и создание **текстов**. В персонологической области исследований особая роль отводится текстам, развивающим

духовный план индивидуальной жизни, «культуру себя», культуру познания, отношений и деятельности, то есть, «**текстам личности**».

Каждый такой текст выступает «формой культуры», «культурной структурой», «местом культуры», «культурной моделью», отражающей, осуществляющей и длящей жизни автора и вовлеченных адресатов. Хороший текст как «ткань», «материя» или «сплетение» предлагает такую связь значений и смыслов, которая раскрывает для личности возможность иной, лучшей жизни. Такие тексты образуются не только словами, но и символами, образами, красками и тонами звучания, которые на языке культуры могут «сказать» или дать личности «высказаться» о том, что необходимо ей для переживания испытаний, для познания и осуществления себя, для достижения согласия с собой и другими. «Текстом личности» может быть и сказка, и картина, и роман, и философский трактат, и исповедь, если в них есть то, что проясняет для нее жизненно важные тайны и проблемы, к встрече с которыми она пришла в собственном опыте. Текстами личность «читает» события жизни, интерпретируют себя и Другого, прочитывает другие тексты.

Динамика текстов совпадает для личности с динамикой жизни, если она видит в своем душевном строе непрерывно создающийся внутренний текст, вступающий во взаимодействие с внутренними текстами «других», и улавливает, как различные «тексты души» выражаются и пересекаются в текстах внешней жизни. Тексты, образуемые духовными состояниями личности (стремлениями, интуицией, воспоминаниями, мышлением и воображением) становятся инструментами, посредством которых она играет культурную мелодию, создает культурное время своей жизни.

«Тексты личности» являются своего рода искусством обращения с культурным временем: его наращивания, сгущения, резервирования,

свертывания, передачи, пролонгирования и возвращения, а также трансформации его характеристик. Посмотрим на некоторые из этих **временных потенциалов** текста (2; 4; 12).

- Принятие и понимание личностью текста, когда-то состоявшегося в культуре, означает новую форму бытия этого текста, продление времени его существования, совпадение времен автора и адресата в культурном поле.
- Собственный текст личности выстраивается как последовательность всегда единственный раз случившихся актов его желаний, мысли, переживаний, представлений, высказываний, определяя континуальность ее жизни в культуре.
- Текст личности сближает культурное время привлеченных авторов, героев, адресатов, переводя их существование в режим одновременности.
- Текст личности может стать «сгустком времени», «ядерным временным образованием», когда сводит в моменте своего создания разновременные события проникновения многих «других» в сущность предмета.
- При понимании и интерпретации текста с большим объемом воплощенного времени личность-адресат может развернуть его во время собственной творческой жизни, реализуя, таким образом, «временной вклад» автора.
- Во временном отношении текст личности является многослойным, заключая содержания, родившиеся и воссозданные в различные времена процессов познания, рефлексии и приобретения феноменологического опыта автора и адресатов.

- Текст может вскрыть неизвестные архетипические отношения, присоединившись к уходящему вдаль прошлого времени сохранению общезначимых знаний и смыслов.
- Своими текстами, значимыми для культуры, личность может бесконечно расширять «время себя», обращаясь к множеству авторов и источников, соединенных культурной динамикой.
- Тексты личности, подобно «органам жизни», за счет порождения собой новых зон неизвестного, задают дальнюю перспективу культурной активности автора и адресатов.
- Создавая или понимая текст, личность может открыть соответствия своей жизни и душевной структуры множеству завершивших или совершающих свой путь людей, оказываясь во «вневременном» потоке бытия.
- Личность может создавать текст долгое время, растягивая настоящее в длительное проживание жизни-в-тексте, растворяя прошлое в актуальном и реализуя потенциал предстоящего.
- Текст личности может заключать возможность продлевать жизнь автора во внутренних и внешних текстах многих других, протягивая сквозь них объединяющие смыслы, действующие в большом времени культуры.
- Текст личности может оказаться для адресата точкой фиксированного, «замершего» времени, где есть очаровывающая его загадка, которая заставляет «не отпускать» эту точку, возвращаться к ней.
- Текст личности может подарить адресату «временной избыток» для узнавания, познания и практики себя, не вмещаемых его обыденной жизнью.

- Культурная ценность текста личности может обнаружить себя значительно позднее момента его появления, что говорит о процессе его «инкарнации» в новом мире, в новые времена.

Подводя итог этому краткому обращению к неисчерпаемой теме культурного времени личности, подчеркнем ее принадлежность к проблематике исследований личности в парадигме культуры, инициированных в отечественной персонологии.

Здесь можно воспользоваться метафорой «непрерывного взгляда», говорящей, что ты, как практикующий персонолог, можешь всмотреться в прошлое культуры и вдруг увидеть взгляд, обращенный на читателя или зрителя из текста или с портрета, созданного мастером. Великолепный персонаж произведения, если найти точку оптимального видения, взглянет именно на тебя, и ваши взгляды встретятся. Ты найдешь свое отражение в его взгляде. Ты можешь встать на его место, стать им и увидеть себя его глазами. Ты можешь послать ему взгляд, выражающий твои чувства к нему и знания о нем. Ты его глазами можешь взглянуть в него, и он-в-тебе встретится с собой. Ваши взгляды пересекутся в пространстве внутреннего взаимного видения, где вы преображаетесь друг в друга. Ты понимаешь, что из любой дали времени Другой видит тебя и может открыть тебя по-новому, что тебе дано лично послать взгляд Другому, утверждая его бытие и раскрывая его загадки. Ты тоже надеешься послать Другому взгляд созданной тобой «личности», чтобы он был подхвачен и мог быть отправлен ответный взгляд.

Литература

1. Абульханова К.А. Березина Т.Н. Время личности и время жизни. СПб: Алетейя. 2001.

2. Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука. 2001.
3. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур. 2010.
4. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. (М. Пруст «В поисках утраченного времени»). СПб: Издательство Русского Христианского гуманитарного университета. 1997
5. Петровский В.А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010.
6. Петровский В.А. Логика «Я»: персонологическая перспектива. Самара: Изд-во САМГУ. 2009.
7. Пушкин А. С. Моцарт и Сальери. Петербург: Издан. Общины Св. Евгении. 1917.
8. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. // Проблемы общей психологии. М.: Педагогика. 1973. С. 255 – 380.
9. Старовойтенко Е.Б. Персонология отношения к себе: культурная трансспектива. // Мир психологии. №4. 2010. С. 13 – 25.
10. Старовойтенко Е. Б. Культурная психология личности. М.: Академический проект. 2007.
11. Старовойтенко Е.Б. Парадигма жизни в персонологии. // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т.7. № 1. С.3 -18.
12. Старовойтенко Е.Б. Самопознание и творчество индивидуальности в культуре. // Психология индивидуальности: новые модели и концепции. /Под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М.: НОУ ВПО МПСИ. 2009, с. 147 – 196.
13. Старовойтенко Е.Б. Современная психология: формы интеллектуальной жизни. М.: Академический проект. 2001
14. Трубников Н.Н. Время человеческого бытия. М: Наука. 1987.
15. Фуко Мишель. Герменевтика субъекта. СПб.: Наука. 2007

16. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика. 1993.
17. Юнг К. Феноменология духа в сказке. // Культурология. XX век.
Антология. (Лики культуры) М.: Юрист. 1995
18. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс. 1991.

2. НОВАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ КАК «НАУКА ЛИЧНОСТИ»

НАУКА ЛИЧНОСТИ: ЧЕТЫРЕ ПРОЕКТА ОБЩЕЙ ПЕРСОНОЛОГИИ

Статья Петровский В. А. Старовойтенко Е. Б. Наука личности: четыре проекта общей персонологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 21-39

1. Персонологический поворот в психологии личности

Личность как важнейшая ипостась человека издавна выступает в различных толкованиях и определениях. С одной стороны, с ней связываются тайны бытия и сущности человека, его уникальность и внутренняя непроницаемость, загадки его перевоплощений и переходов в облики и образы «других», непознаваемость его подлинного Я и невозможность полного самовыражения в истине своего предназначения. С другой стороны, «личность» усматривается во внутреннем и внешнем сходстве человека с другими людьми, в константности его наблюдаемых качеств, типичности поведения и действий, в способности к внешним и внутренним отношениям с множеством других, в его значимостях, разделенных с другими, а также в его вкладах и ролях во внешнем мире.

Актуальной задачей научно-психологического познания личности является проблематизация, исследование, анализ и творческий синтез максимума ее скрытых и проявляющихся свойств.

Психологическая наука достигла многого в изучении природных предпосылок и телесной организации личности, ее психических и практических функций, сознания и бессознательного, поведения и деятельности, черт и способностей, отношений и аспектов «Я», межличностных влияний и форм продуктивности. В области активного научного интереса находятся детерминация и самодетерминация, идентичность и самоидентичность, способы

развития и саморазвития личности. Однако авторы конкретных исследований личности часто не обращаются к **интегральному теоретическому контексту**, благодаря которому изучаемый личностный феномен может предстать в относительной полноте своих связей, характеристик и потенциалов. Это уменьшает возможности интерпретации и практического применения получаемых результатов с позиций определения их места в картине целостной личности, в ее жизни, а также в едином пространстве психологического знания.

На наш взгляд, важнейшая проблема интеграции знания о личности должна разрабатываться в расширенной области, очерченной границами дискурсивного, **рационального** подхода к человеку, характерного для классической психологии, философии, гуманитарных и естественных наук. При этом необходим выход за эти границы в обширный мир **культурных представлений** о «личном», «индивидуальном», «самости», «Я», «человеческих типах», отраженных в текстах и образах мифов, изобразительного искусства, литературы, поэзии и драматургии. Часть этих представлений в виде символов, метафор и художественных описаний индивидуальности вошли в содержание ряда психологических концепций личности, придав им живой, убедительный характер. Достаточно указать на глубинно-аналитические концепции З. Фрейда, К. Г. Юнга, Э. Фромма. Границы «живых знаний» о личности должны быть раздвинуты в мир **практики** поддержки и развития личности, ее самопознания и самополагания, Соединение рационального и интуитивного, понятийного и символического, логического и эмоционального, теоретического и практического подходов к личности, взятой в измерениях сущности – осуществления – самоопределения –

сопричастности – жизни составляет, на наш взгляд, **персонологический поворот** в психологии.

2. Треугольник «общей персонологии»

В данной статье мы говорим о новой науке, обладающей богатыми предпосылками и мощными творческими перспективами – «**науке личности**». Речь идет не только о познании личности, но и о том, как личностью стать, как сохранить себя, как утвердить себя в мире, как влиться в общество личностей. Ставится проблема создания науки самой личности как «органа» ее собственной жизнедеятельности.

Эту науку мы называем также «**общая персонология**» (В.А.Петровский, 2003). Ее рождение является реакцией на кризис разрыва, неконгруэнтности, противоречий трех психологий. Одна из них – исследовательская, академическая, или «**фундаментальная психология личности**». Другая – практическая психология личности или совокупность моделей (психопрактик) психологического консультирования и психотерапии личности. Наконец, еще одна – это: постигающая, «герменевтическая», психологии личности, которая была названа «**культурной психологией личности**» (Е.Б.Старовойтенко, 2007¹).

Общая персонология выступает не только тем, что имел в виду Мюррей, который ввел термин «персонология». Для нас общая персонология – отдаленное эхо проекта «общей науки» Л.С. Выготского, сфокусированной на феномене личности в универсуме жизни. И символом этой новой науки является треугольник **Теория**

¹ Авторы этой статьи независимым образом пришли к идее создания особой науки – новой персонологии, трансцендирующей границы традиционной психологии личности в направлении культуры и практики. В последние годы идеи новой персонологии развиваются авторами совместно, составляя тематику научно-исследовательского семинара, проводимого на факультете психологии НИУ ВШЭ.

– **Герменевтика – Практика**, имеющие своим предметом личность человека в единстве его отношений с собой, с миром, с Другими, с жизнью.

Мысленно мы можем отметить и специфицировать три вершины фигуры, символизирующей поле существования и развития общей персонологии: фундаментальная психология личности – практическая психология личности (психопрактики) – культурная психология личности. (См. рис. 1).

Рис.1. Треугольник Общей персонологии

Эти три точки могут рассматриваться, как существующие изолированно друг от друга. В этом случае они как бы не знают, что являются вершинами некоего треугольника (см. рис.2).

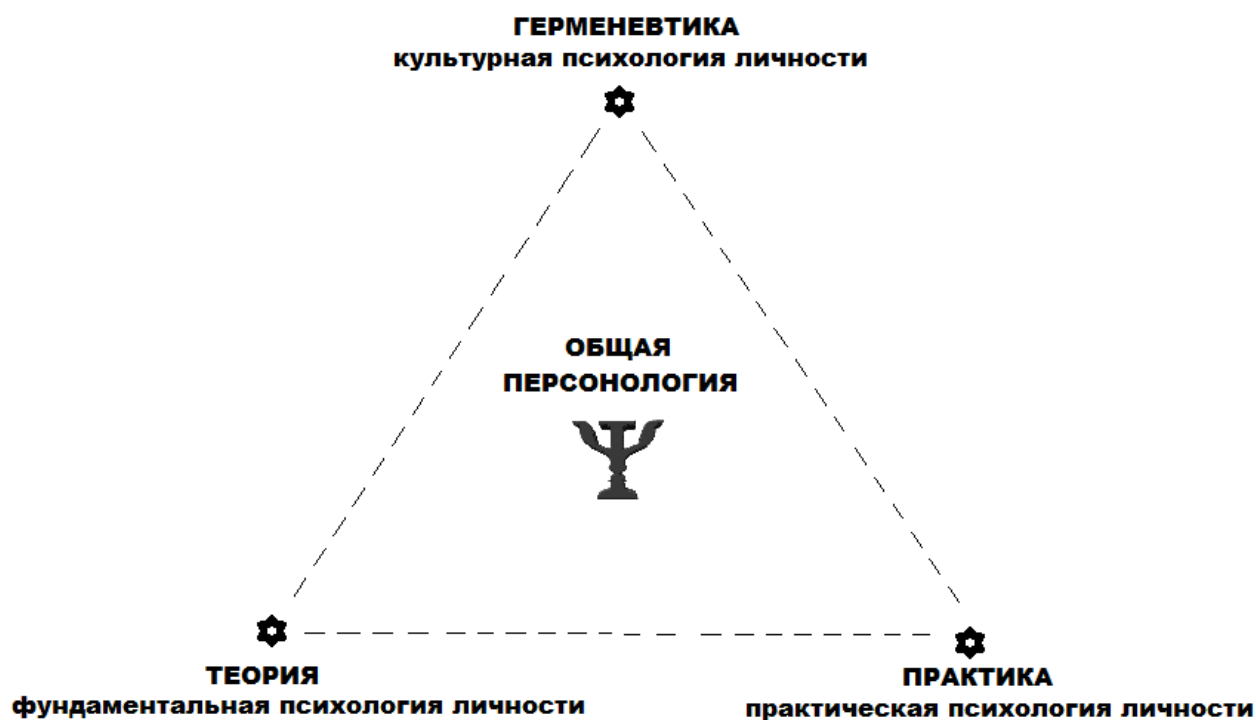

Рис.2. Точки-«вершины»

Данные точки есть «для себя» и могут не догадываться, что имеют высокое предназначение «быть вершинами» общей персонологии. Рассмотрим эти вершины внимательнее.

Теория: фундаментальная психология личности - общее имя для всех теоретико-эмпирических разработок в области психологии личности. К ним относятся: различные теории личности; ведущие идеи этих теорий, значимые факты, включенные в контекст теорий; методы, посредством которых извлечены значимые факты (количественные и качественные, экспериментальные и не-экспериментальные методы); возможности интерпретаций, моделирования и прогнозов, относящиеся к конкретным теориям и т.д. Однако нет единой теории личности, что для персонолога является важным фактом. И этот факт не принадлежит ни одной из теорий, но потенциально принадлежит общей персонологии.

Практика: практическая психология личности – область психопрактик, сфокусированных на запросах клиентов

(консультируемых, пациентов и т.д.). По данным 10-летней давности, существует 400 одних только видов психотерапии взрослых. Сейчас этот спектр услуг и количественно, и качественно существенно богаче.

На рис.2 есть штрихпунктирная линия соединения практической и фундаментальной психологии, означающего метаанализ психопрактик с перспективой получения интереснейших результатов. Например, какая из терапий оказывается более эффективной, какую роль играют личностные особенности психотерапевта? К какой из устоявшихся областей психологии личности относятся получаемые факты? На наш взгляд, такое направление исследований относится к общей персонологии.

Герменевтика: культурная психология личности. Мы говорим здесь об искусстве постижения (толкования, интерпретаций, творческого развития) предельных значений культуры, сфокусированной на личности и идее «личности»; ведь реальность – говорят герменевтики – мы видим и создаем сквозь призму культуры, представляющей собой совокупность основополагающих текстов, образов, символов и практик. В качестве родственных наук и направлений человекознания здесь можно назвать культурологию, философскую антропологию, персонализм, педагогическую антропологию (имея в виду ценностные ориентиры построения жизни людей), антропософию, социософию, культурософию (имея в виду постижение духа и духовного в человеке). В сфере культурной психологии личности намечаются проблемы, которые могут быть решены, прежде всего, в обще-персонологическом контексте. Речь идет, например, о проблеме культурогенеза познания личности на основе различных источников (от мифологических до философских и научных). Или о проблеме культурной динамики практического

обращения с личностью и личности с собой. Или о проблеме способов интеграции культурного опыта в конкретные исследования жизни и в практики психологической поддержки современной личности.

Линии, связывающие три вершины треугольника общей персонологии, всё ещё штрихпунктирны. Несмотря на потенциальную общность образующих, слишком много различий. Проблемы, подходы, критерии достоверности, категориальный аппарат, язык – во многом разные. Объективность, истина, детерминизм, гипотеза, операционализация, статистические методы, интерпретация результатов, объяснительный подход и т. д. – понятия фундаментальной науки. Субъективность, свобода, выбор, отношение, смысл, глубинное, уникальность, понимание, принятие, психотехнический миф, рост личности изнутри и т.п. – так позиционирует себя практическая психология. Душа, дух, таинство, творчество, авторство, индивидуальность, культурное время, текст, символ, метафора, искусство, этика и т.д. – все это понятия культурной психологии личности.

Налицо нераскрытый ресурс взаимного обогащения или «кризис несочетаемости» трех психологий личности – фундаментальной, практической и культурной, сродни кризису 20-х годов, о котором писал Л.С. Выготский. Правда, В.П. Зинченко резонно заметил по этому поводу, что называемое тогда «кризисом» было на самом деле «расцветом» психологии. Быть может, так будет и сейчас? Кто знает?

3. Наше понимание термина и предмета «персонологии»

Важно начать персонологический синтез с построения интегрального понятия «личность» и новой интерпретации слова «персонология».

В общей персонологии понятие «личность» должно объединить многие исторически сложившиеся значения, указывающие на разные **фундаментальные модусы личностной реальности**. Одновременно нужно реконструировать и соединить смыслы сложного термина, или имени, «персонология», взятого для обозначения психологии личности с актуальным акцентом на неразрывность ее объекта, субъекта, содержаний, методов, научных продуктов, жизненных и культурных вкладов.

Известно, что модус «persona» издавна означает наружность, «видимость» человека, которую создают, требуют, ожидают от его облика и поведения другие люди. Это «маска», которую надевает человек и при этом знает, что она, с одной стороны, соответствует его намерениям, а с другой – притязаниям и мнениям среды, значимой для него. Персона ориентирована на внешнюю жизнь, выступает комплексом сознательных функций, внешней личностью, внешней установкой, служащей адаптации и жизненному комфорту. Она не тождественна индивидуальности и противоположна внутренней, субъективной установке, которая в значительной степени бессознательна, интимна, уникальна. При ригидной персоне, не отвечающей на изменения жизненных условий, человек может быть легко доступен влиянию внутренней установки, нарушающей эффективность приспособления или открывающей новые возможности функционирования. (15)

С иной, «субъективной», точки зрения, личность обладает свойством существовать только в себе и через самое себя, быть собственной сущностью, единственной причиной и перспективой себя (модус «per se»). Подчеркивается самодостаточность личности,

не пребывающей ни в чем ином, кроме себя, и данной себе только в самопознании, очищенном от влияния и присутствия «внешнего».

В экзистенциальном понимании личность выступает в модусе «*perzon*», означающем индивидуальность человека, восходящую к духовным основам бытия через обращение к себе в поисках истинного Я во взаимосвязи и отношениях с миром и другими людьми. «Под личностью понимается духовная сила, которая открывает человека по отношению к миру и одновременно отграничивает его от мира и, таким образом, создает возможность для уникальности и целостности «Я» и «Ты», которое характеризует бытие человека» (1; с. 359).

При определении личности как духовной индивидуальности следует обратиться к древнему русскому понятию «лик», указывающему на самый мощный модус ее существования, осмысленный, прежде всего, в области религиозной культуры. Это единство духовного и телесного; сотворенная духом наружность; дух, нашедший выражение в облике; одухотворенная внешность; лицо, освещенное внутренней духовностью; тело как символ духа и претворенный дух.

В концептуальном пространстве западной модели персонологии модус «*persona*» указывает на физиогномические черты, внешне детерминированные психологические качества, типы и способы поведения человека, на их распространенность в обществе, на специфику, сходство и идентичность личности в соотношении с другими людьми. «Личность – это конкретная совокупность характеристик и стремлений, обуславливающих те общие и индивидуальные особенности поведенческих проявлений, которые обладают устойчивостью во времени и могут быть объяснены...

через анализ биологических и социальных факторов, влияющих на актуальную ситуацию функционирования человека» (2; с. 21).

Личность рассматривается в модусе «персонального», когда акцентируется переход человека от бытия в мире и в себе к бытию в другом человеке, означающему для этого «другого» процесс персонализации или внутреннее соединение со значимой личностью (В.А. Петровский). Человек обретает личность в качестве признанной и развиваемой значимости во внутреннем мире другого человека. Персональность – феномен признания и разделения моей личности между мной и другим. Персональным является то, что осознанно пришло ко мне от значимых людей и стало аутентичным «моим», а также «мое», воплощенное, не отчужденное, ставшее «своим» для многих других.

Слово «персона», «личность» в современной трактовке термина «персонология» может выражать интеграл значений, рассеянных в длительном времени и различных культурных пространствах. Смысловым ядром «личности» становится индивидуальная душевно-телесно-духовная сущность человека в ее жизненном осуществлении, а также в данности и недоступности миру, другим, себе. Необходимыми моментами, определяющими полноту и целостность персонологического понимания личности, выступают ее индивидуальная жизнь и сознание, самопричинность и саморазвитие, самопознание и самовыражение, отношение и творчество, диалог и бытие-в-другом, произведенные изменения в бытии и преодоление чужеродности внешнего мира, аутентичность и воплощенность. Все эти моменты должны раскрываться через развивающие, противоречивые, разделяющие и гармонизирующие отношения друг с другом, образуя единую модель **«личностного способа существования»** человека. Персонология исследует

уровень человеческого бытия, создаваемый пересекающимися, резонирующими, синхронными, расходящимися индивидуальными жизнями, самодействующей причиной каждой из которых выступает личность (Е.Б. Старовойтенко, 2004).

Слово «логос» («logos») в именовании новой персонологии может означать движение к синтезу идей, фактов, методов и практик в **процессе познания личности**, релевантном интегральному характеру данной науки. Речь идет о соединении значений категории «познание», найденных в процессе многовековой культурной истории обретения человеком истины в Боге, духе, мире и самом себе. Эти значения касаются содержания и формы, способов и результатов, логики и смысла познания. «Логос» может значить одновременно: поиск истинного знания и истинное слово, феномен и закон, учение и науку, логический текст и смысловое единство, практическое испытание и обновление бытия.

В области персонологии личность и логос связаны разнообразными отношениями. Они конституируют познающую и познаваемую личность, познание как авторское исследование и познание как персональный опыт, личность автора персонологического знания и личность их адресата, самопознание персонолога и изучаемой личности, познание в жизни персонолога и изучаемой личности, познание и трансляцию бытийных смыслов в персонологическом диалоге личностей. Связи личности и логоса завязываются и выражают себя на пересечении научного поиска и реальных жизней исследователей и исследуемых, изменяющихся в результате персонологического взаимодействия.

В **персонологической науке** логос выступает, во-первых, «собранием» учений и теорий, сформировавшихся в истории становления личностно-ориентированного познания. Во-вторых,

«сводом» авторских текстов, отражающих логику организации внутренней и внешней жизни личности, ее отношений и «Я», В-третьих, интеллектуальным «органом», позволяющим достичь соответствия знания и реальности в актах узнавания, принятия, понимания и изменения личности. В-четвертых, формой «прочтения» личностных феноменов, свойств, действий, событий. В-пятых, способом логического и текстуального придания личностным явлениям осмысленного и связного вида, когда «все отдельные части имеют смысл и не рассыпаются» (М.К. Мамардашвили). В-шестых, культурной формой, порождающей в познаваемой личности новые жизненные состояния и качества. В-седьмых, концептуальным и практическим объединением индивидуальных личностей в «культуре» как в индивидуальности высшего порядка.

В жизни личности логос может быть целью и сутью ее познания, самопознания и творчества, может быть собранным знанием о предмете, человеке, собственном «Я». Он может состоять в мыслительном раскрытии тайн «для всех» или в интуитивном открытии смысла «для себя». Он может быть тем, что создано самой личностью или тем, что дано ей другими для просветления. Логос может быть голосом, услышанным личностью в себе или пришедшим к ней из мира. Логос может быть выражен письменным и устным текстом самой личности или может быть передан ей в речи других. Логос рождает личностные прозрения «во имя чего жить» и откровения «как проживать свою жизнь». Логос воссоздает логику жизненных смыслов личности, позволяя ей «читать» собственную жизнь в ее реальности, в подлинности проживания. «Вот нечто, что заставляет меня сказать: «Так есть на самом деле». Это логос, услышанный мною» (3; с. 28). Текст-логос как собрание смыслов

является формой, порождающей новое знание о жизни, позволяющей обратиться к тому, во что знание не проникает, вызывающей в личности готовность изменять себя, стремясь к «своему неизвестному». Логос как внутренняя логика личных смыслов освещает жизнь в уникальности ее моментов, собирая эти «точки сингулярности» в самождественное «Я».

В персонологии репрезентируются, интерпретируются и моделируются **связи личностей и логоса**, реализуемые во встречах, в «месте соединения» и в самодвижении жизней познаваемых индивидов и субъектов научного познания.

Во-первых, персонолог-исследователь сохраняет, умножает и систематизирует идеи и теории, посвященные личности, создает и транслирует научные тексты об исследуемых личностях, разрабатывает техники психологической поддержки личности, изобретает и передает им приемы самопознания и поиска смысла. Здесь происходит встреча личностей по поводу научного исследования, научного дискурса, наукоемкой практики и научно-практических вкладов в семантику персональной жизни.

Во-вторых, обращаясь к изучаемой личности, исследователь стремится обогатить ее психологические знания, углубить феноменологический опыт проживания, помочь в рефлексии и открытии смысловой «логики Я», развить способность к диалогу, стимулировать познание жизненных отношений к другим, своему делу и себе. Здесь личность встречается с личностью на основе развивающих влияний и помогающего взаимодействия в процессах персонологического консультирования и психотерапии.

В-третьих, персонолог в своей исследовательской и практической деятельности решает задачи интеллектуального саморазвития, рефлексии, создания творческой среды профессиональной

самореализации, поступления по совести и нормам высокой этики, реализации своего творческого потенциала и воплощения своего «опыта личности» в отношениях с близкими людьми и значимым окружением. Личность встречается с собой для развития своих профессиональных позиций, открытия новых возможностей своего «внутреннего консультанта» и усовершенствования «практики себя» в частной жизни.

В-четвертых, исследователь, осуществляя творческий поиск, погружается в мир другой личности как объекта познания. Он посвящает себя ее тайнам, живет ее жизнью, удаляется от себя, проникая в другие «Я», совершает прорыв в иную реальность, позволяет себе мыслить и действовать в свете логоса других людей. Личность во встрече с другой личностью, совмещаясь с нею, приобретает способность быть «внутренним знатоком» ее душевного, жизненного мира.

В-пятых, исследуемая личность в опыте персонологического взаимодействия приобретает ценные для себя знания из области психологии личности, научные средства самопознания и интерпретации текущей жизни, новые формы отношений с другими людьми. Она овладевает культурой «личностного взгляда» на коллективную и индивидуальную жизнь, осваивает персонологию как «культурное орудие» организации личностного бытия, становится активным транслятором персонологических приемов мышления, общения, рефлексии, поведения в культуре. Личность приобретает перспективу встреч с множеством личностей на основе их жизненной поддержки и культурной персонализации.

Взгляд персонологии сфокусирован на своем **предмете** – личности – в ее разных гносеологических, онтологических и культурных положениях, позициях, ипостасях. В отличие от

большинства наук, сосредоточенных на определенном объекте в его относительном противостоянии субъекту познания, она утверждает совпадение, единство своего объекта и субъекта, подчеркивая их взаимодействие, взаимное влияние, жизненное осуществление посредством друг друга и бытие друг в друге. Взгляд персонологии принадлежит личности и обращен на личность. Этим взглядом личность может смотреть на себя и на другого, узнать себя под взглядом другого и помочь ему понять свой взгляд на него. Обще-персонологический взгляд объединяет личностей; обмениваясь им, они достигают взаимопонимания, недоступного в другом пространстве взаимодействия. Персонология обращает свой взгляд в отдаленную перспективу личности и к ее вневременному идеалу. Персонологический взгляд ищет и находит личность в качестве темы и реальности в культуре, науках о человеке, рефлексирова свой статус в общем гуманитарном видении бытия.

Персонология обладает уникальным взглядом, движущимся в направлениях «от», «на», «в», «из», «с», «между», «за» и «над» личностью. Она допускает совпадение, совместность, содействие и соисследование ученого и его «живого предмета». В развертке многонаправленных познавательных актов и в своей интегральной форме она становится **«наукой личности – о личности – для личности – во имя личности»**.

4. Структура общей персонологии

В системе современных наук о человеке общая персонология стремится следовать канонам строгой организации уровней и способов познания личности, определения их взаимосвязей и обратимости, помещения знания в расширенный культурный контекст, а также раскрытия отношений автора и адресатов знания, достижения единства теории, эмпирического исследования и

практики, признания ценности научной и социальной оценки своих разработок.

В нашем понимании, общая персонология имеет сложную, иерархическую структуру, включающую на своем **первом уровне** обширное пространство разнообразных культурных источников персонологического познания;

на **втором уровне** – базовые философско-психологические категории, идеи, парадигмы изучения личности, обобщенные в метатеорию личности (4);

на **третьем уровне** – соотнесенные между собой и объединенные психологические теории личности, релевантные характеру современной человеческой жизни;

на **четвертом уровне** – исследовательские, диагностические, рефлексивные модели личности, ориентированные на решение конкретных проблем ее индивидуальной жизни;

на **пятом уровне** – модели консультативного и психотерапевтического взаимодействия, основанные на общей психологии и психологии развития, теории деятельности и теории социального взаимодействия, теории отношений и теории диалога и т. д.;

на **шестом уровне** – совокупность хорошо соотносящихся друг с другом консультативных и психотерапевтических практик, обеспечивающих многопрофильный подход к жизненной поддержке конкретной личности;

на **седьмом уровне** – научно значимые личностные факты, модели индивидуальных случаев, феноменологические и рефлексивные модели личности;

на **восьмом уровне** – модели междисциплинарной рефлексии, научной экспертизы, супервизии и модерации персонологических

подходов, направленные, в частности, на распространение «личностной культуры» в обществе;

на **девятом уровне** – формы индивидуального присвоения и реализации персонологического знания, влияющие на жизненную эффективность личности.

Все приведенные уровни должны соотноситься между собой по принципам релевантности, последовательной конкретизации, взаимного преломления, что возможно путем «сквозного» синтеза, охватывающего культурные истоки, генез, содержание, способы познания и практической деятельности общей персонологии.

5. Основания персонологического синтеза

Мы видим следующие основания интеграции культуры – теории – практики в области общей персонологии. Это единая историческая динамика и богатейшее наследие идей, учений, теорий, практик, связанных с познанием и осмыслением человеком личностного уровня своего бытия. Это сближение, взаимное проникновение в современных исследованиях и практических подходах к личности, различных теорий и консультативно-психотерапевтических направлений. Это общегуманитарная, присущая, в том числе, психологии личности, тенденция к операционализации, внедрению и активному жизненному применению творческих, инновационных идей, так, что теория и техники жизни оказываются в «одном лице». Это вложение и обогащение содержаний родственных категорий, образующих различные психологические концепции личности, благодаря чему выделяются «парадигмы синтеза» в ее современном познании: «культура», «жизнь», «отношения», «Я», «другие», «субъект», «мультисубъектность», «индивидуальность» и т.д. Это возможность построения и развития многоуровневой структуры изучения личности, основанной на взаимном порождении и

преломлении структурных образующих, начиная от исторического контекста «личностного знания» до его превращения в формы актуальной жизнедеятельности личности. Наконец, это постановка «личности» в фокус всех событий, образующих процесс становления персонологии:

личность – создатель персонологических теорий, подходов, текстов;

личность – объект персонологических исследований, развития, поддержки;

личность – герой персонологических текстов;

личность – адресат персонологических моделей самопознания и саморазвития;

личность – носитель изменений, вызванных влиянием персонологии.

На пересечении культурной, фундаментальной, практической психологии личности, в пространстве общей персонологии, мы ставим задачу реализации ряда новых **проектов**. Каждый направлен, во-первых, на решение специфических проблем, связанных либо с герменевтическим, либо теоретическим, либо практико-ориентированным подходом к личности, во-вторых, на решение проблем единства всех подходов в русле разработки любого из них.

6. Четыре проекта общей персонологии

Назовем четыре персонологических проекта, для осуществления которых сложились концептуальные, исследовательские и методические предпосылки. Остановимся на некоторых проектах подробнее, выделив приемы синтеза, интеграции, лежащие в их основе.

Первый проект – построение **фундаментальной персонологии** или достижение союза герменевтики и психопрактик личности в

направлении обогащения и углубления теоретической психологии личности, что соответствует проекту «общей науки» Л.С. Выготского. Помните, «камень, который презрели строители, должен быть положен во главу угла»? Что это за камень? По Выготскому, это философия (здесь герменевтика личности) и практика (у нас - практическая психология личности). См. рис.3.

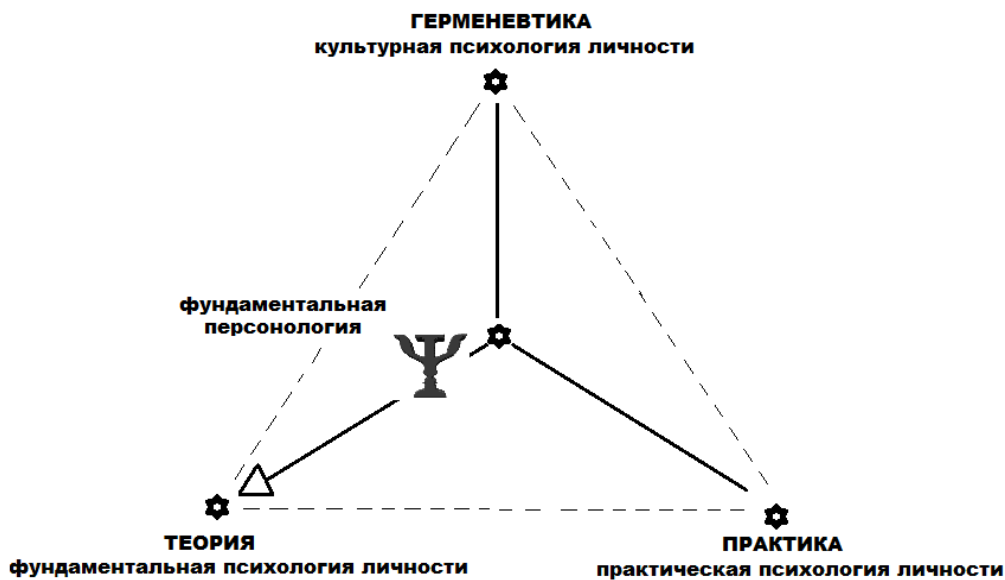

Рис.3. Проект фундаментальной персонологии

Второй проект – построение **консультативной персонологии**, основанной на синтезе фундаментальной психологии и герменевтики в направлении развития психопрактик личности. См. рис. 4.

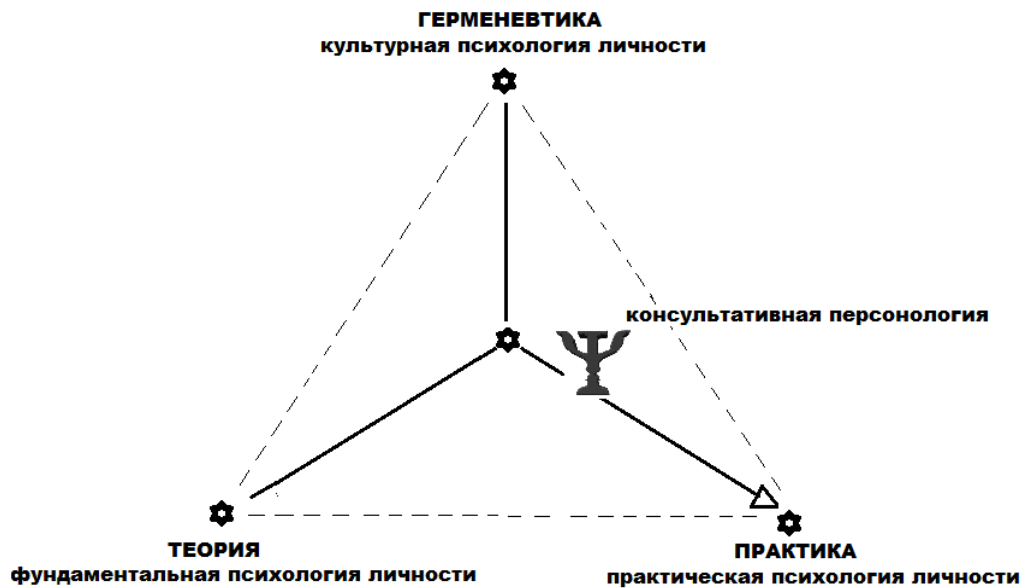

Рис.4. Проект консультативной персонологии

Выделим три приема возможного синтеза.

1. Фокусировка категориального строя психологии (4; 5; 7) на построении психопрактик, адресованных личности, и оценке их жизненной эффективности. Таким образом, может быть предпринято «персонологическое обращение» категориального строя теоретической психологии к практике психологического консультирования.

Отметим, что есть категория, входящая в плоть и кровь всех других категорий. Это мега-категория «психики». Как ни парадоксально, но способ интегрального осмысления этой категории чрезвычайно значим для построения современных «практик личности».

Некоторые из категорий, вместе с раскрывающими их понятиями, представляют собой «порождающие категории». Это идеи, обладающие силой изменения реальности. По контрасту, от того, как мы понимаем солнце, самому солнцу не становится жарче или холоднее. Но, говоря, например, «личность», мы вкладываем в это слово некоторое содержание, которое начинает работать в плане

жизненного самоподтверждения. Это самореализующееся представление, в смысле надления, развития «личности» у конкретных субъектов жизни.

Персонология призвана оценить эффект действия различных трактовок «личности» с точки зрения их развивающего потенциала. Скажем, отмечает В.А. Петровский, в моем представлении «личность» - мультисубъектное образование; вбирающее в себя субъектность других людей и сама «действующая» в них в качестве субъекта. Как психолог-исследователь я именно таким способом осмысливаю феномен развития личности. В равной степени как представитель культурной психологии личности я не могу иным образом, минуя идею присутствия человека в человеке, осмыслить феномен земного продолжения человека в человеке, или «земного бессмертия», о котором писал Л. Толстой в «Трактате о жизни». И это особым образом ориентирует меня в работе с человеком, утратившим близкого. Работая с мультисубъектной трактовкой личности, я сам для себя, не впадаю в мистификацию и мифологизацию, обращаясь к субличностям Ассоджиоли, эгосостояниям Берна, фигуркам сна Минделла. В процессе консультирования укрепляются мои позиции «персонального аналитика», приобретающего инобытие в консультируемых, пока не исчерпывается его терапевтическая роль в их жизни.

Или, например, категория «деятельности» личности. Если главное в деятельности – следование предсуществующему мотиву, то психолог-практик, исследующий природу затруднений клиента, будет спрашивать: «зачем вы это делаете, и что вам это дает?». Если мы исходим из идеи, что сама деятельность движется и порождает новые мотивы, то неопределенность исхода (не знаю, что будет) не порицается, а приветствуется, и на вопрос «зачем?» мы принимаем

ответ «за-не-зачем». Высоко оценивается субъектность как неадаптивность, ситуативная избыточность, надситуативность.

Наконец, категория «общение» личностей. Если смыслом общения является обмен вещами, информацией, эмоциями, пусть даже ценностями, то это будет один поворот в сопровождении консультируемого; если общение – реализация потребности в персонализации (идеальной представленности и продолженности в другом), то это будет принципиально другой поворот в консультативной работе.

2. Осмысление идей теоретической психологии личности в контексте консультативно-психотерапевтической практики персонологического типа. Например, идеи «Личность растет изнутри» (К. Роджерс) или «Все в нашей жизни изначально осмыслено, нужно только отыскать этот смысл» (В. Франкл). А растет ли личность «изнутри»? «А все ли изначально осмыслено?» Это не просто игра слов. Это значимая для практикующего психолога точка зрения. А может быть консультируемый перенимает фигуры отношения к нему консультанта? Может быть, осмыслено – не всё? Может быть, это совершенно разные вещи: «смысл» и «урок», который можно извлечь, совершив что-либо?

Или, например, идея «кризиса жизненной несостоятельности». Если считать, что все силы ушли в песок, или, как стрелы, не попав в цель, безвозвратно пропали, то «жизненный кризис» - трагедия. Но если считать, что импульсы к действию, как бумеранг, возвращаются, не задев цель, то кризис – это начало нового витка состоятельности, основанной на невостребованном потенциале активности. Именно эта модель состоятельности устремлений сейчас проверяется экспериментально (8; 9). Математическая форма этой модели не столь значима для консультируемых, которым

неважно, что там появляются «золотые сечения», допустим, в соотношении запросов и ресурсов субъекта. Это вопрос герменевтики в математике и последующей эмпирической работе психолога-исследователя. Но ясное теоретическое видение происходящего создает возможность перевести разговор на язык консультанта, быть понятным консультируемым и содействовать ему в поисках выхода из тупика.

3. Вовлечение в процесс консультирования нетривиальных, информативных, экзистенциально-значимых фактов. С этой целью важно, например, разрабатывать специальные процедуры тестирования нетривиальности фактов, полученных в психологических экспериментах. Так, с помощью специальной процедуры был протестирован феномен Зейгарник, и в результате оказалось, что психологи, не узнав в условиях испытания схему «прерванного действия», предсказывали лучший эффект запоминания завершенных действий по сравнению с незавершенными. В условиях консультирования предпочтительно использовать нетривиальные факты, дающие консультируемому иначе взглянуть на себя, видя ограничения и ресурсы своей активности. Фресс и Пиаже говорили, что уйма фактов пылится в шкафах экспериментаторов.

Третий проект – построение **культурной персонологии** как союза фундаментальной и практической психологии для постижения и развития личности как феномена культуры; и в этом проекте главенствует ценность «во имя личности» (Е.Б.Старовойтенко). Разрабатывая культурную персонологию, мы включаемся в процесс культуругенеза личности в реальности бытия и идеи «личности» в универсуме. См. рис.5.

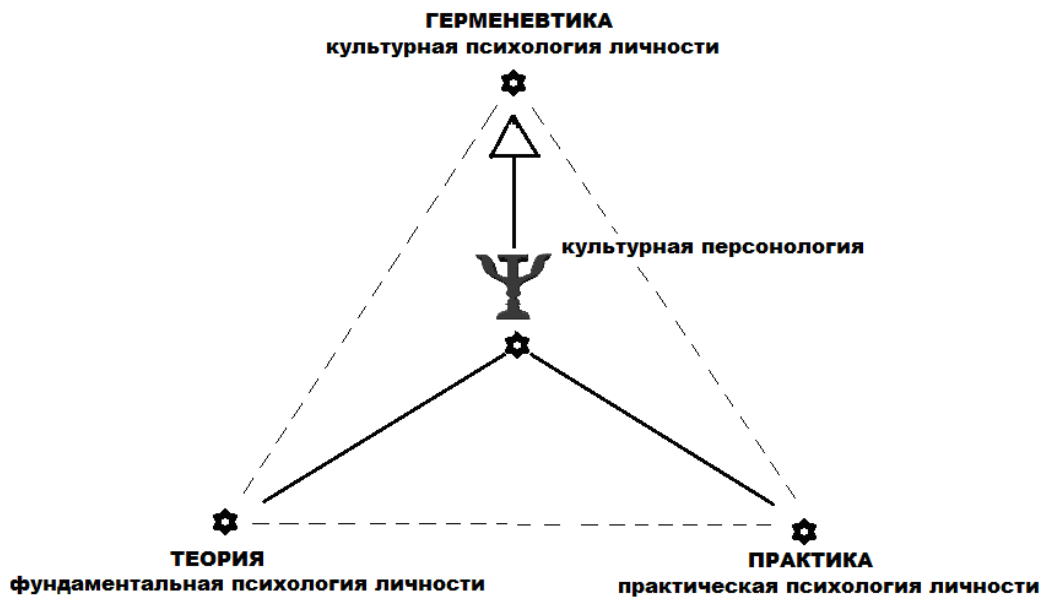

Рис.5. Проект культурной персонологии

В ходе осуществления этого проекта предполагается, с одной стороны, установление связей теоретико-практической психологии личности с культурой как областью «поиска личности», как источником знания о личности, как формой и «орудием» познания личности. С другой стороны, раскрытие потенциала проникающих влияний культуры на фундаментальные исследования, консультирование, психотерапию, индивидуальную жизнь личности. В этом направлении разрабатывается «метод персонологической интеграции культурного опыта» (11), включающий следующие подходы:

- использование текстовых, образных, символических материалов литературы и искусства, максимально полно отражающих различные явления внутренней и внешней жизни личности и указывающих перспективу движения к их вершинным формам;
- развитие «культурной феноменологии личности» на основе синтеза описаний индивидуальной личности, которые содержатся в литературных, поэтических произведениях, текстах дневников, эпистолярном творчестве;

- извлечение из культурных источников критических, научно значимых «фактов личности», связанных с качествами, типами, сознанием, бессознательным, особенностями жизни их героев и авторов. Критерием персонологической значимости фактов является их высокий потенциал для постановки новых проблем изучения личности;

- построение моделей личности путем синтеза положений тех философских и психологических концепций, которые являются достоянием гуманитарной культуры, основаны на реализации культурных предпосылок познания личности и содержательно соотносят «личностное», «жизненное» «культурное». В частности, концепций З. Фрейда, К.Г. Юнга, О. Шпенглера, Э. Мунье, М.М. Бахтина, С.Л. Рубинштейна, М. Фуко, М.К. Мамардашвили и др.;

- построение моделей «Я» творцов культуры на основе их рефлексивных текстов и синтез данных моделей с целью обоснования субъективного начала индивидуальной жизни и творчества. Авторами персонологически ценных рефлексивных текстов выступают М. Аврелий, А. Августин, П.Абеляр, Б. Челлини, Ф. Петрарка, Ж-Ж Руссо, Л.Н. Толстой, Н.А. Бердяев, К.Г. Юнг, С. Дали и т.д.;

- воссоздание культурно-исторической динамики идей, отражающей «восхождение европейской мысли к личности». Построение и обобщение моделей, релевантных разным культурным эпохам и содержащих специфические и трансспективные характеристики личности. В частности, ее тела и пола, способностей и деятельности, продуктов деятельности, их социальной и персональной адресации, жизненных отношений к миру и к себе. Разработка на этой основе концепции культурно-психологического потенциала современной личности;

- экспликацию из культурных источников оценочных и рефлексивных параметров идентичности личностей, взаимной репрезентации «Я» и «Другого», а также уникальности личности. Данные параметры при их введении в технологии образования, воспитания, самопознания, индивидуального консультирования могут направлять личность в ее становлении «человеком культуры»;
- создание личностных психопрактик с учетом лучших исторических традиций поддержки человека человеком, с привлечением многообразных культурных инструментов, с постановкой экзистенциальной задачи развития жизненных связей личности с культурой.
- разработка, синтез концепций и моделей личности как носителя, создателя и адресата культуры; исследования жизни, творчества, отношений, бытия-в-Других и самостановления личности в мире культуры; акцент на личностный опыт проживания в условиях высокой культуры и опыт воссоздания, трансляции этих условий для других людей.

Четвертый проект – **персонология самополагания** – посвящен развитию исследовательской, практической, герменевтической и рефлексивной установки персонолога в контексте его целостной жизни и в его влиянии на жизнь исследуемой и консультируемой личности. Здесь сходятся персонология жизни, персонология «Я» и персонология самопознания (6; 8; 9; 12; 13; 14). Каждый профессиональный психолог, как мы знаем, отстаивает свою индивидуальность в психологии, свое авторство как ценность культуры, свой жизненный стиль как выражение персональной состоятельности. См. рис.6.

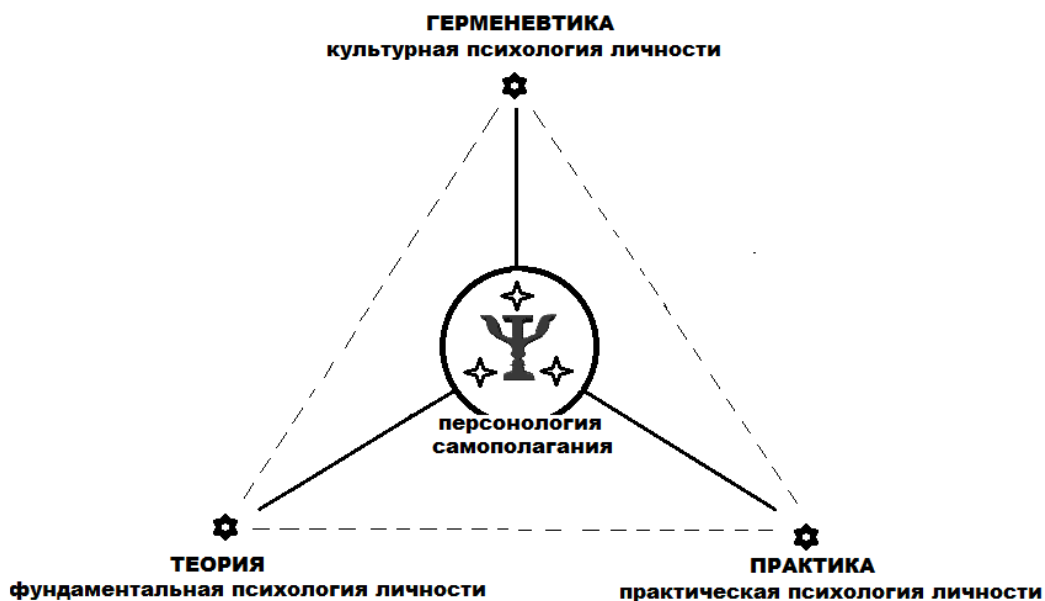

Рис. 6 Проект персонологии самополагания

Итак, общая персонология – своего рода культурное и психологическое «орудие» становления личности. Фундаментальная психология, практическая психология и герменевтика личности, формируя содержание этого орудия, расширяют границы понимания и границы жизни личности в мире.

Сама идея общей персонологии вовлекает психологов в новую профессиональную область, где просторно не только мыслить и познавать, но и общаться, творить, любить, создавать новую «общность личностей».

В целом, нам это видится так (см. рис.7):

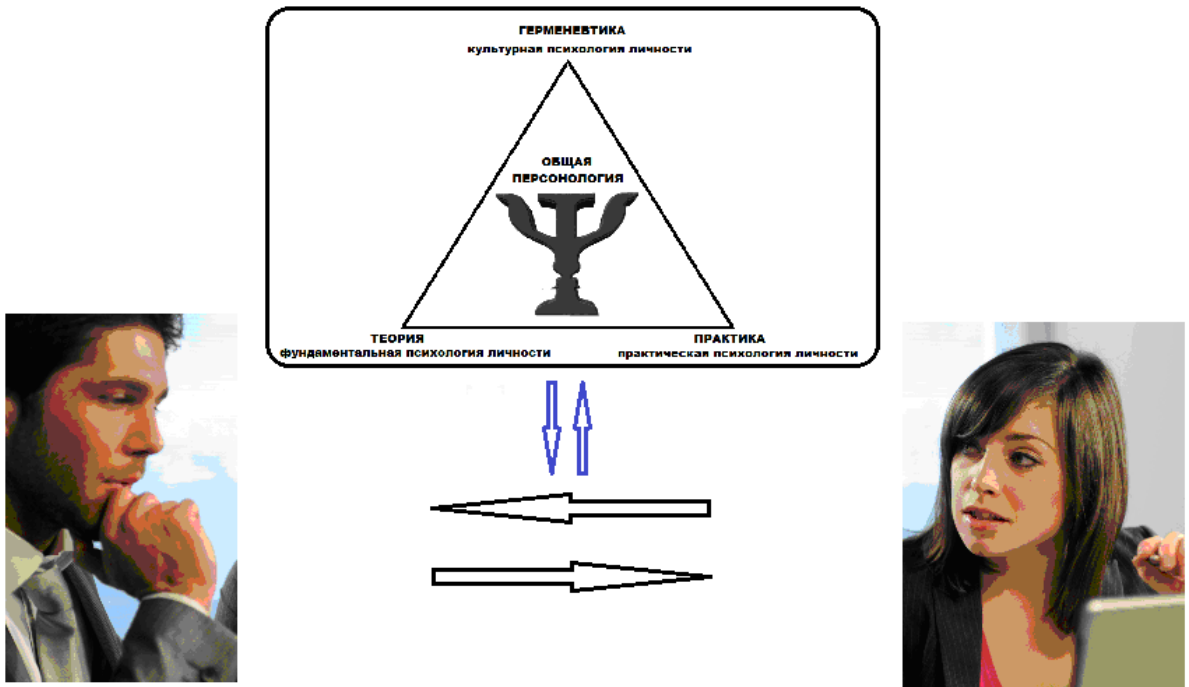

Рис.7. Работа Идеи общей персонологии

Предложенная модель общей персонологии есть средство организации деятельности психолога в направлении развертки исследований, постижений, содействия личности. Это также модель самодеятельности и самопознания психолога, выбирающего себя в особом качестве – «быть персонологом».

Литература

1. Лэнгле А. Персональный экзистенциальный анализ // Психология индивидуальности: новые модели и концепции / под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М: МПСИ. 2009. С. 356 – 382.
2. Мадди С. Теории личности: сравнительный анализ. СПб. Речь. 2002.
3. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. СПб: РХГИ. 1997.
4. Петровский А.В. Ярошевский М. Г. Теоретическая психология. М: Академия. 2001.

5. Петровский В.А. Леонтьевские истоки общей персонологии. // Личность, сознание и культура. М. 2008..
6. Петровский В.А. Логика «Я»: персонологическая перспектива. Самара: Изд-во САМГУ. 2009.
7. Петровский В.А. Общая персонология: наука личности. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара. 2003. С. 20 – 30.
8. Петровский В.А. Индивидуальность: состоятельность и саморегуляция // Психология индивидуальности: новые модели и концепции / под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М.: МПСИ. 2009. С. 197 – 240.
9. Петровский В.А. Человек над ситуацией. М.: Смысл. 2010.
10. Старовойтенко Е.Б. Культурное время личности. // Мир психологии. 2011. № 3. С. 62 – 75.
11. Старовойтенко Е. Б. Культурная психология личности. М.: Академический проект. 2007.
12. Старовойтенко Е.Б. Парадигма жизни в персонологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т.7. № 1. 2011. С.3 -18.
13. Старовойтенко Е.Б. Психология личности в парадигме жизненных отношений. Гриф МО РФ. М: Академический проект. 2004.
14. Старовойтенко Е. Б. Самопознание и творчество личности в культуре // Психология индивидуальности: новые модели и концепции / под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М: Академический проект. 2009. С. 147 – 196.
15. Юнг К.Г. Психологические типы. М. – СПб: Ювента; Прогресс. 1995.

НОВАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ – ИНТЕГРАЛЬНАЯ НАУКА О ЛИЧНОСТИ

Статья Старовойтенко Е. Б. Новая персонология – интегральная наука о личности // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2012. Т. 71. № 3. С. 59-71.

В исторической динамике гуманитарного знания личность приобрела множество определений. С одной стороны, с ней связываются тайны бытия и сущности человека, его уникальность и внутренняя непроницаемость, загадки его перевоплощений и переходов в облики и образы «других», непознаваемость его подлинного Я и невозможность полного самовыражения в истине своего предназначения. С другой стороны, «личность» усматривается во внутреннем и внешнем сходстве человека с другими людьми, в константности его наблюдаемых качеств, типичности поведения и действий, в способности к внешним и внутренним отношениям, в значимостях, разделенных с другими, а также в его вкладах и ролях во внешнем мире. Актуальной задачей научного познания личности является направленность на проблематизацию, анализ и творческий синтез ее множественных свойств и способов жизни.

Авторы различных концепций и конкретных исследований личности, как правило, не обращаются к **интегральному** теоретическому контексту, благодаря которому изучаемый личностный феномен может предстать в относительной полноте своих связей, характеристик и потенциалов. Это уменьшает возможности интерпретации и применения получаемых результатов с позиций определения их места в теоретической картине целостной личности, в ее жизни, а также в общем пространстве психологического знания.

На наш взгляд, важнейшая проблема интеграции знания о личности должна разрабатываться в расширенной области, очерченной границами дискурсивного, рационального, обобщенного подхода к человеку, характерного для классической психологии, философии, гуманитарных и естественных наук. При этом необходим выход за эти границы в обширный мир живых представлений о «личном», «индивидуальном», «самости», «Я», «человеческих типах», отраженных в текстах и образах мифов, изобразительного искусства, литературы, поэзии, драматургии. Соединение рационального и интуитивного, понятийного и символического, логического и эмоционального, теоретического и практического подходов к личности, а также ее изучение в аспектах «сущности», «существования», «осуществления», «диалога» «самоопределения» составляют **персонологический поворот** в психологии. Известный термин «персонология» наполняется новым, интегральным содержанием.

Для развития **новой персонологии** принципиальным является то, что в опыте изучения личности выделились идеи и категории, обладающие высоким потенциалом синтеза и конкретизации знаний. Они позволяют собрать, упорядочить и представить в виде крупных концептуальных систем результаты многих исследований, отраженных в разных классических и современных теориях личности. И хотя данные теории обычно позиционируются как относительно завершенные и автономные, в современном пространстве глобального текста они все чаще соотносятся и объединяются друг с другом, что становится основанием для творческого поиска обобщенных форматов психологии личности.

Одним из возможных способов интеграции знания о личности является применение **«парадигм синтеза»** в пространстве

персонологии. К таким парадигмам можно отнести категории «культура», «жизнь», «Я», «другие», «индивидуальность». Каждая из них способна задать фундаментальное направление исследований личности на основе многосторонних связей с другими парадигмами, формирующих исходное персонологическое понятие «личность».

В содержании данного понятия могут быть объединены многие исторически сложившиеся значения, указывающие на разные фундаментальные модусы существования личностной реальности. Одновременно можно реконструировать и соединить смыслы сложного термина, или имени, «персонология», взятого для обозначения психологии личности с актуальным акцентом на неразрывность ее объекта, субъекта, содержаний, методов, научных продуктов и вкладов.

Известно, что модус «persona» означает наружность, «видимость» человека, которую создают, требуют, ожидают от его облика и поведения другие люди. Это «маска», которую надевает человек и при этом знает, что она, с одной стороны, соответствует его намерениям, а с другой – притязаниям и мнениям среды, значимой для него. Персона ориентирована на внешнюю жизнь, выступает комплексом сознательных функций, внешней личностью, внешней установкой, служащей адаптации и жизненному комфорту. Она не тождественна индивидуальности и противоположна внутренней, субъективной установке, которая в значительной степени бессознательна, интимна, уникальна. При ригидной персоне, не отвечающей на изменения жизненных условий, человек может быть легко доступен влиянию внутренней установки, нарушающей эффективность приспособления или открывающей новые возможности функционирования (12; с.509).

С иной, «субъективной», точки зрения, личность обладает свойством существовать только в себе и через самое себя, быть собственной сущностью, единственной причиной и перспективой себя (модус «per se»). Подчеркивается самодостаточность личности, не пребывающей ни в чем ином, кроме себя, и данной себе только в самопознании, очищенном от влияния и присутствия «внешнего».

В экзистенциальном понимании личность выступает в модусе «perzon», означающем индивидуальность человека, восходящую к духовным основам бытия через обращение к себе в поисках истинного Я, во взаимосвязи и отношениях с миром и другими людьми. «Под личностью понимается духовная сила, которая открывает человека по отношению к миру и одновременно отграничивает его от мира и, таким образом, создает возможность для уникальности и целостности «Я» и «Ты», которое характеризует бытие человека» (1; с. 359).

При определении личности как духовной индивидуальности можно обратиться к древнему русскому понятию «лик», указывающему на самый мощный модус ее существования, осмысленный, прежде всего, в области религиозной культуры. Это единство духовного и телесного; сотворенная духом наружность; дух, нашедший выражение в облике; одухотворенная внешность; лицо, освещенное внутренней духовностью; тело как символ духа и претворенный дух.

В концептуальном пространстве западной модели персонологии модус «persona» указывает на физиогномические черты, внешне детерминированные психологические качества, типы и способы поведения человека, на их распространенность в обществе, на специфику, сходство и идентичность личности в соотношении с другими людьми. «Личность – это конкретная совокупность

характеристик и стремлений, обуславливающих те общие и индивидуальные особенности поведенческих проявлений, которые обладают устойчивостью во времени и могут быть объяснены... через анализ биологических и социальных факторов, влияющих на актуальную ситуацию функционирования человека» (2; с. 21).

Личность рассматривается в модусе «персонального», когда акцентируется переход человека от бытия в мире и в себе к бытию в другом человеке, означающему для этого «другого» процесс персонализации или внутреннее соединение со значимой личностью (20). Человек обретает личность в качестве признанной и развиваемой значимости во внутреннем мире другого человека. Персональность – феномен признания и «разделения» личности между ею и другим. Персональным является то, что осознанно пришло к индивиду от значимых людей и приобрело аутентичность для него, а также то, что от индивида пришло к другим, воплотилось и стало «своим» для них.

Слово «персона», «личность» в современной трактовке термина «персонология» может выражать синтез значений, рассеянных в длительном времени и различных культурных пространствах. Смысловым ядром «личности» становится индивидуальная телесно-душевно-духовная сущность человека в ее жизненном осуществлении, а также в данности и недоступности миру, другим, себе. Необходимыми моментами, определяющими полноту и целостность персонологического понимания личности, выступают ее индивидуальная жизнь и сознание, самопричинность и саморазвитие, самопознание и самовыражение, отношение и творчество, диалог и бытие-в-другом, произведенные изменения в бытии и преодоление чужеродности внешнего мира, аутентичность и воплощенность. Все эти моменты должны раскрываться через

развивающие, противоречивые, разделяющие и гармонизирующие отношения друг с другом, образуя единую модель **«личностного способа существования»** человека. Персонология исследует уровень человеческого бытия, создаваемый пересекающимися, резонирующими, синхронными и расходящимися индивидуальными жизнями, самодействующей причиной каждой из которых выступает личность.

Слово «логос» («logos») в именовании новой персонологии может означать движение к синтезу идей, фактов, методов и практик в процессе **познания личности**, релевантном интегральному характеру данной науки. Речь идет о соединении значений категории «познание», сложившихся в динамике многовековой истории обретения человеком «истины» в Боге, духе, мире и самом себе. Эти значения касаются содержания и формы, способов и результатов, логики и смысла познания. «Логос» может значить одновременно: поиск истинного знания и истинное слово, феномен и закон, учение и науку, логический текст и смысловое единство, практическое испытание и обновление бытия.

В области персонологии «личность» и «логос» связаны разнообразными отношениями. Они конституируют познающую и познаваемую личность, познание как авторское исследование и познание как персональный опыт, личность автора знания и личность их адресата, самопознание персонолога и изучаемой личности, познание в жизни персонолога и изучаемой личности, познание и трансляцию бытийных смыслов в диалоге личностей. Связи личности и логоса завязываются и выражают себя на пересечении научного поиска и реальных жизней исследователей и исследуемых, изменяющихся в результате персонологического взаимодействия.

В персонологической науке логос выступает, во-первых, «собранием» учений и теорий, сформировавшихся в истории становления личностно-ориентированного познания. Во-вторых, «сводом» авторских текстов, отражающих логику организации внутренней и внешней жизни личности, ее отношений и «Я», В-третьих, интеллектуальным «органом», позволяющим достичь соответствия знания и реальности в актах узнавания, принятия, понимания и изменения личности. В-четвертых, формой «прочтения» личностных феноменов, свойств, действий, событий. В-пятых, способом логического и текстуального придания личностным явлениям осмысленного и связного вида. В-шестых, культурной формой, порождающей в познаваемой личности новые жизненные состояния и качества. В-седьмых, концептуальным и практическим объединением индивидуальных личностей в «культуре» как в индивидуальности высшего порядка.

В жизни личности логос может быть целью и сутью ее познания, самопознания и творчества, может быть собранным знанием о предмете, человеке, собственном «Я». Он может состоять в мыслительном раскрытии тайн «для всех» или в интуитивном открытии смысла «для себя». Он может быть тем, что создано самой личностью или тем, что дано ей другими для просветления. Логос может быть голосом, пришедшим к личности из собственной глубины или из мира. Логос может быть выражен письменным и устным текстом самой личности или может быть передан ей в речи других. Логос рождает личностные прозрения «во имя чего жить» и откровения «как проживать свою жизнь». Логос воссоздает логику жизненных смыслов личности, позволяя ей «читать» собственную жизнь в ее реальности, в подлинности проживания. «Вот нечто, что заставляет меня сказать: «Так есть на самом деле». Это логос,

услышанный мною» (3; с. 28). Текст-логос как собрание смыслов является формой, порождающей новое знание о жизни, позволяющей обратиться к тому, во что знание не проникает, вызывающей в личности готовность изменять себя, стремясь к «своему неизвестному». Логос как внутренняя логика личных смыслов освещает жизнь в уникальности ее моментов, собирая эти «точки сингулярности» в самотождественное «Я».

В персонологии репрезентируются, интерпретируются и моделируются **связи личностей и логоса**, реализуемые во встречах, в «месте соединения» и в самодвижении жизнью познаваемых индивидов и субъектов научного познания. Во-первых, персонолог-исследователь сохраняет, умножает и систематизирует идеи и теории, посвященные личности, создает и транслирует научные тексты об исследуемых личностях, разрабатывает техники психологической поддержки личности, изобретает и передает им приемы самопознания и поиска смысла. Здесь происходит встреча личностей по поводу научного исследования, научного дискурса, наукоемкой практики и научно-практических вкладов в семантику персональной жизни.

Во-вторых, обращаясь к личности, исследователь стремится обогатить ее психологические знания, углубить феноменологический опыт проживания, помочь в рефлексии и открытии смысловой «логики Я», развить способность к диалогу, стимулировать познание жизненных отношений к другим, своему делу и себе. Здесь личность встречается с личностью на основе развивающих влияний и помогающего взаимодействия в процессах персонологического консультирования и психотерапии.

В-третьих, персонолог в своей исследовательской и практической деятельности решает задачи интеллектуального саморазвития,

рефлексии, создания творческой среды профессиональной самореализации, поступления по совести и нормам высокой этики, реализации своего творческого потенциала и воплощения своего «опыта личности» в отношениях с близкими людьми и значимым окружением. Личность встречается с собой для развития своих профессиональных позиций, открытия новых возможностей своего «внутреннего консультанта» и усовершенствования «практики себя» в частной жизни.

В-четвертых, исследователь, осуществляя творческий поиск, погружается в мир другой личности как объекта познания. Он посвящает себя ее тайнам, живет ее жизнью, удаляется от себя, проникая в другие «Я», совершает прорыв в иную реальность, позволяет себе мыслить и действовать в свете логоса других людей. Личность во встрече с другой личностью, совмещаясь с нею, приобретает способность быть «внутренним знатоком», советником по вопросам ее душевного, жизненного мира.

В-пятых, исследуемая личность в опыте персонологического взаимодействия приобретает ценные для себя знания из области психологии личности, научные средства самопознания и интерпретации текущей жизни, новые формы отношений с другими людьми. Она овладевает культурой «личностного взгляда» на коллективную и индивидуальную жизнь, осваивает персонологию как «культурное орудие» организации личностного бытия, становится активным транслятором персонологических приемов мышления, общения, рефлексии, поведения в культуре. Личность приобретает перспективу встреч с множеством личностей на основе их жизненной поддержки и культурной персонализации.

Взгляд персонологии сфокусирован на личности в ее разных гносеологических, онтологических и культурных положениях,

позициях, ипостасях. В отличие от большинства наук, сосредоточенных на определенном объекте в его относительном противостоянии субъекту познания, она утверждает совпадение, единство своего объекта и субъекта, подчеркивая их взаимодействие, взаимное влияние, жизненное осуществление посредством друг друга и бытие друг в друге. Взгляд персонологии принадлежит личности и обращен на личность. Этим взглядом личность может смотреть на себя и на другого, узнать себя под взглядом другого и помочь ему понять свой взгляд на него. Общий персонологический взгляд объединяет личностей; обмениваясь им, они достигают взаимопонимания, недоступного в другом пространстве взаимодействия. Персонология обращает свой взгляд в отдаленную перспективу личности и к ее вневременному идеалу. Персонологический взгляд ищет и находит личность в качестве темы и реальности в культуре, науках о человеке, рефлексирова свой статус в общем гуманитарном видении бытия.

Персонология обладает уникальным взглядом, движущимся в направлениях «от», «на», «в», «из», «с», «между», «за» и «над» личностью. Благодаря этому, она, по удачному выражению В.А. Петровского, выступает «наукой личности» (6), то есть, допускает совпадение, совместность, содействие и со-исследование ученого и его «живого предмета». В развертке многовекторных познавательных актов и в своей интегральной ипостаси она становится наукой **«личности – о личности – для личности – во имя личности».**

В системе современных наук о человеке персонология стремится следовать канонам строгой организации уровней и способов познания личности, определения их взаимосвязей и обратимости, помещения знания в расширенный культурный контекст, раскрытия

отношений автора и адресатов знания, достижения единства теории, эмпирического исследования и практики, признания ценности научной и социальной оценки своих разработок.

В нашем понимании персонология имеет сложную, иерархическую **структуру**, включающую на своем первом уровне обширное пространство разнообразных культурных источников персонологического познания; на втором уровне – базовые философско- психологические категории, идеи, парадигмы изучения личности, обобщенные в метатеорию личности или «общую персонологию» (6); на третьем уровне – соотнесенные между собой и объединенные психологические теории личности, релевантные характеру современной человеческой жизни; на четвертом уровне – исследовательские, диагностические, рефлексивные модели личности, ориентированные на решение конкретных проблем ее индивидуальной жизни; на пятом уровне – модели консультативного и психотерапевтического взаимодействия, основанные на общей психологии и психологии развития, теории деятельности и теории социального взаимодействия, теории отношений и теории диалога и т. д; на шестом уровне – совокупность хорошо соотносящихся друг с другом консультативных и психотерапевтических практик, обеспечивающих многопрофильный подход к жизненной поддержке конкретной личности; на седьмом уровне – научно значимые личностные факты, модели индивидуальных случаев, феноменологические модели личности и т. д; на восьмом уровне – модели междисциплинарной рефлексии, научной экспертизы, супервизии персонологических подходов, направленные, в частности, на распространение «личностной культуры» в обществе; на девятом уровне – формы индивидуального присвоения и

реализации персонологического знания, влияющие на жизненную эффективность личности.

Все приведенные уровни соотносятся между собой по принципам релевантности, последовательной конкретизации, содержательного и операционального преломления.

Мы находим следующие основания и перспективы **интеграции знания о личности** в области персонологии:

- единая историческая динамика и богатейшее наследие идей, учений, теорий и практик, связанных с познанием и осмыслением человеком личностного уровня своего бытия;
- сближение, взаимное проникновение в современной фундаментальной и практической психологии личности различных теорий и консультативно-психотерапевтических направлений;
- общегуманитарная, присущая, в том числе, психологии личности, тенденция к операционализации, внедрению и активному жизненному применению творческих, инновационных идей;
- непрерывное вложение и обогащение содержаний родственных категорий, образующих различные философско-психологические концепции личности, благодаря чему выделяются категории-парадигмы или «парадигмы синтеза» в ее современном познании;
- возможность построения и развития многоуровневой структуры жизненно-ориентированного изучения личности, основанной на взаимном порождении и преломлении структурных образующих, начиная от культурно-исторического контекста актуального «личностного знания» до его превращения в жизненную практику личности;
- постановка «личности» в фокус всех событий, образующих процесс становления персонологии: личность – создатель

персонологических теорий, подходов, текстов; объект персонологических исследований, развития, поддержки; герой персонологических текстов; адресат персонологических знаний и практик, служащих самопознанию и саморазвитию; носитель жизненных изменений, вызванных влиянием персонологии.

Акцентируем **основание персонологической интеграции**, связанное с выделением категорий-парадигм, существенно определяющих «личность», с установлением их развивающих отношений друг с другом, с раскрытием парадигм посредством друг друга и их синтезом.

Так, на первый план может выступить категория **«культура»**, которая позволяет исследовать многосторонние связи личности и культуры в аспекте **реального бытия** личности и в аспекте **методов ее изучения**. С теоретической и практической точек зрения культура – это обширный мир, условие, средство, творческий уровень, критерий высшей продуктивности индивидуальной жизни. Кроме того, это «зеркало» для узнавания и познания себя, пространство отношений с великими авторами, особое время протекания бытия, сфера взаимовлияний и взаимной репрезентации с другими, собрание развивающих способов самовыражения и самоизменения личности. В методологическом плане культура или «культурный опыт» может рассматриваться как контекст и универсальное «орудие» психологического познания личности в ее фундаментальных свойствах «жить», «быть в единстве с Другим», «быть Я», «быть индивидуальностью».

Культура может служить целям развития персонологии в качестве источника ее содержания и практик, а также области рефлексии ее научных и экзистенциальных вкладов. Благодаря обращению к культуре, становится возможной систематизация

множества идей и постановка новых проблем, касающихся различных свойств, проявлений, жизненных феноменов личности. В результате распространения, принятия и освоения персонологических знаний в обществе, они становятся важной частью «личностной культуры», длительно становящейся в мировой культурной истории. Персонология, имеющая в фокусе познания проблему «личность и культура», может быть названа **культурной персонологией**.

Культура является для персонологии движущей силой переплетающихся **диалогов** авторов и адресатов культурных посланий. В лично-центрированных произведениях автор транслирует и получает отклик на свои послания о **личности героя**, выступающей:

- ценностью человеческого бытия;
- субъектом идентичности автора и множества других людей;
- фигурой идеального или авторитетного «другого», присутствующего во внутренней жизни многих;
- человеком, открывшимся другим для углубления их самопознания;
- тем, кого могут воссоздать своей жизнью и «собой» многие адресаты произведения;
- антиподом индивидуальных устремлений, «не-Я» автора и многих других;
- фигурой отбрасывания своей «тени» для адресатов;
- объектом отграничений многих от «другого» в их самобытности, «неидентичности»;
- человеком, обладающим образным, вербальным, символическим языком обращений и разговора с собой и другими людьми, который может быть освоен многими адресатами.

Здесь личности автора, героя и адресатов образуют культурное поле взаимодействия, которое в каждом конкретном случае встречи человека с произведением становится **индивидуальным событием культуры**. Эти события в единстве с событиями авторства и воздействий героев являются важнейшим материалом для персонологического прочтения, познания, интерпретаций личности.

Реализация потенциала культуры в познании личности может осуществляться посредством **метода персонологической интеграции культурного опыта**. Речь, прежде всего, идет об опыте, сложившемся в европейской истории на основе коллективных и индивидуальных усилий, направленных на создание и преобразование **духовных ценностей**, воплощенных в текстах, образах, символах, чувствах, идеях и прозрениях, которые отражают и развивают этические, эстетические, интеллектуальные отношения и качества личности (8). Под «**интеграцией**» понимается обобщение, синтез, введение в новую область познания, перевод в новую форму, расширение контекста применения.

В процессе разработки указанного метода ставится проблема обоснования ряда **способов** персонологической интеграции культурного опыта. К ним можно отнести:

1. использование текстовых, образных, символических материалов литературы и искусства, максимально полно отражающих явления внутренней и внешней жизни личности и указывающих перспективу движения к их вершинным формам;
2. развитие «культурной феноменологии личности» на основе синтеза описаний изучаемых личностных феноменов, которые содержатся в литературных, поэтических произведениях, текстах дневников, эпистолярном творчестве.

3. извлечение из культурных источников критических, научно значимых «фактов личности», связанных с качествами, типами, сознанием, бессознательным, особенностями жизни их героев и авторов. Критерием персонологической значимости фактов является их высокий потенциал для постановки новых проблем исследования личности;
4. построение моделей личности путем синтеза положений тех философских и психологических концепций, которые являются достоянием гуманитарной культуры, основаны на реализации культурных предпосылок познания личности и содержательно соотносят «личностное», «жизненное», «глубинное», «диалогическое», «субъективное», «культурное». В частности, концепций З. Фрейда, К.Г. Юнга, О. Шпенглера, Э. Мунье, М.М. Бахтина, С.Л. Рубинштейна, М. Фуко, М.К. Мамардашвили и др.;
5. построение моделей «Я» творцов культуры на основе их рефлексивных текстов и синтез данных моделей с целью обоснования субъективного начала индивидуальной жизни и творчества. Авторами персонологически ценных рефлексивных текстов выступают М. Аврелий, А. Августин, П.Абеляр, Б. Челлини, Ф. Петрарка, Ж-Ж Руссо, Л.Н. Толстой, Н.А. Бердяев, К.Г. Юнг, С. Дали и т.д.;
6. воссоздание культурно-исторической динамики идей, отражающей «восхождение европейской мысли к личности». Построение и обобщение моделей, релевантных разным культурным эпохам и содержащих специфические для определенных эпох транспективные характеристики личности. В частности, ее тела и пола, способностей и деятельности, продуктов деятельности, их социальной и персональной

адресации, жизненных отношений к миру и к себе; разработка на этой основе концепции культурно-психологического потенциала современной личности;

7. экспликацию из культурных источников оценочных и рефлексивных параметров идентичности личностей, взаимной репрезентации «Я» и «Другого», а также уникальности личности. Данные параметры при их введении в технологии образования, воспитания и самопознания могут направлять личность в ее становлении «человеком культуры»;
8. создание личностных психопрактик с учетом лучших исторических традиций поддержки человека человеком, с привлечением многообразных культурных средств, с постановкой экзистенциальной задачи развития жизненных отношений личности с культурой.

Рассмотрим несколько примеров интеграции культурного опыта, нацеленной на создание моделей определенных форм психической жизни, рефлексии диалогических отношений «Я» и «Другого», адресации и влияний продуктивной психической деятельности личности.

Первое. Представим модель «полноты воспринимающей активности», намеченной М. Фуко на основе анализа картины Диего Веласкеса «Менины» (10) и проинтерпретированной нами с точки зрения **творческого потенциала индивидуальной жизни-восприятия** (9).

Интуицией Художника воссоздана «критическая» ситуация восприятия, основным субъектом которого является Король, выступающий символом «королевского восприятия», охватывающего всю полноту реальности здесь-и-сейчас. На картине соединились почти все источники, условия и эффекты

воспринимающей активности личности, возможные в человеческом мире:

- **художник** стоит в стороне от холста – **будущей картины**;
- на мгновение **прервано движение** кисти;
- **события развернутся** между кончиком кисти и острием **взгляда**;
- на миг, выйдя из-за полотна, он вновь шагнет за него: его белое **лицо** посредничает между **видимым и невидимым**;
- взгляд художника обращен к **модели**;
- **место** модели беспрестанно меняет свое **содержание, форму, идентичность**;
- модель художника - это **зритель, наблюдатель, созерцатель**;
- зритель во взгляде художника видит **самого себя**;
- из оконного проема льется **золотистый поток света**;
- благодаря этому свету, зритель видит себя и **его видят другие**;
- в комнате - **ряд картин**;
- среди них – особое изображение, дающая волшебство удвоения: **это видимое в зеркале**;
- в зеркале видимо то, что **изображает на холсте** художник, то есть его модель;
- зеркало **отражает изображение** на картине художника;
- место основных моделей и зрителей занимают **король и королева**;
- Король выступает **символом** наблюдателя, созерцателя; ему принадлежит «королевское место» в ситуации восприятия;
- в **раскрытой двери** рядом с зеркалом виден силуэт **мужчины**;
- пришелец **застыл** в равновесии, **прервавшем** его движение;

- в комнате вместе с художником **восемь лиц** или персонажей одного фрагмента жизненной игры: маленькая **инфанта** и две **камеристки**,

образующие одну **группу**; группа из двух **придворных**; группа из **карлика**,

мальчика и собаки;

- **на спине** у собаки - **ступня** мальчика;

- вокруг инфанты как **центра** ситуации - вихрь на миг **застывшего вращения** придворных, камеристок, животных и шутов;

- взгляды всех направлены в невидимое пространство, отраженное в зеркале, где призрачно и неустойчиво **мерцают** королевские лица;

- в сравнении с **расцветенными, яркими, живыми** обликами видимых персонажей, образы государей **бледны, почти нереальны**;

- и все же, их присутствие **организует ситуацию** и является символически

господствующим;

- субъект восприятия, чтобы стать совершенным созерцателем, поглощенным реальностью, должен оказаться невидимым, **исчезающим для себя**.

Источниками восприятия субъекта-Короля или **«королевского восприятия»** являются; «художник», «сиятельный ребенок», «приближенные», «шуты», «животное», «пришелец», «зеркало», «картины», «вещи» (облекающие людей, принадлежащие им, используемые людьми, являющиеся предметами обстановки), «места», «движения», «позы», «жесты», «взгляды», «сближения», «соединения», «следы прошедшего», «вестники будущих событий», «появления», «исчезновения», «свет», «тьень», «утаенное», «незримое присутствие», «Король-для-себя», «границы». То, что воспринимал Король-зритель, было увидено Художником,

написавшим «Менины». Сам Король воспринимается и изображается Художником, который также представлен на картине. Изображение Короля отражается в зеркале, которое видит только автор «Менин». Нам, воспринимающим эту картину подарено больше, чем Художнику и Королю – все изображенное на картине, многократно преломленное сквозь «зеркала» восприятия многих других. Тайна творческого взгляда заключена в осуществленном Художником творческом синтезе образов его собственного видения с образами, принадлежащими герою произведения, другим присутствующим и возможным зрителям.

Предметы художественного восприятия личности на гениальных полотнах теряют свою очевидную вещественность, выступают скорее символами действительности, но такими символами, которые охватывают жизнь полнее и в большей связности, чем во всяких эмпирических описаниях. Источники индивидуального видения, возведенные в символы, становятся содержанием творения или «духовного восприятия» личности, укорененного в общечеловеческой культуре, архетипах бытия и, согласно М. Фуко, поддаются раскрытию только методом «археологического» погружения в произведения искусства.

Второе. Наметим модель, объединяющую параметры **рефлексии отношений и взаимных репрезентаций «Я – Другой»**, которая основана на персонологическом анализе текстов «Сонетов» В. Шекспира (11). Материалом анализа выступили поэтические строки, где Автор, обращаясь к своему Герою, представляет множественные формы внутреннего диалога Я и Другого, их присутствия в мирах друг друга и потери или необретения этого присутствия. В частности:

- «Но счастье в том, что мы – одно с тобою,

- А значит, я один любим одною...»
- «Мне день, что ночь, когда ты не со мной,
А ночь мне день: ведь я во сне с тобой...»
 - «Мои глаза и сердце в вечном споре:
Как разделить права на облик твой?...»
 - «Избавлю я на век от разрушенья,
Коль не тебя, то черт твоих красу...
 - «Имея дело только сам с собою,
У чар своих крадешь ты обаянье...»
 - И ты, плененный сам собою,
Сам враг себе, жесток к своим дарам...»
 - «О, изменись, чтоб изменил я мнение...»
 - «Когда приказ суровый бесследно унесет меня долой,
В своих стихах вернусь я к жизни снова
И в памяти останусь я с тобой...» И т.д.

Персонологическая реконструкция текстов «Сонетов» позволяет восстановить феноменологически-рефлексивное богатство присутствия Другого-в-Я, уловить динамику самосознания бытия Я-в-Другом и активность Я в утверждении этого бытия, а также определить способы обращения Я-с-собой-в-Другом и с-Другим-в-себе.

1. Я дает Другому создавать себя.
2. Я воздействует на Другого и улавливает эффекты этих воздействий.
3. Я знает о своем присутствии во внутреннем мире Другого и осознает, как представлено там.
4. Я знает, что ему многое неизвестно о своем образе-в-Другом.

5. Я встает на место реального Другого и вглядывается в себя как Другой.
6. Я встает на место себя-в-Другом, вглядываясь в себя в качестве «нового Я».
7. Я перевоплощается в Другого, становясь «как Другой».
8. Я во внутреннем принятии Другого, осознает его частью себя.
9. Я создает внутреннего Другого в измерениях «реального», «лучшего», «идеального».
10. Я находится в поиске тайны Другого, зная, что многое не знает о нем.
11. Я встает на место своего внутреннего Другого, узнавая себя.
12. Я обращается к себе в реальном или воображаемом присутствии Другого.
13. Я обращается к себе-в-Другом, узнавая новое о себе.
14. Я ступает в диалог с собой-для-себя
15. Я обращается к Другому в качестве аутентичного Я-сам.
16. Я открывает сущность своих отношений с Другим.
17. Я испытывает отчуждение в отношении к Другому.
18. Я не улавливает себя-в-Другом.
19. Я не принимает отчуждение Другого.
20. Я теряет значимость Другого для себя.
21. Я признает свободу существования Другого как автономного «Я».
22. Я доверяет Другому преобразовать и продлить свое существование в его внутреннем мире и творчестве.
23. Я создает Другого в своем внутреннем мире, самовыражении и произведениях.
24. Я дарит Другому его самого, открывая новое в нем.

25. Я адресует Другому свои познания, опыт творчества и открытия.

Множество меняющихся в самосознании Автора взаимных положений Я и Другого намечает контуры персонологической теории **жизненного диалога** личностей, ведущего их к полноте проживания совместности бытия, к разрешению проблем разобщенности и одиночества, к овладению практикой «умножения жизни» друг друга, к открытию и принятию «истины себя» в присутствии и под влиянием другого.

Третье. Конкретизируя некоторые содержания предыдущего примера, промоделируем **феномен авторской адресации идей**, или «**поступков мысли**», посвященных человеку и вошедших в сокровищницу мудрости тысячелетий (4). Модель объединяет найденные нами модусы этой адресации, начиная от всеобщего послания людям до обращения к себе в осознании своего единства с другими. Полагаем, что эти модусы имеют различную выраженность на разных этапах культурной динамики. Перспектива персонального принятия «вечных мыслей» в наше время зависит от **многомерного характера их адресации**.

Избирательно приведем «поступки мыслей», соответствующие разным эпохам культурогенеза, которые посланы авторами (от Платона до Ф. Кафки) «**всем**», или «**нам**», или «**тебе**», или «**себе самому**». Этот континуум модусов авторских посланий предположительно указывает на историческое мерцание ценностей всечеловеческой, коллективной, диалогической и рефлексивной адресации мысли.

Всем:

- «Блажен, кто ничего не знает»

- «Есть четыре великих сферы: путь, небо, земля, человек, и человек занимает первое место»
- «Доброта – это согласие воли с совестью»
- «Философия и медицина сделали человека самым разумным животным, гадание и астрология – самым безумным, суеверие и деспотия – самым несчастным»
- «Ад и рай – не круги во дворце мироздания, ад и рай – это две половины души»
- «Среди мудрых нет чужаков»
- «Доброе – это прекрасное в действии»
- «Красноречие – это живопись мысли»
- «Юмор есть остроумие глубокого чувства»
- «Фантазия пробегает весь мир, собирая идеи, относящиеся к какому-нибудь предмету»

Нам:

- «Бог в нас самих»
- «Уча других, мы учимся сами»
- «Кто из нас не ценит жизни, тот не достоин ее»
- «Наша личность – это сад, а наша воля – садовник»
- «Любовь – это все, что у нас есть, единственный способ, которым мы можем помочь другому человеку»
- «Мы рождаемся для знания и самопознания, и книги верно нам служат, делают из человека личность»
- «Дадим детству созреть в детстве»
- «Чтобы жить среди мужчин и женщин, мы должны позволить каждому человеку быть самим собой»

Тебе:

- «Не беспокойся о том, что люди тебя не знают, но беспокойся о том, что ты не знаешь людей»

- «Заговори, чтобы я тебя услышал»
- «Живи, как можешь, если нельзя, как хочется»
- «Начни с самого себя и исследуй прежде самого себя»
- «Слово, удержанное тобою – раб твой; слово – вырвавшееся у тебя – господин твой»
- «Неприятных вещей не сообщай, а паче того, не слушай»
- «Научиться можно только тому, что любишь»
- «Ты хочешь, чтобы тебя оценивали по твоим замыслам, а не по твоим действиям? Но откуда твои замыслы, если не из твоих действий?»
- «Если желаешь, чтобы мир изменился, сам стань этим изменением»

Себе самому:

- «Я сказал, и тем спас свою душу»
- «Я часто раскаиваюсь в том, что говорил, но редко сожалею о том, что молчал»
- «Во мне, а не в писаниях Монтеня, содержится все, что я в них вычитываю»
- «Я ничего не сделаю для своего личного счастья, пока не перестану страдать, что плохо выгляжу в чьих-то глазах»
- «Я даже надеюсь, что уже недолго то время, когда философы добудут себе привилегию откровенно признаваться, что их дело вовсе не в решении проблем, а в искусстве изображать жизнь как можно менее естественной и как можно более таинственной и проблематичной».

Отметим, что в распространенных собраниях мудрых изречений доминируют высказывания, адресованные «человеку вообще», не имеющие явного коллективного или индивидуального адресата. Однако, с персонологической точки зрения, для того, чтобы великая

мысль личности получила жизнь-в-других, она должна одновременно и нести истину, и объединять единомышленников, и приглашать к диалогу близкого другого, и стимулировать автора и другую личность к рефлексии. В плане трансляции самого персонологического знания данная установка имеет решающее значение, так как призвание этой науки – развитие идей и практик, обновляющих сознание, способы жизни и самопознание личности.

Литература

1. Лэнгле А. Персональный экзистенциальный анализ // Психология индивидуальности: новые модели и концепции / под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М: МПСИ. 2009. С. 356 – 382.
2. Мадди С. Теории личности: сравнительный анализ. СПб. Речь. 2002.
3. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. СПб: РХГИ. 1997.
4. Мудрость тысячелетий. Энциклопедия. М.: ОЛМА – Пресс, 2001
5. Петровский В.А. Логика «Я»: персонологическая перспектива. Самара: Изд-во САМГУ. 2009.
6. Петровский В.А. Общая персонология: наука личности. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара. 2003. С. 20 – 30.
7. Старовойтенко Е.Б. Культурное время личности. // Мир психологии. 2011. № 3. С. 62 – 75.
8. Старовойтенко Е. Б. Культурная психология личности. М.: Академический проект. 2007.
9. Старовойтенко Е. Б. Современная психология: формы интеллектуальной жизни. М.: Академический проект. 2001.

10. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.:А – cad. 1994.
11. Шекспир У. Сонеты. М.:ОЛМА Медиа Групп. 2010.
12. Юнг К.Г. Психологические типы. М.-СПб: Ювента; Прогресс. 1995.

ПАРАДИГМА ЖИЗНИ В ПЕРСОНОЛОГИИ

Статья Старовойтенко Е. Б. Парадигма жизни в персонологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 1. С. 3-18.

Большинство известных теорий и концептуальных моделей личности являются результатами и способами изоциренной аналитики, проводимой в частных парадигмах: глубинной, феноменологической, экзистенциальной, транзактной, субъектной. Другой путь к личности, осуществляемый на основе **синтеза** различных ценных идей и подходов, заметно отстает в развитии.

Областью психологического поиска, направленного на интеграцию знаний о личности и методов ее изучения, может выступить **новая персонология**, развивающая многомерный и целостный взгляд на личностное начало человека, продолжающая лучшие традиции его понимания в отечественной психологии. Одной из приоритетных задач персонологии можно считать развитие **интегральных парадигм**, которые способны связать воедино множество «рассеянных» исследовательских данных и частных моделей личности. К этим парадигмам можно отнести ряд глобальных измерений в познании личности, например, «духовное», «культурное», «жизненное», «телесное».

Полагаем, что персонология в качестве перспективной науки должна обладать сложной, иерархической **структурой**, включающей на своем первом уровне базовые категории и положения о личности, обобщенные в «метатеорию личности». На втором уровне – соотнесенные между собой и объединенные теории личности, релевантные характеру жизни современного человека. На третьем уровне – исследовательские, консультативные, диагностические, психотерапевтические модели личности, ориентированные на решение реальных проблем ее индивидуальной жизни. На четвертом

уровне – модели консультативного и психотерапевтического взаимодействия, основанные на общепсихологическом знании, теории деятельности, теории социального взаимодействия, теории отношений, теории диалога и т. д. На пятом уровне – совокупность хорошо соотносящихся друг с другом консультативных и психотерапевтических практик, а также процедур их экспертной оценки. Все перечисленные уровни должны быть связаны по принципам релевантности, последовательной конкретизации, содержательного и операционального преломления (10).

В своем понимании личности персонология исходит из множественных определений, отражающих, в частности, европейский культурогенез «идеи личного» в ее постепенном обогащении значениями, смыслами и познавательными акцентами (9). Примерную динамику и преемственность имплицитных и эксплицированных идей о личности, содержащихся в разнообразных культурных источниках (художественных, рефлексивных, научных) можно представить следующим образом.

Личность – наружность, обличье, индивидуальное тело, таящее непознаваемую, неизъяснимую душу, занимающее определенное место в пространстве, доступное разнообразным превращениям, сокрытию «личинами» и масками. Личность – выдающийся человек, обладающий властью, вознесенный на вершину социальной иерархии, наиболее полно выражающий дух общности. Личность – исполнение человеком заданных обществом функций, предписанных действий, социальных ролей, принятие и следование коллективным представлениям, занятие предопределенного места в общественной иерархии, служение и слияние с другими. Личность – принадлежность человека к различным категориям людей, объединенных общими свойствами конституции, психики,

поведения, социального положения, достижений, общественного признания, то есть, воплощение человеческих типов. Личность – внутренняя сущность человека, его непостижимая душа, таинственный гений, невыразимая и недоступная индивидуальность, заявляющая о себе в творчестве и великих творениях. Личность – сознательное «Я» человека, соединяющее его глубинную душу с Духом как средоточием универсальных идей и идеалов, восходящее к высшим уровням бытия. Личность – человек рациональный и деятельный, активно познающий и преобразующий бытие, субъект, способный к самополаганию, создающий себя в отношениях с другими, перспективно ориентированный и «предстоящий» себе, творческий и продуктивный. Личность – отношения человека к миру и другим людям, внутреннее воплощение и обобщение отношений других «Я» к его «Я», которое развивается как коллективный субъект, единое «мы». Личность – конкретный, единственный, индивидуальный человек, проживающий неповторимую жизнь, обладающий уникальным телом и психической организацией, совершающий собственный жизненный путь, лично относящийся ко всему происходящему, обретающий аутентичность в самопознании.

Для персонологии принципиален поиск такого **интегрального определения** личности, которое соответствует многомерному взгляду на человека, отвечающему разносторонности и проблемности его включения в современную жизнь, разнообразию его сложившихся в культурной и личной истории потенциалов, реальности активного вовлечения многих его способностей в индивидуальное бытие. Например, **личность** может быть определена в качестве индивидуального человека, проживающего глубинную, осознанную и деятельную жизнь; обладающего устойчивым духовно-телесно-психически- практическим единством;

развивающегося в ценностных отношениях к природе, культуре, обществу, другому человеку; занимающего единственное место среди людей; соотносящего собственное «Я» с другими «Я»; живущего в смысловом и деятельном диалоге с множеством других и открывающего в нем свою индивидуальность.

Такое понимание личности, с одной стороны, обращено к «вершинным», предельным, «онтологическим» свойствам личности, с другой стороны, оно основывается на допущении, что наряду с «возможным человеком», существует реальный человек, характеризующийся собственным вариантом развития, личным контуром жизненных противоречий, индивидуальным диапазоном осуществления отношений к жизни, персональной мерой самореализации в предлагаемых жизнью условиях.

Существующие определения и модели личности, ставящие ее в связи и соотношения с жизнью, отражают тенденции, которые позволяют говорить о возможности развития особого персонологического направления – **персонологии в парадигме «жизни»**. В ее область могут быть включены исследования школы С.Л. Рубинштейна, посвященные личности как субъекту жизненного пути и жизненных отношений, исследования, проводимые в русле персонального экзистенциального анализа, ряд исследований из области аналитической, индивидуальной, феноменологической и рефлексивной психологии личности. Ключевыми моментами в персонологическом понимании жизни могут стать: придание «жизни» не только биологического, но также бытийного и психологического значения; усмотрение в «жизни» необходимого толчка, движущей силы и контекста личностного становления; поиск соотношения безличного, надличного, внеличного, индивидуально-личностного уровней жизни; понимание личности в

качестве «Я», иницирующего события, изменения и обновление жизни.

Наметим ряд основных категорий и проблем персонологии жизни. Подчеркнем, что в данной работе на первый план выходит проблема **развивающего** участия и влияния личности на собственную жизнь и жизнь других людей.

При разработке персонологии жизни важно учитывать ее богатейшие предпосылки, заключенные в философии жизни, онтологии, учениях о бессознательном, философском персонализме, экзистенциализме. Например, персонологически ценными являются следующие философско-психологические **определения жизни**, которые подчеркивают особенности ее человеческой, индивидуальной формы.

А. Бергсон: мы погружены в океан жизни и чувствуем, что наше существо сформировалось в этом океане как бы путем «локального затвердения»; мы не представляем собой самого жизненного потока, а являемся потоком, отягченным материей. Жизнь – это творческая эволюция; жизненный порыв состоит по существу в потребности творить, то есть, внести в жизнь наибольшую сумму неопределенности и свободы. Жизнь относится к порядку психологическому, а психическое охватывает нераздельную множественность взаимопроникающих элементов жизни. Мое сознание утверждает, что каждое из моих состояний жизни (ощущения, чувства, мысли) включает все другие, и я являюсь и множественным единством, и единой множественностью. (3)

М.М. Бахтин: жизнь – это последовательность живых событий отношений и наша борьба с собой за свободу относиться. «Я» являюсь субъектом активности видения, слушания, осязания, мышления, чувствования; я как бы выхожу из себя в своих

отношениях и направлен вперед – на себя, на мир, на объект; речь идет не о гносеологической, а о жизненной корреляции меня-единственного субъекта и всего остального мира. Основными событиями жизни являются вживание, вчувствование, самопереживание, сопереживание, самосознание, самоопределение в терминах будущего, самовыражение. (2)

С.Л. Рубинштейн: человек должен быть взят внутри бытия, жизни, как в нее проникающий, ее охватывающий, встающий над ней и превосходящий ее. Жизнь могуча, бесконечно разнообразна и чревата всем добрым и злым, и у человека, в конечном счете, есть одно дело в жизни: самому вносить в нее, сколько можно, красоты и добра. Личная жизнь – самое богатое, самое конкретное, включающее в себя как единичное многообразие, так и иерархию все более абстрактных отношений. Исходным условием моего существования является существование личностей, обладающих сознанием. Все «Я» равны в жизненном процессе и я, как сознательное существо, являюсь, наряду с другими, субъектом жизни. (7)

М.К. Мамардашвили: жизнь – это путь человека к себе через разрешение противоречий и достижение единства и неразделимости бытия, это усилие во времени, упорядочивание сознанием происходящего, возможность иной жизни, опыт личного участия, понимания, усовершенствования жизни. Жить, значит временить, длить, не завершать, предстоять, обладать перспективой. Подлинным даром жизни является способность человека переживать и сознавать полноту присутствия, способность расшифровки жизни и создания текста жизненного пути. У человека нет «царского пути», нужно его собственное движение в мире путем риска, путем отклонений, путем раскрытия в себе «совершенного человека». (4)

В индивидуальном существовании могут возникать, длиться, сменяться различные связи личности с жизнью. При этом поступательный жизненный процесс обеспечивается динамикой тех **положений и позиций личности**, в которых она, присутствуя «внутри» жизни, спонтанно и направленно координирует ее сознательное и бессознательное течение, встает в рефлексивное и интуитивное отношение к ней и в своей духовной сущности развивает внутреннюю и внешнюю жизнь.

В богатстве философско-психологических подходов к жизни (9) можно обнаружить сходные темы, касающиеся определенных **форм проживания жизни**, специфически сочетающих конкретные жизненные положения и позиции личности. Реконструкция этих форм проживания, демонстрирующая их взаимные пересечения, перетекания, единство и, в целом, линию **жизнеутверждения**, может выглядеть следующим образом.

Жизнь-поток: спонтанное, неосознаваемое или слабо осознанное движение жизни, увлекающее, несущее человека, вызывающее у него чувство неподвластности и стремительности жизненных изменений. Слитность, неделимость моментов жизни, поглощенность человека набегающими извне событиями, ситуациями или своими внутренними состояниями. Переживание вдохновения, жизненного творческого порыва, нахождения «в струе жизни», полного совпадения «себя» с происходящим.

Жизнь-путь: осознание, наблюдение, вспоминание, осмысление жизни. Субъективное разделение жизни на моменты, этапы, периоды; различение человеком собственных изменений во времени. Чувство движения вперед, видение отдаленной перспективы, устремление к своему предназначению, общественная ориентация, ценностное самоопределение, целевая направленность

жизнедеятельности, преемственность и поступательность смысловой динамики. Понимание бесконечности Жизни и относительности завершения своего пути.

Жизнь-опыт: интенсивное проживание текущей жизни, осознание и запоминание значимых жизненных моментов, соотнесение их со своим «Я». Вчувствование, вживание, рефлексия, активное внимание и отношение к своей жизни в прошлом и настоящем. Поиск и создание связей своей жизни с жизнями других людей. Раскрытие противоречий жизни, разрешение жизненных проблем. Соединение рационального познания, самопознания и символизации жизни. Принятие культурно-исторического опыта понимания и истолкования жизни. Нахождение «личной формы» жизни.

Жизнь-усилие: активное осуществление жизни, воспроизводство жизни на основе внутренней и внешней деятельности и поступления. Воссоздание жизни в актах творчества. Жизненная инициатива, поиск жизненных возможностей и ресурсов, способность «собрать себя» в напряженном жизненном действии. Максимум присутствия и участия в жизни, открытость к жизненным вызовам, работа на обновление жизни. Установление в активном сознании единства прошедшей, текущей и наступающей жизни. Достижение полноты актуального проживания в контексте единой жизни.

Жизнь-произведение: отношение к своей жизни как области, процессу и предмету творчества. Осознание себя автором, режиссером собственного жизненного пути. Придание своей жизни культурной формы (жизнь мыслителя, художника, деятеля, героя и т.д.). Стремление достичь завершенности и совершенства жизни, которые будут высоко оценены потомками. Воплощение «Я» в литературном жизнеописании, искусно представленной истории

своей жизни. Отмеченность жизни творческими свершениями, создающими траекторию уникального восхождения на уровень жизни-шедевра.

Жизнь-текст: внутреннее построение жизни в форме непрерывного рассказа личности о себе и происходящем с ней. Диалоги личности с собой, единичным и множественным Другим, с собой-как-другим, своей внешней жизнью. Оценочный, искренний, исповедальный настрой личности. Самовыражение в рефлексивных текстах (дневниках, мемуарах, литературных автобиографиях, исповедях). Превращение своей жизни в «живой эквивалент» мифологических, эпических, литературных, героических сюжетов и историй. Отражение в текстах осознанных состояний, движений, содержаний своего внутреннего мира. Смещение жизни в сферы дискурса, рефлексии, текстового обмена с другими. Создание авторского внутреннего текста «чтения жизни».

Жизнь-путешествие: проживание жизни в непрерывном освоении и расширении внешнего и внутреннего пространства. Открытость к жизненным испытаниям и самоиспытаниям. Преодоление границ наличной жизни, встречи с неизвестным, отношение к жизни как приключению. Насыщенная, активная событийная динамика жизни. Освоение различных культурных форм, стилей жизни. Проживание во многих образах, ролях, языковых мирах, служащее разнообразию и обновлению жизни. Творческое погружение в тайны внутреннего мира, встречи с бессознательным, поиск подлинного «Я». Обретение спутников и учителей на пути к самому себе.

Приведенные характеристики форм проживания включаются в контекст персонологии жизни как параметры индивидуализации и возможной полноты, конструктивности, разнообразия бытия личности в мире. Следующим шагом в разработке этого

персонологического направления является обращение к **миру жизни личности** с акцентом на те «пространства» ее существования, где содержатся мощные **потенциалы индивидуального развития**. Речь может идти о едином мире личности, образованном множеством миров, вовлекаемых в процесс жизненного становления и самоопределения личности. Миры личности и детерминируют ее жизнь, и дают ей свободу осуществления, и развиваются ее усилиями. Миры дифференцируются личностью и могут быть собраны ею в свое обширное «место бытия».

Индивидуальная жизнь протекает в мирах, локализованных «вне личности», «внутри личности», «вне меня», «во мне». Иными словами, во внешних, внутренних и феноменологических мирах. В соотношении с личностью миры могут быть дальними, ближними, непосредственно принадлежащими ей. Например, мир мировой культуры дан индивидуальной личности как существующий независимо от нее. Определенные предметы этой культуры могут быть вовлечены в деятельность личности и ее взаимодействие с другими, то есть, могут составлять ее ближний культурный мир. Субъективно значимые и освоенные содержания и формы культуры соотносятся личностью с «Я», образуя ее внутренний, культурно-феноменологический мир. Участвуя в творчестве, личность может изменять состояние культуры, обновляя ее, определяя ее будущее, то есть, участвуя в создании дальнего культурного мира.

Миры, где совершаются развитие и саморазвитие личности и жизни, могут быть структурированы таким образом.

Мир телесности: тело; наружность; расширенное тело как тело движущееся, действующее, воздействующее, оставляющее следы в других телах и вещах. Изменения тела. Ощущения, образы, переживания, осмысление телесности. Чувство телесного комфорта.

Телесные способности. Здоровье и эстетика тела. Порождающая способность и продуктивность тела. Облик, экспрессия, презентация тела другим. Природная среда, окружение, природные воздействия и влияния на тело. Сопричастность тела природе и культуре.

Духовный мир: человеческие идеалы; высшие чувства; эстетические, религиозные, интеллектуальные, нравственные ценности и отношения. Идеальные формы любви, самопознания, творчества. Образы и идеи идеального человека, общества, государства, труда, языка, отношений между людьми. Высокие каноны и символы мифа, искусства, науки, литературы, образования, воспитания. Духовно-смысловые ориентиры индивидуальной жизни.

Культурный мир: тип культуры, к которой принадлежит и с которой соотносит себя личность; история этой культуры; культурное наследие, традиции. Духовное и материальное содержание культуры. Культурная обстановка индивидуальной жизни. Предметы культуры, вовлеченные в активность личности. Культурные предпочтения и стили жизни. Моно- или поликультурные условия жизни. Основные культурные источники познания, творчества, самопознания личности. Выдающиеся, авторитетные субъекты культурного развития личности. Индивидуальные вклады личности в культуру.

Общественный мир: мир других людей, общественных отношений, отношений личности с конкретными другими. Социум, к которому принадлежит личность; его история, актуальная динамика. Коллективы, группы, референтный круг, с которыми идентифицирует себя личность. Род и семья личности. Значимые и близкие другие. Другие, влияющие и «вкладывающие» в становление личности. Социальные роли, сферы и результаты

активности личности. Нормы, регламенты, формы, ценностный вес ее социальной деятельности. Оценки и отношения к личности со стороны других. Диалоги с другими. Общественное признание и статус личности.

Мир деятельности: виды деятельности, которыми владеет личность; ее доминирующие деятельности. Традиции, каноны, новации в осуществляемой деятельности. Ведущие способы и средства деятельности; взаимодействия и отношения с другими при осуществлении деятельности. Личные результаты и достижения в деятельности. Соотношение внешних и внутренних действий. Творческие потенциалы деятельности. Субъектное начало, самодетерминация деятельности. Роль личности в совместной деятельности. Социокультурные перспективы деятельностей, в которые вовлечена личность.

Внутренний мир: данность всех миров личности в желаниях, ощущениях, образах, идеях, чувствах. Место порождения и существования феноменов душевной жизни личности. Процессы и содержания коллективного и личного бессознательного. Побудительные, когнитивные, эмоциональные, смысловые содержания сознательной жизни. Интенции внутренней жизни: влечения, мотивы, замыслы, смыслы, намерения, цели. Пространство «Я» личности. Рефлексивно освоенные и обобщенные моменты жизни. Эффекты самопознания в измерениях «Я», «мое», «у меня», «со мной», «мною» (5). Отношения личности как интегралы ментальных и интенциональных образований. Внутренние установки и позиции личности в ее деятельных связях с природой, культурой, обществом, другими, собой. Мир порождения и синтеза творческих открытий личности. Внутренние основания поступков личности.

Мир влияний и вкладов: значение, ценность, признание личности в мирах других людей. Сделанное, созданное, совершенное личностью в обществе, культуре, сфере производства, гуманитарной сфере. Авторские продукты, произведения, тексты, принятые другими как условия собственного развития. Статусы известности, значимости, знаменитости, присвоенные личности социумом. Длительность и перспектива влияний личности на внешний мир. Последствия деяний личности в актуальной и предстоящей жизни других. Порождение личностью смыслов как вклад в собственную жизнь.

Мир высшего: область тайны, благоговения, жизненного восхождения, творчества, трансценденции личности. Мир Абсолюта: Бога, Разума, Логоса, Космоса, Универсума. Основание веры личности в бесконечность, вечность мира и бессмертие души.

Знание о мирах или пространствах, в которых протекает индивидуальная жизнь и которые в своих соединениях образуют в каждый момент бытия объективное и субъективное «место личности», может быть в перспективе обобщено в особой области персонологического поиска – **топологии жизни личности**. Ее основы намечены М.К. Мамардашвили (4), раскрывшим множественные соотношения внутреннего и внешнего пребывания личности в ситуации здесь-и-сейчас. Например, то, что относится сейчас к нашему внешнему месту (ландшафт, дом, предметы, занятия, другие люди), может не совпадать с внутренним местом присутствия нашего «Я»: содержанием текущих сознательных чувств, фантазий, мыслей и воспоминаний.

Важным шагом в построении персонологии жизни является изучение личности в соотношении со временем ее жизни, то есть, дополнение топологии индивидуального бытия его **хронологией**.

Обращаясь к философско-психологическим идеям о «времени индивидуальной жизни», содержащимся в трудах М. Хайдеггера, Э. Гуссерля, М.М. Бахтина, С.Л. Рубинштейна, М.К. Мамардашвили, К.А. Абульхановой, основной акцент сделаем на концепцию времени Н.Н. Трубникова.

Особенностью его подхода является применение философских определений и характеристик Времени как всеобщей формы Бытия к изучению временного измерения человеческой жизни, а также обогащение идей о времени на основе исследования отношения индивида к временной динамике своего существования. В целом, его представления о человеческой, индивидуальной форме времени сосредоточено в положениях его работы «Время человеческого бытия» (11), которые дополняются здесь положениями других исследователей.

- Время остается чуждым началом жизни до тех пор, пока люди не начинают мало-помалу постигать истинную свою связь с миром, себя как часть мира и истинные результаты своей деятельности.

- Постепенно человеком осознается производность такого общего условия, как время, не только от «чуждых» структур внешнего мира самого по себе, но и от способов и форм собственного отношения к миру, от своей собственной деятельности.

- Человек начинает осознавать истинную меру собственного единства и родства с природой, с миром, осознавать самого себя как форму этого мира, а процесс социальной жизни как продолжение саморазвития природы. Человек включает в свое определение «идею человека» и рассматривает форму человеческого существования в мире как продолжение самого этого мира, как одну из восходящих форм самоосуществления мира.

- Для человеческого отсчета времени необходима такая идея человека, образ которой мы носим в наших сердцах, чтобы время нашего бытия действительно принадлежало каждому из нас, как сейчас мы, не научившиеся принадлежать самим себе, принадлежим времени. Простая длительность течения индивидуальной жизни может быть неизмеримо умножена субъективными усилиями восхождения человека к более высоким уровням бытия.

- Субъективный план временного проживания жизни связан с развитием индивидуального сознания, самосознания, «Я», рефлексии. В актах сознания человеку дается актуальное состояние «Я», отличное от его предшествующих состояний и обуславливающее или вызывающее предстоящие состояния. Эти разрывы непрерывности душевной жизни, осознание смены Я-состояний, сознание отличий себя от самого себя в каждом моменте существования определяют течение внутреннего времени жизни.

- Индивидуальная жизнь имеет специфические временные характеристики, связанные с одновременной включенностью человека в контекст объективного и субъективного времени. Это жизнь длящаяся, протяженная, емкая, наполненная, пустая, опустошенная, напряженная, ритмичная, аритмичная, постоянная, непрерывная, прерванная, разорванная, необратимая, обратимая, единственная, быстрая, медленная, однократная, контрастная, становящаяся, целостная, преемственная, континуальная, самодвижущаяся, конечная, вечная.

- В сознании человека устанавливаются связи прошлого, настоящего и будущего. Эти связи могут проживаться в разнообразных субъективных модусах: прошедшее – длящееся – наступающее; уходящее – происходящее – приближающееся; ушедшее – актуальное – перспективное; утраченное – наличное –

возможное; осуществленное – существующее – предстоящее; далекое – близкое – отдаленное; раньше – сейчас – позже; вчера – сегодня – завтра, тогда – теперь – скоро.

- Преемственность и специфика трех времен объективной и субъективной жизни ярко дается человеку в феноменологии парадоксальных временных переживаний: «иду в будущее по следам своей памяти», «есть только настоящее: прошлое исчезло в нем, а будущего еще нет»; «наступающее будущее непрерывно поглощается прошлым» и т.д.

- Обращение человека со временем и связь с его различными состояниями обеспечивается временной направленностью желаний, памяти, ощущений, восприятия, переживаний, воображения, мышления, интуиции. Благодаря субъективной, осознанной форме существования времен, жизнь проживается не как сплошной «поток», а как «ход», который может быть определен активностью, отношением самого человека.

- Отношение человека к времени своей жизни может осуществляться способами внимания, осознания, рефлексии, учета, контроля, распределения, организации, потери, остановки, обретения, наращивания, восхождения, преодоления дефицита, резервирования, растрачивания, увеличения ресурса, растягивания, сокращения, сгущения, поиска перспективы, владения, создания. Время может быть посвящено человеком себе, близким другим и дальним другим. В связи со своим жизненным временем человек может быть его носителем, обладателем, субъектом, творцом.

Время и пространство жизни приобретают особое богатство форм и проявлений в моментах **событий**, определяющих неповторимую траекторию индивидуального бытия. «Событие» является еще одной базовой категорией персонологии жизни.

События отмечают присутствие, осознание, отношение, действенную позицию личности в своем существовании в конкретный значимый момент жизни. «Со-бытие» означает единство личного хронотопа, взаимодействие личности с другими людьми, взаимосвязь «Я» с «Не-Я», переходы внешнего и внутреннего, встречу объективного и субъективного, взаимопроникновение сознательного и глубинного. Иными словами, закономерную двойственность бытия здесь-и-сейчас, задающую проблемность и открытость жизненной динамике личности.

Живую структуру события образуют, во-первых, **«внешнее место»**, занимаемое нашим телом, охватываемое нашими телесными действиями, определяемое конкретной предметной обстановкой и наличным окружением. Во-вторых, **«внутреннее место»**, с которого наше «Я» видит и понимает происходящее вне нас и внутри нас. В-третьих, **«место Другого»**, в котором мы живем своими известными или неизвестными нам и другому вкладами и влияниями. В-четвертых, объективно протекающее и субъективно проживаемое **«время»** события, ограниченность которого преодолевается чувствами полноты присутствия и непрерывности жизни. «Все, что происходит с нами, происходит не здесь и не сейчас» (М.К. Мамардашвили). Пятое, **«тема»** события как личностное знание о происходящем, мысль и образ актуально совершающегося. Шестое, **«смысл»** происходящего для личности, отмечающий личную значимость события и соотношение его с ценностными доминантами индивидуальной жизни. Седьмое, **«диалог»** внутри события, состоящий в пересечении жизненных контекстов личности и других людей (М.М. Бахтин). Восьмое, **«символическое значение»** события как интуитивное соотнесение его личного истолкования с большими темами человеческой жизни (К.Г. Юнг).

Девятое, «впечатление», рожденное событием, представляющее собой субъективный избыток, неизвестное, непроясненное в происходящем и выступающее толчком к дальнейшему жизненному движению личности. Десятое, **экзегетика** события, раскрываемая в поиске жизненных причин события: отдаленных и близких, общих и индивидуальных, необходимых и случайных, непрерывно действующих и исчерпанных, объективных и субъективных, сознательных и неосознанных, спонтанно возникших и субъектно порожденных. В попытках удержания единой линии жизни творческое, гибкое установление и создание причинности последовательно текущих событий образует особую «практику жизни» личности.

Полагаем, что при персонологическом рассмотрении тонкого строения жизни, именно ее событийный план ведет к раскрытию **личностной архитектоники** индивидуального бытия. Это можно обосновать положениями М. Бубера, С.Л. Франка, Ж.-П. Сартра, С.Л. Рубинштейна, М.М. Бахтина, М.К. Мамардашвили, согласно которым, в процессуальной жизненной развертке событий, в их структуре и порождениях, развиваются, активизируются, взаимодействуют и творчески реализуются **жизненные отношения личности**. Отношения как бы «расположены» в континууме жизни, действуя одновременно или последовательно, в слиянии, единстве, гармонии или конфликтах. В моментах «событий» происходят всплески отношений, когда личная, внутренняя ценность происходящего оказывается способной определять уникальные действия и поступки человека, имеющие значение далеко за пределами индивидуальной жизни. «Отношения человека к миру, которые выражаются требованием «только со мной», «только если я

включен», являются одновременно способом понимания мира, общества, истории» (4; с. 424).

Наиболее последовательный психологический подход к проблеме отношений личности к жизни или «жизненных отношений» представлен С.Л. Рубинштейном (8). Обобщим и дополним основные идеи этого подхода.

Соединяя психологию и онтологию, Рубинштейн акцентирует темы присутствия других в бытии человека, общественной обусловленности его внешнего и внутреннего существования, обретения человеком «Я» в диалогах, полилогах, взаимных воплощениях, импликациях с другими «Я». «Личность» понимается как единичный случай совокупности людей, как отдельное «Я», для которого другие «Я» выступают необходимым условием его собственной жизни и которое существует для себя только в своем бытии для других. Личность воплощает «содружество субъектов», «республику субъектов», множество «Я», совокупное «Мы». Самоопределяясь среди других, она встает в осознанные «отношения» к тому, что наполняет ее мир, разделенный с другими. Ее отношения к миру и жизни реализуются актами сознания, самосознания, рефлексии, деятельности, самодеятельности и непрерывно возобновляют связь «Я – Другое». «Другим» для личности может выступать любой значимый объект ее внешней или внутренней активности: вещи, люди, человек, свойства, состояния, процессы. В ходе взаимодействия и взаимного проникновения ее «Я» и объектов активности, данная связь эволюционирует во все более сложные отношения, которые можно представить «формулами»: «Я (Другое) – Другое (Я)» и «Я (Другое-в-Я) – Я (Я-в-Другом)». Индивидуальная жизнь обуславливается все нарастающей силой «Я», обобщающего свои множественные

взаимодействия и позиции. Благодаря самообобщению, личность приобретает свойство «субъекта» и в каждый момент здесь-и-сейчас осуществляет неповторимое отношение к жизни, исходя из своего единого «Я».

На уровне полноты онто-психологического развития, в отношениях выражены и взаимосвязаны следующие аспекты: духовный (на какие идеалы, высшие ценности направлено отношение?); психический (какими психическими процессами и состояниями оно реализуется?); сознательный (с какой активностью «Я» оно осуществляется?); деятельный (что производит оно в мире?); результативный (что оно изменяет в мире?); межличностный (что оно значит для других людей?); рефлексивный (что узнает о себе личность, находясь в отношении?). Отношения переходят, сменяют, сливаются, продолжают друг друга, образуя поступательный процесс жизни личности и обеспечивая его непрерывное субъектное опосредование.

Жизнь субъекта, протекающая в отношениях, ориентирована на личное воссоздание бытийных человеческих ценностей: истины, красоты, добра, любви, творчества и самопознания. Всегда в любом ценностном отношении прямо или косвенно присутствует другой человек как источник, участник, идеал и конечный адресат активности «личности относящейся».

В динамике жизненных отношений могут возникать проблемные моменты, когда наличная ситуация выявляет разные свойства и состояния «Я», требует одновременной реализации многих отношений, когда личность деятельно вовлекается в жизнь во всей полноте своих способностей, обнаруживает ее противоречия и новые возможности, открывает внутренние источники ее обновления и овладевает новыми способами жизни. Здесь, благодаря

отношениям, личность преодолевает сложившиеся жизненные границы, разрешает жизненные коллизии, преобразует жизненную ситуацию, исполняясь в качестве «автора» своей жизни.

Развивая исследовательскую линию С.Л. Рубинштейна в персонологии жизни, можно следовать концептуальным установкам, состоящим в определении индивидуальных **отношений** как самой «ткани» жизненного осуществления личности; во взгляде на отношения как на активность и напряжение сознания; в понимании «Я» как необходимого источника отношений; в установлении связи отношений с жизненными значимостями личности; в поиске корней отношений в неосознаваемом самодвижении жизни, а их телеологии – в духовной области бытия. В качестве **объектов** отношений могут рассматриваться телесные, природные, социальные, культурные, внутриличностные, феноменологические, трансцендентальные явления. В **психической структуре** отношений могут выделяться процессы вчувствования, наблюдения, созерцания, запечатления, вспоминания, вживания, дистанцирования, понимания, осмысления, интенции к действию. В плане **ценностной направленности** могут различаться нравственное, религиозное, социальное, интеллектуальное, эстетическое, деятельное, творческое и рефлексивное отношение.

Интегральное теоретическое представление о жизненных отношениях может быть выражено в следующей системе их характеристик. Это **целостность** отношений как единство их объективных условий, устойчивых субъективных тенденций, гибких способов реализации, процессуальных и продуктивных компонентов; **диалогизм** отношений, начиная от их внешней детерминации со стороны других людей, до глубинного влияния отношений на внутренний мир другого человека. Это **предметность** отношений как направленность на значимые для личности реальные объекты; **духовность** отношений как участие интеллектуальных

процессов и высших ценностных образований в их становлении; **рефлексивность** отношений как исследовательская активность самосознания в их осуществлении; **присутствие бессознательного** в протекании, качествах и предметной объективации отношений. Это **субъектный характер** отношений в плане их обусловленности личностью и в плане обратного влияния отношений на личность и ее жизнь; **индивидуальность** отношений, определяемая высоким уровнем развития и неповторимостью их внутренних источников, содержания, процессуального строения и творческой реализации. Это **проблемность** как наличие оппозиций в структуре и динамике отношений, а также возникновение, осмысление и разрешение их противоречий; **феноменологичность** отношений или их принадлежность индивидуальному «Я» и участие в их реализации процессов самооценки, самопереживания, самопознания, самодеятельности. Это **исполненность** отношений в актах жизненного выбора, принятия жизненных решений, в определении жизненных стратегий, открытиях жизненного предназначения; **критическое выражение** отношений в актах «жизненного действия», поступка, деяния, свершения, масштабного влияния субъекта на других; **смысловая динамика** как расширение и углубление жизненных смыслов в результате разрешения коллизий и рефлексии изменений в отношениях. (10)

Образуя архитектуру жизненного процесса, отношения в какие-то моменты оказываются «вложены» в контекст события, несущего важные, конструктивные изменения во внешнюю или внутреннюю жизнь личности. Для персонологии жизни наибольший интерес представляют события, где личность не просто встречает и использует благоприятные обстоятельства или эффективно отвечает на происходящее, а сама свободно идет на **амплификацию своих отношений**, занимая позиции максимального присутствия, вовлеченности и участия в бытии. Такие жизнесостояния личности

можно обозначить как **«моменты причастности»**, играющие ведущую роль в воссоздании, высвобождении (М.К. Мамардашвили), взрывном преобразовании (С.Л. Рубинштейн), обновлении и развитии жизни. Момент причастности как субъективный, феноменологический план события состоит, прежде всего, во внутреннем усилии личности сполна осуществиться в здесь-и-сейчас текущей жизни. «Полнота есть характеристика «органа жизни»: жизнь как бы проходит через этот орган, чтобы воспроизводиться и осуществляться, и реализуется уже на его основаниях» (4; с. 569). Проживание момента причастности как такого органа жизни дается в **интуитивных** и **рефлексивных** феноменах, которые можно эксплицировать, обращаясь к концепциям «впечатления» М.К. Мамардашвили (4) «поступка» М.М. Бахтина (2), «внутри-преобразующего действия» С.Л. Рубинштейна (8).

Феноменологические характеристики момента причастности могут быть структурированы по четырем параметрам: внутреннее время, внутренняя топология, сила проживания, смысл проживания. Они улавливают проживание личностью своих актуальных отношений и общего состояния «Я» в хронологическом, топологическом, энергетическом и семантическом измерении, что соответствует основным модальностям внутреннего диалога личности с собой-причастным: «в каком времени живу?», «в каких пространствах живу?», «с какой интенсивностью живу?», «что со мной случается сейчас?».

К **временным** феноменам момента причастности можно отнести: чувство внезапной остановки жизни, переживание одновременности себя во всех своих частях, схватывание мгновения «летучей истины и совершенства», восприятие времени как изменения своих внутренних состояний, встречу с вечностью, чувство исчезновения времени, переживание потерянного или обретенного времени.

Топологическими феноменами являются: открытие своего реального жизненного положения; видение себя с чужого места и себя, отраженного в другом: позиция «внутри проживания»; отстранение от проживания для освобождения места присутствию; полное вложение себя в ситуацию; ощущение себя частью, вмещающей целое и помещающей себя в другое; точка бифуркации; проникающая рефлексия; попадание в фиксированные точки значимости.

Силовыми феноменами момента причастности выступают: переживание высокой интенсивности жизни; «взрыв» наличной ситуации; удар бытия; захваченность происходящим; сила желания; усиление сознания, мысли, воображения, чувства; рождение сильных идей, метафор, символов; проживание задействованности, «ангажированности» в бытии; опыт выдерживания противоречий и приложения усилий к их разрешению.

Смысловыми феноменами являются: открытие истинного облика реальности; чувство подлинной жизни; острота проживания «Я есть»; переживание единственности происходящего; сознание полноты жизни здесь-и-сейчас; встреча с тайной; свобода самоосуществления; чувство «только Я могу пережить»; признание одаренности, искусности, гениальности Другого; состояние «рискну быть»; осознание, что являешься тем, кем способен быть; переживание внутреннего равнодействия и гармонии.

Моменты причастности с их уникальным соотношением времени – места – интенсивности – смысла ведут, как нить Ариадны, в таинственный мир индивидуальной личности. В моментах причастности мы узнаем себя живыми и способными длить и изменять свою жизнь, даем себе бытийствовать различными способами и в разных мирах, осуществляемся в переплетении жизненных отношений, можем продолжить жизненное восхождение к своей индивидуальности.

Литература

1. Абульханова К.А. Березина Т.Н. Время личности и время жизни. СПб: Алетейя. 2001.
2. Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб: Азбука. 2000.
3. Бергсон А. Творческая эволюция. М.: ТЕРРА – Книжный клуб. 2000.
4. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. (М. Пруст «В поисках утраченного времени»). СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт. 1997.
5. Петровский В.А. Логика «Я». Самара: Изд-во САМГУ. 2009.
6. Пруст М. По направлению к Свану. (Из цикла «в поисках утраченного времени»). М.: Республика. 1992.
7. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. В 2-х томах. М.: Педагогика. 1989.
8. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М: Просвещение. 1973.
9. Старовойтенко Е.Б. Культурная психология личности. М.: Академический проект. 2007.
10. Старовойтенко Е.Б. Психология личности в парадигме жизненных отношений. М.: Академический проект. 2004.
11. Трубников Н.Н. Время человеческого бытия. М: Наука. 1987.
12. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика. 1993.

ГЕРМЕНЕВТИКА ЛИЧНОСТИ КАК МЕТОД СОВРЕМЕННОЙ ПЕРСОНОЛОГИИ

Статья Старовойтенко Е. Б. Герменевтика личности как метод современной персонологии. // Психологія особистості. 2015. № 1. С. 32-42.

В современной психологии личности, наряду с традиционным признанием ценности чисто теоретических или практико-ориентированных исследований, различных аналитических концепций, качественных или количественных методов, все чаще акцентируются возможности **интегрального подхода**. Один из его вариантов разрабатывается нами (4;5;10;11) как проект «общей персонологии» или «новой персонологии», или «науки личности», предполагающей интеграцию культурного, теоретического, практического и рефлексивного направлений психологии личности. Ставится задача в **конкретных** исследованиях и разработках достигать синтеза, во-первых, культурного опыта осмысления личности, во-вторых, фундаментального знания о личности, в-третьих, различных технологий эмпирического изучения, развития и поддержки индивидуальной личности, в-четвертых, способов самопознания и отношения к себе личностей, вовлеченных в исследовательский или консультативно-психотерапевтический процесс, прежде всего, персонологов.

Среди многих способов достижения персонологического синтеза важнейшее значение имеет выделение категорий, обладающих высоким потенциалом «сборки», систематизации и конкретизации знания – **интегральных парадигм** персонологии: «культура», «жизнь», «Другой», «Я», «сознание», «бессознательное», «отношение», «смысл», «деятельность», «поступок». Разработка отдельных персонологических парадигм и их преломление в области культуры, научной теории, практики и рефлексии персонологов

должны осуществляться с целью установления связей между ними и развития общей **категориальной системы**, представляющей собой целостное содержание гуманитарной парадигмы «личность».

Полагаем, что каждая из интегральных парадигм в своих тонко простроенных внутренних и внешних связях раскрывается посредством других парадигм и, вместе с тем, приобретает уникальное положение в категориальной системе персонологии, применимой в качестве чувствительной, гибкой «матрицы» к пониманию конкретных случаев, феноменов, фактов, отношений личности. **Индивидуальные реалии** открываются при этом как соотносимые, сравниваемые, объединяемые, образующие оппозиции, актуализирующие общие закономерности личности и ее жизни. Этот ход персонологического познания коренится в предшествующем накоплении множества эмпирических данных и идей, определивших становление классических учений о личности, которые все чаще вступают в диалоги и полилоги, раздвигая горизонты психологии личности и определяя ее персонологическую перспективу.

Каждая из интегральных парадигм может стать основой крупного научно-практического направления, при развитии которого другие парадигмы усиливают свои объяснительные и интерпретационные возможности. Для нас таким перспективным направлением является **культурная персонология**. «Культура» как парадигма синтеза означает в ней мир высших ценностей и историю их личностных воплощений, а также мощный инструментарий, творческий уровень, критерий высшей продуктивности индивидуальной жизни. Кроме того, это «зеркало» для узнавания и познания личностью себя и других, пространство произведений: текстов, образов, символов, а также среда ее внешних и внутренних отношений с великими

авторами. Это особое время протекания бытия, область воссоздания вечных смыслов, сфера взаимных влияний и репрезентаций личностей друг в друге, а также место их уникального самовыражения.

Культурная персонология призвана стать важной частью **современной культуры**, утверждая в ней ценность «личности» и развивая «науку личности», способствуя реализации возможностей и единству личности исследователя и исследуемого, личности героя, автора и читателя научного текста, консультанта и консультируемого. Так в области культурной персонологии автор талантливое текста о личности выступает вдохновителем творческой деятельности других, побудителем интерпретационной активности многих исследователей, ориентиром культурной идентичности читателей, фигурой идеального Другого, обладающего созидательной силой и властью. Он становится человеком, открывающим для исследователей, интерпретаторов, читателей новые пути изучения личности и ее самопознания; побудителем к реализации Я-неизвестного или Я-невозможного других людей; фасилитатором самобытности других; человеком, владеющим языком диалога в науке, жизненной практике и рефлексии.

Парадигма культуры может развиваться в русле исследований, посвященных фундаментальным связям и отношениям культура – личность – психология (10; 11). Это изучение культурогенеза идеи «личности», в частности, ее европейской динамики, давшей миру множество моделей личностного уровня бытия; обоснование потенциала материалов культуры, в первую очередь, текстопроизведений для современного психологического познания личности; развитие персонологических методов, имеющих

референции к культуре, прежде всего. методов герменевтики и культурно-психологического моделирования «личности». Это разработка способов экспликации и интерпретации конструктивных идей классических произведений, сфокусированных на проблеме личности (текстов М. Аврелия, А. Августина, П. Абеляра, Б. Челлини, Ф. Петрарки, Ж-Ж Руссо, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.А. Бердяева, Н. А. Бунина, В. В. Набокова, С. Дали, О. Шпенглера, Ф. Ницше, Э. Мунье, М. Хайдеггера, М. Шелера, З. Фрейда, К.Г. Юнга, Ж-П. Сартра, М. Фуко, П. Рикера, М.М. Бахтина, С.Л. Рубинштейна М.К. Мамардашвили и многих других); обоснование возможностей представления персонологического знания в разнообразных формах: дискурсивной, символической, образной, а также взаимных переводов этих форм при трансляции знания в различных областях культуры. Это теоретическая реконструкция культурной динамики консультативных, психотерапевтических, рефлексивных практик, адресованных личности, и создание, внедрение новых «культурных практик личности». Наконец, это выявление культурных детерминант, потенциалов, дефицитов, деформаций личности и ее жизни.

В персонологии, прежде всего ее культурном направлении, особая роль придается качеству, способам построения и интерпретации гуманитарных **текстов**. Они используются в качестве культурных источников познания, порождаются в опытах самопознания личности, в диалогах и творчестве при ее исследовании и консультировании. Значение и функции «текста» составляют важнейшую методологическую, теоретическую и практическую проблему персонологии. При ее решении могут быть акцентированы:

- особенности текстовой формы представления и передачи знаний о личности;
- возможности текста для достижения внутреннего единства личности с собственной жизнью;
- персонологические потенциалы рефлексивных текстов;
- ценность герменевтики литературных и философско-психологических произведений для изучения, моделирования и практической поддержки личности.

В проблемном поле персонологии гуманитарный текст или «текст личности» как культурный феномен представляет большой интерес в аспектах личности героев, личности автора, личности читателя и интерпретатора, изучаемой и консультируемой личности, а также творческих полилогов личностей. Стоит задача исследования и конструктивного применения гуманитарного текста в качестве носителя персонологического знания, способа организации процесса общения и понимания индивидуальных случаев в консультировании и психотерапии, формы самополагания автора и материала герменевтической деятельности.

Как показали наши исследования (9;11), персонологически ценные философские, психологические, литературные и рефлексивные «тексты личности» выступают творением, творчеством и пространством творческих встреч личностей в культуре. Они воссоздают динамику «Я» личности; конституируют возможную личность и ее возможную жизнь; раскрывают разнообразие способов личностного проживания жизни. «Тексты личности» выступают содержательной и операциональной основой интеллектуальной деятельности и интеллектуального развития личности в области человекознания; задают форму диалога личностей. «Текст личности» может быть историей жизненного

пути автора; выражением процесса протекания душевной жизни и воплощением внутренне-внешней жизни автора. Текст может выступать картиной сознания автора с бессознательными отметками его тайн и загадок; «матрицей» самопознания автора; авторской моделью отношения Я – Другой и феноменов Я-в-Другом, Другой-в-Я, Я-в-себе (6).

В связи с акцентом на роль текстов в познании личности, особое место в культурной персонологии принадлежит **методу герменевтики**. Персонологическая интерпретация текстов предполагает реализацию общенаучных, а также специфических для персонологии, **герменевтических установок**. К установкам «герменевтики личности», намеченным нами (8;11;15) на основе работ В. Дильтея, М. Хайдеггера, Ж-П Сартра, П. Рикера, М.К. Мамардашвили (2;12;7;6;3), а также современных исследований (13;14), относятся:

- установка на интерпретацию текста как исследование;
- установка на разнообразие герменевтических действий с текстом;
- установка на выявление неисследованных содержаний текста,
- установка на творческое постижение тайн текста, установка на целостное отношение к личности и «Я» автора текста;
- установка на выявление способности автора быть «практикующим феноменологом»;
- установка на определение места изучаемого текста в континууме текстовых репрезентаций «личности»;
- установка на соотнесение своего понимания текста с другими интерпретациями и их интеграцию;
- установка на раскрытие сущности авторской «идеи личности», возможное только в единстве интерпретаций;

- установка на построение и применение герменевтической модели, определяющей процедуру интерпретации как исследования и творчества;
- установка на определение места проделанного герменевтического поиска в культуре познания и жизни личности;
- установка на интерпретацию различных видов «текстов личности».

Приведем краткое обоснование данных установок.

1. Персонологическая герменевтика – это «прочтение текстами текстов». Она имеет статус **научного исследования**, посвященного поиску в текстах идей, релевантных проблеме, поставленной исследователем с опорой на обширный текст его концептуального понимания «личности». Тексты, избираемые исследователем для изучения, являются произведениями, в которых предлагается решение проблемы с позиций школы, научного направления, течения, к которым принадлежат авторы. На основе синтеза изученных подходов исследователь должен предложить свое решение. Кроме рациональных предпочтений, выбор текстов должен отвечать интуитивному расположению исследователя в силу его **глубинного движения** к творческому раскрытию проблемы. «Наше понимание или наше мышление устроено так, что из текста, даже из евангелического, к нам ничего не может прийти. Придет, если в нас есть невербальный корень испытания» (3; с. 88).

2. Герменевтика «личности» может осуществляться в **формах** свободного истолкования, логической интерпретации, воссоздающей реконструкции, моделирования, разработки новой практики. В едином герменевтическом процессе эти формы могут взаимодействовать и перетекать друг в друга в зависимости от задач исследования. Искомое знание о личности может заключаться в

открытой семантике текста или может быть утаено автором в подтексте написанного. Оно может быть оттеснено на задний план уже проделанными интерпретациями произведения или осталось неявным для самого автора. Герменевтика состоит в «извлечении смыслового потенциала, оставшегося неиспользованным или даже подавленным в силу систематизации и популяризации великих текстов... Если бы мы не могли выпустить на свободу потенциалы, которые великие системы прошлого стремились подавить и замаскировать, то не было бы возможным никакое новаторство, и мысль в настоящем времени располагала бы только выбором между повторением и заблуждением» (6; с. 350). Герменевтика «известного» и «неизвестного» знания при обращении к сознанию и бессознательному, интуиции и логике, переживанию и познанию автора является **новаторским действием** интерпретатора, высвобождающим ранее не выявленные ресурсы текста для решения актуальной проблемы «личности».

3. Герменевтика текста является актом **творческого постижения**, направленным на раскрытие тайны, расшифровку символов, разгадывание загадок, преодоление «непроходимых мест», на разрешение противоречий, освещение темных содержаний, на смысловые преобразования и вдохновенное продвижение к истине. Это введение произведения в мыслительную, эмоциональную и практическую жизнь интерпретатора, изменение ее. Это «прорыв в область незнаемого», расширение границ понимаемого, экзистенциальное событие «вывода ценности из потаенного» (12). Тексты читаются интерпретатором с подстановкой своих смыслов, изменением и привнесением значений, трансформацией авторских интонаций, выходом в собственное пространство понимания. Но в

отношении к великим книгам, отметил М.К. Мамардашвили, эти «ошибки» хороши.

4. Текст в понимании интерпретатора является сложной речевой, мыслительной, символической, эмоциональной **структурой**, порожденной разными состояниями автора, которым в герменевтическом процессе придается равно высокое значение. Проникновение в стиль, жанр, манеру, неповторимые приемы речи автора, выявление приемов его мышления, сопереживание его чувствам и впечатлениям, готовность разделить его опыт проживания составляет **целостное отношение** интерпретатора к произведению. «Моя задача состоит не в описании литературных красот, а в выявлении стиля мышления человека, который проделал опыт, по материи своей не отличающийся от того, что мы можем испытать. Просто мы можем испытать и не понять, а вот другой человек понял и записал, и поэтому интересно к этому обратиться» (3; с. 34).

5. Практика персонологической герменевтики эффективна тогда, когда интерпретатор, наряду с автором, выступает в качестве **«практикующего феноменолога»**. Это означает способность мыслью, чувством, воображением и рефлексивными актами, «вложенными» в текст интерпретации, менять интеллектуальную, эстетическую, нравственную и практическую жизнь личностей, обращающихся к тексту, и их отношение к себе. Тексты автора и интерпретатора, стоящая за ними культура «имеют значение тогда, когда непосредственно, индивидуально вплетены, образуют вот эту жизнь» (Там же; с. 52). Оба текста могут затронуть и определить историю «Я» множества личностей, включая их создателей. «Затронутость Я другим, нежели Я, находит в литературе благоприятную среду для мыслительных опытов, которые не в силах

затмить «реальные» отношения взаимодействия» (6; с. 384). Герменевтика здесь – это сложное **персонологическое событие**, объединяющее личности автора, интерпретатора, читателя, а также «личность» как тему или героя текстов.

6. Герменевтика позволяет увидеть движение авторской мысли и слова в общем **континууме мышления и письма**, устремленного к тайне личности. Опыт герменевтики открывает, что своими идеями автор продолжает длительный культурный процесс познания и описания личности, отмеченный «вспышками гениальности» выдающихся мыслителей. Присутствие автора на пути открытий «личности», дают интерпретатору возможность раскрыть преюмственность, соответствия, синхронность авторского поиска поиску его предшественников, современников и последователей. Интерпретатор сам оказывается в вечной «лаборатории», где содружеством интеллектуалов-экспериментаторов творится и преобразуется знание о личности. «Есть континуум мысли или континуум состояния. Как только мы начали мыслить, мы сместились к тому, что уже есть, что неподвижно стоит и проявляет себя в нас, когда мы движемся путем соответствий. Мы начинаем совпадать с Мандельштамом, Прустом, Данте и т.д.» (3; с. 111). В этом плане любой большой автор под взглядом интерпретатора оказывается **одновременен** множеству авторов и интеллектуальных движений, рассеянных в истории культуры. Так, в герменевтическом процессе Пруст как создатель великого романа и открыватель «новых миров личности» совпадает во времени культуры с Паундом, Элиотом, Джойсом, сюрреализмом, лакановским психоанализом, экзистенциализмом (Там же). Текст произведения, тексты его условных соавторов и тексты интерпретации встречаются в расширенном, полифоническом, многоименном пространстве

значений и смыслов «личности». «Произведение есть некоторая сознательная бесконечность, которая внутри себя, в качестве своих частей содержит и нас самих, интерпретирующих это произведение» (Там же; с. 331).

7. Во множественных интерпретациях, отношениях и впечатлениях, связанных с произведением о личности, постепенно проступает полнота его «целого», часто не уловимого при обычном прочтении. Обнаруживаются его сущностные, общезначимые мотив, идея, смысл, символ. В диалогах автора и интерпретаторов обнаруживается **наиндивидуальное начало** творца, творения, «личности». «Гений Пруста, даже если свести его к созданным им произведениям, тем не менее, равен бесконечному числу возможных точек зрения на его творчество, что и назовут «неисчерпаемостью» прустовского наследия. Но эта неисчерпаемость, подразумевающая трансцендентность и уход в бесконечное, не есть ли некий «e_xis» – состояние в тот самый момент, когда его улавливают в объекте. Наконец, сущность полностью отделяется от индивидуальной видимости, потому что она принципиально есть то, что должно быть обнаружено в ряду индивидуальных проявлений» (7; с. 22). Интерпретации выявляют то, что относится к онтологической и индивидуальной структурам души и жизни автора, вскрывают соотношение исторического, актуального и вневременного планов бытия познаваемой им личности.

8. Выявление ценных персонологических содержаний текстов о личности определяется качеством модели интерпретации, задающей процедуру герменевтики как исследования. Вариант **модели герменевтического анализа и синтеза** в контексте персонологии, отвечающий на вопрос «в чем состоит герменевтический процесс?» можно представить следующим образом.

- Проблематизация исследователем знания, представленного в текстах той или иной области психологического или междисциплинарного изучения личности.
- Постановка новой проблемы «личности», имеющей перспективу успешной разработки методом герменевтики и значимой для познания и самопознания исследователя.
- Актуализация исследователем текста своего наличного понимания поставленной проблемы и нахождение пробелов в ее предварительной концептуализации.
- Определение релевантных произведений, которые обладают нераскрытыми или нереализованными возможностями для построения концепции решения поставленной проблемы и «задевающих» личность исследователя в аспекте рефлексии и саморазвития.
- Нахождение ключей или «смыслового эквивалента» к исследованию текстовых выражений внутреннего и внешнего мира автора произведения. Например, может быть использован принцип Р. Барта, состоящий в поиске культурных «кодов» текста: знания, коммуникации, символов, рефлексии, загадки и действия (1).
- Разработка системы категорий и идей, образующих интерпретационную модель прочтения, инструмент изучения, проект реконструкции текста произведения. Построение «психологического орудия» выявления тонких нюансов субъективности автора с привлечением соответствующих теорий и концепций личности.
- Поиск фрагментов текстов, где авторы достигают «яснейшей ясности прозрений» (12), логической чистоты выражения мысли и намечают идеи, способствующие решению проблемы «личности».

- Воссоздание явных психологических содержаний текста, их активное преобразование, соединение их с культурным и персонально-авторским контекстом, выявление их новых связей, извлечение скрытых планов текста, заключающих имплицитные смыслы автора.
- Экспликация, выведение из области скрытого и развитие знания о сущности того аспекта «личности», который проблематизирован исследователем.
- Сочетание приемов интуитивного понимания, вчувствования, рациональной интерпретации содержания текста, построение неявного диалога интерпретатора и автора текста, посвященного разгадке тайны личности автора и его героя.
- Собираение, систематизация, организация в целое (logos) и развитие знания об исследуемом аспекте «личности», извлеченного из текстов.
- Построение концептуальной модели, содержащей новое решение поставленной проблемы «личности», которое основано на синтезе мыслительного опыта авторов текстов и исследователя-интерпретатора.
- Рефлексивное размежевание построенной модели с представлениями о личности, принадлежащими авторам и другим интерпретаторам исследованных текстов.
- Текстовая репрезентация разработанной концептуальной модели, введение нового текста в континуум интерпретаций и систему знаний о личности.

9. Персонологическая герменевтика продолжает жизнь произведения и автора в историко-культурном процессе. Если толкования и интерпретации отмечены талантом исследователя-интерпретатора и основаны на тонком понимании и свободных

импровизациях, они усиливают влияние текста в разных областях познания личности – от философии до литературы. Герменевтика является способом существования произведения и укрепления культурной ценности «личности»; интерпретируя текст, мы находимся в процессе **воссоздания личностного уровня бытия**, пребываем «внутри сознательной бесконечности, открытой этим произведением» (3; с. 33).

10. В области персонологии важны самые разнообразные **виды герменевтики**. Это философское прочтение литературного текста, которое, например, практиковал М.К. Мамардашвили в отношении романа М. Пруста. Это психологическое прочтение философских текстов и произведений литературы. Это философско-психологическая интерпретация текстов индивидуального самопознания и историко-культурная герменевтика текстов исповедей и жизнеописаний. Это философское или психологическое осмысление автором истории собственной жизни и «Я». Это извлечение развивающих и психотерапевтических приемов обращения с личностью, содержащихся в философских и литературных текстах.

11. Термин «герменевтика» значит в персонологии значительно больше, чем «истолкование и интерпретация произведений культуры». Столь же важна интерпретация персонологом текстов монологов и диалогов, рождающихся в процессах консультирования и психотерапии личности, текстов рефлексии личности, поддерживаемой специальными практиками самопознания, текстов свободных нарративов личности, текстов сочинений, дневников и писем личности, оказывающейся в фокусе персонологических наблюдений. При расширении понятия «герменевтика», она становится также методом «прочтения жизни личности»,

представшей для персонолога как индивидуальная реальность, отраженная и запечатленная в «текстах» сознания личности, сознаний ее близких, его собственного сознания. Персонологическая герменевтика жизни и ее возможностей является способом развивающих влияний на личностные выборы, решения, проекты, нахождение вариантов проживания и выдвижение гипотез о ходе жизни.

Резюмируя, подчеркнем, что современным форматом психологии личности является новая персонология как интегральное знание о личности, добываемое, в числе многих способов, путем разработки «парадигм синтеза». Одной из этих парадигм является «культура», определяющая и систематизирующая исследования личности в новом научном направлении – культурной персонологии. Среди источников познания в контексте данного направления выделяются «тексты личности», обладающие многими возможностями для исследований, интерпретаций, теоретического и рефлексивного моделирования, экспликации консультативно-психотерапевтических практик и для самопознания персонологов. Реализация данных возможностей связана с разработкой и применением метода персонологической герменевтики, имеющей специфические познавательные установки и приемы добывания знания о личности.

Литература

1. Барт Р. Семиотика. Поэтика.: Избранные работы. М.: Прогресс. 1994.
2. Дильтей В. Герменевтика и теория литературы. Собр. соч. в 6-ти томах. Т.4. М.: Дом интеллектуальной книги .2001.
3. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. (М. Пруст «В поисках утраченного времени»). СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт. 1997.

4. Петровский В.А. «Я» в персонологической перспективе. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. 2013.
5. Петровский В.А. Старовойтенко Е.Б. Наука личности: четыре проекта общей персонологии. / Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т.9. №1. 2012. С. 21 – 39.
6. Рикер П. Я-сам как другой. М.: Изд-во гуманитарной литературы. 2008.
7. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика. 2002.
8. Старовойтенко Е.Б. Возможности Я в отношении к Другому: герменевтика и рефлексия. Психология. Журнал Высшей школы экономики. Том 10. №4. 2013. С.121 – 140.
9. Старовойтенко Е. Б. Культурная психология личности. М.: Академический проект. 2007.
10. Старовойтенко Е. Б. Новая персонология – интегральная наука о личности. / Мир психологии. № 3. 2012. С. 59 – 71.
11. Старовойтенко Е.Б. Персонология: жизнь личности в культуре. М.: Академический проект. 2015
12. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика. 1993..
13. Messer, Stanley B. (Ed); Sass, Louis A. (Ed); Woolfolk, Robert L. (Ed). Hermeneutics and psychological theory: Interpretive perspectives on personality, psychotherapy, and psychopathology. / Rutgers symposia on applied psychology. Vol. 2. Piscataway, NJ, US: Rutgers University Press. 1988. 424 pp.
14. Shweder A.R. Rethinking Culture and Personality Theory Part III: From Genesis and Typology to Hermeneutics and Dynamics. / American Anthropological Association Issue Ethos. Vol. 8. Iss. 1. Pp. 60–94. Spring 1980.

15. Starovoytenko E.B. A Model of «Achieving Oneself» in Relationship to the Other. PSY «Psychology». НИУ ВШЭ. 2013. No 11.

ГЕРМЕНЕВТИКА ГЕНДЕРНЫХ СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ

Статья Старовойтенко Е. Б. Герменевтика гендерных свойств личности // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2014. Т. 80. № 4. С. 68-83.

В области современной психологии личности выделилось направление, связанное с осмыслением роли культуры в поиске, построении и практическом применении «личностного знания». Речь идет об **общей персонологии** (16; 21) с ее творческими культурными референциями, влияющими на развитие теории, экспериментатики, консультирования и самопознания личности.

Культурная ориентация персонологических исследований, определяющая развитие **культурной персонологии**, связана с обращением к множеству источников знаний о личности в сферах философии и мифологии, эпоса и литературы, науки и изобразительного искусства. Ведущую роль среди этих источников играет книга как носитель, транслятор и инструмент открытия фактов, идей, приемов мысли, репрезентируемых в авторском тексте. Книга, говорящая о личности словом, интонацией, смыслом и образом, является неоценимым «культурным орудием» создания современной персонологии. Возможности книги в познании личности является актуальной персонологической проблемой, на первый план в изучении которой выходит отношение книга – текст – герменевтика – новое знание – практика развития личности. Особое место в нем принадлежит **тексту**.

Исследование значения и функций текста составляет важнейшую методологическую задачу персонологии. При ее решении должны быть акцентированы влияния **гуманитарных** текстов на культурогенез «идеи личности» и на персонализацию культуры, особенности текстовой формы представления и передачи знаний о

личности, потенциалы текста для интерпретации и понимания личностью мира, жизни, себя и других, ценность герменевтики литературных и философско-психологических произведений для изучения, самопознания и практической поддержки личности.

Выдающийся гуманитарный текст, или **произведение**, является деятельностью, фактом творчества и самовыражением автора в культуре. Это уникальная культурная модель человеческого бытия, авторский культурный продукт, индивидуальный феномен культуры, средство межличностного культурного обмена, пространство интенсивного проживания и самопостижения творцов и адресатов культуры. «Произведение есть какая-то модель вещей, случающихся в человеческом общении, в передаче знаний, в передаче состояний, в коммуникации жизни и в распространении потока жизни, который длением остается молодым и живым» (13; с. 331). Произведение создает, излучает и транслирует «культуру личности». Это происходит не только на уровне его открытых значений и смыслов, но и на уровне контекста, состоящего из сложно переплетающихся семантических эквивалентов «личного» в эпохи античности, средневековья, ренессанса, современности. Культура контекста часто впитывается текстом бессознательно для автора, обнаруживаясь в реминисценциях, невольных заимствованиях, неузнанных прототипах, скрытом цитировании, намеках на утаенное, «забытых» источниках и т. д.

В проблемном поле персонологии гуманитарный текст как культурный феномен представляет большой интерес в аспектах личности героя и персонажей, личности автора, личности адресата и диалогов личностей. Встает задача реализации потенциала гуманитарного текста в качестве носителя персонологического знания, формы построения образа «Я» и самополагания автора,

способа ценностного влияния личности автора на личности читателей и интерпретаторов. Особенно это касается текстов, созданных в философском, рефлексивном, научно-психологическом и литературно-психологическом жанрах.

В своих исследованиях (20; 22) мы выделили персонологические **функции** авторских текстов, посвященных личности, или «текстов личности», из области литературы, философии, психологии. К этим функциям относятся: развитие творчества личности; создание концепций, моделей, образов «личности»; самопознание и самовыражение личности; конституирование возможностей личности высказываться; проживание автором «жизни в слове»; развитие интеллектуальной деятельности автора; развертывание диалога автора с другими и с собой. Уровень и качество осуществления текстом данных функций раскрываются путем применения **герменевтического метода**.

Интерпретация «текстов личности» предполагает реализацию общенаучных, а также специфических для персонологии, **герменевтических установок**. К установкам «герменевтики личности», намеченным нами на основе работ В. Дильтея, М. Хайдеггера, Ж-П Сартра, П. Рикера, М.К. Мамардашвили (8; 23; 19; 17; 13), относятся: установка на интерпретацию текста как исследование; установка на разнообразие герменевтических действий с текстом; установка на выявление неисследованных содержаний текста; установка на постижение тайн текста; установка на целостное отношение к личности и «Я» автора текста; установка на выявление способности автора быть «практикующим феноменологом»; установка на определение места изучаемого текста в континууме текстовых репрезентаций «личности»; установка на соотнесение авторского понимания текста с другими

интерпретациями и их интеграцию; установка на раскрытие авторской идеи о личности, возможное только в единстве интерпретаций; установка на построение и применение герменевтической модели, определяющей процедуру интерпретации как исследования и творчества; установка на определение места проделанного герменевтического поиска в культуре познания и жизни личности; установка на интерпретацию разных видов «текстов личности»: внешних и внутренних, осознанных и бессознательных, монологичных и диалогичных, представленных в форме книги, личного дневника или писем.

Реализуя данные установки, мы обратились к герменевтической реконструкции важнейшего аспекта бытия и структуры личности – ее **гендерных свойств**, понимая под «гендером» пол, конституированный культурно-психологическими условиями и средствами. В качестве материалов герменевтического анализа выступили философские, литературные, культурологические и психологические произведения, отличающиеся тонкой проработкой темы полов, репрезентируемой концептами **«феминности»** и **«маскулинности»** личности. Учитывалось доминирование в личности определенного гендера, представленность в ней свойств обоих гендеров, возможности достижения развивающих, гармоничных отношений между ними и вытеснения доминирующего гендера личности оппозиционными гендерными свойствами. Свойства гендеров, познаваемые герменевтическим путем, рассматривались как множественные **«параметры» идентичности и самоидентичности личности**.

На основе «герменевтики пола» мы разработали **модели феминного и маскулинного гендеров**, обобщающие и систематизирующие гендерные свойства личности. «Кодом»

герменевтического анализа выступила авторская интерпретационная модель, позволившая эксплицировать:

1. *Символические свойства*, указывающие на таинственное, загадочное сродство женщин и мужчин с явлениями, существующими в безличном и внеличном мире (в природе, в мире вещей, в сфере абстракций и т. д.). Эти свойства, как правило, являются предметом мистического, сказочного, поэтического интереса, но все более становятся жизненными и психологическими ценностями людей.

2. *Метафизические свойства*, восходящие к интеллектуальным символам и раскрывающие сопричастность гендеров общемировым, надличным процессам (вселенским, космическим, трансцендентным, идеальным и т. д.). К данным свойствам обычно обращено внимание философов, которых волнует проблема порождения «пола» как «личного» в мире. Однако сейчас их тайна и сущность влекут многих мужчин и женщин, ощущающих экзистенциальную пустоту вместо понимания своего жизненного предназначения.

Метафизические и символические свойства указывают на потенциалы личности, уводящие вглубь времен культуры и жизни и в их необозримо дальнюю перспективу. Они выражают то, что в значительной степени недоступно познанию и самопознанию человека но, тем не менее, интуитивно ощущается им как возможное.

3. *Архетипические свойства*, заключающие бессознательный потенциал самости носителей гендеров. Они имеют психическое происхождение и представляют собой предмет изучения в аналитической и архетипической психологии. Ими задаются глубинные паттерны влечений, мотивов, интеллектуальных установок, чувств, качеств и смысловых линий жизни мужчины и

женщины. Архетип – это всеобщая форма, в которую облекается индивидуальное психическое развитие и которая определяет его глубинную типичность, раскрываемую в символах мифа и литературы.

4. *Психологические свойства*, определяющие доминанты и соотношения гендеров в характерологической и феноменологической сфере личности. Данные свойства выступают основными ориентирами личностной, сознательной идентификации и самоидентификации по признаку «пола» в когнитивных, эмоциональных, ценностно-смысловых, деятельно-продуктивных отношениях к миру, другим и себе. Они раскрываются в психологических и культурно-психологических произведениях, отражающих результаты гендерных исследований, осуществленных на основе применения экспериментального, феноменологического, герменевтического, нарративного и рефлексивного методов.

5. *Ролевые свойства*, позволяющие определить место, статус, социально-психологические функции и перспективы индивидуальных носителей гендеров в обществе. Именно эти свойства становятся предметами дискуссий в области социальных исследований гендеров, в связи с поиском возможностей перераспределения, уравнивания маскулинного и фемининного типов власти в приоритетных областях духовного, интеллектуального, гуманитарного, экономического и политического развития общества.

Приведем модели фемининного и маскулинного гендеров, применимые, прежде всего, к исследованию и самопознанию взрослой, ставшей личности.

Структуру **фемининного гендера** личности образуют:

1. Символические свойства

Женщина: имеющая сродство с землей, ночью, тьмой, луной, лесом, чащей, пещерой, камнем, домом, глубокими водами, стихией, хаосом, смертью, детским, пассивным, нежным, мягким, таинственным, пугающим, воспроизводящим, берегущим, околдовывающим.

В литературе дух символического толкования «женщины» великолепно уловил и передал **Д. Джойс**: «Какие особые сближения существуют между луною и женщиной? Ее древность, предшествующая череде поколений и ее переживающая; ее ночное владычество; ее зависимость как спутницы; ее отраженный свет; ее постоянство во всех ее фазах; восход и заход в назначенные часы; ее пребывание и убывание; нарочитая неизменность ее выражения; неопределенность ее ответов на вопросы, не подсказывающие ответа; власть ее над приливами и отливами вод; ее способность влюблять, укрощать, наделять красотой, сводить с ума, толкать на преступления и пособничать в них; безмятежная непроницаемость ее облика; невыносимость ее самодовлеющей, деспотичной, неумолимой и блистательной близости; ее знамения, предвещающие и затишья, и бури; призывность ее света; ее движения и присутствия; грозные предостережения ее кратеров, ее безводных морей, ее безмолвия; роскошный блеск ее, когда она зрима и ее притягательность, когда она остается незримой». (9; с. 487)

И в дополнение – поэтический образ единства женщины с водой, найденный **П. Флоренским** при раскрытия сути «женской тоски» и «женской экзистенции».

Женское: влажное; вольно разлитое; свободное и беспредельное, как волна; стихийная и хаотическая сила; ищущее властно наложенного на нее предела; бунтующее против всякой власти и

всех пределов, средоточие разрушительных возможностей, жизненная сила, возрождение.

Следующий ряд символических свойств, присущих женскому началу, определяется через систему отождествлений «женщины» с мифологическими фигурами и фигурами поклонения (2; 24; 25; 26; 28; 29; 31).

Женщина:

- мать, родительница, мать-природа, мать-земля, женщина телесная, плодovitая, кормящая, возвращающая, призывающая к продолжению рода (Гея, Афродита);
- дева, незнакомка, вечная женственность, таинственная возлюбленная, предмет мужского почитания (Психея, Беатриче, Прекрасная Дама);
- очаровывающая, соблазняющая, увлекающая, отвлекающая мужчин от дел, свершений и завоеваний (Афродита, Сирена);
- активное разрушительное начало, губящее и подчиняющее мужчин (Изида, Кали);
- охраняющая тайну смерти, носительница губительных сил любви и красоты (подземные женские божества);
- загадочная, двойственная, обладающая изощренным умом, помощница мужчин (Сфинкс, Гетера);
- инстинктивная, интуитивная, близкая природе, владеющая тайнами жизни, пассивный потенциал (Ева);
- воинственная, яростная, охотница, победительница (Диана, амазонка);
- «рабыня на троне», воспеваемая как объект любви, невозможной в земной жизни (Любовь трубадура, поэта-романтика);
- эмоциональная и чувственная, влюбляющая в себя, губительно красивая, обманчиво доступная (Елена);

- мудрая, обладающая духовным знанием, проводник между миром Духа и миром людей, соединяющая истину и веру, исцеляющая (София);
- рождающая божество, великая добродетель, посвященная в высшие тайны мира (Мария);
- свободная от мужской власти, творящая от избытка созидательных сил (Сафо).

Далее следуют определения свойств женщины, встречающиеся, в основном, в эзотерических и философских учениях, касающиеся онтологической сущности личности и принадлежащие тем мыслителям, которые были «навек задеты полом» и тонко чувствовали динамику полов в личности.

2. Метафизические свойства

Когда «женское» мыслится не в качестве самостоятельного и личного начала, а только в отношении к мужской власти, оно находит, как правило, отрицательные, обесценивающие определения.

Женщина: тень мужчины, сновидение мужчины, искушение мужчины, слабость мужчины, «тюрьма» мужского духа, момент в жизни мужчины, инструмент мужского творчества. А также носительница темных сил, пассивное и безличное, скрыто опасное и лишенное самосознания, несущее напряжение, страсть, безумие, демоническое, истребляющее себя и мужчин, «притягивающая бездна».

Мыслители русского философского ренессанса начала XX века, в частности, **Н.А. Бердяев**, придают «женскому» статус дополнения «мужского Абсолюта» и положительного воплощения трансцендентных, космических, антропологических и культурно-исторических процессов.

Женщина: неразрывность с природой, телесное, родовое, коллективное бессознательное, нуминозное, дионисийское начало, дух архаичной культуры, матриархальное жизнеустройство, примат коллективности и первобытный коммунизм. А также интуитивная нравственность, стихийная творческая сила, иррациональность, мистический дар, чуждое индивидуальности, утверждающееся в деторождении, растворенное в текущих переживаниях, разделенное на состояния, воплощающее преобладание бытия над сущностью, гениальное и неуловимое в любви, дух женственности в культурном творчестве (4; 10).

Отталкиваясь от «мужской» точки отсчета, Бердяев придает «женскому» высшую ценность в мире и бытии мужчин. «Женщина в своей полярной противоположности мужчине имеет свое индивидуальное призвание, свое высокое назначение. Ее призвание я вижу не в рождении и вскармливании детей, а в утверждении метафизического начала женственности, которое должно сыграть творческую роль в ходе всемирной истории. В охране своеобразной силы женственности – честь и достоинство женщины, равные чести и достоинству мужчин» (5; с. 253).

Женщина: Мировая Душа, цельность бытия, таинство, духовное начало, придающее мужскому духу возвышенность, несущее человеколюбие и благодать, сердечность и целомудрие, постигающее красоту, умеющее «служить миру собой». Таящая наивысшую мудрость, берегающая веру и одушевляющая любовь. Приобретающая знание у лучших мужчин и преодолевающая мужскую односторонность, ограничивающая агрессию мужского интеллекта и разбивающая каноны мужского разума. Творящая «видимости», призванная быть произведением искусства,

соблазняющая, приверженная игре, заключающая иронию, преодолевающая серьезность, создающая модели реальности.

Современные последователи гуманистической и глубинной психологии, обосновывая идею о грядущей смене эпохи европейской «мужественности» эпохой «женственности», связывают восходящую волну женской активности с необходимостью преодоления «мужского кризиса» культуры с ее безличностью, механистичностью, абстрактностью, агрессивностью и саморазрушением. Наступление «женского» усматривается в таких глобальных явлениях, как расцвет мифологического сознания, интерес к древним культурам, эзотерическим учениям, восточному мистицизму, трансперсональной психологии, герменевтике и моделированию, теориям полей, рассеивающих структур, неравновесных систем, хаоса, и сложных системных процессов.

К выходящим на первый план «женским» ценностям бытия относят: объединяющее людей чувство единства со всеми природными формами; общность, оказывающую поддержку индивидуальности; взаимопомощь и сотрудничество в коллективах; величие деторождения и материнства; разум, обращенный к жизни; эстетизацию человеческих деятельностей; этику милосердия; поиск перспектив улучшения существования человека; соединение любви и творчества; любовь как основу отношений мужчины и женщины.

В числе причин близкого высвобождения множественных женских сил часто называют смену доминирующих архетипов коллективного бессознательного. Считается что архетипы «женщины» все более властно проступают, как в формах и содержании индивидуальной жизни, так и в деятельности духовных, гуманитарных, социальных, политических и экономических институтов.

3. Архетипические свойства

Ими являются универсальные, составляющие глубинные психические потенциалы, собственно фемининные элементы души женщины, находящие раскрытие в искусстве, литературе, психологии (14; 24; 25; 26).

Женская самость: сокровище, инстинктивная женщина, психическая энергия, творческое начало, безупречное чувство тела, единственность, выносливость и дальновидность. Устремление к внешним и внутренним изменениям, изобретательность, восприимчивость к красоте и чувственность, способность придать всему гармонию и хорошую форму, исследовательская интуиция, интуитивное знание обо всем, что нужно для полноценной жизни; неисчерпаемый потенциал любви.

Старуха: возвращающая, собирающая и хранящая древний опыт, оживляющая мертвых, знающая тайну смерти, прозревающая будущее, обучающая наивные души, излечивающая душевные раны, использующая целительные силы природы, живущая в одиночестве, помогающая справиться со злом и собственным гневом, освобождающая творческую энергию женщины.

Дева: искренняя, наивная душа, пребывающая в дремотном состоянии; опекаемая и любимая; страстно любящая; терпящая изгнание и испытания; открывающая в себе героическое начало; побеждающая; рождающая духовное дитя.

Мать: добрая, любящая, опекающая, оберегающая, наставляющая, помогающая душе ребенка пробудиться, отпускающая ребенка в самостоятельный путь, героически отказывающаяся от власти над ребенком, мужественно поддерживающая ребенка в тяжелых испытаниях, залечивающая его душевные раны.

Или злая и опасная; разрушающая то, что любит ребенок; порочащая и изгоняющая ребенка; посылающая его на смерть; отнимающая то, что принадлежит ребенку.

Тень: негативные аспекты женской души – гнев и неукротимость, ненависть к себе и мстительность, душевный голод, притворство и тщеславие, терпимость к насилию, жажда власти, распущенность.

Или прекрасные аспекты женской души: провидение, ясновидение, прозрение истины, божественная любовь.

Женская индивидуация: утрата или отказ от родительской опеки; обращение к своей душе и ее потенциалам; мужество быть в одиночестве; обретение эго-сознания. Учение у мудрых женщин; открытие своего источника психической энергии; пробуждение «священной чувственности» тела; освобождение от последствий неудачных решений и неправильных выборов. Учение самому лучшему у мужского духа; нахождение своего способа творчества или рождение «духовного ребенка»; умение наслаждаться любовью; терпение без отчаяния; запоминание и вспоминание всего прожитого; соединение в творчестве тела, души и духовности.

Анимус: мужское начало в женской психике; Дух, Логос, Отец, Возлюбленный; проекция на реальных мужчин; сильный, идеальный мужчина в фантазиях и снах; компенсация ярко выраженной женственности; форма рациональной организации деятельности женщины в социуме, профессии, жизни. Оформление спонтанного женского творчества и самовыражения по принципам сознательной жизни; воплощение замыслов и идей женщины, проводник ее творческой энергии; женская стойкость и мужество; сила активности и инициативы во внешнем мире. Потенциал сознания, рефлексии, самодостаточности. Друг и помощник: знающий, дальновидный, предсказывающий, преследующий цели, оценивающий по

справедливости, выбирающий наилучшие решения, наблюдающий и рассчитывающий, контролирующий и открывающий законы, объединяющий душевные силы женщины.

Или упрямый, деспотичный, догматичный, спекулятивный, созерцательный, амбициозный, прямолинейный, самоуверенный. Источник предвзятых мнений, необдуманных суждений, банальностей, клише. Спорщик, не признающий ничьей правоты, оперирующий нелогичными и неубедительными аргументами, категоричный, предпочитающий говорить о «должном», а не реальном. Сила, заставляющая следовать непроверенным склонностям. Вероломный, обманщик, лгун, предатель. Хищник в душе женщины: грозящий опасностью и гибелью, обесценивающий ее творческие устремления, порождающий сомнения, деструктивный и разрушительный, ведущий к одиночеству и забвению.

В индивидуальной жизни архетипы как глубинные душевные потенции женщины реализуются посредством образования сложной системы психологических свойств, зависящих от активности сознания, зрелости Я и деятельности личности, а также от степени социокультурной поддержки либо подавления тех или иных женских архетипов и форм женского самоопределения. Действующий европейский канон «примата мужественности», допуская богатство психических свойств-универсалий, свободу самореализации «личности вообще» и достоинства женщин, по традиции формирует запрос на женские психологические свойства, «уступающие» мужским (1).

4. Психологические свойства

Интуитивность: ощущаемая связь с коллективным и личным бессознательным; чувствительность к таинственным сторонам

жизни; понимание сути родового опыта и традиции. Проницательность в общении; стремление к творчеству в отношениях с близкими людьми и в повседневной жизни. Ожидание обновлений и изменений в будущем; эвристичные решения и выборы; предвидение противоречий и конфликтов; доверие к субъективному пониманию и знанию.

Эмоциональность: внутренняя ранимость, уязвимость; погружение в интимную жизнь чувств, тонкость переживаний близости; прорывы аффектов в значимых ситуациях; высокая ценность любви; страх поражения, несостоятельности в любви; умение читать «язык чувств»; эмоционально-интуитивная оценка явлений наряду с логической оценкой; активное самовыражение в эмоциональной сфере.

Зависимость: переживание постоянной нужды в благополучии и безопасности детей, мужской любви, заботе и защите, в покровительстве мужчин, обладающих властью, в продлении молодости. Привязанность к родителям, детям, объектам влечений; подверженность влияниям коллективных мнений, внешних оценок, обычаев и предрассудков. Привычное согласие с приоритетом мужчин; позиция подчинения в семье и организации; зависимость от процессов и импульсов тела, от спонтанных побуждений и чувств.

Ориентация на взаимоотношения: сосредоточенность на субъект-субъектных, а не субъект-объектных связях; стремление разделить любовь с единственным мужчиной; направленность в общении на взаимную поддержку, взаимопомощь. Склонность к компромиссам, предупреждение конфликтов, распределение обязанностей, совместный поиск возможностей в общении; предпочтение контактности, интимности во взаимодействии с другими людьми;

высокая оценка успеха в отношениях в сравнении с достижениями в других сферах; вера в возможность взаимно развивающихся отношений; склонность обучать, воспитывать, исцелять.

Эмпатия: чувствительность к состояниям других; сопереживание и сострадание; готовность разделить трудности других, оказать помощь в решении их проблем; эмоциональный резонанс; таинственная синхронность переживаний с близкими людьми; избегание деструктивного поведения в присутствии других людей; приветливость, дружелюбие, теплота.

Этика жизни: любовь и доброта, сердечность и заботливость, преданность и служение, миролюбие и терпимость, гостеприимство и стремление к согласию. Преодоление агрессии, принятие ответственности, аккуратность, тщательность исполнения дел. Искренность веры, защита ценностей, твердость, бесстрашие, достоинство матери и хранительницы семьи.

Динамичное мышление: направленность мысли на конкретные события, ситуации, явления, субъективные состояния и действия; ассоциативность и гибкость мышления; активность образного мышления; реалистичное воображение; романтические фантазии; внимание к символам; ориентация на толкования и интерпретации. Вариативность понимания объекта; критичность мышления, основанная на интуиции скрытых возможностей; чувствительность мысли к оппозициям, склонность к синтезу противоположностей и континуальному мышлению; оригинальность преломления традиций в решении текущих задач; легкость вербального выражения мысли; осмысление текущей жизни; акцент на ближние цели и планы; оригинальность, нестандартность в решении встающих жизненных проблем.

Утонченность: хороший вкус, нежность, мягкость, поиск красоты и впечатлений о прекрасном; создание эстетической атмосферы в отношениях. Ценность своей привлекательности, изящества, очарования, грации, изысканности и прелести; искусство соблазна; стремление найти и придать себе «идеальную форму». Эстетизация повседневной жизни, ее среды, обстановки; значимость красоты других людей; высокая ценность моды.

Подвижность самоотношения: зависимость отношения к себе от текущих переживаний и впечатлений; изменчивость рациональных знаний о себе; динамизм осознанной самоидентичности; рефлексия актуальной жизни и отношений. Внимание к своей представленности в других людях; зависимость самооценки от оценок со стороны других людей; сосредоточенность на своих отношениях к значимым людям; устойчивость Я на основе глубинной интуиции; тонкая саморегуляция при решении конкретных жизненных проблем и задач деятельности. Внимание к своим внутренним противоречиям; способность к самопомощи и самоизменениям; чувство внутренних потенциалов своего развития.

Контуры фемининного психологического типа во многом обусловлены, а также определяют, ролевые свойства, которые формируются и приписываются женщине в определенной социокультурной среде. Несмотря на то, что во многих обществах фемининно-маскулинные роли все более сближаются, унифицируются, становятся «плавающими», размытыми и взаимозаменяемыми, на уровне психологических способов их осуществления сохраняются заметные гендерные дифференцировки, заставляющие исследователей по традиции разделять «женские» и «мужские» ролевые приоритеты. Встает сложная проблема обновления психологических взглядов на гендерные роли личности

с акцентом на культурные возможности и индивидуальное самоопределение мужчин и женщин. Это насыщение мужского функционирования «женскими» приемами и средствами, эффективными в культуре; интеграция мужского и женского подходов к деятельности в контексте исполнения гендерных ролей; выявление новых фемининных ролей в традиционно «мужских» сферах жизни; расширение областей совместной творческой самоактуализации мужчин и женщин.

В настоящее время в науке по отношению к женским ролевым свойствам продолжают существовать и канонические, и новые определения (1). Данные свойства указывают, в основном, на реальную и перспективную социальную идентичность женщин.

5. Ролевые свойства

Женщина: дочь и сестра, избранница мужчины и жена, мать и воспитательница детей; защитница семьи, помощница мужчины, профессионал. Смягчающая нравы, ослабляющая агрессию, укрепляющая родовые связи, гармонизирующая отношения в ближнем окружении.

Женщина: носитель красоты, источник соблазна, объект желания, предмет любви, произведение искусства, двигатель моды, объект эстетического созерцания, роскошь в мужской жизни, вдохновительница мужского творчества,

Женщина в семье: сберегающая супружескую любовь, «душа дома», рождающая и выхаживающая детей, заботящаяся о здоровье и комфорте членов семьи. Поддерживающая материнский авторитет, помогающая дочерям в освоении фемининных ролей, создающая положительные эмоционально-этические отношения в семье. Сохраняющая и развивающая свою женственность, координирующая интересы и действия членов семьи, формирующая

высокую ценность семьи в системе предпочтений мужа. Создающая привлекательный образ семьи в окружении, стиль жизни и имидж мужа во внешней среде, поддерживающая мужа в его профессиональном росте и карьерных устремлениях.

Женщина в организации: осуществляющая постановку и решение тактических задач; точную исполнительскую деятельность; помощь сотрудникам в адаптации; регуляцию межличностных отношений; поиск согласия; выявление скрытых противоречий и участие в их позитивном разрешении; неформальное лидерство и «внутреннюю» власть. А также: создание имиджа организации; заботу о ее стабильности; опережающее кризисное реагирование; инициативу в разрешении коллизий; свободное принятие и освоение «мужских» ролей.

Женщина ближней перспективы: инициатор инновационных процессов; руководитель бизнес-структур нового типа; лидер-профессионал; проводник креативных идей; потребитель рынка суперсовременных товаров и услуг; разработчик вариативных интеллектуальных моделей. Создатель стиля деловой жизни, основанного на артистизме, эстетике и мастерстве; «агент» взаимоотношений, стимулирующих самореализацию участников; «звезда», соединяющая блеск таланта и красоту, женственность и компетентность.

Далее симметрично, по бинарному принципу, рассмотрим структуру **маскулинного гендера** личности. Здесь вряд ли нужны развернутые обоснования, подтверждающие традиционное поклонение мужским свойствам, со времен античности избранным в качестве идеала, образца человека-в-мире, человека-в-обществе и человека-в-культуре.

1. Символические свойства

Мужчина: имеющий сродство с небом, солнцем, огнем, днем, воздухом, светом, жизнью, здоровьем, активностью, сознанием, порядком, развитием, духом, а также властью, творчеством, дворцом, католическим храмом, вершиной, вертикалью, твердостью, оружием.

Персонифицированная символика «мужского» представлена рядом фигур, типичных для европейской мифологии и религии (2; 11; 12; 14; 25; 26; 28; 29; 31).

Мужчина:

- единое первоначало, породившее противоположность мужского и женского (Юпитер, Бог Отец);
- воплощение мощи универсума, средоточие всех человеческих потенциалов (Адам);
- универсальный человек, духовная сила, верховное сознание, объединение людей; власть над множеством людей, достижения, осуществление желаний, единение с прекрасной женщиной (Король);
- неистощимая жизненная энергия, героизм, рыцарство, справедливая власть, величие, победа над собой, выдающиеся свершения, создание законов и осуществление идеалов многих людей (Великий монарх);
- дикое существо; человек, принесенный в жертву творению; трагический герой, сокрушенный враждебными силами; дух, сопротивляющийся инстинктам; пробуждающееся личное начало и покровитель общности (Гигант, Богатырь);
- свобода и раскованность желаний; душевный подъем, вдохновение; раскрепощение скрытых сил; забвение себя; влечение к смерти, к самоуничтожению (Дионис);

- разум, интеллект, познание, самопознание, воля, гармония, преодоление страсти, идеал (Аполлон);
- духовная интуиция; мастерство и искусность; контроль над внешним миром; обучение и воспитание людей; защита идеала; самодостаточность; служение и жертвенность; нравственная победа (Рыцарь);
- любовное влечение; поклонение красоте; завоевание и вознаграждение любви; испытание любовью; бессмертная любовь, внутреннее воссоединение с женщиной (Эрот, Амур);
- древние, бессознательные, демонические силы; склонность к розыгрышам и коварным шуткам, изменениям облика и дурацким выходкам; претерпевание наказаний и мучений (Меркурий, шут, простак);
- единое человеческое существо, преодоление противоположности полов в человеке (Андрогин).

2. Метафизические свойства

Здесь мужское начало человека обычно берется в общих определениях, указывающих на абсолютные ипостаси «мужчины», преобладающие над «женским» (4; 5; 18).

Мужчина:

- божественное, высшее, антропологическое, торжество духовного принципа, примат сущности над существованием;
- познание, творчество, индивидуальность, индивидуальное сознание, личное начало в обществе;
- прогресс, развитие, цивилизация, власть, отрицание бессознательного, трансцендентное «Я»;
- абстрактно-логическое мышление, деятельность, свобода воли, субъект;
- мораль, норма, закон;

- исследование мира, его обновление, глубина, гениальность, великолепная энергия;
- духовная любовь, понимание и почитание женственности, поиск красоты в мире женщины, поддержка женщины в познании, руководство деятельностью женщины, противостояние женской иррациональности, страх перед тайной «женского»;
- сознание своей созидательной и устроительной миссии в мире, порождение глобальных учений и мировоззренческих систем, видение мира в оппозициях и противоречиях, выдерживание противоречий;
- борьба, конкуренция, преодоление, успех как ведущие способы и цели бытия, целенаправленность, прагматизм, сдерживание и мощные прорывы аффекта;
- сосредоточенность на идеях и действиях, а не на «отношениях», историческая память, рефлексия, ориентация на будущее.

3. Архетипические свойства

К ним относятся следующие мужские потенциалы, элементы культуры и человеческой психики (4; 5; 197; 18; 30).

Герой: самость, жизненный порыв, пробуждение сознания, становление эго, необходимость самореализации, индивидуализация и развитие личности. Соединение в себе «отцовской» и «материнской» сторон; отказ от родительских и коллективных аспектов души в пользу надличных, высших аспектов; преодоление власти архаичного, бессознательного. Трудность пути, начатого с чудесного рождения; покинутость и гонения; ощущение себя как «иного» среди людей; приобретение независимости, вопреки внешним препятствиям; овладение способностями своего тела. Скитания и отшельничество; открытие сознанием «сокровищ» бессознательного как источника творчества; уязвимость;

конфликтность и трагичность жизни. Умножение культурных достижений людей; статус «культурного героя»; обретение сильной «отцовской» позиции; уникальность творений и деяний; три вектора становления: лидером, основателем и открывателем новых ценностей; спасителем; познающим себя и проникающим в глубину самости.

Отец: всеобъемлющий образ Бога, Отечество, государство. Разум, интеллект, знание, традиция, идеал мужчины, образец мужественности. Авторитет, духовный и практический деятель, вождь, законодатель, учитель, мастер, хранитель тайн. Долг, ответственность, терпение, преданность, самопричинность и самодвижение, влияние, убеждение, запрещения, твердость взглядов и скрытая мощь. Война, охота, разведка, мужские сообщества, путешествия, профессия, политика, богатство, производство, реформы.

Или: склонность к догмам, жесткость требований, властность, неотвратимость наказания, консерватизм, сухость.

Старец: дух, логос; вдохновляющая, активная сущность, динамический принцип; оживляющая и одухотворяющая сила. Творение лучших идей и прекрасных образов; внутренняя деятельность; мудрость; духовное усилие; проницательность; духовное превосходство и покровительство; глубокие размышления; прозрения и пророчества. Религия, нравственность, рефлексия, философия, искусство, волшебство, магия, мистика. Целитель, священник, ученый, профессор, художник. Мудрые решения сложных задач; духовная концентрация; высокая интеллектуальная выносливость; зрелая самость; высшая личность.

Или: противоречивость, двойственность поступков, надменность, злое могущество, духовное поражение.

Тень: низшая личность; «черный человек»; иррациональность; склонность к насмешкам и издевательствам. Несознаваемые, разрушительные желания; спонтанные негативные чувства; предрассудки; грубость и жестокость; непристойность; насилие. Одержимость, фанатизм, упрямство; бессознательная зависимость; отрицание и осмеяние традиций; неумное властолюбие; загадочное противодействие своей воле и сознательным намерениям.

Мужская индивидуация: самосознание, образование активного эго; освобождение от материнского влияния, преодоление притяжения матери; познание традиций и уклада жизни своего общества; знакомство с отцовскими занятиями и мужскими ролями; обретение духовного учителя; изменение канонов, смена исторической установки на построение будущего. Неистощимая инициатива; выход в мир в качестве мыслителя и деятеля; восстание против сыновнего положения, освобождение от отцовской власти; нахождение близкого мужского круга, дружеского и партнерского сообщества. Сбор современных ценных знаний; вступление на путь поиска неизвестного; выращивание своего дара, таланта; задача стать индивидуальностью; увлеченность загадками совершенства, вечности, бессмертия. Испытания, искушения, странствия; победа над соблазном и безумием бессознательной жизни; разгадывание тайн «женского», любовь к женской природе, несмотря на разочарования; обретение духовной близости с матерью; духовное соединение с отцом; открытие смысла самопознания и состояния одиночества; исполнение своих новаторских дел в мире и новый уровень осознания своей глубины.

Анима: женское начало в психике мужчины; Душа, Мать, Дева; позитивная проекция на реальных женщин; образ наиболее желанной женщины. Образы сновидений и фантазий: царственная

женщина, святая, призрак женщины, волшебница, фея, летающее или змееподобное существо, соблазнительница и падшая. Компенсация ярко выраженной маскулинности; чувство сопричастности прошлым поколениям, любовь к истории, интерес к генеалогии, приверженность идее реинкарнации, мистицизм, интуиция судьбы. Тоска по вечной, идеальной женственности; тяга к близким, интимным отношениям; вкус, чувствительность к красоте; любовь к женской моде; приверженность гламурному стилю.

Или: повышенная эмоциональность, повторяющиеся аффекты; сентиментальность, спонтанное чувство тревоги и неуверенности; тайная склонность к самоубийству; фанатичная вера; влечение к эффектности, экзальтации; сильная властность; изменчивость, капризность поведения; желание очаровывать и соблазнять.

В процессах сознательной индивидуальной реализации мужских архетипов и их воплощения в деятельности и культурных вкладах формируются психологические свойства мужчин (1). В научных дефинициях «мужские» свойства противоположны «женским», но реально в личности мужчины они взаимосвязаны и взаимодействуют с ними.

4. Психологические свойства

Рациональность: преобладающая ориентация на точные данные сознания; культивирование интеллекта, участие в развитии научного познания, образования, просвещения; сильная рефлексивная установка; вера в умственный прогресс; исследовательская активность. Сознательная регуляция жизнедеятельности; планирование, расчет, контроль времени и поведения; способность достигать завершенности и эффективности деятельности; сосредоточение на «Я» и направленное саморазвитие; постановка

сложных проблем; заострение противоречий; их логическое разрешение; превознесение разума.

Доминантность: физическая и психическая сила, напряжение, выносливость; стремление к преодолению и достижениям; самоутверждение. Ценность статуса лидера, организатора, руководителя; борьба за власть, превосходство, подчинение себе других. Самореализация и самоактуализация; гордость, достоинство, самолюбие; нетерпимость к поражениям; тяга к известности; стремление оказывать влияние; завоевание интеллектуального приоритета; ценность высоких успехов в профессии и карьере.

Агрессивность: готовность к сопротивлению, схватке, борьбе и конфликтам; оказание нажима, подавление; деструктивное поведение. Поиск риска, экстрима и способов опасной самопроверки; тенденция к аутоагрессии. Жесткость в конкурентных отношениях; стремление к преобладанию и наступательность в интеллектуальной, социальной, профессиональной и финансовой сферах. Тяга к достижениям в играх, соревнованиях, состязаниях; увлечение охотой, различными формами спортивной борьбы.

Автономность: уверенность в себе; самостоятельность мышления, деятельности, жизненной позиции. Личная ответственность за принятые решения, сделанные выборы, использованные средства, последствия и результаты действий. Самодостаточность; сила сознания и Я; уникальная позиция мастера, профессионала, творца; инициативность, готовность взяться за новое дело; самоэффективность. Независимая позиция в коллективе; поиск своего достойного места в обществе; выбор круга общения, или сообщества, или клуба, или объединения, где взаимодействуют сильные, суверенные личности.

Дистанцирование: уход от контактных, интимных взаимоотношений; множественность «связей» вместо близости с одной женщиной; предпочтение формальных, деловых отношений с другими; избегание эмоционального обмена, теплоты сопереживания; прямолинейность и упрощенность форм общения. Тенденция к эгоцентризму в отношениях; прямолинейность и жесткость в межличностных коллизиях; недоверие к чувствам; уклонение от демонстрации переживаний и их обсуждения с другими людьми; выбор интернеобщения как «идеального».

Глобальный интеллект: направленность на научное познание и техническое овладение внешним миром; умственное упорядочивание реальности; деятельность с абстрактными объектами; работа с общими идеями, тяга к раскрытию великих тайн и разрешению больших проблем мира; опора на универсальные принципы, идеалы, общественную мораль, закон, стандарт «всеобщей справедливости». Дальнее прогнозирование событий; разработка долгосрочных стратегий деятельности; развитие понятийно-логического мышления и наукоемкого дискурса; создание крупных систем знания и информационных систем. Выбор деятельности, предполагающей точные измерения, расчеты, разработку общих теорий, крупные научные открытия, проведение общественных реформ. Склонность к теологии, философии, математике, фундаментальным наукам; готовность к интеллектуальным прорывам; рискованная интеллектуальная инициатива; устойчивость концептуальных построений как надежных основ действия. Лаконизм, простота, схематизм имиджа и форм самопрезентации.

Рефлексивность: сознательность, рациональность самоотношения; рефлексия желаний, намерений, мышления, поступков; построение

строгой концепции «Я»; организация времени и пространства своей жизни; целостность интеллектуального образа жизненного пути. Владение приемами самопознания; независимость самооценки; стремление к объективности знаний о себе; поддержание позитивного образа «Я»; ориентация на идеальное «Я»; создание программ физического и духовного самосовершенствования; детальная ретроспектива жизни; осознание возможностей своего будущего.

Как отмечалось, дихотомия «мужских» и «женских» психологических качеств индивида не является такой определенной, как это представлено в нашей гендерной модели. На самом деле, полюса мужского и женского в конкретной личности заключают между собой множество переходных и промежуточных форм. Например, мужчина может обладать средней степенью автономии, являясь носителем ряда признаков зависимости, или может часто проявлять эмпатию, наряду с присущими ему чертами дистанцирования. Однако, скорее всего, это будут специфически «мужские» формы зависимости и эмпатии. То же можно сказать и о женских вариантах развития и проявления мужских психологических свойств. Столь же гибкими и одновременно имманентными каждому полу являются взаимопереходы мужских и женских ролевых свойств и функций в личности реальных женщин и мужчин (1).

5. Ролевые свойства

Мужчина: сын, муж, отец, защитник, покровитель. Хранитель знания, учитель, творец, духовный деятель, ученый, изобретатель, носитель тайн. Создатель богатств, реформатор, организатор, субъект власти, воин, стратег, законодатель, идеолог.

Мужчина в семье: глава, авторитет, лидер в кругу близких. Поддержание благополучия, здоровья семьи и ее достойного положения в общественной иерархии; финансовое обеспечение семьи; инициатива в воспитании детей; помощь сыновьям в освоении маскулинных ролей и развитии мужских качеств; защита семьи в опасных и кризисных ситуациях. Поддержка женщины в ее развитии, личностном росте и сохранении женственности; определение стратегии и создание возможностей для обучения и карьерного роста детей; укрепление авторитета семьи и рода посредством своих профессиональных и общественных достижений.

Мужчина в организации: руководитель, управленец, босс; автор инноваций и нововведений; компетентное лицо, транслирующее опыт; разработчик идеологии и стратегии развития организации; ответственный исполнитель; глава больших проектов. Защита интересов организации и выявление ее ресурсов, представительские функции в структуре, установление и укрепление внешних связей структуры, принятие ответственности за риски, позитивное и новаторское разрешение организационных конфликтов, поддержание конкурентоспособности организации, обеспечение финансирования инновационных программ. Субъект традиционно мужских профессионально-общественных ролей: глава государства, глава и член парламента, министр, глава церкви, президент крупной кампании, лидер политической партии, глава секретных служб, военачальник, выдающийся деятель искусства, ученый в сфере фундаментальной науки.

В отношении глобальных ролевых перспектив «мужского» не существует однозначных оценок. Чаще его место в мире рассматривается ретроспективно, в противовес растущему влиянию «женского». В европейской культуре в течение тысячелетий

человека олицетворял мужчина с его «отношением к Богу», «исключительным положением в космосе», «восхождением к истине», «личным достоинством», «покорением природы», «революционными преобразованиями общественного устройства». Правда, в этом ряду свершений давно появились и следы мужского кризиса культуры, выражающиеся в осознании «одиочества Я», «заброшенности человека в мир», «бессмысленности индивидуального существования», «недоступности мира для человеческого познания», «непреодолимости смерти для индивида», «беспомощности человека перед непроницаемостью Космоса». Преодоление этого кризиса лежит на путях гибкой, равноценной реализации мужских и женских ролей личности при решении новых задач, встающих перед человеческим миром.

Приведенные герменевтические модели гендеров, реализуя возможности текстов произведений, намечают новые перспективы **персонологического** изучения «полов», ориентированного на достижение единства культуры, фундаментальной теории и практики в познании и жизненной поддержке личности (16; 21). Эти перспективы связаны с развитием исследований на основе совершенствования приемов интерпретации текстов культуры, герменевтического извлечения новых идей, феноменов, практик и их преломления в методиках диагностики, коррекции, рефлексии и саморазвития личности. В контексте персонологии «пол», сохраняя все свои существенные био-психологические характеристики, выступает эффектом культуротворчества, превращаемого в индивидуальную реальность путем активного самополагания личности.

Литература

1. Антология гендерной теории. Минск: Пропилеи. 2000.

2. Бауэр В. и др. Энциклопедия символов. М.: КРОН – ПРЕСС. 1995.
3. Бергсон А. Творческая эволюция. М.: ТЕРРА – Книжный клуб. 2000.
4. Бердяев Н. А. О назначении человека. М.: Республика. 1993.
5. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда. 1989.
6. Бодрийяр Ж.. «Соблазн» М.: Ad Marginem. 2001.
7. Вейнингер О. Пол и характер. М.: ТЕРРА. 1992.
8. Дильтей В. Герменевтика и теория литературы. Собр. соч. в 6-ти томах. Т.4. М.: Дом интеллектуальной книги .2001.
9. Джойс Д. Улисс. М.: Республика. 1993.
10. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат. 1990.
11. Кассирер Э. Философия символических форм. Введение и постановка проблемы. / Культурология. 20 век. Антология. М.: Юрист. 1995. С. 104 – 162.
12. Керлот Х. Э. Словарь символов. М.: REFL – book/. 1994.
13. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. (М. Пруст «В поисках утраченного времени»). СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт. 1997.
14. Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания. М.: Рефл. – бук. 1998.
15. Петровский В.А. «Я» в персонологической перспективе. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. 2013.
16. Петровский В.А. Старовойтенко Е.Б. Наука личности: четыре проекта общей персонологии. / Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т.9. №1. 2012. С. 21 – 39.
17. Рикер П. Я - сам как другой. М.: Изд - во гуманитарной литературы. 2008.

- 18.Русский эрос или философия любви в России. М.: Прогресс. 1991.
- 19.Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика. 2002.
- 20.Старовойтенко Е. Б. Культурная психология личности. М.: Академ. проект. 2007.
- 21.Старовойтенко Е. Б. Новая персонология – интегральная наука о личности. / Мир психологии. № 3. 2012. С. 59 – 71.
- 22.Старовойтенко Е. Б. Самопознание и творчество личности в культуре / Психология индивидуальности: новые модели и концепции // Под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М.: Академический проект, 2009. С. 147 – 196.
- 23.Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика. 1993.
- 24.Эстес К. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказках. К.: София. М.: Гелиос.. 2001.
- 25.Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс. 1991.
- 26.Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. К.: Гос. библиотека Украины для юношества. 1996.
- 27.Юнг К.- Г. Красная книга. М.: CASTALIA. 2013.
- 28.Юнг К. Г. Либи́до, его метаморфозы и символы. СПб.: Вост.-Европ. Институт Психоанализа. 1994.
- 29.Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс. 1993.
- 30.Юнг К. Г. Психология и поэтическое творчество. / Самосознание европейской культуры 20 века. Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М.: Политиздат. 1991. С. 103 – 118.
- 31.Юнг К.-Г. Символы трансформации. М.: АСТ. 2008.

МЕТОД КИНО-КЕЙСОВ В ПРЕПОДАВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ ПЕРСОНОЛОГИИ

Статья Исаева А. Н., Старовойтенко Е. Б. Метод кино-кейсов в преподавании современной персонологии // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2016. № 4. С. 177-189.

В современном университетском образовании, ориентированном на познание человека и его потенциалов, особая роль принадлежит изучению **психологии личности**, раскрывающей возможности внешней и внутренней жизни человека, его «Я», его жизненных отношений, самовыражения в мире и воплощенности в других людях. Данная статья посвящена перспективам преподавания психологии личности, развиваемой в формате **«общей персонологии»** (В.А. Петровский, Е.Б. Старовойтенко) как науки, которая в содержаниях обучения, исследованиях и консультативно-психотерапевтических подходах стремится достичь творческого **синтеза** культурно-психологического (герменевтического), фундаментально-теоретического и практического знания о личности (3; 5; 9). В числе способов достижения такого синтеза большое значение имеют **методы** интерпретации и реконструкции, моделирования и экспериментатики, диагностики и развития, рефлексии и анализа индивидуального случая (кейса) и т. д. (10; 5).

Овладение студентами персонологическим знанием предполагает не только передачу классических и новых теоретических знаний и практик, но и активные референции к психологически значимым фактам, представленным в художественной литературе, театре, кино, живописи. При изучении персонологических дисциплин преподаватель стимулирует развивающие культурные идентификации студентов, помогает раскрыть возможности гуманитарных наук в познании личности, обучает приемам

интеграции культурно-герменевтических материалов в теорию личности и консультативную практику, приемам культурной феноменологии, а также приемам теоретически и герменевтически обоснованного самопознания.

Персонология рассматривается как **междисциплинарная** область познания, так как «личность» является сегодня предметом исследований в философских, социальных, гуманитарных, естественных и психологических науках. В распространенном в европейской науке понимании, персонология – это прежде всего гуманитарное знание, сфокусированное на проблеме личности*.

Неотъемлемым элементом обучения является диалогическое освоение и применение технологий **конструирования** нового персонологического знания в ходе теоретико-эмпирических исследований и активного дискурса на лекционных, семинарских, практических занятиях.

Полагаем, что методологическая, теоретическая и прикладная специфика современной персонологии требует применения **инновационных способов обучения**, сфокусированных одновременно на фундаментальной, практической и исследовательской подготовке студентов. Данная подготовка направлена на **проблематизацию** студентами концептуального знания, известных консультативно-психотерапевтических

*Идеи «общей персонологии» пока еще не распространены на Западе, но общая идея персонологии прочно укоренена в европейской культуре и имманентна европейскому интеллекту. В этом году мне довелось участвовать в одной философской школе в Университете Копенгагена, которая собрала участников со всей Европы. В личном общении с участниками приходилось многократно рассказывать, что я веду преподавание и исследования в области персонологии, и пояснять, в чем специфика моего понимания персонологии. Уже с первых слов европейские коллеги выражали понимание и интерес, но ни у кого не возникало ни удивления, ни сомнений в связи со спецификой «московской школы» персонологии. Когда я наконец спросила, неужели их совсем не удивляет идея синтеза гуманитарного знания – культурного, философского, психологического и т.д. – в развитии знания о личности, мне ответили – В целом, персонология – это и есть то, о чем ты говоришь. – (прим. - А.И.)

технологий и культурной феноменологии в области психологии личности.

Проблематизация может осуществляться при освоении научных идей, концепций и методов, при изучении реальных индивидуальных случаев и при творческой интерпретации критических «случаев личности» в искусстве. Ее основой, независимо от характера решаемой задачи, является, на наш взгляд, применение **персонологических моделей** (4; 10), позволяющих студентам, во-первых, понимать «личность» в контексте культуры, во-вторых, научно исследовать ее, в-третьих, по-новому интерпретировать личность, а также продвигаться в рефлексии, благодаря опыту встреч с «личностью» в образовательном процессе.

Наша работа посвящена раскрытию потенциала **метода анализа кино-кейса** в преподавании современной персонологии. Представлены результаты исследования практики многолетнего использования данного метода при освоении студентами дисциплин «Модели персонологии» и «Персонологические исследования и построение консультативных практик» в рамках магистерской программы «Консультативная психология. Персонология», реализуемой в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики».

Прежде всего следует дифференцировать структуру «общей персонологии» и указать на место и роль моделей в ее развитии. **Структуру «общей персонологии»** (5) образуют четыре области знания: теоретическая персонология, культурная (герменевтическая) персонология, практическая персонология и персонология самополагания. В символическом изображении они образуют «пирамиду»: первые три области персонологии являются вершинами ее основания; три грани пирамиды сходятся в ее вершине,

метафорически обозначающей персонологию самополагания. Этот образ выражает идею авторов о том, что развитие каждой области персонологии осуществляется в единстве с другими, в направлении усиления субъекта персонологического познания.

Одной из ведущих форм репрезентации знания в каждой области общей персонологии является **«модель»**. В качестве моделей могут выступать новые системы идей, концептуальные схемы, креативные логики, мыслительные техники, типологии, классификации, замыслы практик, составляющие новые решения или источники постановки проблем познания, самопознания и развития личности. Каждая из моделей выступает «сгущением», концентрацией, синтезом устоявшихся и инновационных идей об определенном аспекте личности из различных областей познания, а также «розыскных» и преобразующих действий по его изучению и изменению (9).

Исследовательская рефлексия становления общей персонологии позволяет говорить, что в его основе лежит **«принцип фрактальности»**. То есть, каждая персонологическая модель имплицитно содержит в себе всю «пирамиду» общей персонологии и укоренена во всех ее сферах. Развернем эту мысль, последовательно переходя от одной области персонологии к другой.

Теория. Во-первых, персонологическая модель имеет прочные теоретические основания, обращаясь к фундаментальному знанию о личности (теоретические модели). Либо она встраивается в контекст теории консультирования и усиливается им, «фокусируя в практику» (5) наиболее мощные и значимые категории, идеи, концепции личности (практические модели). Модель может представлять собой реконструкцию культурно-психологического знания о личности на основе систематизации теоретических и

имплицитных концепций (герменевтические модели). Или же модель операционализирует теоретическое знание в практике самопознания и самополагания личности, включая персонолога (рефлексивные модели).

Практика. Во-вторых, концептуальная персонологическая модель не появляется в отрыве от практики консультирования, самопознания и практики жизни персонолога. Она также ориентирована на практику и должна содержать в себе обобщение практического опыта (теоретические модели). Либо модель соединяет существующие способы аналитики и консультирования личности, направлена на изучение процессуальной специфики отношений между консультантом и клиентом, взаимовлияний консультативного процесса на непосредственных участников и их близких (4) и является результатом опыта консультирования и проницательной интуиции персонолога (практические модели). Модель может представлять собой реконструкцию имплицитных представлений о личности и практик-в-культуре, которые впоследствии легли в основу современных технологий консультирования и психотерапии либо остались нереализованными возможностями (герменевтические модели). Также модель может основываться на идеях и принципах консультативного процесса (обращение к внутреннему Другому как собеседнику, развитие своего внутреннего психотерапевта, внутренний диалог и полилог), но использоваться в самопознании (рефлексивные модели).

Герменевтика. В-третьих, персонологическая модель строится, как правило, в контексте европейской культуры, имеет в своей основе ее базовые ценности – индивидуальную личность, гуманитарное познание, рациональность, включает в себе традиционные европейские паттерны научного мышления

(теоретические модели). Либо она продолжает древнюю европейскую традицию диалога, сопровождения, психотерапии личности, может являться персонологическим осмыслением или реконструкцией помогающей «культурной практики» (практические модели). Модель может быть построена на основе лучших текстов и образов культуры, заключающих в себе знание о личности (герменевтические модели). Или она обращена к закрепленным в культуре паттернам самопознания и «практики себя» (8) (рефлексивные модели).

Самополагание. В-четвертых, персонологическая модель включает в себя приемы осознания автором своих путей исследования личности и саморазвития в теоретической, герменевтической, практической, феноменологической сферах психологии личности (рефлексивные модели). Регулярная авторская рефлексия превращает создаваемые модели в способ проживания, понимания, интерпретации и деятельно-практического построения своей жизни. Укрепляя «связи с жизнью» (7), рефлексия становится для персонолога источником творчества, побудителем к новой проблематизации фундаментального знания, ресурсом в реализации консультативной практики и стимулятором поиска культурных эквивалентов своего опыта – неизвестных феноменов, образов, символов (теоретические, практические, герменевтические модели).

В персонологии развивается идея о том, что теоретически конструируемое и эмпирически подтвержденное психологическое знание должно быть возвращено, как экзистенциально значимое, респонденту, клиенту, обществу. Только в этом случае оно становится подлинно персонологическим (3). Полагаем, что, возвращаясь к множеству личностей, персонологическое знание

может оказать влияние на те области культуры, которые явно или скрыто участвуют в его развитии.

К примеру, персонологические модели З. Фрейда и К. Юнга** оказали значительное влияние на западную культуру – литературу, живопись, кино, массовую культуру. Они проникли в практику абсолютно всех направлений и школ-антагонистов. В частности, феномены «переноса» и «контрпереноса», описанные З. Фрейдом, являются предметом рефлексии и интерпретации сторонников гуманистической психотерапии, транзактных и экзистенциальных аналитиков. А. Маслоу, объясняя основные положения о природе человека, многократно апеллирует к З. Фрейду. «Манифест» гуманистической психологии противопоставляется психоанализу, но излагается в системе фрейдовских координат: сознание и бессознательное, инстинкты, защитные процессы, подавление потребностей как причина невротизации личности (2).

Кроме того, З. Фрейд был первым, кто заговорил об «инструментальном самопознании» личности. До эпохи психоанализа способы обращения к «неизвестному в себе» имплицитно существовали в культуре, и человек мог вглядываться в себя, не имея для этого специальных средств. З. Фрейд предлагает научные средства самопознания и провозглашает их неоспоримую ценность. Психодинамическая модель сообщает каждой личности, что она не знает себя, что ей неведомы истоки ее выборов, поступков, отношений, подлинная природа ее чувств, мотивов, фантазий, сновидений. Но все это может выступить предметом специально выстроенной, интересной и нелегкой **рефлексии**

**Психодинамические модели З. Фрейда и глубинные модели К. Юнга можно в полной мере считать персонологическими моделями, поскольку они представляют собой синтез фундаментального знания, клинической практики, блестящей герменевтики культуры и собственного самопознания.

множества личностей, становящейся не только индивидуальной, но и культурной ценностью.

Таким образом преподавателю персонологии чрезвычайно важно удерживать четыре вектора движения к учащимся и самому себе: векторов теории, практики, культуры, самопознания. Это возможно, если понимать специфику конкретной раскрываемой студентами модели в контексте «пирамиды персонологии», рефлексировать ее место и назначение в структуре персонологии и понимать, как эта модель связана со всеми ее областями.

Далее обратимся к анализу **кино-кейсов**, осуществляемому с целью освоения двух концептуальных моделей, разработанных Е.Б. Старовойтенко: **модели топологии жизни** и **модели хронологии жизни** (10). Обе эти модели построены в русле культурной и теоретической персонологии и представляют собой результат герменевтики, авторского синтеза и нового осмысления идей М.М. Бахтина, М.К. Мамардашвили, М. Хайдеггера, Н.Н. Трубникова, С.Л. Рубинштейна и К.А. Абульхановой, сфокусированных на феноменах и категориях «пространства жизни личности» и «времени жизни личности». Эти модели построены на основе философской мысли XX века, ставшей достоянием европейской культуры, и углубляют теоретико-психологические представления об «индивидуальном хронотопе». Вместе с тем, данные модели применимы в аналитике индивидуальной жизни, в практике психологического консультирования, а также в самопознании учащихся и исследователей. Эти различные назначения моделей (теоретическое, герменевтическое, экзистенциальное, рефлексивное, практическое) реализуются в учебной работе с кино-кейсами.

Освоение модели должно происходить на конкретном киноматериале, при анализе **проблемных** индивидуальных случаев, путем эвристичного самопознания студентов. Полагаем, что достойным учебным материалом являются художественные фильмы, относящиеся к лучшим произведениям киноискусства. Ряд современных авторов отмечает необходимость использования кинокейсов в обучении психиатрии и психологии (F. S. Guimaraes, L. D. Ramos, A. G. de Andrade, J. M. Castaldelli-Maia, H. Bassil-Morozow, G. Gare, J. Whipple, C. Tucker). Во-первых, кино – это эквивалент живой реальности, «остановленной во времени», доступный для развернутой аналитики. Это индивидуальный случай, критически выраженный феномен, данный зрителю в своей фактичности и конкретности. Во-вторых, художественный фильм – это материал культуры, отражающий существующие в культуре способы понимания личности, паттерны диалога и самообращения, способы реализации жизненных отношений. Иногда фильм является мощным всплеском творческой индивидуальности автора и становится событием культуры (фильмы Ф. Феллини, С. Кубрика, Д. Линча), благодаря тому, что содержит пронизательную рефлекссию и тонкую феноменологию человеческой жизни. В-третьих, качественное художественное кино можно рассматривать как воображаемый клиентский случай («представьте, что этот человек приходит к вам на консультацию») и обсуждать стратегии и способы практической работы с личностью.

В подборе и представлении кейсов можно ограничиться одной-двумя сценами фильма, наиболее ярко отражающими проблемность изучаемого аспекта личности, и пояснением их сюжетного контекста. Полагаем, что полный показ фильма делает аналитический материал слишком обширным, и фокус внимания

учащихся размывается. В представленном кейсе, помимо вербально-смысловых содержаний, имеют значение сложность и тонкая детализация изображенной ситуации, наглядная феноменология героя (телесная экспрессия, взгляды, паузы, интонации высказываний), символический и исторический срезы ситуации героя.

Рассмотрим с некоторыми сокращениями две обозначенные персонологические модели и продемонстрируем возможную учебно-исследовательскую работу с ними.

Модель топологии жизни (10) представляет собой систематизацию следующих динамичных, полных событий, взаимосвязанных пространств или «мест» жизни личности, образующих единый жизненный мир личности.

***Пространство телесности:** потенциалы, здоровье, болезни тела; телесная связь с природой; внешний облик, экспрессия, пластика тела; способности тела; внутренне тело и его ощущения; «расширенная» во взглядах и внутренних мирах других людей телесность.*

***Духовное пространство:** идеалы познания и нравственности; высшие каноны культуры; эстетические и религиозные ценности; духовные прозрения, духовное творчество, высокие поступки личности.*

***Культурное пространство:** культурный «бэкграунд» личности; культурная история и традиции; рациональные и эмоциональные содержания культуры; произведения культуры; авторы культуры, культуротворчество и культурные достижения личности.*

***Социальное пространство:** общности, к которым принадлежит личность; социальное окружение; социальные роли и*

статусы личности; значимые Другие; социальная оценка личности; социальные вклады личности; масштаб ее социальной активности.

Пространство деятельности: *традиции и каноны деятельности; виды и способы деятельности; авторитеты в деятельности; совместная и индивидуальная деятельность; перспективы деятельности личности; творческие продукты деятельности.*

Внутреннее пространство: *психические потенциалы личности, формы психической данности внешних пространств во внутреннем мире личности; сознательные содержания душевной жизни; внутренние диалоги личности; рефлексивно-феноменологический план жизни – «пространство Я»; средоточие дериватов бессознательного.*

Трансличностное пространство: *представленность личности в сознании, отношениях, бессознательном Другого; рефлексивная и созидательная работа с Я-в-Другом; воплощенность личности в Другом.*

Пространство влияний и вкладов: *значимые для других результаты и эффекты деятельности, творчества и поступков личности в природной, культурной, социальной, духовной сферах жизни.*

Пространство Высшего: *мир Абсолюта.*

Идея модели заключается в том, что личности по-разному доступны данные пространства, она индивидуально позиционирует себя в них, находит там свои значимости, может конструктивно или деструктивно относиться к различным пространствам, имеет собственные топологические доминанты, с разной активностью осваивает и создает различные пространства, определяет и изменяет границы между ними. Пространства уникально связаны между

собой и образуют индивидуальный мир личности.

Для освоения указанной модели методом анализа кино-кейса мы используем фрагмент фильма Н. Михалкова «Несколько дней из жизни Обломова» (1979). Берется одна из проблемных ситуаций героя: диалог Обломова со Штольцем (00:42 мин. – 00:53 мин.). В ходе анализа кейса необходимо ответить на вопрос: какие пространства активно проживаются, а какие отчуждаются личностью и каковы последствия отчуждения?

Как известно из романа И.А. Гончарова (1), Илья Ильич Обломов был *«лет тридцати двух-трёх от роду, среднего роста, приятной наружности, с тёмно-серыми глазами, но с отсутствием всякой определённой идеи, всякой сосредоточенности в чертах лица»*. Он *«всё лежал, и всё постоянно в одной комнате, <...> служившей ему спальней, кабинетом и приёмной»*. В рассматриваемом эпизоде Обломов парится в бане со своим другом Андреем Ивановичем Штольцем, с которым он провел последние несколько дней, и теперь уговаривает его съездить на званый обед одному, ссылаясь на усталость и нездоровье. Штольц не хочет слушать Обломова, он выбегает на улицу, купается в снегу, а потом хватает охапку снега и бежит к Обломову. Штольц пытается растереть Обломова снегом, а потом, смеясь, пытается обнять его. Обломов сжимается, кричит, вырывается, стонет и в конечном итоге каменеет. Когда Штольц отпускает его, он говорит: *«Я этого не люблю. У меня теперь плечо болеть станет. <...> Я устал, устал, устал. От балов, встреч, знакомств, чаепитий, разговоров, от этой бесконечной беготни взапуски, от пересудов, от сплетен; не нравится мне ваша Петербургская жизнь»*.

В этот момент обнаруживают себя жесткие и болезненные границы телесного пространства Обломова. Это проявляется в его

телесной экспрессии и в характерном тезаурусе: плечо болеть станет – я устал – балы – встречи – чаепития – разговоры – беготня – столичная жизнь. Наиболее проблемным, напряженным и болезненным пространством телесности Обломова становится там, где оно соприкасается с **социальным пространством**, где во взаимодействии с другими появляется так называемая «социальность тела». Обломов защищает от проблем телесного пространства, противопоставляя ему **духовное**: *«Все думают только о том как питаться, что вредно, что полезно, у какого доктора лечиться, на какие воды ездить. Все думают только о том как жить, а зачем – никто не хочет думать. Что есть твоя жизнь, для чего ты в ней нужен или для кого-нибудь?»*. Но ценность смысла жизни, к которой Обломов постоянно апеллирует, является для него эфемерной, «заигранной» бездеятельной рефлексией, не имеющей реальных деятельно-поступковых оснований, то есть бесплотной. Обломов отторгает **культурное пространство** своей жизни, а **пространство деятельности** является для него таким же недоступным и пугающим, как и социальное пространство: *«Делами заниматься и в приемных сидеть не желаю. Равно как и светской вашей жизни не желаю. Ходить и зело любоваться как симметрически рассажены гости. <...> Разве они не мертвецы? Разве не спят они всю жизнь, сидя за картами? А чем я виноватей их, лежа у себя на диване, не заражая головы тройками и валетами?»*. Связи «Я» с пространством телесности преимущественно теневые: «Я» находится во власти тела и его гомеостатических потребностей в сне и пище. Голос Обломова медленный, фразы растянуты, телосложение грузное, пикнического типа. Активность «Я» сосредоточена на защите от жизненных пространств посредством их обесценивания: *«Что это за жизнь.*

*Зачем она? Чему я здесь научусь?» При этом «Я» страдает от недостатка укорененности в теле, в деятельности, в мире других, в культуре: «Однажды я утром проснулся, у меня за окном дерево росло. Может пятьсот лет или больше. Может и тысячу лет проживет, а то и две. И листья на нем каждый год меняются. А сколько их за этот год распустилось, пожелтело, опало, сколько еще распустится и опадет... Но ведь каждый лист, пока он растет, живет одной жизнью с деревом, с его корнями, его ветками. Значит доля этого листа есть в последующих годах, была и в тех прошедших. Как верно и мы, кто бы ни был, раз живем, значит есть смысл какой-то. Я как это подумал – обрадовался, даже заплакал». Связи «Я» с жизнью просты, неприхотливы, поддерживаются по большей части Захаром – слугой Обломова. Соответственно, **пространство влияний и вкладов** для героя отсутствует; он не предполагает никаких собственных вкладов в кого-то или во что-то, не допускает и не рефлексировать влияний других на себя и обесценивает пространство влияний и вкладов Другого. **Трансличностное пространство** вызывает у Обломова тревогу, потому что в нем он становится видимым Другому в своих свойствах и склонностях, и от этого тоже необходима защита. При этом в рассматриваемом эпизоде мы видим, как Обломов представлен в сознании Штольца: «А ты, Илья, кого и чему научить можешь?»; «В тридцать пять не надо выглядеть пятидесяти лет как ты»; «Ты счастливый человек. Другой пусть три университета кончит, спешит за новыми знаниями, а тебе эти страдания неизвестны. Ты вздыхаешь, что не все еще смог забыть».*

Вероятно, «феномен Обломова» – это последствия нарушений развития личности в **пространстве телесности**. Редуцированное телесное «Я» Обломова не способно становиться субъектом

действия или деятельности, вступать в длительные и полноценные отношения с другими, не является устойчивым участником диалога и совместного действия, боится быть увиденным, рассмотренным другими людьми, но также предпочитает сам не смотреть на себя.

Герменевтика данного случая расширяет эмпирическое знание в области психологии телесности и соответствующих нарушений в этой сфере. Если представить этот случай как клиентский, то «ловушкой» для консультанта могут быть полеты интуиции клиента в рассуждения о «смысле жизни», «подлинных ценностях», «падении общества». Полагаем, что сверх-задачей терапии данного случая может быть развитие диалогичного «воплощенного Я», которое имеет опоры в «других» и лишено тревоги перед их и собственными жизненными мирами. Лабораторией для этого становятся сами терапевтические отношения, в построении которых можно использовать «Модель возможностей «Я» в диалоге с Другим» (6) и «Трехмерную модель отношения Я – Другой» (10). В консультировании этого случая студенты могут обратиться к мультипрофильной практике (4): применить телесные практики из гештальт-терапии, экзистенциального анализа и экспрессивной психотерапии, практики аутентичного движения. Вероятно, в работе с жесткими и болезненными границами между телесным и другими пространствами возможны приемы процессуальной психотерапии.

Далее кратко изложим основные идеи **модели хронологии жизни** (10).

- *Время является отчужденным началом для человека до тех пор, пока он не понимает своих подлинных связей с миром и не открывает в себе способность «временить».*
- *Человек открывает себя как «временной объект» и как «субъекта» временных событий жизни. Объективное время, в*

отношении к которому человек может выступать субъектом, - это время физическое, биологическое, социальное, культурное, духовное и психологическое.

- *Время человеческой жизни может быть умножено и расширено душевной **активностью** человека.*
- *Человек постепенно постигает разделение времени на субъективное и объективное, открывает и осваивает **временные характеристики** объектов. К ним относятся: длительность и протяженность, непрерывность и фрагментарность, последовательность и одновременность, временная локализация, ритмичность, временная близость и удаленность, скорость, равномерность и неравномерность, временная относительность, синхронность.*
- *В актах самосознания человек разотождествляется с собой во времени, отделяет себя-настоящего от себя-прошлого, предчувствует влияния своего настоящего состояния на эффективность будущего. В этих разрывах непрерывности появляется «**внутреннее время**» личности.*
- *Во взаимодействии внутреннего и внешнего времени человеческая жизнь в разных пространствах приобретает следующие **временные качества**: наполненная или опустошенная, интенсивная или отложенная, напряженная или бессильная, непрерывная или разорванная, обратимая или необратимая, монотонная или разнообразная, быстрая или медленная, становящаяся или застойная, целостная или фрагментарная, конечная или вечная.*
- *Трехмерность времени в зависимости от ведущих временных объектов, проживается личностью в следующих **субъективных модусах**: прошлое-настоящее-будущее, прошедшее-длящееся-*

наступающее, уходящее-происходящее-приближающееся, ушедшее-актуальное-перспективное, утраченное-наличное-возможное, осуществившееся-существующее-предстоящее, удаленное-близкое-отдаленное, раньше-сейчас-позже, вчера-сегодня-завтра, тогда-теперь-скоро и т. д.

- *Связь человека со временем реализуется посредством различных **психических функций**. Душевная активность порождает ощущения, образы, символы, идеи времени, иногда – формы парадоксального проживания времени.*
- *Движение человека во времени означает его активность в тех или иных пространствах жизни. Временная динамика жизненных пространств личности представляет собой индивидуальный **хронотоп** жизни.*
- *В индивидуально порождаемых **символах и метафорах** времени заключены «отклонения» времени событий: «сгущение» событий, «остановка» времени, «сжатие» времени в «миг», переживание времени жизни как «объемлющее вечность», и т.д.*
- *Время бытия личности может быть **продлено** после ее смерти посредством ее влияний и вкладов в других людей и в культуру.*

В качестве кино-кейса для освоения данной модели мы выбрали фильм «День сурка» (Г. Рамис, 1993). Будем опираться на два фрагмента фильма: 00:07мин. – 00:18мин. и 01:15мин. – 01:38мин., в которых отражены самый первый и последние дни главного героя в Панкратони, вскрывающие его ключевую жизненную проблему и найденный им способ ее решения. Согласно сюжету фильма, главный герой (Фил) является ведущим прогноза погоды на девятом ТВ канале. Он приезжает со своими коллегами в Панкратони, чтобы на следующий день, 2 февраля снимать репортаж о ежегодном праздновании «Дня сурка». Согласно обычаю, в этот день сурок

выходит из норы, и, если он видит свою тень, то зима будет поздней и продлится еще шесть недель. Герои делают репортаж, но к вечеру не могут выехать из города из-за надвигающейся непогоды. Вечером Фил ложится спать в арендованном номере. Утром он просыпается и понимает, что снова наступило 2 февраля. Так продолжается бесконечно долго (в интервью авторы фильма указывают разное время – от 8 до 35 лет). В этот повторяющийся день он проходит множество душевных испытаний, нарушает закон, использует и манипулирует другими, затем влюбляется в свою коллегу, осваивает различные виды деятельности и хобби, начинает помогать другим и, наконец, просыпается 3 февраля. Основной вопрос в анализе кейса – какой вызов обращен к личности посредством этой «остановки» объективного времени.

Утром первого дня Фил выходит из номера и встречает жизнерадостного человека на лестнице, который спрашивает у него ранняя ли будет весна. Фил избегает диалога и бежит вниз по лестнице. В ресторане отеля он встречает администратора, которая спрашивает у него, хорошо ли он спал. Фил отвечает: *«Я спал один, миссис Ланкастер»*, а затем спрашивает: *«Естественно, здесь невозможно попить эспрессо или капучино сегодня утром?»*, но быстро находит что-то в термосе на столе. Женщина теряется и пытается построить диалог, спрашивает его о надвигающейся снежной буре. Фил ерничает и кривляется, изображая прогноз погоды, уходя он говорит ей: *«И Вы на самом деле хотели поговорить о погоде, или так просто поболтать?»*. На улице Фил проходит мимо бездомного, бездумно похлопывая себя по карманам. Встречает своего бывшего одноклассника Нэда Райерсона, который назойливо идет за ним и навязывает ему свои услуги страхового агента, а потом смеется и издевается, когда Фил проваливается в

лужу со слякотью. На празднике Фил с брезгливым видом протискивается через толпу радостных людей. Он встречается со своими коллегами и снимает репортаж, за кадром отпуская сальности в адрес своей коллеги Риты. После праздника съемочная группа пытается уехать из города, но надвигающаяся снежная буря не дает им это сделать. Вечером Фил сидит в баре отеля, к нему приходят Рита и Ларри, спрашивают не хочет ли он поужинать. Фил сообщает, что съел сурка на обед, говорит что-то обидное Ларри и в итоге отказывается составить им компанию. Он возвращается в номер, обнаруживает что нет горячей воды и ложится спать. В этом эпизоде, отражающем жизнь и стили взаимодействий главного героя, Фил ни разу не вступает в диалог с Другим. Он обесценивает чувства других, иронизирует, обижает, издевается, отказывается или ускользает от диалога. Он не соблюдает границ – нарушает границы других и не может защитить свои собственные. Если применить модель генеза жизненных отношений Е.Б. Старовойтенко (10), то можно увидеть, что взаимодействия героя с другими оказываются разрушительными для них, но Фил не видит, как он представлен в других и как он на них влияет. Другие также не «живут» в нем, не имеют своего внутреннего «эквивалента» в душевной жизни Фила.

Герой приезжает в Панксатони только для того, чтобы поскорее из него уехать. Остаток дня после попытки отъезда проходит пустым, и Фил торопится скорее лечь спать. В первом эпизоде мы видим, что Фил не испытывает никакой радости ни от взаимодействия со своими спутниками, ни от дружелюбия и благожелательности окружающих людей, ни от собственной работы. Придя на праздник, он проявляет только брезгливость (чувство, метящее отчуждение). Все это свидетельствует о том, что Фил не понимает и не чувствует скудности своих связей с миром. Герой не останавливается, не

наблюдает, не впечатляется – не переживает чувств и не порождает идей, соединяющих его с реальностью. То есть, его сознание не имеет отчетливых временных объектов кроме объекта «этот день»; Фил не **временит**, изменяясь и чувствуя эти изменения, не присоединяется к коллективному **временному событию** (праздник), не **рефлексирует** себя во времени и не является **субъектом** времени жизни.

Во втором эпизоде, где представлены последние дни героя в Панксатони, Фил вскакивает с кровати и спешит на улицу. По дороге на праздник он отдает весь свой кэш бездомному. Фил приходит на праздник с кофе и пирожными для Риты и Ларри. Пробираясь через толпу он больше не выглядит отчужденным. Герой сообщает своим коллегам, что якобы говорил с барабанщиком оркестра, и тот подсказал ему лучший ракурс для съемки репортажа. Он спрашивает оператора: *«Что ты думаешь, Ларри?»*, помогает ему донести камеру: *«Слушай, Ларри, мы никогда не разговаривали»*. Фил находит репетитора и начинает учиться игре на фортепиано. Он учится создавать ледяные фигуры, и ему важно, чтобы они нравились другим. Он выстраивает отношения к веселому мужчине на лестнице и администратору в ресторане отеля. Он демонстрирует им ту их представленность в себе, которая им самим очень нравится, и сам он получает удовольствие, запечатляясь в них лучшим образом. Герой умело обращается со своими границами и не позволяет бывшему однокласснику вторгаться в них, хотя и покупает у него страховку на все случаи жизни. Он становится **субъектом своего времени** и начинает **порождать временные события** для множества других: спасает людей от неприятностей и несчастных случаев, оказываясь **вовремя** в нужных местах. Изо дня в день Фил спасает бездомного старика, но каждый раз тот умирает,

и герой очень расстраивается. Утренний репортаж превращается для Фила в возможность произнести речь, затрагивающую множество других людей и, в частности, Риту, в которую он давно влюблен. Фил ставит внутреннюю задачу отражаться в любимом Другом, рефлексировать свое отражение и получает от этого удовольствие. Однажды он позволяет Рите увидеть свое превосходное отражение во множестве других и этим влюбляет ее в себя.

В фильме присутствует специфический **символ времени** – «сурок». В данном случае сон сурка выступает метафорой спящего сознания. Вероятно, связи Фила со временем жизни редуцированы настолько, что его ведущим **временным модусом** является «вчера – сегодня – завтра». Бесконечное повторение становится символом потери прошлого (оно однообразно), настоящего (в нем нет новизны) и будущего (его нет), т.е. символом смерти. Когда Фил понимает, что время потеряло свое базовое свойство – **необратимость** – он пытается это использовать, манипулируя временными объектами, которые перестали быть таковыми (люди, деньги, собственная жизнь), но это быстро надоедает ему. Постепенно Фил обнаруживает себя в качестве единственного временного объекта. Если время обратимо, но необратимы его творческие умения и чувства к другим людям – он сам оказывается необратим. Тогда герой начинает воссоздавать **трехмерность времени** в разных модусах. В модусе «раньше-сейчас-позже» рефлексировается «Я сам» героя, в модусе «утраченное-наличное-возможное» осуществляется бесконечное спасение и помощь окружающим, модус «осуществившееся-существующее-предстоящее» появляется в жизни Фила благодаря освоению творческих навыков.

Жизнь Фила становится интенсивной, напряженной и изменчивой.

Фактически, он занимается созданием индивидуального хронотопа, будучи активным в различных жизненных пространствах в нужное, **уместное время**. Он использует время для развития и усиления «Я», для поиска возможностей «Я» **быть** для-других и для-себя (б), раскрывая бесконечные потенциалы одного единственного дня. В итоге он находит главную и основную возможность Я – любить и относиться. Фил смиряется с тем, что никогда не будет иметь устойчивый отпечаток своего «Я» в Другом, любовь становится чистой потенцией Я, его проектом и главной ценностью. И потому в конечном итоге Фил перестает бороться со 2-м февраля и сдается: *«Не знаю, что там произойдет завтра, сейчас мне наплевать, я счастлив»*. Он открывает для себя «здесь-и-сейчас», соединяется с настоящим моментом жизни и проживает его вместе с Ритой в абсолютном счастье. Когда герой становится подлинным субъектом времени жизни, в полной мере переживает свою **сопричастность времени** и начинает чувствовать **временную перспективу**, зависящую от него самого, ход времени оживает, и оно вновь становится необратимым.

Анализ кино-кейса раскрывает для студентов потенциалы модели хронологии жизни и наполняет феномен психологического времени индивидуальными смыслами и содержаниями жизни киногероев, что побуждает студентов совершать рефлексивные обращения к используемой модели, находя в себе новые временные потенциалы. Запускать персонологическое самопознание могут активные идентификации студентов с героем в процессе анализа случая.

Следует отметить культурно-персонологическое значение данного фильма. Полагаем, что автор фильма эксплицирует распространенную, переживаемую многими проблему рутины, скуки и однообразия жизни. Метафора «дня сурка» появляется с

этим фильмом и закрепляется в культуре, означивая конкретные переживания личности – «в жизни ничего не происходит», «все дни похожи друг на друга», «каждый день одно и то же», «у меня ничего не изменится».

В учебно-консультативной практике студенты могут апробировать приемы разрешения проблемы, которые имплицитно содержатся в фильме. Можно выделить три таких приема. Во-первых, если все бесконечно повторяется и не меняется день ото дня, на это можно посмотреть как на **опору**. На устойчивую неизменность жизни можно опереться, чтобы обрести время для поиска и реализации своих «спящих» жизненных возможностей – «если все повторяется, то в определенные моменты я смогу делать то, что по-настоящему хочется». Проживание «повторений» как опоры содержит потенциалы пробуждения субъектного начала личности. Во-вторых, принятие однообразия жизни, расслабление во времени, **созерцание времени** способно раздвинуть границы фактичности происходящего, открыть ресурсы актуального времени и дать место новым событиям. Этот прием имеет смысл тогда, когда личность борется со временем, пытается преодолеть или манипулировать временем, и происходящее с ней скорее похоже на защиту от «вторичного процесса» (А. Минделл). В-третьих, время, отведенное и используемое для соединения со значимостями жизни, может открыть человеку **себя** самого в качестве **временного объекта**. В консультативном процессе можно фасилитировать эту рефлекссию – «моя жизнь «остановилась», но я могу почувствовать, что сегодня я не такой, как вчера».

В заключение наметим основные **принципы использования метода кино-кейсов** в обучении персонологии, которые выработаны в совместной работе с несколькими поколениями

студентов в течение 10 лет.***

- Анализ индивидуального случая или «случая личности» с помощью концептуальной модели предполагает поиск в киноматериалах конкретных личностных феноменов и их психологическое обозначение.
- Необходимо, чтобы анализ (герменевтика) кейса был сосредоточен на проблемном жизненном положении героя, которое может быть исследовано и осмыслено с точки зрения его конструктивного решения посредством выбранной для освоения модели.
- Важно не ускользать к воображаемой «реальности» героя (например, было ли тяжелое детство у героя или как он проведет остаток жизни), а работать с намеченной в фильме историей и фактичностью киногероя.
- Кейс не должен иллюстрировать «правильность» осваиваемой модели. Задача его анализа – применяя модель, найти то неизвестное в феномене, что может стать решением проблемы героя на уровне высокой психологической и экзистенциальной конструктивности.
- Работая с определенной моделью, можно, дополняя и углубляя ее, обращаться к любым школам и подходам в психологии личности, делая модель более инструментальной в отношении конкретному случаю.
- Используя модель при герменевтике индивидуального случая, представленного в фильме, важно ставить и решать следующие

***Особую благодарность за активное освоение и развитие данного метода выражаем студентам-выпускникам магистерской программы «Персонология и экзистенциальная психотерапия» 2015 г.

вопросы: как можно соотнести при интерпретации различные персонологические модели? как при их применении реализуются потенциалы классических теоретических и консультативно-психотерапевтических подходов к личности? каковы возможности и ограничения осваиваемой модели?

- В некоторых случаях можно использовать прием воображаемого превращения кейса в клиентский случай и пробовать обсуждать способы релевантной консультативной работы.
- Иногда необходимо делать рефлексивные остановки в работе и формулировать вопросы, касающиеся героя, как вопросы для самопознания студентов.
- В процессе герменевтики кино-кейса осуществляется раскрытие культурных потенциалов фильма: какие ценности транслируются героем в мир, какие приемы самопреобразования, имеющие культурную значимость, он использует, каких важных для культуры результатов саморазвития он достигает и т.д.
- В анализе кейсов может проблематизироваться фундаментальная теория: обнаруживаются новые, требующие научного осмысления феномены, ставятся под вопросы известные психологические закономерности, рождаются новые исследовательские задачи (например, на одном из занятий встал вопрос о том, как связаны тип адаптации личности по П. Вару и специфика ее жизненных пространств).
- Помимо «реалистичного» кино можно использовать кейсы из области психологичной фантастики, где личностные феномены представлены мощными символами и образами («Хроники Нарнии», «Гарри Поттер», «Загадочная история Бенджамина Баттона»). Фантастические фильмы могут быть исключительно феноменологичны в репрезентации мира переживаний и

внутренних событий личности («Фонтан», «Зеркальная маска», «Начало», «Клетка»), могут содержать метафоры личности в актуальных культурных и социальных процессах («Куб», «Экзамен», «Матрица», «Город Эмбер», «Шоу Трумана»). Некоторые «фильмы ужасов» могут демонстрировать достаточно тонкую феноменологию психических расстройств («Готика»).

- За годы работы с кино-кейсами мы сформировали «банк» фильмов, ценных для «герменевтики личности», осуществляемой посредством персонологических моделей (10). Например, модели влияний и вкладов личности в отношении Я – Другой релевантны фильмы «Умница Уилл Хантинг», «П.С. Я люблю тебя», «Запах женщины», «Пролетая над гнездом кукушки», «Целитель Адамс», «Амели», «Заплати другому». Модели генеза отношения и «не-отношения» личности – фильмы «Влюбись в меня, если осмелишься», некоторые эпизоды фильма «Город женщин». Модели архитектоники жизненных отношений личности релевантны фильмы «Клиника», «Невероятная жизнь Уолтера Митти», «Скафандр и бабочка», «Жизнь Пи», «Форрест Гамп», «Пока не сыграл в ящик», «Билли Эллиот». Модели топологии жизни и ее нарушений – фильмы «Авиатор», «Лучше не бывает», «Остров проклятых», «Любит-не любит» (2002), «Исчезнувшая», «Под песком», «Парфюмер». Модели маскулинности-фемининности личности релевантны фильмы «Орландо», «Железная леди». Модели связей личностью с жизнью – фильмы «Черный лебедь», «Репетиция оркестра», «Бойцовский клуб» и др.

Кино является живым материалом культуры. Используя его в обучении персонологии, мы открываем новые перспективы проблематизации фундаментальной теории, раскрываем

гуманитарные потенциалы культуры, эксплицируем приемы и практики помощи личности, находим множественные объекты для ресурсных идентификаций, узнаем себя и о себе, развиваем область психологии личности, названную **культурной персонологией** (4;10). Использование кино-кейсов в учебном процессе позволяет реализовать четырех-векторность (теория, культура, практика, Я-сам) и диалогичность обучения персонологии. Обучение становится порождающим идеи, умение вести научный поиск, а также новый опыт диалога студентов и преподавателей.

Литература:

1. Гончаров И.А. Обломов. 1859. Интернет-источник: http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_0020.shtml
2. Маслоу А. На подступах к психологии бытия. М.: Рефл-бук – К.: Ваклер. 1997.
3. Петровский В. А. Общая персонология: наука личности // Известия самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии». Самарский регион. 2003.
4. Петровский В.А. «Я» в персонологической перспективе. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. 2013.
5. Петровский В.А., Старовойтенко Е.Б. Наука личности: четыре проекта общей персонологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 21-39.
6. Старовойтенко Е. Б. Возможности Я в диалоге с Другим // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2013. Т. 76. № 4. С. 189-203.
7. Старовойтенко Е. Б. Парадигма жизни в персонологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2010. Т.7. № 1. С. 26-41.

8. Старовойтенко Е. Б. Отношение к себе: от культурогенеза к индивидуальному развитию // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 8. № 4. С. 3-28.
9. Старовойтенко Е.Б. Новая персонология – интегральная наука о личности // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2012. Т. 71. № 3. С. 59-71.
10. Старовойтенко Е.Б. Персонология: жизнь личности в культуре. М.: Академический проект. 2015.
11. Bassil-Morozow, H. Analytical psychology and cinema. // *The Journal of Analytical Psychology*. 2015. Vol. 60. Iss. 1. P. 132 – 136.
12. Cape, G. Movies as a vehicle to teach addiction medicine. // *International Review of Psychiatry*. 2009. 21(3). P. 213–217.
13. Guimarães, F.S., Ramos, L.D., de Andrade, A.G. & Castaldelli-Maia, J.M. Dimensional classification for DSM-5 personality disorders in “Rachel getting married” (2009): a media content analysis with teaching purposes. // *International Journal of Culture and Mental Health*. 2016. 9 (3). P. 239-246. Link: <http://dx.doi.org/10.1080/17542863.2016.1171367>
14. Whipple, J., Tucker, C. Using cinema and literature to explore existentialism. // *The Journal of Creativity in Mental Health*. 2012. Vol. 7. Iss. 1. P. 95-106.

3. ПОТЕНЦИАЛЫ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ С ПОЗИЦИЙ ПЕРСОНОЛОГИИ ЖИЗНИ И КУЛЬТУРЫ

СОЗНАТЕЛЬНО-БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ИЗМЕРЕНИИ «ВОЗМОЖНОСТЕЙ»

Статья Старовойтенко Е. Б. Сознательно-бессознательные представления личности в измерении «возможностей» // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2016. Т. 86. № 2. С. 123-137.

В числе задач современных исследований личности, ориентированных на прорывы в науке и практике, особой актуальностью обладает систематизация **возможностей** индивидуальной жизни, заключенных в разных типах психической активности, протекающей на **сознательном** и **бессознательном** уровнях. Полагаем, что при обращении «личностного взгляда» на эмоциональную, образную или мыслительную активность человека каждая из них может раскрыться в богатстве потенциалов, востребованных сегодня культурой и социумом.

В данной статье акцентируются возможности индивидуальной жизни, связанные со способностью личности к порождению и воссозданию **представлений** как эффектов многоплановой образной активности. Различаются три основные уровни жизненного генерирования и существования представлений: бессознательный, предполагающий отсутствие личностного соотнесения представления с собой; сознательный, основанный на личностном отнесении представления к себе; рефлексивный, связанный с личностным развитием Я в качестве источника, автора, выразителя представления. **Цель** исследования, освещенного в статье, – феноменологическая, теоретико-психологическая, герменевтическая экспликация и синтез знаний о представлениях, возникающих в потоке сознательно-бессознательной жизни и составляющих обширный спектр возможностей личности в репрезентации, освоении, преобразовании мира и себя. **Концептуальным основанием** исследования выступили релевантные для современной психологии личности идеи М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, Г. Башляра,

М. Мерло-Понти, К. Ясперса, З. Фрейда, К.Г. Юнга, а также литературные описания критических индивидуальных «случаев представлений». Разработана модель **образных возможностей личности**, имеющая отношение к изучению, феноменологии, а также практике осознания и саморазвития форм, процессов и эффектов образной активности.

1. Феноменология представлений

Для обоснования возможностей образной активности сначала воспользуемся феноменологическим приемом различения представлений, предложенным Ж.-П. Сартром (14).

Первый феномен, относящийся к представлениям, возникает при внезапном осознанном вспоминании единичных предметов, событий, ситуаций, бывших в недавнем прошлом объектами восприятия. Например, актуализация образа только что прошедшего мимо человека, чем-то заинтересовавшего личность. Второй феномен рождается при направленном воссоздании в сознании конкретного объекта, расширенного и обобщенного в опыте многих встреч и взаимодействий с ним. Например, личность вновь и вновь возвращается к образу далеко живущего друга, который и изменчив, и постоянен для нее. Третий феномен не связан с конкретным предметом; он является сознательной или рефлексивной образной репрезентацией идеи об общих свойствах и типичной внешности сходных объектов, образующих определенную категорию. Так личность обладает внутренним видением «цветущего дерева», «осеннего пейзажа», «столичного города», «дикого животного» и пр. Четвертый феномен связан с мифом, легендой, сказкой. Его происхождение таинственно: из осознанного, реального и возможного силой бессознательного действия порождается нечто, не существующее в обычном предметном опыте, но открывающее личности скрытые свойства реальности. Это образы-символы, примером которых является «кентавр», указывающий сознанию путь к постижению многих противоположностей человеческого существа. Пятый феномен заключается в рефлексивном

восстановлении целостного образа предмета при условии существенных выпадений элементов и связей в воспринимаемой ситуации. Личность решает задачу авторской реконструкции объекта с возможными творческими привнесениями в него. Так едва промелькнувший за окном поезда красивый ландшафт побуждает художника внутренне достроить его «для себя», во множестве возможных деталей. Шестой феномен составляют сновидения, отличающиеся бессознательностью, отсутствием прямых источников в реальном жизненном мире личности, символичностью, самопроизвольностью глубинных преобразований индивидуального опыта проживания. Седьмой феномен выступает эффектом внутреннего творения будущей реальности в свободной динамике сознания, рефлексии и бессознательного: замыслов «изображений невозможного», наглядных моделей уникальных, никогда не бывших вещей, картин новых игр, неординарных действий, образов индивидуальных стилей жизни. Творчество и жизнь Сальвадора Дали является полным выражением данного феномена. Восьмой феномен - впечатления, рождающиеся при измененных состояниях сознания: при наркотических отравлениях, острых психозах, сильном переутомлении. Это своеобразные «внутренние галлюцинации», яркие видения конкретных объектов или ситуаций, приходящие с разных глубин запечатления прошлого, неузнаваемо преобразованные, развертывающиеся вне всяких реалистичных связей. При определенных условиях эти образные феномены личности могут стать объектами направленного воспоминания и изображения.

Феномены представлений являются элементами единой психической жизни, могут заключать в себе моменты образного сознания, самосознания-в-образах и образного бессознательного.

2. Общие свойства представлений

Все перечисленные феномены, относящиеся в основном к **визуальному** регистру образов представлений, несмотря на их множественность, разнообразие и различное участие сознания и

бессознательного, обладают рядом общих свойств (9; 10; 14; 20; 24). Эти свойства могут быть **психологически** определены следующим образом.

Представление:

- определяется опытом и генезом ощущений и восприятия;
- производится «видящим телом», которое находится во взаимодействии с другими телами, являясь для них «видимым телом»;
- становится репрезентацией вещей, вовлеченных в телесные действия личности, разделенные с другими людьми;
- возникает вследствие того, что во взаимодействии с рассматриваемым объектом личность улавливает его встречную активность или «существование для субъекта»;
- выступает частью объемного внутри-предметного мира личности;
- является субъективным по происхождению, обращено к самости, Я и лишь опосредованно - к внешнему миру;
- рождается в динамике бессознательной, сознательной и рефлексивной жизни;
- явно или неявно включает в свою структуру и содержание Я-представляющего;
- возникает в отсутствие прямого чувственного контакта с объектом, хотя в тенденции стремится к предметному воплощению;
- выступает «превращенной» чувственностью;
- принадлежит ментальному пространству и внутреннему времени;
- репрезентирует реальный объект с некоторой расплывчатостью и неполнотой, с изменениями деталей, цветности, формы, величины, с привнесением новых качеств, с выявлением значимого в объекте;
- часто является неустойчивым, легко рассеивающимся, каждый раз воссоздается заново, обладает активным самодвижением;
- изменяется в связи с внешними и внутренними метаморфозами объектов и предметных ситуаций;

- может быть вызвано внутренне направленными усилиями Я, изменено и преобразовано им, создано как нечто субъективно новое;
- во временной ориентации направлено в основном на близкое и давнее прошлое, а также на наступающее и отдаленное будущее;
- связано с мышлением, интеллектуализировано, осмыслено Я, выступает масштабным «мыслеобразом»;
- проникнуто желаниями и эмоциональным отношением личности, имеет разнообразный побудительный подтекст и аффективный шлейф, собравший следы переживаний от действительных и воображаемых встреч с объектом, впитывает напряженные ожидания будущих событий;
- может быть воплощено в творении, обладающем эстетической ценностью «под взглядом другого».

3. Формы сознательно-бессознательных представлений и их возможности

Феноменология и психологическое определение представлений указывает на множественность их **форм**, демонстрирующих в **эффектах** образной активности различные варианты развития и выраженности свойств образов. На основе интерпретации философско-психологических текстов, раскрывающих специфику представлений (2; 9; 10; 14; 17; 18; 19; 23; 24), предлагаем систему **признаков**, которые позволяют различить данные формы и выявить разносторонние возможности образов в индивидуальной жизни.

- Существование конкретных источников, аналогов в сфере восприятия.
- Близость к образам восприятия.
- Отнесенность к прошлому опыту, к эффектам и глубине мнемических влияний и преобразований.
- Уровень мыслительной обобщенности и абстрактности.
- Обладание символическим смыслом.
- Богатство и структурность предметных содержаний образа.
- Вес сознания в порождении образа.

- Эффекты рефлексии в содержании образа.
- Участие в создании образа Я;
- Значение бессознательного в представлении.
- Соотношение объективности и субъективных влияний на образ.
- богатство образных действий в порождении образа;
- Творческая позиция субъекта в генерировании представления.
- Соотношение в образных содержаниях бывшего – небывшего, возможного – невозможного, вымышленного – реального.
- Влияние образа на прошлую, настоящую или будущую жизнь.
- Соотношение тенденций к устойчивости образной структуры и к ее изменениям под влиянием времени, ситуаций, смысловых переакцентировок личности.
- Отнесенность к нормальным или аномальным психическим явлениям.
- Тип источника представления: предмет, предметное действие, изображение, речь, образ, мысль, чувство.
- Способ воплощения представления: вещь, изображение, текст, телесная экспрессия, тело, действие, поступок, различные аспекты «Я» личности.
- Личностная адресация представления себе или трансляция другим.

В направленном сознательно-рефлексивном проживании различия форм представлений даны личности достаточно отчетливо. Однако, в потоке жизни представления разных видов с заключенными в них специфическими возможностями трудно делимы и непрерывно переходят друг в друга.

Представления-репродукции. Имеют конкретные перцептивные аналоги; относительно полно, осознанно и внесознательно воссоздают качества предметного оригинала и адресуются в его реальное пространственно-временное место. Могут утрачивать отдельные доступные восприятию детали, однако удерживают инварианты, дающие им возможность выступать образами-эталоном для опознания, познания, использования, реконструкции

объектов мира. Во множестве случаев эти образы актуализируются подсознательно. Может репродуцироваться не только бывшее в перцептивном опыте личности, но и созданное ее фантазией и воображением. Ценной возможностью данных представлений является обеспечение устойчивости образа Я-телесного.

Представления-схемы. Они существуют как осознанные образные аналоги идей или абстрактных понятий о предметах и предметных отношениях. Воссоздают общие перцептивные контуры и ключевые элементы предметных структур и структурных связей. В процессе познания обладают потенциалами «визуального мышления» (2). Актуализируются в контексте быстрых бессознательных ментальных действий, но могут и сознательно строиться субъектом в ходе конкретизации, моделирования, иллюстрирования идей. Они относительно устойчивы, интеллектуально емки и являются возможностью для мышления протекать в модусе наглядности и построения моделей практического освоения реальности.

Воображение и фантазия. Их существование демонстрирует мощь образной генеративности сознания и бессознательного, указывает на возможность включения во внутренний мир тех элементов, которые не характерны для обычного порядка индивидуальной жизни. Они выделяются среди других образных явлений своей живостью, детальностью, мотивационной и эмоциональной насыщенностью, тенденцией к осмысленной, одновременной или последовательной, актуализации «картины объекта». Их отличает такая высокая активность проживания субъектом, что состояние представления становится впечатлением, существенным жизненным событием с потенциалом относительного высвобождения личности от действительности ради обновления связей с ней.

Феномены воображения обладают потенциалами реалистичных, сознательных, устойчивых, понятных и принятых другими воплощений и преобразований в вещной, социальной, культурной

среде, причем эти «образные вклады» могут обусловить и подчеркнуть высокий авторский статус субъекта воображения. Активность воображения направляется и на самого субъекта, его Я в целях самоизменения и саморазвития. В этом случае осуществляется возможность построения образа Я посредством активности воображения, направленного на Другого, отразившего в себе субъекта. Воображение заинтересовано не только в своих воплощениях, но и в развоплощениях образных содержаний, оставленных в предметах другими людьми. В последнем случае оно реализует возможность найти в вещах необычность черт, ищет фантазийные следы, оставленные в них их создателями, в частности, одухотворяет произведения искусства (2; 9; 14). Рефлексия личностью процессов и эффектов своего воображения раскрывает их ценность и способствует их преломлению в деятельности и творчестве других людей. Сознательное воображение одновременно потенцирует бытие-для-Я и бытие-для-других.

В фантазии личность достигает таких состояний, которые обладают возможностью бессознательно защитить ее от тягот обыденной жизни, помочь творчески осмыслить себя, внутренне отреагировать на свои желания, подавляемые окружением, сохранять высокие сознательные ожидания к своему будущему, открывать в своей жизненной ситуации, какой бы скромной она ни была, соответствие субъективным идеальным образцам. Фантазия в ее интимности ориентирована преимущественно на Я, протекает в модусах «неосуществимого», «тайного», «желаемого недоступного», «манящей другой жизни». Фантазийные образы имеют архетипические источники, сплетаются в мифологические сюжеты, наполняют картины индивидуальной жизни темами, укорененными в коллективном бессознательном. Осознанные фантазии означают возможности личности найти соответствия своего жизненного пути сказочным, легендарным, героическим событиям, обосновать сродство Я символическим персонажам, подтвердить существование у себя исключительных сил, дарований, мистических способностей,

высших достоинств, своей принадлежности к среде избранных, воссоздать картину «Я» посредством «других», как множественных героев изобразительного искусства, литературы, поэзии. Фантазии могут творить динамичный, тонко и сложно устроенный образно-смысловой мир, рефлексивно отличаемый субъектом от мира реалистичных представлений. В этом случае фантазия имеет возможность плодотворно питать, порождать, изменять модели и замыслы собственной жизни личности.

Различение воображения и фантазии при индивидуальном анализе образной жизни всегда будет носить условный, абстрактный характер в связи с их взаимопереходами и взаимопорождением в общем процессе преобразующего отношения субъекта к себе и действительности. В данном процессе внешняя направленность творческого воображения неизменно становится направленностью субъекта на самого себя, на новое видение и переоценку Я, на присвоение себе новых ролей, на поиск состояний, сопряженных с неординарными успехом и удачей, то есть воображение становится проницаемо для фантазии. Образная изобретательность выступает важнейшим потенциалом в творческой деятельности личности, а также в создании нарративов и изображений, посвященных Я.

Образы-символы. Это разновидность коллективного и индивидуального воображения / фантазии с активным присутствием сознательной различающей, сравнивающей, отождествляющей, противопоставляющей и производящей синтез мысли. За явным содержанием образа стоит идея о сложной, во многом неизвестной, далекой от представляемого объекта, существующей или пока только мыслимой реальности. Множество образов-символов личность находит и осваивает в мире культуры, постигая их универсальность и богатство возможностей персональных интерпретаций. Образы-символы вследствие их скрытого смысла заключают потенциал длительной рациональной и иррациональной проблематизации личности, побуждающей ее к поисковой деятельности в области искусства, литературы, гуманитарных наук.

Образы-символы обладают возможностью влиять на различные культуры, бессознательную и сознательную жизнь личностей и в этом могут быть сравнимы только с научными и философскими идеями. Эти образы рождаются в интуитивном творчестве, транслируются и распространяются через сказки, мифы, религиозные и магические ритуалы, игры, живопись, литературу, потенцируют расширение «символической вселенной» как реальности, скрывающей множество предпосылок для развития и самопознания личности. У многих символов есть богатый глубинный подтекст, который постигается и развивается сознанием при исследовании символических представлений и их рефлексивном введении в личностный опыт.

Образная символизация имеет архетипические корни, и поэтому у символа, родившегося в конкретной культуре, есть сходство с символами других культур и разных времен, и все они восходят к единому прообразу (23). Например, архетип женского разумного начала представлен многообразными символами, появившимися у разных народов. Это Изида – Афина – София – Сафо – волшебница – ведунья – мудрая женщина – ученая женщина – современная интеллектуалка. Индивидуальное овладение образами-символами, относящимися к жизненным значимостям, вовлечение их в самопознание дает личности возможность осознать себя причастной к масштабному культурно-историческому процессу.

Образы сновидений. Данная разновидность представлений имеет внесознательный генез, отличается трудностью непосредственного осознания и малой доступностью для «включенной» рефлексии. Сны даются личности в сознательном воспоминании, то есть как вторичная репрезентация, как более или менее структурированный образ «образа сновидения». Тем не менее, при хороших техниках «сознательного присутствия в сновидении» и воссоздания снов два отмеченных образа кажутся идентичными, и сновидец может относительно полно отрефлексировать собственные «ночные грезы».

В момент своего первичного возникновения сны выступают эффектами бессознательного образного генерирования. Они спонтанны, подчинены иррациональному принципу, через свои содержания косвенно проявляют закрытые для дневного сознания влечения, желания, отношения, тревоги, ожидания сновидца. Картины снов символичны, будучи знаками неявных психических событий и по форме являясь чем-то качественно иным в сравнении с тем, на что они указывают. Сны могут быть истолкованы и интегрированы в жизнь Я, если найдены ключи к их пониманию.

В сновидениях обнаруживает себя непрерывная душевная деятельность, совершающаяся относительно независимо от сознательного восприятия, от внешних событий и действий. Эта деятельность сконцентрирована на «самости» или глубинном центре личности. Сновидец занят исключительно собой, поглощен необычными самоощущениями и измененным восприятием себя, образами своей неявной жизни, скрытыми идеями о себе, символами «себя», своими неожиданными высказываниями и загадочной ответной речью других, самооценками и самопереживаниями, оттесненными за порог сознания. В снах из глубинной жизни личности проступает тайна актуального и будущего обращения Я с собой. И от того, насколько личность сможет воспринять и осмыслить эту тайну после пробуждения, реализовав уникальную возможность снов, существенно зависит ее самосознание и самоотношение во внешнем мире.

Современное понимание снов как проявленных тайн личности, которые можно раскрыть с помощью аналитика или самоисследования, основывается на психологических системах толкования сновидений, созданных З. Фрейдом, К. Юнгом, Э. Фроммом, А. Минделлом. Независимо от выделяемых каждым из них специфических особенностей снов, во всех системах есть сходные описания их общих свойств. Некоторые из свойств указывают на конструктивные возможности этих образов в аспекте интеграции бессознательных содержаний в сознательные

представления личности о себе и в ее деятельность, а также в аспекте открытия личностью обширных внутренних пространств, где она проживает другую жизнь в качестве «другого» с его достоинствами и ограничениями.

При психологическом описании сновидений отмечается, что при сохранении общности содержания снов с сознательной жизнью, они кажутся чем-то чуждым Я, тем, по отношению к чему Я пассивно, несамостоятельно, «неповинно». / Сон лишает личность власти над собой и демонстрирует те ее внутренние свойства, от которых отстраняется сознание или которые являются предметом ее несбыточной мечты. / Сны могут быть схожи с дневной активностью души по признаку достоверности, явственности, «объективности» проживания. / Во сне исчезает мир, на который обычно направлено сознание; в ситуации, когда «мой мир исчез», сновидец встречается с ирреальностью и так сливается с ее событиями, как будто это и есть настоящая жизнь. / Рефлексивно сны кажутся абсурдными, бессмысленными, даже глупостью или безумием. В снах, по выражению К. Ясперса, отсутствуют «понятные связи» между явлениями. / В снах Я проявляет существенное изменение нравственных и эстетических оценок и самооценок. / Сны выступают глубинным продолжением дневной мыслительной и образной жизни сновидца; в них находят искаженное или улучшенное отражение фрагменты сознательного мышления и рефлексии, осознанные проблемы, интуитивные решения интеллектуальных задач, жизненные смыслы личности. / Сновидный образ как «мыслеобраз» или «послемысль» может быть обогащен гиперактивной памятью и творческой интуицией, не выраженными в бодрственной жизни / В связи с эмоциональной насыщенностью, сон можно сравнить с состояниями, которыми человек «одержим» или вдохновлен. / Сны имеют сходство с игрой словесных ассоциаций. В образах сновидений можно обнаружить оригинальные переводы известных личности словесных оборотов, метафор, аллегорий, двусмысленностей в визуальные картины и сценарии. / Содержания

сна символизируют, а при осознании позволяют принять, «изжить», переосмыслить вытесненные травмирующие отношения и переживания, самозапреты, нежелательные впечатления, темы, несовместимые с сознательными представлениями о себе и своей жизни, бессознательные идеи, индивидуально недостижимые цели и идеалы. / Образы снов могут подсказать оригинальные авторские решения творцам философских, литературных, живописных, архитектурных и других произведений. / Существуют сновидные образы, темы которых символически связаны с коренными конфликтами индивидуального бытия и могут быть названы «экзистенциальными маркерами» личностных кризисов. Это образы полета, падения, преследования, изматывающего убегания, спешки и потерянного блуждания в толпе, публичного раздевания, проявления перед другими своего «не могу», странствия в неизвестном городе или потерянности в незнакомом доме. Отрефлексированные встречи личности с собой в сновидениях могут действовать как «проводники» в мир ее нерешенных проблем.

4. Потенциалы образной активности личности

Формы представлений выступают результатами сознательной и бессознательной активности, которая порождает и усиливает возможности образов, а также сама является многоплановой возможностью личности. Систематизируем ряд общепсихологических идей об образной активности, нашедших развитие в трудах Л.С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Д. Смирнова, А.А. Гостева, В.В. Петухова, В.П. Зинченко.

1. С различными формами, эффектами представлений соотносятся следующие **виды образной активности** (4; 5; 7; 8; 12; 15; 24), указывающие на богатый спектр возможных связей личности с миром:

- репродуцирование как процесс, обеспечивающий буквальное, направленное или самопроизвольное воспроизведение образов;

- образная категоризация как рефлексивно опосредованный процесс построения обобщенных образов, образных понятий, образно-мыслительных моделей;
- преобразование как процесс воображения, фантазии, развития образных понятий;
- образное творчество как процесс продуктивного воображения, создания новых образных идей;
- моделирование как осознанная, рефлексивная, конструктивная деятельность по созданию образных картин и проектов будущего;
- спонтанное генерирование образов – порождение сновидений и эффектов измененных состояний сознания;
- образная символизация – процесс создания символов;
- образная трансценденция как процесс, ведущий к появлению феноменов «провидения», «постижения», «прозрения», «предвидения».

2. Специфика того или иного вида образной активности задается характером **динамических включений** в процесс создания образа. К наиболее существенным включениям относятся мнемические, мыслительные, вербальные, эмоциональные. Кроме того, интенсивность, потенциал длительности, результативность образного процесса обусловлены знанием «могу представлять» и мотивацией. По выражению Фрейда, наши представления и фантазии «словно нанизаны на нить продвигающегося желания». В мотивационной динамике, в свою очередь, проявляются сложившиеся у данной личности установки на производство той или иной разновидности образов и возникают цели образного продуцирования в данной жизненной ситуации. Важным признаком различения видов образного процесса выступает сравнительный вес сознания и бессознательного в его динамике.

В сознательных процессах представления может участвовать **рефлексивная деятельность**, открывающая личности суть, значение, смысл для Я и вклад в самопознание ее образного продуцирования. Рефлексируя образный процесс, личность

понимает, что находится в состоянии представления, узнает, что именно она представляет, осознает способы, которыми порождает образы, намечает свои оригинальные привнесения в известные образные картины, фиксирует свое авторство в изобразительной деятельности, находит в себе качества, характеризующие ее как эффективного субъекта образной активности.

3. В порождении любого образа можно обнаружить присутствие нескольких видов образной активности и сложной системы конкретных репрезентативных **действий / операций**, составляющих микроструктуру производства представлений. В частности, реализуются действия по относительно целостному воспроизведению перцептивных структур, разделению образных элементов, их сравнению, соединению, сгущению, вложению, растворению друг в друге, расположению в последовательности, построению каузальных рядов, взаимному замещению, присоединению, объединению, а также разведению, исключению и синтезу образных оппозиций. В зависимости от общего характера образной активности, в ней преобладают сознательные, бессознательные, «агглютинирующие», «коллекционирующие», аналитические, синтетические, обобщающие или «диалектические» действия.

Репрезентативные действия как множественные **операциональные возможности** представлений в общем образном процессе личности могут протекать с разной частотой повторяемости, с различной скоростью, в различных вариациях, с легкостью или трудностью взаимопереходов и, в целом, на разном уровне сформированности, развития, зрелости.

4.. Возможными и достигаемыми **результатами** эффективных образных действий могут быть точные и полные воссоздания личностью пережитых и воспринятых впечатлений, конструктивная схематизация элементов образного опыта, появление в ментальном пространстве новых образно-мыслительных и образно-символических структур, которые обогащают и утончают

познавательное, эстетическое, этическое отношения личности к миру и к себе, возникновение динамичных ассоциативных образных рядов или констелляций, сопровождающих позитивные переживания, творческая перестройка отношений и элементов интегральных «образа мира», «образа жизни», «образа Я» личности.

5. В общем течении образного процесса выделяется несколько основных этапов, полнота реализации которых воплощает потенциал генеза конкретного представления.

- неосознаваемое переживание или осознание возможности «представлять»;

- актуализация мотива порождения образа в контексте общей душевно-практической активности в данный момент жизни;

- формирование на бессознательном и сознательном уровнях проживания готовности, намерения осуществить образную активность;

- сознательное или бессознательное извлечение из прошлого и наличного опыта содержаний и операциональных составляющих образного процесса;

- образное продуцирование, ведущее к результату, адекватному целям буквального воссоздания впечатлений, или направленного построения авторской модели известного либо несуществующего объекта, или моделирования будущей деятельности, или свободного творения образов искусства, или поэтической и философской символизации;

- момент рождения ментального образа, с разной степенью четкости прорастающий в сознании и рефлексии. Уровни осознания образного эффекта колеблются от мимолетной фиксации или скользящего внимания до сосредоточенности, прояснения, достижения полной ясности и рефлексивного отнесения к достоинствам Я;

- появление интенции воплотить образный результат в технику или продукт внешне-практической деятельности: в способ детской игры, в художественное произведение, в зрелище, в драматическое или

комедийное действо, в ситуацию значимого общения, в картину самопрезентации, в модель профессионального позиционирования, в замысел поступка.

6. В реальном образном процессе перечисленные этапы существенно свернуты, и их следы отыскиваются лишь в сложных внутрискруктурных отношениях сформированного образа. То же касается и тонкой операциональной структуры образной активности. При этом любая особенность процесса представления может найти освещение в описаниях «критических вариантов» образной активности в текстах художественной литературы. Полагаем, что в психологии представлений демонстрация полноты возможностей того или иного вида образной активности на критическом примере литературной феноменологии и герменевтики так же важна, как теоретические определения.

7. Приведем теоретические характеристики и феноменологические описания некоторых видов образной активности и их потенциалов.

Процесс репродуцирования. Является внутренним визуально-мыслительно-словесным воссозданием объекта, бывшего когда-то в опыте восприятия, но отсутствующего в наличной ситуации. Имеет в своем операциональном составе акты быстрого извлечения из прошлого опыта структурных инвариантов, акты анализа, детализации, синтеза, многоступенчатой категоризации, вербализации. Объектом репродуцирования может быть единичный предмет, предметная обстановка, предметное событие. Идеальным результатом процесса выступает представление сложных объектов не только в богатстве и единстве их внешних качеств, но и с теми оценочно-смысловыми и эмоциональными оттенками, которыми окрашивалось когда-то их реальное освоение. Особенно это касается объектов высокой субъективной значимости.

Критический вариант реализации возможностей репродуцирования с акцентом на аналитико-синтетические образные операции находим, например, в «Мемуарах» Казановы. Это образ госпожи М.М., прибывшей когда-то на свидание с автором в мужском

костюме. *«Бархатный розовый плащ, вышитый золотом, такой же камзол, черные шелковые панталоны, бриллиантовые серьги, солитер большой цены на мизинце и на другой руке перстень, украшенный только хрусталем, положенным на белый шелк. Ее маска была из черных кружев, поразительных по тонкости работы и красоте рисунка. Я осмотрел ее карманы. Я нашел в них золотую табакерку, бонбоньерку, оправленную крупным жемчугом, золотой игольник, великолепный лорнет, платки из тончайшего батиста, напитанные драгоценными духами. Я со вниманием разглядывал богатую отделку ее двух часов, ее цепочек и брелоков, сверкавших мелкими бриллиантами. И, наконец, я нашел пистолет. Это был английский пистолет чистой стали и мастерской работы»* (Цит. по: 11, с. 44).

Образное преобразование включает многие возможности развития образов. Оно, в частности, происходит тогда, когда исходный воспринимаемый или повторно репродуцируемый объект либо ситуация является незавершенной структурой и составляет для субъекта задачу на воображение, которая решается восполнением структуры, введением в нее недостающих элементов, изменяющих все ее основные отношения. Здесь образная деятельность разрешает «образную проблему», слита с мыслительной и символической активностью, имеет особо сложный операциональный состав. Операциями и действиями воображения при постановке и решении образной проблемы выступают анализ проблемного целого, разнообразное комбинирование его элементов, исследование составных частей самих элементов, нахождение новых связей и зависимостей частей, изменение элементов, вариативное введение новых элементов, исключение элементов, пробные синтезы измененных элементов, «перегрузка», «гипертрофия» и «изоляция» элементов образных структур и т. д.

В качестве критического варианта реализации возможности преобразования образа ситуации можно взять знаменитую «загадку Макбета», заданную герою при предсказании ведуний. *«И вот*

Макбет решил снова отправиться к ведуньям. Разве не они заронили в нем мечту стать королем Шотландии! Ему не терпелось узнать свою судьбу и дальше.

- Ты непобедим и не отдашь корону, пока зеленый Бирнамский лес не придет сам в твой неприступный замок, - поведали вещуньи.

- Сказки, бред. Деревья сами по себе не ходят, - успокаивал себя Макбет. Я в замке в полной безопасности.

И все-таки после встречи с колдуньями Макбет велел укрепить свой замок на холме. В числе тех, кто доставлял камни и бревна, был благородный Макдуф, которого боялся и ненавидел Макбет... .

И случилось так, что король английский собрал армию отважных воинов, и к ней присоединился Макдуф. Армия вступила в Бирнамский лес, и по велению Макдуфа каждый воин отломил себе большую ветку дерева и под ее прикрытием двинулся к замку.

Макбет погиб в сражении, скрестив мечи с самим Макдуфом» (22, с.124). Образ «живого леса», созданный ведуньями и воплощенный врагом, не был найден героем в попытках разгадки предсказания.

В мифических и сказочных сюжетах обнаруживается возможность процесса воображения, состоящая в гиперболизации роли, размера, активности определенного элемента образной структуры вплоть до придания ей значения самостоятельного объекта за счет разрушения исходного целого для вскрытия сущности этого целого. В произведениях великих мастеров вымысла встречается прием отделения и «одушевления» какой-то части человеческого тела. У Андерсена – пляшущие ноги в красных башмаках в сказке о тщеславной Карен; у Гофмана – человеческие глаза, оживленные колдовством Песочного человека; у Гоголя – Нос героя, разгуливающий по Петербургу, у Булгакова - приключения головы редактора Берлиоза.

Фантазийное преобразование может создать новую образную структуру со многими рационально соотносящимися известными элементами, лишенную объективно и рефлексивно надежных корней

в фактическом мире субъекта, но придающую возможный смысл будущему. Феноменология этой формы образной активности убедительно представлена М. Прустом. *«Я действительно любил герцогиню Г. Величайшим счастьем было бы для меня, если бы я мог умолить бога наслать на нее все напасти и если б она, нищая, отверженная, лишенная всех привилегий, которые прежде нас с ней разделяли, оставшаяся без крова, ни от кого не получающая ответа на поклоны, пришла ко мне просить пристанища. Я представлял себе, как это произойдет...»* (13, с. 60).

Образное моделирование. В процессах построения внутренних моделей будущих объектов и ситуаций участвуют акты поиска воспринимаемых аналогов, выбора, сравнения, идентификации, сведения существенных элементов, установления ключевых пространственно-временных отношений структуры, привлечения вариативных элементов, нахождения новых связей, решения проблем предметного конструирования, фиксации инвариант модели, установления соответствия замысла объективным возможностям его осуществления, удержания модели как целого в процессах ее опредмечивания. Такое моделирование часто непосредственно переходит в план предметной деятельности, так, что его тоже можно рассматривать как создающее «образ».

Возможности перечисленных образных операций обнаруживаются в воспоминаниях художника Бенвенуто Челлини о том, как он делал заказанную Папой модель золотой застёжки для ризы – вещи, ставшей впоследствии известным произведением искусства. *«По самой середине вещи я поместил алмаз. а над этим алмазом я расположил сидящим бога-отца, в красивом повороте, что давало прекраснейшее сочетание и нисколько не мешало камню; подняв правую руку, он давал благословение. Под этим алмазом я поместил трех младенцев, которые поднятыми кверху руками поддерживали сказанный алмаз. Один из этих младенцев был в полный рельеф; остальные двое – в половинный. Сзади у бога-отца была мантия, которая развевалась, из каковой появлялось множество младенцев;*

со многими другими прекрасными украшениями...Вещь эта была сделана из белого гипса по черному камню» (144, с.109).

В других случаях моделирование основано на фантазийном или реалистичном сведении, комбинировании, синтезе, разведении, устранении, замещении, выстраивании в последовательность разнородных предметно-действенных элементов при детальной образной развертке будущих действий личности. Например, «Метаморфозы» Апулея в той части, где повествуется о «заданиях Венеры», адресованных Психее, полны волшебных руководств действиями девушки.

- «Она (Венера) берет рожь, ячмень, просо, чечевицу, бобы, - все это перемешивает и, насыпав в одну большую кучу, говорит: - Разбери эту кучу смешанного зерна и, разложив все, как следует, зерно к зерну отдельно, до наступления вечера, представь мне свою работу на одобрение.».

- «Венера позвала Психею и обратилась к ней с такими словами: - Видишь рошу, что тянется вдоль берега текущей мимо речки? Кусты на краю ее расположены над соседним источником. Там, пасясь без надзора, бродят овцы, покрытые золотым руном. Иди туда и принеси мне клочок этой драгоценной шерсти.».

- «Видишь высящуюся над скалой вершину крутой горы, где из сумрачного источника истекают темные воды? Они орошают стигийские болота и питают рокочущие волны Коцита. Оттуда, из самого истока глубокого родника, зачерпнув ледяной воды, немедленно принесишь ты ее мне в этой скляночке.».

- «Скорее отправляйся в преисподнюю, в загробное царство самого Орка. Там отдашь эту скляночку Прозерпине и скажешь: «Венера просит тебя прислать ей немножечко твоей красоты, хотя бы на один денек, так как собственную она всю извела, покуда ухаживала за больным сыном» (1, с. 195-196).

Порождение сновидений выступает активностью, в структуре которой, наряду с характерными для дневной жизни образными операциями, присутствуют бессознательные акты замены

действительного недействительным, вытеснения бывшего никогда не бывшим, постановки явлений в невозможные пространственные отношения, сведения вещей в немыслимые комбинации и группировки, установления необычных временных отношений между событиями, придания неопределенности и противоречивости связям элементов, разрешения проблем сна неординарными путями, превращения единственного во множественное, замещения негативного позитивным и наоборот, взаимопревращения не-Я в Я, синтеза элементов в немыслимое целое, подчиненное неосознаваемой идее или тайным желаниям и намерениям сновидца.

Критическим феноменом богатства операционального состава образной активности во сне, сопровождающейся колебаниями сознательного – бессознательного – рефлексивного состояний личности, является сновидение героя, описанное в «Эликсирах сатаны» Гофмана. *«Изнемогая от усталости, я бросился в постель и сразу же уснул, но меня стало мучить ужасное сновидение. Удивительным образом сон мой в самом начале сопровождался сознанием, что я сплю, и я даже говорил самому себе: «Как это хорошо, что я тотчас же уснул и сплю так крепко и покойно, вот только не следует открывать глаз». И все же я не мог удержаться от этого, но сон мой, как ни странно, не прерывался. Вдруг дверь распахнулась, и в комнату проскользнула какая-то темная фигура, в которой я, к своему ужасу, узнал самого себя, но в одеянии капюшина, с бородой и тонзурой. Фигура подбиралась к моей кровати все ближе и ближе, я не шевелился, и крик замер на устах от сдавившей меня судороги. Но вот монах присел ко мне на кровать и сказал, язвительно ухмыляясь: «Пойдем-ка со мной да заберемся на крышу под самый флюгер – он сейчас наигрывает веселую свадебную песнь, ведь филин-то женится! Давай-ка поборемся там с тобой, и тот, кто столкнет другого вниз, выйдет в короли и вдоволь напьется крови».*

Я почувствовал, что монах вцепился в меня, стараясь приподнять. Отчаяние умножило мои силы. «Ты вовсе не я, ты черт!» - завопил

я громко и впился пальцами в лицо призрака, но они ушли, словно в глубокие впадины, а призрак разразился пронзительным хохотом. В ту же минуту я проснулся....и увидел, что возле стола стоит некто в одеянии капуцина» (6, с .83).

Образная символизация. Она осуществляется посредством множества сознательно-бессознательных операций, возможности которых запечатлены в символических предметах, живописных и литературных изображениях. Это, в частности, сведение контрастов, синтез оппозиций, акцентирование бинарности какого-то явления. Среди двойственных символов «человека» хорошо известны, например, Двуликий Янус, Дионис, кентавр, сфинкс. / Это различие последовательных стадий становления какого-то всеобщего явления. Его примером является развитие символа «младенец» в работах К. Юнга посредством выделения его преемственных ипостасей «необыкновенного ребенка», «страдающего юноши», «богатыря-молодца». / Это нахождение и синтез в одном объекте множества чувственных элементов, благодаря чему этот объект может связать между собой различные уровни реальности. Так символ «сапфир» означает сродство и тождество божественного вознаграждения – чистоты неба и вод – крепости мужского духа – мудрой созерцательности зрелого человека – детской радости. / Это объединение элементов, обладающих сходными и оппозиционными свойствами, в общий ряд. Например, символический образный ряд «бог Марс – меч – железо – огонь – красный – кровь» выражает единство и противоположность «духовной силы» и «способности к уничтожению». / Это упорядочение образных элементов в каузальный ряд. В юнгианской символике такой порядок составляют Мать – Дева – Ребенок, указывающий на взаимозависимые трансформации материнского начала. / Это синтез образных элементов в сложную картину мира или фрагмента мира героя. Так потайная комната Синей Бороды, куда он запрещает ходить своей жене, есть символ его души. Мертвые жены, на которые она

натывается, нарушив его приказание, суть душевные следы убитой им любви. / Это синтез в целостном образе элементов, выступающих символическими признаками явлений, ускользающих от строгой концептуализации. Так символ «огня» указывает на прекрасное состояние человека, переживаемое в единстве энергичности, легкости, движения, изящества, радости.

В заключение подчеркнем, что предложенная модель возможностей сознательных и бессознательных представлений личности построена на основе теоретической экспликации философско-психологических идей об образах с акцентом на их развивающий жизненный потенциал, а также на основе герменевтики литературных текстов, содержащих описания критически выраженных образных феноменов героев. В модели систематизированы возможности, присущие представлениям вообще и их разным формам в отдельности. Различены и охарактеризованы возможности образов как эффектов представления, а также обоснован потенциал множественных видов образной активности в аспекте ее генеза и операционального состава. Полагаем, что исследования представлений в измерении «возможностей» позволят интегрировать подходы к изучению образов, развиваемые в общей психологии, психологии личности, психологии жизни, психологии сознания и бессознательного. Такая интеграция необходима при постановке и решении практических задач развития и саморазвития образной сферы личности.

Литература

1. Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды. М.: Изд-во АН СССР. 1959.
2. Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства. М.: Прометей. 1994.
3. Башляр Г.. Избранное: Поэтика пространства. М.: РОССПЭН, 2004.
4. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. М.: Просвещение. 1991.

5. Гостев А.А. Психология вторичного образа. М.: ИПРАН. 2007.
6. Гофман. Э.Т.А. Эликсиры сатаны. Л-д: Наука. 1984.
7. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур. 2010.
8. Леонтьев А. Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. М. : Педагогика, 1983.С. 251–261.
9. Мерло-Понти М. Око и дух. М.: Искусство. 1992.
10. Минделл А. Самостоятельная работа над собой: внутренняя работа со сновидящим телом // На краю жизни и смерти. М.: «Класс». 2000.
11. Муратов П. П. Образы Италии. М.: Республика. 1994.
12. Петухов В. В. Образ мира и психологическое изучение мышления. // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1984. № 4. С. 13-20.
13. Пруст М. У Германтов. М. :Республика. 1993.
14. Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. СПб.: Наука. 2001.
15. Смирнов С. Д. Мир образов и образ мира. // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1981. № 2, с. 15-29.
16. Старовойтенко Е.Б. Современная психология: формы интеллектуальной жизни. М.: Академический проект. 2001.
17. Фрейд З. Толкование сновидений. Киев: Здоровье. 1991.
18. Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика. 1995.
19. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика. 1992.
20. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика. 1993.
21. Челлини Б. Жизнь Бенвенуто Челлини, рассказанная им самим. М.: Худож. лит. 1987.
22. Шотландские и английские сказки. М.: МНПП «Гендальф». 1993.
23. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс. 1991.
24. Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика. 1997.

25. Arnheim Rudolf. *The Split and the Structure*. Berkeley: University of California Press. 1996
26. Heidegger M. *Being and time*. State University of New York Press. 1996.
27. Mindell Arnold. *Dreambody, The Body's Role In Revealing The Self*. Portland OR. Sigo Press, 1981// Lao Tse Press. 2000.

ВПЕЧАТЛЕНИЕ: ПАМЯТЬ И ВОССОЗДАНИЕ ЖИЗНИ

Статья Старовойтенко Е. Б. Впечатление: память и воссоздание жизни // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2015. Т. 82. № 2. С. 130-145.

Замысел данной статьи посвящен разработке **модели памяти** в контексте психологии личности, имеющей богатейшие возможности для развития идей о роли мнемических явлений в образовании и реализации сложных форм индивидуальной жизни. Целью работы является обоснование потенциала «впечатления» как позитивной формы проживания, интегрирующей активную память в процессы порождения новых жизненных состояний, действий, актов познания и творчества личности.

1. Путь к «памяти личности»

Современная психология памяти, прорастая в гуманитарное познание, призвана решать задачу синтеза мифологического, философского, художественного и научного знания о том, как личность приобретает и реализует **опыт** жизни, культуры, себя.

Интерес человека к своей памяти родился одновременно с появлением у него первых обобщенных представлений о «душе». В мнемической способности он долго видел основную душевную силу, концентрирующую и увеличивающую все другие психические силы и возможности. Идеи о ней рано сложились в общий фундамент культурного знания о психике. Следы благоговейного, почти магического отношения к памяти живы и сейчас, несмотря на длинную историю его преодоления способом рациональных объяснений.

В психологическом понимании память выступает психической функцией, способом, способностью человека удерживать – сохранять – воспроизводить данные своей сознательной и бессознательной жизни. Актуальным является изучение памяти в направлении более полного раскрытия ее жизненного значения, культурно-психологического потенциала, существования в качестве фундаментального свойства личности и средоточия возможностей Я. Этот фокус в познании памяти не умаляет значения ее исследований

в естественнонаучной парадигме, осуществляемых биологическими и нейропсихологическими науками. Богатейшие знания, добытые в тщательных лабораторных исследованиях и экспериментах уместно использовать сейчас в составе целостных **психологических моделей памяти личности**, основанных на единстве объяснительной, понимающей, феноменологической, рефлексивной парадигм. Постигающая, герменевтическая, индивидуализирующая позиция в изучении мнемических явлений, наряду с использованием данных экспериментальной науки, означает открытость психологии памяти к реальной человеческой жизни, к развитию в области психологии личности великих идей о памяти Аристотеля, Августина, Канта, Гуссерля, Бергсона, Вундта, Фрейда, Юнга.

Своевременными являются познавательные акценты на субъектное овладение памятью, на отношение личности к своей памяти, на разноплановую оценку достигнутого уровня ее индивидуального развития, на психологическую помощь субъекту памяти, мнемическую организацию жизненного пути, на взаимовлияния ретроспективных и перспективных аспектов текущих жизнесостояний личности, на интегральные **события памяти личности, воссоздающие жизнь**, в частности, на «впечатления» (7; 11). Это означает взгляд, направленный в область реального жизненного развития личности, поддерживаемого теоретическим и эмпирическим знанием. Важным поворотом в психологическом изучении памяти является синтез множества продуктивных научно-гуманитарных идей при интерпретации мнемических реалий, определяемых как «активность», «субъектность», «жизненность», «самореализация» личности.

С учетом сказанного, предлагаем вариант **теоретического моделирования активной памяти личности**. Особенности памяти, акцентированные в этой модели, указывают на большие возможности мнемических явлений, которые с критической полнотой могут быть реализованы в конкретных феноменах индивидуальной жизни. В качестве одного из таких феноменов

берется возникающее, запоминаемое и вспоминаемое **впечатление** как условие развития личности и индивидуальной жизни. Постановка «впечатления» в фокус моделирования памяти служит решению важнейшей задачи изучения мнемической детерминации конструктивного обновления жизни.

2. Роль памяти в жизни личности

Память придает индивидуальной жизни постоянство, единство, непрерывность, поступательность. Это касается жизни и в ее процессуально-динамическом аспекте, и в аспекте представленности ее способов в структуре свойств личности. Память участвует в формировании ретроспективного плана жизни, способствует обогащению ретроспективы ситуациями текущей жизни, целостному отношению субъекта к происходящему здесь-и-сейчас, вовлечению опыта проживания в жизненный проект личности, созданию субъективной истории жизни. Она также осуществляет перевод ситуативных процессов, состояний и эффектов психо-практической деятельности в личностные свойства, поддерживает константность и сохраняет изменения Я, обуславливает способности субъекта к самоопределению в будущем, позволяет личности непрерывно транслировать и разделять свой опыт с другими, возвращая его себе в обогащенном виде.

1. Во внешне-событийном генезе индивидуальной жизни память обеспечивает присутствие, трансформацию содержаний прошедших событий в актуальных событиях и переводит их затем в план жизненной перспективы. Память влияет на формирование, познание и оценку личностью **времени индивидуального бытия**, определяет образование транспективы личностного становления, а также достижение Я осознанного единства своего настоящего, прошлого и будущего. За счет мнемической обусловленности Я-присутствия во внешней и внутренней жизни, самодетерминации субъекта и образования в самодвижении психики субъективного времени память участвует в формировании сложно опосредованной

причинности бытия личности. В реальной жизни, по словам М. К. Мамардашвили, «одно никогда не вытекает из другого».

2. Память извлекает и вовлекает в опыт индивидуального проживания содержания и структуры **коллективного** сознания и бессознательного. Посредством мнемической функции способы жизни общности сознательно и неосознанно интегрируются в способы индивидуального существования, служат процессам социокультурной идентификации личности; память способствует персонификации типичных, общезначимых, универсальных форм и ценностей, благодаря которым жизненные достояния личности могут быть транслированы многим другим людям.

3. Память в единстве с другими психическими процессами обладает силой, организующей моменты прожитой и проживаемой, сознательной и бессознательной жизни личности в единую «тотальность» ее прошлого опыта. Благодаря этой тотальности в каждом отдельном факте отношений личности к миру и к себе возможно ее цельное **«историческое присутствие»**.

4. Память удерживает связь бессознательного и сознательного уровней жизни и структуры личности, защищая последнюю от патологического разделения, распада. Поддерживая адаптивное единство бессознательной «самости», память способствует сохранению устойчивости «Я» и связности элементов жизни, освещенных сознанием. В длительных процессах индивидуации она обуславливает интеграцию Я-аспектов в самость и перевод ее скрытых содержаний в сознательные процессы жизни и в мир «Я». Память служит единству **глубинных и сознательно-рефлексивных** образований личности и индивидуальной жизни.

5. Память обеспечивает последовательность, преемственность в сознании значимых ситуаций, событий, душевных состояний, поступков и действий, составляющих явную «линию» жизни личности. При этом в глубинном потоке внутренней жизни память осуществляет сохранение неосознаваемых содержаний и связей индивидуального бытия, а также их тайную «инскрипцию» в

сознательное существование личности. Помня, вспоминая, совершая усилия по извлечению «неизвестного в себе», личность может создать **текст своей жизни**, наполняя его артикулированными данными сознания и расшифрованными посланиями бессознательного. В активном настрое индивида на воспоминание, понимание и «творческую сборку» знаний о собственной жизни рождаются литературные исповеди, авторские жизнеописания, психологические автобиографии, постигающие «логику» личной судьбы в культуре.

6. Память опосредует и указывает личности на ее встречи с **бессознательной** областью своего бытия. Это происходит в безотчетном избирательном возврате личности к определенным объектам; в произвольных повторениях личностью сильно затронувших ее моментов жизни; в запоминании аффективных состояний, когда «Я не узнает себя»; в стремлениях личности воспроизвести значимое в своей жизни, которое не было завершено, не раскрыло для нее всех ожидаемых возможностей, не достигло понимания и осмысления и не было освоено как необходимый опыт, предпосылаемый будущим желанным событиям. Это происходит также во внезапных мнемических искажениях передаваемых или принимаемых от других сообщений, в осознании «не помню», в плодотворных прорывах импровизационной активности, где обнаруживается тайная динамика «забытых» содержаний, во встречах личности с томящими напоминаниями о чем-то, хранящемся в глубинах души и составляющем прекрасную часть ее жизни.

7. Память обуславливает взаимные переходы, преемственность внутренних и практически-продуктивных (предметных, духовных, социальных) планов индивидуальной жизни. Благодаря привносимой в реальную жизнь новизне, вырастающей из внутреннего опыта и его субъективного воспроизведения, происходит относительное освобождение личности от внешних канонов, личностное изменение устоявшихся способов

социокультурной жизни, движение в «свое новое время», вхождение в «новые воды» индивидуального жизненного потока. Память, сохраняющая и воспроизводящая, одновременно ориентирует личность на **творчество и развитие**.

8. Память определяет жизненную динамику «Я» личности, воссоздавая в поле сознания непрерывный диалог Я-ставшего и Я-осуществляющегося, обуславливая полноту вложения «Я» в «актуального себя» в значимых ситуациях жизни. Кроме «Я», известного личности, в неосознаваемом строе жизни действует «неизвестное Я», потенциал которого может быть извлечен посредством субъективных мнемических усилий.

9. В развертывающемся жизненном процессе память, как и другие психические явления, имеет различные **формы существования**. Так, в общей структуре личности она выступает свойством, способностью, одаренностью, особым «мнемическим типом». В функциональной организации индивида она представляет собой мнемическую функцию. В составе динамического контура общей психической активности она присутствует как мнемический процесс или деятельность. В формировании продуктивного аспекта индивидуального бытия память участвует мнемическими эффектами, которые охватывают множество элементов и уровней интеллектуальной, побудительной, эмоциональной жизни.

3. Память в психическом строе личности

В психологии традиционно подчеркивается особый статус памяти, состоящий в ее включенности, слиянии, внутреннем влиянии на другие психические явления. Память, согласно распространенным представлениям, выступает «включенным планом» различных форм психической активности, способом их воссоздания и закрепления в жизни, средством их эффективности и потенциалом развития.

- Спецификой памяти является ее слабая данность для направленного наблюдения и рефлексии. К числу наблюдаемых феноменов памяти относятся, например, запоминание посредством повторений; произвольное репродуцирование

образов, мыслей, эмоций и мотивов, спонтанное всплывание в сознании глубинных, отчужденных от «Я» содержаний; сознательное воспоминание связанных фрагментов внутреннего опыта. Сознание и рефлексия часто находятся в опосредованной связи с памятью, направляясь не прямо на нее, а на условия ее активизации и улучшения.

- Важнейшей формой существования памяти выступает процессуальная. Иногда мнемическая активность является ведущей в составе психических процессов, в частности, при узнавании объекта или его образной и мыслительной репродукции. При этом с результативной стороны мнемический процесс характеризуется специфической «непродуктивностью», то есть оперирует и аккумулирует результаты других психических процессов, внося в них мнемические реконструкции и преобразования.
- Память необходимо участвует в формировании целостных образов и концептов объектов из предметных и идеальных элементов, поддерживает их связь внутри целого, способствует объединению отдельных образных и концептуальных гештальтов в крупные фрагменты ментального опыта, сохраняет психические образования разных видов в составе внутреннего опыта личности в целом.
- Память имеет отношение к развитию интегративной способности психики, позволяющей различным психическим процессам и образованиям взаимодействовать и взаимопроникать друг в друга. Это касается, в частности, мышления, продуктивные и операциональные структуры которого формируются при мнемически опосредованном «вложении» моторных, сенсорно-перцептивных, образных, эмоциональных и вербальных компонентов.
- Память находится во множестве внутренних, развивающих связей с другими формами психической активности. В частности, решение личностью мнемических задач на

запоминание и вспоминание сложного материала сопровождается применением изобразительных, знаковых, символических средств при реализации образных и мыслительных операций.

- Особую важность память имеет в связи со своей «личностной функцией», состоящей в мнемической детерминации развития и достижения зрелости любого устойчивого качества, свойства, черты личности. Повторяемость, стабильность и типичность конкретного личностного образования, его противостояние диссоциации и регрессу определены возвратами личности к жизненно оправданным смыслам, мотивам, способам действий, переживаниям и впечатлениям. Так качество «интеллектуальность» формируется в структуре личности, благодаря сохранению, воспроизведению, новому запоминанию эффективных интеллектуальных операций, интеллектуальных побуждений и переживаний, сильных «впечатлений мысли», возникших при решении сложных проблем и задач.
- Феноменологически ясной спецификой памяти выступает ее ориентация на обеспечение разносторонней психической связи личности со значимым объектом и на действия с ним. Она реализуется в контексте восприятия, представления, переживания, мысли, действия, скрепляя их в проживании целостных состояний и актов жизнедеятельности. Так «восприятие никогда не бывает простым контактом души с наличным предметом; оно всегда насыщено дополняющими и интерпретирующими его воспоминаниями-образами» (8; с. 243).
- В составе воспринимающей, образной и мыслительной активности, в структуре разнообразных психических образований память способствует формированию психического пространства жизни личности. Не менее существенна ее роль в обеспечении личностного проживания «длениа» и преюмственности жизненных событий, то есть, времени жизни. Единый психический хронотоп личности конституируется

запоминающей, сохраняющей, воспроизводящей функциями памяти. Так содержания и продукты авторской мысли, рождение которой стало сильным впечатлением, вошедшим в ментальное пространство личности, организуются текущим мыслительным процессом, где сохраняется преемственность этапов решения проблемы от момента ее постановки до момента реализации решения, где каждый этап удерживается в контексте последующего и все одновременно присутствуют в воспроизведении результата мысли, когда становится возможным возврат к предыдущим этапам и весь путь решения проблемы выступает как временное целое с внутренне различными длительностями каждого этапа.

Очевидная причастность памяти к дифференциации и соединению прошлого, настоящего и будущего индивидуальной жизни обуславливает психологический интерес к цикличности и фазовому характеру мнемической активности, динамики ее содержаний и возникновения ее эффектов.

4. Фазы мнемической активности личности

Условным началом каждого очередного цикла мнемической активности считается схватывание – запечатление – запоминание личностью внешнего или внутреннего объекта, ситуации, события как **материалов** памяти. Его сменяет процесс удержания – погружения – сохранения **содержаний** памяти. Оба мнемических цикла могут быть нарушены либо прерваны в результате частичного или полного забывания. При условии сохранности материала возможен процесс извлечения – воспроизведения – реконструкции содержаний памяти в форме различных мнемических **эффектов**. Посмотрим на динамику **впечатления** как эффекта, материала, содержания и носителя жизненных возможностей памяти. На его примере можно прояснить, **что и как** помнит личность.

Конкретные трансформации впечатления на разных этапах активной памяти ведут к его длительному проживанию,

преобразованию, к участию в утверждении или отрицании жизни, освещая вопрос «что помнит личность?»).

В актах **запоминания** начинаются изменения предметно-действенно-знаковых материалов памяти, представленных в когнитивных, рефлексивных, аффективных и побудительных психических содержаниях. По существу, запоминание личности направлено на «целое» ощущений, образов, идей, переживаний, мотивов, оценок, отношений и способов действий, возникающее в связи с объектом памяти. Понятие «впечатление» акцентирует случаи особенно высокой субъективной ценности, сложности, целостности запоминаемого объекта, а также совместности порождения и адресации эффектов памяти другому человеку.

Анна Каренина, героиня одноименного романа Л.Н. Толстого, оказывается под впечатлением и навсегда запоминает поступок Алексея Вронского, пожертвовавшего крупную сумму вдове погибшего на их глазах железнодорожного рабочего. Главным в образе поступка оказывается для нее его взгляд, говорящий: «Это для тебя, чтобы ты узнала и полюбила меня...». Внешнее событие – гибель под колесами поезда путевого обходчика, эмоционально задевшее массу людей, становится у Анны одновременно образом смерти и символической отметкой начавшегося в тот момент сближения с Вронским.

Сохранение, продлевающее цикл запечатления, сопровождается образованием мнемических синтезов, которые удерживаются легче, чем фрагментарные данные, и введением новых материалов в целостность прошлого опыта. В процессе сохранения впечатления «опыт» как объемный эквивалент памяти личности пополняется новым содержанием и «собирает» знание о впечатлении, его смысл, его образную картину, его переживание, интуицию скрытого в нем, данность «Я» во впечатлении.

Хранящееся знание о проявлении щедрости Вронского в ситуации ужаса и потрясения постепенно приобрело в памяти Анны оттенок переживания и обладания глубоко личной тайной. И

тогда, когда было уместно подтвердить в обществе его благородство и широту натуры, она умалчивает о его поступке. Ушедшее в глубину психического эмоциональное содержание памяти в контексте развивающихся отношений и новых встреч с Вронским стало амбивалентным и невозможным для выражения. Теневая сторона впечатления-тайны нашла воплощение в повторяющемся сне Анны о мужике, говорящем невнятное по-французски и предрекающем смерть.

Возникновение мнемических эффектов в акте **воспроизведения** впечатления «выносит» за границы внутреннего опыта личности различные знания, эталоны, образцы, сценарии, фантазии, символы жизни, постепенно проникающие во впечатление и восполняющие его. Выражаясь в предметных, поведенческих, когнитивных и коммуникативных условиях актуальной ситуации, они находят ту форму, в которой сама личность и другие люди могут принять их как новые материалы памяти. Впечатление личности находит новое бытие, продолжение в жизни «Я» и «других».

Безотчетная уверенность в охлаждении Вронского вызывает у Анны образ мести, в котором картина первой встречи и впечатление о начале близости разрастается, страшно преобразуется, представ своей оборотной, темной стороной. Его щедрость становится приемом обольщения «всех» женщин. Тайна любви, предназначенная сначала только для нее, выступает темой публичных сплетен и пересудов. Несчастье с обходчиком сменяется в ее воображении картиной возможного способа самоубийства. В воспоминании Анны о трагических событиях на станции в одном жутком смысле соединяются погибший рабочий – «неискренняя» помощь Вронского – «разоблачение» его Анной – мужик из сна – идея о наказании Вронского своей смертью, которую ни смягчить, ни поправить нельзя. Память о любви не должна быть оставлена ему. А значит, нужно вернуться к началу, вызвать похожее событие смерти, но отнять у него все тогдашние возможности: благородство, щедрость, прекрасную женщину, лучшее жизненное

переживание – зарождение страсти. Нужно оставить ему горе, вину и раскаяние, принести этому в жертву свою жизнь. «Он старался вспомнить ее такую, какой она была тогда, когда он в первый раз встретил ее тоже на станции, таинственной, прелестной, любящей, ищущей и дающей счастье, а не жестоко – мстительной, какую она вспоминалась ему в последнюю минуту. Он старался вспоминать лучшие минуты с ней, но эти минуты были навсегда отравлены. Он помнил ее только торжествующую, свершившуюся угрозу никому не нужного, но неизгладимого раскаяния» (12; с. 378).

Возникновение и динамика впечатления личности вовлекают в единый мнемический процесс «запоминание» как введение значимого объекта в интимный душевный опыт, «сохранение» как поддержание и изменение бытия значимости во внутреннем мире, «воспроизведение-вспоминание» как преломление впечатления в актуальном жизненном моменте, трансляцию впечатления в его исходном или преобразованном виде другим людям. Эти процессы протекают внутри единой сознательно-бессознательной жизни личности и могут определять «власть впечатления над личностью», «растворение личности во впечатлении», «овладение личностью впечатлением», «погружение личности в историю своего впечатления».

Среди решений вопроса о том, «что» мы помним, одним из наиболее полных остается феноменологический ответ Аврелия Августина. В этом ответе освещен рефлексивный путь к **«овладению впечатлением в воспоминании»**. Проступая сквозь текст его «Исповеди» (1), этот путь сводится к следующему.

Мы вспоминаем то, что **значимо** соотносится или что мы сами соотносим с нашим «Я». Взаимные связи и переходы материалов, содержаний, эффектов памяти опосредуются мнемической установкой сознания. При этом усилия сознания особенно ценны, когда оно достигает глубинных корней или «скрытой памяти». Запоминаются, сохраняются, вспоминаются впечатления, которые,

несмотря на свою цельность, связаны с множеством Я-объектов, связь между которыми определена в неявной внутренней жизни и приоткрывается лишь в случаях появления «особой чувствительности» личности. Память фиксирует не только Я-генез впечатлений, но и их внесознательную причинность.

Согласно логике Августина, во впечатлении я помню и могу вспомнить:

1. «мое значимое» в его соотношении с другими предметами, людьми, вещами, существами;
2. «себя» в своем взаимодействии со значимым: как действовал с ним, что и как представлял и воображал о нем, что и как думал о нем, что чувствовал к нему;
3. «свою память» о том, чем является значимое и какую роль оно играет в моей жизни;
4. «свое забывание» о чем-то, что связано со значимым;
5. другие «впечатления», сцепленные с данным в больших фрагментах жизни.

Главное событие и впечатление жизни Августина, представшее в его воспоминании, описанном в «Исповеди», – просветление верой – отрефлексировано как обладавшее тайной причиной, связанной с именем Бога. Это впечатление, давшее Августину новую жизнь, поныне пробуждает новые бытийные силы у тех, кто проникается его повествованием как близким истории собственной жизни.

При насыщении памяти содержаниями, связанными со значимыми объектами, событиями, впечатлениями, личность использует различные способы, средства и приемы мнемической активности, а также достигает разных качественных результатов. Их рассмотрение касается вопроса «как помнит личность?»

Ответы заключены в положениях известных концепций памяти (3; 4; 5; 6; 8; 9; 13; 14; 16; !7).

Сознательность – бессознательность памяти личности

Процесс **запоминания** может осуществляться на бессознательном уровне, как это происходит, например, с закреплением вытесняемых

психических содержаний. Ему может быть свойственен подсознательный уровень, как это имеет место при узнавании и фиксации элементов хорошо знакомой обстановки происходящего. На запоминание может быть также обращена различающая и организующая сила сознания, направленная на интеграцию объекта в его структуры и порядки. Кроме того, рефлексировав свое отношение к объекту, личность определяет его участие в процессах Я-осуществления. Иногда, встретившись во впечатлении со своим неприятием поступков кого-то из близких, мы осознанно стараемся подумать о нем то, что может изменить наше отношение к лучшему, делая таким образом неоценимый шаг на пути «к себе».

О процессе **сохранения** известно то, что он ускользает от любого осознания, обнаруживаясь только в актах воспроизведения, воспоминания. Жизненные содержания удерживаются зрелой памятью в форме многоуровневого опыта, названного Бергсоном «виртуальным». Особенностью виртуальной памяти является то, что рождающееся в наличной ситуации жизнесостояние может быть актуально «проиграно» в связи с опытом разной глубины запечатления и разной доступности для сознания. Меня, например, может поразить старинный дом в мало знакомом городе, но причины такого «удара впечатления» (7) остаются мне неизвестны. Или я почувствую притяжение этого дома, потому что похожее на него изображение встретилось и запомнилось мне недавно на выставке известного художника. И меня может затронуть образ того же дома, так как он напомнит мне давние рассказы бабушки о ее детстве в усадьбе начала 19 века.

Репродукция и воспоминания часто едва мелькают в потоке сознания, не оставляя свои содержания в дифференцированном образе или концепте наличной ситуации. Неразлично растворяются в происходящем контуры привычных действий, перцептивные навыки, способы опознания знакомых вещей. Тают неузнанными ночные грезы. Погружаются в бездны, из которых появились, «невозможные» поступки личности, когда она кажется одержимой

чем-то. Неуловимы психологические защиты, к которым прибегает личность, сохраняя в глубинной комфортной неподвижности свои представления о себе.

При этом многое, к чему бывает обращено сознание, является эффектом направленного мнемического извлечения. Сознание, кроме того, активно опосредует этот процесс, направляясь на решение проблемы воссоздания сохраненного. Усилиями сознания извлеченное может на некоторое время стать устойчивым объектом актуальной психической деятельности: воображения, мышления, переживания. Особой ценностью обладают рефлексивно воссозданные Я-содержания, участвующие в событии «вспоминания своего впечатления». В этом событии сознательной душевной жизни личность может вызвать в памяти к примеру, и всю картину значимой для себя встречи с любимым человеком, и его впечатливший образ в «Я», и свой образ, как она его видела в другом, и свои чувства к другому при встрече с ним, и свои мысли по поводу этих чувств, и знание о тех свойствах Я, которые проявились тогда в ее переживаниях, размышлениях, поступках, и воображаемый образ того, как ее чувства и поступки были отражены и поняты другим, и свой смысл встречи с ним.

Произвольность – непроизвольность памяти личности

Речь идет о степени влияния на процессы памяти волевой установки сознания. Там, где сознательная активность памяти приобретает целенаправленность, интеллектуальность, обратимость Я-ориентацию и при этом специально служит решению мнемических задач, можно говорить о произвольном течении процессов запоминания и воспроизведения.

Направленность личности на произвольное **запоминание** не становится барьером для спонтанного схватывания материала. К примеру, умелая мнемическая работа ученого с новой информацией, вызвавшей сильное впечатление, но доступной ограниченное время, может свидетельствовать о его способности определять свою будущую научную деятельность не только с опорой на

произвольную память, но и с опорой на приемы запоминания, которые не могут быть эксплицированы. Постановка рациональной цели «запомнить интеллектуальное впечатление» может означать для него запуск процессов непроизвольного запоминания.

Произвольное запоминание объекта может быть ориентировано на его буквальное воспроизведение и организовано способом многократных осознанных повторений. Произвольность запечатления может выражаться в достижении его некоторой избыточности в сравнении с ожидаемым направленным воспроизведением. Здесь в контекст задачи на запоминание вводится поправка на «естественные» утраты и реконструкции содержаний памяти. Так желание запомнить впечатление, не упустив ничего значимого, побуждает многократно внутренне воссоздавать его в полноте и связности всех замеченных и осмысленных деталей.

Произвольное **воспроизведение** рассматривается в психологии памяти как сложно выстраиваемая деятельность, состоящая в движении личности от цели «вспомнить» к эффекту вспоминания. Иногда такое воспроизведение осуществляется с усилием, направленным на восстановление структур, многие элементы которых кажутся утраченными. «Усилие памяти» может составить основной момент восстановления впечатления. Образ случайно увиденной вещи может стать напоминанием о значимом моменте проживания и впечатления, образ которого вдруг начинает свое незримое внутреннее движение и требует совершения «работы памяти» для своего участия в ситуации здесь-и-сейчас и привнесения в индивидуальную жизнь чего-то необходимого для ее продолжения.

Непроизвольное **запоминание** характерно для значимых объектов и сложных впечатлений, связанных с реализацией влечений, сильных желаний, интимных переживаний, творчества, любимой деятельности, отношений к близким. Невольно запоминаемые значимости могут легко актуализироваться в текущей жизни,

придавая ей и самоопределению личности труднообъяснимые свободу и естественность.

Богатство произвольного **воспроизведения** впечатления часто свидетельствует о значительной энергии, аккумулированной в понятийно-образных связях, установленных в его внутренней динамике. У многих произвольно всплывающих сильных впечатлений, относящихся к давнему прошлому, обнаруживается глубинный корень, уходящий в неизмеримые глубины коллективного бессознательного. М.К. Мамардашвили со ссылкой на героя М. Пруста отмечает: *«Когда он вернется домой после прогулок в страну Германтов, где он мечтал о яркой и авантюрной легкой жизни, он будет жаждать поцелуя матери на ночь..., потому что поцелуй матери – первичная или, как выражаются ученые-психологи, архетипическая форма всякой возможной любви и нежности. Когда он будет преследовать Альбертину, то в действительности механизмом преследования будет механизм воссоединения его с поцелуем матери на ночь»* (Там же; с. 121).

Иногда наплыв вспоминаемого бывает так силен, что личность оказывается погруженной в сверхинтенсивное творчество. «Теснящиеся образы», «бойкие мысли», «нахлынувшие чувства», «инсайты невозможного», «появления из глубины всего прожитого» – метафорический ряд, хорошо известный по рефлексивным высказываниям творческих людей, испытавших подобную экспансию впечатлений. В творчестве мы в состоянии вспомнить, что жили и можем жить подлинной жизнью.

Опосредованность памяти личности

Речь идет об «орудийном», «инструментальном» обеспечении мнемической активности (Л. С. Выготский, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев). Указывается на возможность организовать, структурировать, увеличить продуктивность или уменьшить потери памяти личности с помощью специальных средств. Здесь на первый план выходит поддержка высокого уровня запоминания, сбережения

и репродукции за счет возможностей других психических функций и предметной деятельности.

«Посредниками» в мнемических процессах могут выступать **перцепты** объектов, находящихся в понятных связях с основными материалами памяти. Так, организуя свою память по внутреннему сохранению ценных объектов, состояний, впечатлений личность привлекает напоминающие «вещи», «сопутствующие обстановки», «значимых других», «предметы-символы» и т. д.

Личность может сама выступить средством собственной памяти, используя свои **телесные движения и действия**, поставив запоминание и вспоминание почти в магическую зависимость от своих жестов, поведенческих актов, пластической экспрессии, речевых приемов. Так, приближающий жест используется личностью как напоминание о хороших впечатлениях, которые она испытывала когда-то в отношениях с человеком, уже переставшим быть ей близким, и она пользуется этим жестом для актуального поддержания отношений с ним.

Образы представления также часто выступают средствами запечатления и извлечения мнемических содержаний. Доступные внутренние образы могут способствовать удержанию новых, недостаточно освоенных содержаний. Они же направляют наш поиск в процессах воспроизведения ускользающих, распадающихся впечатлений. Припоминая, к примеру, неотчетливые детали какого-то сильно затронувшего события, мы можем актуализировать фантазийный или символический образ, возникший в представлении в момент протекания или по окончании этого события и осознанный тогда как «то, что не даст забыть».

Эффективное опосредование запоминания и воспроизведения сложных материалов достигается при активном использовании **мыслительных элементов и структур**. В частности, с помощью понятийного структурирования легче удерживаются ключевые моменты картин впечатлений с множеством их составляющих и связей между ними. Понимание обобщенного, существенного

значения и смысла происходящего позволяет удержать и воспроизвести образное «целое» события, вызвавшего впечатление. Установление логических связей и отношений между элементами проживания значимого события позволяет эффективно сохранить и припомнить каждый из них за счет мыслительной актуализации других. В единстве с мыслительными средствами памяти выступают **рефлексивные** приемы и эффекты, позволяющие личности соотнести логическую репрезентацию впечатления с «Я». Так, осмысление своих впечатлений о самоотверженной любви близкого в категориях «встречи с вечно длящимися событиями человечности» закрепляет их во внутреннем опыте личности как одного из сильных побудителей Я к жизни.

Путь запоминания, сохранения и воспроизведения впечатления, как и любого значимого содержания, может быть опосредован осознанным **переживанием**, отметившим «средство» впечатления глубинным структурам Я. При этом опосредующая сила переживания возрастает тогда, когда оно является сложным, амбивалентным по своей природе или отличается особенно высокой интенсивностью. Герой рассказа А.П. Чехова «Красавицы» вспоминает свои сильные впечатления о нескольких встречах с красотой женщин, переживая сложное чувство восхищения ею и страдания от ее ускользания и мимолетности. Погружаясь сознанием в интенсивные и захватывающие переживания, которые сопровождают рождение впечатления, личность может «нанизывать» на их чувственную нить ключевые моменты значимого события и, двигаясь позднее по этой нити, может воссоздать драгоценность впечатления в целом.

Эффективность памяти личности

Найденная личностью гармония сознательных и бессознательных аспектов мнемических явлений, активность личности в организации мнемических процессов и мастерство в их опосредовании создают возможности для достижения высокой эффективности памяти, выражающейся в качественных характеристиках ее «продуктов».

Они выступают показателями успешности и результативности процессов памяти, указывают на потенциал мнемической функции как определяющей зрелость других психических форм личности. «Качества памяти» говорят о соответствии ее эффектов объективным параметрам определенного жизненного события, о способности личности «схватывать», сберегать и извлекать субъективные впечатления, возникшие по поводу этого события, а также о перспективах позитивного влияния этих впечатлений на изменение, обновление будущей жизни личности.

Полнота памяти заключается в запечатлении и сохранении всех существенных составляющих жизненного события, связанного со значимым объектом. Если человек переживает впечатление успеха в ценной для него деятельности и им запоминаются все образующие этого впечатления (в чем состоял успех, в каких условиях он стал возможен, на каком уровне осуществления деятельности он произошел, кто был адресатом, свидетелем, партнером на пути его достижения, что я сделал, чтобы быть успешным, что во мне позволило добиться успеха, что я чувствовал в ходе своей деятельности, кто и что мне сказал о моем успехе), то такая полнота памяти позволит сделать данное впечатление убедительным «образом возможного» в его будущей жизни. **Точность** воспроизведения указанного впечатления в контексте наступающей жизни позволит воссоздавать ее в измерениях как эффективного прошлого, так и ожидания более высоких достижений в новых условиях. Длительное удержание и воспроизведение данного впечатления в связи с множественными событиями текущей жизни без существенных изменений его содержания свидетельствует о **прочности** памяти, определяющей рост пространства запоминаемого, увеличение объема вспоминаемого, расширение горизонта возможностей за счет обогащения исходного впечатления образами новых успехов.

Обновление жизни за счет вовлекаемых в ее контекст сохраненных впечатлений предполагает активность личности по их

переосмыслению, реинтерпретации, нахождению нового объяснения их места и роли в ее жизни. **Реконструкция** – еще одно качество мнемических эффектов. Например, я часто вспоминаю лицо ребенка, мимолетно встреченного мной в счастливый момент жизни, и однажды замечаю его сходство с увиденным в Лувре детским портретом, который, при осмыслении этого сходства, постепенно субъективно сливается с образом реального ребенка. С этого момента сила и жизненность исходного впечатления для меня возрастают. Реконструкция впечатлений (в форме ментальных преобразований, в форме создания текстов или изображений, в форме раскрытия его скриптовых содержаний), дающая им обновленное бытие, может говорить о глубине нашего проникновения в собственную жизнь, о наших «усилиях жить». «Образы прошлого сохраняются только для того, чтобы быть использованными, они непрерывно дополняют опыт настоящего, обогащая его уже приобретенным опытом, и так как этот прошлый опыт не перестает увеличиваться, в конце концов он перекрывает и насыщает собой опыт настоящего... Воспоминание о событии связано в нашей памяти с целым рядом последующих событий и может тем самым лучше просветить нас в настоящем...» (2; с.198).

5. Впечатления как память, воссоздающая жизнь

Впечатление в качестве внезапно возникающей, целостной, эмоционально насыщенной репрезентации высоко значимого и во многом неизвестного объекта конституируется активностью и эффектами всех психических и практических функций личности. При этом, роль памяти в жизненном генезе впечатления столь велика, что его можно условно считать «феноменом памяти личности». Подчеркивая значение «Я» личности в порождении, сохранении и воспроизведении впечатления, можем также говорить, что обладать впечатлениями, значит «помнить себя» и «вспоминать себя» в процессе жизни.

Наметим ряд положений о развивающих связях впечатления – памяти – жизни, привлекая глубокие психологические идеи М.К.

Мамардашвили (7) и акцентируя рассмотренные закономерности, особенности динамики, качества мнемических явлений.

1. У впечатления есть связь с архетипом как формой коллективной бессознательной памяти и уловить эту связь, значит, добраться до его самого глубокого источника.
2. Впечатление является истинным образом реальности, благодаря вовлечению в его контекст множества воспоминаний, связанных с проживаемой личностью актуальной ситуацией. «Реальность есть некоторая пропорция, или отношение, между актуально, сейчас переживаемыми впечатлениями и омывающими их воспоминаниями» (Там же; с. 228). В определенном смысле яркое впечатление реальнее самой реальности.
3. Во впечатлении проступает скрытое содержание внутренней жизни, которое бессознательно направляет личность в поиске объектов ее «неизвестных» желаний; при встрече с впечатляющими объектами всплывает тайна интимных устремлений, получившая шанс быть раскрытой личностью.
4. Вспоминаемое и актуальное не исчерпывают события возникновения впечатления; чувства, запоминаемые в момент рождения впечатления, позднее «сами воспроизведут свои причины» (Там же; с. 241), направляя впечатление к его новой актуализации как события будущего.
5. Возникновение впечатления создает условия для расширения пространства внутреннего опыта личности не только за счет нового знания, но и за счет «незнаемого», приоткрывающегося через затененные, смутные, непонимаемые содержания впечатления.
6. Впечатление, вошедшее при запоминании в состав ментального мира и внутренней жизни, становится «особо чувствительной»

частью индивидуального опыта, улавливающей и усиливающей значимости личности.

7. Впечатления – возможность для личности раскрыть свою «многояйность», так как в момент воспроизведения впечатлений личность предстает перед собой в тех образах и сущностях, которые были присущи ей исключительно в моменты первого возникновения каждого впечатления.
8. Прочное сохранение впечатления в его полноте – процесс, текущий во многих слоях внутренней жизни личности: в том глубинном слое, где незримо устанавливается связь впечатления с коренными, вечно длящимися событиями всечеловеческого бытия (рождение, любовь, творение, жертва, спасение, смерть); в слое сознательной жизни, устанавливающей связи впечатления с «Я» личности; в слое культуры, где символически означенное впечатление становится частью культурного опыта, имеющего различный диапазон смысловых и временных влияний на других личностей.
9. Для того, чтобы приобрести длительность существования, впечатление должно воспроизводиться; оно является тем, что «только опытом можно породить» (Там же; с. 188), вновь и вновь расшифровывая и понимая его послания в дальнейшую жизнь.
10. При воспроизведении впечатление приобретает артикуляцию, превращающую его в выражаемое, передаваемое, влияющее на других; артикулированное впечатление способствует созданию связной картины прошлого, где данное впечатление помещается в цепь родственных впечатлений, которая образует одну из «линий жизни», ведущих к основным значимостям личности, разделяемых с множеством других людей.

11. Когда воспоминание сильного впечатления вплетается в восприятие значимого для личности объекта, этот объект приобретает особые достоверность, очевидность, ценность, которые побуждают преобразовывать реальность, ярко освещенную памятью.
12. Впечатление личности при его воспроизведении может стать предметом ее фантазии, интерпретирующей рефлексии, нового осмысления, творческой реконструкции, авторского повествования, изображения, проигрывания, то есть приобретает форму «реализованного», способного вступить в отношения с дальнейшей жизнью самой личности, других людей, культуры.
13. Извлечение и реализация впечатления обогащают знания, чувства, практические действия личности, связанные с ее отношением к значимости; сама значимость получает новый импульс к развитию, реальным преобразованиям при условии открытости личности к влияниям впечатления.
14. Давнее впечатление может непроизвольно вспоминаться в ответ на случайное напоминание вещью, знаком, действием, увлекаая за собой объемные фрагменты внутреннего опыта, в который когда-то было интегрировано впечатление и который был укрупнен в процессе жизни за счет новых содержаний, связанных с элементами и «целым» впечатления.
15. Запоминание и сохранение впечатления могут получить «инструментальную поддержку» за счет его осознанной инскрипции в символическую вещь, знак, текст или изображение, являющиеся своего рода метафорами жизненного смысла впечатления. Использование этих метафор означает экскрипцию впечатления, обогащенную «практикой его одухотворения».

Память, задействованная при возникновении и развитии впечатления, имеет важнейшее значение для его трансценденции за границы опыта и актуального проживания личности. В поступательном движении жизни, в развитии жизненных отношений **«память впечатлений»** позволяет личности стать субъектом, созидательной силой своего будущего.

В итоге моделирования подчеркнем, что память в структуре и динамике впечатления, приобретает свойство **активизировать, развивать жизнь**. Запоминаемое, сохраняемое и вспоминаемое впечатление может в следующие моменты текущей жизни воссоздавать ее в новых конструктивных, продуктивных формах и качествах. Ими выступают: амплификация сознания и самосознания / пробуждение генерирующих сил бессознательного / открытие новых зон неизвестного во внутреннем мире: «знаю, о своем незнании» / усиление желаний / углубление смыслов / интеллектуализация замыслов / позитивные, утонченные переживания / повышение готовности к действию / активизация рефлексии в измерении «обновления себя» / намерение развивать отношения к значимым другим / чувство новизны жизни / предчувствие творчества / рождение авторского «текста жизни» / продолжение своей лучшей жизни во внутреннем и внешнем мире других / устремление к жизни, где больше любви.

Обладая мощной мнемической основой и выражая полноту проживания здесь-и-сейчас, впечатление имеет телеологическую ценность, «высвобождая» жизнь.

Литература

1. Августин А. Исповедь. М.: Ренессанс. СП ИВО – С. и Д. 1991.
2. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память. С. С.. Т. 1. М.: Московский клуб. 1992.
3. Блонский П.П. К проблеме воспоминания. М.: Директ-медиа Паблишинг. 2008.

4. Веккер Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл. 1999.
5. Выготский Л. С. История развития высших психических функций. С.С. Т. 3. М.: Педагогика. 1983.
6. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во МГУ. 1972.
7. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути: М. Пруст «В поисках утраченного времени». СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института. 1997.
8. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. В 2 т. Т.1 М.: Педагогика. 1989.
9. Смирнов А. А. Проблемы психологии памяти. Избр. психол труды. В 2 т. Т. 2. 1987.
10. Старовойтенко Е.Б. Современная психология: формы интеллектуальной жизни. М.: Академический проект. 2001.
11. Старовойтенко Е.Б. Модели развития индивидуального отношения к себе. // Мир психологии. №1. 2011, с. 55 - 69.
12. Толстой Л. Н. Собр. соч.. в 22 т. Т. 9. М.: Художественная литература. 1982.
13. Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика. 1995.
14. Фресс П. Пиаже Ж. Научение и память. – Экспериментальная психология. Вып. 4. М.: Прогресс. 1973.
15. Хофман И. Активная память. М.: Прогресс. 1986.
16. Шадриков В.Д. Мир внутренней жизни человека. М: Университетская книга, Логос. 2006.
17. Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. М.: ООО «Изд-во АСТ – ЛТД». 1998.

РАЗВИТИЕ МЫСЛИ КАК ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Статья Старовойтенко Е. Б. Развитие мысли как проблема культурной психологии личности // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2012. № 2. С. 91-105.

В обширном спектре психологических идей о развитии следует выделить его экзистенциальное понимание как континуума жизненных состояний, в которых происходит становление личности. Ключевое место в этом континууме принадлежит «состояниям мысли», которые могут быть исследованы на пересечении психологии мышления и психологии личности.

Фундаментальные исследования из области психологии мышления обладают высокой ценностью для познания универсальных, общих, типологических свойств и закономерностей развития мыслительной активности человека. При осмыслении результатов этих исследований в контексте теоретической и практической психологии личности они раскрывают свой богатый потенциал для понимания индивидуального генеза, реализации и результативности мышления. Примером такого осмысления является опыт аналитической, когнитивной, рефлексивной психологии личности.

Полагаем, что перспективным направлением в исследованиях индивидуального мышления может стать его изучение в качестве функционального, динамического, содержательного, продуктивного аспекта жизни личности, отраженного в культуре, в частности, философских и литературных текстах (14; 16). Их психологическая интерпретация позволяет, во-первых, обнаружить феномены, уникальные факты и формы мышления героев. Во-вторых, эксплицировать данные о мысли авторов. В-третьих, создать модели и практики актуализации «событий мысли» в процессах познания и

самопознания личности, раскрывающие высокие потенциалы мышления. В-четвертых, обратившись к определенному культурному формату мышления (в частности, европейскому), воссоздать культуру генезиса мышления личности и идей о нем. В-пятых, использовать материалы культуры в целях углубления, конкретизации, преобразований, верификации знаний из области психологии мышления, в том числе, для разработки моделей зрелой мысли и их введения в контекст вершинной психологии личности.

Таким путем развитие мышления, индивидуальной мыслительной жизни становится проблемой **культурной психологии личности** (13), которой в единстве с другими науками предстоит внести свой вклад в познание генезиса мысли.

На основе привлечения ряда европейских **культурных источников** (текстов народных сказок, произведений Феофраста, Гете, Лабрюйера, Достоевского, Волошина, Мамардашвили), содержащих яркие личностные факты мышления, а также на основе обращения к мыслительным феноменам современной личности-в-культуре, наметим **модель**, интегрирующую ряд психологических характеристик высокого уровня развития мысли. Модель можно обозначить как «интеграл зрелой мысли личности».

«Мысль» в контексте данной работы выступает моментом проживания жизни, процессом активности, отношением к объекту и знанием, которое имеет высокую познавательную, практическую и экзистенциальную значимость для личности.

1. Проблемность мысли

Мышление «притягивается», активизируется **значимыми** объектами внешней и внутренней жизни, порождающими у личности поисковые состояния. При рассмотрении источников и

стимулов мысли важно учесть их собственные **параметры** и характеристики личностного **отношения** к ним.

1. Сознательная и бессознательная мысль оперирует или сложными единичными объектами, или структурами, состоящими из нескольких либо множества таких объектов, или системами взаимодействий объектов, образующих динамичные «ситуации» мышления.

2. Объекты мысли (процессы, вещи, существа, люди, другой человек, «Я») даны личности в единстве сенсорных и образных, символических и абстрактно-логических, изобразительных и вербальных репрезентаций.

3. Иногда объект внезапно, во вспышке догадки, озарения или прозрения «показывает свою истину». Иногда он указывает личности на присутствие в нем неизвестного, неопределенного, ошибки или противоречия. Объекты и ситуации выступают в жизни мыслителя в качестве источников спонтанных открытий или «проблем», требующих осознанного, поступательного поиска.

4. Отношение к проблемному объекту проживается личностью в разных формах, которые могут взаимодействовать, компенсировать, замещать, дополнять друг друга. Речь может идти, например, об эмоциональной форме отношения, когда личность испытывает любопытство, любознательность, беспокойство, интеллектуальную неуверенность, сомнение, азарт или беспомощность. Вероятно также интуитивное схватывание новизны, неопределенности или недостатка знания об объекте, сопровождающееся общим чувственным прогнозом, надеждой, предчувствием преодоления когнитивных затруднений. Личности с развитой исследовательской установкой свойственна рефлексия работы с проблемой и дискурсивная активность, направленная на понимание того, в чем

состоит неизвестное, а также на выражение этого понимания в вербальном «вопросе», «проблемном суждении», «задаче».

Например, способный студент-филолог стремится продолжить образование в области философии. В разговоре с друзьями он огорченно спрашивает: «Почему мои родители не хотят, чтобы я занимался философией?». Затем, подумав, формулирует: «Моя проблема в том, что они надеются на мой скорый успех, а я не могу доказать, что и в качестве философа могу достичь компетентности и благополучия. Я должен подумать, как их убедить». В *вопросе* студент просто фиксирует существование неизвестного-для-себя (не знаю, почему...). Затем в *проблемном суждении* обнаруживает конфликт (они надеются... я не могу доказать...), неразрешенность которого создает неопределенность в отношениях студента с родителями. Это несомненное продвижение в понимании проблемы. И далее – постановка *задачи* и одновременно выдвижение *гипотезы* о том, как найти решение проблемы (подумать, как их убедить...). В тех случаях, когда в формулировке проблемы более или менее явно присутствуют ожидание и указание на возможное решение, и это решение связывается с определенными действиями «Я», можно говорить о *рефлексивном* уровне отношения к проблеме.

Проблема личности разрешается здесь посредством мысленного различения элементов непроясненной ситуации и введения в нее нового элемента и новых межэлементных отношений (12).

Так, элементами рассмотренной выше ситуации являются: «родители», «философия», «Я», «успех». Найденный пробел, пустота в этой жизненной связи – *отсутствие понимания* родителями, что «я могу быть успешен в философии». Решение проблемы студент видит в том, чтобы, убеждая, самому помочь родителям понять его. Решению, таким образом, будет служить

введение в ситуацию «Я - убеждающего» как ее нового элемента и «понимания» как нового отношения родителей к студенту. Решение предполагает выход за пределы исходной ситуации, так как «убедить» означает скорые действия и результаты личности в выбранной области деятельности, превращение «философии» из воображаемого ценного объекта в поле его жизненной практики. (Через 15 лет наш герой становится известным специалистом по религиозной философии).

5. Проблемность мышления начинает проявлять себя в детском «наивном» вопрошании, которое служит устранению неведения о предметах обыденной жизни, а также построению относительно прочной системы непротиворечивых знаний о реальности. Затем личность переходит к постановке проблем, расшатывающих первичные интеллектуальные схемы и требующих когнитивных преобразований, творческого поиска. Проблемность мышления ранней взрослости допускает существование многих, в том числе противоположных, точек зрения на объект. Она связана с сомнениями, обнаружением множества новых жизненных оппозиций, с нахождением противоречий в объектах, с выявлением апорий, с выдвижением контрдоводов и опровержением знаний, казавшихся устоявшимися и «монолитными». Эта «диалектическая стадия» развития мышления рассматривается К. Ригелем как следующая за «стадией формальных операций» в модели интеллектуального генеза Ж. Пиаже (9). Диалектическая мысль по мере взросления личности выражается не только в различении противоположностей, но и в попытках их самостоятельного синтеза, в применении различных способов разрешения противоречий между ними и в осознанном «неразрешении» их коллизий.

б. Мышление взрослой личности оперирует проблемами, которые можно классифицировать по признаку «разрешающего умственного действия». Это, к примеру: проблема переноса знания с известных ситуаций или объектов на новые, подобные (можно ли в данном случае мыслить так же, как в других?); проблема нахождения ошибки в мысли, концептуальной системе или модели объекта (что мыслится и объясняется неверно?); проблема обнаружения заблуждения в своем или чужом понимании объекта (что неправильно толкуется?); проблема достижения понимания (как это понимать и интерпретировать?); проблема преодоления незнания о каком-либо объекте, явлении (в чем состоит неизвестное?); проблема восполнения недостаточности наличного знания об объекте (что еще существенно в объекте?); проблема обнаружения причин незнания об объекте (почему мы не знаем об этом?); проблема понимания скрытого значения символов, выраженных в метафорах, аллегориях, пословицах, парадоксах, суждениях с переносным смыслом, баснях, юморе, эзотерических текстах (что это в действительности значит?); проблема преодоления устоявшегося знания об объекте (как об этом можно мыслить иначе?); проблема вскрытия противоречий в мыслимом объекте (что противоположно друг другу, и есть ли между ними конфликт?); и др.

Так художественно-психологический анализ учения Спинозы о человеке позволил Гете овладеть искусством оперирования противоположностями и прояснить на этой основе ключевые противоречия собственной жизни (4). В результате психологической реконструкции они выглядят следующим образом: мы стремимся к внутренней автономии – нас призывают к самоотречению; мы стремимся пополнить извне нашу собственную сущность – нам

навязывают что-то чуждое и даже тягостное; что добывается нами с великим трудом – у нас крадут; что было нам благостно даровано – у нас отнимается; чем более мы защищаем свою личность – тем более пренебрежительно к нам относятся; нас разрушают – мы сознательно и бессознательно себя восстанавливаем; наше самовосстановление – «подмена себя»: одна страсть заменяется другой, одно занятие – другим; мы отрекаемся от себя – некоторые отрекаются от всего; некоторые отрекаются от суетности жизни, и в них появляется нечто сверхчеловеческое – но другие видят в них безумных или безбожников; в нас глубоко коренится сознание наших преимуществ – мы отказываем другим людям в обладании ими и т. д.

7. Проблемы являются побудителями и ориентирами мышления в любой сфере жизни личности, включая частную, социальную, профессиональную жизнь, а также самопознание и саморазвитие. В зависимости от характера внешних и внутренних объектов, заключающих проблемы, и специфики самого проблемного мышления, в современной психологии различаются предметное мышление, социальное мышление, диалогическое мышление, эмоциональное мышление, рефлексивное мышление и т.д.

8. Личность в своем мыслительном отношении к объекту сознательно ориентирована и бессознательно зачарована порывом к поиску, поиском, обнаружением, пониманием, осмыслением, прояснением и разрешением проблем. Преобладание каких-то из этих моментов может быть отличительной характеристикой мышления конкретной личности. Так Ф.М. Достоевский описал «порыв к творчеству» как личностную доминанту одного из своих героев. «Его пожирала страсть самая глубокая, самая ненасытная, истощающая всю жизнь человека и не выделяющая таким

существам, как Ординов, ни одного угла в сфере другой, практической, житейской деятельности. Эта страсть была – наука... В нем было более бессознательного влечения, нежели логически отчетливой причины учиться и знать... В уединенных занятиях его никогда не было порядка и определенной системы; был один только первый восторг, первый жар, первая горячка художника. Он сам создавал себе систему, в душе его уже мало-помалу восставал темный, неясный, но дивно-отрадный образ идеи, воплощенной в новую просветленную форму; творчество уже сказывалось силам его...» (6, с. 265).

9. Проблемы мышления личности могут характеризоваться степенью распространенности (проблемы индивидуальные, частные, общие, всеобщие), частотой жизненной актуализации (проблемы ситуативные, периодически возникающие, жизненно константные). Кроме того, к их характеристикам можно отнести длительность решения (проблемы краткосрочные, требующие некоторого времени на решение и решаемые длительное время), новизну решения (проблемы, решаемые известным, или новым путем, или посредством их сочетания), степень индивидуальности решения (проблемы, требующие или не требующие уникальных решений).

10. Решение личностью мыслительных проблем состоит в развитии существующих или построении новых понятий и раскрытии межпонятийных отношений. Благодаря этому, становится более дифференцированным знание, развивается различительная способность сознания, растет интегрирующая сила рефлексии и интуиции.

Путь личности к решению проблем состоит в реализации следующих **способов понятийного конструирования**:

- отнесение искомого неизвестного к известной категории объектов;

- объединение многих различных объектов в новое целое;
- усмотрение в конкретном объекте действие закона, всеобщего принципа, универсального свойства, общего правила;
- возведение единичного объекта или события в ранг критического воплощения общего принципа или закономерности;
- интеграция максимального количества индивидуальных признаков объекта;
- открытие причинно-следственных и иных отношений между проблемным объектом и другими объектами;
- определение влияний проблемного объекта на другие;
- выявление форм воздействий других объектов на проблемный объект;
- установление взаимосвязей проблемного объекта с объектами-оппозициями; и д. д.

В ходе реализации одного или нескольких способов (разрешающих путей), достигаются эффекты переноса знания, исправления ошибок в знании, преодоления заблуждений, роста понимания, открытия нового, прояснения скрытого, разрешения противоречия, прогнозирования динамики знания. Иными словами, происходят события развития мысли. Нахождение решения чаще всего не завершает проблемную активность. Результат мышления должен найти выражение в теоретической и практической деятельности личности, в преобразованиях источников проблемы. В этом плане найденное решение становится основанием для принятия решения о внешнем или внутреннем действии, изменяющем предметную, социальную, частную, интимную жизнь личности.

Успешность личностной реализации тех или иных разрешающих путей зависит не только от правильности их выбора из числа возможных альтернатив, но и от качества их операционального

обеспечения, то есть, гибкой, богатой по составу, актуализированной как интуитивное и рефлексивное целое системы **мыслительных операций**. Эта система определяет также характер новых процессов проблематизации и развития проблемного отношения личности к познаваемому объекту.

2. Операциональная сложность мысли

Мышление, взятое с точки зрения его тонкого операционального строения, обычно выступает внутренним, почти не уловимым сознанием, свернутым, быстро текущим процессом. Подсознательность и слияние операций делает их слабо доступными для рефлексии и внешнего наблюдения. Однако, исследования речевых эквивалентов мысли или предметных действий как аналогов мыслительных актов позволяют восстановить тайную динамику мышления. Как известно, блестящий анализ операционального состава мышления осуществлен С.Л. Рубинштейном (12). Приняв этот анализ за основу, покажем, как «работают» и могут быть конкретизированы его результаты при реконструкции культурных источников, отражающих живую авторскую мысль, посвященную личности в ее проживании жизни. Возьмем «факты мышления» из литературно-философского произведения «Характеры» Жана де Лабрюйера (5).

1) Различение – операция мысленного извлечения элементов из целого и их отделение друг от друга. Процесс различения хорошо эксплицируется в высказываниях, перечисляющих составные части и признаки (качества, свойства, функции, связи, действия) целостного объекта. «Человек домогается, хлопчет, интригует, тревожится, просит, встречает отказ, просит снова и достигает цели; а послушать его, так он получил желаемое без всяких просьб...» (Там же, с. 318).

2) Сравнение – операция мысленного сопоставления отдельных объектов или их элементов и дальнейшее установление сходства и различия между ними. Эта операция обнаруживается в высказываниях о специфических особенностях соотносимых явлений. «Пока любовь жива, она черпает силы в самой себе, а подчас и в том, что, казалось бы, должно ее убивать: в прихотях, суровости, холодности и ревности. Напротив, дружба требует ухода: ей нужны заботы, доверие и снисходительность, иначе она зачахнет» (Там же, с. 245).

3) Нахождение сходства (подобия, сродства) – операция, позволяющая отождествить различные объекты по одному или нескольким признакам. Раскрывается в высказываниях личности о разных явлениях, обладающих похожими чертами, свойствами, отношениями. «И при дворе, и в народе – одни и те же страсти, слабости, низости, заблуждения, семейные и родственные раздоры, зависть и недоброжелательство; всюду есть невестки и свекрови, мужья и жены. Всюду люди разводятся, ссорятся и на время мирятся; везде мы находим недовольство, гнев, предвзятость, пересуды» (Там же, с. 348).

4) Нахождение отличий – операция, благодаря которой однородное открывается как обладающее индивидуальными или типологическими отличиями друг от друга. Эксплицируется в высказываниях личности о различных свойствах объектов, относящихся к одной категории. «Лишь убедившись на собственном опыте, можно поверить в существование тех удивительных различий, которые возникают между людьми, обладающими большим или меньшим запасом монет. Это «больше» и «меньше» побуждает человека надевать мундир, или мантию, или рясу» (Там же, с. 279).

5) Объединение в целое – операция воссоединения различных, прошедших сравнение, взаимодействующих, имеющих сходные и отличительные, признаки объектов в новую структуру. Находит выражение в синтетических суждениях, подчеркивающих существование многого в составе единого или соотношения (причинная зависимость, воздействие, влияние и т. д.) многих элементов в общем целом. «Дети богов – назовем их так – не подчиняются законам природы и являют собой как бы исключение из них: время и годы почти ничего не могут им дать. Их достоинства опережают их возраст. Они рождаются уже умудренные знаниями и достигают истинной зрелости раньше, чем большинство людей избывает младенческое неведение» (Там же, с. 221).

6) Абстрагирование – операция выделения существенных, то есть свободных от случайных привнесений, свойств и связей объектов и объединения этих объектов в новую общую категорию. Ярко выражаются в высказываниях, которые подчеркивают отвлеченные, категориальные признаки каких-либо сходных явлений. «Талантом собеседника» отличаются не те, которые охотно говорят сами, а те, с кем охотно говорят другие; если после беседы с вами человек доволен собой и своим остроумием, он вполне доволен и вами» (Там же, с. 263).

7) Выделение противоположностей – операция разделения оппозиционных объектов или признаков определенного объекта, находящихся в большем или меньшем противоречии друг с другом. Проявляется через высказывания личности, сопоставляющие противоположности. «Мы преисполнены нежности к тем, кому делаем добро, и страстно ненавидим тех, кому нанесли обиды» (Там же, с. 254).

8) Синтез различного, противоположного – операция соединения различных, в частности, оппозиционных объектов, свойств, отношений в такое новое целое, где разное, противоречивое взаимно дополняет, уравнивает или усиливает друг друга. Обнаруживается через высказывания о вещах или событиях, вбирающих в себя противоположности, погашающих одну противоположность в другой или в новом целом, выявляющих новые возможности их взаимодействия. «Друзья потому находят удовольствие в общении друг с другом, что одинаково смотрят на нравственные обязанности человека, но различно мыслят о вопросах научных: беседы помогают им укрепиться во взглядах, доказать свои убеждения или узнать что-либо новое» (Там же, с. 272).

9) Конкретизация – обратная операция по отношению к абстрагированию признаков, определяющих видовые, родовые, универсальные различия, оппозиции и тождества объекта. Состоит в возврате личности к индивидуальной специфике объекта при удержании всего богатства его абстрактных свойств и отношений. Как частный случай обнаруживается в высказываниях о конкретных явлениях, приобретающих яркую индивидуальность за счет критически полного обладания существенными признаками либо максимального соответствия законам тех категорий, к которым они принадлежат. «Люди, украшенные достоинствами, сразу узнают, выделяют и угадывают друг друга; если вы хотите, чтобы вас уважали, имейте дело только с людьми, заслуживающими уважения» (Там же, с. 271).

10) Символизация – операция, предполагающая опосредованное соотнесение единичного объекта с абстрактными признаками общих и универсальных объектных категорий. Средством соотнесения выступает другой конкретный объект, эмпирически отличный от

исходного, но критически полно демонстрирующий какой-то обобщенный признак, соединяющий исходный объект с определенной категорией. Эксплицируется в метафорических высказываниях, а также в высказываниях, которые уподобляют отдаленные явления или обладают переносным смыслом. «Как много на свете людей, которые похожи на уже взрослые и крепкие деревья, перенесенные и высаженные в сады, где они восхищают взоры каждого, кто видит их в столь прекрасных местах, но не знает, откуда их доставили и как они росли» (Там же, с. 283).

По характеру операций видно, что их можно разделить на различительные, объединяющие и синтетические, причем одни из них в основном осуществляются по отношению к эмпирическим, наблюдаемым объектам и их признакам, а другие – по отношению к «теоретическим» объектам и признакам, являющимся эффектами абстрагирования и категориально-речевого обобщения. Эмпирические и теоретические операции различения выступают «аналитическими»; объединение эмпирических и теоретических признаков принадлежат к разряду «синтетических». Операции тех и других видов образуют, согласно С. Л. Рубинштейну, единый и непрерывный аналитико-синтетический процесс мыслительной жизни личности.

В составе аналитико-синтетического процесса все выделенные операции складываются в динамическую последовательность, детерминированную содержанием проблемы, самодвижением мыслительной активности, предположением личности о результате поиска ее решения и выбранным способом достижения результата. Реализация проблемного мышления требует определенных отношений координации, соподчинения, единства операций.

В подвижном процессуальном контуре мышления можно обнаружить некоторые инвариантные для мыслительной жизни формы организации операций, составляющих своего рода **логические матрицы**. Их количество сравнительно невелико, но они поддерживают воспроизводство основных закономерностей мышления, делающих возможными интеллектуальную совместимость и взаимопонимание личностей в определенной культуре. Среди этих форм выделяют процессы речемыслительного порождения и воспроизводства идей, допущений, выводов, обобщений, оппозиций, противоречий, синтетических суждений и т. д. Матрицу могут образовывать множество различных операций, которые «погашаются» в осознанном логическом продукте, выступающем промежуточным или конечным результатом процесса решения проблемы.

Известно, что европейскому мышлению свойственна **бинарность** (7). В зрелой индивидуальной мыслительной жизни она представлена системой операций с **понятиями–оппозициями**, включенных в контекст отношений личности к внешним и внутренним объектам. Данные операции могут состоять в символическом «смещении» противоположностей, в различительных и объединяющих действиях диалектического дискурса, в феноменологическом «перетекании» оппозиций. Это могут быть также поступательные операции рационального синтеза тонких бинарных дифференцировок с перспективой осуществления «синтеза синтезов».

Представим систему **операций с оппозициями**, порождающую сложные мыслительные продукты:

выделение целого со слабо различенными элементами;

обнаружение двойственности целого;

извлечение элементов-оппозиций целого;
рассмотрение оппозиций как автономных друг к другу;
обнаружение непроходимости границ между оппозициями;
удержание оппозиций в их кардинальном различии;
соотнесение оппозиций как взаимодействующих в общем целом;
определение равновесия оппозиций;
установление комплементарности оппозиций;
нахождение конфликтных отношений оппозиций;
обнаружение противоречия оппозиций;
исключение одного из элементов противоречия;
нахождение новой формы равнодействия оппозиций;
синтез оппозиций в новом целом;
определение формы присутствия одной оппозиции в другой;
изоляция обогащенных друг другом оппозиций;
создание «целого», нивелирующего собственную двойственность;
понимание оппозиций как «созданных друг для друга»; и т. д.

Порядок реализации и гибкость операционального состава мышления поддерживается, в числе других условий, особенностями содержаний, с которыми действует личность, устанавливая между ними множество «мыслимых отношений». К числу основных содержаний мышления относятся образы, символы и понятия объектов, закрепленные в изобразительно-речевых кодах. Процесс мышления выступает сменой циклов их репродукции, актуализации, преобразования, прогнозирования и генерирования.

Процессуально-содержательное единство составляет, по выражению Л. М. Веккера, «формулу мысли» (1). В реальном взаимодействии и отношении личности к проблемному объекту «формулой» описываются усложняющиеся акты, феномены и эффекты его осмысления, понимания и переосмысления. Эффекты

мыслительного процесса (репрезентация проблемы, замысел ее решения, промежуточные интеллектуальные результаты, новая идея) формируют **продуктивный план мышления**, основной единицей которого выступает «понятие».

3. Понятийное богатство мысли

В контексте мыслительной активности личности **понятия**, или «концепты», интегрируют первичные и вторичные образы объекта, превращая их в участников абстрактно-логического процесса. Придав образам и их элементам легко обратимую словесную форму, понятия хранят чувственную, фигуративную индивидуальность объекта, а также воссоздают его принадлежность к различным объектным категориям и идеальную форму его существования. «Понятие как специфическая структурная единица мысли, воплощающая ее высший уровень, представляет несомненную эмпирическую реальность, с которой нас сталкивают самые различные области практического и научно-теоретического опыта» (1, с. 281).

1. Понятие является инвариантом, образующими которого, кроме собственно мыслительных «включений», выступают ощущения и восприятие, образы представления и воображения, эффекты интуиции и переживания, шлейфы желаний и самоотношения, а также предметные, пластические и речевые формы выражения.

2. Понятию присущи обобщенность, существенность и отвлеченность особого рода: общие признаки объекта связаны с индивидуальными, абстрактные с конкретными, существенные с ситуативными.

3. Понятие строится как иерархическая структура признаков объекта. Ее можно рассматривать по «принципу обобщенности», означающему, что на каждом вышележащем уровне она содержит

все более существенные, общие, фундаментальные признаки и, следовательно, включает все меньшее их число. При этом поддерживаются устойчивые отношения подчинения между нижними и верхними «этажами» иерархии.

Структуру также можно рассматривать по «принципу включенности», согласно которому растущие ранги обобщенности предполагают увеличение пронцаемости признаков более высокого ранга для признаков менее высоких рангов. Эмпирические признаки с незначительной степенью общности включаются в содержание признаков с растущей мерой обобщенности, преобразуясь из образных в речевые, из случайных в существенные, из индивидуальных в видовые, родовые или всеобщие. Общие признаки за счет проникновения эмпирических признаков становятся более «живыми», полными, индивидуализированными. Например, видимый огонек свечи, имеющий индивидуальные временные и топологические параметры, в понятийном осмыслении превращается в «свет», обладающий свойством безграничности, то есть теряет свою предметную конкретность. Понятие «горящая свеча» приобретает такое расширенное объективное содержание, что ее свечение становится одним из бесчисленных моментов в вечном порождении света. С этой точки зрения выстраивается уже не структура - «пирамида», а структура - «веер» понятия.

Структуру понятия можно определять и по «принципу межуровневых отношений признаков». Тогда она становится «расширяющейся спиралью» связей исходного объекта с умножающимися представителями каждого нового уровня структуры и приобретает статус теоретического или научного понятия. Его построение будет состоять в восстановлении, упорядочении и структурной организации сквозных

многоуровневых отношений объектов, сходящихся к основному объекту. Научное понятие, создающееся по трем указанным принципам, равноценно «теории объекта».

4. Согласно разным классификациям, в содержательную структуру, или семантику, зрелого понятия входят другие понятия, указывающие на разноуровневые признаки объекта: 1) конкретно-ситуативные, предметно-структурные, функциональные, генетические, видовые и категориально-родовые признаки; 2) индивидуальные, видовые, родовые признаки; 3) ситуативные, специфические, универсальные признаки; 4) эмпирические, конкретно-научные, общенаучные, философские признаки.

Содержание зрелых понятий формируется и развивается посредством привлечения всей тотальности сложившейся понятийной системы, оперирования признаками или «определяющими понятиями» разной степени общности в контексте решения конкретных жизненных проблем, а также путем сочетания сознательных и бессознательных способов понятийного структурирования для перехода к творческим, спонтанным, авторским преобразованиям понятия.

5. В понятийном пространстве личности выделяются понятия разных видов. Одно видовое различие указывает на существование предметно-образных, образно-схематических, знаково-символических и речевых понятий. Другое различие отражает соотношение общих и индивидуальных содержаний понятия и указывает на существование общезначимых и личных понятий. Еще одно различие связано с полнотой и разными «весами» значений и смыслов в контексте понятий. Если значение и смысл ограничены предметным, конкретно-видовым наполнением, охватывают очевидные функциональные и генетические отношения

объекта и имеют множественные ассоциативные включения, то это, по распространенному определению, «житейское понятие». Если значение и смысл заключают всю полноту иерархии обще- и индивидуально значимых содержаний, личность владеет «научным понятием». Можно выделить также «символическое понятие» (философское или художественное), строящееся путем интуитивного и творчески-ассоциативного нахождения образно-вербальных заместителей, предельно соответствующих еще непознанным значениям и неоткрытым смыслам объекта. Символические слова или высказывания указывают на яркий предметный образ, а тот, в свою очередь, на волнующее мыслителя невербальное, иррациональное «ядро» понятийного значения. (Как, например, иначе можно определить направленность и различительную силу сознания, кроме присвоения ему символического имени «луча», подразумевая неизвестную энергию и проясняющую сущность сознательной активности?) К перечисленным разновидностям понятий можно добавить «феноменологическое понятие», которое обладает достаточно полным значением и одновременно глубоким субъективным смыслом, основанным на рефлексии и уникальном проживании личностью познаваемой реальности. Развитие мышления личности происходит на основе многоуровневого понятийного конструирования, предполагает представленность в содержании мысли различных видов понятий и их индивидуального единства.

6. В развитой понятийной системе, будь то индивидуальное мышление или мышление представителей определенной культуры, можно обнаружить элементы всех предыдущих этапов становления мысли. Существует глубокое сродство этапов культурогенеза и онтогенеза мыслительной активности. В понятийном мышлении

современной личности могут относительно свободно функционировать концепты, соответствующие разным фазам культурогенеза и онтогенеза мыслительной деятельности, образуя «понятийное богатство мысли». Одна из лучших генетических типологий понятий, взятых в контексте культурного и индивидуального мышления, принадлежит, как известно, Л. С. Выготскому (3). Выделенные им **разновидности концептов** можно рассматривать как определители зрелости индивидуальной мысли в условиях субъективного принятия, осознанного развития и творческого синтеза личностью следов мышления разных культурных эпох и разных времен индивидуальной жизни.

Самыми генетически ранними следами во взрослом понятийном мышлении личности являются *«синкретические понятия»*. Они актуализируются путем случайного, ситуативного, ассоциативного сведения логически не соединимых вещей и событий. В синкретическую «связку» могут попасть любые элементы реальности, словно мыслитель бессознательно убежден, что все в мире связано со всем бесчисленным количеством непосредственных отношений. Эти понятия обладают большой силой субъективной убедительности, так как кажутся хранителями таинственного иррационального знания, поднимаемого из глубин души желаниями, эмоциями и фантазиями. Синкретическими элементами понятийного строя взрослого выступают, например, осознанные мыслеобразные картины сновидений, необъяснимо влекущие идеи ритуальных, обрядовых и некоторых игровых действий, магические сцепления причин и следствий в «приметах», поэтические агглютинации шутилой «чепухи» и сказочной «небывальщины».

Максимилиан Волошин упоминает опыт обрядового синкретического творчества, описанный его знакомой

писательницей. Подобного рода опыты живут и творчески питают нас, независимо от того, созданы ли они нами в детстве или нам их доверила древность, или они украсили нашу взрослую жизнь. «Помню себя совсем маленькой в яркое солнечное утро, зажженную солнцем столовую с накрытым чайным столом, на котором ослепительно сверкают чайные ложечки. Большие еще не встали. Мне сразу бросается в глаза предмет, который я в комнатах никогда не видела: на полу лежит несколько душистых, едва распустившихся березок, и горничная засовывает одну из них в угол за диван. «Что это? Зачем? Спрашиваю я. Троицин день – объясняют мне. Мне ново и непонятно это слово; оно мне ничего не говорит, я удивительно быстро и радостно связываю оба представления и только оживленно допытываюсь: «всегда так бывает? – «Всегда – говорит горничная – а вот вечером пойдем на реку венки в воду кидать». Все становится празднично и необычайно в моих глазах. Я хочу помогать расстилать березки, накрывать на стол. Мне дают нести бумажный мешок с сахаром, и я, выпустив его из рук, роняю на пол. Белые кусочки громко рассыпаются и раскатываются по полу, сверкая на солнце. Я стою над ними. Троицин день... березки... рассыпанный сахар... Все это вместе... «Знаешь, - говорю я радостно маленькой сестре, - это тоже всегда так надо! Каждый раз, когда будет Троицин день, надо рассыпать весь сахар... Что-то вроде представления о разрушенном сахарном дворце мелькает в моем воображении. Раз в году должны гибнуть все белые сахарные дворцы... И еще несколько лет мы выполняли наш бессмысленный обряд, прячась от взрослых, как прячется сектант, совершая свое тайное моление.» (2; с. 500).

Детство культур, детство современного человека и расцвет взрослого мышления отмечено развитием *«понятий-коллекций»*. Такими концептами объединяются предметы, явления, события,

которые вместе объективно участвуют в каком-то практическом действии, или представляют собой различные ситуативные формы одного и того же опытно постигаемого факта, или связаны непосредственным процессом реализации какого-то конкретного сильного желания, или служат материалом для словесного выделения общих наглядных свойств, полученных при первичном абстрагировании. «Коллекционное мышление» отзывается в нашей взрослой жизни, когда мы спонтанно и творчески пользуемся приемами обыденного определения вещей, «от века» задействованных в повседневной жизни, хорошо знакомых с раннего возраста, очевидных со времен, когда сказки, легенды, предания и теплая житейская мудрость окружающих были для нас основным источником знания о жизни. Особой магией обладает для нас логика древних обобщений, касающихся человеческих качеств, которую мы иногда стихийно воссоздаем, не подозревая, что ее искусные образцы появились тысячелетия назад. Разве наши заключения о том или ином человеке не напоминают иногда коллекции житейских «черт», объединенных когда-то Феофрастом в знаменитые «Характеры»? «Высокомерие – это какое-то презрение ко всем остальным людям, кроме себя, а высокомерный вот какой человек. (1) Посетителю, который спешит, он говорит, что тот может встретиться с ним после обеда на прогулке. (2) Оказав людям услугу, он велит хорошо запомнить это. (3) Избранный на государственную должность, отказывается, уверяя, что ему недосуг. (4) Первым посетить никого он не желает. (5) Со встречными на улицах не разговаривает, а идет, глядя себе под ноги или наоборот, высоко подняв голову» (17; с. 32).

К процессам образования понятий-коллекций непосредственно присоединяются процессы становления «псевдопонятий», которые

структурно родственны абстрактным понятиям, но отличаются от них относительной нестойкостью под воздействием сенсорно-перцептивных впечатлений, невысокими порядками обобщений, прямым участием в практических действиях в виде конкретных «рецептов», указаний и регламентов. Кроме того, они отличаются «законодательным» характером в смысле притязания на руководство повседневной жизнью и некоторого сопротивления когнитивным преобразованиям. В производстве и воспроизведении данных концептов задействованы самые разнообразные операции, в которых развивающаяся личность, подобно человеку магических и мифологических культур, может упражняться с настоящей страстью: различение, перечисление, сравнение, сопоставление, ассоциирование по внешнему сходству, гиперболизация, классификация, выделение предметных оппозиций и их эмпирический синтез, установления прямых причинно-следственных отношений. По мере культурного и личностного становления концептуальной системы, псевдопонятия эволюционируют в логические, теоретические, научные и «метанаучные». Однако во многих проявлениях жизненной мудрости мы сохраняем их изначальную красочность, интуитивную точность, богатство оттенков и очаровывающую доступность. Если продолжить аналогию между концептами ставшего мышления личности и культурогенетическими видами понятий, уместно привести пример из старинной ирландской сказки «Мудрость Кормака» (8). Герой с неподражаемой изобретательностью, сочетая общность значения и индивидуальность смысла, проигрывает многие содержания и способы построения псевдопонятия «обычай королей», вполне приемлемого и для современного человека,

облеченного властью и желающего быть достойным доверия других людей.

Первый способ: различение действий, формирующих королевский «обычай», и действий, которых следует избегать, несмотря на личные искушения и возможности. *Король говорит о себе*: «Я слушал лес, я глядел на звезды, я избегал тайн, я молчал в толпе, я говорил с людьми, я был кроток на пирах, я был горяч в бою, я был нежен в дружбе, я был великодушен со слабыми, я был тверд с сильными.»... «Я не был высокомерен, хотя был силен; я не обещал ничего, хотя был богат; я не хвастал ничем, хотя был искусен во многом; я не говорил плохо о том, кто отсутствовал».

Второй способ: соотнесение оппозиций таким образом, чтобы не впасть в противоречие и освоить «обычай». *Король советует*: «Не смейся над старым, если ты молодой; и над бедным, если ты богатый; и над больным, если ты здоровый; и над тупым, если ты способный, и над глупым, если ты мудрый». «Не будь слишком умен и не будь слишком глуп; не будь слишком самонадеян и не будь слишком застенчив; не будь слишком горд и не будь слишком скромн; не будь слишком суров и не будь слишком добр».

Третий способ: указание на причинно-следственные зависимости, отрицательно влияющие на «обычай». *Король предостерегает*: «Если ты будешь слишком умен, от тебя будут ждать слишком многого; если ты будешь слишком самонадеян, тебя будут избегать; если ты будешь слишком скромн, тебя не будут уважать; если ты будешь слишком суров, от тебя отшатнутся; если ты будешь слишком добр, тебя растопчут».

Четвертый способ: синтез умений, способностей, черт характера личности, образующих подлинный «королевский обычай». *Король определяет идеал правителя*: «Ему следует спрашивать совета у

мудрого, следовать учениям древности, блюсти законы, быть честным с друзьями, быть мужественным с врагами, изучать искусства, постигать языки, слушать старейших, оставаться глухим к клевете. Пусть он будет нежен, пусть он будет суров, пусть он будет страстен, пусть он будет милостив, пусть он будет справедлив, пусть он будет терпим, пусть будет упорен, пусть ненавидит ложь, пусть любит правду, пусть не помнит зла и не забывает добро».

Ключевым моментом культурного и личностного генеза мысли является развитие *«истинных понятий»*, а с ними утверждение в понятийной системе законов вербализации, категоризации, иерархичности, рациональности и индивидуальности знания. Каждое такое понятие стремится вобрать в себя многие другие истинные понятия и стать *«концептуальной системой»* или *«теорией»*. Построенные на теоретическом уровне концепты воссоединяются в учения и мировоззрение; личность приобретает статус *«исследователя»* и *«ученого»*. При этом в зрелых концептуальных структурах талантливых мыслителей творчески, неповторимо сочетаются элементы синкретизма, житейской мудрости, символизма и научности. Примером истинного понятия может быть сама **категория «мышление»**. Это общезначимое понятие, входящее в содержание многих наук, обладающее у конкретных личностей тем или иным уровнем развития и интеграции концептов разных видов. На его примере можно показать внутреннее разнообразие мысли-о-мысли, принадлежащей выдающимся исследователям в области теории познания, которые выражают *«взгляд культуры»* на мышление.

Сошлемся на **концепцию мышления** М. К. Мамардашвили, освещенную им в работах *«Картезианские размышления»* и

«Психологическая топология пути» (10; 11). «Мышление» раскрывается здесь посредством установления философских, научных, рефлексивных, лично проживаемых связей данного понятия с множеством других понятий, обладающих разной степенью обобщенности, конкретности, интуитивности, эвристичности и экзистенциальности. Среди них выделяются опорные концепты, удерживающие структуру исходного понятия, которые Мамардашвили назвал «неподвижными звездами». К «звездам» его идей о мышлении можно отнести следующие концепты:

философские: мир, существование, жизнь, феномен, пространство жизни, время жизни, человек, свобода, причинность, бесконечность, добро, красота, истина, познание, язык, порядок, закон;

философско-психологические: индивидуальность, психическая жизнь, психические структуры, ментальные состояния, сознание, «я», Я-мыслящее, рефлексия, мысль, речь, интуиция, память, представление, воображение, восприятие, образ, действие, воля, переживания;

символические: чистое сознание, естественный свет сознания, поле сознания, точки интенсивности, врожденные идеи, путь мысли, места мысли, ослепительность понимания, акт творения, тайна воплощения, сон мысли, лохмотья мысли, тайная химия мысли;

экзистенциально-феноменологические: мысль как бытие в соответствии со смыслом, опыт, фигура впечатления, состояние, отношение, переживание, подлинная жизнь, возврат «моего» ко «мне», форма присутствия, поиск глубокого чувства вещей.

Взгляд культуры на индивидуальное мышление служит более тонкому и содержательному психологическому раскрытию его потенциала, динамики, зрелости, а также позволяет выявить новые

перспективы исследований, объединяющих психологию мышления и психологию личности. Под взглядом культуры в мышлении обнаруживаются проявления различных, укорененных в высших человеческих ценностях **жизненных отношений личности**: познавательного, эстетического, этического, практического, отношения к себе (15). В мудрой мысли представлено отношение личности к истине. И в этом отношении «нельзя зайти слишком далеко, потому что истина еще дальше» (11). Хорошая мысль является опытом «производства гармонии», в котором достигается оптимальное отношение между выражением и выражаемым, что говорит об эстетике мышления. Великая мысль говорит на языке этики, показывая одну из сторон человеческого блага: «мысль – поступок раз и навсегда» (11). Переживание «это моя мысль» свидетельствует о значимости для личности ее способности быть мыслителем. Развитие индивидуального мышления в измерении жизнеотношений является основой совершенствования интеллектуальной культуры социума, новой проблемой комплексных психологических исследований, важнейшей темой культурной психологии личности, историей и перспективой культурного становления личности, сокровенной задачей каждого, кто в искусстве мышления обрел свой бытийный смысл.

Литература

1. Веккер Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл. 1999.
2. Волошин М. Лики творчества. Л-д.: Наука. 1988.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь. С.С. Т.2. М.: Педагогика. 1982. С. 5- 361.
4. Гете И. В. Из моей жизни .Поэзия и правда. С. С. В 10 т. Т. 3. М.: Художественная литература. 1976.

5. Де Ларошфуко Ф. Максимы. Паскаль Б. Мысли. Де Лабрюйер Ж. Характеры. БВЛ. М.: Художественная литература. 1974.
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 1. Л-д: Наука. 1972.
7. Иванов Вяч. Вс. Нечет и чет. Асимметрия мозга и динамика знаковых систем. / Избр. труды по семиотике и истории культуры. Т.1. М.: Языки русской культуры. 1992.
8. Ирландские и валлийские сказки. М.: МНПП «Гендальф». 1993.
9. Крэйг Г. Психология развития. СПб.: Питер. 2000.
10. Мамардашвили М. К. Картезианские размышления. М.: Прогресс, Культура. 1993.
11. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути: М. Пруст «В поисках утраченного времени». СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института. 1997.
12. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. В 2 т. Т.1 М.: Педагогика. 1989.
13. Старовойтенко Е.Б. Культурная психология личности. М.: Академический проект. 2007.
14. Старовойтенко Е. Б. Мыслительные установки творческой личности в культуре / Мир психологии. 2009. № 1. С. 260 – 271.
15. Старовойтенко Е.Б. Психология личности: в парадигме жизненных отношений. Гриф МО РФ. М: Академический проект. 2004.
16. Старовойтенко Е. Б. Современная психология: формы интеллектуальной жизни. М.: Академический проект. 2001.
17. .Феофраст. Характеры. Л-д: Наука. 1972.

МЫСЛИТЕЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКЕ*

Статья Старовойтенко Е. Б. Мыслительные установки творческой личности в культурной динамике // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2009. Т. 57. № 1. С. 260-271.

В стремительном обновлении современной жизни индивидуальное мышление призвано стать мощным каналом влияния авторского познания на коллективный, интеллектуальный опыт и общую культурную динамику. Авторское начало интеллекта приобретает все большее значение вследствие беспрецедентного умножения проблем, встающих перед социумом и доступных лишь отточенному индивидуальному уму. Мыслительная деятельность получает возможности для раскрытия и реализации своих разнообразных потенциалов, превращаясь в ведущую сферу объединения множества творческих личностей на основе производства новейших продуктов культуры. В связи с этими тенденциями встает вопрос об изменении подходов и парадигм в психологическом исследовании мышления.

В классических философских и психологических трудах, посвященных мышлению, оно рассматривается, в основном, как имманентное свойство человека, ценность которого обусловлена его ролью в познании и обучении. Мышление выступает самодостаточным объектом исследования, открываясь в своих всеобщих, специфических, типологических или индивидуальных характеристиках.

Однако плодотворен и **другой исследовательский путь** к

* Индивидуальный исследовательский проект № 08 – 01 – 0014, выполненный при поддержке ГУ – ВШЭ

мышлению. Речь идет о его изучении в контексте **индивидуальной жизни**, в качестве интеллектуальной активности, жизненной способности и формы культуротворчества личности. Личность при этом выступает субъектом, стремящимся эффективно мыслить, проживающим рождение мысли, познающим себя в качестве мыслителя и управляющим своим мышлением. Данный взгляд на мышление можно обозначить как **персонологический**, развиваемый в парадигмах **личности – жизни – творчества – культуры**. В его горизонте оказывается построение моделей интеллектуально продуктивной личности, которые могут применяться при подготовке специалистов в различных сферах культурной деятельности, развитии авторства, формировании субъектного потенциала «культуры знаний», а также в психологическом консультировании и психотерапии.

Традиционный подход к мышлению подчеркивает важность таких его характеристик, как уровень активности, преемственность онтогенетических форм, операциональная структура, процессуальная динамика, предметная избирательность, объем и сложность содержаний, интеллектуальные притязания и достижения, приемы речевой и иной репрезентации. Персонологический подход, основываясь в частности, на идеях С.Л. Рубинштейна (7), акцентирует феномен **личностного источника и опосредования** мышления при его ответах на запросы и возможности жизни, осуществляемой в измерениях познания, труда, искусства, нравственного поиска, самопознания, юмора – того, что составляет ядро всечеловеческой культуры.

В качестве основных моментов такого опосредования могут рассматриваться исходные мыслительные потенциалы личности, ее интеллектуальные потребности и ценности, направленность на

значимые объекты мысли, интеллектуальные позиции, мыслительные установки, интеллектуальные способности и качества. Важно учитывать, как и насколько личность может – мотивирована – способна – склонна – результативно мыслит – эффективно действует при встрече с задачами, которые ставит перед ней жизнь в культуре. При гармоничной выраженности и соединении всех этих опосредующих личностных моментов, мышление становится активно генерирующим и превращает личность в творческую.

Направленность на **значимые объекты мысли** может выражаться в пристрастном сознательном или слабо осознанном выборе личностью конкретных доминант своего интеллектуального внимания. Это могут быть другие люди, вещи, тексты, предметы искусства, природные объекты, общество, собственная жизнь, общение, творчество, «Я», семья, работа, деньги и т.д.

Выстраивая в текущей жизни мир привилегированных объектов мышления, гибко улавливая их проблемные взаимоотношения, осуществляя богатые **возможности развития** мысли, личность занимает и ситуативно проявляет те или иные **интеллектуальные позиции**. Они могут состоять в том, чтобы:

- осуществить свою возможность мыслить, персонально принимать и осваивать готовое знание;
- быть исследователем, добывать новое знание;
- узнавать, как живут и о чем мыслят другие люди;
- разделять с другим человеком определенный стиль мышления или таинство мыслительного поиска;
- облекать свои желания, переживания и образы в форму мысли;
- обращать силу мышления в план самопознания;
- следовать мыслью за прошедшей и текущей жизнью;

- обобщать знания о себе в систему «Я»;
- находить ошибки и подвергать сомнению общепринятое знание,
- находить и выражать противоречия в собственном мышлении и мышлении других;
- выражать конструктивную критику мышления в форме юмора;
- осознавать и сообщать смысл делаемому, совершаемому, происходящему;
- строить рациональные модели своей деятельности;
- выстраивать свои отношения с другими людьми;
- творить изображения и тексты;
- искать идеал, высшие ценности, гармонию, совершенство;
- создавать обобщенный интеллектуальный образ мира;
- формировать общее мировоззренческое отношение к жизни: оптимистическое, гедонистическое, скептическое и т. д.

При динамичной реализации определенных интеллектуальных позиций во взаимодействии с конкретными значимыми объектами, актуализируются и развиваются укоренившиеся в личности общие **мыслительные установки**, которые задают характер интеллектуальных изменений объектов, а также уровень субъективной причастности, заинтересованности, погружения в состояние мышления. Установки запускают тот или иной тип функционирования мышления и проживаются личностью экзистенциально, феноменологически, с различным присутствием интуиции, переживаний и рефлексии. Если исходить из представления о развитой **функциональной структуре** мышления как единстве функций осознания – познания – понимания – интерпретации – коммуникации – самопознания – рефлексии – регуляции поведения – саморегуляции – символизации –

идеализации – порождения комического, то суть мыслительных установок личности можно выразить следующим образом:

- осознай это;
- исследуй и познай это;
- постарайся это понять;
- раскрой другим свое понимание;
- передай другим свое знание;
- найди новое знание;
- помысли об этом иначе, чем другие;
- построй свою систему знания;
- найди смысл;
- создай символ;
- думай, что хорошо, а что дурно;
- ищи идеал;
- пойми свои желания и чувства;
- будь остроумным;
- представь, что думает другой;
- подумай, как мыслишь сам;
- наблюдай, что порождает твоё мышление;
- думай, как действовать и поступать;
- подумай, что сделано, и что может выйти из этого;
- наблюдай и думай о себе и своей жизни.

Личность, направляемая богатым спектром установок, интеллектуально вовлеченная в культуру и жизнь, способная к открытию нового и к рефлексии своего мышления, приобретает прекрасный бытийный статус Мыслителя. Взаимодействие и единство разнообразных установок создает мощный потенциал умственного генерирования, реализуя который, мыслящая личность развивается в качестве **творческой**.

Данная работа посвящена разработке **модели зрелых мыслительных установок** как устойчивых интенций личности к интеллектуальному освоению значимых объектов и, по определению Д.Н. Узнадзе, как указаниям для успешного завершения деятельности по преобразованию объектов (13).

Сложные проблемы жизнедеятельности решаются личностью при актуализации, связи, смене различных установок. Установки, как отмечалось, указывают на хорошо развитые **функции** мышления, оправдавшие себя в процессе жизни и прочно закрепившиеся в системе существенных детерминант мыслительного процесса. Установки также фиксируют **отношения** субъекта к объектам мысли как приобретшим большой личный смысл, ставшим «значимостями». В целом, установки указывают на **ценности** личности, реализующиеся в мыслительной сфере.

Эффективность действия зрелой установки связана с повышением уровня активности мышления, осуществлением сложной композиции мыслительных операций, интеллектуальной продуктивностью и высокой субъективной оценкой результатов мышления. Актуализация определенных установок является исходным внутриличностным моментом каждого нового цикла самостоятельной мыслительной деятельности, сопряженным с выбором и принятием объекта мысли, содержательным мотивированием мышления и намерением достичь интеллектуального успеха. Устойчиво действующий ансамбль установок с интегралом в виде **установки на творчество** указывает на личность как активного субъекта культурной динамики.

Спецификой личностной установки является слияние интенции и активности, направленной на значимый объект. Содержательное раскрытие установки возможно только через анализ

инициированной деятельности и ее результатов, достигнутых в определенных жизненных условиях. Установка – это, прежде всего, «действие установки». Представим **модель** действия и взаимодействия основных мыслительных установок личности в процессе жизни-в-культуре.

Установка на познание. При реализации данной установки осуществляется мысленное освоение и оперирование объектами, их свойствами, состояниями и связями. Мыслительный процесс может протекать на сознательном и бессознательном уровнях, находящихся в отношениях взаимопереходов, дополнений и компенсации.

Ведущая роль в развитии познания принадлежит сознательному абстрактно-понятийному мышлению, называемому «логическим», «дискурсивным», «направленным». Другой формой мыслительной активности, существенно влияющей на жизнь и познание личности, является мышление, которое оперирует образными и символическими понятиями в составе процессов фантазирования, воображения, творчества.

Опираясь на заключения К.Г. Юнга (15), специально изучавшего личностные аспекты мышления, можно выделить следующие особенности **логически-дискурсивной** формы мыслительной деятельности:

- обращение к действительности и реальной жизни личности;
- приспособленность к динамике вещей, событий, ситуаций;
- интенсивное, направленное движение мысли;
- словесное оформление, протекание и выражение мысли;
- соответствие сложным причинным связям и зависимостям реальности;

- включение сосредоточенного внимания, волевого усилия, целевой направленности в развертку мысли;
- диалогичность и адресация мышления другим людям, поиск социального подтверждения мысли;
- значительная роль в формировании и познании «Я», в его уверенном, рациональном реагировании на жизненные факты;
- высокое значение в личностном развитии интеллектуальной культуры;
- устойчивая ориентация на объект, управление внешней деятельностью, последовательное интеллектуальное движение к ее результату;
- обнаружение противоречий действительности и их интеллектуальное разрешение;
- сосредоточение познавательных результатов в образовании, науке, технике;
- двойственная направленность текущей мысли на объект и мыслящего субъекта, рефлексивная активность мышления.

Сознательное логическое мышление обеспечивается системой разнообразных скоординированных операций с абстрактными, идеальными объектами. К ним относятся индуктивные, дедуктивные, аналитические, синтетические, дуальные операции. Сложный операциональный состав понятийно-логического мышления позволяет личности понять и реконструировать чужую мысль, вести исследования, выдвигать гипотезы, строить собственные рассуждения, разрешать противоречия в знании, делать выводы.

Вторая форма мышления, состоящая в оперировании образными и символическими понятиями – **образно-символическое мышление** обладает другими отличительными характеристиками:

- имеет глубокую связь с бессознательным, является «сгустком» истории душевного развития человечества;
- вовлекает в индивидуальное познание всеобщие и неизменно возобновляющиеся идеи человечества (жертва Христа, предательство Иуды, любовь Эдипа, похищение женщин, спасение истиной и т. д.);
- действует с «внутренними объектами», имеющими индивидуальную окрашенность и сильную зависимость от контекста душевной жизни личности;
- пробуждает и сопровождается внушаемостью, вчувствованием, отождествлением личности с познаваемым объектом;
- создает совершенные внутренние объекты, реализует эстетическое отношение личности к действительности;
- открывает «невозможности» и «немыслимые» сочетания возможного в процессах утонченного «психического синтеза»;
- осуществляет продуктивное соединение сознания и бессознательного в актах символического познания действительности.

У одних личностей активность образно-символического мышления может означать непонимание и неприятие реальности. У других она ведет к лучшему узнаванию реальности, поскольку их потребности и цели мысленно интегрируются с возможными путями их жизненной реализации. Такое мышление обеспечивает также доступ к внутренней реальности, благодаря чему осознаются скрытые желания и конфликты, становясь предметом логического самопознания (10; с. 251). Личностный синтез символического и логического мышления может иметь творческий характер, воплощаясь в культуре: поэтических опытах, литературных сочинениях, живописи, драматургии, в построении философских

систем, в психологии и психотерапии личности, в жизнеописаниях и исповедях.

Полагаем, что обе формы мышления, а также их личностные сочетания, выступают как динамичная организация следующих **мыслительных приемов:**

- объекту присваиваются известные или новые свойства;
- у объекта отрицаются те или иные свойства;
- в объекте определяются известные или новые оппозиционные свойства;
- фиксируются отношения между оппозиционными свойствами объекта;
- обнаруживаются новые или отрицаются известные связи и отношения объекта с другими объектами;
- определяется происхождение, находятся причины изменений и возможности преобразования объекта;
- фиксируются состояния объекта;
- определяются ценностные качества объекта;
- определяются количественные характеристики объекта;
- осуществляются позитивные или негативные оценки объекта в соответствии с имеющимся знанием о нем и т. д.

В процессе познания объекта, посредством применения личностью различных мыслительных приемов, в фокус мышления последовательно или одновременно попадает множество разнообразных свойств. К ним могут относиться эмпирически доступные или абстрактные; достаточно полно раскрытые, мало известные или неизвестные; реально присущие объекту или субъективно ему присвоенные; непротиворечивые или конфликтующие; поддерживающие существование объекта или нарушающие его; положительно или отрицательно оцениваемые

субъектом; существенные и необходимые или вариативные и случайные; указывающие на объективный или субъективный статус объекта и т.д.

Мыслительные приемы, в их более или менее длительной сосредоточенности на свойствах и связях познаваемого объекта, образуют тот или иной **ход мысли** личности. В его развертке формируется и проявляется определенное **познавательное отношение** личности к объекту мышления. Одной из концептуальных аналогий «ходов мысли личности» являются «личностные типы мышления», выделенные К.А. Абульхановой (1).

Если доминируют репродукция непротиворечивых свойств и выделение устойчивых связей объекта с другими, а также принятие субъектом наличного состояния объекта в системе знания, то мышление осуществляет **канонизацию объекта**. Если на первый план выходят отрицание известных свойств, взаимодействий и состояний объекта, подстановка альтернативных свойств, фиксация его внутренних противоречий, в которых одни свойства и состояния стремятся исключить другие, нахождение и акцентирование разрушительных взаимодействий объекта и выражение неудовлетворенности субъектом наличным знанием об объекте, значит, мышление осуществляет **критику объекта**. Когда при познании объекта подчеркиваются его недостаточно известные свойства, взаимодействия и состояния, конфликтность различных свойств, возможности преобразования объекта, заполнения пробелов и разрешения противоречий в знании, мышление демонстрирует **проблематизацию объекта**. При условии выделения преимущественно мало известных, случайных, негативных, ложных, контрастных, принижающих реальный статус объекта свойств и взаимодействий, а также выражения амбивалентного отношения к

нему, мышление осуществляет **компенсацию незнания об объекте**. Когда мышление извлекает в основном позитивные атрибуты объекта, преувеличивает их число, подчеркивает отсутствие противоречий в объекте и равновесие между его свойствами, действиями и состояниями, утверждает высокий культурно-исторический и гносеологический статус объекта и выражает его сверхценность для субъекта, мышление производит **идеализацию объекта**. Если мысль акцентирует недостаток знаний об объекте, отрицает его наличные свойства, стремится придать ему новые свойства, ввести его в новые состояния и взаимодействия, качественно и количественно усовершенствовать его характеристики, усилить и усложнить его влияния на другие объекты, использовать конфликты объекта как факторы его развития, утвердить его высокий статус в действительном мире, а также выражает большую значимость для субъекта, значит, мысль стремится к **преобразованию объекта**. И здесь в действие включается установка на творчество.

Каждый ход мысли имеет свою развертку и возможности превращения в другие ходы. Например, «проблематизация» в результативной динамике мышления органично переходит в «преобразование». Это хорошо демонстрирует классическая концепция продуктивной мыслительной деятельности, намеченная С.Л. Рубинштейном (7). При ее реконструкции соотношение проблематизации и преобразования в процессе мышления можно представить следующим образом (8).

1. Обнаружение проблемы значимого объекта, зависящей от контекстуальных требований предыдущей мыслительной деятельности, от объективных и субъективных условий актуального

протекания мышления и от устойчивых интеллектуальных предпочтений личности.

2. Формулировка проблемы, предполагающая доосмысление проблемного отношения и его точную вербализацию в виде констатирующих или вопрошающих суждений о неизвестном и о его противоречии с известным.

3. Репрезентация ожидаемого решения проблемы в виде «цели» или, иначе, построение прогностической концептуальной модели будущего результата мышления; придание цели характера «детерминирующей тенденции» за счет непрерывного обращения к ней в процессе мыслительной деятельности.

4. Поиск вариантов раскрытия проблемного отношения, отбор вариантов-гипотез, которые отвечают критериям оптимального соответствия характеру проблемы, интеллектуальной экономности, доступности, творческого потенциала, совершенствования субъекта мышления.

5. Планирование проверки гипотез; разработка плана проверки, куда входят: последовательность мыслительных шагов, промежуточные мыслительные продукты; техники, методы и средства мышления; изменение интеллектуальных состояний субъекта, в частности, повышение активности рефлексии или стимулирование интуитивного поиска.

7. Процесс мысленного решения проблемы, включающий либо пошаговое подтверждение гипотез, либо обнаружение их ошибочности и выдвижение новых, либо творческое улучшение гипотез; непрерывное прогнозирование и возвраты к ранним фазам решения, использование подсказок, отказы от запланированных мыслительных действий в пользу других, востребованных текущей динамикой проблемного процесса мышления.

8. Решение проблемы, извлечение неизвестного, достижение основного интеллектуального результата; формулировка или ответа на исходный вопрос, или идеи о сделанном открытии, или суждения о снятом противоречии в объекте; возникновение субъективных эффектов понимания, творческого озарения, переживания интеллектуального успеха.

9. Оценка субъектом найденного решения, преобразующего объект познания: степени соответствия решения исходным стремлениям, притязаниям, цели и гипотезе; его качественного уровня в сравнении с прошлыми индивидуальными результатами в той же проблемной области; его влияния на знание субъекта о своих мыслительных способностях и возможностях; его места и статуса в системе аналогичных мыслительных достижений, принадлежащих другим мыслителям.

10. Усиление или ослабление стремления к дальнейшему проблемному познанию реальности.

Можно говорить о доминировании того или иного хода мысли в зависимости от связей личности с определенными объектами и социокультурными сферами приложения интеллектуальной деятельности. Так, на наш взгляд, абстрактные профессиональные объекты, относящиеся к науке, философии, теоретическому моделированию, информационной деятельности активизируют проблематизацию – преобразование – канонизацию – критику. Конкретные профессиональные объекты, существующие в политике, военном деле, бизнесе, управлении, правовой деятельности требуют канонизации – идеализации – проблематизации – преобразования. Мыслительные задачи и объекты в социальной сфере, в частности, общении, межличностных влияниях, процессах руководства и лидерства, обычно развиваются на основе канонизации –

идеализации – компенсации – проблематизации – преобразования. Я-объекты мышления стимулируют преобразование – идеализацию – компенсацию – проблематизацию.

Установка на понимание. Она ориентирует личность на непрерывное интеллектуальное обучение, освоение готового концептуального знания, на воспроизводство традиций мыслительной деятельности и сложившейся системы лучшего культурного опыта мысли. Активность конкретного мыслителя состоит в возможно более полном «вычерпывании» нормативных значений философских, научных, художественных и др. понятий и в овладении приемами реконструкции и использования этих понятий. Понять, значит попасть в пространство существующих ценностей духовной культуры. Установка на понимание делает субъекта открытым и восприимчивым к чужим идеям и идеалам в их наполнении стремлениями, чувствами и смыслами авторов, а также к повторению приемов и техник познания, предлагаемых другими людьми. Ценностный характер установки проявляется в любви, уважении, восхищении умственными достижениями мыслителей прошлого и настоящего, в усилиях принадлежать к «понимающим» и «посвященным» в среде творцов и новаторов ради расширенной передачи и «социализации» их открытий. Субъект, следующий этой установке как основной, встает на путь вечного ученичества и наследования, на котором оживляет и хранит интеллектуальный слой культуры.

Задачи мыслительной деятельности, детерминированные установкой на понимание, связаны в основном с переносом готовых знаний или познавательных методов в условия, которые отличаются когнитивной неопределенностью, заключают ошибку либо заблуждение, открывают новые возможности применения

известного. Следуя установке на понимание, личность сама стремится к тому, чтобы ее идеи были понятны для других людей, чтобы ее интеллектуальные суждения соответствовали логике других, а результаты ее мышления могли быть использованы в коллективном познании. Непонимание мысли личности другими людьми создают благоприятную ситуацию для ее ухода в мир фантазий и внесознательных интуиций, что ведет к переживанию интеллектуального одиночества. Понимание и собственная понятность в сфере мышления являются для личности условиями ее эффективного социокультурного диалога.

Установка на интерпретацию. Она направляет личность в авторском познания и понимания, состоит в использовании ранее познанного и понятого для объяснения жизненных фактов и вновь поступающего знания. Жизнь, другие люди, собственное «Я», культурные носители знания, прежде всего, тексты и изображения, могут стать для личности неисчерпаемыми источниками авторских интерпретаций. Проинтерпретировать какую-либо реальность, значит, поместить ее в контекст собственного интеллектуального опыта. И чем ближе этот опыт к уровню высокой интеллектуальной культуры, тем богаче познавательный и жизненный потенциал личностной интерпретации. Коллективное знание, формирующееся путем синтеза множества авторских идей и их интерпретаций, выступает «личностным знанием». Слабость установки на интерпретацию выражается в предпочитаемом использовании личностью готовых, известных, общепринятых форм мысли без их авторского преломления и развития.

Действие данной установки по отношению к текущей жизни личности, ее участникам, событиям, обстановке и ценностям хорошо представлено в когнитивной теории Дж. Келле (13).

Личность, направляемая зрелой установкой на интерпретацию, выступает «исследователем жизни». Нормативные знания и распространенные техники мышления становятся для нее гибкими инструментами собственного интеллектуального отношения к проблемным фактам. Взаимодействие с миром в субъективном проживании требует не только понимания, но и непрерывных объяснений, руководящих действиями. С этой целью создаются конструкты, представляющие собой сплавы некоторой идеи о конкретном факте, способа формулировки этой идеи, личностной оценки факта и интенции к определенному поведению в связи с этим фактом. По типологии Келле, к наиболее распространенным **интерпретационным конструктам** принадлежат:

- предопределяющие (например, «Это ложь и ничего больше».);
- констеллятивные («Если это ложь, то это нечестно, наказуемо, явный признак морального разложения и т. д.»);
- пропозициональные («Можно предположить, что это ложь»).

Предопределяющие конструкты, нацеленные на исключение альтернатив, воспроизводящие известные концептуальные клише, не требуют дальнейшего осмысления факта и задают жесткое одномерное поведение, снимающее для личности когнитивную неопределенность. Констеллятивные конструкты, предполагающие выбор одного из нескольких возможных объяснений и дающие уточняющие и прогностические характеристики факта, допускают осторожное, апробирующее поведение личности, открытое для проверки и исправления ошибок. Пропозициональные или гипотетические конструкты ориентируют на будущее тщательное изучение факта с удержанием в основной интерпретации нескольких альтернативных объяснений. Поведение намечается с учетом возможности пересмотра факта и является многомерным и гибким

по составу исполнительных действий. Очевидно, что к собственно «исследовательским» интерпретационным конструктам относятся только два последних, хотя их перечень можно продолжить. Например, включить в него моделирующие конструкты («Если предположение о лжи подтвердится, то, преодолевая ее, можно обнаружить истину»). На их основе определяются сложные программы проверки авторских гипотез о реальности, ее творческое переосмысление и планы поведения в соответствии с получаемым знанием. Иногда за счет удачной интерпретации жизненный факт может приобрести статус «критического случая» как возможного предмета творческого осмысления в науке или искусстве. В частности, это происходит с некоторыми авторскими интерпретациями, сделанными в психологии или художественной литературе. Можно говорить об особом «интерпретирующем стиле» мышления, состоящем в свободном привлечении к познанию объекта множества согласованных данных и предположений из разных областей знания, различных теорий и информационных источников.

Проблемы, к которым обращается субъект данной установки, требуют развития знания о чем-либо на основе использования коллективного и личного когнитивного опыта, а также оригинального субъективного синтеза элементов этого опыта. Если понимающая установка смещает внимание и позитивные переживания субъекта на промежуточные процессы применения общеизвестного знания в новом цикле познания, то интерпретирующая установка наиболее действенна на этапе создания авторского интеллектуального продукта с его более или менее высоким уровнем сложности и оригинальности.

Установка на диалог. Развитие данной установки указывает на высокую личностную ценность социально ориентированного мышления, которое отлаживает совместные мыслительные действия людей, определяет способность личности к интеллектуальному влиянию, а также ее интеллектуальную состоятельность в культурном социуме. Следование данной установке означает поиск субъектом возможностей для разделения своей мыслительной деятельности с другими людьми. Выраженность установки указывает на понимание личностью социокультурной природы мыслительного процесса и понятийного знания, на ощущение присутствия «другого» в любой операции и любом продукте мышления, на принятие личностью факта влияния другого человека на развитие ее мышления, на стремление усовершенствовать мышление других людей путем интеллектуального обмена с ними.

Действие установки проявляется в ряде конкретных **диалогических позиций**, которые может занимать субъект мышления, развивая «культуру интеллектуального общения». К ним, в частности, можно отнести:

- активное обучение у других, проявление инициативы в интеллектуальном общении, обращение в своем мышлении к интеллектуальным ресурсам других;
- поиск взаимопонимания с другими по поводу содержания, процесса и средств мышления;
- достижение идентичности и конструктивная конфронтация с авторитетными партнерами в совместной мыслительной деятельности;
- оценку социальной ценности информационных данных, используемых в процессе мышления;

- внимательное отношение к идеям и суждениям партнеров по интеллектуальной деятельности;
- учет в процессе мышления аргументов, высказываний, критики и опыта участников интеллектуальной коммуникации;
- корректное управление коммуникацией партнеров при решении мыслительных проблем;
- поддержку продуктивных, творческих идей, развиваемых другими мыслителями, участие в их распространении, конструктивном обсуждении, практическом применении;
- представление собственных идей в форме, понятной, убедительной и доступной для других, диалогичный стиль текстов и высказываний;
- плодотворное участие в интеллектуальных спорах, дискуссиях, коллективных обсуждениях проблем, «мозговых штурмах», коллективном исследовании и творчестве;
- ориентацию на коллективный успех в совместной мыслительной деятельности;
- поиск согласия, примирения, договоренности, кооперации, сотрудничества при возникновении конфликтов в совместной мыслительной деятельности;
- ожидание объективной, развивающей оценки процессов и результатов своего мышления со стороны других людей;
- ориентацию на активную передачу своих идей как способ авторского вклада в коллективный, интеллектуальный опыт.

Установка личности на диалог в мыслительной деятельности противоположна тенденциям к интеллектуальному давлению, манипулированию, навязыванию догм, распространению когнитивных клише и стереотипов, эгоцентризму и чрезмерной неординарности мышления. При этом социальная направленность

индивидуального мышления должна не ослаблять, а уравновешивать его главные достоинства – уникальность, авторство, творческие вклады в интеллектуальную культуру общества.

Установка на рефлексию. Она направляет активность мышления на задачи самопознания и самоисследования, способствует контролю самосознания за процессом, промежуточными и конечными результатами мыслительной и любой другой деятельности личности. Активизируя мысль, направленную на «Я», установка является условием эффективной саморегуляции, самоорганизации и самовыражения личности в жизни.

Если рефлексивная установка действует в отношении собственно мыслительной деятельности личности, мышление приобретает «утроенную» силу, так как позволяет субъекту одновременно мыслить об объекте – о себе – о процессе самоосуществления в объекте. Установка удерживает, возобновляет и продлевает «мою мысль о собственной мысли» как мысль завораживающую, увлекающую, проживаемую, по выражению Ивана Бунина, «как самое неотразимое доказательство моей причастности чему-то такому, что во сто крат больше меня». Активность рефлексии в различные моменты конкретной мыслительной деятельности может изменяться от уровня, на котором, субъект поглощен мышлением, развертывающимся спонтанно, без регулярных обращений к своему «Я», до уровня ясного самоотчета о способах, операциях, продуктах мышления и до уровня восхождения к «трансцендентному Я» как высшему и универсальному источнику мыслительной активности.

Ключевыми **эффектами реализации** рефлексивной установки мышлении можно считать:

- мысль о том, что я мыслю об определенном **объекте** (мысль о предмете мышления);

- мысль о том, что **Я мыслю** об объекте (мысль о нахождении Я в состоянии мышления);
- мысль о том, **что** именно Я мыслю об объекте (мысль о содержании мышления);
- мысль о том, **как** Я мыслю об объекте (мысль о способе мышления);
- мысль о том, что мысль принадлежит **мне** (мысль о Я как источнике мышления));
- мысль о том, как Я **вливаю** на свое мышление (мысль о своих свойствах как мыслителя);
- мысль о том, что стало **результатом** моего мышления (мысль о продукте мышления);
- мысль о том, что моя мысль **пополнила знание** об объекте (мысль о мыслительном вкладе Я в познание предмета);
- мысль о том, что моя мысль **изменила меня** (мысль о развитии Я-мыслящего).

Видно, что в этом континууме рефлексивных эффектов, каждый последующий предполагает предыдущие, то есть, к примеру, узнавание вклада Я в предмете мысли должно в акте рефлексии обобщить эффекты рефлексивных действий по отношению ко всем основным особенностям мыслительной деятельности. Отсюда понятие «**порядков рефлексии**», которые возрастают по мере движения от фиксации факта «мыслю» до раскрытия в предмете мышления своего следа как автора мысли.

Рефлексия мыслительной деятельности, направленной на внешние объекты, позволяет установить прочные отношения способов и результатов мышления с Я, закрепив эти отношения в структуре интеллектуальных способностей личности. Вследствие этого мышление может отвечать требованиям объективной реальности и

приобретает мощный субъективный источник развития. Мышление в контексте познания объекта начинает ориентироваться на самопознание, обращаясь к внутренним качествам субъекта мышления, его интеллектуальному статусу в обществе, интеллектуальному уровню его жизни, оттесняя интуитивное, нереплексивное знание о себе и опосредуя все его существенные связи с миром.

Наибольшую активность рефлексивная установка приобретает именно в контексте субъективно направленной мыслительной активности, позволяющей личности логически познавать, исследовать свой внутренний мир, свое Я. Результаты рефлексии выражаются в особых продуктах мышления субъекта: личных смыслах, целях, планах, стратегиях жизни, рациональной самооценке, Я-концепции, Я-идеале, истории жизненного пути. Данные феномены, облеченные в форму авторских философских или литературных текстов, могут становиться прекрасными вкладами в «культуру самопознания человека».

Интегрируя знания о Я, рефлексия может обратиться к глубинным источникам самопознания и вызвать из бессознательного силы и символы индивидуального движения к гармонии, творчеству, красоте, равновесию, совмещению противоположностей или, напротив, к конфликту, разрушению и смерти. У личности, использующей позитивные потенциалы искусного самоизучения и иррационального порыва к самобытию, появляется возможность состояться собой и творчески осуществиться в культуре.

Установка на остроумие. Спецификой ее действия является переживание личностью особого удовольствия от своей мыслительной деятельности, а также достижение неординарного интеллектуального результата, умножающего опыт смеховой

культуры. Краткая характеристика данной установки может быть эксплицирована из содержания превосходной работы З. Фрейда «Остроумие и его отношение к бессознательному» (14).

Процесс реализации установки на остроумие захватывает несознаваемые и ненаблюдаемые аспекты мышления. При развертывании сознательного мышления как организованного, целенаправленного и результативного процесса, в его подтексте могут оформиться компенсирующие тенденции, отвечающие бессознательному сопротивлению и самозащите субъекта от правильности, объективности и обязательности рациональной мысли. К примеру, требует компенсации неверие субъекта в общепринятые принципы искания истины, или его неудовлетворенность уровнем нормативного знания и критический настрой по отношению к нему. Возможно, должна быть скомпенсирована тревога субъекта по поводу возможной критики его мышления, или непризнания другими достоинств его ума, или ограничения в свободе интеллектуального творчества, или наличия у него «асоциальных» идей, или вынужденного сдерживания удовольствия от мыслительной деятельности, или скрытой потребности в интеллектуальном доминировании, не удовлетворяемой прямым путем. Остроумие – прекрасный способ отвода энергии регрессивных интенций, присущих субъекту мышления, в новую область мыслительного творчества, рассчитанного на понимание множества других людей и имеющего культурную ценность. При этом наибольший ценностный вес остроумие приобретает тогда, когда естественные для него «обнажающие», «агрессивные», «циничные», «скептические», «иронические» и «демонстративные» тенденции отступают перед тенденцией к проявлению человеком своей способности виртуозно

извлекать смешной, по-новому конструктивный смысл из интеллектуальных клише и стереотипов, относящихся к общезначимым явлениям. («Дуракам угодно, чтобы я сам следовал тем советам, которые даю другим. Но это невозможно, ведь я же совсем другой» – заметил Сальвадор Дали (4; с.192). В этом случае человек переживает свободное и разделенное с адресатами удовольствие от своего интеллектуального успеха.

Тенденции остроумия вмешиваются в процессы вполне серьезной разработки интеллектуальных проблем и спонтанно выражают себя в забавном, комическом решении как своего рода логическом отклонении, «сдвиге». Кажется, что в сознательной жизни появляется какое-то другое мышление, не доступное оценке и критике, имеющим место в обычной интеллектуальной деятельности. Пробелы, противоречия, неясные места, пропуски в мыслительных репрезентациях каких-либо объектов и ситуаций преодолеваются за счет концептуальных операций, поверхностно очень похожих на фантазирование. Это преувеличение, преуменьшение, подчеркивание противоположного, синтез-сгущение, символическое «склеивание» несовместимого, отдаленное сравнение, изоляция «кричащих» признаков, выпячивание несущественного и пр. Продуцируются забавные метафоры, словесные бессмыслицы, нелепицы и логические ошибки, тонко направляющие мысль адресата на переосмысление устоявшихся конструктов и концепций методом исправления комических искажений.

Иногда действие установки ограничивается просто шутливой формулировкой проблемы, состоящей в намеке на что-то обычно умалчиваемое, в недомолвке или двусмысленности. Причем намек должен быть броским, а пробел в мысли – легко заполняемым. Чаще

же всего установка реализуется посредством завершеного процесса мышления, в котором постепенно рождается неординарная, часто на грани допустимого, мысль. Мысль-острота имеет персональное авторство, является подлинным, уместным и своевременным, творческим событием в единственной ситуации индивидуальной жизни, продленной в жизнь других и в бытие культуры.

Установка на творчество, называемая еще «продуктивной установкой» мышления, состоит в высокой субъективной ценности и авторском порождении новых идей, преобразующих реальность. В системе других установок она играет особую роль. Во-первых, она является их интегралом, вбирая интенции познания, понимания, интерпретации, диалога, рефлексии, остроумия и придавая другим установкам творческий оттенок, неповторимый «вкус индивидуальности». Во-вторых, посредством генерируемых личностью идей, она влияет на развитие интеллектуально емких форм современной культуры, прежде всего, информационной, научной, технической, художественной, коммуникативной. В-третьих, путем успешной реализации, данная интегральная установка закрепляется в личности как свободный глубинный процесс воспроизводства интенсивного поиска и создания новаций, что задает **индивидуальный контур творчества в общей культурной динамике**.

Установка на творчество действует и проявляется в ряде особенностей мышления и личности мыслителя. В частности, М. Вертгеймером (3) были отмечены:

- принадлежность мышления человеку как исследователю мира;
- интенция мыслителя к достижению эффекта «хорошей структуры», признаками которой являются согласованность, соразмерность, гармоничность, равновесие понятий и идей,

функционирующих в зависимости от своего места и роли в раскрытии структурных качеств и отношений объекта;

- желание мыслителя преодолеть неизвестность отношений, разрешить противоречия явного и скрытого в создаваемой структуре, а затем испытать чувства новизны и интеллектуальной гармонии;
- интуитивность мыслительного процесса, реализуемого по трудно улавливаемой «логике» структурообразования в «поле сознания»;
- поиск мыслителем проблем в исследуемых интеллектуальных структурах и возможностей творческого реструктурирования; особое внимание к пробелам, нарушениям, неясным местам в актуальном знании и понимании объекта;
- мысленное создание «целого» посредством операций различения элементов и отношений объекта, их изоляции, группировки, центрирования, реорганизация структуры и обнаружения «структурной истины»;
- осознание процесса поиска и его результатов, которое, благодаря своей интенсивности и непрерывности, парадоксально позволяет мыслителю пережить нерелексивные состояния предвосхищения, догадки, озарения, интеллектуального избытка, наслаждения тем, что – говорил Л. Ландау – удалось понять то, что был не в силах вообразить.

Присутствие творческой установки мышления лучше всего чувствуется людьми, испытавшими радость собственных интеллектуальных поисков и открытий. Так, ее психологическая характеристика была намечена Г.С. Батищевым на основе интерпретации психологической концепции творчества С.Л. Рубинштейна (2). Основные результаты и наши дополнения этой

интерпретации, подчеркивающей единство творческой установки с другими установками мышления, могут быть представлены следующим образом.

1. Творческая или «креативная» установка мыслителя может иметь разные формы и действует как личная восприимчивость к открытиям, новациям и нововведениям, принадлежащим другим, а также, и это главное, как направленность на самостоятельное генерирование нового.

2. Руководствуясь творческой установкой, мыслитель предпочитает проблемы, связанные с преодолением заблуждений, с заполнением общезначимых пустот в знании, с качественным улучшением готового знания, обнаружением неразрешенных противоречий, уловлением будущих тенденций в познании и с построением принципиально новых концептуальных структур.

3. Творческая установка проявляет себя во внешней и внутренней продуктивности. Первая составляет индивидуальный вклад в «произведенческое бытие» интеллектуалов, растворяясь в нем или выделяясь в качестве исключительного опыта. Вторая состоит в «построении» самого мыслителя, развивая его интеллектуальную одаренность и личностные черты, поддерживающие становление творческого таланта. Мыслительные достижения и устойчивые отношения к ним субъекта входят в структуру его личности, в его историю, в число главных «направляющих» его жизненного пути.

4. Подчеркивание роли творческой установки в мышлении означает иной подход к исследованию мышления, чем его изучение в качестве реактивного процесса, отвечающего на типичные когнитивные ситуации, или в качестве активности, самопроизвольно возникающей в динамике естественного влечения к интеллектуальному структурированию мира. Данная установка

означает сосредоточение субъекта на самом мышлении с тем, чтобы во взаимодействии с проблемной ситуацией извлечь как можно больше возможностей для обновления операционального, инструментального, результативного, регулятивного состава мыслительной деятельности и, как следствие, приобрести свойства, придающие субъекту уникальность в среде мыслителей.

5. Творческая установка реализуется одновременно в первичном, или авторском, мыслительном творчестве, а также во вторичном творчестве или со-творчестве с другими. Последняя характеристика указывает на диалогичность процесса рождения идей, на то, что длительная жизнь авторской идеи обусловлена ее интеграцией в пространство коллективных идей, на то, что любая творческая идея так напитана желаниями и страстями автора, что неизменно притягивает, заражает и вдохновляет умы других людей.

6. Творческая установка «работает» не только на оригинальность и общезначимость мыслительного результата. Далекое не вся сила продуцирования и творческого замысла выражает себя в конечном, овеществленном результате поиска. Не меньшую ценность имеют также новизна в способах, техниках и средствах продуктивного процесса, оттенки проживания мыслительного творчества, конструктивные изменения в самом мыслителе и новые позитивные моменты в его самоотношении. («Я пошел в атаку на проблему... Для меня это был священный обет, вопрос жизни и смерти. Я знал, что погибну, если потерплю неудачу... Решение было запрятано где-то в глубинах мозга, а я все еще не мог вывести его наружу. Я почитал свои любимые, вдохновенные строки Гете из «Фауста»... И вдруг мысль, как вспышка молнии, поразила меня, и через мгновение открылась истина. Образы, увиденные мной, были необыкновенно отчетливы и до такой степени обладали твердостью

металла и камня, что я сказал: «Вот это мой двигатель. Посмотрите, как он у меня работает». Я вырвал эту тайну у природы, и мой двигатель работал именно так, как я увидел в мысли» – писал Н. Тесла (11; с. 48).

7. Установка на творчество выражается в некотором противостоянии эпистемологическим традициям и устоявшимся моделям интерпретации опытных данных, разрывает привычную интеллектуальную коммуникацию человека, требует остаться наедине с собой и влечет к рефлексивному проторению пути для бессознательных процессов мышления. Иногда данная установка конфликтует, а может и агрессивно исключать, активность других установок мыслительной деятельности. Вместе с тем, при эффективном действии, она придает мышлению живой, рациональный, понимающий, интерпретирующий и диалогичный характер.

8. В творческой установке заключена мощная энергия для интенсивного протекания мышления. В каждом творческом мыслительном акте происходит оживление всего структурированного понятийного опыта субъекта и появление любой идеи как «концентрации» опыта, оптимальной для решения проблемы. Мыслительные операции протекают с такой скоростью, при которой в единицу времени генерируется на порядки больше концептуальных вариантов, чем в режимах других мыслительных установок. Рождаются идеи, оптимально «пригнанные» к условиям данной проблемной ситуации, строится прогностическая концепция всех промежуточных результатов поиска в сочетании с моделированием поискового будущего. Возникает интеллектуальная сензитивность по отношению к ошибкам и противоречиям в мыслительной деятельности, стремление к самовыражению не

только в строго логической или эмпирической и математической, но и в символической, метафорической формах, говорящих о содействии творчеству со стороны бессознательного. Воспроизводятся неповторимые душевные состояния подъема, удовлетворенности собой, причастности к большим феноменам жизни.

В заключение подчеркнем, что творческая установка мышления, в силу своей реализации в новых идеях, концептуальных моделях, установленных фактах и инновационных продуктах, оставляет яркие личностные послания в культуре. Ответом на эти послания является вовлечение личности в созидательную культурную динамику и наполнение ее жизни смыслом личного участия в человеческом познании.

Литература

1. Абульханова – Славская К. А. Личностные типы мышления. – Когнитивная психология. М.: Наука. 1986. С. 154 – 172.
2. Батищев Г. С. Философское наследие С. Л. Рубинштейна и проблематика креативности. // С. Л. Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М.: Наука. 1989. С. 245 – 279.
3. Вертгеймер М. Продуктивное мышление. М.: Прогресс. 1987.
4. Дали С. Дневник одного гения. М.: Изд-во ЭКСМО – Пресс. 1999.
5. Мамардашвили М. К. Картезианские размышления. М.: Прогресс, Культура. 1993.
- 6 . Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания. М.: Рефл-бук. 1998.
7. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. В 2 т. Т.1 М.: Педагогика. 1989.
8. Старовойтенко Е. Б. Современная психология: формы интеллектуальной жизни. М.: Академический проект. 2001.

9. Старовойтенко Е.Б. Культурная психология личности. М.: Академический проект. 2007.
10. Тайсон Р. Тайсон Ф. Психоаналитические теории развития. Екатеринбург.: Деловая книга. 1998 с.
11. Тесла Н. Статьи. Самара: ИД «Агни». 2008.
12. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М. 1966.
13. Франселла Ф. Баннистер Д. Новый метод исследования личности. М.: Прогресс. 1987.
14. Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика. 1995. С. 5 – 264.
15. Юнг К. Г. Либидо, его метаморфозы и символы. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа. 1994.

ПОТЕНЦИАЛ СЛОВА В ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Статья Старовойтенко Е. Б. Потенциал слова в индивидуальной жизни // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2008. № 2. С. 80-93

Расширяя границы традиционных общепсихологических, психолингвистических и психосемантических исследований речевой деятельности, рассмотрим сложный феномен слова в аспекте его потенциала, связанного с организацией индивидуальной жизни и становлением личности как ее субъекта. Роль слова в бытии конкретного человека рассматривается с учетом культурогенеза речи. Намечаются **культурно-психологические модели «слова»** с акцентом на его разнообразные формы и функции в индивидуальном развитии, творчестве, самопознании и самоопределении.

Анализ фундаментальных исследований речи (2; 6; 9; 10; 12; 14; 20; 21; 31; 35) позволяет заключить, что в жизни личности слово может служить:

- опосредованию и обеспечению интеллектуальной деятельности субъекта;
- установлению опосредованной связи субъекта с объектом;
- замещению образных моделей объекта;
- субъективному слиянию субъекта с означаемым объектом;
- субъективному осмыслению объекта;
- символизации как выражению иррационального понимания объекта;
- выражению оценочных переживаний по поводу объекта;
- коммуникации, диалогу субъектов по поводу объекта;
- оформлению концептуальных моделей изменения объекта;
- кодированию рефлексивных действий и формированию Я-концепции субъекта;
- репрезентации неосознаваемых психических содержаний;

- обозначению «пустот» в концептуальной модели объекта;
- структурированию сознательных актов субъекта;
- запуску и регуляции действий субъекта.

В жизненном становлении личности этот многообразный потенциал реализуется посредством развития **функциональных свойств** слова. Среди них, свойства быть перцептивным образом, сигналом и действием, знаком, именем», носителем значения и смысла, символом, средством выражения переживаний, способом коммуникации и диалога, средством авторского самовыражения. Имея в виду данные свойства, исследователи говорят о многих «сущностях» или формах слова, например, указующей, означающей, концептуальной, именующей, смысловой, символической и т. д.

Так, слово в его свойстве **быть знаком**, обладает перцептивно-образной формой, выступает психическим гештальтом, связывающим слуховые, кинестетические, визуальные и т. д. впечатления индивида от говорения, слушания, чтения, письма. Как самостоятельное восприятие или представление, оно уже в раннем культуро- и онтогенезе может участвовать в субъективном пространственно-временном взаимодействии элементов любой жизненной ситуации. В этом качестве оно может быть изолировано из ситуации в роли «приметы», «намёка», «указателя», «сигнала» наступления смежных событий и появления сопутствующих элементов ситуации. Здесь слово является частью того синкретического целого, на состав которого указывает, оно такой же «предмет», «вещь», как все остальное в этом целом. Например, клич в архаичном ритуале охоты или детской игры в охотника.

Назначение ранних слов может не осознаваться субъектом, то есть, по выражению М. Фуко, используются «неизвестные» знаки. За ними не усматривается скрытых содержаний, не хранится

никаких тайн, то есть, они являются «немыми». Но при этом, произносимые слова позволяют субъекту непроизвольно противопоставить себя ситуации, «магически» вызвать ее необходимые предметные составляющие или представления о них. Слова первых лет жизни ребенка призваны создавать одни и те же ситуации исполнения его желаний, и из них не должен выпасть ни один из слившихся со словом элементов.

В дальнейшем, по мере жизненного развития субъекта речи, слово становится подлинным знаком, то есть приобретает означаемое, которое отделено от него как «другое», может быть замещено словом без утраты своего основного содержания и входит этим содержанием в структуру словесного знака в виде «значения». По выражению М. Фуко, слово-знак репрезентирует, представляет предмет, но это представление само представлено в нем. В «отяжелевшем» за счет значения речевом знаке имеет место удвоенная репрезентация: в словесном образе заключен содержательный «образ» объекта (35). В значении постепенно структурируются все более отвлеченные межпредметные связи обозначаемого предмета, уводящие от его единичности, становящиеся концептуальным или «идеальным» представлением о предмете. Слово-знак является аналогом отвлеченных идей о предмете и позволяет оперировать предметом в идеальном плане.

Превращение слова в собственно знак, как в общекультурном, так и в индивидуальном жизненном процессе, имеет ряд существенных условий и последствий. Их можно обобщить в **модели словесного знака**, основанной на теориях позднего структурализма (К. Леви-Строс, Ж. Лакан, Ж. Деррида, Р. Барт, М. Фуко).

1. Слово как знак конституируется процессом познания, и, прежде всего, мыслительной деятельностью субъекта. В актах познания

устанавливаются надситуативные отношения между субъектом и предметом, между словом и предметом, между субъектом и словом. Сначала предмет дается субъекту познания как обобщенный предметный образ, затем, как объемный, содержательный концепт, нуждающийся в замещении и репрезентации, адекватной его отвлеченной сущности. В качестве этого заместителя используется акустически-зрительно-графический образ слова, с помощью которого субъект более эффективно, чем, например, посредством рисунка, картины, карты, схемы, может осознанно закодировать и передать свою мысль. Между словом и предметом устанавливается интеллектуальное отношение, переносящее предметное содержание внутрь словесного знака. За оболочкой слова совершается колоссальная работа по умножению и структурированию его концептуального значения. Будучи отделенным от означаемого, знак одновременно внедрен в него, придавая предмету свойство «быть означенным». Мысль во взаимоотношении означающего и означаемого приобретает двойную отнесенность: к предмету и слову. Целостность вербально-мыслительного процесса поддерживается субъектом познания, который рефлексивно отсылает мысль о предмете к слову и из слова извлекает мысль. Слово-знак в системе рациональных жизненных связей личности приобретает статус самостоятельного объекта познания.

2. Слова-знаки универсальны, пригодны для любого индивидуального выражения основных операциональных и продуктивных структур мышления. Они обеспечивают социокультурную преемственность в объективном, достоверном, истинном решении ряда коренных проблем жизни. Так, в мышлении современной личности словесный знак определяет многоплановую категориальную принадлежность предмета, его многоуровневое

тождество с другими предметами («бабочка» – «земное», «материальное», «живое», «насекомое» и т. д.) Слово как бы притягивает все новые и новые признаки предметов родственных категорий и тем самым расширяет и интегрирует мир *cogito* субъекта. Одновременно, словесный знак репрезентирует одну из множества предметных категорий («цветок», «часы», «человек» и т. д.) и служит установлению бесчисленных различий между ею и другими категориями. То есть, благодаря слову, интеллектуальная жизнь длится как непрерывный аналитический процесс. Вместе с тем, слово, поддерживая органичные для европейского мышления оппозиционные разделения типа неживое – живое, свет – тьма, материя – дух, мужское – женское, сознательное – бессознательное, коллективное – индивидуальное и т. д. преодолевает сосредоточение мысли на одной из оппозиций как первичной и основополагающей, утверждая равноправное существование и ценность каждой из них. Таким образом, в индивидуальном воспроизводстве интеллектуальной жизни слово отождествляет, синтезирует, разделяет, ценностно уравнивает означаемые объекты.

3. Мышление, структурирующее означаемое и устанавливающее его связи со знаком, придает данной связи прозрачность, однозначность. Все, что в предмете немыслимо, не осознано, слово-знак исключает из своего содержания. Язык классической рациональности как самый типичный знаковый код строго придерживается границ мышления и в движении своих значений развертывается в виде дискурса, оперирующего терминами, нормативными категориями и понятиями, употребляемыми по общему соглашению. В дискурсе господствуют чистая мысль и чистый язык, то есть язык представляет мысль так, как мысль представляет себя сама. Слово-знак не нуждается в комментариях, толковании, прозрении, то есть

герменевтических усилиях, и рассматривается по критериям истинности, точности, общезначимости представленной в нем мысли. Означающее и означаемое взаимно предопределены и создают пространство коммуникации, где все субъекты лингвистически подобны друг другу и могут согласно помыслить о предметах-референтах. Речь в форме концептуально отточенной, грамматически безупречной связи словесных знаков осваивается личностью преимущественно в академическом обучении и при овладении интеллектуальными профессиями, где естественны и необходимы сциентистские, технократические, информационно-рационалистические установки.

4. Но и в тех областях знания, где господствует договоренность о словоупотреблении, индивиды находят свободу означения. Слова-знаки пропускают в свои содержания элементы далеких значений или сами удаляются от изначальных значений под влиянием переосмысления. Они могут «плавать» между смежными значениями, отмечая актуально привилегированные. Слова меняют форму произнесения и написания и в этом обновлении что-то приобретают или теряют в содержании.

Например, оказываясь знаком концептуальной парадигмы, слово вдруг становится всепроникающим и всеобъемлющим, привлекая к себе огромные массивы означаемых. Например, слово «гламур» вбирает представления о блеске, глянце, стильности, эстетизме формы, современной моде, соблазне, сексуальном вызове, красоте тела, элитарном стиле жизни, приоритете внешнего над внутренним, манифестации богатства и т. д.

Или, разоблачая себя как знак, слово обращается в символ, находя и причудливо определяя иррациональные свойства отдаленных референтов. Издавна «бабочка» притягивает на

обозначение души – девушки – ночной страсти – скоротечности жизни. Или, связываясь со «знаковой фигурой» культуры, социума, времени, слово начинает занимать исключительное место в массовом и индивидуальном дискурсе, становясь в нем основным инструментом либо нового упорядочения, либо новой стихийной игры значений. Например, имя «Билл Гейтс» повсеместно употребляется как центрирующее множество идей об исключительных индивидуальных достижениях. Или, прямо расставаясь со своими прежними значениями, слова становятся знаками иносказаний, выражая обратные содержания. Слово «гениальный», обесцененное льстивыми сцеплениями с сомнительными референтами, все чаще приобретает ироническое, то есть оппозиционное значение. Во всех перечисленных случаях слово расстается с ролью «прозрачного знака для идеальной мысли» и напоминает о своих других культурных и жизненных свойствах

В свойстве **быть именем**, слово конституируется вместе с развитием в качестве знака, дополняя и компенсируя интеллектуализацию речи. Если знак призван удерживать безличные, нормативные, обобщенные характеристики предмета, то имя должно подчеркнуть индивидуальность единичных референтов. В культурно- и онтогенезе слово-имя обособляет познаваемые единичные предметы, активно утверждает их собственное бытие и указывает на их высокую личную значимость для субъекта. Будь-то ребенок, по-своему именующий любимую игрушку, или целый народ, присваивающий Имена своим кумирам, или ученый, открывший новое понимание и давший авторское название изучаемому объекту, слово позволяет им оставаться в границах объективно воспринимаемой и субъективно проживаемой реальности.

Основные положения о данном свойстве слова содержатся в экзистенциальной, феноменологической и психоаналитической теориях (М. Хайдеггер, Ж-П Сартр, А. Камю, А. Витгенштейн, Ж. Лакан, Э. Кассирер, П. Рикер, М. Мамардашвили и др.). Эти положения можно объединить в следующей **модели слова-имени**.

1. Имя не стремится придерживаться только категориальных определений предмета и его чистого значения. Оно, индивидуализируя значение, возвращает предмету неповторимую специфику, которая может быть дана личности аффективно и перцептивно, в воображении и фантазии. Образно-эмоциональное содержание придает имени характер «образного слова». В своей зрелой форме имена живут в риторическом, поэтическом, мифологическом, эпическом, экзистенциальном и индивидуально творческом пространствах речи.

2. Имя, появляясь в связи с исключительным вниманием субъекта к определенному объекту-референту, может распространиться на объекты, субъективно напоминающие исходный референт. Причем именование существенно отличается от о-значения тем, что схватывает не категориальное, общепонятное, осознанное сходство объектов, а их «сродство», связанное с ситуативными, мимолетными ассоциативными впечатлениями и переживаниями, глубинными смутными интуициями и бессознательными побуждениями индивида. Поименовать, значит превратить существующее-для-всех в существующее-для-себя и, создав свой словесный мир, посвятить в его тайну других.

3. С именованием связан феномен личного внутреннего присвоения предмета. Последний феноменологически наделяется качествами «быть моим», «быть частью моей жизни», «быть частью меня самого», «быть частью моей души», а, следовательно, и свойством

быть «зависимым от моего произвола». В этом акте сращивания с предметом, мы откликаемся на проснувшийся в нас бессознательный, древний призыв одушевлять предметный мир, вбирать в себя силы, свойственные внешним объектам, отождествлять себя со значимым объектом и одновременно придавать ему собственные черты, быть уверенным в своей таинственной связи с ним. К именованию проложен путь от стихийного анимизма, тотемизма, фетишизма, магии, игры. Имя и возвышает, и подчиняет объект субъекту. Если объект – другой человек, то это ставит его в двойственную позицию по отношению к именуемому: превосходства и зависимости..

4. Поименованный предмет имеет властную притягательность и сильно влияет на субъекта. Ощущая это, субъект или «вживается» в него, или оживляет его, или идентифицируется с ним, или сообщает ему особенные бытийные силы, или приписывает сверхъестественные возможности. Трудно найти лучшее подтверждение этой власти, чем воспоминание К. Юнга об одном из впечатлений детства.

«У стены был склон, на нем, выступая из земли, стоял камень – «Мой камень». Часто, сидя на камне, я погружался в странную метафизическую игру; выглядело это так: «Я сижу на этом камне, я на нем, а он подо мною». Камень также мог сказать «я» и думать: «Я лежу здесь, на этом склоне, а он сидит на мне». Дальше возникал вопрос: «Кто Я? Тот ли, кто сидит на камне, или Я – камень, на котором он сидит?» Ответа я не знал и всякий раз, поднимаясь, чувствовал, что не знаю толком, кто же я теперь. Эта моя неопределенность сопровождалась ощущением странной и чарующей темноты, возникающей в сознании. Я не сомневался в

том, что этот камень был тайным образом связан со мной. Я мог часами сидеть на нем, замороженный его загадкой.» (38, с. 36)

5. Слова становятся именами, когда личности опосредуют и завершают ими внутренние процессы поиска объектов собственных сильных влечений, стремлений, желаний. Имя оценивает и предопределяет отношения к объекту с точки зрения его соответствия ведущим побуждениям субъекта. Иногда, родившись в динамике желания и прикрепившись к нему, имя переводит внимание субъекта с объекта на объект, фиксируя в них общие качества, не замечаемые другими людьми; в этом смысле слово освещает скрытые содержания объектов, утверждая их новые «категории». Так, увлекающаяся женщина выделяет среди людей класс «Моих мужчин». Имена как отметки фигур желаний, прозвучавшие в присутствии других, могут стать для них приглашением разделить стремления именуемого и принять влияния именуемых.

6. Имя как репрезентация объекта желания имеет непосредственное отношение к тому, что феноменологи называют «симулякрой». М. Мамардашвили (22), интерпретируя жизненные состояния героев Пруста, рассматривает ее как целостное и устойчивое аффективно-образное впечатление, которое вследствие своей предельной субъективности и фантастичности отделяется от объекта и, закрепившись в магическом для личности имени, предпосылается любому восприятию данного объекта. Она существует виртуально, до каждой новой встречи со сверхценным объектом, а при его появлении в луче взгляда и сознания субъекта тут же оказывается в потоке активности, идущей от субъекта к объекту. Симулякра – это и имя, и образ, и желание, и чувство, «наложенные» личностью на человека или вещь в акте непосредственного проживания.

7. Имя может приобрести такую самостоятельность, что нивелирует значимость объекта, с которым было первоначально слито. Оно само становится «вещью» или «существом», которым субъект оперирует, рассчитывая непосредственно изменить что-либо в реальности: создать, исцелить, уничтожить. С этой воображаемой бытийной автономией слов-имен связаны древние ритуалы заклинаний и заговоров. Иван Бунин описал это так: *«Барышню била лихорадка, она готова была покатиться в судорогах на пол, когда, сидя в сумерках в спальне, ожидала появления Клима...И вот он проходил мимо нее, развязывая на ходу платочек с какими-то колдовскими косточками. Затем из спальни раздавался в гробовой тишине его громкий, необычный голос:*

- Встань, раба божия!

Затем на доску, положенную на пол, ставили барышню с выкатившимися от ужаса глазами и похолодевшую, как покойник... И вдруг он начинал странным, отдаленным каким-то голосом:

- Взыдет Филат... Окна откроет... Двери раскроет... Кликнет и скажет: Тоска! Тоска!

- Тоска, Тоска! – восклицал он с внезапной силой и грозной властью.

- Ты иди, Тоска во темны леса, - там твои мяста...

И все чувствовали, что нет более ужасных слов, чем эти, сразу переносящие душу куда-то на край дикого, сказочного, первобытно-грубого мира. И нельзя было не верить в силу их, как не мог не верить в нее и сам Клим, делавший порою прямо чудеса над одержимыми недугом» (5, с. 254).

- Имя, покидающее свой конкретный референт, но при этом не обращающееся в подобие вещи, может эволюционировать в символ. Так происходит, когда оно начинает влиять на многих людей и использоваться ими для определения своего отношения к

разнообразным аналогам поименованного.. В этом процессе имя как бы возвращает себе статус «знака» и свойства распространенности, общепринятости. Например, какое-то литературное именование приобретает такую силу внушения, что притягивается ко всем предметам, имеющим ассоциативное или иррациональное сходство с исходным референтом. И вновь заимствуя из размышлений Мамардашвили на темы романа Пруста, возьмем его упоминание имени «**Бал черепов**». Оно дается героем торжественному собранию его постаревших знакомых – парижских аристократов, приобщение к кругу которых долгие годы была его вожделенной целью, а в зрелые годы – предметом самоиронии. Имя здесь указывает на возраст собравшихся, их принадлежность к старинным фамилиям, их утраченные в современном мире клановые позиции, их роль хранителей древнейших, почти уже потусторонних традиций, их мистическую связь с миром тьмы, где душами владеют не прикрытые земным обычаем страсти к богатству, лжи, власти. Это имя и сейчас легко переносится в план кодовой характеристики реальных ревностных хранителей устаревших взглядов, или могущественных когда-то лиц, отстраненных от дел, но не оставляющих свои амбиции, или бывших власть предержащих, избалованных вседозволенностью, одним словом, всех, кто, вопреки времени, хочет править торжество в эпицентре жизни.

8. Когда индивид именуется, он поднимает на уровень сознания смутно ощущаемые содержания бессознательного слоя психики, которые он хочет прояснить для себя. Здесь именование выполняет когнитивную функцию, тем более, что значительный массив этих содержаний относится к коллективному бессознательному, и, следовательно, их раскрытие и словесные коды имеют культурную референцию и значимость. Особенно хорошо это видно в

именовании архетипов у К. Г. Юнга. Имена Анимы, Анимуса, Персоны, Тени, Самости, Мудреца, Трикстера давно живут автономной жизнью всеобщих «понятий» в сферах философии, науки, искусства.

9. Найденное творцом или мастером имя стремится вернуться к своему референту, влияя на его бытие, детерминируя его изменения и преобразования. В имени может быть заключен проект будущего существования референта. Эта активная сущность имени была отмечена Хайдеггером поэтической строкой из Гельдерлина: «Не быть вещам, где слова нет». Как к верхнему пределу своих достижений и духовных влияний, к именованию стремятся оратор, поэт, проповедник и пророк.

Близким к именованию является свойство слова **быть символом**. Спецификой словесной символизации является то, что она происходит в пространстве интеллектуального поиска, когда нужно, например, или уклониться от прямой концептуализации предмета, или указать на непроясненное содержание предмета, или интегрировать в одном понятии большой объем отдаленных концептуальных содержаний, или за поверхностной идеей скрыть другую – глубинную, иногда оппозиционную. В последнем случае вербальный символический процесс неявно подчеркивает равноценность и взаимную обратимость логических противоположностей. Действует принцип децентрации, обоснованный Ю. Кристевой и Ж. Деррида на примере литературных текстов.

В модели слова-символа, основываясь на классических философско-психологических идеях (2; 4; 19; 23; 31; 39; 40), мы подчеркиваем следующие особенности вербально-символического процесса.

1. Любое слово является «символом» в смысле указания звуком, рече-движением, зрительным перцептом на что-то другое. В более глубоком определении, символизация означает опосредование словом процесса замещения одного психического содержания другим: мыслью – мысли, обобщенным образом – мысли, обобщенным образом – интуитивного прозрения или переживания. Словесное замещение мыслью мысли происходит, например, в творческом метафорическом процессе. Другим примером рождения словесного символа является называние образа, подставляемого на место идей о многих разнородных референтах, объединенных чертами, собранными в образе. Например, символы «дерева», «огня», «воды», «дома». Символом может объединяться множество иррациональных явлений, приобретающих в обществе высокую значимость. Таким путем, к примеру, появились в России слова «беспредел», «новый русский» и множество других народных ярлыков, отмечающих неразрешимые проблемы современной социальной жизни или странные качества известных людей. Сходным образом, хотя и на несопоставимо высоком уровне, создавались символы великой литературы, названные Андреем Белым «аристократическими»: Эдип, Гамлет, Фауст, Великий Инквизитор.

2. Коллективные словесные символы в общей системе речевой символики дополняются личными символами. Динамика их порождения хорошо показана Э. Фроммом в работе «Забытый язык» на примере перевода образов сновидений в осознанное словесное обобщение (34). Так, приснившаяся человеку окраина города, пустынный, незнакомый, убогий городской пейзаж могут быть внутренне связаны с чувствами одиночества, потерянности, страха, испытываемыми им в последнее время. Образ сна отныне будет

символизировать для него эти переживания. Одновременно этот образ может ступить в слове «**окраина**», которое в свою очередь становится для человека символом личной заброшенности, маргинальности и начинает активно входить в содержание его высказываний.

3. Словесный символизм, хотя и является частью познавательного процесса, все же существенно противостоит его отвлеченности, логической упорядоченности, осознанности и рациональности. Это происходит, благодаря тесной связи слова-символа с продуктивным представлением, воображением, фантазией. Так же, как Возрождение, Романтизм и Серебряный век, современная культурная эпоха увлечена образами. Р. Барт заключает, что современный текст отличается тотальным вторжением образа, вытесняющего традиционную абстрактность понятий. Оно выражается в «неотделимости конкретного примера от иллюстрируемой мысли», то есть в слиянии словесных образов и стоящих за ними идей, что и составляет суть символизма. (2)

4. Слова-символы связаны с познанием – творчеством – переживанием; обладают свойством соотносить и объединять между собой не только элементы сознания, но и элементы «бессловесного», «бессмысленного» мира, каким является Бессознательное. Кроме того, символ уводит субъекта от конкретных референтов в ментальный мир с его образно-понятийными трансформациями; образное содержание, чаще всего присутствующее в речевом символе, служит средством для перехода к основному, концептуальному, значению; слово-символ имеет внутреннее напряжение, связанное с загадочностью, проблемностью символизируемого, с отсутствием прозрачности соотношения символа и основного значения, с тем, что символически

репрезентируется что-то неизвестное в референте. Напряжение символического слова возникает и под влиянием переживаний субъекта, который выражает в нем не только знание и незнание о предмете, но и внутренне пристрастное отношение ко всему, что связано с этим предметом. Слова-символы способны к спонтанному взаимопорождению, появляясь и ассоциируясь в продуктивном процессе, подобном цепной реакции. Освещая в этом процессе основные значения референтов, символы устанавливают между ними необычные отношения, осознание и обоснование которых может стать для субъекта задачей интеллектуального творчества. Так, в философии Ф. Ницше огромной энергией символического и рационального генерирования обладает слово «сверхчеловек», у В. Соловьева – «богочеловечество». Наконец, слова-символы, рождаясь и соединяясь в сфере философского и поэтического творчества, а также в области самопознания, могут образовывать личные символические миры, по которым особенно легко распознаются талант и гений.

5. Хорошо исследованной формой образования символов является создание **метафоры**. На ее примере можно сделать дальнейшие уточнения, касающиеся вербально-символического процесса. Но сначала напомним великолепные образцы метафорического продуцирования, которые определили собой речевой стиль личностей важнейшего периода теологического и философского познания – схоластические словопрения средневековья. В. Рабинович, иллюстрируя мысль о средневековой метафоре как загадочном уподоблении вещей и эвристическом поиске «избирательного сродства» явлений, приводит такой фрагмент диалога Ученика и Учителя.

Ученик: Что такое буква?

Учитель: Страж истории.

Ученик: Что такое слово?

Учитель: Изменник души.

Ученик: Кто рождает слово?

Учитель: Язык.

Ученик: Что такое язык?

Учитель: Бич воздуха.

Ученик: Что такое человек?

Учитель: Раб смерти, жаждущий путник, гость в своем доме.

Ученик: На что похож человек?

Учитель: На плод.

Ученик: Как помещен человек?

Учитель. Как лампада на ветру. (26, с. 154)

Метафорическая деятельность субъекта включает в себя и операции логического порядка, и операции, характерные для воображения и образной символизации. Причем в качестве интеллектуальной и дискурсивной, эта деятельность с внешне операциональной стороны стремится придерживаться логики. Но особенность метафоры в том, что внутренне она вскрывает такие соединения вещей, которые кажутся парадоксальными и слишком далекими в обычном категориальном пространстве. Действительно, почему соединяются «язык» и «бич» или «человек» и «лампада»? Такие соединения, говорит М. Мамардашвили, «поднимаются сознанием из глубин нашей душевной жизни, из области, где все первоначально просто, непрерывно, одновременно и все связано со всем» (22, с. 378).

При помощи метафоры мы охватываем сознательные и бессознательные слои нашего ментального поля и в мысли достигаем его самых удаленных и разделенных друг с другом

участков. В метафоре есть креативное начало, так как с ее помощью мы проясняем ранее скрытое. В ней есть определенная аномалия, так как для прояснения неизвестного мы пользуемся приемами архаичного мышления, что переживается нами как интеллектуальный риск, интеллектуальный вызов, когнитивный диссонанс (31).

Структура метафоры, как правило, имеет два необходимых элемента: главный и вспомогательный. В первом есть ключевое слово, относящееся к основному референту, во втором – слово, указывающее на другой референт, с которым сопоставляется основной. В метафоре «а она-то все идет, словно лодочка плывет» основным референтом является «она» или «девушка», а сопоставляемым референтом выступает «лодочка». Главный элемент здесь – идея «она идет», вспомогательный – идея «лодочка плывет». Структура метафоры в целом выражает необычное отождествление основного референта с другим (девушка – лодочка), так что этот другой становится атрибутом или символом и именем первого. Автором любой метафоры символически подчеркивается значимость основного референта, как это обычно бывает в поэзии, риторике или интимном общении: «пьянея звуком голоса» (я – Зачарованный тобой); «странной близостью закованный» (я – Сцепленный с тобой).

Индивидуальное авторское присутствие вообще очень сильно в метафоре. Кроме знания и оценки ведущего референта, акцентируется интеллектуальная самостоятельность автора. В подтексте метафоры проступает: «Я так вижу... Я так представляю... Я так понимаю...»

Метафорический процесс развивает и уточняет значение основного референта. К числу развивающих операций этого

процесса, прежде всего, относят сравнение, нахождение сходства, уподобление. В высказывании «буря ревет» буря сравнивается с чудовищем, издающим мощный рев, и отождествляется с ним по этому признаку; ее значение вбирает данный признак как существенный. Кроме того, выделяются операции гиперболизации, акцентирования или отрицания каких-то свойств основного референта, которые специально не акцентируются в его логическом значении. В метафоре «не мужчина – орел» это значение обогащается свойствами успешности – дальновидности – высоких достижений. Однако та же метафора может не утверждать, а отрицать названные свойства референта, и делать это также преувеличенно. В этом случае она употребляется иронически или насмешливо, отнимая у референта всякую общность с «орлом». Иногда операция отрицания прямо заключена в структуре метафоры: «я человек, а не тварь дрожащая». Здесь за выраженным отрицанием совершается еще одна важнейшая интеллектуальная операция – выделение противоположности: орел – не орел, человек – тварь дрожащая. Некоторые метафоры парадоксально сводят противоположности, указывая на таинственную двойственность основного референта: «живой труп», «дневные звезды», «искренняя ложь».

Операции, порождающие интеллектуально и эстетически ценные метафоры, стремятся к расширению в составе индивидуального или коллективного творческого процесса, образуя продуктивную «символическую прогрессию». А. Белый (4) упоминает в этой связи выражение «белорогий месяц», впитавшее в культуре множество последовательных сравнений и метафорических трансформаций. Их развитие, лежащее в глубине многих мифологических и поэтических произведений и ведущее к понятию европейского обновления, он

представил следующим образом: месяц – белый рог – небесный бык – Зевс – луноликая Европа – молодая Луна – месяц – новая Европа. В подобных континуумах проявляется действенность и генерирующая мощь метафор, характерная для большинства слов-символов.

Слову присуще свойство **обладать значением и смыслом**. Данное свойство обосновывается **моделью слова-значения и слова-смысла**, основу которой составляют идеи Ж. Пиаже, Л. С. Выготского, А. Р. Лурии, А.А. Леонтьева и др.

1. Значение слова репрезентируется «понятием» как сложной категориальной структурой основного референта, связывающей такие его «определители», как предметы, предметные свойства, состояния, действия, предметные ситуации и события, а также инвариантные отношения между ними. Понятие-мысль, обозначенное словом, или «концепт», является содержанием, доступным для общего понимания, интеллектуального обмена, совместной разработки многими людьми. В зрелом понятийном значении интегрируются координационные и субординационные отношения между многими словесно структурированными предметными категориями. То есть, у слова как носителя значения существует массивный нормативный речевой и когнитивный контекст. В тонком интеллектуальном высказывании для искусленного субъекта или адресата этот контекст полно изливается в употребленном слове.

2. Активное дискурсивное использование концептов может постепенно уводить субъекта от индивидуальности единичных референтов, и потому слова начинают терять опору в реальных вещах, феноменах, событиях. В этом состоит опасность для «интеллектуальной речи». Даже работа с «чистыми» значениями

требует удержания в их структуре индивидуальных референтов с их репрезентативными признаками и в этом смысле всегда должна быть «феноменологической». Ценность значения легче обнаруживается в его соотношении не с «метафизической истиной», а с закономерными проявлениями действительной жизни, в динамике которой слово направляет ее познание, а также самопознание, рефлексию личности. Проблема связи с конкретным референтом – это не только проблема иллюстрации или наглядного примера в абстрактном мышлении, но и проблема жизненности, экзистенциальности, доверительности, исповедальности слова и речи.

3. Единое значение слова структурировано из содержательных элементов разных типов. Одни из них являются специфическими признаками единичных представителей референта, другие определяют принадлежность референта к частным и общим категориям объектов, третьи отсылают референт к предельно общим категориям, познаваемым теоретическими науками и философией, четвертые свидетельствуют о причастности референта к мифу и остаются за пределами рационального мышления. За каждым словом, таким образом, кроется потенциально неисчерпаемый дискурс, многомерное теоретизирование, конкретизация и символизация. Выражение «цветущее дерево» для кого-то на одном полюсе понимания несет значение «той яблони за окном», а на другом – значение «вечного возобновления жизни».

4. В различных языках в понятии определенного объекта могут быть особо выделены те или иные содержательные аспекты. Поэтому в системах языковых культур тождественные слова могут свидетельствовать об относительно разных содержаниях. Значение организовано из многих элементов, но некоторые из них могут быть

настолько акцентированы в речи субъектов, что, наконец, отщепляются от первичного значения и начинают развиваться в виде новых значений слова. Или основное значение слова переносится в содержание многих других референтов, так, что эти референты могут приобрести вербальную идентичность с исходным референтом, и само слово начинает символически объединять понятия самых различных объектов. Или из значения определенного слова выделяется какой-то существенный элемент, и это слово становится его исключительным заместителем, притягиваясь к референтам, тоже имеющим в своем содержании указанный элемент; в исходное слово проникают новые, иногда очень отдаленные значения. Или значение какого-то слова начинает прогрессировать, разрастаться, требуя трансформаций его носителя. Появляются слова, производные от начального слова, которые привносят в него новые самостоятельные значения, соотносящиеся на новом уровне. Так, например, формируются сленговые расширения значений и слов.

5. Перечисленные феномены связаны с многозначностью слова. В частности, избирательное обозначение тех или иных особенностей референта словами-аналогами из разных языков отмечено П. Флоренским на примере «истины» (26). Русское слово «истина» означает: подлинно существующее – живущее – пребывающее – абсолютно реальное – подлинное – прочное – справедливое. Совсем иная сторона референта подчеркнута в древнегреческом языке. Здесь «истинное» означает: не упущенное памятью – незабвенное – заключенное в сознании – преодолевающее время – вечно стоящее. В латинском языке под «истиной» подразумевается: обоснованное – защищенное – табуированное – зачатое – требующее веры – устрашающее – вызывающее смирение – правда – право. Семитское

значение «истины» определяет ее в качестве: слова Божьего – надежного слова – верного обещания – искреннего суждения.

Примером многозначности, порожденной отщеплением и автономизацией частей исходного значения, является культурное развитие концепта «Я». Х. Ортега-и-Гассет (31) отметил, что в раннем европейском культурогенезе «Я» прежде всего значило «мое тело» – «моя плоть» – «мое сердце» – «мое». Позднее, в философско–психологических толкованиях «Я» становится «творящим мир в воображении и фантазии» (Гете), «тем, что мы представляем о себе» (Шопенгауэр), «высшим законодателем природы» (Кант), «всем-в-мире» (Фихте), «центром сознания» (Фрейд).

Феномен переноса значения в понятийные содержания других референтов и привнесения последних в исходное слово хорошо иллюстрируется концептом «кровь». Кроме прямого значения «жидкой среды организма, необходимой для жизненного процесса», он имеет множество привнесенных значений, куда «кровь» входит своими разными свойствами: «близкое родство», «братство», «наследование могущества, силы, титула», «признак избранности», «неприкосновенность», «невинность», «война», «гибель» и т. д.

Случаем распространения части значения на другие референты и объединения их общим словом является развитие содержания слова «ключ». Оно обозначает, во-первых, то, что открывает вход, дверь. Во-вторых, то, что бьет струей из-под земли, отворяя ее. Третье, то, что является решением какой-то проблемы, раскрывая что-то неизвестное. Во всех этих значениях присутствует важнейший элемент исходного значения «ключа» – способность делать явным нечто потаенное (25).

6. Кроме умножения различных относительно автономных содержаний слова, в позитивной динамике значения можно обнаружить и закономерности становления его основного внутреннего ядра или закономерности развития значения. К ним относятся углубление значения, увеличение его объема, улучшение структуры, упрочение связи с определенным словом, выделение иерархических уровней определяющих признаков, формирование признаков разных типов. Если исследовать последнюю закономерность, то в структуре развитого значения можно обнаружить и логические, и интуитивные, и ассоциативные элементы, которые активно взаимодействуют друг с другом. Иногда движение значения ориентировано на то, чтобы сохранить и укрепить элемент, доминирующий во взаимодействии. Например, в таинственных понятиях «Небесный Отец» и «Творение» таким элементом является интуитивный.

К развитию значений можно также отнести создание авторского варианта основного содержания слова. Не допуская искажения сути, вариант привносит в значение ценные оттенки и креативные уточнения. Эта закономерность характерна для научных понятий, получающих оригинальные трактовки в новых теориях талантливых ученых.

7. Важной характеристикой динамики значения является ускользание значения или непонятность, непонимание слова. Оно является естественным для детей, только начавших устанавливать для себя правила связной осмысленной речи. Но ускользание значения может быть характерно и для взрослых, отмечая области незнания и пассивности мысли. Непонимание значений метит для субъекта проблемные регионы интеллектуального поиска, объективные изменения устоявшихся схем и содержаний мышления,

а также непрозрачность построения текстов, передаваемых субъекту в дискурсе. Иногда сложившаяся связь слов и значений направленно или спонтанно нарушается самим субъектом; очевидные вербальные содержания уходят на периферию сознания, чтобы освободить пространство для проникновения внутрь слов новых идей, мыслеобразов, символических образований. То есть возникает «вызванное непонимание». Такое событие в динамике значения может обусловить существенную перестройку индивидуальных концептуальных структур, улучшение либо смену когнитивного стиля или может вести к аномальным изменениям в мышлении.

8. Иногда зрелые значения нуждаются в усилении, или амплификации, чтобы означенный референт мог занять определенное место в системе значимостей и ценностей субъекта. К феноменам амплификации относятся удвоение значений в метафоре, употребление переносных значений, использование двусмысленностей, привлечение дополнительных и нахождение исчерпывающих определений и т. д. Если в раскаянии человек признает дурными свои действия, он, возможно, скажет: «я низко пал». Перенос значения акцентирует здесь скрытую основную мысль о недостойности собственного поведения. Или в двусмысленном суждении мужчины «я не могу сказать, что не люблю свою жену» проявляют себя имплицитные значения: «она вызывает страх», «не могу быть откровенным, говоря о ней», «не люблю, но молчу об этом». О способности увеличивать мощь значащего слова за счет исчерпывающих, исключительных определений говорит сартровское: «я обогатил вселенную моей «трепещущей зеленью».

9. Внутренние метаморфозы значения слова, включая развитие, усиление, изменение, редукцию, расширение совершаются за счет

его связей со значениями других слов внутри единой семантической структуры. Процессы взаимодействия, влияния, ассоциирования в данной структуре образуют подвижное «поле» различных значений, сбегających к исходному слову и активизирующихся при его произнесении или слушании в определенных ситуациях и контекстах. В семантическом поле образуются как сознаваемые связи значений, отвечающие за относительно инвариантное содержание слова, так и бессознательные связи, влияющие на не уловимую субъектом динамику основного значения. Критическим проявлением активности сознательной семантики слова выступает полное и точное раскрытие его содержания в дискурсивно построенном тексте, когда актуализируются и припоминаются все ведущие интеллектуальные соединения внутри «поля». Показательно в этом смысле ораторское искусство с его свободой в подборе прозрачных, уточняющих, хорошо согласующихся друг с другом слов-определителей референта.

Бессознательная динамика элементов семантического поля особенно ярко обнаруживается в творческих трансформациях значений и в их патологических сдвигах и нарушениях (З. Фрейд, К. Г. Юнг, Ж. Лакан, Р. Лэнг). Психологическими, жизненными доказательствами существования бессознательного уровня семантических полей могут, к примеру, служить:

- самопроизвольное бессвязное всплывание слов в состояниях сниженной активности сознания: засыпания, дремы, пробуждения;
- ошибочные припоминания близких по значению слов: подмена нужных значений другими, в частности, при неясном понимании различий между спутанными референтами;

- сложности вспоминания забытых имен собственных, феноменологически представленные М. Прустом как «грандиозная игра памяти в прятки», как бессознательный переход от забвения к воскрешению, при котором имя не приближается к нам постепенно, а возникает вдруг, вопреки тем ложным именам, которые мерещились на пути к нему;
- затруднения в припоминании слов, вызванные присутствием в них запретных, нежелательных для личности значений;
- вербальное поведение душевнобольных, когда психический недуг находит фантастический, условный язык для манифестации невыразимых желаний;
- самопроизвольные словесные ассоциации во сне, трансформирующиеся в необычные образы сновидений;
- спонтанная вербальная активность в ассоциативном эксперименте;
- трудно объяснимая генеративная мощь «поля значений», выражающаяся в изобильном «раблезианском» продуцировании слов в связи с каким-то исходным референтом.

Последний феномен можно сравнить с огромной волной, выносящей из темных глубин на освещенное побережье бесчисленные экзотические порождения придонных вод. Семантика некоторых слов в знаменитом произведении Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» поражает необъятным количеством элементов, моделируя глубинный потенциал значений.

«И уж раз мы порешили обратиться за советом к столпам учености, то мне бы хотелось, чтобы главным советчиком нашим был бы не просто сумасброд, а Сумасброд в Высшей Степени: фатальный, от природы, небесный, меркуриальный, лунатический, эксцентрический, эфирный, арктический, героический, гениальный,

предопределенный, августейший, кесарский, императорский, королевский, монарший, патриарший, лояльный, знаменосный, принципиальный, благородный, избранный, триумфальный, дворцовый, образцовый, редкостный, обычный, привычный, домашний, придворный, популярный, знаменитый, фаворитный, грозный, самобытный, державный, специфический, метафизический, экстатический. (Дано с сокр. – авт.)» (26, с. 392)

В данном случае слова-носители исходного значения вовлечены в процесс раскрытия референта по нескольким правилам семантического структурирования: гиперболизации, употребления противоположностей, избыточности использованных категорий, категориальной близости, случайных ассоциаций, созвучия, рифмы. «Поле» Рабле насыщено такими многомерными содержаниями, которые обычно свойственны символической семантике с ее «бессвязной связью значений».

Глубинный семантический слой имеет отношение к развитию сознательного нормативного значения, к его обновлению, к появлению в нем элементов коллективного бессознательного, к деконструкции и построению общепонятных содержаний слова. В этих процессах связь бессознательного и сознательного аспектов значения обычно придерживается социальных и культурных координат. Но вместе с тем, сознательная и бессознательная семантика слова подвержена влияниям, исходящим от индивидуальности субъекта, его «Я», личного опыта, уникально проживаемых жизненных событий и ситуаций. Здесь проблема «значения» слова переходит в проблему индивидуального «смыслообразования».

10. Появление в значении слова **смыслового плана** выступает важнейшим моментом общей динамики значений. К формам

смысловой трансформации значения относятся, в частности, переходы значения в смысл, частичное развитие значения слова как смыслового, отдельные привнесения в значение элементов смысла и т. д. Смыслообразование в любой форме характеризуется несколькими основными психологическими признаками. Во-первых, в отличие от образования значения, оно зависит не столько от активности мысли, сколько от пролонгированного усилия индивида наполнить слово разнообразными эффектами личного проживания, включая интеллектуальные, эмоциональные, интуитивные и символические. В составе смысла они сохраняют свою свежесть и самобытность, не растворяясь в строгом концепте. Во-вторых, смысл конституирует скорее не слово-знак, а слово-имя и слово-символ, то есть те коды, которые открывают ребенку и взрослому доступ в сказочные, мифические, поэтические, художественно-литературные и интимно-фантазийные миры. В-третьих, смысл адресуется субъектом не столько анонимной общности, как значение, сколько своему близкому окружению, кругу идентичности, самому себе. В-четвертых, смысл концентрирует для личности не только знания о референте, но и его оценки данного референта, отношения к нему, переживания по его поводу, неповторимые впечатления о конкретных встречах с ним, эффекты глубинных влияний референта. В-пятых, смысловое присутствие узнается в изменениях значения под воздействием ситуативного употребления слова-носителя, или в зависимости от речевого контекста, или в доверительном слове, когда адресат вовлекается в личный мир говорящего, где концепты размываются утаенной критикой, разоблачениями, сомнениями, иронией, интимным самораскрытием.

Трудно не поддаться очарованию смыслообразования в сравнении с фиксацией обязательных значений, когда оно возвышается до искусства. Как, например, тускнеет полнота и детальность научного понятия «цветущее дерево», если оно осмыслено большим мастером художественного текста.

«Насколько хватал глаз, Яблони, одетые с неслыханной роскошью, были все в цвету; ноги у них вязли в грязи, а сами они вырядились в бальные платья и не принимали никаких мер предосторожности, чтобы не запачкать изумительный, от века не виданный розовый шелк, сверкавший на солнце; морская даль служила яблоням как бы задним планом, точно на японских гравюрах... Можно было подумать, что вся эта живая красота искусственно создана каким-нибудь любителем экзотики и причудливого сочетания красок. Однако, она трогала до слез, потому что, каких бы эффектов утонченного искусства она ни достигала, чувствовалось, что эта красота естественна, что яблони стоят в чистом поле, точно крестьяне на одной из дорог Франции.» (24, с. 15)

Отвлекаясь от прелести развернутой в слове картины, подчеркнем, что данный отрывок как иллюстрация искусного прустовского переплетения смыслов показывает все основные закономерности индивидуальной трансформации содержаний текста. Семантика «цветущей яблони» объединяет отдаленные по значению слова «роскошь», «ноги», «шелк», «бал», «японская гравюра», «экзотика», «слезы», «поле», «крестьяне», «Франция» и т. д., указывающие на преобладание в ней образно-эстетических, фантазийных, субъективно-символических, эмоциональных и, в целом, глубоко личных связей, устанавливаемых между референтами. Коннотативные связи, то есть, порождаемые и актуализируемые единичным моментом проживания и переживания,

доминируют над денотативными, то есть обобщенно концептуальными связями. В опытах смыслообразования как жизни-в-слове субъект обретает «собственный смысл», то есть, при полном понимании нормативного знания о референте, вводит в его структуру содержания, открывшиеся только ему. Путем смыслообразования автор реализует возможность отнести к знанию, закрепленному в значении, и как бы высветить его заново, даже если для этого требуется установить причудливые отношения «яблони» с «шелком» и «Францией».

Смысл индивидуализирует, персонифицирует значение, и увлечение им нередко заставляет субъекта отклоняться от строгой логики построения концептов. Поэтому многие науки защищают свои системы от проникновения индивидуальных смыслов. Но в то же время, ученым известно, что поиск смысла часто является способом вариативной, творческой интерпретации, толкования и развития значения.

Некоторые значения и связи значений стимулируют активное производство смыслов. В частности, это происходит при порождении и понимании проблемных конструктов, открытых для различных преобразований. К таким конструктам относятся, например, парадоксы, неявно соединяющие противоположные понятия. Понимание парадокса состоит в творческом воссоединении противоположностей, когда за явным разрывом референтов, индивид субъективно отыскивает их внутреннее соответствие; значения вбирают в себя друг друга, синтезируется новый смысл, который обогащает систему значений. Прекрасную возможность индивидуальной интерпретации и восстановления различных синтетических смыслов дают, к примеру, следующие высказывания: «Чтоб добрым быть, я должен быть жесток» (В. Шекспир); «Красота

– это вечность, длящаяся мгновение» (А. Камю); «В настоящей трагедии гибнет не герой – гибнет хор» (И. Бродский); «Звук должен быть окутан тишиной» (Г. Нейгауз); «Откуда я узнаю, что я думаю, пока я не услышу, что говорю?» (Г. Уоллес); «Чем больше читаешь, тем меньше подражаешь» (Ж. Ренар); «Я был самым богатым человеком в мире, пока меня не разорило богатство» (Б. Сандрар).

11. В индивидуальной жизни смысл слов служит гибкости интеллектуального развития, литературному воплощению мыслеобразов, умножению значений в когнитивной деятельности, вербальному формированию и обоснованию жизненных ценностей, отношений и деятельности личности, переводу мысли в план самопознания и рефлексии. Смысловой контур жизненного отношения к объекту и действия в соответствии с этим отношением рефлексивно дается субъекту в виде вопросов и решений, адресованных Я: «Что это значит для меня?», «Что я должен делать?», «Как я буду делать это?», «К чему это приведет меня?».

Индивидуальные смысловые расширения, уточнения или уклонения смысла от значений, степень активности Я в смыслообразовании, сознательность и бессознательность процессов осмысления имеют свои психологические индикаторы – средства выражения. Среди них выделяются: речевые высказывания и тексты с высоким уровнем креативности, творчества, проблемности, авторского присутствия; жизненные действия с активной речевой регуляцией, отличающиеся разнообразием ценностных детерминант, замыслов, сфер реализации и содержательных результатов; понимающая и интерпретационная деятельность субъекта, направленная на углубление известных значений.

Кроме того, в континуум индикаторов жизненной смысловой динамики личности следует включить:

частоту речевой реализации одних и тех же элементов значения, отмечающую их субъективное акцентирование;

искажение значений в мысли и речи вследствие пристрастного отношения к референту, субъективного сращения с ним; эффекты неординарного понимания и толкования объекта;

экспрессивность высказываний и текстов, подчеркивающая аффективно-оценочный характер связи с референтом; интонационные усиления, ослабления, паузы и т. д.

опускание значимых слов в речи, запинки, молчание, умолчание;

субъективное упущение сверхзначимых слов из речи собеседника; эффекты несознаваемой «глухоты»;

оговорки, ослышки, описки, выражающие скрытые смысловые доминанты;

прорывы в повседневную, нормативную, адаптированную к окружению речь необычных для субъекта слов и выражений; события неожиданной откровенности, речевой смелости, вызова, риска.

12. Наряду с рассмотренными особенностями смыслообразования, необходимо отметить еще одну его неотъемлемую черту. Оно, как правило, происходит в живом общении, нацеленном на коммуникацию, информационный обмен, совместную деятельность, взаимопонимание, духовные взаимовлияния и сопереживание. Свобода индивидуального обращения к смыслу затребована межличностными отношениями, возникающими по поводу познания, творчества, взаимных стремлений, общих ценностей и общезначимого дела. Индивидуализация только усиливает тенденцию смысла быть вызванным, разделенным и принятым другими людьми. Данная черта развивается как «смысловой диалогизм» в речи личности.

Итак, в индивидуальной жизни речь обладает богатым потенциалом, реализующимся посредством развития функций слова, состоящих в означении, именовании, символизации, приобретении значения и смысла. Функции формируются и совершенствуются в единстве друг с другом, при взаимовлиянии культурогенеза и онтогенеза речевой деятельности, при разносторонней активности личности как субъекта речи.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека М.: Языки русской культуры. 1999.
2. Барт Р. Семиотика. Поэтика.: Избранные работы. М.: Прогресс. 1994.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство. 1986.
4. Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика. 1994.
5. Бунин И. Стихотворения. Рассказы. Повести. БВЛ. М.: Художественная литература. 1973.
6. Выготский Л. С. Мышление и речь. С.С. Т.2. М.: Педагогика. 1982. С. 5- 361.
7. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис. 1998.
8. Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Академический проект. 2000.
9. Деррида Ж. Эссе об имени. СПб.: Алетейя. 1998.
10. Иванов Вяч. Вс. Нечет и чет. Асимметрия мозга и динамика знаковых систем. // Избр. труды по семиотике и истории культуры. Т.1. М.: Языки русской культуры. 1992. С. 381 – 604.

11. Кассирер Э. Философия символических форм. Введение и постановка проблемы. // Культурология. 20 век. Антология. М.: Юрист. 1995. С. 104 – 162.
12. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: Гнозис. 1995.
13. Леви – Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика. 1994.
14. Леонтьев А. А.. Основы психолингвистики. М.:Смысл.1999.
15. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во МГУ. 1972.
16. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл. 1999.
17. Лиотар Ж–Ф. Состояние постмодерна. М. – СПб.: Алетейя. 1998.
18. Лосев А. Ф. Бытие – имя – космос. М.: Мысль. 1993.
19. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат. 1991.
20. Лурия А. Р. Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ. 1998.
21. Мамардашвили М. К. Картезианские размышления. М.: Прогресс. Культура. 1993.
22. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути: М. Пруст «В поисках утраченного времени». СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного. института. 1997.
23. Мамардашвили М. К. Формы и содержание мышления. М.: Высшая школа. 1986.
24. Пруст М. Содом и Гоморра. М.: Республика. 1993.

25. Психологические и психо-физиологические исследования речи./ Под ред. Т. Н. Ушаковой. М.: Наука. 1985.
26. Рабинович В. Л. Исповедь книгочеля, который учил букве, а укреплял дух. М.: Книга. 1991.
27. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. БВЛ. М.: Художественная литература. 1973.
28. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Медиум. 1995.
29. Старовойтенко Е. Б. Культурная психология личности. М.: Академический проект. 2007.
30. Старовойтенко Е. Б. Современная психология. Формы интеллектуальной жизни. М.: Академический проект. 2001.
31. Теория метафоры: Сборник. М.: Прогресс. 1990.
32. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Т.1. М.: Правда. 1990.
33. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука. 1989.
34. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика. 1992.
35. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А – cad. 1994.
36. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика. 1993.
37. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс. 1991.
38. Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. М.: ООО «Изд-во АСТ – ЛТД». 1998.

39. Юнг К. Г. Психология и поэтическое творчество.// Самосознание европейской культуры 20 века. Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М.: Политиздат. 1991. С. 103 – 118.
40. Юнг К. Г. Феномен духа в науке и искусстве. М.: Ренессанс. 1992.

СИМВОЛ-СЛОВО В ПОИСКЕ РЕШЕНИЯ ЖИЗНЕННЫХ ПРОБЛЕМ

Статья Осипова А. О. Старовойтенко Е. Б. Символ-слово в поиске решения жизненных проблем // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2014. Т. 78. № 2. С. 173-186.

Мы представляем исследование, посвященное проблеме использования и создания символов в самопознании личности, сфокусированном на жизненных ситуациях. Данная проблема, достаточно широко изучаемая в психологической науке, не теряет актуальности в аспекте углубления, так как число применяемых теоретических концепций и методических приемов символического опосредования самопознания приблизительно равно количеству исследователей и практиков, интересовавшихся этой проблематикой. Наше исследование отчасти продолжает такую пролиферацию, но, благодаря введению категории «**СИМВОЛ-СЛОВО**», а также интегральному теоретико-методологическому осмыслению с последующим эмпирическим верифицированием имеет своим результатом новую **психологическую модель** применения символов в самопознании личности, основанную на синтезе знаний и практик. «Самопознание» выступает здесь в форме «рефлексии» и создания рефлексивного текста, включенных в контекст отношений личности к **проблемным** ситуациям жизни.

Наша задача – подчеркнуть роль культурных, символических «орудий» в развитии индивидуализированного, конструктивного **отношения** личности к жизненным проблемам. Раскрытие этой роли предполагает **междисциплинарный подход**, так как символ является не только психологической, но и социокультурной реальностью. В данной работе представлена модель развития символически опосредованного самопознания, созданная на основе концепции «психологического орудия» Л.С. Выготского, теорий

символов К.Г. Юнга и представителей архетипической психологии, теории жизненных отношений личности С.Л. Рубинштейна, К.А. Абульхановой-Славской, Е.Б. Старовойтенко. Психологические идеи углубляются идеями о символах в философии жизни О. Шпенглера, в философских концепциях А.Ф. Лосева, М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского, а также идеями об индивидуальности в теории А. Бергсона.

Символ, согласно К.Г. Юнгу, представляет собой вербальное, невербальное или комплексное выражение глубинных импульсов психики, которое прямо не соотносится с объектом, не имеет одного устойчивого значения, предполагает бесконечное множество интерпретаций и недоступно строго рациональному определению. В символах находит своё психологическое воплощение регрессивное мышление, мышление первобытного человека и ребёнка; оно интегрируется с направленным (логическим, понятийным) мышлением, посредством которого мы конвенционально осуществляем рефлексивное, речевое выражение жизненных проблем и ищем их решения.

«Предположим, что всё, что существует, есть некоторое выражение душевного, но оно одновременно есть и впечатление на душу, и это взаимоотношение, когда человек бывает одновременно субъектом и объектом, представляет собою суть символического» (13, с. 234) – пишет о символах О. Шпенглер. Согласно его концепции, символы сравнимы со **знаками**, но их специфика заключается в том, что символы могут быть только чувственно-пространственными, «подчинены законам пространства», «неподвижно ограничены», не эволюционируют, являются «ставшими». Символ ограничен не только в пространстве, но и во времени, так как на каждом этапе жизни личности, общества,

культуры подвергается перетолкованию. Символы играют роль «защиты» от тех воздействий, что несут угрозу жизни, вовлекают личность в зависимость, вызывают «враждебность и благоговение», и одновременно роль высвобождения сил развития, творчества, самопознания в ответ на вызовы реальности.

Символы в их влиянии на искусство, литературу, гуманитарные науки, бессознательную и сознательную жизнь народов и конкретных индивидов могут быть сравнимы только с научными и философскими понятиями. Эти два типа культурно-психологических феноменов имеют глубокое родство, выступая обобщенными результатами человеческого познания, проживания и творческого духовного синтеза, выраженными в словах и изображениях. Символы являются чувственно-образно-речевым эквивалентом мысленного обобщения наилучших идей, возникших в истории культуры по поводу той или иной реальности, вызывающей у множества индивидов желания, интерес, интеллектуальные устремления и практические интенции. В индивидуальном принятии, рефлексии и применении символа личность превращает его в «индивидуальность», действующую как относительно автономный аспект ее внутреннего мира, интегрирующий множество жизненных содержаний (10; 12).

Символы явственны, живы, детальны и интимны. Они осваиваются индивидами через сказки и мифы, поэзию и живопись, религиозные и магические ритуалы, детские игры и фантазии, где служат основными сознательными элементами, замещающими реальность, не похожими на нее, и, тем не менее, загадочно подобными ей. Так, идеи о странствии человека навстречу неведомой судьбе, поиске мудрости или подвигов, завоевании в сражениях или умственных состязаниях сокровища – любви

прекрасной женщины, вознаграждении короной и верховной властью составляют для личностей разных народов сокровенный, идеальный, воображаемый опыт «овладения жизнью». В культуре он осознается как символ «путь Героя», укорененный, согласно глубинной психологии, в архетипе Эго-сознания (7).

Необходимой формой порождения, существования и выражения символа является «слово». В слове символ говорит о своем генезе, множестве воплощенных событий, объектов и индивидуальных впечатлений, о своей способности порождать другие символы, о своей значимости для конкретной личности, нашедшей в нем средство прозрения, понимания, толкования, интерпретации себя и мира, к которому она причастна. Символ – это слово личности. Юнг пишет в «Красной книге»: «Символ – это слово, что исходит изо рта, которое не просто произносится, а возносится из глубин самости как слово силы и великой нужды и неожиданно оказывается на языке. Это поразительное и, возможно, кажущееся иррациональным слово, но его признают символом, ибо оно чуждо сознательному разуму. Если человек принимает символ, как будто раскрывается дверь, ведущая в новую комнату, о существовании которой раньше и не подозревали. Но если символ не принимают, как будто беззаботно проходят мимо этой двери, и поскольку это была единственная дверь, ведущая во внутренние чертоги, придется снова выйти на улицы, обратившись ко всему внешнему. Но душа испытывает великую нужду, ибо внешняя свобода ей без пользы. Спасение – это долгая дорога, ведущая сквозь много врат. Эти врата – символы» (15; с. 260). Символ, раскрывающий себя и свои потенциалы в слове, является частью познавательного и рефлексивного процессов, но все же существенно противостоит их отвлеченности, логической упорядоченности и рациональности. Это происходит, благодаря

тесной связи символа с продуктивным представлением, воображением, фантазией. Так же, как Возрождение, Романтизм и Серебряный век, современная культурная эпоха увлечена творческими символическими образами. Р. Барт заключает, что современный устный и письменный текст отличается тотальным вторжением образа, вытесняющего традиционную абстрактность понятий. Оно выражается в слиянии образов, слов и стоящих за ними идей, что и составляет суть символизма (1).

Символы, вовлекаемые в **познание** и **самопознание**, закономерно находящие словесную репрезентацию, обладают свойством соотносить и объединять между собой не только элементы сознания, но и элементы «бессловесного», «бессмысленного» мира, каким является бессознательное. Кроме того, символ уводит субъекта от конкретных референтов в ментальный мир с его образно-понятийными трансформациями. Образное содержание, присутствующее в **символе-слове**, служит средством перехода к основному, концептуальному, значению, средством поиска решения жизненных задач и выражения намерений реализовать решение в действии или поступке.

Символ имеет внутреннее напряжение, связанное с загадочностью, проблемностью символизируемого, с отсутствием прозрачности соотношения его элементов, с неизвестностью того, что личность стремится осмыслить, вообразить и высказать. Напряжение символа-слова возникает и под влиянием переживаний субъекта, который выражает в нем не только знание и незнание о предмете, но и внутренне пристрастное отношение ко всему, что связано с этим предметом.

Символы в контексте дискурсивного познания и самопознания личности способны к спонтанному взаимодействию, появляясь и

ассоциируясь в продуктивном процессе, подобном цепной реакции. Освещая в этом процессе основные значения референтов, символы устанавливают между ними необычные отношения, осознание и обоснование которых может стать для субъекта задачей интеллектуального и рефлексивного **творчества**. Символы, осознаваемые, идентифицируемые с «Я», выражаемые в слове, могут образовывать богатые **личные символические миры**, по которым особенно легко распознаются талант и гений.

У символов, наиболее действенных в индивидуальной жизни и самопознании, всегда обнаруживается архетипический корень. В континууме определений «**архетипов**», данных К.Г. Юнгом, представлены все его основные характеристики.

- «Архетипы представляют собой системы **установок**, передающихся по наследству вместе со структурой мозга, являясь ее психическим аспектом. Это «хтоническая» часть души, через которую она связана с природой, миром, землей» (16; с. 136).

- «Архетип есть изначальное, объединяющее, **образное** выражение живого процесса. Он вносит упорядочивающий и связующий **смысл** в чувственные и внутренние восприятия, являющиеся вначале без порядка и связи, и этим освобождает психическую **энергию** от прикрепления ее к голым и непонятным ощущениям. Но в то же время он прикрепляет энергию к определенному смыслу, который направляет действия человека» (Там же; с. 542).

- «Развитие архетипа ведет к **идее**, которая есть не что иное, как изначальный образ, достигший мысленной формулировки. За пределы идеи идет развитие **чувства**.... Если индивид оказывается неспособным сочетать чувство с идеей, изначальный образ вступает

во внутреннее поле зрения в качестве **символа** и овладевает чувством, захватывая и идею» (Там же; с. 543).

- «Восприятие **новой** жизненной ситуации осуществляется архетипом, имеющимся априори. Он является удобно приложимой формулой, без которой восприятие и осмысление личностью новых фактов было бы невозможно» (Там же).

- «Все самые мощные **идеи** и **представления** человечества сводимы к архетипам. Особенно это касается религиозных представлений. Но и центральные научные, философские и моральные понятия не являются исключением. Их можно рассматривать как варианты древних представлений, принявших свою нынешнюю форму, благодаря **сознанию**, функция которого заключается не только в том, чтобы воспринимать и узнавать через ворота разума и слова мир внешний, но и в том, чтобы **творчески** переводить мир внутренний во внешний» (Там же; с. 133).

Символы как способы культурной экспликации и развития архетипов имеют предметно-фигуративную, изобразительную, пластическую и вербальную формы, обладающие разными потенциалами поддержки **рефлексии** личности в условиях проблемных жизненных ситуаций. Эти потенциалы зависят, в частности, от уровня синтеза интуитивно-чувственных впечатлений и рациональных содержаний, воплощенных в символе. Такой синтез наиболее совершенен в **произведениях** мастеров изобразительного искусства. Полагаем, что символами, продуктивно опосредующими рефлексию жизненных проблем, могут выступать художественные изображения архетипических **фигур, ландшафтов** и исторических **интерьеров**. Именно с их помощью в условиях вербально эксплицированной рефлексии проблемных ситуаций личность

может образно промоделировать способы разрешения проблемы в аспектах времени и пространства («хронотопа»), «Я» и «Других».

Методологическим основанием настоящего исследования является персонологический синтез герменевтики, теории и психопрактик личности (8), направленный на раскрытие возможностей рефлексии в динамике жизни и жизненных отношений, на осмысление символов как культурно-психологических средств рефлексии и создания рефлексивных текстов, на разработку и применение методики символического опосредования самопознания.

В своем теоретическом и эмпирическом исследовании мы применили **герменевтические приемы**, основанные на философской и психологической герменевтике М. Хайдеггера, П. Рикёра, В. Дильтея.

Кажется особенно важным положение Дильтея о том, что символ, когда речь идет о написании автором текста является связующим звеном между тенденцией к созданию единства текста привходящими элементами, его формы и тенденцией к объединению текста «продуктивным стремлением» автора текста к целостности содержаний (5).

На основе герменевтики культурных источников, направляемой поиском «идеи символа», а также проведенного нами ранее теоретического и эмпирического исследования самопознания, опосредованного символами архетипических фигур, была разработана **модель индивидуальности символа**, служащая обоснованию возможностей индивидуализации решения жизненных проблем, определяющей позитивное личностное обновление жизни. В качестве единицы описания было выбрано **взаимодействие личности с символом**.

Модель образуется континуумом следующих положений.

1. Символ является знаком некоторого явления, но означаемое и означающее его связаны «динамично», с большим числом степеней свободы. Толкование символа невозможно произвести два раза одинаково, символ каждый раз воссоздается заново субъектом действий с символом (интерпретации, творчества). Отсюда представления К.Г. Юнга и А.Ф. Лосева о «бесконечном множестве значений» символов.

2. Символ доступен как для логического расшифровывания, так и для интуитивного поиска значений, всегда имеющего уникальный личностный характер. Познание себя и мира, опосредованное символами, не является неоспоримым и безусловным, но при этом отмечено чувством «персональной истинности».

3. В символотворчестве проявляется, актуализируется и формируется архетипика жизни, в том числе, архетипы индивидуализации и индивидуации, облеченные в формы уникальных продуктов воображения, творческой мысли и пронизательной рефлексии личности.

4. Применяя символы в самопознании, личность наделяет их индивидуальностью, связанной, однако, с универсальным, всеобщим. Она продвигает личность в понимании богатства своей жизни и потенциала ее внешней и внутренней разделенности с множеством других людей.

5. Индивидуальность символов обусловлена жизненной направленностью, желаниями, мотивами, намерениями личности, их соотношением с означающим и означаемым. Символ во многом является носителем проекций коллективного и личного бессознательного, но его «семиотическая и семантическая наполненность», прежде всего, обусловлена тем, что осознанно,

рационально, вербально закладывает в символ его автор-интерпретатор.

6. Интерпретация символов является ситуативно-обусловленной, и разные личности производят её в соответствии со своими актуальными ценностями, переживаниями, проблемами, интеллектуальными состояниями. Здесь «индивидуальность символа» отчасти нивелирует его общезначимые содержания, которые, впрочем, вновь выходят на первый план после проживания конкретной ситуации.

7. Значения символов являются конвенционально обусловленными: создавая, интерпретируя и применяя символы, личность предполагает, какие значения мог бы увидеть в данном конкретном символе Другой, его адресат. Мы думаем, какие значения могут и должны быть увидены в символе нашим близким, представителем нашего общества или малой группы с его культурой, ментальностью. Символ может быть средством преодоления конфликта, названного В.А. Петровским «кризисом нашей неотражённости другими».

8. Индивидуальность символов представляет собой систематизированную целостность, динамически развивающуюся в некотором контексте. А. Бергсон пишет об «индивидуальности» как о подверженной воздействию времени (2). Символы также ограничены во времени. Индивидуальности объекта А. Бергсон противопоставляет самостоятельность его частей и их возможность стать новыми целостностями. В случае с символом, воспроизвести его из знаков или отдельных значений невозможно, так как они сами по себе не обладают теми же свойствами, что и символы.

9. За символом-индивидуальностью скрыто множество референтов. Эта особенность символа-знака является проявлением

его парадоксальности. Каждый символ-знак, претендующий на всеобщность, всегда адресован человеком кому-то или себе самому, и каждый раз интерпретируется адресатом по-новому, раскрывает новые смыслы. Такое свойство символов, создаёт возможность недирективной, гибкой идентификации личности с их формой и содержаниями, а также словесного творчества в их выражении.

Индивидуальность символов может определять **индивидуализацию рефлексии**, направленной на осмысление жизни в ее противоречиях и проблемах. Значимость понятийных конструктов и «общих» суждений в самопознании, сопровождаемом символизацией жизненных содержаний, снижается за счёт раскрытия в символах и при их артикуляции «моих переживаний», «именно моих мыслей», «только моих решений». В силу того, что символическое содержание, понятое, переосмысленное и высказанное в одной ситуации рефлексии, может творчески меняться в другой, символ становится «универсальным» орудием поступательного самопознания индивидуальной личности, даже будучи недоказанным и недосказанным. Применение символов, будучи менее трудоёмким и более субъективным, чем логико-рефлексивный процесс, иначе организует восприятие, мышление, речь и поведение личности. Символическая деятельность в единстве с эмоциональной и образной, мыслительной и речевой, рефлексивной и практической активностью может стать важной образующей **индивидуального отношения** к жизненной ситуации и ее потенциалам.

Индивидуализация рефлексии посредством символов становится возможной вследствие их **адресации**. Символ, как и любой другой знак, имеет адресата, но в случае с символом, адресатом может быть далеко не каждый человек. В первую очередь, им является автор или

новый пользователь символа, так как они же являются первыми интерпретаторами. Участникам нашего эмпирического исследования иногда не удавалось или не хотелось пояснить особенности использования некоторых символов. Часто исследователь не входил в число тех, кому символические средства рефлексии должны быть понятны по замыслу их пользователя. В условиях диалога с адресатом пользователь символа должен совершить «челночный бег» от собственных пониманий и преобразований символов к пониманию их от лица Другого-адресата и к реальному пониманию их Другим. Этот «путь» символа индивидуализирует как самопознание личности, так и ее взаимодействие с адресатом.

В контексте символически опосредованного самопознания символ демонстрирует свойства, отличающие его от классического знака. Во-первых, он создаётся здесь и сейчас, не является понятием, не сводим к одному понятию. Логически выстроенная, стремящаяся к прозрачности связь «означаемое – означающее» здесь отсутствует. Символ невозможно буквально воспроизвести: вместо него получается другой «знак» референта. Во-вторых, число значений символа неопределённо, они не синонимичны, нередко друг другу противоречат. Возникает впечатление игры со значениями символа. В-третьих, при актуализации символа, в условиях его вербального выражения растёт эмоциональность речи, выделяющаяся на фоне других особенностей рефлексивного текста личности. Эмоциональная экспрессия вовлекает адресата символа-слова в активное понимание и совместное развитие текста.

Индивидуализирующее значение символа в процессах рефлексии в целом и жизненных ситуаций, создания проектов их изменения, в частности, связано с тем, что функция индивидуализации взаимосвязана, гибко взаимодействует, включает в свою реализацию

множество других **функций** символа. В наших исследованиях были выделены следующие функциональные назначения символов в самопознании, поддерживающие или конфликтующие с функцией индивидуализации:

- 1) коммуникативная функция;
- 2) функция проблематизации жизненной ситуации;
- 3) экспрессивная функция символов;
- 4) фантазийная функция символов;
- 5) трансцендирующая функция символов;
- 6) функция интеграции психических содержаний;
- 7) эстетическая функция символов;
- 8) функция развития самопознания.

Функции символов в рефлексии и разрешении проблемной жизненной ситуации были выделены, в частности, на основе герменевтического анализа ряда рефлексивных и литературных текстов. Прежде всего, это «Воспоминания, сновидения, размышления» К.Г. Юнга (14) «Самопознание» Н. А. Бердяева (3), «В поисках утраченного времени» М. Пруста (9). В рефлексивном тексте, в связи с обращением к символу» бывает ярко выражена одна ведущая функция. В нашем случае – функция индивидуализации проблемной ситуации. Но не встречается таких символов, которые выполняли бы только одну функцию. Например, в книге М. Пруста «В поисках утраченного времени. Под сенью девушек в цвету», в части «Имена страны. Страна» (9). Я-герой обращается к образам моря, которые создавал в своём воображении, забывая, «что под их красками скрывается унылая пустота пляжа, где носится беспокойный вечерний ветер». «При виде корабля, удалявшегося точно путник среди ночи, я испытывал то же чувство, которое однажды узнал в вагоне, чувство, как будто я освобождён от необходимости сна и заточения в

комнате. <...> Я бросался на постель; и словно лёжа в одной из тех лодок, которые были совсем недалеко от меня, и на которые странно смотреть ночью, когда они медленно движутся в темноте, точно лебеди, мрачные и молчаливые, но противящиеся сну, – я со всех сторон был окружён образами моря» (9: с. 320). В содержании данного отрывка находят выражение две основных функции символов «лодки» и «моря» – функция **фантазийная** и функция **индивидуализации** самопознания. Вторая следует из особого переживания автором-героем определенного момента времени: он описывает это время как «суетное», когда оно было наполнено «мыслью о девушках». «Лодка» и «море» означали для героя Пруста возможность погрузиться в мир фантазий, время покоя и обращения к «Я». О своих «морских» грёзах он пишет: «Я находил прелесть в этих мгновениях, бесполезных и свободных от всякого материального бремени, в течение которых, пока другие обедали внизу, я обращал силы, накопленные за этот час вечернего бездействия, на то, чтобы... надеть смокинг, завязать галстук и проделать это с удовольствием от мысли, что я вновь увижу ту или иную женщину» (Там же; с. 322) С помощью образов корабля и лодки, символизировавших путешествия, свободу от обязательств и привычного порядка вещей, автор реконструирует ситуацию, когда чувствовал себя свободным от необходимости, и даже от потребности во сне. В данном случае можно также говорить о **проблематизации** жизненной ситуации: у главного героя появляется возможность пойти на внутреннее освобождение от планов, обязательств, привычных отношений; он может сосредоточиться на переживании уникального, личного, возвращающего к себе. Символ лодки и связанные с ним морские образы выполняют также **эстетическую** функцию: автор пишет об удивительной гармонии серых и розовых красок, которую мог наблюдать и представлять, упоминает «восхитительно изысканные оттенки». Все актуализируемые героем функции символов

реализуются в единстве, обеспечивающем индивидуализацию его самопознания ради внутреннего обновления своего жизненного состояния.

В наших исследованиях роли символов в самопознании было обосновано, что символы могут выступать в качестве средства расширения границ осознания жизненной ситуации, в качестве «орудия» поиска жизненной проблемы и её разрешения, в качестве референта коммуникации, в качестве воображаемого «собеседника», замещаая значимого Другого, в качестве инструмента добывания нового знания личности о себе и своих возможностях. Символ может быть и «ловушкой» для самопознания, когда он становится причиной фокусировки внимания на содержаниях, не соответствующих подлинной проблематике жизненной ситуации. Разные «ипостаси» символов имеют в своей основе и общие закономерности, и характерные для конкретной личности способы взаимодействия с символом.

Важным этапом данного исследования выступило **эмпирическое изучение** применения символов в самопознании проблемной жизненной ситуации. На основе построенной теоретической модели символического опосредования рефлексии, была поставлена **методическая проблема** исследования: разработка инструментария для исследования символотворчества в процессе рефлексии жизненной проблемы и поиска ее решения.

Гипотеза эмпирического исследования состояла в том, что применение и артикуляция символов в самопознании жизненной ситуации обеспечивает глубину, конструктивность ее проблематизации и нахождение эффективного способа разрешения проблемы.

Контргипотеза заключалась в том, что символическое опосредование и артикуляция символа в самопознании ведёт к исчезновению проблемной ситуации из фокуса активного сознания и из процесса поиска решения проблемы.

В связи с методической проблемой в исследовании проверялась **вторая гипотеза**, уточняющая первую, согласно которой одновременное применение в качестве средств самопознания символических «фигур», «интерьеров» и «ландшафтов» полно раскрывает индивидуальность проблемной жизненной ситуации и позицию личности по отношению к ней.

В качестве **цели** эмпирического исследования выступило изучение влияния символов на процесс и результаты рефлексии проблемной жизненной ситуации.

Реализации цели послужило решение следующих **задач**:

1. Разработка методики символического опосредования рефлексии проблемной жизненной ситуации.
2. Сравнение процессов и результатов рефлексии, опосредованной и не опосредованной символами.
3. Выявление типов самопознания и разрешения проблемной жизненной ситуации, в зависимости от характера и эффективности его символического опосредования.
4. Изучение возможностей использования различных символических образов и их артикуляции при самопознании в контексте консультирования личности.

Процедура эмпирического исследования предполагала моделирование трех разных способов самопознания проблемной ситуации на основе применения следующих **методических приемов**:

- 1) «Методика рефлексии пяти проблем» Е.Б. Старовойтенко (11);

- 2) методика самопознания при посредстве символических фигур;
- 3) методика самопознания при посредстве символических фигур – ландшафтов – интерьеров.

В исследовании приняли участие 33 человека возрастом до 25 лет. Последовательность способов самопознания варьировалась для разных испытуемых, так как было необходимо исключить ее влияние на эффективность каждого из способов.

Для демонстрации способов получения и интерпретации эмпирических данных рассмотрим **индивидуальный случай** эффективного применения всех трех способов самопознания проблемной жизненной ситуации.

Юлия, 23 года.

На первой встрече Юлии была предложена работа с художественными изображениями архетипических фигур. Как и все участники исследования, она была заранее предупреждена о том, что ей предстоит анализировать и решать одну или несколько проблем своей актуальной жизненной ситуации тремя разными способами. Далее называлась последовательность способов, предложенная данному испытуемому. Для Юлии эта последовательность была такой: «На первой встрече Вы будете решать поставленную Вами проблему с помощью «фигур», на второй встрече – с помощью «фигур», «ландшафтов» и «интерьеров», а на третьей Вы будете искать решение проблемы, вступая с собой в прямой рефлексивный диалог.

На *первой встрече* Юлия назвала проблему, связанную со значимыми для неё отношениями, хотя ей, наряду с другими участниками, было рекомендовано начать с наименее эмоционально значимых проблем. Озвученная проблема была охарактеризована как «неожиданная и странная» и формулировалась так: «Я

испытываю непонятные чувства к лучшему другу своего парня». Для обозначения проблемы Юлия выбрала 5 символических картин: «Первые шаги» Леона Бонна, «Отец» Татьяны Л., «Иштар» А.А. Исачёва, «Давид и Голиаф» Антонио Занчи и «Портрет неизвестной» Д.Г. Левицкого. После того как Юлии было предложено «создать образ ситуации с помощью этих картин», она незамедлительно распределила выбранные портреты по трём локусам:

- 1) «это отношения, в которых я нахожусь сейчас» – «Портрет неизвестной» и «Давид и Голиаф»;
- 2) «это то, что могло бы быть, если бы я была свободна» – «Отец» и «Первые шаги»;
- 3) «эта картина мне просто очень нравится, хотя это и очень простая картинка» – «Иштар».

Далее Юлии было предложено описать каждую картину, рассказать, что у картины общего с ее проблемой. Она описывала не картины, а их группы, превращая локусы в сюжеты.

Основным мотивом описания **первой** группы картин была отрешённость, холодность и неукоснительное следование нравственным нормам фигуры с «Портрета неизвестной», в сочетании с приписываемым ей страхом оставить партнёра и бережностью по отношению к нему. «С ним может случиться вот это – то, что случилось на картине с Голиафом». «Его это отчасти разрушит, а может, и гораздо сильнее, чем мне сейчас кажется, и чем он может пережить». Юлия опередила вопрос исследователя: «Кто есть кто на картинах?», сказав: «Причём это, скорее всего, обоюдный процесс». Она пояснила: «Он тоже, возможно, не уходит, потому что боится, что я буду страдать, <...> и при этом он всё равно оказывается в опасности, если я уйду».

Описывая **вторую** группу картин, Юлия радостно и взволнованно рассказывала, какое удивительное взаимопонимание присутствует в её общении с другом её партнёра. «Это могут быть очень глубокие чувства, он похож на моего отца, а я – на его мать, поэтому мы так хорошо друг друга понимаем». В то же время, содержания этих картин переживались ею как нечто недоступное, как то, что «уже было, и никогда не будет, может быть только наигранным, хотя и увлекательным, но ненастоящим». Юлия не идентифицировала себя с данной группой картин, однако обнаружила, что содержания, связанные с ними, имели отношение к ее родительским фигурам и родителям друга её партнёра, а также к способам их взаимодействия и особенностям взаимовосприятия. Именно при работе с этими картинами Юлия пришла к выводу, что её «непонятные чувства» могут быть взаимными, но по какой-то причине это «было в мечтах»; она не думала о взаимных чувствах, как о «реально возможном». Работая с данной группой картин, она оценила свою «неготовность к решительным действиям» в отношениях с другом партнёра как нежелание что-либо предпринимать и менять. Выводы о том, что чувства вполне реальны и могут быть взаимными и о том, что в данный момент она не готова к тому, что назвала «решительными действиями», были определены и Юлией, и исследователем как основные результаты самопознания.

Описание **третьей** «простой картинки», сопровождалось сильными эмоциями. Юлия идентифицировала себя с «Иштар», сказав, что она, в отличие от Юлии, «сильна и решительна», «не думает над каждым шагом, будет ли он правильным», а «смотрит на мужчину, предполагает, что ждать от него и действует». Все три категории картин воспринимались Юлией как «отдельные», она

даже сообщила, что «между ними что-то вроде вакуума», и они «несоединимы».

Во время *второй встречи* Юлия размышляла о проблеме, тесно связанной с предыдущей. Она думала, как поступать в ситуации, в которой она переживает влюблённость в друга своего партнёра и предполагает, что чувства могут быть взаимными. Юлии было предложено выбрать несколько символических фигур, ландшафтов и интерьеров, которые представляются ей значимыми для понимания ситуации. Среди изображений символических фигур она выбрала: «Иштар», «Давид и Голиаф», «Наказанный» Л.Ж.Б. Перро и «Отец». Затем были выбраны изображения ландшафтов и интерьеров. После того как «персонажи» и образы «хронотопа» были соотнесены Юлией друг с другом и своей ситуацией, картины снова распределились по трём группам:

- 1) «Давид и Голиаф» оказались в окружении космического корабля, угла маленькой городской квартиры с картины «В моей комнате» Иоганны Моритц-Хохман и изображения письменного стола 80-х гг. XX века;
- 2) рядом расположились «Наказанный» и «Отец»;
- 3) картина «Иштар» была размещена вместе с изображением острова с домом возле берега и картиной «Любимый отдых» Л. Альма-Тадемы, изображающей римскую терму.

Первая группа воплощала отношения Юлии с её партнёром. **Вторая** – обиды и потребность в заботе, которые стали причиной желания начать новые отношения. **Третью** группу Юлия обозначила так: «то, что бы я хотела, что приносит мне радость». Юлия обратила внимание на то, что для образа друга партнёра и её собственных обид не нашлось подходящего «места» и «времени», оценила его отсутствие как «правильное», громко и иронично

прокомментировав: «Да для него тут даже места нет!» Далее она указала на значимость пространств, связанных с картиной «Давид и Голиаф», подчеркнув важность отношений с партнёром для неё, рассказала об их общих ценностях и планах. Поскольку одним из хромотопических образов первой группы картин был космический корабль, Юлия обратила внимание на «слабую связь» ее планов с «реальной действительностью», предположила, что оторванность планов от реальной жизни является причиной её тревоги в связи с другими людьми, «более включёнными в жизнь» её партнёра, чем она сама. В свою очередь, перед картиной «Иштар» и двумя связанными с ней образами Юлия больше молчала, но итогом молчания стал вывод: «Я существую отдельно от этих двоих, отношения – это ещё не всё, у меня **своих** проблем хватает».

На *третьей встрече* Юлия работала с помощью «Методики рефлексии пяти проблем», моделирующей дискурсивно-логическое самопознание, над новой проблемой: «Я работаю не по специальности, и так как у меня мало опыта, я чувствую, что теряю квалификацию». На вопрос «В чём я вижу пути решения проблемы?» она ответила: «У меня уже 8 месяцев стажа, но можно сказать, что год», – и назвала три варианта решения проблемы, связанных с наличием определённого опыта работы. Ответ на вопрос «Что я реально делаю для решения проблемы?» был короток: «Ничего». Ему предшествовала небольшая пауза, во время которой Юлия улыбалась. Ответ на следующий вопрос «Каковы промежуточные и конечные результаты решения проблемы?» был более развёрнутым: «Увы – вот каковы. Время идёт само, а мне страшно даже подумать об этом. Болтаюсь, смотрю кино и ссорюсь с коллегами». На вопрос «Удовлетворяют ли меня результаты решения проблемы?» Юлия ответила: «Нет, конечно. У меня есть

много способов выхода из таких состояний, но я не могу, потому что это состояние слишком долго длится». Последний вопрос «Как оценивают другие люди результат решения проблемы?» обсуждался меньше всех: «Родители довольны, но у них вообще другой уровень притязаний; друзья – когда как, по настроению». Итог работы с «Методикой рефлексии пяти проблем прозвучал неожиданно для исследователя: «Мне очень не нравится то, что происходит; я теперь хочу перейти к решительным действиям. Давай поспорим, что я поменяю работу!».

Четвертая встреча с Юлией состоялась приблизительно через год после работы с методиками, и когда была затронута тема описанной выше работы над проблемами, она вспомнила только об одной картине – «Иштар» А.А. Исачёва. Юлия рассказала, что вскоре после наших встреч отправилась в путешествие с родителями, «и там, когда купалась, гуляла, смотрела на разные вещи, сравнивала себя с этой женщиной». Она помнила результаты работы с картинами и «Методикой рефлексии пяти проблем», хотя сообщила, что помнит далеко не всё, и хотела бы получить записи наших «консультаций», что у неё есть «чувство, будто прошло очень много лет».

Юлия выразила желание поработать с актуальными проблемами, обусловленными несколькими поступками, которые она совершила приблизительно через два месяца после участия в исследовании. Вернувшись из поездки, она прекратила отношения с партнёром, о котором говорила на первой встрече и ушла с работы, о которой рассказывала на последней встрече. Работа с методиками оказалась для Юлии интегрирующей её представления о своей жизни. По мнению Юлии, три консультации стали одной из причин инициированных ею впоследствии жизненных перемен.

Кроме анализа индивидуальных случаев, результатом эмпирического исследования стала **типизация форм самопознания** на основе критериев эффективности рефлексии проблемной жизненной ситуации при использовании дискурсивно-логических и символических средств.

После изучения и интерпретации материалов встреч исследователя с 33 участниками было выявлено три типа самопознания:

- дискурсивно - логическое самопознание;
- символ-опосредованное самопознание;
- гармоничное самопознание.

1. Особенность первого типа состоит в том, что символические «орудия» самопознания не способствуют индивидуализации жизненной ситуации и нахождению решения проблемы. При этом индивидуализация и проблематизация жизненной ситуации происходят, когда работа идёт в основном мыслительным, логическим путем. В случае, когда представители данного типа (6 человек) начинают искать образные аналоги своей жизненной ситуации, они испытывают сильное сопротивление работе с символическими картинками, или же, напротив, легко и увлечённо соотносят картины с содержаниями жизненной ситуации, но не обращаются при этом к проблеме как таковой. Оперирование символами становится игрой, формой общения с исследователем, эстетически приятным времяпровождением, но не соотносится с поиском и нахождением решения проблемы.

Характерно то, что участники исследования, обладающие первым типом самопознания, через некоторое время после завершения работы с символическими картинками хорошо помнят, что происходило, как в процессе мыслительной фокусировки на проблеме, так и в процессе «игры» с символами.

2. У представителей символ-опосредованного самопознания (17 человек) были выделены три подтипа самопознания: опосредованное символами архетипических ландшафтов и интерьеров, опосредованное символами архетипических фигур, опосредованное «сюжетами» или группировками из ландшафтов, интерьеров и фигур. Половина представителей типа нашли решение своих проблем с помощью творческих символических «расстановок»; они одинаково продуктивно оперировали и всеми категориями символических изображений.

Представители данного типа самопознания быстро забывают то, как обращались с символами во время беседы с исследователем. Они помнят только свои выводы и способы разрешения проблем, которые находили.

3. Для представителей гармоничного самопознания (6 человек) одинаково эффективными оказались дискурсивно-логический и опосредованный символами поиск решения жизненных проблем. Проблемы и их решения моделировались как актуальные и будущие моменты жизни участника, выражаемые в понятийной и образной формах, подробно поясняемых в рассказе о своей жизненной ситуации. У всех носителей данного типа наблюдалась тенденция к большей эффективности работы с символическими ландшафтами и интерьерами, чем с символическими фигурами.

Четверо участников нашего исследования указали на несоответствие предлагаемых им методических приемов своему опыту и своей жизненной ситуации. Они демонстрировали произвольную или непроизвольную отчуждённость от заданий исследователя, но, тем не менее, посетили три встречи с ним и пытались работать со своими проблемами с помощью всех трёх методик. В данном случае имел место уход от самопознания в связи

с субъективной невозможностью воспользоваться символами и рефлексивными вопросами, предъявляемыми исследователем. Следует отметить, что наибольшее количество защитных реакций и отрицательных эмоций вызывали изображения архетипических фигур, в то время как изображения ландшафтов и интерьеров оставались хаотично перебираемыми, непонятыми или незамеченными.

В результате проведённого анализа текстов участников и их действий с изображениями были сделаны **заключения** об особенностях символ-опосредованного самопознания проблемной жизненной ситуации.

1. Применение в самопознании символических ландшафтов и интерьеров способствует индивидуализации жизненной ситуации: человек получает доступ к тем содержаниям своей жизни, которые ранее не сознавал, не принимал или обесценивал. Привычные пространственно-временные границы жизни смещаются, перестраиваются, раздвигаются. «Чужое» становится «моим», «далекое» – «близким», «общее» – «уникальным», «давнее» – «актуальным». Ситуация в символическом осмыслении раскрывает свой конфликт и тот вариант разрешения, который воссоздаст ее целостность.

2. Особое внимание многие участники исследования уделили проблемной рефлексии своих жизненных отношений. Эксплицируемая проблема осмысливалась как индивидуальная, которая может быть решена в согласии личности с собой. В связи с активностью функций индивидуализации и проблематизации символов, участники начинали видеть в своей «незначительной» ситуации жизни «вечные», «всечеловеческие», «общезначимые»

содержания, говорили об избытке жизненных смыслов, связанных с символом и трудности их выражения.

3. Представляется интересным, что самопознание, опосредованное только символическими фигурами, приводит к редуцированному видению жизненной ситуации; одновременное проявление многих функций символов встречается реже, чем в самопознании с помощью символических ландшафтов и интерьеров. Специфически разворачивается проблематизация анализируемой ситуации: участник исследования видит ограниченное число вариантов осмысления проблемы и последовательно переключается с одного способа решения проблемы на другой, не фокусируясь ни на одном из них.

4. Анализ высказываний респондентов показал, что, осуществляя дискурсивно-логическое самопознание, представители типов символически опосредованного самопознания не обращаются к символизации содержаний рефлексии. При этом некоторые представители «логического» типа и ряд представителей «гармоничного» типа во время работы с «Методикой рефлексии пяти проблем» активно обращались к символам и метафорам, находя в них возможности акцентировать нюансы, детали, тонкие связи элементов проблемной ситуации, а также придать действенность, конкретность, «наглядность» найденному решению проблемы.

В целом, гипотезы о том, что применение и речевая артикуляция символов в рефлексии жизненной ситуации обеспечивает глубину, индивидуальность, конструктивность ее проблематизации и нахождение эффективного способа разрешения проблемы, получили в исследовании убедительное подтверждение.

Полагаем, что исследование может быть продолжено в двух направлениях: 1) изучение возрастных особенностей применения

символов в рефлексии жизненных проблем; 2) изучение роли символа как средства речевого обращения к Другому, диалога с другими и с собой. В аспекте применения разработанных методов и результатов нашего исследования в **практике консультирования личности**, перспективным выглядит изучение рисков использования в самопознании символических образов, поиск способов минимизации этих рисков и преодоления тенденций «поглощающей» идентификации с архетипическими фигурами.

Литература

1. Барт Р. Семиотика. Поэтика. Избранные работы. М.: Прогресс. 1994.
2. Бергсон А. Творческая эволюция. М. Терра – Книжный клуб, Канон-Пресс-Ц. 2000.
3. Бердяев Н. А. Самопознание: опыт философской автобиографии. М.: Мысль. 1990.
4. Буюкас Т.М. Личностное развитие в условиях самопонимания, опосредованного символами. // Вопросы психологии. №1. .2000. С.96 – 108.
5. Дильтей В. Герменевтика и теория литературы. Собр. соч.. в 6-ти томах. Т.4. М.: Дом интеллектуальной книги .2001.
6. Лосев А.Ф. Из творческого наследия: современники о мыслителе. М.: Русский мир. 2007.
7. Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания. М.: REFL – book. 1998.
8. Петровский В.А. Старовойтенко Е.Б. Наука личности: четыре проекта общей персонологии. // Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т.9. №1. 2012. С. 21 – 39.
9. Пруст М. Под сенью девушек в цвету. М.: Республика. 1992.

10. Старовойтенко Е.Б. Потенциал слова в индивидуальной жизни. // Мир психологии. №2. 2008. С.80 – 93.
11. Старовойтенко Е.Б. Психология личности в парадигме жизненных отношений. М.: Академический проект. 2004.
12. Старовойтенко Е.Б. Современная психология: формы интеллектуальной жизни. М.: Академический проект. 2001.
13. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки мировой истории. Т.1. М.: Мысль. 1993.
14. Юнг К.-Г. Воспоминания, сновидения, размышления. М.: ООО «Изд-во АСТ – ЛТД». 1998.
15. Юнг К.-Г. Красная книга. М.: CASTALIA. 2013.
16. Юнг К.-Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс. 1993.
17. Юнг К.-Г. Психологические типы. СПб.: Ювента. М.: Прогресс. 1995.
18. Юнг К.-Г. Символы трансформации. М.: АСТ. 2008.

4. ПСИХОЛОГИЯ ЖИЗНЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ

МОДЕЛИ ЖИЗНЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОНТО-ПСИХОЛОГИИ С.Л. РУБИНШТЕЙНА*

Глава книги Старовойтенко Е. Б. Модели жизненных отношений личности в контексте онто-психологии С.Л. Рубинштейна // В кн.: Сергей Леонидович Рубинштейн / Отв. ред.: К. А. Абульханова; науч. ред.: К. А. Абульханова. М. : РОССПЭН. 2010. С. 349-3

Наиболее полно сущность онто-психологического учения С.Л. Рубинштейна выражена в его концепции жизненных отношений личности. Она является красивым обоснованием тех форм индивидуальной жизни, благодаря которым, человек достигает бытийного идеала, способного объединить индивидов в общности нового типа, генерирующие и сохраняющие в мире ценности познания, этического поступка, творческой деятельности, художественного созерцания и рефлексии.

Современный **синтез** основных идей ученого об индивидуальном бытии позволяет высоко оценить установленные им гибкие концептуальные соотношения между философской онтологией и психологией личности. Открывается, каким путем его понимание человека как единичного и неповторимого «места», «способа», «причины» и «субъекта» бытия получает содержательную конкретизацию в намеченной им **теории жизни личности**.

В своих исследованиях **целями** такого синтеза мы определили, во-первых, экспликацию положений Рубинштейна об индивидуальной жизни, заключенных в контексте разработанного им общепсихологического учения о личности. Во-вторых, реконструкцию концепции жизненных отношений личности, имеющей завершённые очертания в его философско-психологических трудах. В-третьих, применение данной концепции

* Индивидуальный исследовательский грант № 070 /192, выполненный при поддержке Научного фонда ГУ – ВШЭ.

при воссоздании моделей индивидуальной личности, характерных для европейского культурогенеза. Таким образом, в работе с текстами и идеями Рубинштейна соединяются актуальные **методы** научной интерпретации, реконструкции, моделирования.

Парадигма жизни в теории личности С. Л. Рубинштейна

Наилучшим доказательством парадигмального значения категории «жизнь» в системе идей данного ученого, является его определение **психической жизни личности** в качестве итогового предмета психологии, познаваемого методом раскрытия единства психики с деятельностью. Деятельность выступает, при этом, **деятельной жизнью личности-субъекта**, а психологическая наука приобретает статус науки о развитии и совершенствовании человека. «Психология, которая стоит того, чтобы человек отдал ей свою жизнь и силы... является ни чем иным, как последовательно, шаг за шагом, прокладываемым путем нашего познавательного проникновения в психическую жизнь личности, или, по существу, изучением психологии личности в ее деятельности».(5; с. 237)

Психическая жизнь, в понимании Рубинштейна, вовлекает в свое течение сложные **психические функции, процессы** и одновременно образуется и развивается ими. Ощущения, восприятие, память, представления, эмоции, мышление, интуиция, вступая во взаимодействие, определяют собой сложные жизненные моменты побуждения, познания, переживания, оценки, творчества личности. В отношении к деятельности психические функции формируют «образы» или «способы» действий, а также смысловой план деяний и поступков личности. Устойчивость, связи и преемственность психических форм жизненного процесса обусловлена **сознанием** или способностью индивида соотносить моменты своей жизни с самим собой, приобретая свойство быть «центром сознания» или «Я». Оно не только «собирает», наполняется и обогащается значимыми содержаниями индивидуальной психической и практической жизни, но и само становится внутренним источником жизненной активности личности, причиной ее бытия. В силу

свойства быть «Я», личность может встать в собственное **отношение** к миру и жизни как внутренне автономная и самодостаточная. «Своеобразное отношение человека к миру связано с наличием у него сознания. Человек выступает как часть бытия, сущего, осознающая в принципе все бытие... Осознающий – значит, как-то охватывающий все бытие, созерцанием его постигающий, в него проникающий, часть, охватывающая целое» (8; с. 341).

Я, включенное в деятельную жизнь, осуществляет функцию внутренней детерминации действий, участвуя в их мотивировании, целеполагании, смыслообразовании, регуляции и реализации. Осознавая и обобщая способы и результаты деятельности, Я становится иницирующим началом активной, изменяющей мир индивидуальной жизни, то есть, ее **субъектом**, в перспективе приобретающим силу свободного самодвижения, саморазвития и использующим возможности бессознательной психики. Тогда деятельность субъекта превращается в **творческую самодеятельность**, преодолевающую наличные границы своих внешних условий, намеченных целей, замыслов, стратегий и прогнозов. «Субъект в специфическом смысле слова (как «я») - это субъект сознательной произвольной деятельности. Всякая личность есть субъект в смысле «я», но психическое содержание человеческой личности не исчерпывается сознательной деятельностью, оно включает в себя также многообразие неосознанных тенденций» (6; с. 288).

Субъект в сознательной, деятельной, творческой связи с бытием является **автором своей жизни**. В устойчивой связи мотивации, способностей, характера и самосознания, образующих его «личностную сущность», он «осуществляется» в триединстве **основных жизненных отношений**: к предметному миру, другим людям и самому себе. Сама жизнь предстает как динамика этих отношений, обусловленная личностными свойствами их субъекта. В этом бытийном положении «личность» выступает «внутренними

условиями», через которые преломляются все внешние воздействия на индивида, а также внутренним основанием психических процессов и субъективных воздействий на объективные условия жизни. «Значение, которое имеет личность в качестве совокупности внутренних условий всех психических процессов, исключает обособление психических процессов от свойств личности» (6; с. 297).

Личность-субъект оказывается внутри своего бытия, выстраивая и направляя индивидуальный **жизненный путь** в его побудительном, познавательном, эмоциональном и действенно- поступковом планах, в осмысленных связях и последовательности внутренних и внешних жизненных ситуаций, событий и противоречий. Придавая жизни поступательные изменения, личность развивается сама, участвуя в своем становлении посредством самопознания или **рефлексии**. Жизнь как жизнедеятельность, или совокупность и континуум «жизненных действий», может предстать в рефлексии в форме, которая определяет зрелость Я, а, следовательно, и личности, и ее жизни. Такая рефлексия переводит жизненный процесс личности в модус «моей жизни», «моего жизненного пути», «истории моей жизни», «мною совершенного», «мною сделанного». Рефлексия обобщает, оценивает, формирует итоговое отношение к тому, что делает личность, соизмеряя ее деяния с высшими ценностями и смыслами бытия. В своем рефлексивном участии в деятельности, личность от имени «Я» задает себе жизненную перспективу, потенциал дальнейшего развития, преодоления наличных границ существования. «Своими действиями я непрерывно взрываю, изменяю ситуацию, в которой я нахожусь, и вместе с тем непрерывно выхожу за пределы самого себя. Этот выход за пределы самого себя не есть отрицание моей сущности, это – ее становление и вместе с тем реализация моей сущности... Мое действие в каком-то аспекте отрицает меня самого, а в каком-то меня преобразует, выявляет и реализует» (8; с. 344).

Единство рефлексивного отрицания и преобразования Я составляет главную суть творческой самодеятельности, определяя субъектную роль личности не только в отношении к миру, но и в отношении к себе. Отсюда «авторство» личности в собственной жизненной истории, стремление к созданию полной картины индивидуального бытия на основе освоения многомерных сфер жизни, разрешения жизненных противоречий и осмысления жизни как целого. «Личность тем значительнее, чем больше сфера ее действия и тот мир, в котором она живет; чем завершеннее этот мир, тем более завершенной является она сама. Одним и тем же актом творческой самодеятельности, создавая мир и себя, личность создается и определяется, включаясь в ее всеобъемлющее целое» (7; с. 438).

Жизнь, ставшая творческой реализацией единства психических функций, вплетенных в ткань жизненных отношений, деятельностей и самопознания, является принципиально **не завершаемым выражением** личности в мире, так как подлинные индивидуальные свершения попадают в бесконечную длительность взаимных духовных, культурных влияний людей. Только в глобальном измерении ценностей человеческого бытия открывается истинная индивидуальность личности и уникальность ее жизни.

Концепция жизненных отношений личности

В системе идей С. Л. Рубинштейна о личности выделилась примечательная исследовательская линия, продолженная его школой и сохраняющая ценность не только для русской, но и западной науки. Речь идет о концептуальном обосновании единства «общественности» и «индивидуальности», выдержанном в духе лучших социальных учений XIX – XX веков. Способом обоснования стало раскрытие взаимной детерминации и взаимных переходов форм общественных отношений, составляющих жизнь большого социума, и индивидуальных жизненных отношений личности. Личность в качестве «общественного индивида» приобрела статус единичного объекта и субъекта крупных социальных процессов на

основе участия в разнообразном взаимодействии с другими конкретными людьми. Тема влияния живой коллективности на личное бытие-в-отношениях нашла у Рубинштейна тонкое раскрытие, близкое к экзистенциальному. Категория «отношение к жизни» стала центром притяжения и сведения многих содержательных идей ученого о личности. Акцент на полноценное, разностороннее и самостоятельное развитие отношений личности в координатах социальности придает его концепции современный смысл. В пространстве онтологии и социальной философии взгляды этого мыслителя заметно выделяются синтетичностью и психологизмом

Следуя стилю и логике размышлений Рубинштейна об отношениях личности, находя родство его теории с персонализмом С. Франка, В. Соловьева, Н. Бердяева, М. Бахтина, М. Мамардашвили, а также обращаясь к концепции индивидуального субъекта жизни К. А. Абульхановой-Славской (1; 2), наметим **онто-психологическую модель развития жизненных отношений личности** (9; 11; 12).

Всеобщей характеристикой человека является то, что он существует внутри **мира** и во взаимодействии с ним. Взаимодействие в системе «человек – человеческий мир» происходит в форме отношений индивида с другими и к другим, отношений к окружающему миру и к себе. Человеческий мир создается динамикой предметных связей и пересекающихся отношений индивидов, приобретая качество «общественного».

Человек связан с **общественным миром** как живой, телесный, сознающий и действующий. Активность индивидов в адрес друг друга, их взаимовлияние и объединение в творческом производстве развивают и обновляют общественные отношения. Отсюда — необходимость бытия каждого конкретного человека и бытия всех индивидов, с которыми он связан развивающим взаимодействием. Общественные отношения как взаимные отношения индивидов

даны отдельному человеку в качестве объективной реальности, которую он должен воспроизвести и субъективно изменить.

Объективная роль человека в мире обнаруживается через особенности его индивидуального включения в систему отношений с другими; он призван стать одной из реальных движущих сил общественного взаимодействия. В действительных отношениях с другими, в совместном духовном и предметно-преобразующем действии у него развивается способность **личных отношений** к миру. Он становится человеком, отделяющим себя как «внутреннее» от своего внешнего бытия, соотносящим себя с миром, приобретающим в нем свою качественную определенность и занимающим собственную позицию, то есть, человеком самоопределяющимся. Отношения как факторы самоопределения образуют течение индивидуальной жизни в культуре и обществе, развиваются в форме **«жизненных»**, в частности, познавательного, нравственного, эстетического, деятельного.

Качество «отношения» придается жизни индивидуальным **сознанием**. Это важнейший план бытия индивида, состоящий в познании, оценке, придании смысла, регуляции жизни и достижении самотождественности Я в человеческом мире. Сознание пробуждается и развивается в процессе деятельности, совершаемой переживающим, представляющим и мыслящим индивидом в общении и единении с другими людьми. Деятельность выступает, при этом, не только в форме интенсивных предметно-практических преобразований мира, но и в формах созерцания, понимающего проникновения и философского постижения мира. Сознание является рациональной связью деятельного Я с другими людьми, непрерывно подтверждающей личное присутствие индивида и его соответствие «Мы-бытию».

Индивид-деятель сам, внутренне порождаемой жизненной активностью определяет становление сознания. Он овладевает им

как психической способностью раскрывать, превращать в индивидуальную форму, соотносить с Я и субъективно изменять идеальное содержание коллективной жизни, частью которой является его собственное бытие. В онто-психологическом смысле, сознание – это выделение индивидом **идеального уровня** своей жизни и его перевод в собственные действия, поступки, личные ценности.

Идеальное, к которому обращено сознательное бытие индивида, выступает системой всеобщих элементов человеческой культуры: понятий, обобщенных образов, символов, смыслов, оценок, отношений, устойчивых правил и способов познания, побуждений и целей, регулирующих общественную жизнь. Во всех идеальных образованиях представление о внешней вещи или внутреннем феномене и отношение к ним всегда сливается с образом той деятельности, внутри которой функционирует вещь или возникает феномен.

Идеальное, открытое и освоенное сознанием, является индивидуальным **знанием** о наиболее общем и закономерном в условиях, строении и направлениях человеческой жизни. Эти знания, по мере того, как индивид овладевает ими, наполняются **личным смыслом**, соотносятся с его желаниями, интересами, переживаниями, неповторимым течением индивидуальной жизни. Они приобретают побудительную силу, содержат потенциал волеизъявления и практической реализации. Наполненные жизненным смыслом знания переходят у индивида в его **интенции к действию**. Идеальное, ориентированное на высшие ценностные содержания, смыслы и способы человеческой жизни, приобретает статус «**духовного**».

Человек обращается к идеальному и духовному во многих «срезах» своего бытия, во всем своем «иерархическом и гетерогенном внутреннем мире», включая его неявные,

интуитивные, **бессознательные** планы. Сознание, вбирая развивающийся потенциал бессознательного, служит непрерывным отчетом, «исповедью души» индивида перед другими, для других и для себя самого о совершенном им одухотворении и преобразовании мира.

Сознающий и деятельный индивид анализирует и обобщает жизнь, извлекает и разрешает ее проблемы. Объектом сознания для него выступает и он сам, часть и одновременно творец жизни. В координатах «сущности» и «существования» он предстаёт для себя как «Я существенное», то есть, обладающее собственной активностью и самодетерминируемое явление. **Открытие Я**, когда человек во внутреннем диалоге с другими постигает и выражает свою суверенность, свободу и действенность в мире, когда осознает, что, каким образом и зачем он совершает, и каковы причины и следствия им совершенного, означает развитие сознания как обобщенного бытийного отношения индивида. Познание и рациональная регуляция жизни в качестве «моей», «мною определяемой», «меры моей свободы и ответственности» превращает индивидуальную жизнь в рефлексивный процесс, развивается в **рефлексивное отношение**.

Отношения сознания индивида, а также его действительные, практические отношения, формируются как общественные, как «соотношения». Они имеют общественное происхождение, источники развития, содержание и способы объективации. Их общественная суть определяет и одновременно определяется свойством индивида быть **личностью**. «В качестве личности человек выступает как единица в системе общественных отношений, как реальный носитель этих отношений» (4; с. 201). В контексте идей о единстве общественного и индивидуального, личность – устойчивое, социальное по происхождению и развитию качество индивида,

внутреннее основание, по которому человек строит свои связи с коллективной жизнью.

Личность развивается с переходом ситуативных, эмпирических отношений индивида, обращенных к людям, к общественно произведенным вещам, идеям, ценностям и к себе самому, в устойчиво закрепившиеся, генерализованные, обобщенные отношения. Переход достигается усилиями самого индивида, осмыслившего и связавшего в единую систему «Я» близкие и универсальные для себя способы духовно-практической активности. Постоянно повторяемая жизненная реализация избирательных, активных отношений с их предметными, идеальными и представленными в-других воплощениях отмечает становление **внутренней личности** данного индивида. С ее развитием в каждом эмпирическом проявлении (действии, поступке) находят выражение указанные «отношения-универсалии» и их связь в «личностное целое». Приобретая устойчивое личностное содержание в форме отношений, индивид упорядочивает свою жизнь, укрепляется в ней, придает индивидуальному бытию соответствие общественному канону и возможность преодоления его ограничений.

Отношения индивида образуют **качественную структуру** его личности. Они в индивидуальной форме воспроизводят константные характеристики социальных связей, в которые жизненно вовлечен индивид, и, вбирая эти связи внутрь, становятся свойствами «личности относящейся». Последняя осознается как Я-инстанция, проявляющая инициативу и активность в системе общественных предметов, смыслов и деятельностей. Личность – сформировавшееся в процессе жизни сознательное расположение и готовность к самоопределению в конкретных общественных условиях. Общественное не проецируется в индивидуальное, а соотносится индивидом со своей личной позицией, представленной в качестве «моего отношения к окружению». Становление полноценной

личностной связи с жизнью определяется богатством преломления в ней многомерного общественного: от общесоциальных условий до условий взаимодействия с конкретным другим человеком.

Процесс внутриличностного освоения и субъективного преобразования условий общественной жизни, или **«индивидуализация»**, является сложно детерминированным процессом. Со стороны индивида он обусловлен системой его «ставших» свойств и сложившихся особенностей индивидуальной жизни. К ним относятся природные свойства, представляющие собой врожденные координаты и начальные потенции жизненного развития индивида; закономерности его деятельности; предметно-практические достижения и созданные духовные ценности; смысловая основа Я и общий уровень активности, с которой индивид себя познает и развивает. Необходимое условие индивидуализации составляет относительно устойчивая структура функциональных и продуктивных образующих психики и сознания: мотивационных, эмоциональных, сенсорно-перцептивных, мыслительных, интуитивных, рефлексивных, действенно-экспрессивных. Отсюда своеобразная, конкретная форма общественных условий, принимаемых и реализуемых индивидом как условия своей жизни. Отсюда единственность жизненного пути, уникальность становления личности в качестве **индивидуальности**. Отношения индивида, формирующие в нем личность, принадлежащие ей, индивидуально выражающие и проявляющие ее сущность, выступают «личностными отношениями» и одновременно «отношениями индивидуальности».

Важно подчеркнуть, что с развитием личности и личностных отношений связано окончательное выделение в сознании человека его обобщенного «Я» как интеграла внутренних условий индивидуальной жизни. Зная эти условия, и исходя из них, человек может подняться на высокие уровни жизненной активности, с

широким общественным масштабом, по канонам этики и критериям творчества действовать в мире. Органично соединяются отношения индивида к «моему миру», к «моей жизни» и к «моей жизни в моем мире». Личность становится регулятивным началом своего жизненного процесса или **субъектом жизни**. Индивид оказывается в центре собственного бытия; в его духовно-практических отношениях появляется **субъектное качество**, определяющее активность и зрелость отношений, их тенденцию к самодвижению. Зрелое личностное бытие представлено жизненными отношениями индивида-субъекта.

Субъект может искусно соотнести между собой требования объективных условий жизни, свои ценности, побуждения, внутренний потенциал, реальные возможности, притязания, ценностные качества своих поступков и действий, объективные результаты и субъективные последствия своего поведения и деятельности, личную роль в развитии социума и ближнего окружения.. Это соотнесение происходит и интуитивно, и в рефлексивном сознании, и в практическом отношении к миру. Здесь человек строит и проводит единую линию жизни и в итоге может встать «над своей жизнью». От такого итогового, обобщенного отношения, заключающего мощные силы жизненного творчества, зависит поведение субъекта в любой ситуации, «степень зависимости его от этой ситуации и свободы в ней» (8; с. 352).

Основное в становлении субъекта отношений – результативный, **продуктивный** момент индивидуальной жизни. Дела, достижения, социальные влияния личности выступают важнейшими критериями ее субъектности. При этом большое значение имеет общественная оценка сделанного и достигнутого личностью, принимаемая ею как «объективная ценность моей жизни». В изменениях, которые личность произвела в общественном мире, она узнает себя, ей открывается истинный уровень ее жизни, а также ее жизненные

противоречия и предпосылки саморазвития. Источники роста личности-субъекта заключены в интенсивном и поступательном использовании своих лучших жизненных достижений на новых уровнях. Эти источники она находит в творческом отношении к жизни, в углубленном **отношении к себе** и самореализации.

Отношению к себе принадлежит особое место в структуре жизненных отношений личности. Благодаря ему, человек может реально влиять на ход своей жизни и жизнь других людей, планировать жизненный процесс в его пространственно-временных аспектах, осознавать личную перспективу, предвидеть жизненные события и прогнозировать их результаты. Оно является важнейшим каналом воздействия личности на развитие всех своих отношений к жизни.

Отношение к себе, как и любое отношение личности, имеет две ведущие формы: сознание и деятельность. Но здесь эти формы выступают **самосознанием** и **самодеятельностью**. Самосознание существует как познание, переживание и созерцание Я, объяснение и интерпретация жизненных проявлений Я, присвоение и обобщение знания о свершениях Я. Самодеятельность личности разворачивается через выражение Я в реальном преобразующем действии, устанавливающем единство объекта и субъекта. Самосознание и самодеятельность развиваются при достижении личностью гармоничного соответствия между ними. Один из путей такой гармонизации – выход личности на уровень **проблемного отношения к себе**. Оно зарождается, когда связь «Я – моя жизнь – общественный мир» открывается личности в динамике, содержащей коллизии. Их понимание и конструктивное действенное разрешение способствуют сохранению целостности и усложнению Я, определяют проблемный тип жизни индивида и его саморазвитие.

Проблемное отношение личности к себе закономерно включает:

- момент вскрытия «проблемы моей жизни»;

- осмысление своего отношения к ней;
- построение стратегии ее решения;
- определение способов и средств решения проблемы;
- совершение «разрешающих действий»;
- достижение результатов, в которых проблема находит полное или частичное решение;
- открытие личного смысла решения проблемы;
- принятие ответственности перед другими и собой за способы и результаты решения проблемы;
- видение в совершенном проблемном действии оснований для постановки и конструктивного решения новых проблем жизни.

Все перечисленные моменты связаны с активной личностной рефлексией, которая не исключает интуитивных, иррациональных способов проблемных действий. Развивающееся проблемное отношение к себе во взаимосвязи с проблемными отношениями к миру придает жизни личности творческое направление. Творчески живущая личность – это субъект в высшем смысле, тот, кому принадлежит авторская роль в умножении бытийных сил многих людей.

Сознательные и деятельные, глубинные и внешние, потенциальные и реальные, случайные и закономерные, единичные и типичные, служащие развитию и регрессивные отношения образуют сущностное «ядро» личности и реализуют ядерные качества в текущей жизни. Здесь жизненные отношения осуществляются как **«субъектные»**.

Исследование разнообразных видов отношений, раскрытие их различных жизненных функций и ипостасей, предполагает анализ **вариантов** их становления, зависящих от многих условий и выражающихся во многих процессах. Основными из них являются: преобразование жизненных отношений, непосредственно вызванное изменениями внешних условий, в которых они формируются;

спонтанное самодвижение отношений, состоящее в их неосознанных переходах из динамического состояния в личностные свойства и в способы реализации этих свойств; направленное, активное развитие отношений личностью как субъектом жизни.

Отмеченные варианты становления отношений дополняют друг друга. При их согласовании непрерывно происходит наращивание **личностного потенциала** отношений, а, следовательно, и их возможностей в определении свободной, самостоятельной и творческой позиции индивида в мире. Здесь действует один из основных законов жизненного развития человека, состоящий в личностной детерминации жизни, протекающей в единстве сознания и деятельности. Его учет в изучении отношений означает раскрытие внутренних закономерностей отношений, через которые преломляются в человеке внешние воздействия на него (б).

Развитие отношений происходит во взаимодействии и взаимовлияниях их противоположных тенденций и свойств. Развивающая игра оппозиционных аспектов отношений, включая общественное – индивидуальное, психическое – практическое, сознательное – бессознательное, природное – социальное, возможное – осуществленное, внутреннее – внешнее, объективное – субъективное, активное – пассивное, ценное – деструктивное, может осознаваться и направляться личностью на достижение своей целостности или служить личностному разрушению.

Динамика отношений представляет собой непрерывный процесс возникновения, снятия, раскрытия потенциала или углубления **противоречий**. Например, один из оппозиционных аспектов жизненного отношения под влиянием определенных воздействий опережает в темпах развития другой. Или один из аспектов приобретает оттенок, исключаящий его гармоничное единство с другим. Или один испытывает изменения, несовместимые с состоянием другого. Или же один из аспектов приобретает новый общий уровень, кардинально отличный от уровня другого. В этих и

многих других случаях либо начинает отчетливее обнаруживаться закономерное различие оппозиций, либо начинается расщепление их единства, либо появляется серьезный надлом их связи, либо совершается полная ломка взаимодействия, требующая перестройки одной из оппозиций или обеих сразу. Характер противоречий в отношениях обуславливает масштаб критических моментов жизни личности, ее кризисов, потрясений, возвышений и падений.

Коллизии отношений множественны, влекут за собой друг друга, выступают причинами друг друга, меняются в своем значении и смысле для личности. Но так же, как в разные периоды жизни на первый план может выступать становление определенного отношения индивида, в общей динамике противоречий выделяется главное, доминирующее. Как правило, оно возникает внутри того отношения или того аспекта личности, которые особенно активно формируются или реализуются в данный момент жизни. По силе влияния такого противоречия на индивидуальное развитие оно может быть названо «исходным».

Не всякое видимое рассогласование или колебание в отношениях является прямым указанием на существенную коллизию. Это может быть только «зыбь на поверхности», ослабленный всплеск активности глубинных личностных оппозиций. Действительные противоречия выражают начавшиеся сущностные изменения личности. Не все они различимы в текущих жизненных отношениях. Они могут обнаруживаться в переломных ситуациях жизни, которые провоцируют взрыв отношений, утративших равновесие и стремящихся к самоотрицанию, переходу в новое качество или исключению своих оппозиций.

Коллизии могут зародиться в связях между существенными детерминантами, процессуальными тенденциями и структурными составляющими отношений. Можно, к примеру, выделить

следующие связи парных образующих отношений, которые потенциально способны «вмещать противоречия».

- Связь условий жизни большинства людей в данном обществе и условий, которые данная личность осваивает и строит как координаты собственной жизни.
- Связь объективных условий жизни личности и особенностей ее эмпирических отношений, посредством которых она субъективирует эти условия.
- Связь тенденции личности к принятию заданных извне императивов, норм, правил, способов отношений к миру и тенденции к самостоятельным, творческим отношениям.
- Связь динамических форм отношений с их устойчивыми формами, образующими качественную определенность личности.
- Связь сознательных и бессознательных аспектов отношений, взаимодействие их рациональных и иррациональных начал.
- Связь тенденции «идеализации» жизни, в смысле переноса жизненной активности преимущественно в план сознания, осознания, самосознания, рефлексии, и тенденции к продуктивной практической активности.
- Связь особенностей отношений личности: в их обращении к миру вещей, людей, природных явлений и в их обращении к «я».
- Связь изменений отношений, заданных обстоятельствами жизни, и самодвижения отношений, зависящего от активности субъекта.
- Связь конкретных способов Я-регуляции отношений и общих качеств Я, присущих субъекту отношений.
- Связь ценностей общественной жизни и ценностно-смыслового уровня жизненных отношений личности.
- Связь внешних требований к определенному уровню объективации личности и реального уровня ее активности и продуктивности в мире.
- Связь потенциала отношений и эффективности его реализации.

- Связь реального качества и масштаба жизненных достижений личности и ее отношения к себе как субъекту деятельности и творчества.
- Связь двух условий развития отношений: объективных запросов к силе и активности Я субъекта и его реального Я.
- Связь между общественно ожидаемой пространственно-временной активностью отношений и их реальной активностью в мире и социуме.
- Связь двух особенностей отношений: их индивидуального жизненного предела и их выхода за границы жизни посредством свершений и длительных влияний личности на других людей.

Приведенные дуальные связи складываются в целостной системе личностных отношений и потому действуют не изолированно, а в притяжении друг к другу. В вариациях оппозиций отношения взаимодействуют и переплетаются, образуя трудно уловимую для личности индивидуальную картину жизни.

Важнейшим событием в жизненном движении отношений выступает **разрешение противоречий**. Если это разрешение конструктивно, не вызывает снижения уровня отношений, то оно является фактором поддержания целостности и поступательного развития их системы. Внутренние процессы отношений, организующие личностное целое, часто выявляются именно в момент разрыва их течения при разрешении коллизии. Оно носит, как правило, не случайный характер, а отвечает установившимся в процессе индивидуальной жизни внутренним закономерностям отношений.

Закономерности могут действовать относительно независимо от усилий личности что-либо сохранить или изменить в своей жизни. И тогда противоречия разрешаются «вне субъекта», составляя объективную движущую силу отношений. Однако для зрелой личности более характерным является осмысление жизненных

отношений и самостоятельный поиск выхода из конфликтов. Овладев закономерностями отношений, личность-субъект становится ведущей силой преодоления коллизий. В соответствии с внесубъектным и субъектным характером реализации отношений рождаются определенные **способы разрешения** противоречий. Содержание и взаимосвязь способов могут стать, по мере их применения, типичны для личности, как типичны ее отношения и противоречия. Одновременно каждый способ жизненно конкретен и индивидуально своеобразен, хотя в нем всегда просвечивают и всеобщие подходы к разрешению противоречий. Это может быть:

- установление относительного паритета оппозиций, достижение между ними силового и качественного единства;
- нахождение нового уровня согласования оппозиций;
- достижение гармонии между оппозициями за счет их включения в новую систему взаимодействий;
- открытие способа положительного доминирования одной оппозиции над другой;
- отрицание одной из оппозиций за счет усиленного развития другой;
- ослабление оппозиций на основе их частичной редукции или снижения активности;
- создание нового целого на основе объединения оппозиций.

Разрешение противоречий может идти при взаимном проникновении, слиянии оппозиций, при их взаимном исключении, при конструктивном взаимодействии, при получении ими относительной самостоятельности на новом, более высоком уровне их связи.

Каждый конкретный способ разрешения коллизии раскрывается и применяется личностью в контексте ее жизненных реалий. Например, развивается противоречие между высокими возможностями личности для осуществления творческой

деятельности в профессии и низким уровнем ее реальной авторской продуктивности. Оно вызывается отсутствием социального запроса на высокие качественные достижения в данной профессиональной области и недостаточной активностью личности в отстаивании ценности своего труда. Один из способов разрешения противоречия состоит в следующем: несмотря на большую психологическую цену, личность достигает творческого результата, соответствующего ее возможностям, и направленно, преодолевая внутренние и внешние трудности, инвестирует свои идеи в социальную практику. Реализация данного способа предполагает особую активность личности – осознание и применение способа как «моего», «мною открытого», «мною избранного», «мною осуществленного», то есть привлечение рефлексивно-экзистенциального ресурса разрешения.

Способ, которым личность разрешает свое противоречие, определяет либо сохранение наличного уровня, либо прогресс, либо частичный регресс ее жизненных отношений. Но каким бы ни был исход, для самостоятельной личности важен поиск Я-способа на основе анализа многих возможных приемов снятия коллизии. Реализуемые Я-способы образуют континуум путей самоопределения личности, включающий:

- путь к улучшению условий жизни других людей, требующий от личности новой отдачи;
- путь доверия к другим людям в плане взаимодействия с ними для общего блага;
- путь к развитию самой личности, при котором ее объективация – средство самосовершенствования;
- путь, который в наибольшей степени отвечает привычным, комфортным для личности условиям жизни, не требует от нее «быть больше и выше, чем она есть»;

- путь, при котором личность снижает ценностный уровень своей жизни, с тем, чтобы не утратить благоприятные для себя условия существования;
- путь, ориентированный на рефлексивное, идеально-смысловое, а не действенно-практическое разрешение противоречия;
- путь, при котором личность уходит от рефлексии противоречия, полагаясь на естественный ход внешней жизни, предоставляя ему власть над собой;
- путь ухода от рационального отношения к противоречию с тем, чтобы активизировать свои глубинные, интуитивные возможности;
- путь возложения ответственности за разрешение своего противоречия на других или конкретного Другого.

Избранное ослабление, фиксация или погашение коллизии, а также содержательный способ ее разрешения, являются одним из вариантов возможных исходов. Иные исходы выступают более или менее осознанным личностным потенциалом, который в любой момент может быть актуализирован. Отсюда особая гибкость и многообразие психологических нюансов в динамике отношений личности.

В многовариантности выходов из противоречия заключено одно из оснований **свободного жизненного выбора** личности. Действительно, если человек приходит к объективно обоснованному и субъективно значимому результату разрешения противоречия и удерживает в нем все преимущества других возможных результатов, он приобретает самодостаточность, переживаемую в форме «я сам выбираю свой путь». Разрешение коллизии может объективироваться в осознанном поступке или действии, а также в длительном поступлении или деятельности, которые могут представлять новые линии внешней активности. Разрешающая активность личности иногда приобретает критически высокий

уровень, выступает как выдающиеся свершения и деяния. Это могут быть уникальные жизненные события, «всплески индивидуальности», отмечающие кардинальные позитивные изменения в социуме, культуре, личности и ее Я.

Становление Я зависит от содержания возникающих противоречий, от качества применяемых личностью способов их разрешения, от того, насколько последовательно удастся реализовать эти способы, от уровня субъективных рисков и затрат личности, являющихся ценой выхода из коллизии, от объективных изменений, которые она производит в жизни своими действиями, поступками или созданными продуктами, и от представления в самосознании личности социокультурных эффектов ее разрешающей активности.

События активности, конструктивно отвечающие на проблемные ситуации жизни и обладающие богатым спектром производимых позитивных изменений во внешней и внутренней реальности, мы называем **«жизненными действиями»**, которые во многом аналогичны феномену «поступка». Жизненные действия составляют основную ткань полноценно реализующихся отношений и обладают особенностями, отличающими их от других моментов жизни личности.

1. Жизненное действие сознательно разворачивается, продлевается личностью во времени и пространстве. Личность стремится самостоятельно завершить его в нетривиальном результате. По существенным признакам оно противоположно реактивному действию, застывшей привычке, защитному поведению.

2. В жизненном действии представлены зрелые характеристики психики и деятельности. К ним относятся: дифференцированность и утонченность включенных психических форм; богатый жизненный контекст; тайный мир значимостей, заключенный в бессознательном; интуиция будущего жизненного выбора;

многоплановое рациональное истолкование прошедших и актуальных событий; мысленное проигрывание разных способов поведения; возврат действия в воспоминании к его началу с целью вести его по-новому.

3. Каждое жизненное действие, каким бы ни был его конкретный объект и результат, имеет конечную адресацию другим людям, то есть, направлено в коллективную жизнь. Субъект действия стремится к диалогу с другими, к встрече с тем, с кем возможно понимание, сопереживание, жизненное содействие. Если в настоящем содействие невозможно, субъект полагает его отложенным и приближает его своей активностью.

4. Жизненное действие как акт продуктивного взаимодействия личности с другими людьми часто является напряженным, аритмичным, порождающим и выявляющим личностные конфликты. Личность узнает свои коллизии, слушая отрицательные суждения других, отвечая на их требования к себе, встречая их противодействие, наблюдая у себя и у них конфликтующие поступки, находя у них негативные чувства к себе, понимая свою противоречивую представленность в других. Другие в конкретных жизненных действиях ставят проблемы, которые личность должна разрешить.

5. Жизненное действие продуктивно во многих планах. Оно овеществляется в предметном мире, «испаряется» в интеллектуальных достижениях, останавливается в этических, религиозных и эстетических влияниях на других, становится для индивида новым смыслом Я. Эффект продуктивности достигается личностью, которая организует свою жизнь, руководит собою, владеет собственной жизнью, «исполняет» себя. Личность воображает, фантазирует, намечает замыслы, цели и планы. Из

творческой проекции Я в мир рождаются прекрасные вещи, оригинальные идеи, любовные дары и жизненные блага. Позиция субъекта действия отличается естественностью, артистизмом, индивидуальностью, самобытностью.

6. В жизненном действии человек реализует перспективу личностного развития. Действие имеет итог, обращенный к самому индивиду, помещающий Я в новые жизненные координаты, где просторнее и свободнее самоопределению. Этот итог может быть обозначен как «больше сознания», «яснее понимание», «глубже переживание», «совершеннее мысль», «сильнее личные влияния».

7. Жизненное действие можно представить как поэтапно осуществляемую активность субъекта по отношению к определенному внешнему или внутреннему объекту. Оно произвольно и непроизвольно протекает по максимально полной развертке деятельности. Последовательно сменяют друг друга следующие этапы жизненного действия: понимание и проблемное раскрытие субъектом объекта; познание объекта в соотношении с субъектом в актуальных условиях; переживание и оценка его значимости для субъекта; осознание субъективной необходимости объекта; прогнозирование возможностей субъекта в освоении и овладении объектом; целеполагание; планирование преобразований объекта; самооценка готовности к действию; принятие решения о действии; преобразование объекта; контроль и коррекция цели действия; предвидение ближних и дальних результатов действия; понимание новой ценности и смысла объекта действия; самооценка в действии; оценка реализованных путей и средств действия; оценка меры воплощения цели в результате действия; переживание полноты осуществленных в действии стремлений; осознание жизненной

многозначности совершенного действия; принятие субъектом измененного объекта как смыслообразующего для нового действия.

8. Жизненное действие, будучи единицей определенного жизненного отношения личности (интеллектуального, деятельного, этического, эстетического, рефлексивного), в свою очередь дифференцируется изнутри и проходит иногда в моментальных, но всегда очень сложных актах. Каждый такой акт сохраняет в себе все существенное, значительное, смысловое, что присуще жизненному действию, то есть подтверждает его самотождество. Это может быть взгляд, акт слушания или созерцания, жест, наклон головы, акты «я представляю», «я понимаю», «я думаю», высказывание, эмоциональная экспрессия, символическое движение, предметное действие и т. д. В этих актах личность выражает себя как целое; их назначение – быть проявлением сути ее жизненных отношений. По уровню концентрированности в них жизненного содержания их можно сравнить с метафорой, «сгущенным образом», «сокровенной идеей» или символом индивидуального бытия. Другой человек должен расшифровать, истолковать эти «знаки» личности. Для нее самой они выступают способами уникального выражения своей осмысленной жизни.

Фактор совершенного жизненного действия-поступка и осознания его личностных последствий имеет особое значение для становления Я. В самом деле, разрешающий поступок проясняет те стороны внешней и внутренней реальности, которые ранее представляли для личности «проблему Я». Проблема решена, и новое, вошедшее в жизнь личности, сознательно соотносится ею со своими желаниями и стремлениями, то есть приобретает личный смысл. Новый смысл, самостоятельно найденный личностью в динамике отношений, может быть удержан, закреплен как устойчивое содержание Я,

вписан в жизненный контекст «Я-для-себя», может заменить собой прежний смысл или может быть утрачен. Закрепление смысла обеспечивается переживанием лишь относительной завершенности поступка и верным пролонгированным прогнозом его положительных, значимых последствий. Затем, в развитие обретенного смысла, личность намечает, как овладеть этими последствиями, как сохранить единство поведения, как разрешать новые жизненные проблемы. Осуществляется процесс «собираения себя» на новом уровне жизни. Смысл, таким образом, становится «предстоящим», «заданным из будущего».

Смысл «предстоит», если он устойчиво определяет для личности наступающие события, если через него она осознает свое бытийное назначение, если в новом смысле видит полноту и целостность своей дальнейшей жизненной реализации. Активное смыслообразование позволяет личности напряженно владеть собою в «абсолютном будущем», управлять собой из его бесконечной дали. Отсутствие заданного смысла лишает существование личности единства, ее жизнь, по выражению М. М. Бахтина, распадается в «тупо-наличные фрагменты бытия».

Самостоятельное и продуктивное для личности и других разрешение жизненных коллизий является тем условием, при котором наиболее полно действует закон смыслообразования и «передвижки смыслов», определяющий развитие жизни и Я индивида. Достигая позитивных разрешающих результатов, личность сама наполняет смыслом новые жизненные реалии, сводит рациональные и иррациональные планы изменений в себе, приходит к **самоисследованию**. Оно может состоять в рефлексии жизненного пути, в развивающей переоценке ценностей, переосмыслении жизни, целостном истолковании происшедшего, происходящего и ожидаемого, расстановке новых содержательных акцентов в отношениях, понимании устойчиво возникающих побуждений и

наплывающих переживаний. В самоисследовании и в основанных на нем жизненных действиях личность может выразить себя оригинально, творчески, утонченно, достигая позиции **самотворца**.

Самоопределение, самодеятельность и самовыражение субъекта в сфере отношений предполагает их осуществление на высоком ценностном уровне жизни. Ведущими ценностями человеческого бытия С. Л. Рубинштейн считал познание, этику любви, принятия, доверия к другим людям, формирование общего мировоззрения и рефлексии как активное самопознание личности. Соответственно, основными **ценностными отношениями**, связывающими человека с миром, определяются (8):

- познавательное отношение;
- нравственное отношение к другому человеку или отношение любви;
- эстетическое отношение, утверждающее красоту мира и человека;
- общее отношение к жизни и смерти, выражаемое в чувствах трагического и комического, в духе серьезного, философского понимания бытия;
- отношение к себе как свобода и ответственность в жизненном осуществлении.

Важно не только то, что Рубинштейном выделены отношения, несколько столетий очерчивающие контур идеального бытия европейской личности, но и то, что они берутся в единстве, известном только человеку, **реально живущему** в этих отношениях к миру. Так, «в познавательное отношение к бытию, к истине вплетается отношение к другим людям. Истина при этом – это не только правильность, но и правда, справедливость, способность принять то, что есть, как оно есть, смотреть в глаза действительности, вскрывать ее. В то же время, она означает: видеть недостатки, преодолевать трудности в процессе познания,

обнаруживать мужество в процессе познания. И наоборот, неистина выступает как ошибка, заблуждение, ложная установка в процессе познания, за которой скрываются обман, неправда, ложь, введение в заблуждение» (8; с. 332).

Из положений С. Л. Рубинштейна и других авторов об отношениях личности к жизни можно эксплицировать **систему онто-психологических характеристик жизнеотношений**, указывающих на их многосторонние жизненные функции и значения. К ним относятся: личностное порождение отношений; целостность отношений, отражающая единство их объективных условий, устойчивых качеств, гибких способов реализации, процессуальных и продуктивных компонентов; общественность, выражающая взаимосвязь личности с другими людьми, начиная от внешней детерминации отношений до их глубинного влияния на внутренний мир Другого; предметность или обусловленность и направленность отношений на значимые для личности реальные объекты, которыми могут быть «другие», «Другой», вещи, знаки, идеи, действия и т. д.; идеальность и духовность как участие высших, интеллектуальных процессов и ценностных образований в становлении отношений; активность самосознания в осуществлении отношений, создающая возможность для их рефлексивного развития; единство сознания и бессознательного в протекании, качественных константах и предметной объективации отношений; субъектность отношений в плане их детерминации личностью-субъектом и в плане обратного влияния активных отношений на личность и ее жизнь; индивидуальность отношений, определяемая высоким уровнем развития и неповторимостью их внутренних источников, содержания, процессуального строения и творческой реализации; проблемность как необходимая двойственность в структуре и динамике отношений, состоящая в возникновении, личностном осмыслении и разрешении их противоречий; феноменологичность

отношений или их принадлежность индивидуальному Я и участие в их реализации процессов самооценки, самопереживания, самопознания, самодеятельности; выражение отношений в формах жизненного действия, поступка, деяния, свершения, масштабного влияния субъекта на других; смыслообразующая роль как расширение и углубление жизненных смыслов в результате разрешения коллизий и рефлексии изменений в отношениях.

Личность, в зависимости от развития определенных отношений к жизни с теми или иными характеристиками и реализацией на том или ином онто-психологическом уровне, приобретает один из следующих **типов жизненного становления**, намеченных в тестах С. Л. Рубинштейна и дополненных в наших исследованиях.

Личность, «растворенная» в текущей жизни. Ее сознание реактивно следует за наличными ситуациями и за событиями здесь-и-сейчас, оперирует, главным образом, актуальными знаниями, впечатлениями, переживаниями. Ретроспективная активность личности относится к недавно бывшему, а перспективное сознание – к тому, что ожидается в ближайшем будущем. «Я» осознается личностью источником сильных желаний и связанных с ними эмоций и аффектов. Спонтанность и свобода их проявления может создавать у других впечатление особой энергичности и экспрессивности личности. Наблюдается фрагментарность и слабость понимания себя, что способствует множественным проекциям, отождествлениям с другими, повышенной внушаемости. Этот тип может быть представлен и любителем удовольствий, приходящих из внешней жизни, и человеком, увлекаемым жизнью других людей, и личностью, трепетно следующей за своими ощущениями, переживаниями и фантазиями.

Деятельная личность. Ее сознание постоянно ищет и находит пути эффективной реализации в профессиональной, управленческой

или общественной деятельности. За счет хорошего знания личности о своих возможностях и способностях, деятельность осуществляется избирательно, целенаправленно, планомерно и результативно. В ней присутствует отдаленный и ближний опыт, а также краткосрочные и пролонгированные прогнозы ее результатов, продуктов и личных достижений. Деятельность сосредоточена, как правило, на узкой предметной области, имеет установку на внешний мир, но при этом, личность часто обращается к себе, создавая образ эффективного Я-деятеля. Эта личность склонна отождествлять себя с определенной функцией, ролью, статусом в обществе.

Рефлексивная личность. Обладает способностью подняться над непосредственно проживаемой жизнью, познает закономерности своей жизни, чтобы максимально осуществиться. Ее активная внешняя и внутренняя деятельность опосредована тщательными наблюдениями за собой, осмыслением себя и привлекательным самовыражением. За счет одновременной ориентации на Я и на значимые внешние объекты, сознание способно уловить множество ценных свойств объектов и субъективных возможностей для осуществления самых сложных действий. Рефлексия становится причиной и условием расширяющихся творческих связей с миром и самим собой. Жизнь рефлексивной личности не просто «протекает» или «наполняется извне», а ответственно создается ею самой.

Творческая личность. Ее сознание достигает трансцендентного уровня, основываясь на искусной рефлексии, интуиции, общезначимых открытиях и необычайной продуктивности. Потенциал рефлексии, чувства жизни и созидания так высок, что ведет к уникальной актуализации содержаний и процессов бессознательного с их огромной силой генерирования. Мощное Я изнутри притягивает и раскрывает богатство таких форм

психической жизни, которые не доступны личностям с ведущей ориентацией на внешний мир и рациональную деятельность в нем. Творчество стремится охватить многие сферы индивидуального бытия и умножить авторские значения и смыслы, проникающие во внутренний мир и действия других людей.

Рассмотрение личности в парадигме жизненных отношений открывает для современной психологии новые проблемные области, включая область, где личность изучается в **связях с культурой**, ее типом, историческим развитием и ценностным содержанием. Используя «принцип отношений» в его понимании Рубинштейном, мы осуществили психологическое исследование «личности», взятой в динамике европейской культуры от времен античности до наших дней (10).

Материалом персонологического анализа и синтеза выступили выдающиеся «тексты индивидуальности», характерные для духа Европы и посвященные человеку в его **отношениях к миру и к себе**. Полагаем, что реконструкция и интерпретация подобных текстов, составляющих особую реальность сознания, мысли и переживаний авторов, позволяет воссоздать культурно-психологические **модели личности** в ее подлинном, внутреннем, феноменологическом и экзистенциальном бытии. Конечной задачей исследования стало построение **интегральной персонологической модели**, соединившей восходящие «сквозные идеи» о жизненных отношениях личности по мере становления в Европе великой «индивидуальной культуры».

Жизненные отношения личности в культурогенезе.

Европейское познание и самопознание личности развивалось внутри общего культурного становления с присущей ему периодичностью, приобретая в каждом периоде определенные

концептуальные акценты. Идея личности прошла формирование в русле античной антропологии, раннехристианского персонализма, персонализма зрелого средневековья и Возрождения, гуманитарного знания, философии и персонологии Нового Времени. Ее носителями стали тексты рассказов выдающихся людей о себе (жизнеописания, исповеди, автобиографии, рефлексии), тексты философской антропологии, произведения литературной классики, труды по психологии и психопатологии. Важнейшими «открытиями личности» явились произведения Марка Аврелия, Августина, Абеяра, Петрарки, Макиавелли, Шекспира, Гете, Руссо, Пушкина, Достоевского, Ницше, Кьеркегора, Хайдеггера, Шелера, Бубера, Достоевского, Пруста, Бунина, Набокова, Бердяева, Франка, Ясперса, Фрейда, Юнга, Сартра, Бахтина, Рубинштейна, Мамардашвили и других.

В содержании размышлений и рассуждений этих мыслителей сформировались имплицитные модели индивидуальной личности, которые мы эксплицировали посредством ряда методологических приемов. Во-первых, на основе вживания и герменевтики аутентичных текстов с их характерной стилистикой, смысловым наполнением, историческим и авторским духом. Во-вторых, с позиций свободного современного взгляда на «тексты личности», нагруженного множеством культурных и научных контекстов с их взаимными наложениями и вложениями. В-третьих, посредством разработки «кодов» интерпретации, позволяющих двигаться вглубь времен по определенным психологическим координатам.

В качестве **кода интерпретации**, в числе обобщенных идей многих исследователей, мы применили реконструированную систему положений Рубинштейна о жизненных отношениях личности, учитывая, что данные положения отражают незаурядную,

европейски укорененную историко-философскую и историко-культурную эрудицию их автора. Этот подход позволил выстроить ряд моделей индивидуальной личности, релевантных разным эпохам европейского культурогенеза: «личное» античного мифа; «личное» античного мыслителя; личность-автор раннехристианской исповеди; личность зрелого средневековья; ренессансная личность; Фаустовская личность; «личность» в философии жизни; Выдающаяся личность; человек, теряющий «личное»; личность-субъект инноваций (10).

Исходя из проведенного культурно-психологического моделирования, соблюдая принцип «сквозных идей», мы обобщили основные признаки европейской персонализации в следующей модели отношений личности.

Отношение личности к Абсолюту

Личность в своих связях с миром исходит из **абсолютных мер жизни**, имеющих осознанные образы и символы Бога, Универсума, Космоса, Разума, Идеала, Бытия, Духа, Слова, «Я». Присутствие Абсолюта в бытии личности составляет для нее высшее благо и предлежащий смысл, достигаемые в опытах веры, духовного поиска, деятельного служения и трансцендирования.

Отношение личности к обществу

Жизнь личности протекает в общностях и группах, выступающих для нее **живыми множествами** людей, подобных ей самой, с которыми она находится в разнообразном взаимодействии. Коллективное ощущается и осознается ею не как довлеющая тотальность, а как плодотворная среда совместного с «другими» проявления архетипов, творения ментальности, выработки стилей деятельности, создания ценностей и самопознания. Целью и сутью соединения личности с обществом является ее внутреннее признание себя «частью, индивидуально вмещающей целое».

Отношение личности к культуре

Абсолютное и коллективное представлены в личности способом культурного опосредования, а именно, в формах религиозности, этики, науки, философии, искусства, канонов повседневности. Культура выступает сознаваемым и бессознательным потенциалом жизненного самоопределения индивида. Внешнее и внутреннее **культурное априори** индивидуализируется и придает жизни личности направленность на духовно-практическое освоение, оценку и преобразование культуры.

Отношение личности к своей природе

Формирование мер сакрального, общественного и культурного бытия личности происходит в соответствии с **природным априори** или ее витальностью, телом, полом, чувственностью. Оно определяет ее влечения, активность в поиске удовольствия, конституцию, психодинамику, сексуальность, возможности психических функций, соотношения мужественности и женственности, сенсорно-интуитивный опыт познания, действия и потребления. Психические компоненты природной организации сосредоточены в бессознательном мире личности. Они конституируют «самость» личности, ее «естественную» внутреннюю жизнь, ее врожденный душевный потенциал. Природное осознается и реализуется личностью как ценность, составляющая условие жизни, ценность жизни, цель самосовершенствования и смысл заботы о себе.

Рациональное отношение личности

Сильным началом индивидуального бытия является **рациональность** или способность личности к мышлению, логическим построениям, познанию и идеализации мира. Мышление, направленное одновременно на внешние объекты и самого индивида, развивается в качестве сознания. Оно формирует символическую границу внутренней автономии личности,

препятствующую ее слиянию с предметной средой или общностью. Центром внутреннего мира и интенциональности сознается Я, которое, благодаря рефлексии, отношению к себе и непрерывному Я-синтезу, полагает себя свободным в выборе абсолютных, социальных, культурных и природных мер и форм собственной жизни.

Отношение личности к себе

«Я» позволяет личности субъективно отделить устойчивую определенность своих потребностей, притязаний, способностей и характера от собственного существования, то есть, мимолетности и сиюминутности жизни, протекающей в желаниях, эмоциях, воображении и мысли. Направленно и спонтанно, в каждый момент проживания личность решает проблемы наполнения Я новым жизненным содержанием, отождествления и разотождествления с другими людьми, собирания себя в единство, уникального самовыражения и самоутверждения в мире. «Я» выступает для личности основанием и причиной активных выходов в мир, возможностью индивидуального развития или изменения коллективных форм и способов веры, познания, нравственности, творчества, социального поведения и самопознания. Благодаря самосознанию и самодеятельности, личность утверждает себя единичностью, к которой сходятся и в которой объединяются многие тотальные процессы в мире.

Отношение личности к противоречиям жизни

Индивидуальное Я самодостаточно в плане сознательной направленности на выявление собственных возможностей через самого себя. Однако, цели и смыслы отношения к себе, чтобы расширяться, углубляться и варьировать, должны быть укоренены во всех других отношениях личности. «Я» встает в собственные отношения к природе и обществу, жизни и смерти, времени и пространству, религии и этике, свободе и долженствованию,

познанию и искусству, традиции и инновациям. Полноценное осуществление отношений в системе «Я – мир – другие» предполагает их равновесие или вскрытие и разрешение их **противоречий**. Задача уравнивания и преодоления коллизий в отношениях решается Я-субъектом на основе реализации жизненных способностей к самопознанию, активному действию, творчеству и поступку.

Отношение личности к Другому

Посредством различных отношений, личность удерживает, выстраивает и проживает взаимодействие с «другими», будь то реальные люди из повседневного окружения, или выдающиеся авторитеты, или символические личности. «Другой» присутствует в личности как «значимый для Я», «другой как Я», «Я как другой», «мое другое Я», «другой, известный и недоступный для Я», «другой, которому Я известен», «другой, для кого Я недоступен». Соединение личности с другим человеком имеет многие формы, включая подражание, присвоение, обладание, привязанность, любовь, принятие влияний, обратные влияния, отдачу, признание взаимной свободы. В нормальном жизненном процессе происходит чувственное и рефлексивное отстояние и сближение Я с другими. Я личности глубоко проникает в другое Я, когда личность нравится, является образцом, учителем, любимым, вызывает сопереживание, становится идеалом и тайной.

Деятельное отношение личности

Суверенность, самостоятельность личности в мире обусловлены деятельной стороной индивидуальной жизни: динамикой тела, поведенческими актами, профессиональными практиками, социальными действиями, поступками, творческой деятельностью и приемами самовыражения. Закрепляясь за разнообразными качествами внутренней личности, укореняясь в ее жизненных установках и Я, текущие действия и поступки начинают глубинно определяться «деятельной индивидуальностью», что приносит в них момент свободы и избыточности. Личность, погруженная в

жизнедеятельность, находится в непрерывном генерировании мотивов, намерений, целей, процессов и результатов активности. Деятельная личность обладает привилегией особо тесного сращения с миром, приобретения искусности, мастерства, высокого общественного статуса, постоянного возврата к себе и диалога с собой, развития своих сущностных качеств и самовозрастания в существовании, то есть является **субъектом жизни**.

Отношение личности к своему жизненному пути.

Все, что происходит в личности и с нею, включено в общую **историю индивидуальной жизни**. Она соединяет осознанные и освоенные личностью места жизни, неповторимые превращения объективного и субъективного времени, принятые и персонально преобразованные формы культуры, личный контур социальных связей и значимых встреч, динамику жизнеотношений, трансформации сознания и бессознательного, изменения качеств и свойств личности, смену индивидуальных деятельностей и жизненных ролей, последовательность, длительность и смыслы ведущих жизненных событий и жизненных ситуаций. История личного бытия становится автобиографией или рассказом о себе при участии Я, осмысливающего и творящего текст о соотношении прошлого, настоящего и будущего жизни. В своей сложности и уникальности, жизненный путь создается потоком всеобщего Бытия, силой индивидуального порыва «быть», непостижимой «судьбой», бессознательной экзистенцией личности, ее сознательной активностью и следующей за жизнью рефлексией.

Творческое отношение личности

При осознании культурно-психологических свобод своего внутреннего и внешнего существования, личность может **самоопределяться** по отношению ко всему, что составляет ее личный, жизненный мир. Самоопределением охватываются формы веры, значимые общности, жизненные ценности, отношения интимности, способы сотрудничества, оказываемые воздействия, отношение к здоровью, доступные сферы деятельности,

индивидуальные достижения, жизненный путь и личностное развитие. Меры и качества индивидуального самоопределения могут меняться в пределах активности – реактивности, инициативы – ухода, принятия – отрицания, конструктивности – критичности, целостности – противоречивости, новизны – нормативности, вариативности – однообразия, реалистичности – идеализации, агрессивности – терпимости, власти – любви и т. д. Развивающее отношение к своей жизни, разрешение жизненных коллизий в пользу сохранения или обновления человеческих ценностей и индивидуальных ценностных смыслов является подлинным **творчеством личности**. Личность творит жизнь, реализуя свои многомерные потенциалы: природное и культурное априори, бессознательные свойства психики, энергию Я, возможности, заключенные в деятельности и наличных условиях индивидуальной жизни. Усилия и успехи в осознании, раскрытии, согласовании, реализации потенциалов образуют многокрасочную и динамичную картину **роста личности**.

Приведенная модель закономерно акцентирует роль Я в процессах индивидуализации и продуктивной, смыслопорождающей жизни личности. Действительно, в европейском персонализме идеалом личного бытия является высвобождение Я для изъявления собственных отношений к миру и к себе. Жизненные отношения европейской личности, по сути, выступают **Я-отношениями**. Полагаем, что их конкретное содержание наиболее полно раскрывается в искусных рефлексиях личностей, избравших нелегкий творческий путь бытийного восхождения. Благодаря психологической интерпретации таких рефлексий, можно увидеть тончайшую **феноменологию жизненных отношений**, трудно доступную для других исследовательских методов.

В этом плане сошлемся на оригинальное исследование, выполненное на основе герменевтического анализа рефлексивных текстов. Их авторы, по широкому научному признанию, стали случаями «подлинной индивидуальности» в европейской культуре

IV, XII, XVIII и XX веков (14). Исследование показало, что, несмотря на значительную пространственно-временную дистанцию друг от друга и выраженную уникальность талантов, субъекты рефлексии обнаружили множество сходных психологических тенденций, формирующих константные Я-отношения. Они были определены как взаимопроникающие аспекты единой Личности, возрождающейся во многих лицах для **культурного творчества и масштабных культурных влияний**.

Материалом анализа Я-отношений стали тексты известных авторских жизнеописаний: «Исповедь» Аврелия Августина; «История моих бедствий» Петра Абеляра; «Из моей жизни. Поэзия и правда» Вольфганга И. Гете; «Воспоминания, сновидения, размышления» Карла Юнга; «Самопознание: опыт философской автобиографии» Н.А. Бердяева.

В исследовании комплексно применялись основные принципы современных герменевтических процедур, требующие:

- 1) изучать явные психологические содержания текста, активно их преобразовывать, соединять их с культурным и личностным контекстом, выявлять их новые связи, извлекать скрытые планы текста, заключающие тайные смыслы автора;
- 2) сочетать приемы интуитивного понимания, вчувствования, рациональной интерпретации содержания текста, строить неявный диалог интерпретатора и автора текста, посвященный разгадке тайны авторского «я»;
- 3) истолковывать тексты, получившие статус «больших произведений культуры» и вместе с тем остающиеся во многом непонятыми, нераскрытыми, представляющими проблему в аспекте личности автора;
- 4) находить ключи или «смысловой эквивалент» к исследованию текстовых выражений субъективного мира автора, в частности, использовать при интерпретации предложенный Р. Бартом принцип культурных кодов текста: знания, коммуникации, символов, рефлексии, загадки и т. д.;

5) разрабатывать «смысловой эквивалент» интерпретации как сложную психологическую модель выявления тонких нюансов субъективности автора, привлекая соответствующие теории и концепции личности.

Согласно результатам исследования, «Я» личности, создающей культуру, определяет и реализует себя в следующих жизненных отношениях, обладающих конкретными психологическими характеристиками.

Я в отношении к другим: привязанность к отцу и сопротивление отцовским ожиданиям; переживание притягательности материнской тайны; высокая ценность материнской любви; отстраненность от семьи и критика «семейного духа»; раннее интуитивное понимание сути отношений между людьми; уловление истинных мотивов поступков других; осознание своей непохожести на других; страдание от непонимания другими людьми; вынужденное и выбранное одиночество; полная поглощенность любовью и частая потеря любви; амбивалентность отношения к женщине: сильная привязанность и отвержение; отношение к полу и любви как к явлениям, порождающим иллюзии; слабая способность к дружбе; легкость перехода от чрезмерной увлеченности другим человеком к его обесцениванию и холодности; сильная нужда в Другом на определенном этапе становления; оппозиционная установка на автономию; принятие опыта жизни выдающихся личностей как ориентира и утешения в собственном жизненном пути; уверенность в своей способности к исключительным достижениям и возможности превзойти учителей; благодарное отношение к близкому окружению за внимание и поддержку его дарований; невольное влияние своим талантом и личностью на многих других; открытость к людям, способным передавать знания, делиться опытом творчества и общения; преображающее, глубинное влияние его произведений на многих других; творчество, вызывающее у других духовные перевороты; ранняя увлеченность азартом игры, соперничеством, преодолением; страсть к выигрышу и творческой

победе над другими; любовь к феномену юности, к пробуждению дарований товарищей, к совместному творчеству; категоричность и чрезмерная требовательность к близким людям вплоть до неприятия; внимание к оценке своих произведений другими; стимулирующая ревность к достижению других.

Я в отношении к своему творчеству: раннее проявление способности к искусствам и наукам; активная проба дарований в различных сферах деятельности; жадное, часто истощающее овладение знаниями и мастерством; увлеченность духовным общением, порождающим мощные порывы к творчеству; ощущение бессознательных источников своего творчества; опора на интуицию; огромная энергия жизнедеятельности и созидания в юности и молодости; отношение к познанию и творчеству как к средству уничтожения иллюзий, скрывающих истину жизни; осознание исключительной ценности творчества в своей жизни и человеческом бытии вообще; неистощимая установка на творческий поиск; меньшая ценность готового продукта в сравнении с процессом творчества; связь наивысших творческих подъемов с религиозными и мистическими учениями; внимание к «человеку» как к теме, мотиву и истоку творчества; широкое использование символов в познании и творчестве; рано пробудившийся интерес к природе как к источнику необычных духовных состояний и творчества; отношение к своему жизнеописанию как к способу творческого воссоздания «Я»; отношение к творческой жизни как пути обретения внутренней свободы; ярко выраженная направленность развития, зависящая от таланта и творческого предназначения; исследование техник, приемов, инструментов своего творческого процесса с целью их совершенствования; оценка собственных произведений и трудов как превосходящих достижения лучших творцов в данной области; осознание исторических предпосылок своего творчества, а также его места в череде событий человеческого преобразования мира; осознание единства своего

творческого начала с талантами в определенной области духовной культуры.

Я в отношении к надличному: вера и любовь к Богу; принятие Священного писания и других религиозных учений на определенных этапах своей жизни; обостренная чувствительность к проявлениям таинственных, непостижимых форм бытия; повторяющиеся сны религиозного, трансцендентного характера; склонность к символизму в философском, поэтическом и научном творчестве; использование символа как средства выражения глобальных открытий; одухотворение природы, вера в ее божественное величие и мощь; любовь к мифу и сказке, высокая ценность фантазии, мечты, воображения; поиск абсолютных начал в человеке и божественного света в своей собственной душе; вера в силу магических действий и ритуалов, придание своим переживаниям, идеям и образам символического значения; ценность своей способности к предвидению, предсказанию; рискованные опыты встреч с бессознательным.

Я в отношении к своей жизни: сознание жизни как процесса собственного духовного роста, идущего по определенным этапам; способность посредством текста охватить мыслью свою жизнь, осуществить биографический синтез; любовное отношение к своей жизни как несущей творчество и уникальные свершения; различие и тонкое соотнесение динамики своей внутренней и внешней жизни; понимание жизни как последовательности встреч со значимыми, влияющими, любимыми людьми; оценка своего жизненного пути как противоречивого, кризисного, сопровождающегося душевными подъемами и падениями; различие и придание высокого значения некоторым событиям жизни как «отмечающим судьбу»; высокая ценность встречи с определенным человеком, кардинально повлиявшим на смысл и течение жизни; осознание решающей роли какого-либо произведения, текста как определившего жизненный и творческий выбор; интуитивное понимание скрытой связи своей жизни с ушедшими и протекающими жизнями других выдающихся

личностей; благодарность близким людям, на определенных этапах жизни, высоко оценившим его дарования и труды; высокая ценность своего сверхчувственного восприятия и удачных предсказаний событий; поиск причин многих явлений своей жизни в сферах, независимых от воли личности; отношение к жизни как к игре высших сил, в которых личность обладает лишь относительной свободой; любовь к своей юности и молодости как к периодам, определившим весь творческий и жизненный путь

Я в отношении к себе: высокая ценность состояния «быть наедине с собой»; рано проявившаяся склонность к самонаблюдению, самоанализу, самоисследованию; опыт «собирания себя» в исповеди, жизнеописании, автобиографии; различение и структурирование психологических свойств своей личности, своего Я, своей жизни; оценка самопознания как важнейшей сферы своего творчества; направленность самопознания на творческий потенциал бессознательной жизни; перенос философских, художественных, психологических идей, образов и символов «человека» в план самопознания; раскрытие и разрешение противоречий своего Я, своей сознательной и деятельной жизни; раннее внимание к своим способностям и достижениям, отличающим его от других людей; осознание жизни как пути к истокам своего Я; тщательное слежение мыслью за своей текущей жизнью, вспоминание жизни, интуитивное проникновение в свое будущее; интерес к времени, как реальному феномену, философской проблеме и субъективному измерению своего бытия; увлеченность и любовь к действительному миру, наряду с осознанием своего влечения к миру иному; оценка противоречия между душевной свободой и «бременем тела» как неразрешимого; оценка своих любовных страстей как препятствующих сосредоточению на подлинном жизненном назначении; поиск единства и гармонии собственной жизни через осознание ее ритмов, циклов, занятий, смыслов и достижений; идея личного противодействия миру как «погрязшему во зле»; осознание себя как человека «избранного»,

для которого дороже всего собственная уникальность; рискованные мысленные эксперименты с разложением и новым синтезом собственного «Я»; осознанные идентификации с другими людьми, выбранными в качестве образцов и ориентиров личностного и духовного роста.

Заканчивая освещение философско-психологических идей С. Л. Рубинштейна о жизненных отношениях, отметим, что ведущей ценностью научного познания он считал **завершенность** теории, предполагающей возможность выбора на ее основе множества точек отсчета для построения все новых и новых концепций исследуемого объекта. Такой завершенностью, несомненно, обладает его онто-психология личности, открывающая плодотворную перспективу современным исследователям. В ней заключен мощнейший потенциал интерпретаций, моделирования и практических инноваций, который ставит ее в ряд лучших психологических учений XX века.

Литература

1. Абульханова – Славская К.А. Диалектика человеческой жизни. М.: Наука. 1979.
2. Абульханова – Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль.1991.
3. Абульханова – Славская К.А. Брушлинский А.В. Философско – психологическая концепция С. Л. Рубинштейна. М.: Наука. 1989.
4. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. // Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики, психологии. М.: Наука. 1997. С. 3 – 208.
5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. В 2-х томах. Т.2 М.: Педагогика. 1989.
6. Рубинштейн СЛ. Принципы и пути развития психологии. // Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики, психологии. М.: Наука. 1997. С. 213 – 424..
7. Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности. // Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики, психологии. М.: Наука. 1997. С. 433 - 439.

8. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Просвещение. 1973.
9. Старовойтенко Е.Б. Введение в гуманитарную психологию. Киев, 1996.
10. Старовойтенко Е.Б. Культурная психология личности. М.: Академический проект. 2007.
11. Старовойтенко Е.Б. Отношения личности: Философско-психологические и рефлексивные модели. // Мир психологии. 2006. №4. С. 26 – 37.
12. Старовойтенко Е.Б. Психология личности в парадигме жизненных отношений. М.: Академический проект. 2004.
13. Старовойтенко Е.Б. Современная психология. Формы интеллектуальной жизни. М.: Академический проект. 2001.
14. Старовойтенко О.О. Личностные предпосылки культурного влияния на «другого». // Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. психол. наук. Киев. 2004.

КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТИПИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ

Статья Старовойтенко Е.Б. Культурные предпосылки типизации отношений личности // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2011. Т. 68. № 4. С. 119-133.

Перспективным направлением исследований личности является ее изучение в измерении «отношений к жизни», с позиций культурно-типологического подхода, ориентированного на раскрытие индивидуальности.

Прием различения человеческих типов с древних времен используется в мифах, художественной литературе, естествознании и гуманитарных науках. Он обладает значительным **культурным потенциалом**, который далеко не полно реализуется в современной психологии личности. Раскрытие богатейшего культурного контекста метода типизации личности, ее свойств, форм жизни составляет, на наш взгляд, актуальную методологическую проблему психологической науки. Один из подходов к ее изучению освещен в данной статье.

Типологический подход может применяться в творческих интерпретациях, эмпирических исследованиях, теоретических обобщениях и категоризации личности, при определении критериев ее идентичности, а также в ее индивидуальном самопознании и осмыслении интуитивных прозрений. Для каждой области использования данного подхода существуют конкретные **культурные предпосылки**, выявление которых может способствовать развитию метода типизации личности на новом уровне.

Мы остановимся на обосновании культурных предпосылок поиска и определения типов в **теоретической** психологии личности (7). К ним можно отнести, во-первых, особенности европейской

культуры мышления, во-вторых, культурные условия исторического появления личностных типов как реальности, в-третьих, традицию привлечения культурного опыта при построении авторских типологий личности, в-четвертых, культурную обусловленность и направленность свойств, отношений личности, образующих типы.

Предлагается **модель культурно-психологической типизации отношений личности**, разработанная с учетом отмеченных предпосылок, на основе обращения к известным типологическим конструктам, в первую очередь, типологии К.Г. Юнга.

1. Типизация личности как интеллектуальная процедура

Объединение личностей в «типы» по строго выдержанным критериям, сопряженное с типологической идентификацией конкретной личности, выступает частной формой общего способа рационального упорядочивания явлений мира, сложившегося в культурах Европы. Выстраивая таксономии, создавая объектные категории, разрабатывая научные классификации, **европейское мышление** именно в отношении «типологий» достигло гибкости и многомерности, релевантных научному познанию человека. Обосновывая ценность метода типизации для психологии личности, следует в первую очередь рассмотреть его в качестве интеллектуальной процедуры, присущей определенному **культурному стилю мышления**.

К достаточно редким опытам подобного рассмотрения относятся исследования К.Г. Юнга и К. Ясперса (14;15). В их фундаментальных трудах есть и содержательные определения «типа» личности, и строго эксплицированные приемы типизации. Приведем их краткое обобщение.

К. Ясперс предложил принцип типологического изучения «**личностных свойств**», принятых за интегральное понятие, под

которое можно подвести даже такое разнообразие психических явлений (функций, качеств, уровней активности, отношений и направленностей), которое вошло в знаменитую типологию К.Г. Юнга. «Принимая одно или несколько свойств за основу для обобщения, относящегося к человеку в целом, и отмечая доступные пониманию связи между этим фундаментальным набором свойств и тем, что человек переживает и делает, мы тем самым развиваем типологию личности» (15; с. 526).

Процедура типизации как научного метода заключается в применении «идеи типа» к определенному множеству событий, в данном случае, множеству **индивидуальных личностей**. В основных чертах исследовательский путь к типу означает:

- 1) дифференцированный взгляд на определенную общность как состоящую из отдельных, автономных личностей;
- 2) выявление существенных психологических признаков сходства и отличия между личностями, которые разбивают их на разные категории;
- 3) различение среди этих признаков противоположностей, делящих личностей на «оппозиционные» группы;
- 4) нахождение разнообразных бинарных признаков и соединение их в сложные типологические конфигурации – «основания типизации», задающие кардинальные различия полипараметральных типов внутри типологии;
- 5) индивидуализация или усмотрение признаков определенного психологического типа в отдельной личности;
- 6) присвоение психологическому «типу» статусов теоретического объединителя людей и реального атрибута конкретного человека.

Полноценный «тип» личности строится в виде **гештальта свойств**, организованных в строгом, теоретически обоснованном

порядке. Этой чертой научно-типологический способ «маркировки» личностей отличается от литературных типологий, а также от поныне распространенной символической категоризации людей. Типизация по своим возможностям превосходит также метод психологической классификации, работающий с родовыми признаками, которые не позволяют выделить личность из общности, а также берутся иногда произвольно, без учета их взаимосвязей друг с другом.

При реализации типологической процедуры взаимодействуют культурно отточенные индуктивные и дедуктивные мыслительные операции, операции анализа и синтеза, операции дуального и континуального мышления, дискурсивные ходы мысли и эффекты инсайта, результаты движения от интуитивных догадок и абстрактных конструкторов к эмпирической реальности и от эмпирических фактов и наблюдений к теоретическим обобщениям.

Поиск типов личности связан с рассмотрением психики в ее **сознательной форме**. Типы конституируются в виде устойчивых аспектов психической активности и жизненной практики, освещенных сознанием и самосознанием. Типолог оперирует четко различенными свойствами сознательной личности, в том числе, парами противоположностей. С сознательностью типизируемых свойств обычно связывается их функциональная сила, доминирование в психической жизни, энергетическая заряженность, а также подавление нежелательных бессознательных тенденций личности или, наоборот, усиление ценных несознаваемых содержаний. Сознательность типов делает их хорошо доступными для направленного научного наблюдения, оценки и объективации исследовательских данных.

Там же, где психическая жизнь протекает под порогом сознания, где она во многом является общей и однородной, рациональный типологический метод уступает место интуитивным толкованиям слабо дифференцированных, бессознательных образований: «архетипов», «группировок», «комплексов», «защит». Это как будто исключает соединение в «типе» аспектов сознательной и бессознательной психики. И все же, согласно К.Г. Юнгу, подлинную целостность типологический конструкт приобретает при введении в его структуру гипотетических **бессознательных противовесов** сознательным свойствам личности или ее «теневого стороны».

Признание единства сознательных и бессознательных составляющих типа свидетельствует о влиянии на типологический подход холистической теории, видящей в личности «множественное и неделимое целое» качеств, установок, отношений, моментов жизненного пути и определяющей тип как проявление этого «целого». «Личность» и «тип» соотносятся как глобальная целостность и ее существенный частный вариант.

К. Г. Юнг исследует личность как единство свойств, каждое из которых с жизненной необходимостью и индивидуальным своеобразием дополняет другие. Свойство «ощущать» позволяет установить, что нечто «существует». Свойство «мыслить» – что это нечто «означает». Свойство «чувствовать» – какова «ценность» этого. Свойство «интуиции» служит установлению, «откуда нечто появилось и куда оно следует» (13). Этот гештальт свойств приобретает типологические формы развития при условии доминирования у личности того или иного свойства при менее выраженной активности всех других.

С учетом сложности интеллектуальной процедуры поиска типов, ее направленности на сознательные и бессознательные свойства

личности и ее происхождения из холистического видения личности, можно определить следующий возможный **порядок типизации личности.**

Он предполагает решение трех задач. Во-первых, построение обобщенной структуры психологических свойств, характерных для всех индивидов определенной общности или группы, и их объединение в типы; во-вторых, разработку типологии личностей, охватывающей данную совокупность людей и указывающей на повторяющиеся варианты развития общей психологической структуры; в-третьих, выявление типологической принадлежности и индивидуально-типологической структуры конкретной личности.

1. Определение общей структуры типов ориентировано на поиск базовых, сознательных свойств, присущих некоторому множеству личностей и имеющих диапазон изменчивости от одного своего ярко выраженного качества, уровня развития или степени активности до их противоположностей. Крайние сознательные свойства с противоположными характеристиками, или **свойства-доминанты**, принимаются за исходные типологические признаки. Если обнаруживаются несколько доминантных типологических свойств, то раскрываются и учитываются **связи** между ними, создающие устойчивые контуры и динамику типов-оппозиций, называемых еще «основными» или «первичными».

Юнгианский типологический конструкт, как известно, структурно объединяет по-разному выраженные ощущения, интуицию, чувства и мышление, экстраверсию и интроверсию, сознательную и бессознательную направленность психической активности. Различия соотношений этих общих свойств личности позволили Юнгу раскрыть и описать восемь первичных типов: экстравертный мыслительный и интровертный мыслительный,

экстравертный чувствующий и интровертный чувствующий, экстравертный ощущающий и интровертный ощущающий, экстравертный интуитивный и интровертный интуитивный (14).

Первичный тип личности может отличаться заметной односторонностью, иногда крайностью или «чистотой», а также наличием в его внутреннем составе противоположных, «запущенных» свойств. Они образуют бессознательный либо частично осознаваемый «вторичный» тип, подчиненный первичному типу и существующий как «контрличность». Первичный тип может обладать отношениями равновесия, вытеснения, компенсации, гиперкомпенсации, комплементарности и противоречия с вторичным. По мнению К. Г. Юнга, разлад основных и запущенных свойств личности указывает на недостижимость для нее разнообразных психических богатств, препятствует ее взаимопониманию с носителями других типов. Психологическая ценность первичного типа состоит в возможности сознательного развития личностью оппозиционных свойств ради совершенствования доминирующих.

2. **Построение типологии** предполагает нахождение объединительных типов, наиболее часто встречающихся в общности или группе, либо типов, концентрирующих «чрезвычайные» свойства, присущие личностям, обладающим особой социальной, культурной, исторической значимостью. В нежестких, прозрачных контурах любой хорошей типологии, прежде всего, выделяются упомянутые **чистые типы**. Их дополняют **средние типы**, характеризующиеся выраженными свойствами-доминантами и основанные на относительном равновесии противоположных типологических признаков. Кроме того, существуют **переходные типы**, внутри которых совершается постепенная смена доминант,

связанная, как правило, с конфликтным состоянием типологической структуры или процессами компенсации. Типология подразумевает и наличие **гармоничных типов**, в составе которых равно хорошо развиты все типологические признаки, не составляющие оппозиции друг другу и описывающие контуры многосторонней уравновешенной личности. В своих описаниях восьми первичных типов Юнг придерживается **принципа континуальности**, то есть показывает, как в динамике жизни каждый чистый тип может приобрести черты среднего, переходного или гармоничного типов.

В юнгианской трактовке, типология представляет собой «сетку», «кристалл», позволяющую упорядочить богатство индивидуальных свойств личности, сформированных посредством социума и культуры. Кроме того, она выступает инструментом понимания индивидуальных личностей, когда за точку отсчета принимается некоторое разнообразное личностное множество.

3. Типологическая идентификация конкретной личности состоит в отнесении личности к тому или иному типу в границах определенной типологии. При этом устанавливается, во-первых, какие типологические свойства приобрели у личности преимущественное развитие. Во-вторых, какой тип (чистый, средний, переходный) воплощен в данной личности. В-третьих, какой тип выступает у личности вторичным по отношению к ярко выраженному первичному. В-четвертых, в каком отношении находится вторичный тип по отношению к первичному типу: компенсации, подчинения, подавления, поддержки и т.д. В-пятых, выражены ли у личности противоположные психологические типы. В-шестых, может ли доминирующий тип личности стать уравновешенным в результате ее собственных усилий, В-седьмых,

является ли данная личность «чрезвычайным человеком», в смысле причастности к гармоничному типу.

Свои наилучшие перспективы метод типизации демонстрирует именно в отношении к конкретной личности, что отвечает индивидуализированной сущности европейской культуры. При этом, «чтобы исчерпать все возможности описания того или иного случая, имеет смысл оценивать его в терминах множества типов из различных типологий» (15; с. 677).

2. Культурное порождение личностных типов

Явления культуры выступают продуктивными событиями индивидуальной и коллективной жизни, приобретающими значение «ценностей» для определенного социума. Культурное творчество и рефлексия культуры с высокими ценностными установками являются характерной чертой европейской жизни.

В ее динамике личность порождает культурные феномены в форме духовных и материальных структур, высоко оцениваемых многими с точки зрения усовершенствования совместного и индивидуального бытия в сферах религии, этики, искусства, науки, труда и общения. Личность в качестве «человека культуры», «субъекта культуры», «автора культуры» способна занять ценностную позицию по отношению к самым разнообразным явлениям жизни других и собственной жизни и таким образом придать им культурный смысл и значение. Индивидуально воссоздаваемые и создаваемые культурные ценности транслируются другим, формируя поле взаимных влияний, оживляющих опыт прошлого и подающих импульсы к новому культуротворчеству. Личность и культура образуют единую систему, где воспроизводятся, обновляются и передаются общезначимые нормы добывания знания, развития идей, поклонения красоте, этики,

развития языка, достижения мастерства, самопознания и самовыражения.

Идейное, теоретическое достояние занимает одно из главных мест в культурном наследии европейской жизни. Особенно ценными являются **идеи**, смысловая структура которых обладает способностью «скрывать в себе потенциальную бесконечность» (2) и определяет канонический пласт и перспективные цели многих наук, в том числе, наук о человеке. Одной из них является «**идея типов**», получившая развитие во множественных типологических учениях, теориях, моделях.

К.Г. Юнг обосновывает **культурный генез** «личностных типов» не только как идеи и продукта интеллектуального поиска, но и как **реальности**, связывая его с историческим разделением сознательных психических функций в коллективном и индивидуальном бытии человека. Благодаря этому разделению, стало возможным относительно автономное развитие образного, мыслительного, эмоционального и интуитивного способов общественной жизни и соответственно, разных операциональных средств совместного производства культурных продуктов, значений и смыслов.

Мир европейской культуры сильно дифференцирован и сложно образован творениями мысли, воображения, переживания, провидения и практики, завоевавшими признание конкретных общностей. В структуре современного социума умножение способов и результатов культурной деятельности обуславливает рост числа личностных типов, которые становятся все более специализированными и потому затрудняющимися во взаимодействии, склонными к разладу и конфликтам по поводу стиля жизни и ведущих ценностей. Отдельные типы стремятся к

дальнейшей специализации, дифференцируясь на все большее количества подтипов. К примеру, разновидностями мыслительного типа становятся мыслитель интуитивный и мыслитель рефлексивный, мыслитель логического и мыслитель визуального склада, мыслитель-теоретик и мыслитель-эмпирик, мыслитель-романтик и мыслитель-прагматик.

Вследствие разрастания количества типов, общность приобретает мощную культурную подпитку и одновременно культурную релятивность. Так, «экстравертные мыслители» активно создают интеллектуальные ценности в области естественных наук, предпринимательства, политики, изобретательства. «Экстравертные интуитивы» искусно оперируют иррациональными моделями в сфере финансов, гуманитарных науках, продюсерской деятельности. «Интровертные мыслители» развивают ценные идеи в философии, искусстве и литературе. «Интровертные интуитивы» реализуют себя в религиозной сфере, символической поэзии, метафизике. Влияние и одновременно зависимость культурной динамики социума от личностного начала, проявляющегося по типологическому «закону», придают ей мало прогнозируемый контур сменяющихся доминант в процессах создания ценностей.

Разнородные элементы культуры, соответствующие типическим особенностям их создателей, сообщают культурному облику Европы трудно преодолимую дуальность. В нем причудливо сочетаются рационализм и иррациональность, сциентизм и религиозность, гуманизм и технократизм, романтизм и практицизм, власть сознания и игра бессознательного.

Личностное разделение и типологическая организация психических и практических свойств осуществлялись в единстве с дифференциацией областей культуры. Для личностей это имело

двойные последствия. С одной стороны, они приобрели потенциальную способность разными психическими средствами включаться в культуру, превращая эти средства в изоциренные, совершенные. С другой стороны, полноценная жизненная реализация **всех** возможных средств оказалась для большинства личностей недоступной. Например, индивиды с доминантой образного строя психики могут развиваться в тонких эстетов или достичь высоких результатов в изобразительном искусстве, но при этом отстают в эффективности их другие культурные функции, например, логическое и рефлексивное мышление. Психологическая «односторонность» или «типичность» существенно определилась как признак причастности личностей к одним областям культуры и большей или меньшей отстраненности от других.

Культурно обусловленное типическое проступает в личности даже тогда, когда у нее развиты и согласованы все основные психические свойства. Эта особенность хорошо выражена у **выдающихся творцов культуры**, проявляющих свой тип не столько в явной приверженности к тем или иным видам деятельности и творчества, сколько на глубинном уровне смыслообразования и стилевых характеристик трудов и произведений, а также на уровне влияния последних на культурное сообщество.

В масштабе жизни отдельного человека типические ограничения его связей с культурой могут преодолеваются удачными развивающими или компенсаторными практиками. В масштабе социума существование личностных типов с яркими психологическими доминантами означает, с одной стороны, богатство культурно-ценностных линий коллективной жизни, а с другой, их далекое расхождение, вновь и вновь актуализирующее

идеалы «синтетических форм Культуры» и «всесторонней личности».

3. Культурный опыт в построении типологий личности

Психологическое построение типологий личности оказывается в ранге выдающихся научных достижений, когда автор обращается к культурной истории знаний о типах, исследует типологические различия творцов культуры, являющихся, как правило, носителями критически выраженных свойств, соотносит сущность каждого типа с продуктивностью его носителей в определенных сферах культуры. К таким достижениям, несомненно, относится учение о психологических типах К.Г. Юнга.

При его создании он использовал широчайший спектр культурных источников: тексты мифов и сказок, эзотерические учения, поэтические произведения, философские труды, тексты литературной прозы, знаменитые исповеди и жизнеописания, исследования своих предшественников и современников, посвященные поиску типологий. Познание «типов», согласно Юнгу, отмечен открытиями Абельяра и Шиллера, Гете и Джордана, Шпиттелера и Джемса и т.д. (14). При разработке основания типизации, им была учтена историко-культурная специализация психических функций и деятельности человека, а также характерные культурные вклады представителей различных типов (религиозные откровения, идеи, тексты, образы искусства, мастерски созданные вещи).

Многокомпонентное, структурное **основание типологии**, найденное К.Г. Юнгом, стало результатом тщательного изучения способов систематизации знаний о человеке, сложившихся в европейском *ratio*. Оно является блестящей научной идеей, вкладом в методологию психологической типизации личности, творческим

открытием, вошедшим в историю типологического метода и в культуру психологического мышления. Принципы выведения «основания», которым следовал Юнг, можно представить следующим образом.

Основания типологии выводятся из той или иной **структурной модели личности**. Базовые компоненты найденной структуры становится для типолога обобщенной матрицей типов. Тип формируется из личностных признаков, между которыми установлены жизненно очевидные, эмпирически подтвержденные, статистически и теоретически обоснованные зависимости. Различие путей установления зависимостей при создании типологий является вполне естественным, вследствие избирательной доступности компонентов личностного целого для разных методов изучения: наблюдения, понимания, интерпретации, измерения, теоретического конструирования. При использовании указанных методов нахождение строгих корреляций между компонентами личностной структуры не является главным. Следуя идее структурной организации личности, исследователь не может игнорировать противоположную идейную установку, согласно которой «личностное», значит «незавершенное» и заключающее в себе неустановившиеся, неопределенные, иррациональные связи. Даже в утонченно вычисленных и выстроенных структурах слишком многие аспекты личности остаются в непредсказуемом, подвижном подтексте установленных структурных инвариант.

В своих основаниях тип может обобщать **качественные** определения личности: какой она является? Может выражать этапы **личностного роста**; на каком уровне жизненного развития находится личность? Может указывать на **ведущий способ ее существования**: глубинной, чувственной, духовной, рефлексивной

или деятельной жизнью она живет и что у нее преобладает? Может свидетельствовать о **момента онтогенеза**: в какой возрастной фазе она находится?

Критерии качества - уровня - способа - фазы одинаково важны для целостной типизации личности. У Юнга основание типизации включает ряд свойств, соответствующих большинству этих критериев и являющихся или ведущими, или подчиненными. Те и другие взаимодействуют в стройном ансамбле, включающем:

- свойство испытывать различные влечения, инициирующие жизненную активность;
- свойство обладать установкой на сознательную – бессознательную психическую жизнь;
- свойство осуществлять психическую активность в преобладающих функциональных формах ощущений или интуиции, мысли или чувства;
- осознанность психических форм в диапазоне дифференцированность – недифференцированность;
- расположение к рациональной (аполлонической) и иррациональной (дионисийской) психической активности;
- свойство интровертного – экстравертного направления психической активности;
- свойство локализации жизненных достижений в сферах рефлексивной – духовной – практической деятельности;
- свойство развития и регресса форм психической активности;
- свойство обладать мужским и женским началами личности;
- свойство соответствия или рассогласования проявлений индивидуальных качеств с культурными коллективными ценностями.

На примере данного типологического конструкта видно, как можно искусно использовать принцип **встроенности** в многомерные личностные типы типов с небольшим числом оппозиционных оснований. Например, синтетическое юнгианское построение предполагает существование типа с рациональной или иррациональной доминантой в функциональной структуре психики; типа с субъективной или объективной модальностью психической жизни и т. д.

Юнгом была поставлена проблема определения **динамических оснований типизации** личности и включения в структуру «основания» параметра «конфликтности» типов. К сожалению, предложенное им решение данной проблемы до сих пор недостаточно оценено психологами, ведущими типологические исследования. Поэтому так важны любые попытки экспликации положений о тех личностных процессах, которые выступают у Юнга причинами конструктивных и деструктивных изменений типов.

Анализ показывает, что внутренняя подвижность каждого юнгианского типа обусловлена, во-первых, взаимодействием оппозиционных свойств, составляющих первичный и вторичный типы. Во-вторых, взаимодействием свойств-доминант, относящихся к разным порядкам структуры типа, например, несоответствием ведущей интровертной установки доминирующего мышления его новым задачам во внешнем мире, требующим развития экстраверсии. В-третьих, изменениями жизненных условий или личностного целого, требующими перестройки основного типа в направлении усиления оппозиционных свойств.

К наиболее раскрытым условиям внутренней динамики типов в «основании» Юнга принадлежат соотношения свойств первичного и вторичного типов. Это сознание – глубинные процессы,

экстраверсия – интроверсия, абстрагирование – вживание, мышление – переживание, ощущения – интуиция, субъективность – объективность, устойчивость – изменчивость, индивидуальность – коллективность, мужественность – женственность.

Противоречия, конфликты оппозиционных свойств имеют различные формы разрешения, определяющие перестройки типов. Эти формы можно считать имплицитно включенными в основание типологии Юнга. К ним относятся усиление, уравнивание, усовершенствование, обновление, регресс, исключение, отщепление и симуляция в соотношениях оппозиций (7).

4. Модель типизации отношений личности

Можно предположить, что структура оснований психологических типов К.Г. Юнга как типологический интеграл, вобравший культурный опыт, включает надежный потенциал переноса на **новые типологические построения**. Речь может идти, например, о разработке модели типизации отношений личности (7).

В данном случае корректность переноса обоснована замечаниями Юнга о том, что сознательные психические свойства реализуются в «отношениях» к внешним или внутренним объектам и событиям, а личность находится в этих отношениях (12; 13;14).

- То, что находится по ту сторону влечений, является нашим отношением к ним или нашим «пониманием» их...
- Если у нас оказывается достаточно самосознания, чтобы мы мыслили то, что ощущаем, воображаем и переживаем, значит, появляется внутреннее отношение...
- Любое объективирование субъекта в объекте, независимо, в чувстве, мысли или символе, означает внутреннее отношение к объекту...

- Избирательное развитие индивидуальных психических функций связано с формированием отношений к ценным объектам...
- Через отношения осуществляются культурные функции психики: приспособление к культуре, изменение ее форм в соответствии с индивидуальностью, культурное творчество и саморазвитие...

Очевидно, что в этих тезисах личность освещается со стороны «жизни» как протекающей в форме отношений «Я» или «самости», стремящихся к предмету или субъекту, имеющих сенсорную – интуитивную – мыслительную – эмоциональную форму и качественно определяемых приоритетными ценностями личности, реализуемыми в культуре.

Разработка типологического конструкта «отношения личности» может быть направлена, во-первых, на создание новой концептуальной матрицы личностных типов, во-вторых, на выявление системы культурно-психологических координат подхода к типизации отношений личности, в-третьих, на разработку новой теоретически и эмпирически обоснованной типологии личности в измерении отношений. Здесь мы обратимся к первым двум проблемам, допуская, что тип отношений будет выражать **ценностные свойства взрослой личности, а также уровень ее развития, зрелость и масштаб позитивных культурных связей.**

Общее основание типизации могут составить отношения, реализующие жизненные связи личности с ценностями европейской культуры: с Абсолютом, обществом, «Я», «Другим», знанием, этикой, творчеством, искусством и профессиональной практикой. Внимание типолога может фокусироваться на сознательном участии личности в бытии, не оставляя за пределами анализа бессознательные, архетипические источники отношений.

Многопараметральное основание типизации отношений может обеспечить выход к тонкой индивидуальности личности. Благодаря обращению к юнгианским конструктам, типологические отношения могут приобрести детальное психологическое наполнение.

Как вариант, типологический подход к отношениям личности может осуществляться в такой последовательности.

1. Определяются дуальные формы **побуждений** личности, задающих силу ее стремления «жить!», активно «относиться». Здесь в сочетании с расширенными юнгианскими определениями *libido* может быть привлечена классификация экзистенциальных стремлений Э. Фромма (10; с. 299), близкая идее ценностно-культурной дифференциации отношений.

Различаются:

- стремление приобщиться к бытию других, к единению с ними, к обретению корней в противовес стремлению к изоляции и нарциссизму;
- стремление к знанию как системе рациональной ориентации против стремления к иррациональному способу бытия;
- стремление к любви-эросу, любви-дружбе, любви-братству в противоположность деструктивным отношениям к другим людям;
- стремление к созидательности, творению жизни в противовес стремлению к разрушению;
- стремление найти объекты переживания прекрасного, испытать трансцендентные состояния против стремления к идолопоклонству;
- стремление найти и бескорыстно любить гармоничный порядок вещей в противовес стремлению к обладанию и присвоению;

- стремление к самоутверждению и влиянию в противовес стремлению к подчинению;
- стремление к аутентичности и индивидуальности в противоположность стремлению к обезличиванию и конформизму;
- стремление к самореализации в противовес стремлению к защите.

Бессознательное самодвижение позитивных стремлений, а также их осознанное осуществление, ведут к душевному здоровью, к исполнению своего назначения, к духовному пробуждению и жизни в полном смысле слова.

2. Различаются **«ставшие» отношения**, которые образуют сущностное «ядро» личности и одновременно формируют процессуальную канву ее жизни. Акцентируется переход стремлений как глубинных истоков отношений в их Я-интегрированные, осознанные, дифференцированные, дихотомические формы. Личностные типы прогнозируются как закономерно включающие и связывающие отношения, находящиеся на разных уровнях осознанности, развития и имеющие разные, в том числе оппозиционные, качества. Исследуемыми обладателями отношений могут выступать личности, активно вовлеченные в ту или иную культурную сферу жизни: духовную деятельность, сложную социальную практику, творческую профессию и т.д.

В качестве типологических могут выступать:

- **социальное отношение** в диапазоне от принятия других людей, диалогичности во взаимодействия с ними, богатой идентичности и сотрудничества до отчуждения в социуме, избегания других, отвержения «коллективного»,

- **интеллектуальное отношение** в диапазоне от рациональности, логической организации знания, креативности, рефлексивности до иррациональности, ассоциативности, тяготения к символам;
- **этическое отношение** в диапазоне от жизни в любви, исповедания добра, согласия со своей совестью до эгоцентризма, себялюбия, конфликта с собой, дефицита любви;
- **эстетическое отношение** в диапазоне от высокой личной ценности воображения, образотворчества, игры, красоты предметных форм до нечувствительности к прекрасному или экстатического поклонения завораживающим объектам;
- **профессиональное отношение** в диапазоне от личной ценности труда, компетентности, авторских достижений, профессионализма и компетенции до обесценивания труда, карьеры профессионального пути;
- **рефлексивное отношение** в диапазоне от самоосмысления, самопознания, создания текста своей жизни, проекта саморазвития до спонтанности внутренней жизни, ее сильной внешней направленности и зависимости;
- **религиозное отношение** в диапазоне от веры, служения, понимания Учения, следования его заповедям и канонам, личного искания Бога до неверия, отрицания божественного начала или фанатизма и культа.

3. Различаются основные компоненты психологической **архитектоники** отношений, в целом отвечающие юнгианской структуре психических свойств. В каждом отношении выделяются: мотивационные составляющие, эмоциональные составляющие, сенсорно-образные составляющие, мыслительные составляющие,

интуитивные составляющие,
рефлексивные составляющие,
действенно-экспрессивные составляющие.

В процессах типизации раскрываются психические доминанты каждого отношения и их системы в целом. Например, при активном развитии профессионального, интеллектуального и этического отношений у личности может обнаружиться яркое преобладание их мыслительных, практических и рефлексивных компонентов, связываемых сознательной логикой позитивно-ценностных стремлений, ведущим из которых является стремление к саморазвитию в сферах профессии, познания и гуманитарной деятельности.

4. Строится система параметров, определяющих **качества** отношений и их архитектоники. Качественной дифференциации отношений и компонентов их структуры может служить одновременное применение следующих бинарных критериев:

зрелость – регресс;

позитивность – негативность;

активность – пассивность;

конструктивность – деструктивность;

устойчивость – релятивность;

реалистичность – нереалистичность;

эффективность – неэффективность;

обновление – стагнация;

разнообразие – одномерность;

сложность – упрощенность.

5. Конструируется **общее основание типизации** отношений личности в модусе «развития», «зрелости», «онтологического совершенства». Может быть предложена идеальная модель

развития нескольких определенных жизнеотношений, избирательно ожидаемых конкретной социокультурной средой от активно включенной личности, например, современным интеллектуальным сообществом от ученого и разработчика инноваций. Или может быть смоделирован «эталон» исторически доступного развития всей системы отношений в предельно благоприятных культурных, жизненных и внутриличностных условиях.

И та, и другая модели могут служить «высшими типами» в иерархических типологиях, включающих многие другие типичные варианты развития отношений и взаимосвязей между ними.

Предполагается, что:

- каждая из них как «оптимальный тип индивидуальности» может выступать априорной формой для типологической идентификации отдельных личностей;
- данные модели в виде «перспективных структур личности» могут приниматься за гипотетические ориентиры при типологическом обобщении результатов эмпирических исследований тех или иных множеств личностей;
- модели могут стать теми «образами индивидуальности», к которым стремится развивающая и коррекционная психологическая практика.

Кроме иерархической формы типологий, могут строиться типологии отношений с бинарным или континуальным строением.

6. При типизации личности в модусе «отношений» нужно учитывать **взаимодействия «первичного» и «вторичного» типов**. За поверхностью сознательно реализуемых типологических отношений могут обнаруживаться отношения с оппозиционными характеристиками и противоположным ценностным наполнением. Вторичный тип, или «тень» личности представляет собой

«проблему, бросающую вызов личностному эго, ибо ни один человек не в состоянии осознать свою тень, не приложив серьезных усилий. Ее осознание предполагает признание реального присутствия скрытых аспектов личности. Акт подобного признания – существеннейшее условие самопознания любого рода; как правило, для совершения его нужно преодолеть немалое сопротивление» (11; с. 19).

Так, за сознательными, вербально отточенными, позитивными и контролируемыми проявлениями профессионального отношения яркого политика могут неявно присутствовать иррациональные, негативные, аффективные побуждения, смыслы, способы поведения. Внезапный прорыв бессознательных тенденций вторичного типа в сознательную деятельность (оговорка, двусмысленность, шутка, язвительная тирада и т. д.) может приобрести шокирующий характер.

Феномены вторичного типа спонтанно выражаются как антагонисты отдельно взятого типологического отношения (например, проявления безвкусицы у эстета), или всей системы доминирующих отношений (инфантильная узость кризисного поведения у разносторонней личности), или некоторых психологических составляющих первичных отношений (взрывная аффективность логика), или определенных качеств отношений-доминант (деструктивность творческой личности).

7. Применительно к типологическим моделям отношений важно учесть «закон» **динамики** типов, предполагающий возникновение конфликтов между различными доминирующими отношениями, между доминирующими и подчиненными отношениями, между дуальными компонентами архитектоники отношений и между

бинарными качествами отношений. Формы **разрешения коллизий** отношений можно типизировать как происходящие:

- при ведущем влиянии объективных обстоятельств;
- под влиянием усилий самой личности, сознательно изменяющей условия своей жизни;
- под влиянием личностной рефлексии, преобразующей «Я» как внутреннее условие отношений;
- под влиянием бессознательного мира личности.

Эффекты выхода личности из противоречий отношений могут быть типологически определены по аналогии с эффектами разрешения конфликтов по Юнгу: усиления, уравнивания, исключения и т.д.

8. Система типологических отношений может быть рассмотрена как **интеграл жизни личности**, соединяющий ее сознательные психические процессы, ценности, деятельности, поступки и достижения. При этом, целостность осознанной жизни, протекающей в отношениях, поддерживается синтезирующим действием «глубинных праформ» отношений.

Высший, зрелый тип отношений указывает на многосторонние возможности личности, которые можно рассматривать двояко: в качестве культурного канона «персонализма» и в качестве ее внутреннего потенциала, глубинного «начала» индивидуальной жизни, в котором «все есть и все еще в будущем».

Взгляд на тип личности как взаимосвязь многих отношений в их априорных и реальных жизненных формах хорошо согласуется с юнгианской «идеей самости». Как известно, она раскрывает личность в значении архетипа целостности и в значении достигнутого в индивидуации синтеза способов сознательной и бессознательной жизни. Зрелая самость указывает на личность с

точки зрения бинарности ее потенциала, который целостно осуществляется в координатах уникальности – универсальности и единовременности – непрерывности. «Будучи апофеозом индивидуальности, самость имеет атрибуты единственности и единовременности. Но поскольку психологическая самость представляет собой трансцендентальное понятие, охватывающее совокупное содержимое и сознания, и бессознательного, оно поддается описанию только в терминах антиномий» (5; с. 72).

«Самость» закономерно ведет к понятию «типа», Это связано с тем, что, исходя из всеобщего бессознательного, она направляет свою первичную энергию на уникальное осознанное освоение различных способов коллективной жизни, характерных для определенной культуры и социума. Соответственно, координаты развития самости могут быть дополнены бинарными оппозициями индивидуальность – типичность, где последняя означает зависимость личности от взаимодействий с другими людьми.

На бессознательном уровне индивидуальная самость обладает свойствами универсальности и вневременного пребывания. В ней заключены глубинные предпосылки выделенных выше отношений, представленные архетипами Логоса – Отца – Эроса – Искусства – Героя – Старца – Бога. На уровне сознательной жизни самость и ее отношения приобретают свойства уникальности, личного времени и типичности в соотнесении с конкретно-исторической «человечностью».

Зрелый психологический тип отношений формируется как интеграл индивидуальности с некоторыми ярко выделившимися ценностными темами жизни. Это можно увидеть на примерах выдающихся творцов культуры. Основываясь на принципе жизненной достоверности и соблюдая принцип «плодотворной

триады», можно ожидать, что среди них выделятся носители следующих инвариант типологических отношений:

искусный интеллект – социальная успешность – рефлексивность;

профессионализм – рефлексивность – этическая доминанта;

социальное влияние – интеллект – профессионализм;

искусство – религиозность – этический поиск;

религиозность – рефлексивность – активная этика;

социальное служение – искусство – утонченный интеллект.

Подводя итоги рассмотрения типологического подхода к личности в контексте культуры, подчеркнем неразрывную связь **идей типизации и индивидуализации личности**. Они, несмотря на свою видимую оппозиционность, не стали в культуре идеями – антагонистами. Наоборот, в пространстве их пересекающихся содержаний рождается множество творческих смыслов, которые касаются развития принципа индивидуальности при типологическом подходе и применения принципа типизации личности при изучении индивидуальности.

Поместить психологию личностных типов в **фокус культуры**, значит, увидеть в личности «место» осуществления культурных событий, носителя культурных содержаний, инициатора культурных новаций и культурное достояние. Это значит обосновать ценность идеи типов личности в научной культуре, а также наметить типологические координаты самопознания индивида, развивая культуру его отношения к себе.

Литература

1. Баткин Л. М. Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. М.: РГГУ. 2000.

2. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия. // Культурология. XX век. Антология. М.: Юрист. 1995 С. 297 – 330.
3. Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Республика. 1999.
4. Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания. М.: Рефл.-бук. 1998.
5. Рено А. Эра индивида. К истории субъективности. СПб.: «Владимир Даль». 2002.
6. Самосознание европейской культуры. Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М.: Наука. 1991.
7. Старовойтенко Е. Б. Культурная психология личности. М.: Академический проект. 2007.
8. Тарнас Р. История западного мышления. М.: КРОН – ПРЕСС. 1995.
9. Уайт Л. Избранное: Науки о культуре. М.: Российская политическая энциклопедия. 2001.
10. Фромм Э. Здоровое общество. // Психоанализ и культура. М.: Юрист. 1995. С. 273 – 596.
11. Юнг К.Г. АИОН. М.: Рефл.-бук.. 1997.
12. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс. 1991.
13. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс. 1993.
14. Юнг К.Г. Психологические типы. СПб.: Ювента, М.: Прогресс. 1995.
15. Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика. 1997.

РОЛЬ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ЖИЗНИ ЛИЧНОСТИ*

Статья Старовойтенко Е. Б., Исаева А. Н. Роль противоречий в жизни личности // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2010. № 2. С. 230-241.

Одним из ведущих направлений современной персонологии является изучение личности в ее индивидуальном бытии: исследование жизненных свойств, жизненных отношений, психических функций, процессов мотивации, переживаний, познания, идеализации, объективации и т.д. Они рассматриваются как принадлежащие индивидуальной личности-субъекту, находящейся в непрерывном осуществлении и определении своей жизни в природном, социальном, духовном, глубинном, культурно-историческом планах. Неотъемлемой особенностью личности, «взятой внутри бытия» (С.Л. Рубинштейн), определяются ее **жизненные противоречия**. Человек не просто проживает свою жизнь, заброшен в жизненный процесс, а активно познает и осваивает мир, выделяя себя из него и связывая себя с ним, «овнутряя» и преобразуя его в своих объективациях. Он непрерывно соотносит и разрешает противоречия между внутренними и внешними условиями своей жизни, своим индивидуальным потенциалом, способностями и социальными ожиданиями, своими замыслами и жизненными обстоятельствами. Он стоит перед необходимостью давать оценки своим поступкам и поступкам других людей, исходя из своих нравственных установок, совершать выборы, принимать решения, действовать и нести ответственность за непредвиденные результаты своей активности, самостоятельно определять соотношение добра и зла в своей жизни. Категория

*1 и 2 разделы статьи – Индивидуальный исследовательский проект № 09 – 01 – 0008 выполнен при поддержке Научного Фонда ГУ – ВШЭ

«противоречие» раскрывает сложные формы связей личности с жизнью, способы осуществления индивидуальной жизни, высвечивает доминирующие жизненные ценности индивидуальной личности.

Знание о противоречиях, сосредоточенное в различных западных теориях личности, касается, главным образом, их негативной жизненной роли или обращено к их результирующей: конструктивному либо деструктивному исходу. Развиваются идеи, что противоречия выступают основанием невротических расстройств личности (З.Фрейд, О. Фенихель, К. Хорни). Феномен неразрешимого противоречия свидетельствует о неполноте проживания личностью собственной жизни (К. Роджерс, В. Франкл, А. Лэнгле). Такие оппозиции, как сознание и бессознательное, свобода и безопасность, индивидуальность и социальность, образуют противоречивый контекст индивидуальной жизни, наполняющий ее страданием и вечным выбором (Э. Фромм). Жизненные противоречия входят в структуру личности и обеспечивают основную динамику ее психической жизни. В этой динамике противостоят развитие и разрушение; одна форма психического подавляет другую; слабо дифференцированная форма компенсирует сознательную; бессознательная форма набирает силу и мощно прорывается в сознание. Множественные оппозиции иногда активизируются и парадоксально образуют единую «взрывную» целостность в критической ситуации жизни личности (К.Г. Юнг).

В отечественной персонологии противоречия рассматриваются как неизбежное следствие активности личности и источник этой активности. Одним из важнейших критериев зрелости личности определяется ее способность порождать противоречия на своем

жизненном пути, длить их, заострять, выдерживать, познавать и разрешать. Отношение личности к своим противоречиям существенно определяет обобщенный способ ее жизни (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова, Е.Б. Старовойтенко). Полагаем, что персонологическое знание о роли противоречий в индивидуальной жизни нуждается в дополнении и углублении. В настоящей работе данная задача решается через исследование противоречий в динамике жизненных отношений, мыслительной жизни, самопознания и жизненных событий личности.

1. Противоречия в динамике жизненных отношений

Психологические определения отношений личности акцентируют такие их особенности, как реализация в контексте жизни, активность, предметная направленность, сознательность, Я-источник, сложность строения, ориентация на значимости, ценностный характер, единство внутреннего и внешнего планов, гибкость форм объективации. Отношения рассматриваются как устойчивое личностное свойство и как изменчивая образующая жизненного процесса. Например, В.Н. Мясищев видел в отношениях активную, сознательную, интегральную и избирательную связь личности с различными сторонами действительности, а также системообразующий элемент структуры личности.

С.Л. Рубинштейн определял жизнь личности как индивидуально протекающую в единстве отношений «Я» к предметному миру, к конкретным другим и к себе. Это познавательное отношение, ориентированное на материальные и идеальные предметы внешнего мира, социальные и духовные объекты, на конкретных других и на себя. Это этическое отношение, основанное на способности человека оценивать мир в категориях добра и зла, поступать в отношении другого человека в координатах моральных

императивов, различать комическое и трагическое в жизни, оценивать себя по критериям нравственности. Это эстетическое отношение, обращенное к красоте природы, другого человека, к искусству, художественному творчеству. Это деятельное отношение, состоящее в сознательном изменении мира своими поступками, в творческих вкладах в мир, в жизненных действиях, взрывающих актуальные жизненные ситуации. Это отношение личности к себе, соединяющее самопознание, самооценку и самодеятельность (8). В направленном построении личностью и в глубинной «алхимии» перечисленных отношений зарождаются, развиваются и разрешаются множественные противоречия жизни.

Отношения, образуя динамику жизни, несут в себе и развивающие, и деструктивные коллизии личности. Противоречия жизненных отношений возникают во внешней взаимосвязи личности с действительностью, в мотивационно – эмоционально – интеллектуально – рефлексивной архитектонике отношений, в личности как субъекте отношений и во взаимодействии между различными отношениями личности.

Личностные противоречия – негативные или продуктивные, неразрешенные или разрешаемые – метят собой **личные значимости** жизни. Вовлекаться в противоречие может то, что соотнесено с Я личности, к чему Я относится, полагая его автономным и изменчивым в связи с ней, что внутренне осваивается и преобразуется личностью, что эмоционально затрагивает ее и соответствует или противостоит ее ценностям. Сформировавшиеся жизненные отношения представляют собой связь и противоречия Я личности со значимыми овнутренними объектами, уже обладающими следами ее влияний, вкладов, преобразований:

Я(Не-Я) \leftrightarrow Не-Я (Я)

Для возникновения противоречия необходимо определенное **жизненное пространство** или **временной разрыв** между оппозициями в отношениях, даже если это противоречие сугубо внутреннего характера, например, в отношении личности к себе, между ее принимаемыми ценностями и осознаваемыми качествами или побуждениями и поступками. Условием возникновения личностного противоречия может стать **рефлексия**, устанавливающая дистанцию между Я и вставшими в оппозицию к нему свойствами, состояниями, активностью значимого объекта. В процессе рефлексии происходит изменение отношения личности к ценному объекту: усиление близости с объектом, дистанцирование от объекта, разрушение объекта, попадание в зависимость от объекта и т. д.

Величина значимости объекта (Не-Я) определяет особенности его внутреннего развития в личности, влияет на характер и интенсивность противоречий в отношении субъекта (Я) к нему. Противоречия возникают между различными моментами отношения (см. рис.1). Субъект (Я) и объект (НЕ-Я) по определению автономны и самодостаточны во взаимодействии друг с другом, что является основанием для рассогласования между ними. (Я) никогда не может совпасть с (Я)-в-(НЕ-Я). Овнутренний личностью значимый объект (НЕ-Я)-в-(Я) никогда не будет тождественен своему реальному прототипу (НЕ-Я). Объект (НЕ-Я) в своей внешней и внутренней ипостасях может задевать личность своими различиями. Взаимно овнутренние (Я) и (НЕ-Я) бывают не узнаны и не приняты своими реальными прототипами. Противоречивое отношение между субъектом и объектом может существенно изменять их статусы в жизненном взаимодействии. Отношение личности к значимому

объекту в результате разрешения противоречий может менять свои качества и «знаки».

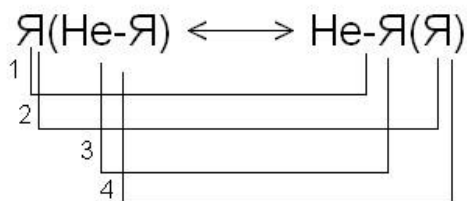

Рис.1 Противоречия жизненного отношения личности

Противоречивыми могут быть связи между эмоционально-волевой интенцией Я к объекту и его доступностью для познания, между ожиданиями Я и реальными воздействиями объекта, между действиями Я и результатами его деятельности для объекта, между самопознанием Я и отражением его в объекте, между развитием объекта в Я и собственным развитием объекта.

На динамику противоречий в жизненных отношениях могут влиять асинхронность и неравномерность их генеза; чересчур форсированное развитие отношений; индивидуальные возможности сознания и рефлексии; глубинное становление отношений, порождающее проекции, искажения, а также потенциалы их совершенствования; самостоятельное существование объекта с его собственной логикой становления; ослабление или усиление ценности объекта для личности. Важнейшее значение имеет уровень личностной активности в самодетерминации, самопознании и воссоздании отношений.

Коллизии могут возникать во взаимодействиях интеллектуального, нравственного, рефлексивного, деятельного и т. д. отношений. Могут конфликтовать внутренний (психический, сознательно-

бессознательный) и внешний (деятельно-поступковый) планы нескольких отношений. Могут развиваться оппозиции в системе психических функций, составляющих внутреннюю архитектуру отношений, например, между эмоциями и мышлением.

Обратившись к теории личности К.Г. Юнга, увидим, что основные противоречия психической жизни связываются автором со способностью личности «относиться», а жизни – протекать в отношениях. Действия и внешние проявления дифференцированных и недифференцированных психических функций осуществляются в контексте отношений личности к миру, так как эти функции всегда в большей или меньшей степени интенциональны, то есть направлены личностью на объект или на себя. Высокая интенсивность противоречий сознательных и слабо осознанных психических функций при недостаточной силе Я способна деформировать и разрушать отношения, искажая бессознательными содержаниями представления об объекте, иногда несоразмерно повышая значимость объекта для личности, разрушая способность к целостному познанию ценного объекта, вызывая неадекватные воздействия на него со стороны личности (12).

Обнаружение противоречия часто происходит через **значимые жизненные ситуации**, в которых сходятся и находятся на пике активности ведущие жизненные отношения личности (5). Отрефлексированное противоречие ситуации становится проблемой личности, а ее разрешение представляет собой внутренний поиск и существенное событие в индивидуальной жизни. Событие разрешения привносит новое в объективное и семантическое пространство жизни личности, изменяет ее отношения к значимым объектам, усиливая или ослабляя их субъективную ценность.

Противоречия, таким образом, метят и обуславливают **динамику значимостей** в индивидуальной жизни.

Через разрешение противоречий в отношениях может происходить приращение психического и духовного потенциала личности, развитие ее ценностно-смысловой сферы и усложнение, углубление, расширение ее практических связей с миром. Продолжительные противоречия вызывают стагнацию одних жизненных отношений и компенсаторное развитие других, могут вызывать негативные деформации личности и появление личностных акцентуаций. И здесь необходимо сказать об **отношении личности к своим противоречиям**, поскольку индивидуальные характеристики данного отношения во многом определяют здоровье и нездоровье, развитие и регресс конкретной личности.

Признаками отчужденного или деструктивного отношения личности к своим противоречиям выступают: игнорирование противоречий, разрешение противоречий способами, не совместимыми с личными и общечеловеческими ценностями, разрешение противоречия только в идеально-рефлексивной сфере, импульсивная разрешающая деятельность, основанная на прорывах бессознательной активности или на застойной рефлексии аффектов и других внутренних состояний без обращения к объективной стороне противоречия.

Признаками зрелого отношения к противоречиям являются: осознание личностью своих противоречий, рефлексивное выделение оппозиций, мыслительное оперирование оппозициями, установление различных соотношений между оппозициями, нахождение их оптимального соотношения, разрешение противоречия в соответствии с ценностями, способность к жизненному действию,

направленному на разрешение противоречий, способность создавать значимые жизненные ситуации, где в преодолении противоречий личность превосходит себя.

То есть, противоречия могут сами войти в систему **жизненных значимостей**, вовлекая личность в творческие процессы проблематизации и обновления жизни

2. Противоречия в мыслительной жизни личности

При выявлении, внутренней работе и разрешении жизненных противоречий важнейшая роль принадлежит **мышлению**. Вместе с тем, сам мыслительный процесс является местом зарождения и развертывания противоречий личности. В персонологическом понимании, мышление представляет собой активное индивидуальное познание реальности через раскрытие существенных связей и отношений между ее объектами, приобретаемыми для субъекта личную значимость. Мышление преобразует эту реальность во внутреннем плане посредством разнообразных мыслительных операций, выстраивая получаемые результаты в концептуальную схему, имеющую вербальное, вербально-образное или вербально-символическое выражение. Предметами мышления становятся не только объекты внешнего мира, но и объекты внутреннего мира личности: ощущения, чувства, переживания, воспоминания, фантазии, образы, идеи, аспекты отношений и сами отношения, эффекты рефлексии и др. В мышлении происходит «идеализация» объективного мира, переплетаются внешний и внутренний мир личности в динамичных взаимодействиях и взаимовлияниях. «Адекватное познание бытия, которое всегда находится в процессе становления, изменения, развития, отмирания старого, отживающего и развития нового, нарождающегося, дает лишь мышление, которое отражает бытие в

его многосторонних связях и опосредованиях, в закономерностях его движимого внутренними противоречиями развития – диалектическое мышление» (9; с. 310). Мышление развивается и развертывается как особый план и уровень индивидуальной жизни, как **мыслительная жизнь**, вскрывающая противоречия познания и другие разнообразные жизненные коллизии личности.

Начальным моментом каждого очередного цикла мышления становится обнаружение проблемы, которая, помимо отражения логического несоответствия, противоречия или фиксации неизвестного, может обладать эмоциональной окрашенностью – от мимолетного эмоционального напряжения до развернутого «интеллектуального переживания». Иногда чувство настолько сильно, что может разрушать процесс мышления или подчинять его себе, но без чувственного «сопровождения» мышление теряет свою полноту и глубину. «Когда в единстве интеллектуального и аффективного эмоциональность подчинена контролю интеллекта, включение чувства придает мысли большую напряженность, страстность, остроту. Мысль, заостренная чувством, глубже проникает в свой предмет, чем «объективная», равнодушная, безразличная мысль» (9; с. 318). В личностных противоречиях, в силу особой значимости для человека их составляющих, аффективные содержания могут сами по себе порождать проблему и всегда являются индикаторами всех стадий развития противоречия в мышлении: от различения оппозиций до установления новых отношений между ними.

Иногда индивидуальный мыслительный процесс начинается задолго до осознания проблемы как более-менее очерченного гештальта и заключается в ее поиске и формулировании. Мышление также не завершается решением проблемы, поскольку полученное

знание открывает новые сферы незнаемого, отодвигает границу известного и становится основанием для новых интеллектуальных поисков. Иногда результат разрешенного противоречия порождает новые противоречия познания и необходимость постановки новых проблем. Мыслительная жизнь личности является поступательно-циклическим процессом.

Фактически, мышление – это деятельность, непрерывно разрешающая противоречия, даже если они не успевают фиксироваться на уровне сознания за счет своего молниеносного появления и разрешения. Встают противоречия еще «неосмысленного» объекта, когда необходимо получить первичное знание об объекте путем присвоения или отрицания в нем конкретных свойств, определения количественных характеристик объекта, обнаружения его влияний на другие объекты, выделения его противоположных свойств и отношений между ними. Встают противоречия между реальным и идеальным состояниями объекта, разрешающиеся через нахождение причин, условий и путей его внутренних и внешних преобразований. Встают противоречия функционирования объекта, когда необходимо найти новые формы или способы его существования. В противоречивом понятийном освоении отдельных объектов и их композиций протекает процесс мышления – от встреч с незначительными бытовыми конфликтами и простыми мыслительными задачами до преодоления сложнейших, жизненных коллизий, требующих незаурядных интеллектуальных усилий.

Личность в своем мышлении способна не только выделять в объекте наличные оппозиции и разрешать противоречия, но и намеренно создавать противоречия, в том числе, неразрешимые. Осмысливание и понимание «сотворенных» противоречий может

сопровождаться позитивным или негативным эмоционально-этическим всплеском и эстетическими переживаниями. В частности, юмор как тончайшее, интеллектуальное чувство основан на сконструированных противоречиях. Они чаще всего скрыты за внешней логичностью; подчеркивается сильное преобладание одной оппозиции над другой; объект переносится в совершенно не свойственные ему, не сочетаемые с ним условия; происходит сопоставление несопоставимого, искажение привычного до неузнаваемости и т.д. С.Л. Рубинштейн писал, что юмор разрешает, примиряет противоречия, избирая положительное начало как основу их примирения. «Юмор и ирония – это определенное отношение человека к слабостям, недостаткам, несовершенству, уродству, злу в их соотношении с добром» [8; с. 370].

При восприятии шутки, когда смех невозможен в силу высокой ценности ее объекта или критической несопоставимости нравственных воззрений человека с содержанием шутки, то заключенное в ней противоречие может вызвать отвращение, обиду или гнев. Эмоциональная реакция на шутку невозможна, если человек не схватывает мыслью, не понимает заключенное в ней противоречие, либо в его мировоззрении, сформировавшемся, например, в других культурных условиях, данные оппозиции не ставятся в противоречие, либо он не знаком с конкретными интеллектуальными контекстами, в которых существуют такие оппозиции.

В успешный мыслительный процесс, проблематизирующий познание и жизнь, бывает вовлечена вся личность, в единстве ее желаний, переживаний, оценок и смыслов, связанных с объектами мышления.

Мышление, оперирующее оппозициями, определяется в европейской культуре как «дуальное». В зрелой коллективной и индивидуальной мыслительной деятельности дуальность мышления выражается во множестве операций с понятиями-противоположностями, относящимися, как к внешним, так и внутренним объектам. Ряд известных дуальных операций включает мыслительные акты, подобные символическим смещениям или сведениям противоположностей, включает различительные и объединяющие действия диалектической логики, релятивные действия феноменологии, творческие операции синтеза тонких бинарных дифференцировок с перспективой развития в «синтез синтезов».

Полагаем, что в континуум дуальных операций, обогащающих знание об объекте, входят:

- выделение объекта как целого со слабо различенными внутри него противоположными элементами;
- определение внутренней двойственности целого;
- извлечение двух противоположных элементов из целого;
- разделение «дуалов», рассмотрение их как самостоятельных по отношению друг к другу целых;
- соотнесение изолированных оппозиций внутри объединяющей структуры;
- определение равновесия и взаимного дополнения противоположностей;
- установление конфликтных отношений в бинарном взаимодействии;
- фиксация развивающегося противоречия или острой бинарной оппозиции;
- фиксация регресса одного из элементов противоречивой пары;

- нахождение новой формы равновесия в паре;
- нахождение формы слияния противоположностей в общей структуре;
- нахождение способа ассимиляции одной оппозиции в другой;
- изоляция обогащенных друг другом оппозиций;
- создание новых структур, многообразно преодолевающих имманентное раздвоение

И т. д. (11).

Примеры искусного познания через противоположности можно обнаружить в некоторых памятниках древних культур. Приведем фрагмент малоизвестного литературного произведения «Гром. Совершенный ум», найденного в коптских рукописях (апокрифах египетских христиан 1 в. до н.э.):

Я послана

Силой. И я пришла к тем, кто

Думает обо мне. И нашли меня

Среди тех, кто ищет меня.<...>

И вы, кто говорит

Правду обо мне, лжете обо мне! И

Вы, кто солгал обо мне, говорите правду обо мне!

Вы, кто знает меня, станете

Не знающими меня! И те, кто не

Знал меня, да познают они меня!

Ибо я знание и

Незнание. Я

Стыд и дерзость.<...>

Я та, чей образ многочислен в Египте

и чьего образа нет среди варваров.

Я та, кого возненавидели

Повсюду и кого возлюбили
Повсюду. Я та, кого зовут
«Жизнь», и вы
Назвали «смерть». Я та,
Кого зовут «закон»,
И вы назвали «беззаконие».
Я та, кого вы преследовали,
И я та, кого вы схватили.
Я та, кого вы рассеяли,
И вы собрали меня.
Я та, перед кем вы стыдились,
И вы были бесстыдны передо мной.
Я та, которая не празднует,
И я та, чьих праздников множество.
Я безбожна, и
Я, чьих богов множество.<...> (3)

Этот текст, в котором отчетливо слышен голос Автора, интересен тем, что соединяет коллективный канон и индивидуальное искусство мышления, предлагает универсальную форму познания через оппозиции, демонстрирует исповедальный опыт самопознания личности и самоутверждения женского начала в мире, обращает силу мысли к «жизни».

Принцип противоречий мышления традиционно используется в искусстве, притягивает к себе внимание эстетов и интеллектуалов в театре, в ораторском мастерстве, в живописи. Например, М. Эшер направленнно искал идеи картин в неевклидовой геометрии, заключая в свои произведения логические и пластические противоречия. Философию и литературу издавна отличает любовь к парадоксам:

«У меня непритязательный вкус: мне вполне достаточно самого лучшего» – О. Уайльд.

Мышление личности, оперирующее противоположностями, является поисковым, исследовательским, проблемным. Благодаря ему, личность может приобрести способность строить и реализовывать интеллектуальные модели, проекты, стратегии собственной жизни. Противоречия, конституируемые и продуктивно разрешаемые мышлением личности, совершенствуют интеллектуальный план ее жизни.

3. Противоречия в самопознании и рефлексивном тексте

Проблемность мышления может распространяться на различные сферы индивидуального познания, включая самопознание, процессы и результаты которого находят отражение в авторских рефлексивных рассказах и текстах. Рефлексивный текст, с одной стороны, «снимает пенку» бурлящего мышления: ход мыслей автора, результаты его мыслительного процесса, оформленные в виде самовысказываний, новые проблемы, вытекающие из самопознания, отступления, приводящие к углублению мысли в точном формулировании, символы, обобщения, выводы. С другой стороны, мышление личности о себе «осуществляется текстом», формируется, углубляется, живет в процессе говорения или написания. При этом, текст самопознания, прежде всего, озабочен не означиванием, а смыслообразованием и самовыражением, является крупным **речевым событием жизни** (Е.Б. Старовойтенко).

Рассмотрим рефлексивный текст как форму репрезентации психической жизни личности и результат самопознания, акцентирующего **Я-противоречия**.

Для персонологического исследования личностных противоречий большую ценность имеют тексты-исповеди. Создание текста о себе является таинством, в котором максимально активизируются побуждения, мышление, воображение, переживания, связанные с «Я» личности. Во время написания такого текста осуществляется самопонимание, прояснение ранее не обдуманного, углубляется самоинтерпретация, происходит собирание и воссоединение всего главного о себе в единый текст, повышается субъективная оценка внутренней целостности. Личностные противоречия, раскрываемые в текстах-исповедях, очерчивают **жизненный контур Я-значимостей**, указывают на глубину описываемых событий, показывают неровные соотношения того, что существенно формировало, влияло, составляло и образует жизнь автора. Однако нужно понимать, что репрезентации противоречий в Я-текстах далеко не всегда выступает явной задачей автора, тем более что жизненные источники переживаемых внутренних оппозиций часто ускользают от самопознания. Поэтому распознавание личностных противоречий в рефлексивных текстах может представлять творческую персонологическую задачу.

Анализируя тексты-исповеди, можно проследить динамику **изменений Я** автора – каким он становился и сознавал себя с течением жизни, осваивая ее разнообразные возможности и преодолевая ее многие трудности. Сама «включенная» рефлексия, направленная на осознание противоречий конкретных моментов жизни уже намечает собой изменения Я. Рефлексивное потенцирование этих изменений имеет два варианта. Либо осознается не противоречие, а его «симптомы», эффекты, последствия, и оно становится слабо осознаваемым внутренним условием жизни, исподволь влияющим на динамику Я. Либо

отрефлексированное противоречие становится для личности жизненной проблемой, и Я позитивно изменяется путем внутренней духовно-психологической трансформации в процессе поиска и реализации ее решения или деформируется, искажается в случае осознания невозможности вынести и разрешить проблему.

Примером познания себя на основе **философско-психологической рефлексии** противоречий собственной жизни может служить текст Н. А. Бердяева «Самопознание» (4). Приведем сжатую реконструкцию ряда его противоречий, тонко выявленных автором и представляющих само «тело» его исповеди.

Во мне образовался собственный внутренний мир. \leftrightarrow Я его противопоставлял внешнему. \leftrightarrow С детства я жил в своем особом мире. \leftrightarrow Мир окружающий казался мне не моим. \leftrightarrow Я всегда старался притвориться, что я такой же, как другие люди. \leftrightarrow У меня же было чувство собственной неадекватности к миру. \leftrightarrow Я даже стал «почтенным» человеком. \leftrightarrow В «практической» стороне жизни я всегда чувствовал себя беспомощным. \leftrightarrow Я отнюдь не застенчивый человек, в своем деле я всегда говорил и действовал уверенно. \leftrightarrow В обыденной жизни я был скорее робок, неумел, несамоуверен. \leftrightarrow Я был мужествен и храбр в идейной борьбе (4).

Выявление и примирение с трагическими противоречиями прожитой жизни через **моделирование парадокса** можно найти в тексте исповеди П. Абеляра: «Если бы я был от мира сего, то мир любил бы свое. <...> Если бы я и поныне угождал людям, я не был бы рабом Христа. <...> Благодарение господу за то, что я удостоен ненависти мира» (1).

Противоречия «Я», проясненные в рефлексии, выступают откликом на потребности личности в осознании своей жизни как протекающей в изменчивом внешнем и внутреннем мире, в осознании себя субъектом и автором жизни, способным отнестись к противоречиям, изменить обстоятельства и себя в соотношении с ними. Принцип противоречия, конституирующий позитивные изменения Я (новые взгляды, позиции, идеи, поступки) выступает творческим и продуктивным приемом самопознания.

4. Противоречия как расширение жизненных границ

Говоря о противоречиях личности, нельзя не коснуться темы жизненных границ, тем более что их рассмотрение в данном ракурсе дает возможность взглянуть на общую событийную динамику жизни.

Пространство и динамика индивидуальной жизни разделены, очерчены, формируются множеством границ. Речь идет о физических, временных, физиологических, социальных, культурных, личностных, нравственных, семантических, когнитивных и т.д. границах. Они могут быть четкими или расплывчатыми, устойчивыми или подвижными, ригидными или гибкими, непроходимыми или проницаемыми, расширенными или локальными. Противоречие возникает там, где внешние или внутренние реальности по обе стороны границы притягиваются к ней и вступают во взаимоотношения противоборства, либо требуют своего более четкого разделения – ужесточения границы, либо большего взаимодействия, взаимопроникновения – ослабления или стирания границы, либо находятся в неравновесии, дисгармонии, либо стремятся к взаимоисключению и т.д. **Противоречие само по себе есть граница**, так как за разрешением противоречия

открывается иное семантическое пространство, отодвигаются или сближаются границы известного – неизвестного, возникает новое состояние, впечатление, действие, поступок, изменение ситуации, перемена в отношениях личности, то есть, происходит новое **жизненное событие**.

В текстах-исповедях, где вскрываются личностные противоречия, видно, что они сами создают жизненно-смысловые границы автора. Как правило, эти противоречия никогда окончательно не разрешаются, а сопутствуют всей жизни, действуя как идеи и смыслы, или сужающие, или раздвигающие пределы наличного существования. Осознавая и формулируя противоречие, автор исповеди видит границы, относительно неподвижные или отдаляемые им в жизни. Н. А. Бердяев размышлял:

- я больше всего любил философию, но не отдался исключительно философии;
- я не любил «жизни», но много сил отдал ей, больше других философов;
- я не любил социальной стороны жизни и всегда в нее вмешивался;
- я имел аскетические вкусы и не шел аскетическим путем;
- я был исключительно жалостлив и мало делал, чтобы реализовать сострадание (4).

В реальной жизни разрешение противоречия становится **«событием личности»**, т.е. переходом за границу наличного бытия, моментом интенсивной жизни, обновлением существования и изменением его представленности в сознании. В контексте литературы, событие личности, согласно М.Ю. Лотману – это перемещение персонажа через границу семантического поля.

Жизнь в интенсивной форме протекания является, как правило, путем личности навстречу своим противоречиям и их разрешению

через «всплески жизни», «жизненные прорывы», умножение тех моментов, где совершается что-то значимое для личности и где она сама порождает события жизни. Своего рода «единицей» интенсивной жизни, преодолевающей свои границы, является **жизненное действие** (Е.Б. Старовойтенко).

Жизненное действие – это событие «критически полного, целостного, многопланового выражения личности и ее отношений в значимой, проблемной ситуации жизни» (10; с. 45).

Жизненное действие адресуется личностью коллективной жизни, предполагает поиск того, с кем возможна глубокая идентификация, понимание, сопереживание, то есть, преодолевает границу между индивидуальным и социальным, одиночеством и диалогом, общением как структурированием личного времени и общением как со-знанием и со-бытием, действием по идеализации Другого и действием-вкладом в другую личность.

В жизненном действии личность открывает и принимает свои собственные коллизии, учитывая обратную связь других, обнаруживая противодействие других и их негативные переживания по отношению к ней, воспринимает разрешение коллизий как свои жизненные задачи. Преодолеваются границы между Я-субъектом и Другим–субъектом, знанием о себе и потаенным в себе, аутентичностью и видением себя Другим, своим настоящим и своей перспективой в мире других.

Жизненное действие направлено на реализацию личностной перспективы, осуществление себя, выражение себя в максимально полных, творческих, уникальных, масштабных формах. В своем самовыражении, самобытности перед лицом других «личность воображает, фантазирует, моделирует, выходит за пределы себя,

делает и изменяет то, что должна делать и изменять по принятой жизненной роли» (10; с. 47).

В жизненном действии преодолевается граница между актуальным и желаемым, мысленно возможным и реально невозможным, организованной деятельностью и самовыражением в спонтанных, символических, игровых и метафорических формах, идеальной активностью и масштабной объективацией, направленной на привнесение себя в мир и изменение мира собой.

В.А. Петровский вводит понятие «мотива границы» как внутренней силы, побуждающей личность быть «на границе» или пересекать границу, быть в противоречии и разрешать противоречие. Мотив границы «проявляется в познании (здесь притягательна граница между известным и неизвестным), творчестве (побуждает граница между возможным и действительным), риске (граница между благополучием и угрозой существованию), игре (граница между воображаемым и реальным), межличностном общении (граница между открытостью другим и защищенностью от них) и др» (7; с. 16). Граница может выступать для личности как предел, место перехода, связь, препятствие, возможность открытия нового.

Результаты исследований В.А. Петровского показывают, что стремление личности к преодолению жизненных границ, разрешению своих противоречий, помимо снятия психического напряжения, в большей степени связано с творчеством, встречей с новым, «превосхождением себя». Противоречия возникают не только в естественном потоке жизни, но и порождаются направленным личностным «поиском границы» – намерением личности различать, сводить, сталкивать, соединять или исключать оппозиции.

Сосуществующие, взаимодействующие и следующие друг за другом противоречия и моменты их разрешения потенцируют собой **динамику жизненных событий** личности. Вовлекаемые в противоречия и в события люди, предметы, ситуации, обстоятельства, а также состояния, представления, идеи и смыслы личности служат пространственно-временному **освоению и расширению жизни**. Там, где до свершения события существовало жизненное препятствие, теперь открылась новая возможность, где не виделась перспектива, появились замыслы и планы, где нечто устоялось, показались его новые стороны, где прервалось движение, начался его новый цикл, где упала активность, пробудилась новая жизненная сила. У личности, конструктивно относящейся к своим противоречиям, развивается чувство и осознание расступающихся жизненных границ, обширных жизненных горизонтов, отступающих жизненных пределов. Формируется субъективный контур уникального жизненного пути.

Таким образом, роль противоречий раскрывается в широком спектре их влияний на различные сферы жизни личности: на реализацию ее жизненных отношений, на мыслительную жизнь, на самопознание и событийное наполнение жизни. В динамике жизни противоречия определяют изменение личностных значимостей, развитие знания о значимых объектах, формирование новых Я-позиций по отношению к жизни, поиск и расширение жизненных границ.

Литература

1. Абеляр П. История моих бедствий. М.: Республика. 1992..
2. Абульханова-Славская К.А. Диалектика человеческой жизни. М.: Наука. 1977.

3. Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии. М.: Мысль. 1989.
4. Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М.: Мысль. 2008.
5. Исаева А.Н. Ситуационный подход в исследовании жизненных отношений личности. // Психологические исследования. Труды молодых ученых ИП РАН. Вып. 3. Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт Психологии РАН». 2008. С. 152-170.
6. Лотман М.Ю. Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство – СПб. 1994
7. Петровский В.А. «Мотив границы»: знаковая природа влечения. // Мир психологии. 2008. N 3. С. 10 – 26.
8. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер. 2003.
9. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер. 2004.
10. Старовойтенко Е.Б. Психология личности в парадигме жизненных отношений. М.: Академический проект. 2004.
11. Старовойтенко Е.Б. Современная психология: формы интеллектуальной жизни. М.: Академический проект. 2001.
12. Юнг К.Г. Психологические типы. СПб.: Ювента. 2001.

МОДЕЛЬ АНАЛИЗА ОТНОШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ НА ОСНОВЕ «ПРИНЦИПА ОППОЗИЦИЙ»

Статья Старовойтенко Е. Б., Исаева А. Н. Модель анализа отношений личности на основе "принципа оппозиций" // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 741-762.

Исследование, представленное в данной работе, посвящено проблеме построения теоретической модели анализа отношений личности с акцентом на оппозиции в их структуре и процессах реализации. Целью исследования стал поиск и систематизация дифференцированных бинарных параметров изучения ценностных отношений, связывающих личность с культурой. Разработка модели была ориентирована на ее применение в области исследовательской, герменевтической и практической психологии личности. Основой моделирования стала идея, согласно которой большой объем, содержательность, личностная значимость, разрешение и неразрешение противоречий между оппозициями в отношениях свидетельствуют о ведущем значении и наиболее «сильных возможностях» данных отношений в жизни личности. Замысел статьи выражает взгляд на динамику отношений, отличный от распространенного понимания, согласно которому их развитие предполагает сокращение числа или устранение оппозиций, а также необходимое разрешение их коллизий. Акцентируется момент удерживания, или «подвешивания», оппозиций, придающего отношениям напряженный, проблемный и при этом продуктивный характер. В статье рассматриваются ведущие категории аналитической модели отношений, раскрывается сущность «принципа оппозиций» в психологии, приводится система бинарных критериев анализа отношений. Кроме того, представлены результаты герменевтики оппозиций отношений, освещенных в

рефлексивном тексте С. Дали, известного как уникальный творец культуры.

1. Основные категории аналитической модели отношений

В фокусе предпринятого нами теоретического моделирования находилась категория **«отношения личности»**. В контексте исследования они определяются как динамичные образующие индивидуальной жизни, ее психологическая «ткань», активность, берущая начало в неосознаваемом самодвижении жизни, имеющая Я своим необходимым источником, устремленная в духовные области бытия и возвращаемая «себе» и «другим». Это напряжение, усилие сознания и самосознания; психические и практические связи с жизненными значимостями, имеющие сложную архитектонику; это ценностно-смысловые направленности, реализующиеся в формах познавательного, эстетического, этического, деятельно-творческого, рефлексивного и других отношений, релевантных, в частности, культуре европейского типа. Данный авторский взгляд на отношения личности предполагает их существование и развитие в качестве **«жизненных»**, конституирующих жизнь личности в **культуре**, определяемых творчески-рефлексивной активностью **Я**.

В современных исследованиях личности необходимо глубже осмыслить роль индивидуальных отношений к объектам, ставшим для личности **жизненными значимостями**. Обрести значимости - поставить внешние и внутренние объекты, к которым влечет личность и которые обращены и «призывают» Я, в новые связи, поворачивать объекты в этих связях разными сторонами, выделять оппозиции в объектах, вычерпывать, постигать их ценные для Я содержания и функции, реализовать себя в природе, социуме, культуре посредством этих объектов. Полагаем, что дальнейшее психологическое изучение отношений личности в модусах «к» (к значимости) в единстве с отношениями в модусах «между» (между личностью и ее значимостью) и «с» (личности со значимостью), а

также рассмотрение этих отношений в их жизненной динамике и культурной реализации, может основываться на идеях М.М. Бахтина, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, В. Франкла, С.Л. Рубинштейна, М.К. Мамардашвили, приобретающих сейчас особую актуальность (13).

В нашем понимании, укорененном в философском и общепсихологическом подходах, **культура** является миром высших ценностей и историей их личностных воплощений, а также мощным «инструментарием», творческим уровнем, критерием высшей результативности индивидуальной жизни. Кроме того, она выступает для личности «зеркалом» на пути узнавания и познания себя и других, средой внешних и внутренних отношений личности к произведениям и их авторам. Она в своей динамике создает особое «культурное» время протекания бытия и область воссоздания вечных всечеловеческих смыслов, становится сферой взаимных влияний и репрезентаций личностей, местом их предельного самовыражения (Там же).

В генетических, процессуальных, интер- и интрасубъектных связях с культурой жизненные отношения приобретают **ценностный** характер, выражающийся в их содержаниях, способствующих развитию личности, а также воссозданию и обновлению ее продуктивной жизни в мире. В обширной области психологического поиска видов и типов отношений выделяется их различие по ценностному основанию, предложенное С.Л. Рубинштейном (9). Основываясь на его идеях, мы предлагаем дифференциацию отношений и их характеристик по **критериям ценностей**, связанным с архитектурой отношений, личностным обращением с их оппозициями, их диалогичностью, их представленностью в других людях, их преобразующими вкладами в мир, Я и культуру.

На наш взгляд (14), в **познавательном отношении** личности реализуются ценности ее обращения к тайнам и интеллектуальным вызовам мира; проблемного, исследовательского взгляда на мир; тонко дифференцированной психической организации индивидуального познания, включая зрелое дискурсивное мышление и развитую интуицию; ценности глубины, хорошей структурированности, анализа и синтеза оппозиций добываемого знания; эффективного межличностного интеллектуального обмена; умелого интеллектуального обращения с большими объемами информации; представленности личностного знания во внутреннем мире других; реализации творческого познания; создания интеллектуально емких текстов; персональных вкладов в культуру познания.

В **эстетическом отношении** реализуются ценности личностной интуиции, созерцания, образного представления красоты мира; поиска эстетического идеала; понимания прекрасного в природе, человеке, культуре; рефлексии и передачи другим людям своих эстетических впечатлений; воплощения открытой личностью красоты в текстах и изображениях; эстетизации отношения к себе и к Другому, своего персонального жизненного пространства, своей деятельности и способа построения жизни; осознания эстетического отношения как заключающего оппозиции и противоречия; эмоционально насыщенного проживания и оценки личностью своих значимостей в категориях гармонии, совершенства, изысканности; авторского самовыражения в искусстве.

В **этическом отношении** реализуются ценности личностного признания и утверждения жизни другого человека; переживаний принятия, любви, близости к другим людям; внимания, интереса, сопереживания и поддержки в адрес окружающих; знания этических канонов жизни в обществе; уважения достоинства и суверенности других; поступков добра, милосердия и помощи другим; осознания

этических оппозиций и самостоятельного разрешения этических коллизий; личностных оценок себя и других в этическом измерении; занятия этических позиций при разрешении проблем познания, общения, деятельности, творчества и саморазвития; открытия своего этического присутствия во внутренних мирах других людей; рефлексии событий причастности к высокой культуре жизни с другими людьми.

В деятельно-творческом отношении реализуются ценности активно-преобразующей связи личности с миром; практики освоения внешнего и внутреннего мира; разнообразия действий, служащих оперированию, воссозданию, созданию и сохранению предметов культуры; богатства способов применения орудий, инструментов, информационного обеспечения различных деятельностей; творчества и авторства личности; совместности творческих действий личности; внутреннего освоения эффективных действий других; рефлексии личностью своего творчества и его эффектов в сознании и деятельности других; раскрытия оппозиций в контексте творчества и нахождения уникальных соотношений между ними; воплощения творческой деятельности в продуктах, адекватных лучшим культурным традициям и современности; продления индивидуальной жизни в культуре посредством творческих вкладов личности в других и развития ими ее творческого опыта.

В рефлексивном отношении реализуются ценности личностного обращения к себе; индивидуального познания и понимания себя, своего мира, времени своей жизни; развития практик самопознания, оценки себя, осмысления себя, создания рассказа о себе, самодеятельности и самовыражения; совершенствования рефлексивных действий самоанализа, самообобщения, различения и соотнесения Я-оппозиций, синтеза «Я»; внутренних диалогов с собой; представления «Я» для себя во множестве ипостасей, ролей,

общих жизнесостояний, своих «других Я»; знаний личности о своих свойствах и качествах, полученных на основе ее взаимодействия и представленности «в других»; осознания индивидуальности своих жизненных проблем, нахождения их аутентичных решений или внутреннего удержания коллизий в их «неразрешении»; интегральных переживаний, отмечающих самопознание: принятия себя, удовлетворенности собой, исполненности себя и своей жизненной состоятельности; индивидуального развития культуры самопознания в обществе.

Ценностный характер данных отношений позволяет личности **всесторонне соединиться с культурой:**

- переживать встречи с культурой как значимые события;
- принимать культурные ценности как свои значимости и действенные смыслы;
- осваивать содержательное богатство феноменов и практик культуры, а также разнообразие способов их личностной реализации, порождения и развития;
- раскрывать оппозиции, их связи, их напряженную конфликтность в культурной деятельности;
- вступать во внешние и внутренние диалоги и полилоги с другими людьми в культуре;
- становиться в других людях «внутренними субъектами» культурной деятельности;
- рефлексивно и феноменологически обращаться с культурными ценностями-в-себе;
- быть причастной к культурному творчеству;
- сделать вклады в культуру и в индивидуальные миры других субъектов ценностных отношений;

- рефлексивно возвращать «Я-в-себе» эффекты своей активности в культуре;
- видеть и осуществлять возможности переосмысления ценностных содержаний культуры и персональных связей с ней.

Каждый из этих моментов реализации отношений в культуре может стать основным предметом психологического исследования отношений. При этом выбранный предмет может стать доминантой при построении теоретической либо методологической модели отношений личности, или объектом герменевтического изучения образов и текстов культуры, посвященных отношениям, или объектом индивидуальной рефлексии и феноменологической практики в консультировании и самоисследовании личности.

В данном исследовании выделен момент **«ОППОЗИЦИЙ»**, которые могут быть различены в ценностных характеристиках отношений, приведенных выше. Оппозиции отношений рассматриваются в исследовании как предмет разработки **концептуальной модели анализа** отношений, как предмет **индивидуальной рефлексии** выдающегося творца культуры в области изобразительного искусства, а также предмет **герменевтики** его литературно-рефлексивного текста. В теоретическом и герменевтическом оперировании «противоположностями» важно было преломить психологический опыт развития «принципа оппозиций».

2. «Принцип оппозиций» в психологии

В контексте данного исследования «принцип оппозиций» определяется как основанный на различении, соотнесении и синтезе противоположностей способ поиска и организации знания, имманентный европейской культуре мышления и концептуально обоснованный в философской диалектике и различных

гуманитарных науках (1,3,4,5,20,21). Использование принципа оппозиций в качестве приема поиска, репрезентации теоретического и получения эмпирического знания можно проследить в ряде психологических наук, включая психологию личности и психотерапию.

К.Г. Юнг в своих теоретических и герменевтических исследованиях с большой глубиной и мастерством выделил и разнообразно соотнес оппозиции душевной жизни личности (17, 19). С его точки зрения, душа человека имеет дуальную (или же четверичную) структуру, что отражено во всех его концептуальных построениях и постулируется в описании «архетипа противоречия» или Абраксаса (18). Он предложил знаменитую типологическую модель личности, основанием которой стали оппозиции сознательного – бессознательного, экстраверсии – интроверсии, рационального – иррационального, мышления – чувства, ощущения – интуиции, маскулинности – фемининности. Каждая из этих бинарных пар представляет собой определенные способы «связей личности с жизнью» (13) или познания, самопознания, отношения и внутреннего обращения личности с действительностью. Способы активно взаимодействуют в режиме «энантиодромии» («встречного бега»), определяющем динамику индивидуальной души.

Согласно Юнгу, бинарность организации психической жизни личности представлена также бессознательными архетипами или априорными интегральными формами проживания, индивидуально воспроизводимыми во все эпохи и имеющими разнообразные эквиваленты в культуре. Эти формы имеют противоположные сущности и имена: Персона и Самость, Герой и Тень, Анима и Анимус, Мать и Отец, Божественный ребенок и Infant Terrible, и т.д. Архетипические формы жизни актуализируются в проблемных

ситуациях, обладающих особой значимостью для личности, в том числе потому, что имеют свои оппозиции.

Как пример успешного использования «принципа оппозиций» для систематизации теоретического знания о личности можно упомянуть работу С. Мадди (24), предложившего в целях сравнения и последующего синтеза различных теорий личности разветвленную систему бинарных критериев, в основе которой лежит идея о «ядерной» и «периферической» личности. Аналогично Л. Хьелл и Д. Зиглер (22) в качестве критериев оценки и сравнения теорий личности также предложили бинарные пары, названные «положениями о природе человека» и применимые не только методологически, но и при рефлексии имплицитной концепции личности, существующей у психолога.

Дж. Келли (8) в области когнитивной психологии разработал теорию бинарных «личностных конструкторов». В конструкторах представлены оппозиции, применимые при феноменологической характеристике личности (холодный – горячий, добрый – злой, близкий – далекий и т.п.). Кроме того, в теории Дж. Келли разработана система противоположных параметров для характеристики и классификации индивидуальных интеллектуальных конструкторов: проницаемость и непроницаемость конструкторов, всесторонние и частные, основные и периферические, жесткие и свободные, подчиняющие и подчиненные конструкторы. В когнитивной психологии принцип оппозиций используется также для структурирования стилевых характеристик интеллекта: полезависимость – полнезависимость, узкий – широкий диапазон эквивалентности, узость – широта категорий и т.д. (16). В психологии мышления по принципу оппозиций структурируются

операции мышления: анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование и конкретизация, типизация и индивидуализация.

В области методических подходов к изучению личности, реализующих «принцип оппозиций», нужно прежде всего упомянуть семантический дифференциал Ч. Осгуда, направленный на прояснение семантических пространств личности посредством оценок объектов по бинарным параметрам. Оппозиции использованы также в построении шкал «Большой пятерки», «Гиссенского личностного опросника», «Q-сортировки», опросника Кейрси, факторов «Методики диагностики межличностных отношений Т. Лири», структуры опросника «Уровень субъективного контроля», и др.

В сфере множественных психотерапевтических практик, адресованных личности, бинарные концепты используются в процессуальной терапии А. Минделла, созданной на основе идеи глубинной психологии о первичных и вторичных процессах психики. Оперирование оппозициями определяет особенности «диалектической психотерапии» (23). Например, один из приемов этого подхода заключается в отстаивании терапевтом антитезиса к точке зрения клиента, в результате чего клиент и терапевт приходят к синтетическому выводу (10). «Терапия оппозициями» лежит также в основе провокативной терапии Ф. Фарелли (15), высвобождающей здоровую часть личности клиента, способную к восстановлению ее адекватных персональных границ и нормальной социальной адаптации. В психотерапевтической аналитике используются оппозиции социально желательного и подлинного в клиенте, его рациональности и иррациональности, здоровой части его личности и «одобряемого» социумом (врачами, семьей, судебной системой)

нездоровья, безвольного соглашательства с обстоятельствами и сильного здорового Я.

В современных исследованиях личности «принцип оппозиций» применяется при разработке систем моделей, позволяющих интерпретировать и эмпирически изучать личность в новых интегральных парадигмах. К примеру, в монографии Е.Б. Старовойтенко «Персонология: жизнь личности в культуре» приводится множество «бинарных моделей», обосновывающих становление знания о личности в европейском культурогенезе. В частности, это модели женственной души Психеи и мужественного духа Прометея, модели Поэта и Художника, модели ученого-романтика и ученого-классика, модели Моцартовской и Сальерианской ипостасей творческой индивидуальности, модели Выдающейся личности и «личности исчезающей в культуре», модели фемининного и маскулинного типов личности, модели развития жизни – отрицания жизни и т.д. Автором также предложен метод экспликации «паттернов оппозиций», позволяющий осуществлять герменевтику противоречий личности в рефлексивных текстах культуры, а также моделировать индивидуальную рефлекссию в контексте консультирования и психотерапии.

«Принцип оппозиций» имеет достаточно широкое распространение в теоретико-методологических построениях психологов. Однако, его потенциалы в **психологии личности** реализованы далеко не достаточно.

На наш взгляд, данный принцип имеет в познании личности следующие **исследовательские возможности**. Во-первых, это возможность рассмотрения широкого спектра индивидуальных свойств, форм активности, способов жизни с учетом их тонких континуальных переходов из одних качественных состояний в

другие в большом диапазоне между противоположностями. Во-вторых, возможность раскрыть в каждом аспекте личности признаки его противоположности. В-третьих, возможность исследовать личность в тенденциях к жизненному обновлению, изменению, развитию за счет взаимосвязей и взаимопереходов ее множественных оппозиций. В-четвертых, возможность выявить ограниченность генеза позитивных аспектов личности только при условиях объективного и субъективного исключения их регрессивных или негативных моментов. В-пятых, возможность нахождения новых источников и движущих сил развития личности на основе концептуального моделирования дифференцированной системы разнообразных действий с оппозициями, применимых в исследованиях, диагностике и индивидуальной рефлексии личности. В-шестых, возможность изучения путей достижения личностной зрелости при условиях большого объема жизненных оппозиций, разнообразии обращения личности со своими оппозициями и наличия, продления неразрешенных конфликтов между ними.

С нашей точки зрения, исследование **оппозиций отношений личности** состоит в выявлении закономерной внутренней двойственности любого аспекта отношения, противоречий между компонентами и тенденциями становления различных отношений, одновременности процессов и эффектов развития и регресса отношений, форм разрешения коллизий отношений, сочетающих конструктивные и деструктивные тенденции, разнообразия способов соотнесения оппозиций при разрешении противоречий отношений, особой активности личности, встроенной в любое отношение и состоящей в «отношении к своим оппозициям», развития отношения до уровня «зрелого» путем раскрытия и разрешения, наряду с неразрешением, его противоречий. Важную роль играет также

определение доминирующих ценностных отношений личности не столько на основе яркой выраженности их позитивных аспектов, сколько на основе множественности заключенных в них оппозиций и искусства личности разнообразно оперировать ими, включая действия поляризации и поддержания напряжения между ними. (6, 7, 11, 13)

3. Модель анализа оппозиций в отношениях личности

Приведем оппозиции, характерные и для отдельных ценностных отношений, и для их личностной структуры в целом, а также выделим условия возникновения противоречий между оппозициями и возможные способы их разрешения.

Базовые оппозиции отношений

- Направленность отношения во внешний и внутренний, объективный и субъективный мир личности.
- Психические и телесно-практические образующие отношения.
- Сознательный и бессознательный планы отношения.
- Сознательно-рефлексивные и сознательно-нерефлексивные образующие отношения.
- Рациональные, с акцентом на мышление, и иррациональные, с акцентом на интуицию, аспекты отношения.
- Эмоциональные и интеллектуальные аспекты отношения.
- Побудительные и действенно-продуктивные компоненты отношения.
- Отношение Я и отношение других.
- Обращенность отношения к Я и к другим людям.
- Представленность отношения в Я и его отраженная представленность в других.
- Результаты осуществления отношения в духовной и практической сферах жизни.

- Самодетерминация и детерминация отношения.
- Тенденции устойчивости и изменчивости отношения.
- Фемининные и маскулинные признаки отношения.
- Отраженные и не отраженные другими людьми аспекты отношения.
- Известное и неизвестное личности в отношении.
- Возможное и действительное в отношении.
- Согласованность и рассогласование результатов реализации отношения с ценностными доминантами культуры.

*Оппозиции психологической архитектоники отношений**

- Ощущения – образные процессы.
- Абстрактно-логические процессы – вживание и созерцание.
- Дискурсивная мысль – понимание и постижение.
- Понятийное мышление – воображение и фантазия.
- Переживания – интеллектуальная активность.
- Речевая активность – невербальная экспрессия.
- Созерцание – практические действия.
- Рефлексия – самопереживание.
- Оппозиции различных стремлений или переживаний, или представлений, или мыслей, или высказываний, или действий, или рефлексивных актов.

Оппозиции качественного становления отношений

- Зрелость – недостаточность развития.
- Позитивность – негативность.

*При различении оппозиций архитектоники отношений мы следуем приему, предложенному К.Г. Юнгом (19) при разработке бинарных оснований типологии личности, которые, в частности, составили процессы ощущений и образной интуиции, мыслительные и эмоциональные процессы. При этом мы существенно увеличиваем число оппозиций, учитывая участие в реализации отношений всего богатства психических функций и действий личности (13).

- Конструктивность – деструктивность.
- Реалистичность – нереалистичность.
- Жизненная эффективность – неэффективность.
- Обновление – стагнация.
- Многомерность – одномерность.
- Сложность – упрощенность.
- Проницаемость – непроницаемость для качественных влияний других отношений.

Оппозиции направлений становления отношений

- Развитие против регресса.
- Активность изменений против стагнации.
- Совершенствование против редукции.
- Усложнение против упрощения.
- Нормальное становление против патологического.
- Творческое обновление против адаптивных тенденций.
- Достижение зрелости против остановки в развитии.

Общие ценностные оппозиции отношений

- Развитие познавательного отношения в противовес отчуждению от познания.
- Развитие эстетического отношения в противовес нечувствительности и обесцениванию красоты.
- Развитие этического отношения в противовес сопротивлению позитивной этике жизни.
- Развитие деятельно-творческого отношения в противовес жизненной пассивности и разрушительной активности.
- Развитие рефлексивного отношения в противовес уходу от самопознания.

Оппозиции при изменении структуры отношений личности

- Множество зрелых отношений в противоположность их незначительному количеству.
- Наличие нескольких ведущих отношений в противоположность одному доминирующему отношению.
- Сложность, множественность, оппозиционность связей между отношениями в противоположность слабому взаимодействию между отношениями.
- Развитие отдельных отношений на основе связей с другими в противоположность относительной автономии отношений.
- Обогащающие, усиливающие влияния отношений друг на друга в противоположность взаимным ограничениям и ослаблению отношений.
- Сходство психологической архитектоники различных отношений в противоположность их существенным различиям.
- Динамизация и интеграция отношений посредством активности субъекта в противоположность «бессубъектной» динамике структуры отношений.
- Большой объем осознанных оппозиций в отношениях в противоположность «одномерному» представлению личности о характере своих отношений.
- Наличие нескольких хорошо интегрированных отношений в структуре в противоположность отсутствию такого «интеграла».
- Общая зрелость структуры отношений в противоположность зрелости отдельных отношений.

Как возникают противоречия между оппозициями отношений?

Динамика жизненных отношений представляет собой непрерывный процесс возникновения противоречий между взаимосвязанными оппозициями. Например, один из оппозиционных аспектов отношения значительно опережает в темпах становления другой

аспект. Или один аспект приобретает качественный оттенок, исключая его гармоничное единство с другим. Или один аспект испытывает изменения, несовместимые с состоянием другого. Или же один аспект достигает нового уровня развития, кардинально отличного от уровня другого. Или происходит редукция одного аспекта, хотя он необходим для полноценного существования другого. В этих и многих других случаях либо начинает отчетливее обнаруживаться закономерное различие оппозиций, либо начинается их расщепление и расхождение, либо появляется серьезный надлом их связи, либо совершается полная ломка взаимодействия, требующая перестройки одной из оппозиций или обеих сразу, или встает проблема достижения равноценности оппозиций (14).

Какими способами разрешаются противоречия между оппозициями?

К основным из них можно отнести: установление относительного паритета оппозиций и развивающего взаимодействия между ними; нахождение новой меры соответствия в уровнях и направлениях развития оппозиций; достижение взаимодополнения в качествах и уровнях активности оппозиций; установление равновесия между оппозициями за счет их включения в новую систему взаимодействий; открытие новой формы положительного доминирования одной оппозиции над другой; отрицание одной из оппозиций за счет усиленного развития другой; «аннигиляция» одной оппозиции в другой; поляризация оппозиций и их удерживание во взаимном напряженном состоянии; уничтожение оппозиций; синтез оппозиций в качественно новом отношении личности (13).

Личность конструктивно разрешает противоречия отношений при взаимном обогащающем «вливании» и проникновении оппозиций,

при их взаимном исключении в новом синтезе, при получении ими относительной самостоятельности на новом, более высоком уровне, при потере ими свойства быть оппозициями в кардинально преобразуемом отношении. Или, в другом случае, личность намеренно или спонтанно удерживает противоречия в «неразрешенном» состоянии, видя в этой напряженности жизненных отношений источник силы для их активизации и расширения.

Каково назначение разработанной модели анализ отношений?

Разработанная модель ориентирована на расширение теоретического знания о жизненных отношениях личности с акцентом на «оппозиции»; на эмпирический анализ отношений с точки зрения выявления множества их оппозиционных аспектов, задающих во взаимодействии те или иные направления становления личности; на герменевтический поиск в культуре критически сложных и полных индивидуальных вариантов реализации отношений в богатстве их противоречий; на разработку приемов рефлексии противоречий в проблемных отношениях личности, которые могут быть использованы в контексте психологического консультирования; на интерпретацию текстов консультативных сессий, а также текстов интервью и нарративов личности в психологической практике.

4. Герменевтика оппозиций жизненных отношений С. Дали

В данной работе мы обосновываем **герменевтическое назначение модели**, обратившись к одному из опытов самопознания, воплощенных в знаменитых текстах культуры. Покажем, во-первых, как рефлексивное отношение автора конституирует «Я» на основе экспликации множества оппозиций, возникающих в различных ценностных отношениях. Во-вторых, как отрефлексированные оппозиции неизмеримо расширяют пространство самосознания

автора, где открываются уникальные варианты их коллизий, разрешения или «подвешивания» противоречий между ними. В-третьих, как автором текста совершается прорыв к принципиальной незавершенности «себя», поддерживается усилие по сохранения «самонапряжения», осуществляется создание рефлексивным текстом новых возможностей и перспектив «высвобождения жизни» при умножении, амплификации, разведении и сгущении оппозиций.

Предметом **герменевтического исследования**, основанного на применении намеченной модели анализа отношений, выступает рефлексивный текст художника **Сальвадора Дали «Дневник одного гения»** (2), признанный в мировой культуре уникальным опытом самораскрытия творца.

В качестве **ведущих** отношений Дали, нашедших выражение в «Дневнике...», нами выделены эстетическое, творческое, этическое и рефлексивное отношения. Доминирующим среди них является **эстетическое отношение**. Его ведущая роль в рефлексивном и реально жизненном пространствах автора определяется, на наш взгляд, общим объемом, разнообразием, эмоциональной насыщенностью, точностью осмысления и выражения, потенциалом и уникальностью оппозиций отношения.

Базовые оппозиции эстетического отношения Дали:

- **сознательный** и **бессознательный** планы отношения

1) *Всю ночь я видел творческие сны, модельеру там хватило бы идей на семь сезонов, я мог бы разбогатеть! ←→ Но я забыл свой сон, и это стоило мне утраты этого маленького сокровища.* (Бессознательные образы красоты и невозможность их сознательного воплощения);

- отношение **Я** и отношение **других**

2) *Испокон веков люди одержимы манией постигнуть форму и свести ее к элементарным геометрическим объектам. ←→ И только Дали, поддавшись неповторимой «магии носорога», нашел наконец истину. (Тщетно ищущие идеальную форму другие и нашедший идеальную форму Я);*

3) *«Кружевница» всегда считалась картиной, исполненной безмятежного покоя. ←→ Для меня она исполнена какой-то неистовой эстетической силы, как недавно открытый антипротон. (Каноническое восприятие известного произведения другими и уникальное видение Я этого произведения);*

4) *Гюстав Доре представлял себе ад чем-то вроде угольных копей. ←→ Мне он привиделся под средиземноморским небом, и я содрогался от ужаса. (Эстетическое откровение Другого и эстетическое откровение Я);*

- **обращенность отношения к Я и к другим людям**

5) *Мы едем в Барселону, куда привезут мои эскизы декораций к балету. ←→ Надеюсь, музыка будет достаточно скверной, тогда у меня будет возможность творить далианские чудеса в полном одиночестве. (Создание произведения для других и процесс творения для себя);*

- **известное и неизвестное в отношении**

6) *Моя провидческая картина о смерти фюрера стоила мне анафемы со стороны нацистов и бурных аплодисментов в стане их противников. ←→ Я сам так и не понял окончательного смысла этой картины. (Понятное в созданном произведении и непонятое автором в нем).*

Оппозиции архитектоники эстетического отношения Дали:

- **ощущения и образные процессы в отношении**

7) Я пытался заставить засверкать на холсте отдельные чешуйки своей летающей рыбки, и потому невозмутимо отделявал тончайшие детали, не мигая намечал контуры чешуйки. \leftrightarrow Запах рыбы, лежащей передо мной, стал таким зловонным, что меня чуть не вырвало съеденным завтраком. (Образ красоты изображаемого и негативное ощущение от изображаемого);

- переживания и интеллектуальная активность в отношении

8) Я ощущаю приближение совершенства. \leftrightarrow Думаю, что оно все еще бесконечно далеко, как и все, что приближается. (Переживание близости идеала и мысль о недостижимости идеала);

- созерцание и практические действия в отношении

9) Я должен сосредоточиться и сегодня же закончить начатый фрагмент картины, затем приступить к «радиолуару» - земному шару, охваченному носорожьей тревогой. \leftrightarrow Мне приходится стойко обороняться, чтобы не пустить бал Бейстегуи в вязкий поток моих грез. (Реальная работа над произведением и перспектива своего растворения во внутренних образах);

- рефлексия и самопереживание в отношении

10) Мне казалось, что я весь покрылся чешуей и превратился в рыбу. \leftrightarrow Это был мой опасный способ отождествиться с Христом, которого я тогда писал. (Чувство перевоплощения в изображаемое и осознание рискованности этого приема творчества);

- оппозиции стремлений в отношении

11) Только бы мне избавиться от этой робости и начать писать без страха! \leftrightarrow Я стремлюсь к тому, чтобы каждым своим мазком добиваться абсолюта. (Стремление преодолеть страх творения и стремление превосходить себя в совершенстве произведений);

- оппозиции переживаний в отношении

12) В отрочестве мои эмоции были неопределенными и неясными. \leftrightarrow Сейчас мои эмоции имеют совершенную форму ..., олицетворяющую нежность самой плоти Вселенной. (Эстетически не оформленные переживания и эстетически оформленные переживания);

13) Видим, как с неба падает звезда, зеленая, как на полотнах Веронезе, самая крупная из всех, какие мне когда-либо приходилось видеть. \leftrightarrow Гала – моя падающая звезда, самая конечная и самая ограниченная в пространстве! (Восхищение красотой вещи и переживание красоты женщины);

14) Целый час прописанный мною фрагмент картины поражал неземной красотой. \leftrightarrow Потом он просох, и все покрылось пятнами, потемнело, приобретя грязно-желтый цвет амбры. Вся моя жизнь после полудня была омрачена. (Переживание красоты рождающегося изображения и переживание безобразия готового изображения);

15) Импровизированные певцы неожиданно возбудили во мне мощный прилив какой-то нежной и страстной истомы. \leftrightarrow Но я бы приказал отдубасить их дубинкой разок-другой. (Переживание наслаждения и агрессии в эстетическом моменте жизни).

Оппозиции качественного становления эстетического отношения Дали:

- **конструктивность** и **деструктивность** отношения

16) Перед зрителями предстанут пять белых лебедей. \leftrightarrow Они взорвутся один за другим прямо у них на глазах. (Создание эстетического образа и разрушение этого образа);

- **реалистичность** и **нереалистичность** отношения

17) Что бы невероятное я ни придумал, все в это верят. \leftrightarrow Рано или поздно мой фантастический замысел внезапно

становится реальностью. (Изошренность эстетических фантазий и их превращение в реальность).

Оппозиции эстетического отношения Дали в общей структуре отношений:

- оппозиции **эстетического и рефлексивного** отношений

18) *Готовлю себя к погружению в грезы о бале Бейстегуи. ←→ Я не мог приступить к этим моим горячо любимым галлюцинациям из-за непривычно грязного языка и побаливающей печени. (Поиск эстетических наслаждений и осознание их ограничений со стороны собственного тела);*

19) *Я нарисовал шесть ангельских ликов неземной красоты. ←→ Я от них совершенно обессилен и разбит. (Эстетическое достижение и осознание в связи с этим страдания собственного тела);*

оппозиции эстетического и этического отношений

20) *Я готовился работать, сознавая, что должен использовать для этого каждую свободную минуту, так как я запаздываю с картиной. ←→ Гала вдруг заявляет, что будет просто невероятно несчастной, если я не поеду с ней на экскурсию на мыс Креус. (Стремление завершить произведение и желание поддержать Другого в ущерб работе);*

21) *Я собирался разрешить себе наконец погрузиться в грезы о бале Бейстегуи. ←→ Вдруг появился какой-то нотариус, который никак не хотел понять, что я занят. (Стремление к наслаждению внутренним образом и восприятие Другого как помехи этому наслаждению);*

22) *Я вновь почувствовал, что Гала столь же прекрасна, как и существа, населяющие полотна Рафаэля. ←→ Но тут ко мне явились два господина, оба идиоты по образу мыслей.*

(Эстетическое восхищение Другим и обесценивание тех, кто не причастен к этому восхищению).

Эстетическое отношение Дали настолько интенсивно, что буквально пронизывает, создает, а иногда подрывает, основные связи Дали с жизнью: смещает границы воображения и реальности, нарушает и порождает культурные каноны, вступает в противоречия с социальными нормами, живительно и разрушительно вторгается в жизнь общества и конкретных людей, телесно обессиливает и преобразует художника. В тесной связи с данным отношением реализуется **творческое отношение Дали**.

Базовые оппозиции творческого отношения Дали:

рациональные и интуитивные аспекты отношения

23) *Моим основным намерением было сделать чисто морфологический рисунок гения психоанализа. ←→ Как выяснилось потом, в карандашном портрете Фрейда я в точности обрисовал его земную смерть.* (Рациональное намерение и интуитивное прозрение в творчестве);

24) *Гала скупала кисти, лаки и все прочее, что понадобится мне в тот день, когда я наконец всерьез займусь настоящей живописью. ←→ Я и слышать не хотел ни о какой технике.* (Возможность техничного, рационального творчества и выбор интуитивного творчества «вне всякой техники»);

- **побудительный и продуктивный** компоненты отношения

25) *Когда я работал над картиной, мне хотелось овладеть недоступными вершинами мастерства, постигнуть саму суть, квинтэссенцию одухотворенности. ←→ Результат оказался просто катастрофический.* (Стремление к творческим высотам и реальные негативные результаты творчества);

- отношение **Я** и отношение **других**

26) Филип, мой подмастерье, педантично и кропотливо трудится над моей картиной. \leftrightarrow Мне останется только переделать все заново – и картина готова! (Я в творчестве и Другой вне творчества);

27) В Лувре я попросил разрешения написать копию с картины «Кружевница». \leftrightarrow К великому удивлению друзей и главного хранителя Лувра, на полотне у меня оказалось изображение рогов носорога. (Я в творческом восприятии известных произведений и нетворческое восприятие этих произведений другими);

28) Телевизионные комментаторы только и делали, что без конца обсуждали мои эксперименты в области «булетизма». \leftrightarrow А я в это время спал без просыпу, дабы в своих сновидениях найти наилучшую технику «булетизма». (Я в своем творчестве и другие о моем творчестве).

Проблемным, с выраженными деструктивными моментами, влияющими на другие, в частности эстетическое, отношения является **этическое отношение** Дали. Сосредоточенное на Другом или на других, оно часто ориентировано на их обесценивание, унижение, отрицание.

Базовые оппозиции этического отношения Дали:

- представленность отношения в **Я** и его представленность в **других**

29) Я принял двух господ и снизошел до беседы, состоявшей из одних пошлостей. \leftrightarrow За это был удостоен чрезвычайной признательности. (Собственное отношение к другим и оценка этого отношения другими).

Оппозиции архитектоники этического отношения Дали:

- оппозиции **переживаний** в отношении

31) Я бунтовал против неистовой страсти Галы. \leftrightarrow Я научился поклоняться этой страсти. (Переживание отвержения Другого и переживание принятия Другого);

32) Я продолжал расспрашивать Цвейга, показал ли он Фрейдю мой портрет, это было бесконечно ценно для меня. \leftrightarrow Цвейг либо увиливал от ответа, либо был поглощен другими своими мыслями. (Переживание доверия, близости Другого и переживание отчужденности Другого);

- оппозиции **мыслей** в отношении

33) Не страйтесь совершенства. \leftrightarrow Оно вам нисколько не грозит. (Идея совершенства человека и обесценивающая мысль о человеке).

Оппозиции качественного становления этического отношения Дали:

- **ПОЗИТИВНОСТЬ** и **НЕГАТИВНОСТЬ** отношения

34) Отец был для меня человеком, которым я не только более всего восхищался, но и которому более всего подражал. \leftrightarrow Что, впрочем, не мешало мне причинять ему многочисленные страдания. (Любовь к Другому и невыраженность ее в реальном отношении к нему);

35) Заратустра казался мне героем грандиозных масштабов, чьим величием души я искренне восхищался. \leftrightarrow Он сильно компрометировал себя в моих глазах тем, что я, Дали, уже давно перерос. (Превознесение Другого и сомнения в достоинствах Другого).

Оппозиции этического отношения Дали в общей структуре его отношений:

- оппозиции **этического** и **рефлексивного** отношений

36) *Эти туристы глупы, добропорядочны и спортивны. ←→ Я в их возрасте уже таскал с собою по палаткам Ницше и терзал мозги себе и другим. (Обесценивание других людей и высокая оценка себя в сравнении с ними);*

37) *Приход друзей представляется мне как появление каких-то зыбких, призрачных осенних теней. ←→ Все вокруг меркнет и тушуетя, расступаясь перед нами – Галой и Сальвадором Дали. (Отрицание силы и реальности бытия других людей и утверждение силы и реальности собственного бытия);*

- оппозиции **этического** и **творческого** отношений Дали

38) *Умирая, мои друзья превращаются в таких ревностных далианцев, что станут трудиться у истоков моего творчества. ←→ Мне кажется, что я виновен в их смерти. (Принятие достижения славы творца ценой смерти других и переживание вины за это).*

При герменевтическом анализе текста самопознания Дали обнаруживается большое значение его **рефлексивного отношения**, связанного и «встроенного» в другие отношения художника. Данное отношение «работает» прежде всего на самообоснование исключительности и единственности Дали во всех значимых сферах его жизни: в творчестве, любви, почитании со стороны поклонников, в искусстве и среде Великих. Другая важная направленность рефлексивного отношения – поиск возможностей своего субъективного времени для уникальных решений в изобразительном творчестве.

Базовые оппозиции рефлексивного отношения Дали:

- **сознательный** и **бессознательный** планы отношения

39) *Ницше был просто слабак, позволивший себе слабость сделаться безумцем. ←→ Главное в таком деле как раз в том и*

состоит, чтобы не свихнуться! (Я о власти бессознательного над сознанием и Я о силе сознания);

40) *Какое наслаждение окунуться в праздность!* \leftrightarrow *Когда время особенно поджигает... Пусть накапливаются мои неутоленные творческие вожделения!* (Я в сознательной приостановке своего творчества и Я в обращении к творческим силам бессознательного);

- обращенность отношения к **Я** и к **другим** людям

41) *Мне видится рыцарь Дали, он устремляется вперед по улице, заполненной ясным прозрачным воздухом, который обретает вдали безупречную чистоту кристалла. Этот рыцарь принадлежит Гале.* \leftrightarrow *Путь второго рыцаря Дали заволакивает непроницаемый туман, непроходимая свинцовая туча. Этот Дали никогда не встретил Галу.* (Символическое представление Я о собственной жизни с-Другим и символическое представление Я о своей жизни без-Другого);

42) *Какое же наслаждение – быть Сальвадором Дали!* \leftrightarrow *Не могу представить себе, как могут жить другие, если им не выпало счастье родиться Галой или Сальвадором Дали.* (Высокая оценка Я собственного уникального бытия и Я-обесценивание бытия других);

43) *Восемьдесят юных дев просят меня показаться в окне мастерской и хлопают мне в ладоши.* \leftrightarrow *Я отхожу от окна и думаю, что же мне делать, как овладеть наконец тайнами настоящего мастерства?!* (Принятие Я своей славы, признания другими и сомнения Я в своем мастерстве);

44) *Трудно удерживать на себе напряженное внимание мира больше, чем полчаса подряд.* \leftrightarrow *Я же ухитрялся проделывать это целых двадцать лет каждодневно.* (Я об ограниченности

возможностей других и Я о безграничности собственных возможностей);

45) *Критика – вещь возвышенная, ей достойны заниматься только гении. ←→ Единственный человек, который был способен написать памфлет про критику, – это я.* (Представление Я, что другие могут быть гениями, и убеждение Я в собственном превосходстве над гениями);

- **известное и неизвестное** в отношении

46) *Мне нужно отыскать какие-либо убедительные теории, которые бы доказывали идею бессмертия. ←→ Моя техника достигла такого совершенства, что я даже в мыслях не могу допустить такой нелепости, как собственная смерть.* (Поиск Я знания о бессмертии и непостижимость для Я собственного будущего);

47) *В Мексике умер человек, доживший до ста пятидесяти лет. Как бы мне хотелось превзойти этот возраст! ←→ Стойкость памяти, размягченные часы моей жизни, осознаете ли вы меня?* (Осознание Я возможной длительности объективного времени жизни и незнание Я длительности внутреннего времени собственной жизни);

- **возможное и действительное** в отношении

48) *Я на пути к совершенству. ←→ Но все должно стать еще лучше!* (Осознание Я действительного «достижения себя» и осознание нереализованных возможностей Я).

Оппозиции архитектоники рефлексивного отношения Дали:

- **понятийное мышление и фантазия** в отношении

49) *Завтра 19 июля – день, когда мы с Галой прибыли сюда из Парижа в прошлом году. ←→ Значит, я еще не прибыл! Меня еще здесь нет. Я только завтра приеду в Порт-Льигат.* (Мысль Я о

наступающем объективном времени своей жизни и фантазия Я об отставании своего субъективного времени);

переживания и интеллектуальная активность в отношении

50) Я отдавал себе отчет в психопатологическом характере своих приступов безумия. \leftrightarrow Я наслаждался тем, что наконец-то подхватил самое настоящее безумие. (Критическая мысль Я о своем бессознательном и наслаждение Я своим бессознательным);

51) Меня никогда не покидает ощущение, что все, что связано с моей персоной и моей жизнью, уникально и изначально отмечено печатью избранности, цельности, вызывающей яркости. \leftrightarrow Я размышляю о колоритных прозвищах местных рыбаков. Немного найдется в мире мест, где найдется сразу три Иисуса Христа! (Переживание Я своей единственности и мысль Я о невозможности для других обладать ею);

52) К вечеру я докопался до корней, до самых истоков своих ошибок в живописи. \leftrightarrow Я наслаждался, смакуя эти ошибки. (Критическое самопознание и переживание удовольствия от его процесса);

созерцание и практические действия в отношении

53) Сквозь меня мало-помалу незаметно просачиваются недели. \leftrightarrow Я цепляюсь за каждую каплю моего драгоценнейшего обожаемого времени. (Созерцание Я своего субъективного времени и попытки Я активно владеть этим временем);

оппозиции переживаний в отношении

54) В отрочестве я чувствовал себя униженным и подавленным перед романтически непостижимыми и необъятными космическими пространствами. \leftrightarrow Я благодарен современной физике за сибаритское и антиромантическое положение о том,

что космос конечен. (Переживание Я «малости себя» и переживание Я возможности своего величия);

55) Я снова женился на своей же собственной жене, на сей раз в лоне апостольской римской католической церкви. ←→ Через четверть часа я ощутил пронзительное, неистовое желание снова, еще раз жениться на Гале. (Переживание Я уже свершившегося в своей жизни и переживание Я еще не свершившегося в жизни).

Ведущие отношения С. Дали в своих взаимосвязях имеют «ядро жизненного напряжения», образованное неразрешенными коллизиями оппозиций, **общих** для данных отношений. Это оппозиции сознания и бессознательного в отношениях, оппозиции обращенности отношений к Я и другим, оппозиции известного и неизвестного в отношениях; оппозиции позитивного и негативного качества отношений, оппозиции противонаправленных переживаний. Связывая отношения единым контуром динамизации, они создают коллизии эстетического и этического, творческого и этического, рефлексивного и этического, эстетического и рефлексивного отношений. На этой основе в индивидуальной жизни и самосознании художника, в его душевной глубине, поступках любви и творчества воссоздаются силы сохранения, проблематизации и обновления культуры.

Литература

1. Адорно Т. В. Негативная диалектика. Пер. с нем. М.: Научный мир. 2003.
2. Дали С. Дневник одного гения. М.: Изд-во ЭКСМО – Пресс. 1999.
3. Иванов В.В. К семантической типологии производных от числительного «два». // Сокровенные смыслы: Слово. Текст.

- Культура. Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. М. 2004. С. 101-111.
4. Иванов В. В. Нечет и чет. Асимметрия мозга и динамика знаковых систем. // Избр. труды по семиотике и истории культуры. Т.1. М.: Языки русской культуры. 1992. С. 381 – 604.
 5. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М.: Политиздат. 1984.
 6. Исаева А. Н. "Принцип оппозиций" в персонологическом познании // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 135-149.
 7. Исаева А. Н. Субъект жизни в отношении к оппозициям // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2015. Т. 83. № 3. С. 161-173.
 8. Келли Дж. Теория личности: психология личностных конструктов. СПб.: Речь. 2000.
 9. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Просвещение. 1973.
 10. Смит Н. Современные системы психологии. СПб.:Прайм – ЕВРОЗНАК. 2003.
 11. Старовойтенко Е. Б., Исаева А. Н. Роль противоречий в жизни личности // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2010. № 2. С. 230-241.
 12. Старовойтенко Е. Б. Культурная психология личности. М.: Академический проект. 2007.
 13. Старовойтенко Е. Б. Персонология: жизнь личности в культуре. М.: Академический проект. 2015.
 14. Старовойтенко Е. Б. Психология личности в парадигме жизненных отношений. М.: Академический проект. 2004.
 15. Фарелли Ф. Провокационная терапия. Интернет-ресурс: http://www.koob.ru/farrelly_bradsma/provakatsionnaya_terapiya

16. Холодная М.Н. Когнитивные стили: о природе индивидуального ума. СПб.: Питер. 2004.
17. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. М.: АСТ. 2005.
18. Юнг К.Г. Красная книга. Liber Novus. М.: Касталия. 2009.
19. Юнг К.Г. Психологические типы. М.: Азбука, 2001.
20. Cole, M, Scribner. S, (1974) Culture and thought. New York: Wiley and Sons. Coulmas, Florian.
21. Jeffries, L. (2009) Opposition in Discourse: The Construction of Oppositional Meaning London: Continuum.
22. L.Hjelle, D.Ziegler. (1992) Personality Theories: Basic Assumptions, Research, and Applications 3th ed.: McGraw-Hill.
23. Linehan, M.M. (1993) Cognitive behavioral treatment of borderline personality disorder. New York, NY, Guilford Press.
24. Maddi, S.R. (1968) Personality theories: a comparative analysis Homewood, Ill: Dorsey Press.

6. ОТНОШЕНИЕ ЛИЧНОСТИ К СЕБЕ

ПЕРСОНОЛОГИЯ ОТНОШЕНИЯ К СЕБЕ: КУЛЬТУРНАЯ ТРАНСПЕКТИВА*

Статья Старовойтенко Е. Б. Персонология отношения к себе: культурная транспектива // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2010. № 4. С. 13-25.

Для современной психологии личности характерно движение к интеграции теорий и методов на основе их переосмысления в контексте различных философских и гуманитарных наук. Этот процесс, который можно обозначить как **«персонологический синтез»**, позволяет по-новому поставить и исследовать ряд фундаментальных проблем, не нашедших последовательного развития в известных направлениях психологического изучения личности. Речь идет, в частности, о проблеме **отношения к себе** (самоотношения), таинственно ускользающей от целостной разработки даже в тех теориях личности, которые подчеркивают значение индивидуальной самости, **«Я»**, **«Я-сам»**: феноменологических, экзистенциальных, гуманистических, нарративных. Это касается и многих существующих концепций личностных отношений, сознания, рефлексии, идентичности. Причинами могут являться трудности онтологического и эмпирического доступа к самости и **«Я-сам»** личности, а также традиционно преобладающий интерес исследователей к **«Я»** в его отношениях к внешнему миру, а не к себе в своем присутствии в мире. При этом именно способность обращения к себе выступает **«ядерным»** образованием личности, содержащим продуктивную энергию жизни.

* Индивидуальный исследовательский проект № 10-01-0015 «Персонологический синтез моделей отношения к себе» выполнен при поддержке Программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ».

Возможным исследовательским ходом, позволяющим продвинуться в систематизации знаний об отношении личности к себе, или, иными словами, в разработке **персонологии отношения к себе**, является, во-первых, помещение данной проблемы в центральную область психологии отношений личности. Во-вторых, реконструкция моделей отношения к себе, заключенных в выдающихся авторских философско-психологических учениях о человеке и акцентирующих тот или иной существенный аспект самоотношения. В-третьих, соединение этих моделей с целью обоснования особенностей культурного и индивидуального генеза, условий и форм реализации, архитектоники и ценностной направленности, изменения и обновления отношения к себе.

Мы придерживаемся того направления психологии отношений личности, которое развивается в **парадигме жизни**, а отношения выступают в качестве «жизненных отношений» (9). Оно позволяет интегрировать в концепцию отношения к себе идеи о субъекте жизни (7), о «Я» как субъективном основании «искусства жить» (4), о диалогизме жизни и отношений личности (2), об отношениях как персональной экзистенции (3).

В русле данного подхода **личность** рассматривается как человек в его индивидуальном душевно-телесном единстве, объективно и субъективно включенный и воссоздающий процесс жизни. Сама **жизнь** определяется в качестве **способа** соединения личности с миром, благодаря которому мир становится для нее областью значимостей, опытом, испытанием, возможностью развития (11). По мере осуществления жизни пробуждаются и совершенствуются **жизненные способности** человека, заключающиеся в том, чтобы «быть» сознающим, чувствующим, познающим, действующим и относящимся. Благодаря этим способностям, личность «становится

неотъемлемой частью бытия» и может «учесть себя» во всем, с чем жизненно взаимодействует.

Выступая в качестве «способа» пребывания в мире, предполагающего **активность** личности, жизнь может раскрываться в разнообразном психологическом содержании, указывающем на сложность и многоплановость ее функций, процессуального строения и влияний на мир. Соответственно, личность приобретает определения, характеризующие ее проживание жизни: насколько она энергична, конструктивна и продуктивна в добывании знания, переживании, деятельности и общении и насколько она сознает себя иницирующей и реализующей их во взаимосвязях с множественными объектами мира. Жизненная активность разворачивается личностью как во внутренней и внешней постановке объектов в разнообразные связи и отношения для «вычерпывания» из них разнообразных содержаний и значений (6), так и в соотнесении себя с этими объектами для их субъективных преобразований и выражения своих потенциалов, свойств и качеств. Постигание и умножение отношений, существующих в мире, посредством собственных отношений к миру и к себе составляет коренную специфику личностного существования человека.

Способность **«встать в отношение»** является результатом возобновляющейся динамики жизни и изменений личности, имеющих определенные условия и закономерные **этапы**:

- возникновение впечатления личности о встрече с новой реальностью;
- разграничение, установление личностью дистанции между собой и новой реальностью как значимым «иным»;
- постановка «иного» в положение ценного «объекта» для себя и взаимодействие с ним;

- перенос значимого объекта в субъективный план, превращение его во «внутреннюю значимость»;
- активность сложных синтезов стремлений – ощущений – восприятия – представлений – воображения – воспоминаний – мышления, связанных с объектом; построение «внутреннего эквивалента» объекта;
- совершение в адрес объекта действий или поступков, стимулирующих «овнутрение» объекта в субъекте;
- установление внутреннего соотношения «Я – мой значимый объект»;
- соотнесение своей внутренней значимости с реальным значимым;
- поиск Я своего присутствия в значимом объекте;
- принятие личностью объекта с собственными вкладами в него;
- забота Я о развитии, совершенствовании объекта-в-себе и себя-в-объекте;
- нахождение и обращение Я с противоречиями, возникающими при взаимодействии с объектом;
- реализация отношения Я, воссоздавшего в себе значимый объект, к Я, отраженному и воссозданному в этом объекте;
- выход Я за границы сложившейся связи с объектом;
- освобождение объекта как возможного автономного источника для нового цикла своей активности.

Выделенные этапы образуют **модель** как жизненного, возрастного генеза отношений вообще, так и генеза конкретного отношения личности.

Способность и позиция «относиться» предполагает поисковое сознание личности, ее целостное и деятельное Я, согласованность психического и телесного, невозможность поглощения объектом и установления власти над ним, высокое значение самостоятельности

и самодостаточности объекта, ответственность Я за состояние объекта в текущем взаимодействии, уравнивание во взаимодействии интенций отдачи и принятия, осмысление взаимодействия в ценностном измерении.

В процессе становления любого жизненного отношения актуализируется отношение личности к себе-живущей. Включенность отношения к себе в ткань **других отношений** может выступать критерием их зрелости, подлинности. С этой точки зрения, самоотношению принадлежит особая, ключевая роль в общей системе жизненных отношений личности. В определенном смысле «жить» означает «относиться к себе». Встать в любое отношение, значит ввести **себя** в «игру бытия», то есть состояться **субъектом жизни**. «Приоритет отношения к себе позволяет установить независимость субъекта во всех прочих отношениях, ограничивая их непомерную экспансию». (11, с. 591)

В различных источниках субъект и объект самоотношения обозначается как «сам», «Я», «**Я-сам**». Последнее означает деятельную, силовую природу Я, устремленного к себе, сознающего и познающего себя, вовлеченного в самостоятельные поступки и действия, говорящего о себе и изменяющего себя. Личность, исследуемая в ипостаси «Я-сам» глубже раскрывается со стороны своих способностей к жизни, к тому, чтобы быть собой.

Согласно П. Рикеру (5), базовые способности личности, взятой в Я-измерении, состоят в том, что **Я могу** действовать в мире, вступать в общение с другими людьми, рассказать о своей жизни, самоопределяться в жизни, быть субъектом своего жизненного становления, приобрести и сохранять самоидентичность. Сила «могу» как сила «Я» ярко выражается в феноменах частого возникновения интенций к сложной деятельности, исполнения

решений, свободного выбора, завершения деятельности, следования долгу, сдерживания обещаний, совершения поступков по совести, принятия ответственности, решения трудных проблем и сохранения достоинства.

Благодаря Я-сам личность способна:

- отделить себя от других, сравнить себя с другими и установить свои отличия от других;
- открыть в себе несравнимость с другими;
- знать свое обладание одним и тем же телом;
- иметь постоянство во времени, быть тождественной себе в процессе жизни;
- в своем становлении быть той же самой в начале и конце каждого цикла развития;
- изменяться при сохранении инвариант;
- иметь индивидуальный характер;
- пройти единственный и уникальный жизненный путь;
- создать свою жизненную историю;
- быть отправной точкой событий, соединяющих и сохраняющих связи с другими людьми;
- иметь устойчивый ориентир активности и предмет познания в себе самом;
- признать и уважать другие «Я-сам».

Сущность отношения к себе состоит в том, что в собственном «Я» личность приобретает мощное ядро внутренней жизни и субъективный центр, из которого исходят силы индивидуального умножения событий внешнего мира. Личность может непрерывно намечать, проходить, удерживать траекторию, ведущую от себя-наличного к себе-в-наступающей жизни.

Отношение к себе является исследовательским, творческим движением самосознания, самопереживания и «практики себя» личности. Соединяя различные интерпретации (11; 4; 7), это движение можно представить как смену цикличных, преемственных, поступательных **актов**, направленных личностью на себя. Они состоят в том, чтобы найти во внутреннем мире живой центр – «Я»; остановиться перед ним, определить себя целью своих усилий, устремиться к себе; идти к себе, достичь себя, двигаться вокруг себя, идти вглубь себя, отойти от себя, вернуться к себе, встать над собой, создать себя. Отношение к себе может стать тончайшим инструментом поиска, достижения и познания «Я». «Что это за «точка», к которой должно обращаться мышление, деятельность рефлексивная и рефлекслируемая, поворачивающая человека к самому себе? Что такое «сам»?» (11, с. 54).

Полагаем, что осуществление многоступенчатого и целостного отношения к себе является и онтологическим критерием его высокого развития у человека, и признаком жизненных усилий конкретной личности, вложенных в саморазвитие, и результатом **культурно-исторического становления самоотношения**, в целом соответствующего этапам индивидуализации и персонализации общества. Соединение онтологического, индивидуально-психологического и культурно-исторического подходов в изучении самоотношения является важным шагом в развитии персонологии отношения к себе.

Культурно-исторический аспект рассмотрения самоотношения, касающийся, в частности, его **европейского культурогенеза**, представляет для отечественной психологии личности важнейшую, но недостаточно разработанную проблему. На наш взгляд, ее исследование может быть направлено на то, чтобы, во-первых,

учесть транскультурные и культурно специфические особенности отношения личности к себе. Во-вторых, выявить потенциал развития современного отношения к себе, сложившийся в итоге культуругенеза самоотношения (8). В-третьих, наметить модель анализа отношения к себе, основанную на синтезе его «сквозных» культуругенетических характеристик. В-четвертых, ввести в указанную модель характеристики самоотношения, релевантные современности и актуальному психологическому взгляду на личность в ее индивидуальности и субъективности. «Вызов, на который должна ответить любая история, в том и заключается, чтобы уловить момент, когда получивший известное распространение культурный феномен действительно может составить поворотный пункт в истории мысли, стать решающим шагом, в том числе и для нашего современного способа быть субъектом» (11, с. 22).

Данная работа посвящена экспликации, дополнению, персонологическому преломлению и систематизации **параметров анализа самоотношения**, выявленных М. Фуко (11; 12) в его знаменитом культурно-историческом исследовании **субъекта**, отождествленного со способностью человека «относиться к самому себе». Эти параметры, характеризующие европейскую культурную динамику субъективности и типы самоотношения, свойственные разным культурным эпохам, включая современность, могут быть включены в обобщенную **модель культуругенеза отношения личности к себе**.

Наметим версию такой модели.

1. Исторически отношение к себе или «культура себя» приобрело ряд общих, равноценных **форм**, конституирующих его культурные типы и индивидуальные варианты. Содержание каждой формы

составляют конкретные **феномены**, отражающие положения, установки, состояния, внутренние и внешние действия, акты сознания личности, ориентированные на себя.

Обращение к себе (забота о себе):

устремление к себе, занятие собой, попечение о себе, опыт себя, отстранение от внешнего, отступление в себя, уход в себя, погружение в себя, укрытие в себе, пребывание в себе; жить наедине с собой, довольствоваться собой, ухаживать за собой, найти себя во всем, встретиться с собой, воссоединиться с собой, быть себе другом, воздавать себе должное, уважать себя, чтить себя, находить счастье в себе, не быть рабом себя, быть свободным в отношении к себе.

Познание себя (самопознание):

припоминание себя, узнавание себя, истолкование себя, концентрация мысли на себе, экзегетика себя или возврат к своим истокам, открытие незнания себя, слежение за собой, досмотр сознания, исследование своих представлений, изучение своих впечатлений, воображение о себе, открытие тайн себя, изучение себя, поиск истины себя, высказывание о себе,

Преобразование себя (практика себя):

испытание себя, образование себя, управление собой, труд над собой, избегание дурного в себе, преодоление искушений, приобретение независимости от телесных страстей, освобождение себя от зла, выработка себя из себя, совершенствование тела, подготовка себя к деятельности, к встрече с истиной и к жизненным трудностям, аскетика, очищение себя, исправление жизненных ошибок, говорение правды о себе, исцеление себя, спасение себя, разрешение противоречий жизни, превосхождение себя.

2. При актуализации различных форм отношения к себе могут быть задействованы многие **душевные процессы**: самопереживания; самоощущения; самовосприятие; память себя; представление о себе; воображение и фантазии о себе; интуиция себя; рефлексия. В направленности на Я они достигают синтеза, производимого сознанием, чувством и волей.

3. Отношение к себе в его приведенных составляющих может иметь ту или иную доминирующую **временную направленность** либо обладать многовекторной временной ориентацией.

Прошлое: отношение направлено ретроспективно, на состоявшуюся внутреннюю и внешнюю жизнь Я, на его историю, на причины его актуального состояния.

Настоящее: отношение вплетено в текущую жизнь, улавливает внутренние и внешние позиции Я здесь-и-сейчас, определяет актуальное обращение личности с собой, обеспечивает полноту связи личности с собой в данный момент жизни.

Будущее: отношение намечает положения, позиции, активность Я в недалеком и отдаленном будущем, определяет перспективы действий личности в адрес Я, создает идеалы Я, ставит цели самопреобразований.

Время всей жизни: отношение к себе реализуется транспективно, то есть, Я познается во всех временных измерениях жизни; устанавливается единство и тождество «себя» во времени жизни; связываются отношения к себе в прошлом, настоящем и будущем; в самопознании непрерывно «разворачивается свиток» жизни; прошлое «Я» вводится в план актуального и перспективного «Я».

4. Для отношения к себе могут быть благоприятны различные **возрастные периоды жизни** или жизненный путь в целом.

Юность, когда личность особенно открыта к обучению у наставника и учителя, помогающего ей обратиться к себе для того, чтобы научиться познавать, действовать, управлять. «У души, стоящей на пороге жизни, готовой переступить его, нужно спросить только одно: подумай, хочешь ты войти или нет? Иначе говоря, ты хочешь жить или хочешь не жить?..... Если ты выберешь жизнь, то в нее войдет все, что есть в этом раскинувшемся вовне мире, все чудеса и все горести» (11, с. 312).

Зрелые годы, когда личность наиболее способна уединиться в себе, отрешиться от внешней жизни, согласовать заботу о теле с заботой о душе, сосредоточиться на самопознании, исправлении себя, отучении себя от дурного, «собираении себя».

Вся жизнь, когда обращение к себе, самопознание и самопреобразование беспрестанно реализуются, непрерывно совершенствуясь, получая воплощения и отклики во внешнем мире.

5. Осуществление и развитие отношения к себе может иметь определенную **целевую и смысловую ориентации**. Различные типы ориентаций могут дополнять и взаимно обогащать друг друга, обуславливая связь и единство жизненных функций отношения к себе, вводя личность в полноту бытия.

Практика: отношение к себе может быть нацелено на эффективное участие Я в государственной, общественной и экономической деятельности; Я совершенствуется ради самоотдачи личности делам управления, образования, создания и умножения богатства.

Истина: отношение к себе развивается во имя поиска Истины, создания готовности Я к принятию истины, испытания Я истиной, неутомимого познания мира, умножения истинного знания, саморазвития в качестве проводника истины. «Истина дается

субъекту только ценой введения в игру самого существования субъекта» (11, с. 26).

Другой: отношение к себе имеет целью и смыслом обучение, наставление других людей в самопознании и деятельности, побуждение их к заботе о себе, помощь им в обращении к себе, «практике себя», создании текста о себе.

Искусство жить: отношение к себе ориентировано на Я как единство душевного и телесного, на приобретение «опыта себя», на познание истины мира как основания своего бытия, на высказывание истины о своей внутренней жизни, на духовное преобразования себя в соответствии с истиной, на поиск своей формы жизни, на создание своей жизни как произведения.

Спасение: отношение к себе наполнено смыслом культивирования здоровья, долголетия, заботы о теле и его совершенстве; или смыслом достижения истинного знания; или смыслом осуществления всей своей жизни на духовном уровне, обретения мудрости; или смыслом веры и познания Бога, открытия истины в божественных заповедях, самоотдачи Богу.

6. Для пробуждения, становления, реализации отношения к себе необходимо **участие других людей**, предстающих перед личностью такими же «Я», как она сама («для становления субъекта нужен другой субъект»).

Кто эти другие? У других, сопровождающих личность в приобретении способности относиться к себе, появились в истории разные функции, роли, имена. Обращаться к себе личность могут побуждать: философ, учитель, попечитель, наставник, духовный водитель, собеседник, советник в частной жизни, экзистенциальный консультант и психотерапевт.

Что они делают? Они будят мышление, руководят сознанием, лечат душу, задают вопросы, ведут беседы, дают мудрые советы и наставления, произносят речи, помогают сделать правильный выбор, выспрашивают, направляют к откровенным высказываниям, осуждают, исправляют, избавляют от пороков, создают трудные ситуации и помогают справиться с ними. Учитель учит ученика слушать самого себя, запоминать себя, узнавать свое незнание, обнаруживать свое знание, является специалистом по развитию субъективности. «Учитель – это тот, кто заботится о том, как заботится о себе его ученик и для кого любовь к своему ученику – это способ позаботиться о его заботе о самом себе» (11, с. 75). Терапевт улучшает душевное состояние пациента, обращая его к себе: исцеляет недуг его равнодушия к себе, служит проводником его обращения к себе, помогает ему выдерживать и высказывать знание о себе, вдохновляет его на почитание своей души.

В чем они помогают? Личность получает у них поддержку в заботе о теле, в познании, в самопознании, в управлении своими делами, в образе жизни, в изменении себя, в рассказах о себе и своей жизни, в руководстве людьми, в приобретении мастерства, в интимной жизни.

7. Отношение к себе как потенциальная способность любой личности, тем не менее, может исторически приобретать разную степень **распространения** в обществе. В своих развитых формах оно может быть:

делом немногих, избранных, выдающихся, имеющих доступ к знанию, великим учителям, власти, управлению;

делом немногочисленных сообществ, состоящих из обычных людей, связанных дружественными связями на почве

культивирования заботы о себе, исповедующих «моду» на самопознание и практику себя;

делом многих индивидуальностей, практикующих в общении со многими другими лично избранные приемы познания себя, управления собой и совершенствования себя, расслышавших и уникально ответивших на общественный призыв и обязанность обратиться к себе. «Нельзя озаботиться собой всеобщим способом» (11, с. 137).

8. Отношение к себе развивается в **духовном измерении**, когда основывается на совместном с другими поиске знания; на самопознании при поддержке других; на понимании, что знание «вносит изменения в то, что мы есть»; на практике себя для блага других и на совершении пути к себе как пути к другим; на становлении собой для полноценного бытия с другими и обмене с ними истинными речами о себе. «На слово истины, которое учит меня истине,...на это слово я должен – меня к этому побуждают, призывают, обязывают – ответить истинной речью, в которой я раскрываю перед другим, другими истину моей собственной души» (12, с. 423).

Многотрудный поиск истины, преломление ее собственными усилиями в практике своей жизни и передача «личной истины» другим для их блага означает **этический** способ существования, противоположный тому, который порождается реализацией негативных смыслов самоотношения: эгоизма, бравады, агрессивного самоутверждения, противопоставления себя другим. Единство истины и этики как ценностей отношения к себе составляет его духовное основание. «Можно назвать «духовностью» те поиски, практики и опыт, посредством которых субъект производит в самом себе изменения, необходимые для того, чтобы

получить доступ к истине. «Духовностью» в таком случае будет называться совокупность этих поисков, практик, опыта; это могут быть практики очищения, отречения, служения, изменения образа жизни, из которых складывается та цена, - причем, дело идет уже не о познании, а о самом существовании субъекта, - которую он должен заплатить за доступ к истине» (11, с. 27).

9. Отношение к себе предполагает определенное представление о **сущности «себя», «Я»**, в зависимости от которого самоотношению отводится та или иная жизненная роль:

априорное «Я» – данное изначально, всегда существующее, всеобщее, неизменное;

высшее «Я» – достигается путем аскезы, идеального самоотношения;

телесное «Я» – тело личности, природное основание ее души, место прижизненного существования индивидуального душевного мира, предмет заботы и практики себя;

обретаемое «Я» – общий результат развития отношения к себе, направленного на познание и создание себя в текущей жизни;

действующее «Я» – движущая сила телесной и душевной жизни, соотносящая и связывающая прошлое, настоящее, будущее, осознающая собственные жизненные усилия, возможности и опыт, строящая жизнь.

Функционально Я может выступать причиной, идеалом, смыслом и целью существования личности, ее жизненной основой и субъектом жизни. Многоплановое понимание возможностей своего Я и богатство реализации его функций позволяет личности достичь полноты отношения к себе.

10. В архитектонике и реализации отношения к себе особая роль принадлежит **слову и речи**. Воплощая единство знака, образа

означаемого, значения, смысла, интонации и интенции к действию, слово в контексте самоотношения имеет множественные потенциалы. Оно может обеспечить:

- поворот сознания на себя;
- помощь в узнавании, запоминании и вспоминании себя;
- выражение самопереживаний и представлений о себе;
- придание формы размышлениям о себе;
- внутреннюю оценку себя;
- подталкивание себя к действиям;
- удержание своих намерений,
- обращение к другим и ответы им по поводу себя;
- самовысказывание,
- импровизацию о себе;
- ведение диалога с собой.

Старинными метафорами этих потенциалов являются: экипировка, оснащение, снаряжение, защита, укрытие, укрепление, хранилище, помощник, кормчий. Искусно используя Я-обращенную речь, личность может стать учителем себе, терапевтом себе, исследователем себя, защитником себя, руководителем себя.

11. Отношению к себе присуща различная **продуктивность**, зависящая от того, на что нацелено самоотношение и какие смыслы оно реализует в жизни. Продуктивность состоит в конкретных субъективных и объективных результатах действующего самоотношения, в его последствиях для личности и других, в его собственных изменениях и достигнутых уровнях развития. В целом, продуктивность отношения к себе определяет то, насколько личности удалось выстроить «коррелятивный себе» внешний и внутренний мир.

Продуктивными эффектами самоотношения являются:

развитие познания: усовершенствование приемов припоминания, узнавания, представления и размышления, направляемых на поиск сущности вещей;

развитие себя-познающего: приобретение способности добывать истинные знания;

движение в самопознании: умножение и углубление знаний о себе и методов познания себя, овладение приемами рефлексии, направленной на познание – переживание – действие;

изменение себя: усовершенствования тела, достижение новых душевных состояний, освоение новых способов жизни, обновление своих представлений, разрешение своих противоречий, чувство преображения;

развитие деятельности: самостоятельное овладение новыми умениями и техниками в политической, общественной, экономической, обучающей, терапевтической практике;

передача опыта самопознания: обучение других познавать «Я» на основе собственных достижений в приобретении знаний о себе;

укрепление веры: исповедь, покаяние, самоотречение, просветление, самоотдача Богу.

творчество: уникальное мастерство в самопознании, в раскрытии тайн своей души, в решении проблем и преобразовании внешнего мира.

12. Самоотношение в форме полноты, зрелости и свободы конституирует особый тип личности, который исторически приобрел имена «субъекта», «мудреца», «высшей индивидуальности». «Движение, посредством которого мы познаем себя, в великом попечении о самих себе позволяет душе достичь мудрости» (11, с. 87). **Мудрец** отличает хорошее от дурного, добро

от зла, истинное от ложного, видит себя в зеркале божественного и не страшится самопреображения.

Противоположностью «мудрецу» выступает личностный тип, характеризующийся отсутствием практики себя, слабостью доступа к себе, отчуждением от себя, ложными представлениями о себе. Ему традиционно приписывается ряд следующих транскультурных признаков:

он открыт всем внешним влияниям;

он позволяет себя заполнить всем, что приходит извне;

он принимает приходящие представления без разбора;

он позволяет впечатлениям непроизвольно проникать в душу и смешиваться со своими фантазиями и иллюзиями;

он не запоминает, не помнит, не вспоминает;

он позволяет своей жизни утекать, не различая прошлого, настоящего и будущего;

он не концентрирует свою волю и силы на единой цели;

он поглощен разделенностью и многообразием мира;

он желает одновременно многого, но не может отдать преимущества ничему;

его желания зависимы, изменчивы, ограничены;

он не ведет направленной деятельности;

он поглощен собой, но не знает себя.

13. Способом поддержания связи с собой, контроля своих душевных движений и действий, направленных на себя, получения ответов на собственную активность в мире, выявления и разрешения своих противоречий является **рефлексия** личности. Рефлексивный план самоотношения исторически приобрел формы, во-первых, поиска истины в себе, во-вторых, размышления о том, что думаешь о себе и действуешь ли, как думаешь, испытания себя правдой о себе и

исповедью о своих жизненных коллизиях, в-третьих, метода наблюдений за ходом своего мышления, познающего мир, в-четвертых, искусства понимания того, как достичь собственного жизненного присутствия, действенности, эффективности и благополучия. «Именно формы рефлексивности конституируют субъекта как такового. История этого конституирования – история принципа «познай самого себя» (11., с. 502).

Самопознание в форме направленных размышлений о себе, самовопрошания, самопонимания и откровенных самовысказываний воплощает линию отношения к себе, отчетливо проявившуюся в начале христианской эпохи и продолженную в современность, благодаря экзистенциально-феноменологическим и рефлексивным практикам. По сути, это линия, соединяющая неповторимый духовно-исповедальный опыт Августина (1) с бесчисленными попытками и опытами индивидуального обращения к себе в современном социокультурном контексте. Вопросы, имплицитно адресованные себе Августином, ответы на которые составили целостное содержание его исповеди, поныне могут составлять **модель** диалога личности с собой как **рефлексивной практики** (10).

- Откуда я пришел сюда, в эту жизнь?
- Был ли я кем-нибудь до рождения?
- Есть ли во мне тот, кто сам создает себя?
- Что я любил?
- Что я ненавидел?
- На что направлял я свои способности?
- Внешняя или внутренняя жизнь привлекала меня?
- Желал ли другим то, чего не желал себе?
- Обманывал ли я и ради чего я это делал?

- Отчего я страдал?
- В чем я ошибался?
- Нравился ли я себе?
- Что увлекало меня?
- Что сделал для меня отец ?
- Для каких дел родители предоставляли мне свободу?
- Что желала мне мать, что делала для меня?
- Что было моим падением?
- Ради чего я шел на проступки?
- Чьих осуждений я боялся?
- Как переживал я свою испорченность и падение?
- Почему мне были приятны мои проступки?
- Что влекло меня к другим людям?
- Чем была для меня любовь к женщине?
- Любил ли я вымысел, театр, поэзию?
- О каких достижениях я мечтал?
- К чему стремилось мое тщеславие?
- В каких делах я преуспел?
- Кто оказывал на меня наибольшее влияние?
- Кто были мои друзья, что нас объединяло?
- Каковы были мои потери?
- Боялся ли я смерти?
- Мог ли я любить кого-нибудь так, словно никогда не мог его потерять?
- Почему я покинул родные места, куда, зачем уехал?
- Что казалось мне прекрасным?
- Кем я восхищался, в ком нуждался?
- Какие похвалы хотел я слышать в свой адрес?
- Кто нравился мне из сильных мира сего?

- Какие идеи и умственные занятия захватывали меня?
- Любил ли я деньги?
- Кого я считал счастливым?
- К чему я стремился, каких благ я хотел?
- Что давалось мне особенно трудно?
- Во что я верил?
- Что смог сделать из себя?
- Кто и в чем разочаровал меня?
- С какими знаменитостями я искал встреч?
- Что я ценил в других людях?
- Что мне мешало работать?
- Когда я бывал счастлив?
- О ком я заботился?
- Кто любил меня?
- Для кого я был авторитетен?
- Случалось ли мне избавляться от пороков?
- В чем я сомневался?
- Искал ли я поддержки влиятельных людей?
- Как хотел я устроить свою жизнь?
- Что доставляло мне наибольшее удовольствие?
- Как понимал я свободу и свободную жизнь?
- Под властью каких страхов я жил?
- Что есть исток плохого во мне?
- Какие способности я развил в себе?
- Искал ли я истину?
- Хотел ли я понять, что есть зло?
- Шел ли мыслью в глубину свою?
- Думал ли я, что есть добро?
- Изменил ли я свою жизнь, в чем состояли эти изменения?

- Какие испытания довелось мне пережить
- Какие мучительные противоречия находил я в жизни и в себе?
- За что я осуждал себя?
- В чем я искал и находил опору?
- Что больше всего заполняло мою жизнь?
- О чем говорила мне моя совесть?
- Чувствовал я себя единым или разделенным?
- Чего я желал постоянно?
- Что было для меня наибольшей радостью?
- От чего я отказался в своей жизни?
- Как изменялись мои мысли и отношение к себе?
- С кем мы были единокорны?
- Какие беды постигали меня?
- Для кого моя исповедь?
- Есть во мне то, чего не знаю о себе?
- Спрашивал ли я себя: «Кто ты?», что отвечал?
- Что чаще всего вспоминаю и о чем думаю?
- В чем состоит моя работа над собой?
- Как мне искать счастливую жизнь?
- Какие противоречия сейчас есть во мне?
- На что надеюсь я в жизни?
- Чего я хочу избежать?
- Как отношусь к своему здоровью?
- Что я осуждаю в себе?
- Боюсь ли я того, что скрыто во мне?
- Беспокоят ли меня похвалы в мой адрес?
- Когда я испытывал состояния необычной радости?
- Смог ли я стать тем, чем не был?
- Каких открытий я хотел?

- Знаю ли я обо всем, что знаю?
- Хорошо ли я жил сам-с-собой?
- Что такое для меня мудрость?
- Кого из людей я считаю великим?
- Как в разные годы жизни я понимал любовь?
- Как я понимал и понимаю справедливость?
- Обладаю ли я какими-то исключительными дарами?
- Что было тайной и чудом в моей жизни?
- Чему стоит учить людей?
- В чем смог я «собрать себя»?
- Что дает мне покой в самом себе?

Эти вопросы, выстроенные в соответствии с логикой и динамикой знаменитой исповеди, касаются, по сути, всех аспектов самоотношения, отраженных в приведенных выше параметрах отношения к себе.

Рассмотренные параметры позволяют уловить исторические **всплески «искусства себя»**, составляющие содержательно-смысловую и практическую основу потенциала самоотношения современной личности. Кроме того, с их помощью можно охарактеризовать различные **типы отношения к себе**, свойственные конкретным культурным эпохам. Типы обладают выраженной спецификой, имеют исторические инварианты и сохраняют некоторые свои специфические черты на последующих этапах культурной динамики. Это можно продемонстрировать на примере типа отношения европейского человека к себе в первые столетия нашей эры, названные М. Фуко **«золотым веком культуры себя»**.

На языке стоиков, собственная жизнь человека является самоцелью и самоиспытанием, направленным на достижение сопротязженности жизни и процесса воспитания себя, на

непрерывную аналитику своей жизни, на осуществление своего назначения «быть лазутчиком» в мире зла и страданий как части мирового порядка, на восхождение к мудрости как этике добра. В согласии с этими ценностями, «живут так, что фундаментальным проектом существования, онтологической основой жизни, оправдывающей, наделяющей смыслом и подчиняющей себе все техники себя становится отношение к себе» (11, с. 486).

В этот тип самоценного отношения к себе интегрировано множество специфических и транскультурных характеристик обращения к себе, познания себя, заботы о себе. Самоотношение становится общей нормой, а не делом избранных; оно развивается не только ради решения задач внешней власти, деятельности, управления, а, прежде всего, для самой личности; нацелено не только на эффективность исполнения роли государя, военачальника, философа, а на то, чтобы «быть самим собой». Оно предпринимается не только как самопознание, но и как тренировка, упражнение, практика себя; предполагает практику уединения, ухода в себя, сосредоточенности на себе; вовлекает Другого, не столько как учителя, сколько как терапевта и экзистенциального консультанта, который сопровождает жизнь субъекта; оно преломляется в отношениях личности к другим людям, от которых тоже требуется искусство самоотношения; примиряет противоречия между внешней и внутренней жизнью личности. Оно соотносит «себя» со всем тем, что приходит в индивидуальную жизнь, порождая «Я-центрированный» способ существования; вводит результаты самопознания в действия, направленные на мир и на себя; ведет к осознанию, что мир один, и у человека нет выбора, в каком мире жить, но есть выбор, как жить в этом мире; способно помочь личности выдержать жизнь и стать сильнее всего того, с чем

можно встретиться, живя в мире; предполагает превращение жизни в «красивое, добротное произведение».

От сквозных культурных характеристик, культурогенетических типов и системы культурно-исторических особенностей отношения личности к себе можно перейти к психологическому исследованию и разработке практических приемов развития современной **индивидуальности в отношении к себе**. При этом, кроме большого массива параметров индивидуального самоотношения, выявленных в культурной транспективе, могут учитываться разнообразные связи, противоречия, уровни становления, взаимные проникновения и сложные интегралы данных параметров. Должны получить углубленное изучение рефлексивные, творческие, диалогические и феноменологические аспекты отношения к себе, составляющие, на наш взгляд, его современные культурно-психологические приоритеты.

Индивидуальное богатство самоотношения может быть раскрыто и выражено только в контексте истории, познания и актуальной жизни культуры.

Литература

1. Августин Аврелий. Исповедь. М.: Ренессанс. СПИВО – С. и Д. 1991.
2. Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука. 2001.
3. Лэнгле А. Персональный экзистенциальный анализ. // Психология индивидуальности: новые модели и концепции. (Под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова). М: МПСИ. 2009. С. 356 – 382.

4. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. (М. Пруст «В поисках утраченного времени»). СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт. 1997.
5. Рикер П. Я-сам как другой. М.: Издательство гуманитарной литературы. 2008.
6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. В 2-х томах. Т.1. М.: Педагогика. 1989.
7. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. // Проблемы общей психологии. М.: Педагогика. 1973. С. 255 – 380.
8. Старовойтенко Е. Б. Культурная психология личности. М.: Академический проект. 2007.
9. Старовойтенко Е. Б. Модель персонологии в парадигме «жизни». // Мир психологии. №1. 2010. С. 157 – 173.
10. Старовойтенко Е.Б. Современная психология: формы интеллектуальной жизни. М.: Академический проект. 2001.
11. Фуко Мишель. Герменевтика субъекта. СПб.: Наука. 2007.
12. Фуко Мишель. Забота о себе. Киев: Дух и литера. М.: РЕФЛ – book. 1998.

МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ К СЕБЕ*

Статья Старовойтенко Е. Б. Модели развития индивидуального отношения к себе // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2011. № 1. С. 55-69.

Отношение к себе, как многие другие реальности человеческой жизни, может быть исследовано на онтологическом, культурно-историческом и индивидуальном уровне. При этом важно акцентировать взаимосвязь уровней, позволяющую обнаружить в самоотношении моменты общего, частного и единичного, моменты генеза и наращивания его различных потенциалов, момент единственности и уникальности как основы его обще-бытийного и культурного становления. Различение и объединение уровней изучения самоотношения в психологии личности означает развитие и синтез онтологического, культурного, индивидуального подходов к нему. На каждом уровне отношение к себе может быть раскрыто путем реализации всех указанных подходов.

С нашей точки зрения, изучение **индивидуальности** самоотношения с позиций научного синтеза является одной из задач современной **персонологии**, выступающей междисциплинарной, интегральной психологической наукой, поисковая деятельность которой сфокусирована на «индивидуальной личности». В персонологическом плане отношение к себе может определяться как душевно-практическая активность личности, направляемая на собственные значимости в мире, в жизни, в культуре, в других и себе, на освоение и преобразование этих значимостей, а также на свое воплощение в них и встречу со своим «инобытием».

* Индивидуальный исследовательский проект № 10 - 01 - 0015 «Персонологический синтез моделей отношения к себе» выполнен при поддержке Программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ»

Шагом в персонологическом изучении отношения к себе стало наше исследование **культурного потенциала** самоотношения, проведенное методом реконструкции идей герменевтики субъекта М. Фуко (7). В исследовании (6) было обосновано, что самоотношение современной личности в богатстве и разнообразии его индивидуальных особенностей можно глубже раскрыть, благодаря транспективному взгляду, охватывающему многие эпохи персонализации и становления идеи «Я» в европейской культурной динамике. Нами намечена система множественных характеристик и критериев развития самоотношения, представленная в **модели культурогенеза индивидуального отношения к себе**. В модели представлены «сквозные» культурно-психологические способы, элементы архитектоники, временные ориентации, возрастные приоритеты, целевые и смысловые доминанты, меры распространенности в обществе, духовно-ценностные аспекты отношения к себе, а также роли Другого, значение речи, выражения продуктивности и рефлексия в контексте данного отношения.

Вслед за определением и обобщением транскультурных координат развития отношения личности к себе, была поставлена задача теоретического построения и операционализации моделей **отдельных аспектов** индивидуального самоотношения. Речь идет, в частности, о тех аспектах отношения к себе, которые составляют сегодня главное развивающее начало его индивидуальности. На наш взгляд, это **рефлексивная, творческая, диалогическая и феноменологическая** «образующие» самоотношения. Персонологические идеи об их сущности, необходимых условиях полноценного становления и достижения зрелости, а также способах формирования и саморазвития, могут быть эксплицированы из

онтологии человека как науки об «отношениях совершенства», о «предельных уровнях бытия», о «высших человеческих ценностях и свойствах».

Принципами моделирования развивающих аспектов отношения к себе в нашем исследовании выступили, во-первых, соотнесение и «вложение» идей онтологического и индивидуально-личностного подходов, во-вторых, введение в содержание моделей положений о развитии отношения к себе из различных концепций личности, в-третьих, синтез моделей развития самоотношения на основе общности их категориального аппарата и обоснования жизненного единства моделируемых характеристик отношения к себе, в-четвертых, извлечение новых возможностей онтологии человека для психологического понимания, интерпретации, практики рефлексивного развития отношения личности к себе. Основой построения моделей стали концепции С.Л. Рубинштейна, М.М. Бахтина, М.К. Мамардашвили, в которых содержится обоснование рефлексивного уровня отношения к себе и своей жизни, диалога с Другим и сотворчества в контексте самоотношения, а также феноменологического плана отношения к себе, связанного с воссозданием и обновлением индивидуальной жизни.

Модель рефлексивного развития отношения к себе разработана методом персонологической экспликации и синтеза положений работы С.Л. Рубинштейна «Человек и мир» (4), посвященных способу и содержанию **познания человеком себя** в своем присутствии и соотношении с миром. Полагаем, что в богатом теоретическом наследии Рубинштейна идеи данного труда наиболее релевантны психологии личности и ее отношения к себе.

Познавательная активность человека в мире, частью которого является сам человек, осознающий и определяющий свое бытие,

представлена автором на предельном уровне ее развития, задающем высшие критерии самопознания конкретной личности. «Субъекты, личности внутри сущего, осуществляют познание этого сущего, как вещного, так и личностного» (4; с. 337). «В какой мере и как субъект, познающий мир, может быть познан и, значит, стать объектом познания?» (4; с. 340). Рубинштейном разворачивается обширный диапазон связей человека с миром, познаваемый в философско-антропологическом, индивидуально-психологическом и рефлексивном планах. Согласно автору, содержание этого диапазона определяет задачи онтологически обоснованной теоретической и практической поддержки личности в ее существовании, а также способы ее обращения к себе, размышлений о себе и самопонимания.

Познание человеком мира, бытия, жизни определяется Рубинштейном в качестве «отношения», указывающего на единство мышления, переживания, оценки и действия в направленности Я на значимые познавательные объекты. Если таким объектом выступает «Я» или «Я-сам» человека, то речь идет о **познавательном отношении к себе**, которое может осуществляться на уровне мотивационно, эмоционально и ценностно насыщенной **рефлексии**, в пределе ориентированной на прояснение и развитие личностью собственных свойств и основных отношений к жизни: отношения к другому человеку, этического, эстетического, теоретического и практического отношений.

Рефлексия как познавательный срез самоотношения конкретных личностей может обладать различными степенями содержательного наполнения, процессуального совершенства, целостности строения, действенности, проблемности и конструктивных влияний на индивидуальную и общественную жизнь. Рубинштейном

намечаются контуры поступательной личностной рефлексии, которая является его собственной, уникальной практикой, имплицитно реализованной при создании текста его труда. Тема единичного, моего «Я», размышляющего о всечеловеческой и собственной жизни, отчетливо звучит в развертке его глубоких онтологических идей. В этой развертке, ведущей к определению основополагающих смыслов жизни, запечатлен опыт самопознания и самоотношения философа.

Текст Рубинштейна диалогичен в плане обращенности к широкой научной аудитории, в плане постановки общезначимых проблем, направляющих его научный поиск и в плане **скрытого самовопрошания**, помещающего автора – человека и индивидуальность – в пространство человечества, общества, другого, «Мы» и «Я». Роль рефлексивного подтекста размышлений Рубинштейна трудно переоценить при его психологической экспликации, а также развивающем и психотерапевтическом приложении. В целом, это «философская практика себя», значение которой автор определил в терминах «способа жизни», связанного с появлением рефлексии. «Она как бы приостанавливает, прерывает непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за ее пределы. Человек как бы занимает позицию вне ее... для выработки соответствующего отношения к ней, занятия позиции над ней для суждения о ней» (4; с. 351).

Мы наметили модель рефлексивного развития самоотношения в форме **вопросов**, которые могут направлять самоисследование личности на пересечении онтологического и индивидуального измерений ее жизни. Вопросы восстановлены на основе анализа идей С.Л. Рубинштейна, освещающих следующие **темы познания** человеком себя и своего бытия в мире.

1. **Включенность** человека в состав бытия, наряду с другими людьми, и приобретение человеком качеств «бытийствующего» и «общественного», а миром – качества «исторического». Обусловленность свойств человека свойствами того, что с ним соотносится и наоборот. «Человек должен быть взят внутри бытия, в своем **специфическом отношении к нему**, как субъект познания и действия, как субъект жизни...Бытие как объект познания - это бытие, включающее и субъекта» (4; с. 332).

2. **Воссоздание** и обновление в отношениях индивидуального человека к миру тех общественных отношений, которые сложились между людьми, у многих людей, у индивида с другими индивидами по поводу познания истины, поиска красоты, утверждения добра, доверия и любви к человеку, преобразующей деятельности. «Общее проявляется в единичном через **отношение** единичного к единичному, когда одно единичное выступает в качестве **эквивалента** другого» (4; с. 333).

3. Осуществление **индивидуальной жизни** как специфической формы бытия конкретного человека в мире, состоящей в пребывании, изменении, развитии, испытании, участии, действии, воздействии, порождении новых причинных связей в мире.

4. Выражение и изменение в жизни человека индивидуальной меры самоопределения и определения другим, детерминации и самодетерминации во взаимоотношениях с людьми, то есть, развитие человека в качестве субъекта. Человек является **субъектом жизни** в силу своей уходящей вглубь, в бесконечность других существований способности находиться в состоянии взаимодействия, становления, преобразования, отношения. Способность «жить» определяется отношениями личности к миру и

другим людям в модальностях: хочу – могу – способен – действую – создаю.

5. Существование субъекта как центра преломления внешних воздействий, внутренней основы своей жизни, возможности собственных изменений, места порождения активности, качественной определенности своего бытия, причины своей устойчивости и изменчивости во взаимодействии с другими людьми. Субъект жизни «выступает как **самодействующая причинность** по отношению к себе» (4; с. 287).

6. Пребывание и активность индивидуального человека, единичной личности во множественных отношениях с другими людьми, в отношениях к другим как объектам для себя, в отношении к себе как объекту для других и для себя, в установлении **субъект-субъектных** отношений к другим и к себе. «Я» как предмет самосознания предполагает единство субъекта и объекта. «Я» выступает как имеющее себя предметом отношения себя самого» (4; с. 334).

7. Развитие **отношения к себе** внутри отношений к другим как сознательной деятельности Я в адрес других и самосознания своего активного присутствия в других жизнях. К себе относится Я как человек, субъект, сознательный деятель, **реальная личность**, а не только индивидуальное сознание или психика. Я – «это сознательно действующее лицо, субъект как жизни вообще, так, в частности, и познания, осознания мира и самого себя как сознательного существа, осознающего мир...и изменяющего его в качестве действующего лица в процессе теоретической и практической деятельности и в качестве субъекта деятельности осознания» (4; с. 335).

8. Становление **конкретного Я** в качестве объекта и субъекта для другого конкретного Я, которое так же является объектом и субъектом для множества других Я. Каждое отдельное Я выступает условием существования других Я, имплицитно их, становится «Мы», входит во всеобщее «Я», объединяет всех личностей своими сходными свойствами и одновременно является единственным «моим». Все Я, в том числе «мое», обратимы, определяются через свои **отношения друг к другу**, в которых обретают самих себя.

9. Существование «Другого» не в смысле его противоположности или приоритета в сравнении с моим «Я», а в смысле его позиции, которую он занимает, исходя от меня. Другой является частью меня, как я являюсь его частью, и каждый из нас может отнестись к себе как другому и к другому, как себе. Мое **единство** с Другим состоит в том, что в текущей жизни его «Я» воссоздает в себе то, что мною воспринято и осознано в мире, и меня самого.

10. Наличие у человека особого **способа жизни**, состоящего в его множественных отношениях к миру и своему существованию в нем, образуемых сознанием и деятельностью. Отношение к себе представлено в данном способе как самосознание и самодеятельность, исходящие от реалий осознанных действий человека в мире. Мир и «Я-сам» даны человеку в качестве предмета и продукта его восприятия, чувства, мышления и действия только через **жизненные отношения** мира к Я и Я к миру. Сами отношения в своей архитектонике включают акты созерцания, познания, переживания, занятия позиции, практической активности человека, направленные на индивидуальные **значимости** жизни. Существование реальных отношений к своим значимостям создает условия для неотчужденного, подлинно личностного бытия человека. «**Личностью** в специфическом смысле этого слова

является человек, у которого есть своя позиция, свое ярко выраженное отношение к своей жизни» (3; с. 241).

11. Вовлеченность личности в значимые **жизненные ситуации**, где сходятся, пересекаются и вызывают «взрывные действия» ее различные отношения. Ситуации, по сути, есть формы становления жизни. Ситуация включает в себя внешние и внутренние условия, личность, других людей и их взаимодействия, психическую и практическую активность участников, проблему, заключенную в скрытых связях и противоречиях элементов ситуации, всплеск жизненных отношений личности, вскрывающий и разрешающий проблему, момент преобразования ситуации, рефлексии личности и создание условий для возникновения новой значимой ситуации. «Таково сложное строение человеческого бытия и бытия, включающего человека» (4; с. 341). Здесь основания **противоречивости, проблемности** жизни, побуждающей личность изменяться и изменять себя. Путем взрыва, ломки, расщепления ситуации, выявления в ней нового совершается развитие личности.

12. Обусловленность Я и его аспектов личностными отношениями к конкретным жизненным ситуациям, которые выявляют и развивают различные свойства и стороны личности, ставя ее в позиции осознающей, переживающей, действующей, поступающей, встречающей противоречия, **демаскирующей скрытое**. Существует тесная связь наличного бытия человека, его качественной определенности, его новых свойств и его самосознания. «Действие, изменяющее наличное бытие, ... изменяет, реализует что-то новое в самом человеке, что вызывается именно этим действием в этой ситуации» (4; с. 345). «Мое действие **отрицает меня самого** в каком-то аспекте, а в каком-то меня преобразует, выявляет и реализует» (4; с. 344).

13. Неразрывность связи отношений личности к другому человеку и к себе в мире **ценностей и идеалов**. Осуществление отношения к другой личности в измерении собственных, свободно реализуемых этических суждений, выборов и поступков, в измерении любви к ней как утверждения ее бытия, в измерении красоты ее лица, позы, движения, звучания голоса, телесной пластики, мимики, в измерении истины как достижения правды, справедливости, искренности в раздумьях и поступках, адресованных ей.

14. Необходимость реализации самосознания и самодеятельности в таких же ценностных координатах, как сознания и деятельности, направленных на другого человека. Сущность **Я-для-себя**, сущность личной жизни раскрывается в этическом, эстетическом, познавательном отношении Я к другому человеку и ко многим другим людям, отвечающим на эти отношения и показывающим ему **ценностный масштаб** его жизни. Обмен отношениями в мире ценностей порождает чувство собственной свободы у относящихся друг к другу личностей. «Личная свобода – это личная инициатива, возможность действовать на свой страх и риск, свобода критики и проверки, свобода совести» (4; с. 364).

15. Формирование в процессе индивидуального бытия **обобщенного отношения к жизни**, интегрирующего отношения личности в отдельных жизненных ситуациях, а также отношения, длительно связывающие личность с ее основными жизненными значимостями. Обобщенное отношение выражает устойчивые позиции личности по вопросам жизни и смерти, добра и зла, истины и заблуждения, свободы и необходимости, уважения к человеку или презрения к нему. Таким образом, определяется фундаментальный **смысл участия** личности в человеческом бытии, состоящий или в

проживании его трагичности, или в его разрушении, или в его строительстве, или в его обесценивании, или в творческой причастности к нему, или в выработке серьезного, мудрого и ответственного отношения к нему. Обобщенное отношение к жизни может изменяться на основе отношения личности к себе, посредством рефлексивных смысловых **переакцентировок** и деятельной реализации новых смыслов.

Выделенные темы самопознания человека в контексте собственного бытия в мире мы рассматриваем как задающие содержание и модель **рефлексивной практики**, образуемой следующими вопросами:

- Осознаю ли я себя существующим в мире, и как чувствую свое существование?
- Испытываю ли уверенность в пространстве своей жизни?
- Как я оцениваю воздействие мира на себя?
- Есть ли в мире особое место для меня и моей активности?
- Что, прежде всего, составляет мой мир?
- Осознаю ли себя живущим в природном, культурном, социальном мирах?
- Чувствую я согласие с данными мне условиями и обстоятельствами жизни?
- Существую ли я для многих других людей?
- Кто из людей является необходимой частью моего мира?
- В чем я активен по отношению к другим?
- Чью активность и чьи влияния я чувствую на себе?
- Ощущаю ли я свою общность с другими людьми, и в чем она состоит?
- Я - один из многих, единственный во множестве или единичный в себе и для себя?

- Рассматриваю я себя как «индивидуальную личность»?
- Что самое важное соединяет меня с другими?
- Что для меня важнее: моя уникальность или мое сходство с другими?
- Означает ли моя индивидуальность исключительность среди других?
- Вижу ли я себя в качестве «эквивалента», «подобия» других людей?
- Интересна для меня моя жизнь и что она такое для меня?
- Что значит для меня «жить»?
- Прилагаю ли я усилия, чтобы жить?
- Чувствую ли, что моя жизнь зависит от меня?
- Нужна моя жизнь для жизни других людей?
- Осознаю я свои изменения в процессе жизни, и в чем они состоят?
- От чего я завишу в своей жизни?
- Что зависит в моей жизни от меня?
- Что я хочу, к чему стремлюсь в своей жизни?
- Что я могу в своей жизни?
- Что я способен делать в своей жизни?
- Как я обращаюсь со своими способностями?
- Каковы мои жизненные достижения?
- Началом, источником чего я являюсь в жизни?
- Есть во мне то, что является причиной моих желаний, замыслов, поступков?
- Могу ли я вызвать важные события, значимые ситуации в жизни других?
- Важны для меня отдаленные последствия моих решений, действий, поступков?

- Вижу я себя как объект познания, переживаний и деятельности других?
- Способен я признать, что другие иногда становятся «объектом» для меня?
- Могу я относиться к себе и другому как равным, автономным личностям?
- Нужны мне другие люди, чтобы осознать свою реальность и быть активным?
- Что такое для меня «я сам»?
- Что значит для меня «быть собой»?
- Кто из людей мне необходим, чтобы узнавать о себе и чувствовать себя собой?
- Что я делаю, чтобы получить ответ, встретить отклик и отдачу других людей?
- Встречи с кем открыли для меня что-то новое во мне?
- В общении с кем я чувствую прилив сил, желание действовать, вдохновение?
- Кто из людей является действующими лицами моего внутреннего мира?
- С кем я внутренне ощущаю свое сродство?
- Кто, по-моему, чувствует и осознает мою важную роль в его жизни?
- Кто ощущает и принимает сходство, общность со мной?
- С кем я разделяю большую часть своих впечатлений, переживаний, мыслей?
- Для кого важно то, что я пытаюсь передать, выразить, раскрыть ему?
- За кого я несу ответственность в своей жизни?
- Кто принял ответственность за меня в своей жизни?

- Что значимо для меня в жизни?
- Доступно ли это для меня?
- Хотел бы я обладать этим?
- Могу ли я сделать это своим?
- Что я делаю, чтобы значимости наполнили мою жизнь?
- Приходилось мне отказываться от своих значимостей?
- Какая ситуация является особенно важной в моей жизни?
- Что именно значимо в ней для меня?
- Что произошло в ситуации, и было это хорошо или плохо для меня?
- Что было неизвестным, таинственным в ситуации?
- Что составило противоречие ситуации?
- Что удалось понять и осмыслить в ситуации?
- Как я действовал и что сделал в ситуации?
- Как я сейчас переживаю ситуацию и оцениваю свою позицию в ней?
- Как разрешилась коллизия ситуации?
- Каковы последствия происшедшего в ситуации для других людей?
- Что изменилось во мне и моей жизни вследствие данной ситуации?
- Завершилась эта ситуация для меня субъективно?
- Что в жизни является добром и злом для меня?
- Что в мире и жизни является красотой для меня?
- Что для меня истина?
- Какие возможности познать истину я вижу в своей жизни?
- Когда я почувствовал, что совершилась справедливость?
- Слышу ли я в себе голос совести, и что значит для меня «жить по совести»?

- Что для меня означает «личная свобода»?
- Когда я испытываю чувство собственной свободы?
- Что является основным смыслом моей жизни?
- В чем состоит ведущая цель моей жизни?
- Что кажется для меня возможным и невозможным в собственной жизни?
- Что я не смог бы перенести в своей жизни?
- В чем я еще не состоялся, в чем меня еще нет?
- Каким является мое общее ощущение от проживания своей жизни?
- Чего я хотел бы достичь всей своей жизнью?
- Что может выйти из всей моей жизни?
- Чьи жизни являются для меня ориентирами в собственном жизненном пути?

Реконструкция рефлексивного контекста теории С.Л. Рубинштейна имеет, на наш взгляд, как исследовательское, так и практическое значение. Обращаясь к приведенной развертке вопросов, соотнося их с собственной индивидуальностью и отвечая на них, конкретная личность может углубить, умножить и систематизировать знания о себе.

Рефлексия обнаруживает пробелы в самопознании; она позволяет личности осознать свое незнание себя; направляет к постановке проблем, связанных с недостатком знаний о Я; создает условия для поиска нового в себе; порождает мотивы, замыслы, планы жизненной практики личности, открывающей ей новые стороны «себя»; прокладывает путь к скрытым, бессознательным сторонам Я. Рефлексия позволяет личности поместить в поле своих осознанных значимостей множество **Я-объектов**. Это внешнее и внутреннее тело, душевные процессы, знания о себе, деятельность и поступки,

их результаты и последствия, другие-в-Я, Я-в-других, Я-от-других, отношения к жизни, жизненные ситуации и события, хронотоп жизни, противоречия жизни, рассказы о своей жизни, жизненные периоды и жизнь в целом. В этом охвате «Я», в его проблемном, дифференцированном познании, в соотнесении и синтезе его элементов заключен высокий потенциал развития **творческой** составляющей самоотношения.

Моделирование личностной рефлексии на основе идей С.Л. Рубинштейна, занявших достойное место в современной философской и психологической культуре, означает, по сути, обращение к проблематике «Другого» (здесь «автора произведения») и его возможных влияний на самопознание конкретной личности в жизненном, культурном, познавательном **диалоге** с ним.

Я и Другой являются одновременно **авторами и соавторами** самоотношения, создавая жизненное пространство для осуществления личности в качестве индивидуальности. В отношении к себе заключен ресурс **творчества**, являющийся неисчерпаемым, в силу его неразрывной связи со всеми жизненными отношениями личности, выводящими ее за пределы Я, во взаимодействия с многими другими людьми.

Предлагаем концептуальную **модель творчески-диалогического развития отношения к себе**, разработанную методом персонологической реконструкции и синтеза идей работы М.М. Бахтина «Автор и герой в эстетической деятельности» (1), непревзойденной по глубине анализа диалогичности сознания и отношений личности.

1. **Личность** является «непространственным центром» душевной жизни, организующим началом **жизненных отношений** в единстве

их эмоциональной, волевой, познавательной и поступковой установок, смысловым обоснованием жизни, средоточием интимности, инициатором ценностных событий, субъектом упорядочивания внешнего и внутреннего мира, самосознанием «предстояния себе», побуждающим к продуктивной активности, условием «инкарнации», или оживления, своих отношений в текущей жизни.

2. Каждое подлинное отношение к миру обладает потенциалом **творчества**, направленного на придание объектам целостности, содержательности и ценностной полноты. Творческое отношение выявляет богатство видимых и скрытых качеств объекта, а также обобщает, изменяет и совершенствует их путем поисковой деятельности субъекта. Отношение не только «ловит» объект как личную значимость, но и «досоздает» его. Относиться, значит, становиться автором объекта. «Всякое принципиальное отношение носит творческий, **продуктивный** характер. То, что мы в жизни, в познании и в поступке называем определенным предметом, обретает свою определенность, свой **лик** лишь в нашем отношении к нему: наше отношение определяет предмет и его структуру, но не обратно... Когда мы отходим от своего принципиального отношения к вещам и миру, определенность предмета противостоит нам как что-то чужое и независимое,... и мы сами теряем себя и устойчивую определенность мира» (1; с. 33). Творческие отношения к предметному миру строят мир «Я», который личность обретает и обновляет в **творческом отношении к себе**.

3. Отношения к миру в своем продуктивном движении предполагают смену свободных **жизненных актов и состояний** личности: вчувствования, вспоминания, вживания, принятия, осмысления, отстояния, вненаходимости, занятия позиции,

преобразования объекта. Осуществление творческого отношения невозможно при условии слияния с объектом, потери себя в нем, чрезмерного сокращения дистанции в связи с ним, присвоения объекта, отказа другим людям в освоении и обладании им в жизни. Это в полной мере касается самоотношения личности. «Я для себя являюсь субъектом активности видения, слушания, осязания, мышления, чувствования; я как бы выхожу из себя в своих переживаниях и направлен вперед на себя, на мир, на объект. Объект противостоит мне как субъекту. Речь идет не о гносеологической корреляции субъекта – объекта, а о жизненной корреляции меня – единственного субъекта и всего остального мира» (1; с. 64).

4. Продуктивное отношение к себе возможно только в мире культуры, человеческих ценностей, в **культурном диалоге**, при участии конкретных «других» в ценностно-смысловом развитии личности. Все в индивидуальном бытии «горит заемным ценностным светом других». Самоотношение пробуждается и активизируется во встречах **Я** с эстетическим, этическим, познавательным, творческим отношением другой личности и наполняется соответствующим, «отраженным», индивидуальным содержанием. Критерии своей принадлежности к ценностному миру и силы быть в нем личность принимает от «других». «Я сам не могу быть автором своей собственной ценности, как я не могу поднять себя за волосы» (1; с. 61). При этом **диалог Я и Другого** неизбежно носит напряженный, противоречивый характер, благодаря которому только и возможно приращение содержаний «Я». «Диалог представляет собой борьбу между ценностными контекстами жизни личностей, выражение столкновения между их различными эмоционально-волевыми позициями, занятыми ими в одном и том же событии, выражение борьбы оценок» (1; с. 17).

5. В диалоге, происходящем во множестве жизненных событий, создается образ моего телесного и душевного Я, добывается новое знание о Я, обогащается опыт деятельности Я, обновляется, совершенствуется предметная среда самоотношения, развивается рефлексия, расширяются границы ценностного самовыражения. В зазоре моего переживания и оценок себя и выраженного переживания и оценок меня Другим рождаются мои интенции к самоизменениям. Я объединяюсь с Другим, имеющим **избыток видения** меня, чтобы понять, чего я не знаю о себе, чтобы с его помощью вскрыть и разрешить проблемы своей жизни, чтобы посредством его глубже понять себя, чтобы встретиться с тайной своего существования в нем, чтобы рассказать о себе и вместе с ним строить жизнь. «Когда нас двое, то с точки зрения действительной продуктивности события важно не то, что, кроме меня, есть еще один, по существу такой же человек, а то, что это **другой для меня** человек. В этом смысле его простое сочувствие моей жизни не есть слияние в одно существо,... а есть существенное обогащение события, ибо моя жизнь сопереживается им в новой форме, в новой ценностной категории – как жизнь другого человека» (1; с. 112). Мы улавливаем отражения нашей жизни в сознании других людей, учитываем оценочные оттенки в их отношении к нам, предвосхищаем их позиции во взаимодействии с нами, и все это составляет необходимый материал для нашего перспективного самоопределения. Но если мы не входим в диалоги с другими людьми, их представления о нас становятся **«мертвыми точками»** нашей бессознательной жизни. Иногда они сгущаются в наш **«двойник»**, который пугает нас внезапным появлением в сознании, чуждостью и завершенностью.

6. Для творческого отношения к себе необходима атмосфера **любящего** сознания и действия Другого. Смысл любви, укорененный в этическом, религиозном, эстетическом и интимно личном бытии людей, побуждает другого человека занимать по отношению ко мне разнообразные позиции, обеспечивающие мою **самостоятельность**: позиции вне – рядом – вместе –внутри –против – в единстве. Моя самостоятельность, в противовес зависимости и пассивности, означает суверенную жизнь моей души в относительном отвлечении от влияний Другого. «Душа – это совпадающее само с собою, себе равное, замкнутое целое внутренней жизни, постулирующее вне находящуюся любящую активность другого человека» (1; с. 154). В любовном отношении ко мне Другой приносит в дар утверждение моего бытия, высокую оценку, идеальный смысл, любование, милование, доверие, уважение и понимание меня. В значимой встрече с отношением любящего Другого Я свободно принимает его взгляд, разделяет с ним активность его памяти, воображения и мышления, работает над собой по его желаниям и замыслам, создает себя по его проектам, превосходит его ожидания и отвечает своим творческим отношением к нему.

7. В диалоге с Другим, реализуя этическое, эстетическое, познавательное и деятельное самоотношение, личность формирует собственные **жизненные границы**. Они охватывают внешний мир ее практической активности, ее наружность, внутреннее тело и душевный мир, включая рефлексивное и феноменологическое пространство. Роль Другого и Я в построении границ и содержания разных миров является различной. В частности, Другому принадлежит ведущая роль в развитии самосознания наружности, или **внешнего тела**, личности. Именно Другой в ипостасях

культуры, общества, конкретных людей является авторитетным автором внешнего тела личности. «Моя наружность не может стать моментом моей характеристики для себя самого. В категории «Я» моя наружность не может переживаться как объемлющая и завершающая меня ценность; переживается она лишь в категории «Другого», и нужно самого себя подвести под эту категорию, чтобы увидеть себя как момент внешнего единого живописно-пластического мира» (1; с. 61). Не видя в Другом создателя своего облика, не соотнося созданный им образ со сконструированным образом себя, не учитывая возможной эмоционально-оценочной реакции Другого на свою наружность, Я не может раскрыть тайну своего внешнего выражения. При этом, **внутреннее тело** – эквивалент внешнего тела, целое витальных ощущений, влечений и потребностей – дается только самосознанию самой личности, хотя совершенствуется и согласуется ею с образом своей наружности при поддержке Другого. **Душевный мир** личности постигается, развивается и ею самой, и Другим, но только сама личность может свободно раздвигать границы и умножать уникальные содержания этого мира. **Мир практической активности** личности приобретает свои границы на основе взаимодействия и содействия Другого, наполняется личностью собственными действиями, поступками и их продуктивными результатами в качестве соавтора близкого или дальнего Другого. В **рефлексивном мире** личность имеет возможность охватить все границы своей жизни, занимая позицию самодостаточности в проживании, став, на какой-то момент творцом Я-для-себя. «Взглянув на себя глазами «Другого», мы в жизни всегда возвращаемся в себя самих, и последнее, как бы резюмирующее событие совершается в нас в категориях собственной жизни» (1; с. 43).

8. Личность стремится достичь **чистоты творческого самоотношения**, обращаясь к художественному, религиозному или философско-психологическому созданию автобиографического рассказа, жизнеописания, исповеди. Однако личный характер такого повествования всегда неизбежно сочетается с явным или неявным присутствием разнообразных значимых других. «Чистый одинокий самоотчет невозможен... Известная степень тепла нужна в окружающей меня ценностной атмосфере, чтобы самосознание и самовысказывание могли осуществиться в ней, чтобы **началась жизнь**» (1; с. 165). «Другой» задает культурную форму текста, является идеальным или реальным собеседником, выступает внутренней инстанцией осуждения, помилования и спасения, мыслится как самый желаемый адресат, существует как организующая ценностная сила рефлексии. Собственная жизнь освещается автором как возможный рассказ о ней авторитетного Другого. Во всей своей аутентичности самоотношению, рассказ о себе является моментом **несовпадения** личности с собой, открывая перспективу жизненного движения Я к будущим реальным событиям прощания, понимания, оправдания другими и преодоления, обновления, преображения себя.

9. Творческая сущность отношения к себе выражается в активных установках личности на переосмысление своего прошлого, завоевание себя в каждом моменте настоящего, предстояние себе в будущем и новые замыслы своей жизни. Активность самоотношения состоит в том, что оно в своем **ценностно-смысловом** и **временном** измерении проходит через все переживания, отношения и действия Я как «мои», «не отпускает» их от Я, оживляет их, поддерживает и верность Я себе, и преобразования себя в наступающей жизни перед лицом должного, заданного «другими». «Осознавать себя самого

активно, значит – освещать себя предстоящим смыслом; вне него меня нет для себя самого» (1; с. 142).

10. Самоотношение открыто к развитию в транспективе жизни, благодаря **поступкам**, совершаемым делом, словом, мыслью, чувством, которые меняют ситуации осознаваемого ценностного присутствия и участия личности в жизни других. Поступок вплетен в архитектонику самоотношения, позволяя личности каждый раз встретиться с новой реальностью Я в жизненном взаимодействии с другими. Поступковая продуктивность отношения к себе оживляет и создает такие моменты внутреннего и внешнего бытия личности, что она чувствует себя дома в ценностном, творческом мире других людей, «свершивших, в нем свою жизнь – мире Христа, Сократа, Пушкина...» (1; с. 134).

11. Творчески-диалогическое раскрытие Я-для-себя в условиях ценностных жизнеотношений, любви и избытка видения со стороны других, построения своих жизненных границ, создания текстов о себе, поступков и событий «инкарнации» развивает личность в качестве **автора себя и индивидуальности** особого рода. Это единственность самопознания, оформления и выражения себя в соотношении с другими, а не «видимая, познанная и оформленная другими людьми «индивидуальность» (1; с. 225).

Приведенная модель теоретически обозначает расширенный жизненный контекст развития отношения к себе с акцентами на влияние творчества и диалога. Кроме того, она может выступить концептуальным обоснованием приемов психологической поддержки личности как субъекта позитивной, продуктивной и уникальной связи с собой.

По мотивам размышлений Бахтина мы наметили **рефлексивную модель Я-позиций**, реализующих творчески-диалогическое

самоотношение личности. Она включает конкретные содержательные координаты осуществления рефлексии и «практики себя», которые могут быть представлены в различных методиках и технологиях, ориентированных на Я.

- Я осознаю себя «другим», единственным, в сравнении с окружающими.
- Я вступаю во взаимоотношения с другим человеком в актах самодеятельности, самовыражения, самореализации.
- Я добываю знания о себе посредством изучения отношений ко мне Другого.
- Я «овнутряю» и создаю Другого как активное содержание моего душевного мира.
- Я вижу Другого не только в себе, но и в реальности его собственной жизни.
- Я вызываю себя к жизни во вновь открывшемся для меня Другом.
- Я нахожу себя живущим и действующим во внутреннем и внешнем мире значимого Другого.
- Я заимствую как материал для творчества образ себя, знание о себе, идеал себя у Другого.
- Я стараюсь быть принятым, запечатленным и творчески вовлеченным в мир Другого, расширяя границы себя.
- Я принимаю или отрицаю Другого, чьи влияния на себя ощущаю и осознаю.
- Я стремлюсь освободиться от «магии» своего присутствия в Другом, не зависеть от него.
- Я исследую себя как отраженного в Другом, стремясь уловить истину своей данности в нем.
- Я воссоздаю в Другом свой образ, позволяющий нам быть вместе.

- Я самоопределяюсь в ценностно-культурных отношениях к Другому: религиозном, этическом, познавательном, эстетическом.
- Я обращаюсь в саморазвитии к «дальному Другому», который не был в моей реальной жизни: учителю, образцу, идеалу, выдающемуся человеку, герою произведения, человеку другой культуры или эпохи.
- Я изучаю мир Другого, в котором меня еще нет, или где меня отрицают, или который закрыт для меня.
- Я разрешаю внешние и внутренние противоречия с Другим, определяя его место и роль в своей жизни.
- Я открываю свои возможности и ограничения в отношениях с Другим. Я иду на поступки помощи и поддержки в адрес Другого, испытывая и обновляя себя.
- Я занимаю позицию самоотдачи в адрес Другого, становясь автором изменений его и себя.
- Я интегрирую моменты присутствия Другого во мне и моей жизни во внутреннем или внешнем образе, тексте, символе.
- Я продлеваю свое время жизни в культурных вкладах и влияниях на других.

Индивидуальность отношения к себе во многом является результатом приобретения личностью опыта целостного глубинного отражения, интенсивного проживания, сознательного присвоения и авторского осмысления значимых моментов своей жизни. Формой такого опыта является **впечатление**, или то, что вспыхивает только в одной жизни, что «можно только лично пережить», что «случается только со мной». Оно отличается силой «невербального корня» (2), спонтанностью возникновения и появления в сознании, чувством «всплеска» подлинной и наполненной жизни, высоким потенциалом

содержательного обогащения Я. Впечатление – это «летучее живое, какая-то летучая истина, какое-то летучее совершенство и полнота, которые летучи именно потому, что человек не может продлить этой полноты – молний истины нельзя растянуть в долгое и ровное Солнце...» (2; с. 394).

Проступившее в самосознании впечатление, может стать для личности «кодом» тайны собственного бытия, нуждающимся в расшифровке, или символом загадочных событий внутренней жизни, требующим понимания, или проблемой непредсказуемого жизненного процесса, ожидающей решения, или новым знанием о себе, ценным для рефлексии, или предметом художественных и философско-психологических поисков и исследований. Превращение впечатления в тему познания и самопознания, в основание обращения к себе, достижения причастности к жизни и своей аутентичности может быть обеспечено **феноменологической практикой** личности как одним из способов развития отношения к себе.

В широком плане феноменологическая деятельность, ориентированная на впечатления, может быть определена следующим образом. Во-первых, это проживание, осознание и описание своих впечатлений. Во-вторых, самоисследование впечатлений и изучение впечатлений, представленных другими людьми в повествованиях о своей жизни. В-третьих, интуитивно-дискурсивная рефлексия и означивание своих впечатлений. В-четвертых, создание концептуальных моделей и текстов анализа впечатлений, применимых в самопознании других личностей: экспликация «логоса, услышанного мною» (2; с. 28), которым можно «читать» впечатление. В-пятых, развитие душевной установки на

уловление впечатлений и наполнение ими своей жизни, чтобы интенсивно «быть» и «становиться».

Ряд важнейших аспектов феноменологического подхода к впечатлению блистательно реализован М.К. Мамардашвили в труде «Психологическая топология Пути» (2). На основе анализа душевной динамики Эго-героя М. Пруста он находит психологические «маркеры» впечатления, связанные с его возможностями в плане познания, усиления и обновления личностью себя и своей жизни.

В реконструированной по материалам его труда **модели феноменологического развития отношения к себе** мы приводим характеристики впечатления как предпосылки его влияния на Я и индивидуальную жизнь при его истолковании личностью.

Личность испытывает изменения жизни и Я не только вследствие того, что познает возникшее впечатление и вводит его в контекст поведения, а и потому, что своей позицией «внутри» него, своим диалогом с ним и отношением к нему непроизвольно пробуждает скрытые в глубине души силы жизненного самодвижения и самотворчества.

Обращаясь к впечатлению, воссоздавая его, личность задается вопросами: что со мной происходит на самом деле, где я стою, что на самом деле я чувствую, какое место я занимаю, что я испытываю, о чем свидетельствует мое состояние? Работая с впечатлением, она увеличивает разрешающую способность сознания и завоевывает новое видимое и незримое пространство для своего Я. Так, неожиданно замеченный любящий взгляд открывает личности ее истинное место в жизни другого человека и вызывает у нее явные и неявные самопереживания, самооценки, интенции к действию.

В понимании М.К. Мамардашвили, личность, – это лик, проявленный при становлении человека «практикующим феноменологом» посредством проживания, прояснения и осознанного скрепления своих впечатлений в поиске подлинного «я». «Перед нами, во-первых, проблема **установления отношения** к некоторому трансцендентальному объекту, который может установиться в невербальном **«я есть, я могу»**. И, во-вторых, это «я есть, я могу» не дано в моем наличном персонаже, в моем эмпирическом «я». И нырять в себя означает, прежде всего, избавляться от этого своего «я» и разрушать его.... Скажем, мы встретились с гением. Как говорил Толстой, перед достоинствами гениев, у нас есть только одно спасение – любовь к ним. Но для любви нужно – узнать, признать. А это очень трудно – узнать, не нырнув в себя...» (2; с. 440). Через соотнесенные с собой впечатления мы становимся самодействующей причиной развития своих жизненных отношений, качеств, образа Я.

Какие характеристики впечатления представлены, по выражению М.К. Мамардашвили, в его «простой модели»? Какие особенности впечатления запускают восходящее, осознанное и «невербальное» движение личности к себе? Что личность может обнаружить в феноменах впечатлений, анализируя их? Основываясь на каких характеристиках впечатления личность может осуществить его **рефлексию**, расширяя и углубляя знание-о-Я?

- Во впечатлении представлен значимый объект или момент жизни как глубинно укорененный, эмоционально насыщенный, осознанный и запоминаемый образ с центром в виде «фигуры желания».

- Впечатление относится к особым «точкам сенсбилизации» жизни; проживаемый момент жизни накладывается на некую «рамку нашей чувствительности».
- У впечатления есть связь с архетипом, и уловить эту связь, значит, добраться до его самого глубокого источника.
- Во впечатление вложены ведущие жизненные отношения личности в виде «больших» чувств, мыслей, стремлений, идеалов.
- Впечатление отмечает сродство личности и некоторого объекта как конкретного эквивалента жизненной ценности.
- Во впечатлении дается переживание интенсивной и полной индивидуальной жизни.
- Впечатление единственно, необратимо, невозвратно, но может быть продлено активным отношением к нему.
- Впечатление само является значимым моментом жизни, который затрагивает, захватывает, зачаровывает, «ангажирует» личность; во впечатлении она становится «свидетелем себя».
- Впечатление целостно, неразложимо, рационально не выразимо, но допускает присутствие личности в себе и ее творческую рефлексивную позицию.
- Во впечатлении есть то, что личность не может знать, пока не обратилась и не включилась в него.
- Впечатление показывает личности реальность такой, какая она есть, открывает действительность собственной жизни.
- Впечатление говорит о присутствии личности в своей жизни, но ведет к разрыву присутствия, когда личность осмысливает его.
- В Я-принятом впечатлении формируются интенции к тому, чтобы «мочь быть», «рискнуть быть», «испытать жизнь».

- Во впечатлении личность переживает чувство гармонии, как будто бы «мое вернулось ко мне».
- Впечатление метит противоречия, которые личность готова разрешать, чтобы обновить себя и свою жизнь; личность видит оппозиции в качестве того, что «создано друг для друга».
- Во впечатлении есть момент разрыва границ самосознания, проявления неизвестного, напряжения, порыва заглянуть в «неизвестную родину».
- Впечатление способствует амплификации сознания, что создает условия для появления «отношения личности к своему впечатлению».
- Впечатление, при условии его истолкования, пробуждает способность личности заново «вложиться» в свою жизнь, активно воссоздавая, высвобождая ее.
- Впечатление в его активном осознании означает расставание личности с собой, движение к возможному Я.
- Впечатление выявляет сложность смыслового контекста жизни личности; в нем есть следы выполненных, нарождающихся в глубине Я, актуализованных и потенцирующих смыслов.
- Впечатление дается личности словесно-чувственно-образным текстом, имеющим пересечения с множеством текстов культуры и конкретных других людей; авторский текст выраженного впечатления может быть измерен своим «культурным объемом».

Данная модель может использоваться как «матрица» разработки рефлексивных вопросов, направленных в индивидуальном консультировании и в процессах самопознания на развитие личности в качестве «практикующего феноменолога».

Резюмируя изложение, подчеркнем органическую связь, соединяющую рассмотренные модели развития самоотношения

личности. В пространстве персонологически преломленной онтологии раскрывается мощный источник жизненного становления и саморазвития индивидуального отношения к себе. Это творческий диалог личности с Другим и с собой, осуществляемый в единстве действенно-поступковой, рефлексивной и феноменологической практики.

Литература

1. Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб: Азбука. 2000.
2. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. СПб: Издательство Русского Христианского гуманитарного университета. 1997
3. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. В 2-х томах. Т. 2. М.: Педагогика. 1989.
4. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. // Проблемы общей психологии. М.: Педагогика. 1973. С. 255 – 380.
5. Старовойтенко Е. Б. Модель персонологии в парадигме «жизни». // Мир психологии. №1.2010. С. 157 – 173.
6. Старовойтенко Е.Б. Персонология отношения к себе: культурная трансспектива. // Мир психологии. №4. 2010. С. 13 – 25.
7. Фуко Мишель. Герменевтика субъекта. СПб.: Наука. 2007.

7. ОТНОШЕНИЕ Я – ДРУГОЙ

ДОСТИЖЕНИЕ СЕБЯ В ОТНОШЕНИИ К ДРУГОМУ*

Статья Старовойтенко Е. Б. Достижение себя в отношении к Другому // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2013. Т. 74. № 2. С. 71-85.

Жить – сделать так, чтобы Я стало возможным

Ценность жизни открывается личности не только в объеме благ, данных ей миром, или в социальном масштабе и новизне ее деятельности, но и в отношении к себе: поиске и сохранении себя, достижении себя и самополагании в плане улучшения бытия многих других. «Достижение себя» не является предметом систематического изучения в отечественной психологии личности. Наша цель – обосновать значение его исследования в актуальном социокультурном и научно-гуманитарном контексте.

1. Персонологическая герменевтика

«Достижение себя» понимается в данной работе как целостная, рефлексивно опосредованная реализация **возможностей Я** в ведущих жизненных отношениях личности, прежде всего в отношении к значимому другому человеку. Областью исследования выступает «**новая персонология**» (8), отличающаяся от традиционной психологии личности своей ориентацией на теоретический синтез, новаторство, референцию ко многим наукам и многопрофильную практическую деятельность. Сутью персонологического формата конкретных исследований является добывание психологического знания о личности на основе единства культурного опыта, фундаментального познания, практики, способов индивидуального самопознания и изменения жизни (4).

* Исследование осуществлено в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013-2014 гг., проект № 12 – 01 – 0073.

Полученное знание оценивается по критериям научного, инструментального и экзистенциального значения для понимания, объяснения и самоисследования личности.

На первый план в нашей работе выступает культурно-персонологический подход, в частности, применение **герменевтического метода**. Он служит экспликации, обобщению и моделированию теоретического знания о возможностях Я при новом осмыслении ряда философско-психологических произведений, апеллирующих к художественной литературе и искусству.

В поиске источников герменевтического анализа и синтеза мы обратились к обширному корпусу текстов, формирующих **европейскую гуманитарную культуру** и объединенных сходным авторским видением личностного бытия. Среди этих текстов были выделены произведения онтологического и экзистенциального направлений, где нашел выражение интерес авторов к психологическому познанию личности. Из их числа были выбраны труды Мартина Хайдеггера, Жана-Поля Сартра и Ролана Барта (10; 6; 1), связанные, на наш взгляд, взаимодополняющими представлениями о возможностях Я, приобретаемых и умножаемых **в отношении к Другому**.

Персонологическая интерпретация **текстов культуры** предполагает реализацию общенаучных, а также специфических для персонологии, герменевтических установок. Дадим обоснование этой специфики на основе идей М. Хайдеггера, Ж-П Сартра, П. Рикера, М.К. Мамардашвили о «герменевтике личности».

Ценные для **персонологической герменевтики** тексты можно назвать «текстами личности». Хороший текст содержит такую связь значений и смыслов, которая раскрывает личности возможность иной, лучшей жизни. Эти тексты образуются не только словами, но

и символами, образами, красками и тонами звучания, которые на языке культуры могут «сказать» или дать личности «высказаться» о том, что необходимо ей для осуществления себя и воссоединения с другими людьми. «Текстом личности» может быть и сказка, и картина, и роман, и философский трактат, и психологический труд, и исповедь, и автобиография, если в них есть то, что проясняет для человека жизненно важные загадки и проблемы. Посредством текстов личность интерпретирует события жизни, себя и Другого, достигает понимания гуманитарных произведений многих культур.

Бытие текстов может совпадать для личности с динамикой собственной жизни, если в своем душевном строе она непрерывно порождает внутренний текст, вступающий во взаимодействие с текстами других. Тексты, образуемые жизненными состояниями личности (стремлениями и интуицией, воспоминаниями и мышлением, воображением и означиванием) становятся инструментами, посредством которых она «читает» свою жизнь, создает ее время и может творить время культуры (7).

Герменевтический опыт в персонологии – это «прочтение текстами текстов». Он имеет статус **научного исследования**, посвященного поиску решения новой проблемы в соответствии с обширным текстом концептуального понимания «личности», сложившимся у исследователя-интерпретатора. Тексты, избираемые для изучения, являются произведениями, к которым исследователь чувствует особое расположение в силу уже испытанного им рационального и глубинного движения к раскрытию поставленной проблемы. «Наше понимание или наше мышление устроено так, что из текста, даже из евангелического, к нам ничего не может прийти. Придет, если в нас есть невербальный корень испытания» (2. С. 88).

Герменевтика может осуществляться в **формах** интуитивного истолкования, логической интерпретации, воссоздающей реконструкции, творческого моделирования, разработки новой практики. В едином герменевтическом процессе эти формы могут взаимодействовать и переходить друг в друга в зависимости от поставленных исследователем задач. Искомое знание о личности может заключаться в эксплицитной семантике текста, или может быть утаено автором в подтексте написанного. Оно может быть оттеснено на задний план уже проделанными интерпретациями произведения или осталось неявным для самого автора. Герменевтика состоит в «извлечении смыслового потенциала, оставшегося неиспользованным или даже подавленным в силу систематизации и популяризации великих текстов...Если бы мы не могли выпустить на свободу потенциалы, которые великие системы прошлого стремились подавить и замаскировать, то не было бы возможным никакое новаторство, и мысль в настоящем времени располагала бы только выбором между повторением и заблуждением» (5. С. 350). Герменевтика «известного» и «неизвестного» знания при обращении к сознанию и бессознательному, интуиции и логике, переживанию и познанию автора является **новаторским действием**, высвобождающим ранее не выявленные ресурсы текста для решения актуальной проблемы «личности».

Герменевтика текста является **актом творческого постижения**, направленным на раскрытие тайны, расшифровку символов, разгадывание загадок, преодоление «непроходимых мест», разрешение противоречий, освещение темных содержаний, на смысловые преобразования и вдохновенное продвижение к истине. Это введение произведения в мыслительную, эмоциональную и

практическую жизнь интерпретатора, изменение ее. Это «прорыв в область незнаемого», «расширение границ известного», экзистенциальный опыт «вывода ценности из потаенного» (10). Тексты читаются интерпретатором с подстановкой своих смыслов, изменением значений, трансформацией авторских интонаций. Но в отношении к великим книгам, отметил М.К. Мамардашвили, эти «ошибки» хороши.

Текст является сложной речевой, мыслительной, символической, эмоциональной **структурой**, порожденной разными состояниями автора, которым в герменевтическом процессе придается равно высокое значение. Проникновение в стиль, жанр, манеру, неповторимые приемы речи автора, выявление способа его мышления, сопереживание его чувствам и впечатлениям, готовность разделить его опыт проживания составляет **целостное отношение** интерпретатора к произведению. «Моя задача состоит не в описании литературных красот, а в выявлении стиля мышления человека, который проделал опыт, по материи своей не отличающийся от того, что мы можем испытать. Просто мы можем испытать и не понять, а вот другой человек понял и записал, и поэтому интересно к этому обратиться» (2. С. 34).

Практика персонологической герменевтики эффективна тогда, когда интерпретатор, наряду с автором, выступает в качестве **«практикующего феноменолога»**. Это означает способность мыслью, чувством, воображением и текстом менять интеллектуальную, эстетическую, нравственную, практическую жизнь многих людей. Тексты автора и интерпретатора, стоящая за ними культура «имеют значение тогда, когда непосредственно, индивидуально вплетены, образуют вот эту жизнь» (Там же. С. 52). Оба текста, в случае их сознательного принятия и отношения к ним,

могут затронуть и определить историю Я множества личностей, включая их создателей. «Затронутость Я другим, нежели Я, находит в литературе благоприятную среду для мыслительных опытов, которые не в силах затмить «реальные» отношения взаимодействия» (5. С. 384). Герменевтика – это сложное **персонологическое событие**, объединяющее личности автора, интерпретатора, читателя и «личность» как тему или героя текстов.

Герменевтика позволяет увидеть движение авторской мысли и слова в общем **континууме** мышления и письма, устремленных к «тайне личности». Опыт герменевтики открывает, что своими идеями автор продолжает длительный культурный процесс познания и описания личности, отмеченный «вспышками гениальности» выдающихся мыслителей. Присутствие автора на пути открытий «личности», дают интерпретатору возможность раскрыть преемственность, соответствия, синхронность авторского поиска поиску его предшественников, современников и последователей. Интерпретатор сам оказывается в вечной «лаборатории», где содружеством интеллектуалов-экспериментаторов творится и преобразуется знание о личности. «Есть континуум мысли или континуум состояния. Как только мы начали мыслить, мы сместились к тому, что уже есть, что неподвижно стоит и проявляет себя в нас, когда мы движемся путем соответствий. Мы начинаем совпадать с Мандельштамом, Прустом, Данте и т.д.» (2. С. 111).

В этом плане любой большой автор под взглядом интерпретатора оказывается **одновременен** множеству авторов и интеллектуальных движений, рассеянных в истории культуры. Так, в герменевтическом процессе Пруст как создатель великого романа и открыватель новых миров личности совпадает во времени культуры с Паундом, Элиотом, Джойсом, сюрреализмом, лакановским психоанализом,

экзистенциализмом (2). Текст произведения, тексты его условных соавторов и текст интерпретации встречаются в расширенном, полифоническом, многоименном пространстве значений и смыслов, раскрывающих «личность».

Персонологическая герменевтика продолжает жизнь произведения и длит бытие автора в историко-культурном процессе. Если толкования и интерпретации отмечены талантом исследователя и основаны на тонком понимании и свободных импровизациях, они усиливают влияние текста в разных областях познания личности: от философии до литературы. Герменевтика – **способ существования текста**; мы находимся как бы «внутри сознательной бесконечности, открытой этим произведением» (Там же. С. 33).

Во множественных интерпретациях, отношениях и впечатлениях, связанных с произведением о личности, постепенно проступает полнота его «целого». Обнаруживаются его сущностные, общезначимые мотив, идея, смысл, символ. Раскрывается становление Я автора при написании труда и восхождение этого становления на **наиндивидуальный уровень**. «Гений Пруста, даже если свести его к созданным им произведениям, тем не менее, равен бесконечному числу возможных точек зрения на его творчество, что и назовут «неисчерпаемостью» прустовского наследия. Но эта неисчерпаемость, которая подразумевает трансцендентность и уход в бесконечное, не есть ли некий «e_xi_s» - состояние в тот самый момент, когда его улавливают в объекте. Наконец, сущность полностью отделяется от индивидуальной видимости, потому что она принципиально есть то, что должно быть обнаружено в ряду индивидуальных проявлений» (6. С. 22). Интерпретация выявляет в «тексте личности» то, что относится к индивидуальной и

онтологической структуре нашей души и жизни, соотносит исторический и вневременной план бытия и познания личности.

Выявление ценных персонологических содержаний «текстов личности» определяется качеством **герменевтической модели**, задающей процедуру интерпретации. В целом, процедуру герменевтического анализа и синтеза в контексте персонологии можно представить следующим образом.

1. Постановка новой проблемы «личности», имеющей перспективу успешной разработки методом герменевтики.
2. Актуализация исследователем текста своего наличного понимания поставленной проблемы и нахождение пробелов в ее предварительной концептуализации.
3. Определение релевантных произведений, обладающих нераскрытыми или нереализованными возможностями для построения концепции решения поставленной проблемы.
4. Разработка исследователем системы категорий и идей, образующей «код» прочтения, инструмент изучения, проект реконструкции текста произведения.
5. Поиск фрагментов текстов, где авторы достигают «яснейшей ясности прозрений» (10), логической чистоты выражения мысли и намечают идеи, способствующие решению проблемы.
6. Воспроизведение, экспликация, выведение из области скрытого, развитие знания о сущности того аспекта личности, который проблематизирован исследователем.
7. Собираание, систематизация, организация в целое (logos), развитие знания об исследуемом аспекте личности, извлеченного из текстов.
8. Построение концептуальной модели, содержащей новое решение поставленной проблемы «личности», которое основано на

синтезе мыслительного опыта авторов текстов и исследователя – интерпретатора.

9. Рефлексивное размежевание созданной модели с представлениями о личности, принадлежащими авторам исследованных текстов.

В области персонологии важны самые разнообразные **виды герменевтики**. Это «философское прочтение литературного текста», которое практиковал М.К. Мамардашвили в отношении романа М. Пруста. Это психологическое прочтение философских текстов и произведений литературы. Это философско-психологическая интерпретация текстов индивидуального самопознания и историко-культурная герменевтика текстов исповедей и жизнеописаний. Это философское или психологическое постижение автором собственной жизни и собственного Я, нашедшее отражение, например, в «Самопознании» Н. Бердяева.

2. Рефлексивная модель возможностей Я в отношении к Другому

Придерживаясь рассмотренных герменевтических установок, используя приемы персонологического прочтения философских и философско-литературных текстов, мы разработали теоретическую модель личности в аспекте рефлексии многомерных возможностей Я, открывающихся в отношении к Другому. Основу модели, как уже отмечалось, составляют эксплицированные, осмысленные в контексте поставленной проблемы и систематизированные идеи М. Хайдеггера, Ж–П. Сартра, Р. Барта. Ключевые категории модели: личность, значимость, сознание, Я, отношение, действие, рефлексия, возможности, проект, пространства отношений, Другой, достижение себя, превосходение себя.

Приведем континуум положений, образующих намеченную модель.

- **Личностью** является человек в единстве своих телесно-душевно-духовно-деятельных сущности и бытия, жизни. Личность как «жизнь» выступает способом соединения человека с миром, который его призывает, «бросает вызов», вмещает, делает собственной частью, выступает потаенным и открытым одновременно. В своей жизненной активности личность выводит себя на «сцену мира», выделяет **значимости** (ценное для себя) изменяет существующие в мире соотношения, ставит мир «под вопрос». Участие личности в бытии мира отрицает его наличное состояние, обращает существующее новыми сторонами друг к другу. Эти стороны являются для личности или доступными, или скрытыми, или остающимися «в тени». Через вызванные и постигнутые изменения в мире личности дается собственное «присутствие», свое «Я есть», «экстатическое выступание и выстаивание в просвете бытия». В этом состоит уникальный способ человеческого существования или «экзистенция» (10).

- Личность проблематизирует и испытывает мир посредством способностей ощущать, воспринимать, представлять, мыслить, переживать и действовать, устремляясь к значимостям. Порождение и субъективное воссоздание этих активных жизненных состояний связано с наличием и активностью **сознания**, которое придает личности статус «Я», то есть, «самополагающего», «самообеспечивающего» и «самоустанавливающего» начала в мире и жизни. Суть такого положения личности в мире, на примере представления, состоит в том, что «в каждом представлении представляющий – это человек, которому в представлении предоставляется его представленное, и в каждом представлении он устанавливает также и самого себя – не задним числом, а заранее, ибо он, представляющий, предносит всякое представленное себе.

Поскольку представляющий человек по существу уже нашел при представленном также и себя, постольку во всяком представлении заложена сущностная возможность того, чтобы представление само совершалось в кругозоре представляющего. Со-представленность представления и представляющего внутри человеческого представления значит не то, что Я и его представление как бы встречаются сами по себе, а значит сущностную принадлежность Я-представляющего к конституции представления... Для этого не требуется никакого специального возвращения и обращения ко мне-представляющему... Представляющий человек может быть со-представлен своеобразно неприметным способом» (Там же. С. 124).

При ярком свете сознания личность одновременно знает, **что** именно существует, что она **представляет**, **знает** представление, знает **себя**-представляющего и знает **Я-средоточие** всех этих знаний. И даже если Я не становится специальным предметом мысли о себе в представлении (предметом рефлексии), представляемое все равно необходимым образом принадлежит ему как «представителю всякого представления».

- В протекании жизни Я обобщает, «собирает» множество личностных актов познания, переживания и деятельности, адресованных значимостям, становится саморазвивающимся субъектом воспроизведения и обновления этих актов. Значимость, при этом, открывается Я попеременно в следующих **формах**: предметной (как она есть), внутриличностной (как она дана), трансличностной (как она реально преобразуется), отражения «личностного» (сохранения преобразований в себе) и нового вопроса к личности (бытийного вызова).

- Я создает, реализует, приобретает **возможности** прочного, разнообразного соединения личности со своим значимым и развития

себя в этом соединении. В частности, это касается ее связи с другой личностью, ее отношения к Другому, устанавливаемого деятельным, сознательным и рефлексивным способом. Я в аспектах «могу», «смог», «смогу» выступает тем, в чем «существо человека хранит источник своего определения» (Там же. С. 198), тем, чем «должен быть человек в своем бытии и посредством чего нечто пришло бы к бытию» (б. С. 61), источником активности и полагания ее границ в отношениях к значимостям. «Быть Я» для личности – существовать в измерении своих осознанных возможностей. То есть, жить посредством себя, обогащаться феноменами своего жизненного распространения в бытие значимого, расставаться с собой, идти к новой встрече с собой, достигать себя и ускользать от себя в неизвестное будущее к новым значимостям.

- Динамика Я и его возможностей разворачивается через конкретные моменты существования «для себя», или ситуативные «места», положения, состояния, позиции личности, данные ей в самосознании. «Для себя» не охватывает Я в целом, никогда полностью не тождественно ему, угрожает его сложившейся идентичности и необходимо ему для саморазвития и воссоздания бытия на основе **рефлексивного воссоединения** с собой. Актуализация, отрицание и Я-присвоение «для себя» обеспечивают устойчивость, сохранение и изменчивость «**Я сам**». «Кто мыслит обо мне не есть чистый вневременной взгляд – это я сам, который длится, будучи включен в кругооборот моей самости, находясь под угрозой в мире со своей историчностью» Там же. С. 181).

- Я имеет множество **ипостасей**, которые указывают на многообразие способов соединения личности с собой, со своей жизнью и ее ценностями. Речь идет об изначальных и прижизненно обретенных иррациональном, сигнификативном, дискурсивном,

индивидуализирующем, телесно-чувственном, идеальном и межличностном способах, которые по-разному соотносятся в процессах самосознания, самопознания и рефлексии, формирующих Я. «Я» со своим историческим и априорным содержанием и есть сущность человека» (Там же. С. 71).

1. Я существует как первичное, глубинное, неозначенное, невербальное, дорефлективное **«эго»**, смутно улавливаемое интуитивным сознанием личности. Наше Я «сознанием не исчерпывается, и не оно вызывает его существование. Оно всегда дается как бывшее перед сознанием и обладающее глубинами, которые должны раскрываться постепенно» (Там же. С. 135).

2. «Я» выступает **«знаком личности»**, средством обозначения чувственного телесно-психического «эго» и самообозначения центра сознания. Знак «Я» является культурным даром, который при его использовании делает возможным существование «для себя» как присутствие личности по отношению к себе.

3. «Я» является словом, употребляемым личностью в адрес неповторимого «себя» только однажды, в единственный момент жизни. Это **«имя индивидуальности»**, живущей, познающей, называющей себя в необратимом континууме уникальных событий здесь-и-сейчас.

4. Я существует в форме **«Я-телесного»**, которое формируется, чувствуется и означивается под впечатлениями личности о теле других, под их взглядами и непосредственными откликами на ее внешность. Кроме того, в переживание и осознание Я-тела (или «внешнего самого глубокого внутреннего») включены те культурные образы, которые передаются личности другими в виде изображений и текстов, напоминающих или отражающих ее облик. При этом в видении и понимании других картина тела личности

избыточна в сравнении с картиной ее Я-телесного. «Если, постигнув «мое» сознание в его абсолютной глубине, и посредством ряда рефлексивных актов, я попытаюсь соединить с ним определенный живой объект..., оказывается, что я пытаюсь соединить мое сознание с телом других» (Там же. С. 324). В существовании других и через них Я-тело «продолжается внешне в измерении богатства, которое ускользает от меня» (Там же. С. 370).

5. Я является источником и субъектом мысли, принадлежащей ему самому, несущей знание о его телесности и душевном мире, отчуждающей его от себя самого, порождающей новое знание о нем и возвращенной себе самому, то есть, «**субъектом рефлексии**». «Посредством рефлексии «для себя», которое теряется вне себя, пытается интериоризироваться в собственное бытие; это есть второе усилие, чтобы основать себя; речь идет для него о том, чтобы быть самим собой» (Там же. С. 186).

6. Взаимодействуя с другими людьми, порождая свое присутствие в их мирах, личность приобретает «**коллективное Я**», частью доступное для рефлексии, а частью просвечивающее как «неизвестное Я». Переживая свое «рассеяние» во множестве Я-в-Других, личность стремится собрать себя, терпя частое поражение при встрече с непроходимыми местами в таинственных пространствах чужого бытия. «Мы не постигаем множественного взгляда. Речь идет скорее о неоощуваемой, мимолетной и вездесущей реальности, которая реализует перед нами наше нераскрываемое Я и которая сотрудничает с нами в создании этого Я, ускользающего от нас» (Там же. С. 304).

7. В «кругообороте самости» личность стремится достичь «**Я-идеального**» как полного совпадения с собой, исполненности себя, осуществив все возможности, которые открываются «для себя» в

ситуациях встреч и отношений к значимостям. Эти возможности и эффекты их реализации осознаются Я как перспектива собственного расширения и усиления во всестороннем и целостном участии в новых встречах со значимым. Идеальной границей Я является **достижение себя** при восхождении к своим значимостям в их ценностно-культурном измерении. Это фундаментальный проект индивидуального бытия, конституируемый **«Я-возможным»**.

- Богатейшим миром, в котором личность может открыть и Я-центрировать свои возможности, является **Другой** как конкретная, значимая личность. Другой с его взглядом, пониманием, действием в адрес личности необходим Я в плане переживания и осознания своей фактичности, своей свободы в контексте совместного бытия. Динамичное «для себя» личности вовлекается в жизнь Другого, вовлекает его в свою жизнь, предстает «для Другого» и становится его собственным «для себя». Другой создает и позволяет личности понять основные «структуры» или «измерения» ее бытия.

Другой – это другое Я для меня, так же, как Я – другое Я для него. Оба наши Я в пространстве «вне себя» входят в организацию друг друга, утверждают реальность друг друга, раздвигают границы своих «Я могу», своей рефлексии, субъективности и влекущей взаимной «объектности». «Не существует привилегии для моего Я; мое эмпирическое Эго и эмпирическое Эго Другого появляются в одно и то же время в мире; и общее значение «другой» необходимо для конституции, как одного, так и другого из них» (Там же. С. 257). Находясь в необходимой зависимости, Другой и Я не растворяются друг в друге; свобода одного не является исходным условием свободы другого. Во взаимном обмене возможностями каждый дарит другому новое свободное бытие, определяя его и становясь его частью. «Другой – это и есть Я сам, от которого меня ничего не

отделяет, абсолютно ничего, если не его чистая и тотальная свобода, то есть, эта неопределенность себя самого, которую он один имеет в бытии для себя и через себя» (Там же. С. 294).

Принципиальное тождество друг с другом как «тоже личностью» и «тоже Я» распадается, когда в реальной ситуации перед каждым Я оказывается конкретный Другой. Я устанавливает с ним связь на уровнях рассматривающего взгляда, внешнего «проникающего» действия, взаимного отражения, сопричастия Я и Другого, рефлексивного раскрытия и обобщения своего бытия в Другом, бытия Другого в себе, своего бытия в себе и бытия вне себя и Другого. Участвуя в этой «зеркальной игре мира», Я наращивает потенциал своей рефлексии. «Я конкретно испытываю Другого как свободного и сознающего субъекта, темпорализируюсь к своим собственным возможностям. И присутствие этого субъекта без посредников есть необходимое условие всякой мысли, которую я попытался бы сформулировать о себе» (Там же. С. 293). Другой в его заинтересованной обращенности к Я соединяет его с самим собой.

- В жизненных связях с личностью, в ее рефлексии Другой, как и Я, приобретает различные **ипостаси**.

1. Он является для личности реальным пространственно-временным «**объектом**», конкретным фактом, ситуацией в мире, существенным вызовом жизни, на который личность должна ответить. Является ценностью, без которой она ощущает в себе недостаток бытия. Личность направляет на Другого свою активность, адресует ему свои желания, переживания, акты познания, поступки и действия, овладевает частью его внутреннего мира, разделяет его бытие, помещает его в мир своих субъективных значимостей и разворачивает «в себе» взаимоотношения с ним.

2. Не исчерпываясь положением объекта, Другой является «личным присутствием», пробуждающим в личности переживание собственной реальности, удостоверенной обращением к ней другого человека. «Другой дается мне как конкретное и очевидное присутствие, которое я ни в коем случае не могу извлечь из себя и которое не может быть поставлено под сомнение и стать объектом феноменологической редукции или всякого другого эпохе» (Там же. С.. 294).

3. Присутствие Другого, транслируемое в его взгляде, речевом обращении, оценке и интериоризации образа личности показывает ей жизнь «по ту сторону» Я-бытия. «Отношение, которое меня объединяет с Другим, не может быть отношением внешнего к внутреннему миру, но через взгляд Другого, я испытываю конкретно, что есть «другая сторона мира» (Там же. С. 293).

4. Присутствующий Другой обладает для личности осознаваемой и неизвестной субъектностью, то есть, способностью быть побудителем, инициатором, образцом, ценителем, продолжателем ее активности. Другой в качестве «субъекта» становится соавтором самосознания, жизненной истории личности, а также выступает для нее пространством «отраженной субъектности» (3), где личность находит себя живой и значимой для бытия другого человека. Другой дает личности «быть», чувствовать, видеть, воображать, понимать, познавать себя, дает ей открыть и актуализировать свои возможности, дает место в мире для ее творений, определяет ее роль в сообществе создателей культуры.

5. В своих референциях к культурному творчеству, непосредственно участвуя в познании и практике личности, Другой демонстрирует свою «орудийность». То есть, показывает свою принадлежность к универсуму орудий, усилителей возможностей,

которые личность может освоить и применить в жизнедеятельности, увеличивая свою свободу и свободу множества других.

6. Другой выступает для личности адресатом и «местом» воплощения конкретных жизненных возможностей Я. Это также «глобальная возможность Я», связанная не только с присутствием, но и отсутствием Другого как вероятного будущего личности. Другой – «проект», эскиз, набросок, смысл Я-бытия личности, намечающий обширную перспективу ее жизни.

7. Другой – это, по сути, «Я сам», собравший воедино Я, данное в Другом, Я, имеющее в себе представленного Другого, Я, отразившее «в себя» связь Я – Другой, а также соединивший свои Я-объект, Я-субъект, Я-орудие, Я-личное присутствие и Я-свободу, представленные в сознании и бытии Другого.

- Жизненное обращение личности к Другому имеет форму «отношения», которое является универсальным способом построения, проживания и рефлексии индивидуального бытия в мире значимостей. Реализующиеся отношения творят единое течение, изменчивую «ткань», объективные и субъективные ответы личности на затрагивающие запросы мира. «Мы говорим «отношение» тогда, когда хотим назвать позицию, занятую человеком, место, отводимое им чему-то вне его... Человек в своем существе «относится» к тому существенному, что требует его. Он принадлежит, послушен как осуществляющийся тому, что обращено к нему как вызов» (10. С. 290).

Отношение к любой значимости порождается и определяется личностью, выступает сложной активностью и феноменом ее сознания, создается взаимосвязью сознательных, то есть включающих в свою конституцию Я, стремлений и переживаний, восприятия и представлений, мышления и интуиции, действий и

поступков. Каждая из образующих **архитектоники** отношения во взаимодействии с другими может стать самостоятельным «отношением», в котором различаются процессы и эффекты, имеющие генез, течение и локализацию в пространствах «между личностью и значимостью», «в личности» и «в значимом». Идет ли речь о мыслительном, образном, эмоциональном, практическом или интегральном отношении, оно в собственном существовании обеспечивает многомерное **соприсутствие** личности и значимости.

В течении жизни отношение является континуумом целостных, обладающих сложным психическим и практическим строением продуктивных актов, инициируемых **Я**, адресованных им своей значимости и возвращенных себе. **Я** в контексте реализующегося отношения может занять **рефлексивную позицию**, способствующую образованию и развитию сложной субъективной конфигурации отношения к значимости. В этой конфигурации:

Я встает в отношение к себе как проживающему встречу со значимым;

Я встает в отношение к значимому;

Я ставит значимое в отношение к себе;

Я относится к значимому как присутствующему в себе;

Я относится к себе как присутствующему в значимом;

Я относится к себе как обновленному на основе связи со значимым.

Посредством рефлексии, **Я** актуализирует и познает эти моменты отношения, интерпретирует и соотносит их, находит и разрешает их противоречия, производит их синтез и постигает их перспективу. **Я** проявляет глубокое расположение к значимому, совершенствует его, охватывает и попеременно перемещается во внешние и внутренние

«пространства» личности и значимого, развивается на основе **соотношения отношений**, становится самым этим соотношением.

- Отношение личности к значимости в конкретных жизненных ситуациях приобретает **многоэтапную динамику**. В ней взаимно порождаются и переходят друг в друга совершение действия, актуализация смысла, осознание «могу», мотивирование, целеполагание, акты выбора, принятие решения, действие, достижение цели, оценка результатов действия в аспекте осуществления смысла и перспектив его проблематизации.

Выделение этих этапов и их намеченная последовательность связаны с акцентировкой **смысла**, проектирующего будущую активность личности в плане возможного – желаемого – целевого – выбранного. В этом проекте, среди других движущих сил отношения к значимости, важнейшая роль принадлежит осознанию возможностей. «Мы действуем перед тем, как полагать наши возможности, и эти возможности, открывающиеся как реализованные или находящиеся на пути к реализации, отсылают к смыслам, делающим необходимыми особые действия, чтобы быть поставленными под вопрос» (6. С. 73). В жизненной корреляции с возможностями смыслы направляют к тому, чтобы действовать с охотой, любовью, энтузиазмом, знанием дела, на благо других.

Отношение – это трансценденция к значимости, важнейший момент «для себя», усиливающийся рефлексией отношения в модусах: «Я действую», «Я имею смысл», «Я могу», «Я хочу», «Я знаю цель», «Я выбираю» и т.д. Каждое из событий рефлексии может раскрыть и определить «судьбу» того или иного этапа отношения в разных пространствах соприсутствия значимого и Я, а также обусловить общее движение личности к обновлению и достижению себя. Особенно это касается **рефлексии возможностей**

(«знаю, что Я могу») в ситуациях, максимально высвобождающих потенциалы личности. «Возможное есть то, чего недостает «для себя», чтобы быть «собой» (Там же. С. 134).

- В отношении личности к Другому, как и в других отношениях к значимостям, возможности, данные в рефлексии, а также возможности самой рефлексии выступают **«возможностями Я»**. Обладая ими личность, способна, относясь к Другому, одновременно помещать «себя» в фокус активного отношения. Отношение к Другому закономерно включает в свою структуру и в процесс реализации отношение личности к себе (9).

Рефлексия в контексте отношения к Другому дает личности знание о своих возможностях, позволяет ей включить эти возможности в структуру собственного Я, способствует самораскрытию «Я-возможного» в ситуациях внешнего и внутреннего взаимодействия с другой личностью. Эти ситуации охватывают **три основные «измерения»** отношения к Другому: между-Я-и-Другим, Я-в-Другом, Другой-в-Я. В каждом из «измерений» появляются специфические возможности Я, рефлексия и осуществление которых определяют **полноту** личностного **достижения себя в отношении к Другому**. Речь идет, в частности, о возможностях действовать, обращать взгляд, создавать, познавать, высказываться, интерпретировать, постигать, принимать, углублять, обобщать, оценивать, преодолевать неизвестное, определять перспективу. Все они исходят «от-Я» и возвращаются «к-Я» в горизонте перспектив Другого.

- Представим **модель рефлексии возможностей Я в отношении к Другому**.

В рефлексии своего отношения к Другому Я открывает, что может, знает о себе, что «Я могу»:

1. принять встречу с Другим, впечатление об облике Другого как благо для себя;
2. инициировать разнообразную психическую и практическую активность в адрес Другого и вызвать его на ответную активность по поводу значимых объектов;
3. понять расположение Другого и его отклик на активность Я в форме взгляда, жеста, переживания, высказывания, поступка, призыва к действию;
4. создать обобщенный внутренний образ Другого на основе анализа его активности и проявленных качеств субъекта;
5. уловить, понять свой образ Я, сложившийся в Другом на основе его причастности к взаимодействию, достичь для себя «прозрачности тела Другого»;
6. мысленно поставить реального Другого в отношение к этому образу, проинтерпретировать данное отношение;
7. прояснить, как Другой хочет быть представленным в Я и сравнить этот желаемый образ с образом Другого-в-Я;
8. мысленно встать на место реального Другого и его «глазами» увидеть его образ в Я;
9. установить, углубить свое отношение к присутствию Другого-в-Я в направлении усиления идентичности и самостоятельности Я и Другого;
10. поставить задачу расширения и обогащения мира значимых объектов и способов взаимодействия Я с Другим;
11. понять, что значит в жизни Другого взаимодействие с Я и причастность к его бытию;
12. повысить ценность для Другого присутствия Я-в-Другом, сделать это присутствие развивающим, наполненным;

13. понять, что в жизни Я совершается посредством Другого, каков объем его вкладов в эту жизнь;

14. осуществить Я-обобщение своей активности и своих рефлексивных шагов во всех «измерениях» со-бытия с Другим, выйти на уровень «рефлексии рефлексии»;

15. допустить мощь «неизвестного Я» в соотношении с «известным Я», понять, что сознание, рефлексия есть «тайна бытия в полном свете»;

16. поставить под сомнение успешность своих усилий по реализации тех или иных возможностей Я, адресованных себе и Другому;

17. поставить перед собой и Другим вопрос о выявлении новых возможностей Я и Другого, родившихся во взаимодействии и соприсутствии;

18. создать проект отношений с Другим и инициировать новый цикл реализации возможностей Я для умножения возможностей Другого.

Возможности Я рефлексивно открываются личности в связи с «невозможностями Я» или ее «не могу». Например, Я не может с достоверностью узнать для себя, как объекты мира даются Другому и только ему; каким Другой является сам-для-себя; каким Я-телесное предстает взгляду Другого; как Другому непосредственно даны отношения Я с другими значимостями; как меняется отношение Я к Другому в присутствии третьих лиц; какова загадка присутствия Я-в-Другом, неосознаваемого Другим; каков внеличный смысл того, что Я и Другой вручены и поручены друг другу.

Возможности Я в отношении к Другому различаются по степени доступности для рефлексии и реализации. Есть возможности,

которые не открылись в рефлексии и не апробированы во взаимодействии с Другим, возможности, «хозяином которых Я не является». Есть возможности, не известные и не востребованные Другим, то есть «мертвые возможности». Есть возможности, актуализирующиеся исключительно в присутствии Другого. Есть возможности, избыточные по отношению к запросам Другого. Есть возможности Я, от которых приходится отказаться в отношении к Другому. Есть возможности в отношении к Другому, выходящие за границы возможностей, характерных для других отношений Я к значимостям. Есть возможности, переживаемые и осознаваемые как безграничные в совместном творчестве с Другим.

3. Достижение себя в любовном отношении к Другому

Самым ярким и глубоким опытом отношения к Другому, вызывающим к жизни максимум возможностей Я, является **любовь**. Любовь – это первичное отношение личности к Другому и мощная интенция, которая возвышает каждое жизненное отношение, в которое проникает. Любовное отношение Я к Другому является свободно развертывающимся проектом «дать себе и Другому больше бытия». Я-любящее, реализуя свои конкретные возможности в разнообразии любовного отношения, идет к достижению себя посредством утверждения ценности Любимого.

Основываясь на исследованиях Ж.-П. Сартра (6) и размышлениях Р. Барта (1), полагаем, что Я в своем любовном отношении к Другому обладает следующими основными возможностями:

- осознать сильное впечатление, затронутость обликом Любимого.

С первой встречи фактичность Любимого может быть воспринята Я полностью и непосредственно, без укрытия и тайны. Знания и переживания, которые Я приобретает в истории своих волнующих, непосредственных впечатлений о Любимом,

образуют его «психическое тело», существующее в качестве Образа, Воображаемого, Символического, Текста;

- проникнуться, вобрать в-себя Любимого, преодолевая его инаковость, объектность, оставляя за ним свободу быть самим собой, возвращаясь к его личному присутствию в своей жизни. Это возможность раскрыть субъектность друг друга в поле совместной жизни и своем внутреннем мире;
- «собрать» Любимого по лучшим впечатлениям, переданным множеством других людей, соприкоснувшихся с ним в разнообразных ситуациях, и «из всех точек, разбросанных как звезды получится совершенная фигура – «мой Другой» (1. С. 147);
- отождествиться с Образом Любимого, утратить внутреннее одиночество, но при этом уважать и отвечать за его и собственную автономию, прибегая к двойному отрицанию: он – не Я, а Я – не он. Я желает «присвоить» Любимого как именно Другого, который дает ему бытие;
- достичь полной идентичности с Любимым, став для себя Другим; полагать это в качестве идеала, высшей ценности любви. Основанием отождествления выступает свобода Любимого как целостной личности, могущей наполнять Я, обращаясь к нему множеством сторон, в том числе, раскрытых Любящим;
- вывести Любимого из системы традиционной идентичности, основанной на оценке других по критериям «качеств». В этой связи, он не может существовать для Я как «маленький», «незначительный», «трусливый», «неуверенный» и т. д. «Я люблю Другого не за его качества, но за его существование; я люблю не то, чем он является, но тот факт, что он есть» (Там же. С. 372);

- развернуть перед Любимым необозримую картину возможного мира ценностей (знания, добра, блага других, творчества), стать щедрым посредником между собой и Любимым в освоении обширных сфер жизни, моделировать новые возможности Я, осуществление которых привлечет к нему ответное чувство. «Проявляется блистательная, редкостная вещь, называемая избытком, которая равна Красоте» (Там же. С. 383). Любовь по своему существу есть масштабный проект Я стать любимым, возобновлять ценностное бытие, вовлекая в отношение к себе свободу Любимого;
- стать в пределе подобным Мудрецу и Королю, которые стремятся быть настолько «присвоенными» другим человеком, чтобы заполнить его субъективный мир, «дать ему свой мир для жизни», резюмировать и символизировать события его жизни, охватить собой все его интенции к свободе, стать всеобъемлющей ценностью, встать выше всех оценок. Назначение такой экспансии Я – создать две индивидуальности, имеющих общее пространство для жизненного диалога;
- владеть словом и текстом любви так, чтобы они магически притягивали Любимого, вливались в него, оставляли глубокие эффекты влияний в сфере воображения, фантазии, идей и желаний. Во встречном пробуждении любви речь Любимого проскальзывает как «околдовывающая сила» внутрь его свободного вовлечения. Любимый становится «идеальным собеседником», создающим вокруг Любящего максимальный резонанс. Слова Я-любящего стремятся быть истиной для Любимого и как истина принимаются ответные слова;
- создавать для Любимого постоянный приток впечатлений о взаимоотношениях; преодолевать трудности жизни двоих,

открытых взорам и мнениям множества других людей; в сложных ситуациях возвращать себя и Любимого к взаимной ответственности за другого, к одиночеству выборов и решений, сделанных в пользу друг друга;

- понимать, что Любимый, ответно заботясь и опекая, не должен поглотить Я, так как Я, всецело отданное Любящему, не способно признать и его суверенность. Любовный диалог строится на дистанции, позволяющей субъективно возвысить друг друга и отпустить Другого, когда он желает выйти из отношений;
- познавать себя с точки зрения тех моментов любви, которые **ограничивают возможности Я в отношении к Другому** и свободу самоопределения обоих в отношении:

«страдание», когда Образ Другого-в-Я становится непереносим, и Другой призывается к ответу. «Взгляни на меня, посмотри, что ты со мной делаешь» (Там же. С. 92);

«власть», когда появляется стремление поставить Другого в полную зависимость от своего присутствия в его мире. «Ведь именно подчинением я и занят: подчиняюсь, желая подчинять, Я на свой лад испытываю желание властвовать» (Там же. С. 99);

«потрясение», когда Другой в шутке, иронии, грубости демонстрирует себя как «не-мой» Другой. «Он одержим демоном, который говорит его устами, и извергаются оттуда, как в волшебных сказках, уже не цветы, а жабы. Ужасный отлив образа» (Там же. С. 184);

«похищение», когда чувствуется, что Другой, вольно или невольно, присвоил меня, и Я весь спроецирован в Другого и потерян для себя. «Влюбленный в чем-то оживляет архаические времена, когда мужчины должны были похищать женщин. Во всяком влюбленном есть что-то от сабинянки» (Там же. С. 107);

«неизвестность», когда ускользает сокровенная сущность Другого, и кажется, что Я не смогу узнать, как меня видит и что обо мне думает «неизвестный Другой». «Другой непроницаем, неуловим, неподатлив. Я не могу его раскрыть, добраться до его истоков: откуда он? кто он? Я впустую трачу силы. Я никогда этого не узнаю» (Там же. С. 209);

«несовпадение», когда в смущающей коллизии оказываются мои возможности, то, чем Я обладаю, то, что я вынужден заимствовать в мире и то, что способен принять от меня Другой. «Любить – испытывать нехватку того, что имеешь, дарить то, чего у тебя нет, тому, кто в этом не нуждается» (Там же. С. 144);

«потеря», когда Другой лишает меня присутствия в нем, живет там, где меня нет, отчуждает меня в пространство, где нет взаимности. «Свои достоинства я трачу впустую, возбужденное выражение эмоций, идей, знаний, изысканных чувств – весь блеск моего я приглушается, затухает в каком-то инертном пространстве, словно я впереди Другого» (Там же. С. 206);

- владеть искусством рефлексии, понимая, что в масштабе жизни она может теряться в «великом потоке бессознательного»;
- обобщать свои впечатления любви в стойкий Образ, Символ, Текст «Я-Любящего»; открыть в себе неистощимую способность любить и знать любовь. «Другой – мое добро, красота и мое знание: только Я его и знаю, понуждаю существовать по истине.... И обратно, Другой обосновывает мою истину: только с Другим я чувствую себя самим собой» (Там же. С. 185).

Рефлексивная, открытая к будущему основа любви не дает истощиться ее созидательной динамике. Любовь направляет Я к утверждению ценностей за границами отношения к Любимому: в эстетическом, этическом, интеллектуальном, практическом

отношениях. Рождается вдохновенный Проект воссоздания и обновления своего бытия в мире творчества и культуры.

В заключение отметим, что достижение себя в аспекте рефлексии и реализации возможностей Я является принципиально не завершающимся путем жизни, где непрерывно сменяются моменты встреч с собой и превосхождения себя. В науке это перспективная проблема, достойное решение которой может быть найдено в новой области «поиска личности» – **персонологии Я**.

Литература

1. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. М.: Ad/ Mardinem/ 1999.
2. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. СПб: Издательство Русского Христианского гуманитарного университета. 1997.
3. Петровский В.А. Человек над ситуацией. М.: Смысл. 2010.
4. Петровский В.А., Старовойтенко Е.Б. Наука личности: четыре проекта общей персонологии. // Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т.9. № 1. 2012. С. 21 – 39.
5. Рикер П. Я – сам как другой. М.: Издательство гуманитарной литературы. 2008.
6. Сартр Ж-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика. 2002.
7. Старовойтенко Е.Б. Культурное время личности // Мир психологии. №3. 2011. С. 62 – 75.
8. Старовойтенко Е. Б. Новая персонология – интегральная наука о личности. // Мир психологии. № 3. 2012. С. 59 – 71.
9. Старовойтенко Е.Б. Персонология отношения к себе: культурная трансспектива. // Мир психологии. №4. 2010. С. 13 – 25.
10. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика. 1993.

ВОЗМОЖНОСТИ Я В ДИАЛОГЕ С ДРУГИМ*

Статья Старовойтенко Е. Б. Возможности Я в диалоге с Другим // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2013. Т. 76. № 4. С. 189-203.

Данная работа намечает проблемное поле исследований в новой области психологии личности, называемой «персонология Я» (5; 6; 7; 9). В этом поле объединяются проблемы индивидуального «Я» и его жизненных потенциалов, проблемы личностной рефлексии и герменевтики «Я», проблемы развития отношения личности к Другому, проблемы жизненного проекта «могу говорить» и «топологии» высказываний Я в диалоге с Другим. На основе синтеза перечисленных проблем ставится задача определения способов расширения и усиления возможностей личности в сфере языка, сближающих Я и Другого, воссоздающих их свободное совместное бытие.

Замысел работы связан с традицией исследования телеологических аспектов индивидуальной жизни, прежде всего, осознаваемых возможностей личности осуществить себя в полноте, смысловом разнообразии, продуктивности и ценностном богатстве бытия. Как известно, в русле этой традиции получили развитие идеи М. Хайдеггера, Э. Гуссерля, Ж.-П. Сартра, М. Мерло-Понти, П. Рикера, В. Франкла, в отечественной философии и психологии – идеи С.Л. Рубинштейна, М. К. Мамардашвили, К.А. Абульхановой, В.А. Петровского и других. В работе исследуется и интерпретируется ряд философских трудов, релевантных поставленной задаче, обосновывается их персонологическая перспектива, намечаются авторские теоретические модели «возможностей Я». Привлекаются

* Исследование осуществлено в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013-2014 гг., проект № 12 – 01 – 007

авторитетные теории «Я» и рефлексивности, теории отношения и диалога Я – Другой, теории языка и высказывания. Положения этих теорий центрируются на «личности». Акцентируется становление индивидуального Я в плане овладения искусной практикой и рефлексией речи, адресованной Другому в диалоге.. Развивается идея о трехмерном пространстве осуществления и умножения возможностей Я в диалоге, ведущих к порождению **высказываний**, значимых для Другого в этическом, интеллектуальном, эстетическом, экзистенциальном отношении.

Проблема теоретического обоснования, научной рефлексии и практической реализации психологического ресурса «высказывания» имеет актуальность для обновления форм и содержаний, открытия новых личностных потенциалов в образовании, воспитании, индивидуальном консультировании, психотерапии, переговорных процессах, практике публичных выступлений, литературе и других сферах искусства. Как заметил М.К. Мамардашвили, жизнь бесконечно возможнее, чем те ее формы, которые уже изобретены и реализованы (4).

1. Герменевтика Я и его возможностей

В ходе исследования был осуществлен герменевтический анализ текстов о «Я», раскрывающих закономерности самополагания личности (7). В динамической структуре самополагания были выделены целостные (силовые – когнитивные – мотивационные – эмоциональные – смысловые – рефлексивные – действенные) тенденции личности, осознаваемые ею как «Я могу». Базовыми источниками «герменевтики Я» выступили труды П. Рикера и М.К. Мамардашвили (4; 8)

«Герменевтика Я» является и научным методом, и содержательным результатом постижения текстов. Как метод, она

может быть рассмотрена в нескольких формах. Во-первых, в форме исследовательского дискурса с авторами текстов о Я. Во-вторых, в форме интерпретации, реконструкции и моделирования теоретического знания о «Я». В-третьих, в форме экспликации научно обоснованных моделей самоисследования личностей. В-четвертых, в форме разработки рефлексивно-феноменологических практик, расширяющих личности границы познания и развития Я. Содержательные результаты «герменевтики Я» образуют научные, культурные, индивидуальные знания человека о себе, добытые в синтетическом опыте интерпретаций и самоинтерпретаций. В контексте «персонологии Я» ставится задача соединения, согласования всех форм и результатов герменевтического анализа.

Приведем **герменевтическую модель**, представляющую собой авторскую экспликацию и теоретическое обобщение идей о существенных **свойствах Я**, благодаря которым личность приобретает, сохраняет в себе, осознанно реализует возможности активно проживать, воссоздавать и обновлять свою жизнь, в том числе, отношение к Другому и **речевой диалог** с ним.

Личность в контексте данной модели рассматривается как часть человечества и как индивидуальность, возможная в активных отношениях со многими другими, как самость, утверждающая себя на основе свободного самобытия и участия в ее жизни других личностей, как Я в своей сознательной способности познавать, творить и выражать себя в человеческом мире. «Понятие личности как самости уравнивает понятие человечества – в той мере, в какой оно вводит в силу формулировку императива различия между «моей личностью» и «личностью всякого другого» (8; с.265).

1. Я имеет свойство **предстоять себе**, быть изначально невербальной, неизвестной, неозначенной, неназванной,

непоименованной, глубинной самостью, уникальной и узнаваемой в мире. Я предчувствует в ней свои неизвестные возможности, связывает с ней недоступность конечного понимания, почему именно так живет, действует, относится, почему именно это происходит в его жизни. Самость реагирует на спонтанные впечатления, уникально извещающие и соединяющие Я с его предназначением. Благодаря интуиции ее существования, можно признать наличие «немыслимого» в себе, предвидеть возможность быть «другим Я, чем Я есть», открыть, что наше Я, по выражению М.К. Мамардашвили, «никогда не является тем, что мы о нем думаем». В процессе сознательной жизни, посредством рефлексии от имени «Я», мощь самости как предпосылки автономии и активности личности переходит в силу «Я сам» как субъекта реализации этой предпосылки в настоящем и будущем взаимодействии с миром и другими людьми. «Я сам» в обращении к самости приобретает *возможность отнестись к своим жизненным возможностям, тонко различать «Не знаю, что именно могу» - «Я могу» - «Я не могу» - «Знаю, что Я смогу» - «Я смогу, во что бы то ни стало».*

2. Я обладает **рефлексивностью**, определяемой П. Рикером в качестве способности к сознательному опосредованию своего непосредственного присутствия, позиции в мире, «непрестанного труда по интерпретации действия и самого себя» (Там же; с. 215). Это познавательно-эмоционально-смысловая включенность Я в собственную духовную, телесную, психическую, деятельную жизнь и возвращение, присвоение себе дифференцированного и обобщенного опыта своего участия в ней. Это проблематизация себя, поиск Я-неизвестного и разрешение проблем Я на основе соотнесения себя с другими. Это постижение себя и своей жизни

среди других личностей с акцентами «только Я», «только со мной», «только во мне», «только, благодаря мне» (4), при условии, что уважаются и ценятся данные акцентировки, присущие Другому. В перспективе своих проявлений и жизненного развития рефлексивность предполагает *возможность непрерывного, диалогического, поступательного самопознания личности.*

3. В рефлексии и обращении к себе-неизвестному, Я приобретает **идентичность** как свойство быть и знать себя подобным, «сродным» другим людям в своих качествах, жизненных состояниях и способах активности. Это также свойство приписывать другим личностям то, что характерно для самого себя. Это способность к воссозданию чувства, образа, идеи «собственности» Я и своей жизни при осознании их пересечения с множеством других Я и других жизней. Это развитие «нарративной идентичности» на основе сравнения, отождествления истории своего жизненного пути с повествованиями, заимствованными у культуры, а себя – с героями и авторами культурных источников. Это такое внутреннее слияние с другой личностью и самоизменение на этой основе, что Я для себя становится иным, «Другим», или, в формулировке П. Рикера, «**как другим**». «Самость самого себя подразумевает инаковость в столь глубинной степени, что одну невозможно помыслить без другой, что одна скорее переходит в другую, если говорить на языке Гегеля. С «как» нам бы хотелось связать сильное значение, не только сравнения – самого себя подобного другому, – но еще и импликацию самого себя в качестве...другого» (Там же; с. 18). Разные «ипостаси» идентичности в ориентации на будущее обуславливают *возможности Я для преодоления инаковости других, нахождения единства с самим собой, проблематизации своего тождества с другими, принятие себя в качестве «Другого».*

4. Я обладает свойством **самотождественности** (совпадения с собой), состоящим в осознанном и спонтанном поддержании личностью постоянства и непрерывности «себя», несмотря на свои изменения, вызванные жизнью и собственными отношениями к ней. Совпадение с собой достигается путем согласования, гармонизации своих стремлений - ценностей – отношений – поступков – их личных и социальных последствий. Ему способствуют переживание телесной аутентичности, обращение других как к «той же самой личности» и приписывание ей одних и тех же качеств, а также рефлексия своих противоречий и их разрешение в пользу сложившегося Я, воздержание от «плохих» для себя выборов, действительное осуществление своих устойчивых смыслов. Самотождественность определяет *возможность Я быть для себя и других «тем же самым» в перспективе наступающей жизни.*

5. Я имеет способность к **сохранению себя**, развивающуюся на основе ответственности перед другими людьми, исполнения обязательств, обещаний и долга, сдерживания слова, осознания результативности и продуктивности жизни, присутствия как устойчивой «значимости» в других людях, рассказов о себе и образов автопортретов, практик владения своим телом и телесного взаимодействия, символического осмысления и изображения себя. Так, создать рассказ о себе означает совершить самообобщение, осознать себя «сполна» как живущего «эту уникальную жизнь», со своим сложившимся согласием или несогласием с ней, со вскрытыми конфликтами, с удовлетворенностью или неудовлетворенностью уровнем осуществления ожиданий и чаяний (Там же). Основная ценность при сохранении себя – это отделение себя от Другого в опыте утверждения его суверенного бытия, а также отдачи, служения и посвящения ему. «Сохранение Я-сам для

личности – это такой способ вести себя, чтобы другой мог на нее рассчитывать. Поскольку кто-то рассчитывает на меня, я держу ответ за свои поступки перед другим... Термин «ответственность» объединяет два значения: «рассчитывать на...» и «держат ответ за...». Ответственность объединяет их, добавляя к ним идею ответа на вопрос «Где ты?», поставленный другим, который нуждается во мне. И ответ «Вот Я» говорит о сохранении Я» (Там же; с. 200). Сохраняя себя через отношение к Другому, Я приобретает *возможность вновь и вновь достигать себя посредством признания другими растущей ценности его присутствия и вкладов в их жизнь.*

6. Я обладает свойством индивидуального **воплощения Абсолютного Я и Всеобщего Я**. Сущностью этого свойства является, во-первых, проживание личностью вечно длящихся, повторяющихся событий поиска и поклонения красоте, любви, добру, истине. Во-вторых, личное восхождение на предельные уровни присутствия, участия и действия в мире, для которых «нет никаких внешних гарантий» и необходимо «мужество невозможного» (4). В-третьих, отражение в единичном Я как «малом зеркале большой бесконечности» (Там же; с. 442) множества других Я, что дает личности переживание сопричастности тому, что неизмеримо масштабнее и богаче ее. Обнаружив в себе след такого «коллективного Я», личность осознает себя потенциальным местом встречи, преобразования, импликаций, расширения бытия бесчисленных Я. У нее появляется *возможность в горизонте жизни приобщиться к деятельной мощи трансцендентального Я, осуществить самотрансценденцию.*

7. Я имманентны свойства **фактичности, реальности, феноменальности**. Фактичность Я хорошо раскрывается положением П. Рикера: «Нет мира без Я, которое в нем находится и

живет; нет Я без мира, где оно так или иначе действует» (8; с. 363). Человеческий мир и Я связаны фактами и закономерностями события, взаимной необходимости, создания и изменения друг друга. Реальность Я обусловлена тем, что, телесно и душевно живя в мире, оно дано самому себе как непрерывно возобновляемое соотнесение «Я под взглядом Другого», «Я под собственным взглядом», «Мои вклады в мир и других». Феноменальность Я связана с присутствием, погружением, ангажированностью, вовлеченностью, активностью и самопостижением личности в конкретных ситуациях, «местах» и событиях, когда во впечатлениях и актах творчества ей непосредственно дана «летучая истина» себя-в-мире. Я присутствую – «значит, Я могу. Мир устроен так, что есть как минимум одно существо, которое может. И, конечно же, то место, в котором мы можем, не есть то, которое мы можем выбирать, не есть то, что мы можем получить умозаключением, только посредством знания» (4; с. 544). *Это возможность «быть», открыть свое «Я есть», принять себя, соединиться с бытием Другого и извлечь из себя то, что можно извлечь только в самоиспытании.*

8. Я имеет свойство **быть основанием себя**. Речь идет о фундаментальной способности Я определять, конституировать, проектировать себя и свою жизнь во временном континууме и различных пространствах бытия посредством самопознания, смыслополагания и самостоятельного действия. Знание о себе приобретается при активном, деятельном участии в собственной жизни, при углублении в себя-неизвестного, при смысловом соединении ретроспективы, актуальности и перспективы жизни. Нельзя иметь «предварительное знание» о себе, помимо самодеятельности и рефлексии, непрерывно открывающих «субъектность» и авторство Я в жизни, которые направляют его к

идеальной цели, к осознаваемому пределу саморазвития в мире высших ценностей, к смыслу творческого самопревосхождения. Я как субъект и автор в отношении к себе и своему бытию обладает *возможностью совершенствоваться, обновлять наступающую жизнь, развиваясь в этом обновлении.*

9. Я выступает **уникальным местом, «топосом», миром** из которого прорастает и прирастает внутренняя и внешняя жизнь личности. Это пространство, данное личности для присутствия, проживания, ментальных репрезентаций себя и других. Это разворачивающаяся во времени «топология» инициированных и осознанных жизненных изменений, расширяющаяся и соединяющаяся с подвижными мирами других. Это область представленности Я в Другом, откуда совершаются влияния на другое Я и другую жизнь, это точка, откуда личность может «проникнуть в другого и восполниться его миром и содержанием той точки, которую этот человек занимает» (Там же; с. 448). Это пространство «сборки» впечатлений о значимых других, создающей их Образы и Символы, в той или иной степени скрытые или открытые для этих других. Это место, где Я находит себя во взглядах и высказываниях других, открывающих его новые стороны и качества. Это места, где Я еще нет, но ему известно, что оно возможно. В своем «топологическом» измерении Я имеет *возможность постоянно расширять и восполнять себя, охватывая и соединяя в действии и рефлексии Я-в-мире, Я-в-Других, Других-в-Я, Я- в- себе.*

10. Я – это «какая-то странная длительность, непрерывность» (Там же; с. 96). Ему присуще свойство **быть временем, «временить»,** выступать тем, что в каждый следующий миг жизни может что-то иное и является чем-то иным. Это «иное» спонтанно и рефлексивно

вплетаются в прочную и податливую ткань наличного Я, изменяя его и создавая актуальные предпосылки для проживания следующего момента жизни. «В потоке жизни слишком многое существует для нас в модусе будущего, как того, которое мы предполагаем реально возможным для себя – это называется «знанием возможностей» (Там же; с. 528). Непрерывное, субъективное установление связи прошлого, настоящего и будущего Я, иными словами, удержание «транспективы Я» определяют его самоидентичность, сохранение и преобразование себя. Я «необходимы мужество и героизм» (Там же) для познания и принятия себя-возможного, для отношения к перспективе жизни во всей своей полноте, для целостного вложения себя в свой жизненный проект, для глубины проникновения внутрь «потом», для причастности к тайне грядущего. Ценным способом продлить, наполнить, интегрировать «Я-как-время» является текст самопознания, помещающий Я во время культуры (10). Бытие временем означает *возможность Я создавать, обладать, являться будущим в общей хронологии человеческой жизни и собственном жизненном пути.*

11. Я присуща **телесность**, обладание «только этим» телом как уникальным пространственно-временным объектом среди других тел, как единичным фрагментом телесного опыта мира. Я-тело является, по словам П. Рикера, «предельной точкой референции мира», постоянной и изменчивой одновременно. Тело изменяется во времени, но одним и тем же остается то Я, которое осознает и называет это тело «своим» и «Я сам». Тело образует основу субъектности Я, является источником, «орудием» персональных преобразований, совершенных в мире. Будучи природно, культурно, социально и рефлексивно конституированным, Я-телесное в своей перспективе обладает *возможностями непосредственного*

самовыражения, самозапечатления, самоизменения, предметной деятельности в обращенных к нему мирах природы, культуры и «других».

12. Я имеет означенность средствами языка. «Я» – личное местоимение, культурный знак, «странствующий, вакантный термин» (8), в любой миг применимый, как к себе, так и к иному референту. Этим референтом может быть Я другого человека или Я как «другой». «Я» - обозначение всех личностей и каждый раз – одной единственной. «Я» - символ универсального «автора» всех сознательных жизней и уникальное имя персонального сознательного присутствия в неповторимый момент здесь-и-сейчас. Этот знак нужен личности, чтобы создавать и оберегать границы «собственного» и «моего», сохранять себя в речи, деятельности и творчестве, а также разделять ставшее и новое Я. «Я» – способ называния, именованья, аттестации, интерпретации, идентификации и выражения себя. Идентифицирующая референция посредством знака «Я» указывает не только на факт осознания тождества личности с собой, но и на факт утверждения неисчислимого множества других Я, каждое из которых тоже обозначает себя этим знаком, находя себя в своем мире и мирах иных личностей. Имея свойство означенности, Я приобретает *возможности высказаться от своего имени или о себе, «держать себя» в речевом диалоге, находить и продолжать себя в вербальном мире других, создавать повествование о себе, рассказывать историю своей жизни.*

13. Я характеризуется свойством, которое, по аналогии с известной формулировкой М.К. Мамардашвили, можно назвать «необходимостью Другого». Мира Я нет без него самого, но, чтобы появиться, быть и развиваться, он нуждается в соединении с мирами других людей. Другой, который может составить важнейшую часть

моего бытия и может восполнить это бытие и восполниться сам, является моей значимостью, «сенсibiliзированной точкой по отношению ко мне» (4). Связь моего Я с Другим устанавливается во внешнем пространстве «между», во внутренних мирах каждого из нас, в мирах, где протекает наша жизнь относительно независимо друг от друга. Развертывается процесс взаимных встреч, отражений, присутствий, влияний, ускользаний, изменяющих Я и Другого. Это тот путь, где совершаются наши совместные или взаимно направленные действия, мною добывается знание о себе и Другом, приоткрывается неизвестное Я, возникают предчувствия и интуиции моего «другого Я», открывается и создается новый Другой-во-мне, рождается новое Я-в-Другом, меняемся во взаимоотношениях Я и Другой. «Если я выхожу на точку, сенсibiliзированную по отношению ко мне, то я в этой точке воссоздаю себя или должен суметь воссоздать себя, то есть я отражаюсь в ней, а она отражается во мне» (Там же; с. 444). Для Другого мое Я может обладать высокой ценностью в силу того, что оно «занимает уникальную точку, из которой переживается что-то, видно что-то, что не видно и не переживается ни в какой другой точке» (Там же; с. 448). Этот избыток моего видения Другого, которым я делюсь с ним, способствует его самопознанию, а также росту его значимости для меня, открывая мне новые возможности нашего взаимодействия. При этом Другой должен предстать для меня автономной личностью, с которой можно вступить в подлинное «отношение» как свободное внешнее и внутреннее «взаимобитие» индивидуальностей. При отсутствии отношения Другой потерян для меня как мир нашего общего развития. Одновременно Я исчезаю для Другого как источник обновления и обогащения его жизни, а также теряю развивающую связь с собой, переставая быть «видимым» и

«отраженным» Другим. Потеря или не-обретение взаимной значимости Я и Другого отнимают у нас возможность пройти путь взаимного поиска общих смыслов и совершения совместных деяний, далеко во времени продляющих бытие каждого. Напротив, отношение к Другому развивает способность «расширять себя, присоединяя к себе своеобразность другого опыта, другого переживания» (Там же; с. 485). Условиями высвобождения этой способности являются сомнение, незнание, вопрошание, проблематизация, откровения, открытия, касающиеся Я и осознанно проживаемые им под влиянием Другого. Кем выступает Другой для Я? Источником интуиции и знания о существовании Высшего, субъектом требований, наказов, наставлений, сообщений, действий и оценок в адрес Я, проводником в мире ценностей и смыслов, побуждающих Я к жизни, критиком, встающим в оппозицию к Я, возражающим, противоречащим и сопротивляющимся. Через Другого Я познает факт единичности себя и величину своих границ: что в самом себе Я не может сравнить с Другим; что Я не может приписать и позаимствовать у Другого, включая его тело, взгляд, текущие душевные состояния, место в мире здесь-и-сейчас; что Я не может принять у Другого; что Я не может отдать Другому в связи с существующими ограничениями для отражения, преломления и воплощения в нем. Свойство осознавать необходимость Другого, наряду с собственной свободой и автономией, предполагает *возможность Я в перспективе жизни достичь полноты отношения к другой личности и всесторонне раскрыть, реализовать потенциал встречного отношения.*

14. Во множестве и интеграции мотивационных – когнитивных – эмоциональных – вербальных – рефлексивных – деятельных связей с другими Я приобретает и индивидуально проявляет свойство

смыслополагания. Рождение и открытие смысла как вдохновляющего знания о «наилучшем для моей жизни» происходит, благодаря постижению значимости Другого в его ценностных отношениях к жизни, разделению с ним этих отношений, взаимному отражению ценностей Я и Другого, уникальному выбору Я, ради чего ему предстоит жить. «Личности путем взаимных отражений, бесконечных взаимных отражений изменяются и усложняются или – развиваются. Это такие взаимоотражения, которые усложняют точки, находящиеся в этих отражениях. И в каком-то плане можно сказать, что существует, реально существует только бесконечный смысл, то есть, отражение – усложняющее и развивающее – обладает свойством бесконечности.... Многообразие рефлексирующих одна в другую точек есть способ существования бесконечности смысла» (Там же; с. 444). Приобщаясь к воссозданию ценностных смыслов, личность совершенствуется в самопознании и созидательном действии в мирах других и собственном мире, то есть, переходит на более высокий уровень отношения к себе. Преломляясь и выражаясь в отношении к другим и в их жизнеотношениях, отношение к себе способствует персональным вкладам в бытие человеческих ценностей. Реализуя свойство смыслополагания, Я наращивает *возможности утверждения общезначимых смыслов, их адресации множеству других Я, осознания своей смысловой динамики и ее совпадения с динамикой других, развития смыслов в отношении «Я – Другой» и в самоотношении.*

15. В процессах укрепления и взаимопроникновения отношений к другим и к себе формируется свойство диалогичности Я. В свою очередь, нахождение в диалоге с собой и Другим является оптимальным условием для развития данных отношений. Диалог -

это «единственная ситуация, в которой мы можем установить отношение к человеку и к себе в их собственном качестве и достоинстве» (Там же; с. 186). Диалог – обмен чувствами и впечатлениями, представлениями и мыслями, высказываниями, действиями и поступками, где личности могут взаимно реализовать ценности отношений: инициативу и ответственность, надежность и заботливость, помощь и верность слову, взаимное уважение и понимание другой личности в ее инаковости, автономии, единственности. «Каждая личность является незаменимой в нашей привязанности и оценке» (8; с. 231). Диалог - это условие раскрытия личностью безусловного бытийного равенства с Другим. Это момент ухода от иллюзий самодостаточности и осознание соприсутствия и наполнения «другими» своего Я. Это событие трансцендирования, где значительно все: от мимолетного обмена взглядами до трагического прояснения этического конфликта двух личностных миров. Это связь личностей, когда одна вызывает другую на непосредственный ответ; это опыт душевного единения, преодоления изоляции и взаимного оказания развивающих влияний. Вступить в диалог, означает открыться к Другому и увидеть его встречную открытость, взаимодействовать с ним и уловить внутреннее взаимоприсутствие, «вызвать себя из потерянности в Другом» (Там же), отстраниться от себя, найти и понять изменения Я, происшедшие в пространствах внешнего и внутреннего взаимодействия, убедиться в развивающих эффектах своей активности в жизни Другого, открыть в Другом «место», где Я еще нет, но оно оставлено именно для него. «От того, какие мы уже есть, мы должны выходить в пространство или точку, где нас еще нет и где мы только возможны, и неизвестно, в какой форме мы возможны» (Там же; с. 466). Высокий потенциал диалога заключен в

отношениях с любимым близким, другом и партнером, Учителем и духовным наставником, консультантом и советником в частной жизни. Это лучшие Другие для поддержки личности в актуализации, рефлексии и осуществлении разнообразных потенциалов Я, в том числе, относящихся к «речевой жизни». Пространство речевого диалога намечается, структурируется и динамизируется такими словесными маркерами, как: «я», «ты», «мы», «у нас», «нами», «с тобой», «без тебя», «со мной», «без меня», «ты как я», «ты тоже», «ты не я», «я как ты», «я не ты», «только я», «только ты», «ты сам», «я сам» и т.д. Диалогическое Я в обращении к будущему располагает *возможностями длить и развивать отношения с другим человеком, порождающие индивидуальность каждого во взаимной рефлексии «могу быть с Другим» и в продуктивных актах совместного познания, практических действий, речевой деятельности и поступков.*

16. В предчувствии, предвидении, предстоянии своей жизни, Я проявляет свойство, которое можно обозначить как «быть возможностью самого себя». Это свойство воплощается в жизненном проекте личности, в котором соединяются ее осознанные смыслы и замыслы, желания и устремления, ожидания и надежды, образы воображения и фантазии, цели и программы деятельности, планируемые достижения и самоизменения. Источником, автором и адресатом этого проекта выступает Я в рефлексивном отношении к себе-потенциальному, переходящему, в случае осуществления проекта или «достижения себя» (9), в структуру «Я сам». Я как «возможность себя», интегрирует «Могу», укорененные в его общих свойствах. В соотнесении с конкретными сферами и способами включения личности в наступающую жизнь, эти «Могу» выражаются в различных интенциях, среди которых П. Рикер

выделяет «Я могу говорить», «Я могу действовать», «Я могу рефлексировать», «Я могу рассказывать о себе», «Я могу быть ответственным за свои поступки» (8). В зависимости от встающих жизненных задач, Я актуализирует и обобщает определенные интенции, чтобы при решении задач получить новые основания «быть» и развиваться. В частности, если личность ставит задачу быть эффективной в речевом диалоге с Другим в плане интеллектуального, этического, экзистенциального развития и саморазвития обоих, то «возможность себя» может стать интегралом «Я могу говорить», «Я могу находиться в отношении к Другому», «Я могу расширять топологию своей жизни», «Я могу рефлексировать», «Я могу отвечать за ценностный смысл своих слов». При этом в развертке конкретного диалога речь Я существует в виде отдельных высказываний, а интенция «Я могу говорить» становится интенцией «Я могу высказываться». На наш взгляд, вышеуказанный интеграл определяет *Я как потенциального субъекта речевого диалога, способного выстраивать Путь своих высказываний в трехмерном пространстве, образуемом «между Я и Другим», «Я-в-Другом», «Другой-в-Я».*

Далее промоделируем характеристики высказывания, дающие возможности его автору достичь развивающих взаимных эффектов в диалоге Я – Другой. Представим общую теоретическую модель, включающую в себя ряд частных моделей. Она характеризует: специфику высказывания в структуре речи; «Я» как его автора; сложную внутриличностную и межличностную топологию высказывания в диалоге; значение авторской рефлексии в реализации возможности высказываться; содержание рефлексии высказывающегося; сущность высказывания как «события» жизни его автора и адресата; влияния, оказываемые Другим на

самопознание Я в диалоге. Концептуальной основой модели выступили идеи А. Витгенштейна, М.М. Бахтина, П. Рикера, М Фуко (2; 1; 8; 12).

2. Возможности Я как автора высказываний в диалоге

1) Начнем с известного определения места высказывания в речевой деятельности, принадлежащего М. М. Бахтину: «Речь может существовать в действительности только в форме конкретных высказываний отдельных говорящих людей, субъектов речи. Речь всегда отлита в форму высказывания, принадлежащего определенному речевому субъекту, и вне этой формы существовать не может. Как ни различны высказывания по своему объему, по своему содержанию, по своему композиционному построению, они обладают как единицы речи общими структурными особенностями, и, прежде всего, совершенно четкими границами» (1; с. 263). Речь-высказываниях имеет своего индивидуального автора, представляет собой единство внутренней и внешней форм речевой активности, существует в виде динамической связи отдельных речевых актов, транслирует от автора к адресату дискурсивную мысль, отмеченную их личными отношениями и оценками, согласована в своих грамматических и семантических структурах, является доступной, понятной и функциональной. Бессознательные аспекты значений и смыслов речи отступают перед их сознательной организацией и логическим выражением. Она развернуто эксплицирует скрытые, свернутые интеллектуально-оценочные процессы, формирующие семантику слов и высказываний. Будучи «изречением мысли», речь сама является представлением и мышлением в их знаковом осуществлении и организацией в текст. Речь – «это не внешнее проявление мысли, но сама мысль» (12; с. 111).

2) Высказывание является структурой слов, где каждое находит и выражает свое значение через концептуальные связи с другими. В высказывании рождается и передается адресату подвижный индивидуальный смысл слов автора, и в зависимости от точности общих значений слов и активности их смысловой трансформации, они контекстуально обнаруживают свое знаковое или именуемое, или метафорическое, или символическое назначение. Высказывание при этом выступает преимущественно объективно-логическим, субъективно-понимающим или интуитивным. Содержание высказывания как нечто иное, в сравнении с содержаниями отдельных слов, ограничивает или расширяет, упрощает или углубляет их значения и смыслы. В этой связи не кажется радикальным тезис Л. Витгенштейна, согласно которому, «высказывание, обладающее сложностью, является комплексом, состоящим из слов. Обладают ли слова значением за пределами высказывания? Слова функционируют только внутри высказывания... За пределами высказывания они не имеют ни функции, ни значения» (2; с. 274). Высказывание как словесное целое может быть отдельной фразой, завершенным текстом или его фрагментом.

3) Отношение между высказыванием и словом опосредуется мыслью, развивающейся в подвижном, живом взаимодействии понятий. Мысль и растворяет в себе отдельные понятия, и своим целостным влиянием определяет ведущее или подчиненное положение своих различных понятийных составляющих. Слова-носители понятий, творя и репрезентируя мысль в контексте высказывания, также приобретают статус его главных и дополнительных элементов. Высказывание в своих содержательных, структурных, интонационных, интенциональных и действенных

аспектах, позволяют словам проявить свои значения, удержать и связать их в процессе мыслеобразования, наполниться смыслом, показать свой вес в речевом дискурсе, воплотиться в жизненной практике личности. Кроме мыслимого и осмысленного содержания, в высказывании заключено нечто немислимое, соотношение которого с осознанной мыслью задает авторскую интенцию к продолжению мышления и речи. Возможность мыслить в зазоре известного – неизвестного и высказывать мысль реализуется в жизни говорящего «постоянно возобновляемым вопрошанием о том, каким образом мысль может одновременно обретаться и вдали, и близ себя, как может она существовать под видом немислимого» (12; с. 345). Высказывания дают мысли «время быть», конституируют длительность, последовательность, порядок и возобновление интеллектуальной жизни личности. Речь-высказываниях «не противостоит мышлению как внешнее внутреннему или как экспрессия – рефлексии..., не противостоит другим знакам – жестам, пантомимам, изображениям, эмблемам как произвольное или коллективное – естественному или единичному. Но противостоит им всем как последовательное одновременному» (Там же; с. 116).

4) Высказывание – это акт говорения, рассказа, диалога, беседы, общения, референции и самореференции. Это выраженная идея, сообщение или обращение, оценочное или критическое суждение, предписание или действие, адресованное автором другим людям или самому себе. Оно представляет собой самоценный фрагмент жизни личности, момент ее переживаний и желаний, продвижения в познании и самопознании, способ самовыражения и творчества, средство его культурного самоопределения и вкладов в культуру. В своем предельном назначении, в качестве воплощения истины,

высшего смысла, красоты и блага бытия, высказывания стремятся оперировать «именами» или словами, исчерпывающе, в экзистенциальной полноте определяющими объект. «Говорить или писать означает не высказывать просто какие-то вещи или выразить себя, не играть с языком, а идти к суверенному акту именованию, двигаться путем языка к тому месту, где вещи и слова связываются в их общей сути, что позволяет дать им имя... Классическая дискурсия... движется вперед в постоянном ожидании Имени» (12; с. 152). Индивидуально следовать проекту классического дискурса, значит раскрыть максимум возможностей речи-в-высказываниях как искусства жизни, увидеть свое существование в «блеске бытия языка».

5) Высказывание относится к конкретному факту реальности, отражает, копирует его, но при этом, по формулировке Л. Витгенштейна. «имеет намерение быть чем-то другим». Оно является моделью реальности, в которой заключена возможность чего-то нового, ожидание реализации этой возможности и проект изменения объекта высказывания в соответствии с ожиданием. Высказывание, по сути, является средством осознания, что нечто возможно, инициативой осуществления возможности и методом преобразования объекта-референта. «Могу высказываться» означает «Могу влиять на то, о чем говорю». Влияющее высказывание должно иметь ту же степень сложности, что и объект, который представлен в нем, должно нести смысл, который задает перспективу личностных действий, содержать гипотезу, в чем должны состоять изменения объекта, быть прогнозом результатов действий субъекта. Высказывание является основным способом нашего понимания, описания и проблематизации мира, выражения нашего интеллектуального беспокойства, сомнения и проекции себя

в будущее, вовлечения других личностей в деятельность, создающую ситуацию совместного бытия (2). Оптимальным эффектом высказывания является обновление объекта-референта и появление нового в личности и жизни автора и адресата.

6) Ориентируясь на объект, высказывание моделирует некоторое событие, связанное с ним. Это созерцание автором объекта, действия с ним, его собственная активность, взаимодействие с другими объектами, вовлеченность в активность других людей, проявление им определенных свойств, переход из одного состояния в другое и т. д. Моделируемое событие имеет транспективную направленность, объединяет прошлое и настоящее объекта, приобретает в процессе высказывания явные или неизреченные черты будущего. Высказывание «ведет» происходящее с объектом, обладает властью над ним, и в этой власти само перерастает в событие, вплетенное в бытие референта. Объект начинает воплощать представления, воображение, мысли, артикулированные высказыванием. Событийный аспект высказывания охватывает и автора, для которого «Я говорю» становится событием «творения реальности». Для адресата высказывания оно тоже может выступить значимым событием жизни, если раскрывает ему ранее неизвестные возможности отношения к себе и к объекту.

7) Высказывание в адрес Другого актуализирует способность Я представлять и мыслить о себе, «анализировать самого себя, располагаясь, часть за частью, под взглядом рефлексии» (12; с. 111). Высказывание рефлексивно в плане его осознания и репрезентации субъектом как исходящего от Я, соотнесения его содержания и речевой формы с собой, присутствия Я в представлении и мысли, заключенных в высказывании, отношения автора к высказанному и занятия позиции, раскрывающей «судьбу» высказывания в мире

Другого, в Другом, в самом себе, в текущей жизни. **Рефлексия высказывания** – это авторская проблематизация себя в вопросах: кто именно говорит? это говорю Я сам? почему Я говорю? на какой объект направлено мое высказывание? о чем Я говорю? как Я говорю? насколько это значимо для меня? кому адресую высказывание? в какой ситуации находится то, о чем Я высказываюсь? в каких ситуациях находимся Я-автор и Другой-мой адресат? чего хочу достичь своим высказыванием? какой смысл я передаю в высказывании? какого ответа Я ожидаю от Другого? что и как он отвечает? удовлетворен ли я ответом? что изменилось в его отношениях и действиях вследствие моего высказывания и его ответа? что изменилось во мне? что нового появилось в нашем общении? что осталось невысказанным или несказанным нами? что это может быть? что я скажу далее? настроен ли Другой на продолжение диалога? и т.д. Авторская рефлексия может протекать как развернутая практика самопознания в контексте высказывания, или как процесс, подробно высвечивающий отдельные моменты Я-высказывания, или как свернутая, имплицитная активность мысли, направленная на себя-высказывающегося. Присутствие Я в высказывании, влияние Я на его конструктивные последствия для собеседников, рефлексия, определяющая продолжение речевого обмена, порождают новые возможности для развития автора.

Отметим, что приведенные выше вопросы являются **моделью рефлексии высказывания**, ориентированного на развивающий эффект для адресата.

8) Персональное авторство высказываний приобретает яркий, творческий характер при условиях их укоренения в живом сознании множества других людей, их адресации значимым другим, отношения автора к взаимодействию с Другим как

«встрече» с близким Ты, достижения взаимного понимания высказываемых содержаний, присутствия Другого в высказываниях, продвижения автора в рефлексии высказываний, благодаря ответам адресата. Эти условия объединяются М.М. Бахтиным в категории «диалогизм высказываний» (1). Высказывание не является индивидуальным событием, а возникает в глобальном мире личностей, говорящих между собой, мире многоглаголия, в немолчном речевом потоке, захватившем бесконечное множество авторов и адресатов. Способом наиболее прочного слияния с общей речевой жизнью является конкретный диалог Я – Другой, утверждающий взаимную идентичность собеседников и их подобие многим другим говорящим, а также углубляющий самотождественность автора. Авторское высказывание в диалоге неотделимо по форме и содержанию от чужих высказываний, попадает во «взволнованную и напряженную среду» вопросов, ответов, оценок, сообщений, принадлежащих другим. Оно соотносится с когда-то уже сказанным и слышанным и ориентируется на то, что будет сказано и услышано. Высказывание существует как завершенное и целостное речевое явление, так как Другой вопрошает или сам является вопросом для автора, который дает ответ на поступивший запрос. В зрелом высказывании как моменте диалога реализуются притягательные и вдохновляющие смыслы и способы ценностных жизнеотношений Я, направленных на Другого. «Всякое высказывание претендует на справедливость, истинность, красоту и правдивость... И эти ценности высказывания определяются разными формами отношения к действительности, к говорящему субъекту и к другим» (1; с. 319).

9) Ценностный эффект высказывания может быть достигнут при занятии и рефлексии **Я диалогических позиций**, приведенных в следующей модели: Я обращается и отвечает Другому, участвуя в межличностном взаимодействии; Я высказывается о Другом как герое своей речи; Я высказывается, откликаясь на интеллектуальную, эмоциональную, духовную силу Другого; Я высказывается от имени Другого, отождествляясь с ним; Я говорит, вызывая высказаться Другого; Я высказывается в ожидании определенного реагирования Другого; Я высказывается о себе, обращаясь к реальному и своему «внутреннему» Другому; Я высказывается о себе как «отраженном» в Другом; Я высказывается в адрес Другого от лица Третьего (коллективного Я, или других собеседников, или себя как бессознательного «Другого»); Я высказывается, обращаясь к контексту речевой жизни Другого и вводя его в собственную речевую жизнь; Я высказывается о себе, относясь к Другому и говорящем о нем; Я действует словом и вызывает Другого на действие или поступок; Я говорит о своих изменениях в результате высказывания и ответных действий Другого. В динамике диалога Другой мотивирует и располагает Я к высказыванию; влияет на замысел, цель и содержание высказывания; задает его смысловые акценты; вызывает эмоционально-речевую экспрессию Я; ожидает прозрачности и понятности высказывания; рефлексивирует свое отношение к высказыванию; ожидает новизны выражаемой мысли; понимает, интерпретирует, истолковывает, дополняет высказывание; высоко оценивает или обесценивает, принимает или отвергает, противодействует или поддерживает, сопротивляется или разделяет его, критикует или соглашается с ним; осваивает

высказывание как модель своего будущего действия; отвечает и продолжает высказывание.

10) Речь личности в диалоге является постоянным прорывом туда, где нечто еще не состоялось, где мысль еще не родилась, где обитает неизвестное, где таится неизвестное Я в отношении к загадочному Ты. Присутствие в высказываниях неведомого Я «непрестанно призывает человека к самопознанию» (12; с. 344). Познание себя является одной из возможностей Я, высказывающегося в диалоге с Другим. Она существует наряду с возможностями породить совместный текст, участвовать в бесконечном процессе межличностного воссоздания и обновления значений и смыслов слов, трансформировать словесные знаки в имена, генерировать и передавать мысль, моделировать и обновлять реальность, освещенную в речи. Речь также идет о возможностях познавать Другого; рефлексировать высказывания в речевом диалоге, а также изменения объекта-референта, Другого, самого себя; превращать высказывание в значимое событие жизни Я и Другого; восходить в высказывании на уровень диалогичности; осуществлять свои ценностные жизнеотношения в форме высказывания. Возможность самопознания в речевом диалоге, а также возможности выражения знания о себе, самообозначения и самоинтерпретации, являются перспективой для идентификаций с другими, сохранения и изменения автором себя, для преобразования объекта и адресата в ценностных измерениях. «Вопрос, в конечном счете, состоит в том, чтобы узнать, как собеседующие Я – Ты могут экстерниоризироваться в некоем «он», не утрачивая способности к самообозначению, и как он (она) из идентифицирующей референции может интериоризоваться в субъекта, который высказывается сам о себе» (8; с. 61).

Высказывание о себе, соединяясь с высказыванием, направленным адресату, может фиксировать эффект, ожидаемый и произведенный автором в адресате, который указывает на степень достижения целей высказывания, поставленных перед собой автором. В процессе свободного совместного воссоздания и обновления ценностей рождаются **эффекты высказывания**, обобщенные в следующей **модели**: понимание, принятие адресатом нового знания, глубже освещающего объект; признание адресатом правды об объекте; постановка адресатом вопроса о значимом неизвестном в объекте; нахождение адресатом проблемы, побуждающей к творчеству; выраженное адресатом сомнение, побуждающее к размышлениям; выражение интереса к тайне, заключенной в высказывании; принятие адресатом этической установки, выраженной в высказывании; согласие адресата на помощь, поддержку автора; нахождение адресатом наилучшего решения высказанной автором проблемы; выражение адресатом своей нравственной позиции; отклик адресата на высказанное впечатление о красоте; выражение адресатом своего впечатления, понимания прекрасного; искренний ответ на послание любви; выражение адресатом любви к автору; дружеский, поддерживающий ответ адресата; согласие адресата на продолжение диалога, выражение заинтересованности в сообщениях автора; юмористический ответ, остроумный отклик адресата; одобрение адресатом предложенных автором действий; выражение адресатом готовности действовать, поступать в ответ на инициативу автора; сообщение адресата о замысле конструктивной деятельности; откровенное высказывание адресата о себе; выражение адресатом чувств радости, счастья, вдохновения, восхищения и т. д. Осознанное соответствие откликов адресата

целям высказывания, позволяет автору включить этот новый факт своей эффективности в структуру «Я сам» и высказаться об этом.

11) Событие высказывания, несущего ценностные смыслы, открывает перспективу познания личностью своих возможностей как автора высказываний в диалоге. Основываясь на разработанной «модели рефлексии возможностей Я в отношении к Другому» (9), **промоделируем рефлексю в аспекте «Я могу высказываться»**, акцентируя трехмерную топологию осуществления данной возможности в пространствах «между Я и Другим», «Я-в-Другом», «Другой-в-Я».

Согласно данной модели, Я как автор высказывания могу:

- во встрече со значимым Другим, в отношениях и взаимодействии между нами откликнуться на его запрос, вопрос, призыв и т. д.;
- осознать положение, состояние, ситуацию, в которых Я нахожусь;
- учесть в своем отклике, какого высказывания Другой может ждать и принять от меня;
- исходить в высказывании из речевого контекста его и моей жизни, нашего предшествующего общения;
- понять состояние (переживания, внимание, интерес, расположение, ожидания) Другого в отношении ко мне;
- решить, какой смысл я хочу транслировать Другому и какой цели намерен достичь;
- создать содержание высказывания, полно отражающее мысль и смысл, предназначенные Другому;
- найти наилучшую речевую форму для передачи мысли;
- осознать и оценить факт своего высказывания и способ его передачи Другому;
- дать оценку себе-высказывающемуся;

- раскрыть отношение Другого к моему высказыванию;
- представить себя, знакомого и незнаемого Другим в момент высказывания;
- понять, был ли Я тем, чье высказывание имеет ценность для Другого;
- представить Другого в его значении для меня как понимающего, ценящего, отвечающего на мое высказывание;
- предвидеть отклик, ответ Другого мне, каким Я предстал в его внешнем наблюдении и внутреннем видении;
- понять, проинтерпретировать ответ Другого с точки зрения соответствия моим ожиданиям;
- воссоздать в себе отвечающего Другого с точки зрения эффекта собственного высказывания;
- сравнить этот эффект с замыслом и целью высказывания;
- пополнить знание о себе как субъекте речевых влияний;
- оценить готовность Другого к принятию новых высказываний от меня;
- поставить под вопрос эффективность своего высказывания и состоятельность Я как высказывающегося;
- мысленно обратиться к неизвестному Я и неизвестному Другому в поиске содержаний и форм новых высказываний, продолжающих диалог.

Путь высказывания, прокладываемый Я и представленный в рассмотренной модели, хорошо демонстрируется фрагментами текстов такого мастера диалогов и самопознания, как Ф.М. Достоевский. Приведем отрывок любовного текста Подростка из одноименного романа писателя, где интенция героя «Я могу высказываться» имеет трехмерное пространство реализации и эффективности.

«- Нет, нет, сядьте, - остановил я ее, - вот вы опять вздрогнули, но вы и в страхе улыбаетесь....

- Вы в бреду?

- В бреду.

- Я боюсь....- прошептала она.

- Чего?

- Что вы стену ломать начнете...- опять улыбнулась она, но уже, в самом деле оробев.

- Я не могу выносить вашу улыбку!

И я опять заговорил... Я весь как бы летел... Меня как бы толкало что-то. Я никогда, никогда не говорил так с нею, а всегда робел. Я и теперь робел ужасно, но говорил; помню, я заговорил о ее лице.

- Я не могу больше выносить вашу улыбку! – зачем я представлял вас грозной, великолепной и с ехидными светскими словами еще в Москве? ... Когда я ехал сюда, вы всю ночь снились мне в вагоне. Я здесь до вашего приезда глядел целый месяц на ваш портрет у вашего отца в кабинете и ничего не угадал... Я вас тогда видел, а между тем спроси меня тогда, как я нашел, какая вы? – я бы не сказал. Я как увидел вас, так и ослеп. Ваш портрет совсем на вас не похож.... Вы полны, вы среднего роста, но у вас плотная полнота, легкая, полнота здоровой деревенской молодки. Да и лицо у вас совсем деревенское, лицо деревенской красавицы – не обижайтесь, - круглое, румяное, ясное, смеющееся и... застенчивое лицо. Застенчивое у Катерины Николаевны Ахмаковой! Застенчивое и целомудренное, больше, чем целомудренное, - детское! – вот ваше лицо! Я все время был поражен и все время спрашивал себя: та ли это женщина?... Я никогда не воображал, что у вас такой лоб; он немного низок, как у статуи, но бел и нежен, как мрамор, под

пышными волосами. У вас грудь высокая, походка легкая, красоты вы необычайной, а гордости нет никакой...

Она с большими, открытыми глазами слушала всю эту дикую тираду ... Только что я приостановился, она протянула было руку и как бы просящим, но все же плавным голосом промолвила:

- Этак нельзя говорить... этак невозможно говорить...

И вдруг поднялась с места, неторопливо захватывая свой шейный платок и соболью муфту.

- Вы идете?

- Я решительно вас боюсь... вы злоупотребляете... - протянула она с упреком.

- Я вам сам дверь открою, но знайте: я принял одно огромное решение; и если вы захотите дать свет моей душе, то воротитесь....

Она посмотрела на меня и села на место» (3; с. 202).

Ценность любви и загадки Подростка реализуется в высказываниях, адресованных любимой женщине и сделанных на «пределе возможностей», вызывая сначала ее сопротивление, а затем заинтересованное внимание, связанное не только с содержанием высказываний, но и с личностью героя, создавшего ее великолепный образ, отмеченный тайной ее неизъяснимых противоречий.

Итак, в развитие «персонологии Я» как важнейшей теоретико-практической области общей персонологии (7) мы наметили модель, посвященную базовым свойствам и возможностям Я. Подчеркнута роль способности Я «быть возможностью самого себя», интегрирующей многие интенции «Могу» в зависимости от жизненных задач, решаемых личностью. Обоснована экзистенциальная значимость задачи «быть эффективным в диалоге» на основе реализации интенции «Я могу высказываться».

Предложена модель высказывания, модель рефлексии автора в момент события высказывания, модели диалогических позиций Я и эффектов высказывания, трехмерная топологическая модель возможности Я высказываться в диалоге.

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство. 1986.
2. Витгенштейн Л. Лекции: Кембридж. 1930 – 1932. // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М.: Прогресс. Культура. 1993. С. 273 – 310.
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т.13. Л-д: Наука. 1973.
4. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. СПб: Издательство Русского Христианского гуманитарного университета. 1997.
5. Петровский В.А. Логика «Я»: персонологическая перспектива. Самара: Изд-во САМГУ. 2009.
6. Петровский В.А. Начала персонологии «Я»: существует ли ее предмет? // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию В.П. Зинченко. / Под ред. Т.Г. Щедриной. М: РОССПЭН. 2011. С. 200 – 215.
7. Петровский В.А., Старовойтенко Е.Б. Наука личности: четыре проекта общей персонологии. / Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т.9. № 1. 2012. С. 21 – 39.
8. Рикер П. Я – сам как другой. М.: Издательство гуманитарной литературы. 2008.
9. Старовойтенко Е.Б. Достижение себя в отношении к Другому. / Мир психологии. №2. 2013. С. 71 – 85.
10. Старовойтенко Е.Б. Культурное время личности / Мир психологии. №3. 2011. С. 62 – 75.

11. Старовойтенко Е. Б. Новая персонология – интегральная наука о личности. / Мир психологии. № 3. 2012. С. 59 – 71.
12. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.:А – cad. 1994.

ВОЗМОЖНОСТИ Я В ОТНОШЕНИИ К ДРУГОМУ: ГЕРМЕНЕВТИКА И РЕФЛЕКСИЯ

Статья Старовойтенко Е. Б. Возможности Я в отношении к Другому: герменевтика и рефлексия // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 4. С. 121-142.

1. Возможности Я как проблема персонологии

Данное исследование посвящено проблеме развития личности в аспекте рефлексии и реализации ее жизненных возможностей в отношении к другому человеку. Возможности рассматриваются как осознанное знание и переживание «Я могу», в соответствии с традициями, сложившимися в психологии личности, онтологии, философии жизни, экзистенциальной философии, философии языка, феноменологии. Строится интегральная трехмерная модель **возможностей Я**, которая обобщает их виды и динамику в измерениях «между Я и Другим», «Я-в-Другом» и «Другой-в-Я». Обосновывается идея о богатстве возможностей Я, существующих в **речевой жизни** человека, в мире диалогов с другими, где Я высказывается ради достижения ценностной близости с Другим. На основе интегральной модели возможностей Я разрабатывается модель рефлексии личности в диалоге, сфокусированная на интенции **«Я могу высказываться»**.

Научный контекст работы составляют классические исследования, посвященные телеологическим аспектам индивидуальной жизни, прежде всего, возможностям личности осуществить себя в смысловом разнообразии, продуктивности и богатстве ценностей бытия. Речь идет о трудах М. Хайдеггера, Э. Гуссерля, Ж.-П. Сартра, М. Мерло-Понти, П. Рикера, В. Франкла, Р. Бернса. В работе

* Исследование осуществлено в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013-2014 гг., проект № 12 – 01 – 0073.

находят преломление идеи С.Л. Рубинштейна об осознании «могу» как моменте самодетерминации личности в процессе деятельности, идеи М.К. Мамардашвили о топологии «Я могу» в отношении к Другому, идеи К.А. Абульхановой об оценке личностью своих возможностей при построении стратегии жизни; идеи В.А. Петровского о рефлексии «Я могу» в процессах саморегуляции деятельности, а также современные научно-психологические идеи о самополагании личности во временной перспективе жизни и о «возможном», «вероятном», «достигнутом» Я как модусах самопознания личности.

Областью исследования выступает **«общая персонология»** (6; 10), отличающаяся от традиционной психологии личности своей ориентацией на теоретический синтез, референции к различным наукам и многопрофильную практическую деятельность. Спецификой конкретных персонологических исследований является добывание знания о личности на основе единства культурного опыта, фундаментального познания, практики, способов самопознания и самоизменения личности. Полученное знание оценивается по критериям научного, инструментального, гуманитарного и экзистенциального значения. В связи с акцентировкой темы Я и его возможностей, мы относим исследование к **«персонологии Я»** (3; 4; 9) как новому направлению современной психологии личности.

В исследовании применяются методы герменевтики, рефлексии и моделирования, На первый план выступает **герменевтический подход**, служащий извлечению и обобщению теоретического знания о возможностях Я при новом осмыслении ряда философских, психологических, литературных произведений, определяемых как

«тексты личности». Делается шаг в обосновании значения «герменевтики Я» (7) для персонологии.

«Герменевтика Я» является и научным методом, и содержательным результатом постижения текстов. Как метод, она может быть рассмотрена в нескольких формах. Во-первых, в форме исследовательского дискурса с авторами текстов о Я. Во-вторых, в форме интерпретации, реконструкции и моделирования знаний о «Я». В-третьих, в форме экспликации научно обоснованных моделей самоисследования личности. В-четвертых, в форме разработки рефлексивно-феноменологических практик, расширяющих для личности границы познания и развития Я. **Содержательный результат** «герменевтики Я» образуют научные, культурные, индивидуальные знания человека о себе, добытые в синтетическом опыте интерпретаций и самоинтерпретаций при осмыслении текстов. В контексте «персонологии Я» ставится задача соединения, согласования всех форм и результатов герменевтического анализа и синтеза.

Выявление ценных персонологических содержаний «текстов личности» определяется качеством **герменевтической процедуры**, приемы которой можно представить следующим образом (9).

1. Постановка новой проблемы «личности», ее «Я», имеющей перспективу успешной разработки методом герменевтики.
2. Актуализация исследователем «текста» своего наличного понимания поставленной проблемы и нахождение пробелов в ее предварительной концептуализации.
3. Определение релевантных произведений, обладающих нераскрытыми или нереализованными возможностями для построения концепции решения поставленной проблемы.

4. Разработка исследователем системы категорий и идей, образующей «код» прочтения, инструмент изучения, проект реконструкции текста произведения.
5. Поиск фрагментов текстов, где авторы достигают, по выражению М. Хайдеггера, «яснейшей ясности прозрений», логической чистоты выражения мысли и намечают идеи, способствующие решению проблемы.
6. Воспроизведение, экспликация, выведение из области скрытого, развитие знания о сущности того аспекта личности или «Я», который проблематизирован исследователем.
7. Собрание, систематизация, организация в целое (logos), развитие известного и неизвестного знания, извлеченного из текстов.
8. Построение концептуальной модели, содержащей новое решение поставленной проблемы «личности», ее «Я», которое основано на синтезе мыслительного опыта авторов текстов и исследователя-интерпретатора.

В заключение процедуры следует рефлексивное размежевание созданной концептуальной модели с подходами авторов исследованных текстов.

2. Герменевтика возможностей Я в отношении к Другому

Используя приемы персонологического прочтения философских и философско-психологических текстов, мы разработали герменевтическую модель многомерных возможностей Я, открывающихся в отношении личности к Другому (9). Основу модели составляют переосмысленные в контексте поставленной проблемы и систематизированные идеи М. Хайдеггера, Ж.–П. Сартра, П. Рикера. Они касаются личностного генеза возможностей, их осознанности, Я-источника, рефлексивной опосредованности,

развития в контексте жизнедеятельности, разнообразия форм, реализации в жизненных отношениях к значимостям, топологии и рефлексии эффективного осуществления «Я могу» в отношении к Другому.

Приведем континуум положений, образующих намеченную модель.

1. **Личностью** является человек в единстве своих телесно – душевно – духовно – деятельных сущности и бытия. Личность как бытие или «жизнь» выступает способом соединения человека с миром, который его призывает, «бросает вызов», вмещает, делает собственной частью, выступает потаенным и открытым одновременно. В своей жизненной активности личность выводит себя на «сцену мира», выделяет **значимости** (ценное для себя), изменяет существующие в мире соотношения, ставит мир «под вопрос». Участие личности в бытии мира отрицает его наличное состояние, обращает существующее новыми сторонами друг к другу. Эти стороны являются для личности или доступными, или скрытыми, или остающимися «в тени». Через вызванные и постигнутые изменения в мире личности дается собственное «присутствие», свое «Я есть», «экстатическое выступание и выстаивание в просвете бытия». В этом состоит уникальный способ человеческого существования или «экзистенция» (13).

2. Личность проблематизирует и испытывает мир посредством способностей ощущать, воспринимать, представлять, мыслить, переживать и действовать, устремляясь к значимостям. Порождение и субъективное воссоздание этих активных жизненных состояний связано с наличием и «работой» **сознания**, которое придает личности статус «Я», то есть, «самополагающего», «самообеспечивающего» и «самоустанавливающего» начала в мире

и жизни. Суть такого положения личности в мире, на примере представления, состоит в том, что в каждом сознательном представлении «представляющий – это человек, которому в представлении предоставляется его представленное, и в каждом представленном он устанавливает также и самого себя – не задним числом, а заранее, ибо он, представляющий, предносит всякое представленное себе... Со-представленность представления и представляющего внутри человеческого представления значит не то, что Я и его представление как бы встречаются сами по себе, а значит сущностную принадлежность Я-представляющего к конституции представления» (Там же. С. 124).

При ярком свете сознания личность одновременно знает, что именно существует, что она **представляет**, знает свое представление, знает **себя-представляющего** и знает «Я-средоточие» всех этих знаний. И даже если «Я не становится специальным предметом мысли о себе в представлении (предметом рефлексии), представляемое все равно необходимым образом принадлежит ему как «представителю всякого представления» (Там же).

В протекании жизни Я обобщает, «собирает» множество личностных актов познания, переживания и деятельности, адресованных значимостям, становится саморазвивающимся субъектом воспроизведения и обновления этих актов. Значимость, при этом, открывается Я попеременно в следующих формах: предметной (как она есть), внутриличностной (как она дана), трансличностной (как она реально преобразуется), отражения «личностного» (сохранения преобразований в себе) и нового вопроса к личности и ее потенциалам (бытийного вызова).

3. Я создает, осуществляет, находит **возможности** прочного, разнообразного соединения со своим значимым, в частности, возможности деятельной и рефлексивной связи с другой личностью, с Другим. Я в своем «могу», «смог» и «смогу» выступает тем, в чем «существо человека хранит источник своего определения» (Там же. С.. 198) и чем «должен стать человек в своем бытии, посредством чего нечто пришло бы к бытию» (8. С. 61). «Быть Я» для личности – существовать в измерении своих осознанных возможностей. То есть, жить посредством себя, обогащаться феноменами своего жизненного распространения в бытие значимого, расставаться с собой, идти к новой встрече с собой, достигать себя и ускользать от себя в неизвестное будущее к новым значимостям.

Динамика Я и его возможностей разворачивается через конкретные моменты существования «для себя», или ситуативные «места», положения, состояния, позиции личности, данные ей в самосознании. «Для себя» не охватывает Я в целом, никогда полностью не тождественно ему, выходит за пределы его сложившейся идентичности, обращено к его известным и неизвестным «могу» и необходимо ему для саморазвития и воссоздания бытия на основе рефлексивного воссоединения с собой. «Возможное есть то, чего недостает «для себя», чтобы быть «собой» (Там же. С. 134). Актуализация, отрицание и присвоение «для себя» обеспечивают устойчивость, сохранение и изменчивость наличного Я. «Кто мыслит обо мне не есть чистый вневременной взгляд – это я сам, который длится, будучи включен в кругооборот моей самости, находясь под угрозой в мире со своей историчностью» (Там же. С. 181).

4. Я имеет множество **ипостасей**, которые указывают на многообразие способов соединения личности с собой, со своей

жизнью и ее ценностями. Речь идет об иррациональном и дискурсивном, знаковом и телесно-чувственном, идеальном и межличностном способах, по-разному соотносящихся в актах внесознательного проживания, сознания и действия, формирующих Я. «Я со своим историческим и априорным содержанием и есть сущность человека» Там же. С. 71).

- Я существует как первичное, неозначенное, невербальное, дорефлексивное **эго**, смутно улавливаемое интуицией личности и таящееся в глубине жизни как «неизвестное Я». Наше Я «сознанием не исчерпывается, и не оно вызывает его существование. Оно всегда дается как бывшее перед сознанием и обладающее глубинами, которые должны раскрываться постепенно» (Там же. С. 135).

- «Я» выступает **«знаком личности»**, средством обозначения чувственного телесно-психического «эго» и самообозначения Я как центра сознания. Знак «Я» является культурным даром, который при его использовании делает возможным существование «для себя» как присутствие личности по отношению к себе.

- «Я» является словом, всегда употребляемым личностью в адрес неповторимого «себя» только однажды, в единственный момент жизни. Это **имя индивидуальности**, живущей, познающей, называющей себя в необратимом континууме уникальных событий здесь-и-сейчас.

- Я существует в форме **Я-телесного**, которое формируется, чувствуется и означивается под влиянием совершаемых личностью действий, под ее впечатлениями о теле других, под их взглядами и непосредственными откликами на ее внешность. Кроме того, в переживание и осознание Я-тела (или «внешнего самого глубокого внутреннего») включены те культурные образы, которые передаются личности другими в виде изображений и текстов,

напоминающих или отражающих ее облик. При этом в видении и понимании других картина тела личности избыточна в сравнении с картиной ее собственного Я-телесного. «Если, постигнув «мое» сознание в его абсолютной глубине, я посредством ряда рефлексивных актов попытаюсь соединить с ним определенный живой объект..., оказывается, что я пытаюсь соединить мое сознание с телом других» (Там же. С. 324). В существовании других и через них Я-тело «продолжается внешне в измерении богатства, которое ускользает от меня» (Там же. С. 370).

- Я является источником мысли, принадлежащей ему самому, несущей знание о его телесности и душевном мире, отчуждающей его от себя самого, порождающей новое знание о нем и возвращенной себе самому, то есть, **субъектом рефлексии**. «Посредством рефлексии «для себя», которое теряется вне себя, пытается интериоризироваться в собственное бытие; это есть второе усилие, чтобы основать себя; речь идет для него о том, чтобы быть самим собой» (Там же. С. 186).

- Взаимодействуя с другими людьми, порождая свое присутствие в их мирах, личность приобретает **«коллективное Я»**, частью доступное для рефлексии, а частью просвечивающее как «неизвестное Я». Переживая свое рассеяние во множестве Я-в-Других, личность стремится собрать себя, терпя частое поражение при встрече с непроходимыми местами своего обитания в таинственных пространствах чужого бытия. «Мы не постигаем множественного взгляда. Речь идет скорее о неоощуемой, мимолетной и вездесущей реальности, которая реализует перед нами наше нераскрываемое Я и которая сотрудничает с нами в создании этого Я, ускользающего от нас» (Там же. С. 304).

- В «кругообороте самости» Я стремится достичь **идеала совпадения с собой**, исполненности себя, осуществив все возможности, которые открываются «для себя» в ситуациях встреч и отношений к значимостям. Эти возможности и эффекты их реализации осознаются Я как перспектива собственного расширения и усиления во всестороннем и целостном участии в новых встречах со значимым. Идеальной границей Я является «достижение себя» при восхождении к своим значимостям в их ценностно-культурном измерении. Это фундаментальный проект индивидуального бытия, конституируемый разнообразием и взаимосвязями «Я могу».

5. Богатейшим миром, в котором личность может открыть и Я-центрировать свои возможности, является **Другой** как конкретная, значимая личность. Другой с его взглядом, пониманием, действием в адрес личности необходим Я в плане переживания и осознания своей фактичности, своей свободы в контексте совместного бытия. Динамичное «для себя» личности вовлекается в жизнь Другого, вовлекает его в свою жизнь, предстает «для Другого» и становится его собственным «для себя». Другой, таким образом, создает и позволяет личности понять основные «структуры» ее бытия.

Другой – это другое Я для меня, так же, как Я – другое Я для него. Оба наши Я в пространстве «вне себя» входят в организацию друг друга, утверждают реальность друг друга, раздвигают границы своих «Я могу», своей рефлексии, субъективности и влекущей взаимной «объектности». «Не существует привилегии для моего Я; мое эмпирическое Эго и эмпирическое Эго Другого появляются в одно и то же время в мире; и общее значение «другой» необходимо для конституции, как одного, так и другого из них» (Там же. С. 257). Находясь в необходимой зависимости, Другой и Я не растворяются друг в друге; свобода одного не является исходным условием

свободы другого. Во взаимном обмене возможностями каждый дарит другому новое свободное бытие, определяя его и становясь его частью. «Другой – это и есть Я сам, от которого меня ничего не отделяет, абсолютно ничего, если не его чистая и тотальная свобода, то есть, эта неопределенность себя самого, которую он один имеет в бытии для себя и через себя» (Там же. С. 294).

Принципиальное тождество друг с другом как «тоже личностью» и «тоже Я» распадается, когда в реальной ситуации перед каждым Я оказывается конкретный Другой. Я устанавливает с ним связь на уровнях рассматривающего взгляда, внешнего действия, взаимного отражения, соприсутствия Я и Другого, рефлексивного раскрытия и обобщения своего бытия в Другом, бытия Другого в себе, своего бытия в себе и бытия вне себя и Другого. Участвуя в этой «зеркальной игре мира», Я наращивает потенциал своей рефлексии. «Я конкретно испытываю Другого как свободного и сознающего субъекта, темпорализируюсь к своим собственным возможностям. И присутствие этого субъекта без посредников есть необходимое условие всякой мысли, которую я попытался бы сформулировать о себе» (Там же. С. 293). Другой в заинтересованном обращении к Я соединяет его с самим собой.

6. В жизненных связях с личностью и в ее рефлексии Другой приобретает различные **ипостаси и качества**.

- Он является для личности реальным пространственно-временным **объектом**, конкретным фактом, ситуацией в мире, существенным вызовом жизни, на который личность должна ответить. Является ценностью, без которой она ощущает в себе недостаток бытия. Личность направляет на Другого свою активность, адресует ему свои желания, переживания, акты познания, поступки и действия, овладевает частью его внутреннего

мира, разделяет его бытие, помещает его в мир своих субъективных значимостей и развертывает «в себе» взаимоотношения с ним.

- Не исчерпываясь положением объекта, Другой является «**личным присутствием**», пробуждающим в личности переживание собственной реальности, удостоверенной обращением к ней другого человека. «Другой дается мне как конкретное и очевидное присутствие, которое я ни в коем случае не могу извлечь из себя и которое не может быть поставлено под сомнение и стать объектом феноменологической редукции или всякого другого эпохе» (Там же. С. 294).

- Присутствие Другого, транслируемое в его взгляде, речевом обращении, оценке и интериоризации образа личности показывает ей жизнь «по ту сторону» Я-бытия. «Отношение, которое меня объединяет с Другим, не может быть отношением внешнего к внутреннему миру, но через взгляд Другого, я испытываю конкретно, что есть **другая сторона мира**» (Там же. С. 293).

- Присутствующий Другой обладает для личности осознаваемой и неизвестной **субъектностью**, то есть, способностью быть побудителем, инициатором, образцом, ценителем, продолжателем ее активности. Другой становится соавтором самосознания, жизненной истории личности, а также выступает ее миром, пространством «отраженной субъектности» (5), где личность находит себя живой и значимой для бытия другого человека. Другой дает личности «быть», чувствовать, видеть, воображать, понимать, дает ей открыть и актуализировать свои возможности, дает место в мире для ее творений, определяет ее роль в сообществе создателей культуры.

- В своих референциях к культурному творчеству, непосредственно участвуя в познании и практике личности, Другой демонстрирует свою «**орудийность**». То есть, показывает свою

принадлежность к универсуму орудий, усилителей возможностей, которые личность может освоить и применить в жизнедеятельности, увеличивая свою свободу и свободу множества других.

- Другой выступает для личности адресатом и «местом» воплощения конкретных жизненных возможностей Я. Это также «глобальная возможность Я», связанная не только с присутствием, но и отсутствием Другого как вероятного будущего. Другой – **проект**, эскиз, набросок, смысл Я-бытия личности, делающий его возможным в обширной перспективе жизни.

- Другой – это, по сути, **Я сам**, собравший воедино Я, данное в Другом, Я, имеющее в себе представленного Другого, Я, отразившее «в себя» связь Я – Другой, а также соединивший свои Я-объект, Я-субъект, Я-орудие, Я-личную свободу, присутствующие в сознании и бытии Другого.

7. Жизненное обращение личности к Другому имеет форму «**отношения**», которое является универсальным способом построения, проживания и рефлексии индивидуального бытия в мире значимостей. Реализующиеся отношения творят единое течение, изменчивую «ткань», объективные и субъективные ответы личности на затрагивающие запросы мира. «Мы говорим «отношение» тогда, когда хотим назвать позицию, занятую человеком, место, отводимое им чему-то вне его... Человек в своем существе «относится» к тому существенному, что требует его. Он принадлежит, послушен как осуществляющийся тому, что обращено к нему как вызов» (13. С. 290).

Отношение к любой значимости порождается и определяется личностью, выступает сложной активностью и феноменом ее сознания, создается взаимосвязью сознательных, то есть включающих в свою конституцию «Я», стремлений и переживаний,

восприятия и представлений, мышления и интуиции, действий и поступков. Каждая из этих **образующих** отношения во взаимодействии с другими может стать самостоятельным «отношением», в котором различаются процессы и эффекты, имеющие генез, течение и локализацию в пространствах «между личностью и значимостью», «в личности» и «в значимом». Идет ли речь о мыслительном, образном, эмоциональном, практическом или интегральном отношении, оно в собственном существовании обеспечивает многомерное **соприсутствие** личности и значимости.

Отношение в своей жизненной динамике является континуумом целостных, обладающих сложной психической и практической архитектурой, продуктивных актов, инициируемых **Я**, адресованных им своей значимости и возвращенных себе. **Я** в контексте реализующегося отношения может занять **рефлексивную позицию**, способствующую образованию и развитию сложной субъективной конфигурации отношения к значимости. В этой конфигурации:

Я встает в отношение к себе как проживающему встречу со значимым;

Я встает в отношение к значимому;

Я ставит значимое в отношение к себе;

Я относится к значимому как присутствующему в себе;

Я относится к себе как присутствующему в значимом;

Я относится к себе как обновленному на основе связи со значимым.

Посредством рефлексии, **Я** актуализирует и познает эти моменты отношения, интерпретирует и соотносит их, находит и разрешает их противоречия, производит их синтез, постигает их возможности и перспективу. **Я** проявляет глубокое расположение к значимому,

совершенствует его, охватывает и попеременно перемещается во внешнее и внутреннее пространство связи личности и значимого, развивается на основе **«соотношения отношений»**, становится самим этим соотношением.

Отношение личности к значимости в конкретных жизненных ситуациях приобретает **многоэтапную динамику**. В ней взаимно порождаются и переходят друг в друга совершение действия, актуализация смысла, осознание «могу», мотивирование, целеполагание, акты выбора, принятие решения, действие, достижение цели, оценка результатов действия в аспекте осуществления смысла и перспектив его проблематизации. «Мы действуем перед тем, как полагать наши возможности, и эти возможности, открывающиеся как реализованные или находящиеся на пути к реализации, отсылают к смыслам, делающим необходимыми особые действия, чтобы быть поставленными под вопрос» (8. С. 73). В жизненной корреляции с возможностями смыслы направляют к тому, чтобы действовать с охотой, любовью, энтузиазмом, знанием дела, на благо других.

8. Оптимальным условием для развития отношения Я к Другому является **диалог** с ним и с собой. Диалог – это «единственная ситуация, в которой мы можем установить отношение к человеку и к себе в их собственном качестве и достоинстве» (7. С. 186). Диалог – обмен чувствами, впечатлениями, представлениями, мыслями, высказываниями, действиями и поступками, где личности могут взаимно реализовать ценности отношений: инициативу и ответственность, надежность и заботливость, помощь и верность слову, взаимное уважение и понимание другой личности в ее инаковости, автономии, единственности. «Каждая личность является незаменимой в нашей привязанности и оценке» (Там же. С. 231).

Диалог - это условие раскрытия личностью безусловного бытийного равенства с Другим. Это момент ухода от иллюзий самодостаточности и осознание присутствия и наполнения «другими» своего Я. Это событие трансцендирования, где значительно все: от мимолетного обмена взглядами до трагического прояснения этического конфликта двух личностных миров. Это связь личностей, когда одна вызывает другую на непосредственный ответ; это опыт душевного единения, преодоления изоляции и взаимного оказания развивающих влияний. Вступить в диалог, означает открыться к Другому и увидеть его встречную открытость, взаимодействовать с ним, уловить его внутреннее бытие-в-себе, найти себя в его мире, «вызвать себя из потерянности в Другом» (Там же), отстраниться от себя, найти и понять изменения Я, происшедшие в пространствах взаимодействия с Другим, убедиться в развивающих эффектах своей активности в жизни Другого, открыть в Другом «место», где Я еще нет, но оно оставлено именно для него. «От того, какие мы уже есть, мы должны выходить в пространство или точку, где нас еще нет и где мы только возможны, и неизвестно, в какой форме мы возможны» (Там же; с. 466). Высокий потенциал диалога заключен в отношениях с любимым, близким, другом, партнером, Учителем, духовным наставником, консультантом, советником в частной жизни. Это лучшие Другие для поддержки личности в актуализации, рефлексии и осуществлении разнообразных потенциалов Я, в том числе, относящихся к **«речевой жизни»**. Я в перспективе диалога располагает возможностями длить и развивать отношения с Другим, порождающие индивидуальность каждого во взаимной рефлексии «Я могу» и продуктивных актах совместного познания, практических действий, речи и совершения поступков.

9. В отношении личности к Другому, как и в других отношениях к значимостям, возможности, данные в рефлексии, а также возможности самой рефлексии выступают **«возможностями Я»**. Обладающая ими личность, способна, вступая в диалог и относясь к Другому, одновременно помещать «себя» в фокус активного отношения. Отношение к Другому закономерно включает в свои содержания и процесс реализации **отношение к себе** (11). Рефлексия в контексте отношения к Другому дает личности знание о своих возможностях, позволяет ей включить эти возможности в структуру собственного Я, способствует самопознанию «возможного Я» в ситуациях развития Другого и саморазвития. Эти ситуации охватывают **три основные измерения**, или топологию, взаимодействия и соприсутствия Я и Другого: «**между-Я-и-Другим**», «**Я-в-Другом**», «**Другой-в-Я**». В каждом из измерений появляются специфические возможности, рефлексия и осуществление которых определяют исполненность Я в горизонте перспектив Другого.

10. Рефлексия возможностей Я в диалоге и отношении к Другому может быть представлена в виде континуальной **модели рефлексивных актов**.

Так, Я знаю, что Я могу:

- принять встречу с Другим, впечатление об облике Другого как благо для себя;
- инициировать разнообразную психическую и практическую активность в адрес Другого и вызвать его на ответную активность по поводу значимых объектов;
- понять расположение Другого и его отклик на активность Я в форме взгляда, жеста, переживания, высказывания, поступка, призыва к действию;

- создать обобщенный внутренний Образ Другого на основе анализа его активности и проявленных качеств субъекта;
- уловить, понять свой Образ Я, сложившийся в Другом на основе его причастности к взаимодействию, достичь для себя «прозрачности тела Другого»;
- мысленно поставить реального Другого в отношение к этому Образу, проинтерпретировать данное отношение;
- прояснить, как Другой хочет быть представленным в Я и сравнить этот желаемый образ с образом Другого-в-Я;
- мысленно встать на место реального Другого и его «глазами» увидеть его образ в Я;
- установить, углубить свое отношение к присутствию Другого-в-Я в направлении усиления идентичности и самостоятельности Я и Другого;
- поставить задачу расширения и обогащения мира значимых объектов и способов взаимодействия Я с Другим;
- понять, что значит в жизни Другого взаимодействие с Я и причастность к его бытию;
- повысить ценность для Другого присутствия Я-в-Другом, сделать это присутствие развивающим, наполненным;
- понять, что в жизни Я совершается посредством Другого, каков объем его вкладов в эту жизнь;
- осуществить Я-обобщение своей активности и своих рефлексивных шагов во всех измерениях со-бытия с Другим, выйти на уровень «рефлексии своей рефлексии»;
- допустить мощь «неизвестного Я» в соотношении с «известным Я», понять, что сознание, рефлексия есть «тайна бытия в полном свете»;

- поставить под сомнение успешность своих усилий по реализации тех или иных возможностей Я, адресованных себе и Другому;
- поставить перед собой и Другим вопрос о выявлении новых возможностей Я и Другого, родившихся во взаимодействии и соприсутствии;
- создать проект отношений с Другим и инициировать новый цикл реализации возможностей Я для умножения возможностей Другого.

Возможности Я рефлексивно открываются личности в связи с «невозможностями Я» или ее «не могу». Например, Я не может с достоверностью узнать для себя, как объекты мира даются Другому и только ему; каким Другой является сам-для-себя; каким Я предстает взгляду Другого; как Другому непосредственно даны отношения Я с другими значимостями; как меняется отношение Я к Другому в присутствии третьих лиц; какова загадка присутствия Я-в-Другом, неосознаваемого Другим; каков внеличный смысл того, что Я и Другой вручены и поручены друг другу.

Возможности Я в отношении к Другому различаются по степени **доступности для рефлексии и реализации**. Есть возможности, которые не открылись в рефлексии и не апробированы во взаимодействии с Другим, возможности, «хозяином которых Я не является». Есть возможности, не известные и не востребованные Другим, то есть «мертвые возможности». Есть возможности, актуализирующиеся исключительно в присутствии Другого. Есть возможности, избыточные по отношению к запросам Другого. Есть возможности, от которых приходится отказаться в отношении к Другому. Есть возможности в отношении к Другому, выходящие за границы возможностей, характерных для других отношений к

значимостям. Есть возможности, переживаемые и осознаваемые как безграничные в совместном творчестве с Другим.

11. В отношении к Другому и иным значимостям Я становится **«возможностью самого себя»**. Я как «возможность себя», интегрирует интенции «могу», среди которых П. Рикер выделяет «Я могу говорить», «Я могу действовать», «Я могу рефлексировать», «Я могу рассказывать о себе», «Я могу быть ответственным за свои поступки» (7). В зависимости от встающих жизненных задач, Я актуализирует и обобщает определенные интенции, чтобы при решении задач получить новые основания «быть» и развиваться. В частности, если личность ставит задачу быть эффективной в **речевом диалоге** с Другим в плане интеллектуального, этического, экзистенциального развития и саморазвития обоих, то «возможность себя» может стать интегралом «Я могу говорить», «Я могу находиться в отношении к Другому», «Я могу расширять топологию своей жизни», «Я могу рефлексировать», «Я могу отвечать за ценностный смысл своих слов». При этом в развертке конкретного диалога речь Я существует в виде отдельных **высказываний**, а интенция «Я могу говорить» становится интенцией «Я могу высказываться». Вышеуказанный интеграл определяет Я как потенциального субъекта речевого диалога, способного выстраивать Путь своих высказываний в общем трехмерном пространстве, образуемом пространствами «**между-Я-и-Другим**», «**Я-в-Другом**», «**Другой-в-Я**».

3. Рефлексия возможности Я высказываться в диалоге с Другим

Представим концептуальную модель, соединяющую частные философско-психологические модели: модель высказывания, модель самопознания личности-автора в момент события высказывания, модель эффектов высказывания, модель рефлексии и

реализации возможности Я высказываться в диалоге с Другим. Основой моделей являются идеи А. Витгенштейна, М.М. Бахтина, П Рикера, М Фуко.

1) Начнем с известного определения **места высказывания** в речевой деятельности, принадлежащего М. М. Бахтину: «Речь может существовать в действительности только в форме конкретных высказываний отдельных говорящих людей, субъектов речи. Речь всегда отлита в форму высказывания, принадлежащего определенному речевому субъекту, и вне этой формы существовать не может» (1. С. 263). Речь-в-высказываниях имеет своего индивидуального автора, представляет собой единство внутренней и внешней форм речевой активности, существует в виде динамической связи отдельных речевых актов, транслирует от автора к адресату дискурсивную мысль, отмеченную их личными отношениями и оценками, является согласованной в своих грамматических и семантических структурах, доступной, понятной и функциональной. Бессознательные аспекты значений и смыслов речи отступают перед их сознательной организацией и логическим выражением. Она развернуто эксплицирует скрытые, свернутые интеллектуально-оценочные процессы, формирующие семантику слов и высказываний. Будучи «изречением мысли», речь сама является представлением и мышлением в их знаковом осуществлении и организацией в текст. Речь – «это не внешнее проявление мысли, но сама мысль» (12. С. 111).

2) Высказывание является **структурой слов**, где каждое находит и выражает свое значение через связи с другими. В высказывании рождается и передается адресату подвижный индивидуальный смысл слов автора, и в зависимости от точности общих значений слов и активности их смысловой трансформации, они

контекстуально обнаруживают свое знаковое, именуемое, метафорическое или символическое назначение. Высказывание при этом выступает преимущественно объективно-логическим, субъективно-понимающим или интуитивным. Содержание высказывания как нечто иное, в сравнении с содержаниями отдельных слов, ограничивает или расширяет, упрощает или углубляет их значения и смыслы.

3) Отношение между высказыванием и словом опосредуется **мыслью**, развивающейся в подвижном, живом взаимодействии понятий. Мысль и растворяет в себе отдельные понятия, и своим целостным влиянием определяет ведущее или подчиненное положение своих различных понятийных составляющих. Слова-носители понятий, творя и репрезентируя мысль в контексте высказывания, также приобретают статус его главных и дополнительных элементов. Высказывание в своих содержательных, структурных, интонационных, интенциональных и действенных аспектах позволяют словам проявить свои значения, удержать и связать их в процессе мыслеобразования, наполниться смыслом, показать свой вес в речевом дискурсе, воплотиться в жизненной практике личности. Кроме мыслимого содержания, в высказывании заключено нечто немислимое, соотношение которого с осознанной мыслью задает авторскую интенцию к продолжению мышления и речи. Возможность мыслить в зазоре известного – неизвестного, высказывать мысль и порождать смысл реализуется в жизни говорящего «постоянно возобновляемым вопрошанием о том, каким образом мысль может одновременно обретаться и вдали, и близ себя, как может она существовать под видом немислимого» (Там же. С. 345). Высказывания дают мысли **«время быть»**,

конституируют длительность, последовательность, континуум, порядок, возобновление интеллектуальной жизни личности.

4) Высказывание – это акт говорения, рассказа, диалога, беседы, общения, референции и самореференции. Это выраженная идея, сообщение или обращение, оценочное или критическое суждение, предписание, наказ или действие, адресованное автором другим людям либо самому себе. Оно представляет собой **самоценный фрагмент жизни** личности, момент ее переживаний, желаний, продвижения в познании и самопознании, способ самовыражения и творчества, средство его культурного самоопределения и вкладов в культуру. В своем предельном назначении как воплощения истины, высшего смысла, красоты и блага бытия, высказывания стремятся оперировать **именами** или словами, исчерпывающе, в экзистенциальной полноте определяющими объект. «Говорить или писать означает не высказывать просто какие-то вещи или выразить себя, не играть с языком, а идти к суверенному акту именованию, двигаться путем языка к тому месту, где вещи и слова связываются в их общей сути, что позволяет дать им имя» (Там же. С. 152). Индивидуально следовать этому проекту классического дискурса, значит раскрыть максимум возможностей речи-в-высказываниях как искусства жизни, увидеть свое существование в «блеске бытия языка».

5) Высказывание относится к конкретному факту реальности, отражает, копирует его, но при этом, по формулировке Л. Виттенштейна. «имеет намерение быть чем-то другим». Оно является **моделью реальности**, в которой заключена возможность чего-то нового, ожидание реализации этой возможности и проект изменения объекта высказывания в соответствии с ожиданием. Высказывание, по сути, является средством осознания, что нечто

возможно, инициативой осуществления возможности и методом преобразования объекта-референта. «Могу высказываться» означает «Могу влиять на то, о чем говорю». Высказывание является основным способом нашего понимания, описания и проблематизации мира, выражения нашего интеллектуального беспокойства, сомнения и проекции себя в будущее, вовлечения других личностей в деятельность, создающую ситуацию совместного бытия (2). Оптимальным эффектом высказывания является обновление объекта-референта и появление нового в личности и жизни автора и адресата.

6) Ориентируясь на объект, высказывание моделирует некоторое **событие**, связанное с ним. Это созерцание объекта, действия с ним, его собственная активность, взаимодействие с другими объектами, вовлеченность в активность других людей, проявление им определенных свойств, переход из одного состояния в другое и т. д. Моделируемое событие имеет транспективную направленность, объединяет прошлое и настоящее объекта, приобретает в процессе высказывания явные или неизреченные черты будущего. Высказывание «ведет» происходящее с объектом, обладает властью над ним, и в этой власти само перерастает в событие, вплетенное в бытие референта. Объект начинает воплощать представления, воображение, мысли, артикулированные высказыванием. Событийный аспект высказывания охватывает и автора, для которого «Я говорю» становится событием «творения реальности». Для адресата высказывания оно тоже может выступить значимым событием жизни, если раскрывает ему ранее неизвестные возможности отношения к объекту и к себе.

7) Высказывание в адрес Другого актуализирует способность Я представлять и мыслить о себе, «анализировать самого себя,

располагаясь, часть за частью, под взглядом рефлексии» (12. С. 111). Высказывание **рефлексивно** в плане его осознания и репрезентации субъектом как исходящего от Я, соотнесения его содержания и речевой формы с собой, присутствия Я в представлении и мысли, заключенных в высказывании, отношения автора к высказанному и занятия позиции, раскрывающей «судьбу» высказывания в мире Другого, в Другом, в самом себе, в текущей жизни. Рефлексия высказывания – это авторское **самопознание**, проблематизация себя в вопросах: кто именно говорит? это говорю Я сам? почему Я говорю? на какой объект направлено мое высказывание? о чем Я говорю? как Я говорю? насколько это значимо для меня? кому адресую высказывание? в какой ситуации находится то, о чем Я высказываюсь? в каких ситуациях находимся Я-автор и Другой-мой адресат? чего хочу достичь своим высказыванием? какой смысл я передаю в высказывании? какого ответа Я ожидаю от Другого? что и как он отвечает? удовлетворен ли я ответом? что изменилось в его отношениях и действиях вследствие моего высказывания и его ответа? что изменилось во мне? что нового появилось в нашем общении? что осталось невысказанным или несказанным нами? что это может быть? что я скажу далее? настроен ли Другой на продолжение диалога? и т.д. Постановка и ответы на данные вопросы может рассматриваться как **модель рефлексии** в контексте высказывания, или как процесс, подробно высвечивающий отдельные моменты Я-в-высказывании, или как свернутая, имплицитная активность мысли, направленная на себя-высказывающегося. Присутствие Я в высказывании, влияние Я на его конструктивные последствия для собеседников, рефлексия, определяющая продолжение речевого обмена, порождают новые возможности для развития автора.

8) Персональное авторство высказываний приобретает яркий, творческий характер при условиях их укоренения в живом сознании множества других людей, их адресации значимым другим, отношения автора к взаимодействию с Другим как «встрече» с близким Ты, достижения взаимного понимания высказываемых содержаний, присутствия Другого в высказываниях, продвижения автора в рефлексии высказываний, благодаря ответам адресата. Эти условия объединяются М.М. Бахтиным в категории **«диалогизм высказываний»** (1). Высказывание не является индивидуальным событием, а возникает в глобальном мире личностей, говорящих между собой, мире многогочия, в немолчном речевом потоке, захватившем бесконечное множество авторов и адресатов. Способом наиболее прочного слияния с общей речевой жизнью является конкретный диалог Я – Другой, утверждающий взаимную идентичность собеседников и их подобие многим другим говорящим, а также углубляющий самождественность автора и адресата. Высказывание существует как завершенное и целостное речевое явление, так как Другой вопрошает или сам является вопросом для автора, который дает ответ на поступивший запрос. В зрелом высказывании как моменте диалога реализуются притягательные и вдохновляющие смыслы и способы **ценностных жизнеотношений Я**, направленных на Другого. «Всякое высказывание претендует на справедливость, истинность, красоту и правдивость... И эти ценности высказывания определяются разными формами отношения к действительности, к говорящему субъекту и к другим» (Там же. С. 319).

9) Ценностный эффект высказывания может быть достигнут при занятии и рефлексии **Я** следующих **диалогических позиций**: Я обращается и отвечает Другому, участвуя в межличностном

взаимодействии; Я высказывается о Другом как герое своей речи; Я высказывается, откликаясь на интеллектуальную, эмоциональную, духовную силу Другого; Я высказывается от имени Другого, отождествляясь с ним; Я говорит, вызывая высказаться Другого; Я высказывается в ожидании определенного реагирования Другого; Я высказывается о себе, обращаясь к реальному и своему «внутреннему» Другому; Я высказывается о себе как «отраженном» в Другом; Я высказывается в адрес Другого от лица Третьего (коллективного Я, или других собеседников, или себя как бессознательного «Другого»); Я высказывается, обращаясь к контексту речевой жизни Другого и вводя его в собственную речевую жизнь; Я высказывается о себе, относясь к Другому и говорящем о нем; Я действует словом и вызывает Другого на действие или поступок; Я говорит о своих изменениях в результате высказывания и ответных действий Другого. В динамике диалога **Другой** мотивирует и располагает Я к высказыванию; влияет на его замысел, цель и содержание; задает его смысловые акценты; вызывает эмоционально-речевую экспрессию Я; ожидает прозрачности и понятности высказывания; рефлексировать свое отношение к высказыванию; ожидает новизны выражаемой мысли; понимает, интерпретирует, истолковывает, дополняет высказывание; высоко оценивает или обесценивает, принимает или отвергает, противодействует или поддерживает, сопротивляется или разделяет его, критикует или соглашается с ним; осваивает высказывание как модель своего будущего действия; отвечает и продолжает высказывание.

10) Речь личности в диалоге является постоянным прорывом туда, где нечто еще не состоялось, где мысль еще не родилась, где обитает неизвестное, где таится неизвестное Я в отношении к

загадочному Ты. Присутствие в высказываниях неведомого Я «непрестанно призывает человека к **самопознанию**» (12. С. 344). Познание себя является одной из возможностей Я, высказывающегося в диалоге с Другим, наряду с возможностями породить совместный текст, участвовать в бесконечном процессе межличностного воссоздания и обновления значений и смыслов слов, трансформировать словесные знаки в имена, генерировать и передавать мысль, моделировать и обновлять реальность, освещенную в речи. А также возможностями познавать Другого, рефлексировать высказывания в речевом диалоге и происходящие изменения объекта-референта, Другого, самого себя, превращать высказывание в значимое событие жизни Я и Другого, восходить в высказывании на уровень диалогичности, осуществлять свои ценностные жизнеотношения в форме высказывания. Возможность самопознания в **речевом диалоге**, а также возможности самообозначения, самоинтерпретации, высказываний о себе, являются перспективой для идентификаций, сохранения и изменения автором себя, для преобразования объекта и адресата в своих ценностных измерениях.

11) Высказывание о себе-для-себя, соединяясь с высказыванием, направленным адресату, может фиксировать эффекты, ожидаемые и произведенные автором в адресате, которые указывают на степень достижения целей высказывания, поставленных перед собой автором. В процессе свободного совместного воссоздания и обновления ценностей рождаются следующие **эффекты высказывания**: понимание, принятие адресатом нового знания, глубже освещающего объект; признание адресатом правды об объекте; постановка адресатом вопроса о значимом неизвестном в объекте; нахождение адресатом проблемы, побуждающей к

творчеству; выраженное адресатом сомнение, побуждающее к размышлениям; выражение интереса к тайне, заключенной в высказывании; принятие адресатом этической установки, выраженной в высказывании; согласие адресата на помощь, поддержку автора; нахождение адресатом наилучшего решения высказанной автором проблемы; выражение адресатом своей нравственной позиции; отклик адресата на высказанное впечатление о красоте; выражение адресатом своего впечатления, понимания прекрасного; искренний ответ на послание любви; выражение адресатом любви к автору; дружеский, поддерживающий ответ адресата; согласие адресата на продолжение диалога, выражение заинтересованности в сообщениях автора; юмористический ответ, остроумный отклик адресата; одобрение адресатом предложенных автором действий; выражение адресатом готовности действовать, поступать в ответ на инициативу автора; сообщение адресата о замысле конструктивной деятельности; откровенное высказывание адресата о себе; выражение адресатом чувств радости, счастья, вдохновения, восхищения и т. д. Соответствие откликов адресата целям высказывания, данное автору в самопознании, позволяет ему включить этот новый факт своей эффективности в структуру «Я сам» и высказаться об этом.

12) Событие высказывания, несущего ценностные смыслы, открывает перспективу поступательной рефлексии личностью **возможности Я высказываться** в диалоге. Промоделируем данную рефлексию, основываясь на приведенной выше модели возможностей Я в отношении к Другому. Акцентируем трехмерную топологию осознания пути высказывания, которая охватывает пространства «между-Я-и-Другим», «Я-в-Другом»,

«Другой-в-Я». Приведем модель рефлексивной практики, направленной на полноту реализации интенции «Я могу высказываться»:

- Я откликаюсь на речевой запрос, вопрос, призыв Другого во встрече и взаимодействии с ним?
- Я осознаю положение, состояние, ситуацию, в которой нахожусь?
- Я знаю, какого высказывания Другой может ждать и принять от меня?
- Я учитываю речевой контекст его и моей жизни, нашего предшествующего общения?
- Я понимаю состояние (переживания, внимание, интерес, расположение, ожидания) моего собеседника?
- Я знаю, какой смысл я хочу транслировать Другому и какой цели намерен достичь посредством высказывания?
- Каково должно быть содержание моего высказывания, чтобы оно отражало мысль и смысл, предназначенные Другому?
- Какова наилучшая речевая форма передачи моей мысли и смысла?
- Как Я оцениваю факт своего высказывания и способ его передачи Другому?
- Каким я был в качестве высказывающегося?
- Каково отношение Другого к моему высказыванию?
- Что знал и чего не знал обо мне собеседник в момент высказывания?
- Был ли Я тем, чье высказывание имеет ценность для Другого?
- Каким был Другой в отношении к моему высказыванию и ко мне как его автору?

- Каков будет отклик, ответ Другого мне, в соответствии с тем, каким Я предстал для него?
- Как я понимаю и оцениваю ответ Другого с точки зрения соответствия моим ожиданиям?
- Каким был эффект моего высказывания для Другого, отразился ли этот эффект в его ответе мне?
- Соответствовал ли эффект моего высказывания его замыслу и цели?
- Что нового я узнал о себе как авторе высказываний и источнике речевых влияний на Другого?
- Готов ли Другой к принятию новых высказываний от меня
- Был ли Я достаточно эффективен в своем высказывании и состоятелен в качестве высказывающегося?
- Чего я не знаю о себе и Другом в плане продолжения диалога между нами и достижения взаимных позитивных результатов?

Данная модель демонстрирует путь высказывания, рефлексивно прокладываемый и воссоздаваемый Я в диалоге с Другим. Она может рассматриваться как практика самопознания, встроенная в диалог, практика саморазвития на основе ретроспективного исследования себя и своих высказываний, практика формирования отношения к Другому в речевом «срезе» совместного бытия. Диалог выступает обменом высказываниями Я и Другого, протекающим в трехмерных пространствах жизни каждого. Это раскрывает его в персонологических тонкостях, ускользающих от взгляда других гуманитарных наук.

Итак, в развитие «персонологии Я» как важнейшей теоретико-практической области общей персонологии разработана герменевтическая модель возможностей Я в отношении к Другому. Она получила конкретизацию и преломление в модели

высказывания, в модели самопознания автора в момент высказывания, моделях Я-позиций в высказывании и эффектов высказывания, в модели рефлексии возможности Я высказываться в диалоге.

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство. 1986.
2. Витгенштейн Л. Лекции: Кембридж. 1930 – 1932. // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М.: Прогресс. Культура. 1993. С. 273 – 310.
3. Петровский В.А. Логика «Я»: персонологическая перспектива. Самара: Изд-во САМГУ. 2009.
4. Петровский В.А. Начала персонологии «Я»: существует ли ее предмет? // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию В.П. Зинченко. / Под ред. Т.Г. Щедриной. М: РОССПЭН. 2011. С. 200 – 215.
5. Петровский В.А. Человек над ситуацией. М.: Смысл. 2010.
6. Петровский В.А., Старовойтенко Е.Б. Наука личности: четыре проекта общей персонологии. / Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т.9. № 1. 2012. С. 21 – 39.
7. Рикер П. Я-сам как другой. М.: Издательство гуманитарной литературы. 2008.
8. Сартр Ж.П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика. 2002.
9. Старовойтенко Е.Б. Достижение себя в отношении к Другому. / Мир психологии. №2. 2013. С. 71 – 85.
10. Старовойтенко Е. Б. Новая персонология – интегральная наука о личности. / Мир психологии. № 3. 2012. С. 59 – 71.

11. Старовойтенко Е.Б. Персонология отношения к себе: культурная транспектива. // Мир психологии. №4. 2010. С. 13 – 25.
12. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.:А – cad. 1994.
13. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика. 1993.